This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

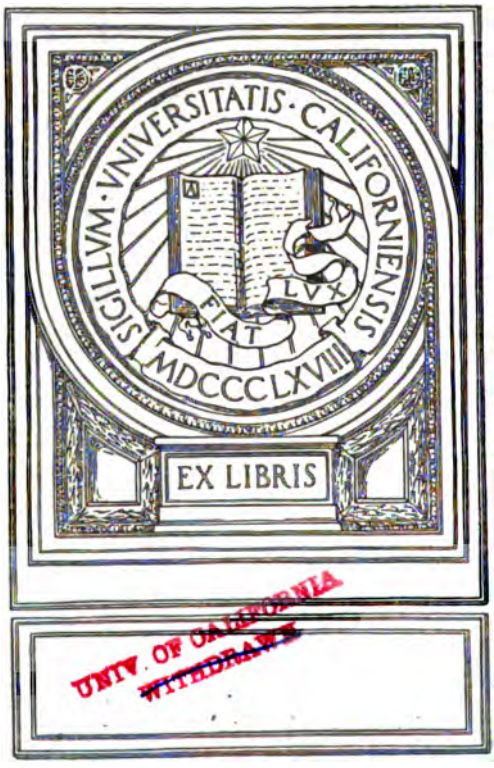
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

18057
P.M
905
XII



UNIV. OF CALIFORNIA
WITHDRAWN

UNIV. OF CALIFORNIA
WITHDRAWN

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Лит. Об. Со

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

UNIV. OF CALIFORNIA

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1905.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1906 ГОДЪ

на прежнихъ условіяхъ.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ

журнала „Русская Мысль“,

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народныя библіотеки и читальни.

Ремезовъ, М. Н. Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.

Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 5 к.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. На клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Прусъ, Болеславъ. Изъ воспоминаній циклиста. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изданіе 2-е, удешевленное. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

Digitized by Google

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

UNIV. OF CALIFORNIA

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1905.

Digitized by Google

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пимен. ул., собств. домъ.
1905.

Digitized by Google

AP50
K875
v.26:12
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ЛИЗА. Повѣсть.—**Н. И. Тиховскаго** 1

II. ПАЯЦЪ. Разсказъ Карла Эмиля Француза. Переводъ съ нѣмецкаго.—**Н. К.** *Окончаніе* 28

III. НА РАБОЧЕМЪ КЛАДБИЩѢ. Изъ моихъ юношескихъ воспоминаній.—**Н. А. Рубакина** 93

IV. СВОЕЙ ДОРОГОЙ. (Очеркъ изъ жизни крестьянской молодежи).—**С. В. Аникина**. 144

V. КЪ ИСТОРІИ НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ УСТАВОВЪ — **В. А. Воробьева**. 1

VI. ЭТИКА НИЦШЕ.—**В. М. Хвостова**. *Окончаніе* 11

VII. БЕНЖАМЕНЪ КОНСТАНЪ И ЕГО УЧЕНІЕ О ЛИЧНЫХЪ ПРАВАХЪ. (*George de Lauris*. Benjamin Constant et les idées libérales. Paris, 1904).—**О. И. Рудченко** 42

VIII. СТАРАЯ КНИГА ОБЪ АНГЛІЙСКОЙ КОНСТИТУЦІИ. (Замѣтки современнаго русскаго читателя).—**В. Н. Сторожева** . 73

IX. ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.—**С. Никольскаго**. 86

X. ГРОЗНЕНСКОЕ НЕФТЯНОЕ ДѢЛО.—**И. Н. Стрижова**. . . . 93

XI. ТАРДЪ КАКЪ КРИМИНАЛИСТЪ. († 12 мая 1904 г.).—**Н. Н. Полянскаго**. 109

XII. «ГИГІЕНА ДУШИ» И БЮРОКРАТІЯ.—**В. К. Хорошка** . . . 125

XIII. А. Ѳ. КОНИ. СУДЕБНЫЯ РѢЧИ. (Изданіе четвертое, значительно дополненное. Спб., 1905 г.).—**Н. В. Давыдова**. . . 157

85278

Digitized by Google

Стр.

XIV. СЪѢЗДЫ ЗЕМСКИХЪ И ГОРОДСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ И ВОПРОСЪ ОБЪ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ПРАВАХЪ ЖЕНЩИНЪ.—Н. Мировичъ 164

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 172

XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 208

XVII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.—Ю. А. 214

XVIII. ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ. (О пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ.) 227

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы.—Политическая экономія, статистика.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Книги для народа.—Книги для дѣтей, учебники, пособія.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1905 г.—III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1905 г. 427

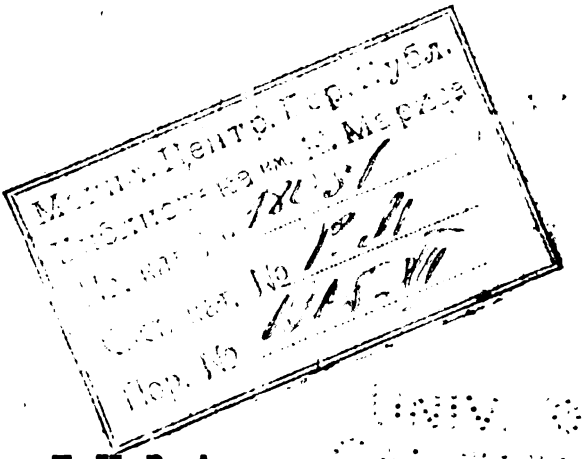
XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи **хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ** со дня отправки извѣщенія автору, а **по истеченіи этого срока уничтожаются.**

Непринятыя редакціей стихотворенія **не сохраняются. Авторы, въ теченіе** 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго **отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями** по своему усмотрѣнію. **По поводу непринятыхъ стихотвореній** редакція не **входитъ въ переписку.**

Digitized by Google



ЛИЗА.

Повѣсть.

I.

Утромъ, если была хорошая погода, мамочка, опираясь на плечо Лизы, шла въ сосновую рощу, гдѣ докторъ велѣлъ ей проводить цѣлые дни. Тамъ она усаживалась поудобнѣе и, вдыхая смолистый запахъ, читала что-нибудь, шила или просто отдыхала.

Лиза, играя невдалекѣ въ куклы, все время наблюдала за мамочкой. Она видѣла по лицу ея, что мамочка чувствуетъ себя легче, спокойнѣе,—и радовалась. Давно уже Лиза не была такой счастливой: теперь она одна съ мамочкой на дачѣ! Младшихъ дѣтей оставили въ городѣ, потому что они безпокоили и утомляли маму, а Лизу взяли, чтобы помогать ухаживать за мамочкой. Папа пріѣзжалъ только по субботамъ, кухарка то и дѣло пропадала куда-то, а Лиза находилась неотлучно при матери и каждую минуту чувствовала, что она, Лиза, нужна ей. Никогда еще, кажется, Лиза не обожала такъ свою больную, слабенькую маму, какъ теперь, никогда еще ея дѣтское сердце не было до такой степени переполнено и любовью, и заботой, и радостью, и грустью, и никогда еще она не была такой тихой, умной и взрослой дѣвочкой, какъ въ эти хорошіе дни...

Въ полдень Лиза бѣжала домой за парнымъ молокомъ, которое мама должна была выпивать въ лѣсу, а въ 4 часа возвращалась съ мамочкой въ дачу, гдѣ укладывала ее на маленькомъ диванчикѣ. На ночь она натирала мамѣ грудь и спину мазью, подавала лѣкарство и, наконецъ, сама укладывалась, молясь въ душѣ Богу, чтобы завтра опять была хорошая погода.

Къ ночи мама очень уставала, кашляла и, принявъ лѣкарство, валилась въ изнеможеніи на подушки. Лицо ея въ это время было больнымъ и мрачнымъ; вѣки безпокойно вздрагивали. Лиза знала,

Digitized by Google

что мама долго не уснетъ, все будетъ кашлять и ворочаться подъ одѣяломъ, тяжело вздыхать, зажигать свѣчку. Ей хотѣлось прижаться головой къ мамочкиной постели и просидѣть такъ до утра. Но мама гнала ее спать, разсѣянно прощалась съ нею, нетерпѣливо говорила:

— Иди, иди!—и поворачивалась лицомъ къ стѣнѣ.

Лиза чувствовала тогда, что мамѣ не до нея, выходила на цыпочкахъ въ сосѣднюю комнату, тихонько укладывалась на замѣнявшіе ей постель связанные стулья, но долго не засыпала, ворочаясь на жидкомъ тюфякѣ и все прислушиваясь, какъ скрипитъ мамочкина кровать и какъ тяжело дышитъ мама.

Но случалось, хотя и рѣдко, что мама, цѣлуя Лизу на ночь, говорила съ чувствомъ:

— Прощай, моя добрая дѣвочка!—и крестила ее.

Тогда Лиза принималась жадно цѣловать ее въ глаза, въ губы, въ худенькую, нѣжную шею, и, придя къ себѣ въ комнату, вся въ слезахъ бросалась на свою убогую постель; уткнувъ голову въ подушку, замирая отъ сладкаго и остраго до боли чувства, она старалась заглушить рыданія, отъ которыхъ содрогалось все ея маленькое тѣло...

II.

Однажды, сидя съ мамой въ рощѣ, Лиза увидала издали свою двоюродную сестру, Любу, взрослую дѣвушку, пріѣхавшую изъ Москвы. Она торопливо шла къ нимъ, въ своемъ старенькомъ пальто и шляпѣ съ перышкомъ, и привѣтливо махала имъ зонтикомъ.

Лиза поняла, что она пріѣхала ухаживать за мамой, и сердце ея заныло.

Люба умѣла дѣлать все лучше нея и, кромѣ того, она была взрослой: съ ней мама могла читать вмѣстѣ, разговаривать. И Лиза почувствовала себя съ этого дня ненужной, одинокой. Она завидовала Любѣ и злилась на нее, а потомъ злилась на себя за такія дурныя чувства, ходила какъ потерянная, скучала, хандрила. Иногда она, выбравъ удобную минуту, кидалась цѣловать маму, а мама говорила съ досадой:

— Ну, что ты все цѣлуешься?—и начинала задыхаться отъ кашля.

— Безстыдница!—сердилась Люба.—Большая дѣвочка, а не понимаетъ, что у нея мать больна, что ее нельзя раздражать. У нея отъ всякаго движенія дѣлается кашель... Уйди лучше!

Digitized by Google

Лиза уходила, мучась за маму и за себя. О, она хорошо знала, что мамочку безпокоить нельзя, но она не понимала, за что мама не любитъ ея? Она вспоминала время, когда онѣ были вдвоемъ съ мамой,—и обида ныла въ ней, горькія мысли одна за другой лѣзли въ голову, и Лиза, какъ ни старалась, не могла перестать думать все о разномъ жалкомъ и гадкомъ...

Вспоминалось ей, какъ зимой мама съ папой поссорились за обѣдомъ. Папа, съ злымъ лицомъ, ѣлъ дрожащей рукой супъ, а мама глотала слезы и ничего не ѣла... Потомъ мама сказала что-то... Папа закричалъ страшнымъ голосомъ, бросилъ тарелку на полъ и ушелъ въ кабинетъ. Дѣти въ испугѣ разбѣжались, а мама пошла къ папѣ, и лицо у нея въ это время было такое больное, блѣдное, измученное... Лиза надѣла пальто и пошла за дѣтьми на дворъ, но остановилась на лѣстницѣ и заплакала... Наступили сумерки, на лѣстницѣ было темно и холодно, но Лиза все стояла у перилъ и чего-то ждала. Вдругъ дверь наверху хлопнула, и кто-то вышелъ... Это была мама. Не замѣтивъ въ темнотѣ Лизы, она быстро спустилась съ лѣстницы и пошла по двору. Вся охваченная любовью и жалостью къ мамѣ, Лиза чуть не скатилась съ лѣстницы и догнала маму. Мамочкино лицо было закрыто вуалью, но она сейчасъ же замѣтила, что оно было заплакано. Лиза схватила ее за шубу и стала черезъ шубу цѣловать ее, а мама, не помня себя, молча оттолкнула ее и быстро прошла мимо. Тогда Лиза пошла домой... Тамъ было тихо. Отецъ спалъ, нянька съ кухаркой сидѣли за самоваромъ и вполголоса разговаривали. Лиза, не раздѣваясь, прошла въ полутемную спальню, гдѣ горѣла мамина лампадка, и легла на постель. Ей было невыносимо грустно и страшно и хотѣлось умереть...

И другой случай вспоминался Лизѣ. Это было давно и тоже зимой. Вечеромъ папа съ мамой должны были ѣхать на какую-то свадьбу. Въ сумерки дѣтямъ налили чаю и принялись будить папу. Онъ вышелъ изъ кабинета въ старомъ парусинномъ пиджакѣ, съ огромными отвислыми карманами, весь растрепанный и все еще сонный; ворча и отплевываясь во всѣ стороны, онъ шелъ въ кухню умываться, а Лиза слѣдовала за нимъ, неся чашку только что налитаго чаю. Вдругъ она замѣтила, что изъ кармана папина пиджака свѣсилась голова и лапки котенка; онъ, должно быть, залѣзъ въ карманъ, когда папа спалъ, и заснулъ тамъ преспокойно. Это было такъ смѣшно, что Лиза расхохоталась. Котенокъ зашевелился, папа сунулъ руку въ карманъ и, нащупавъ котенка, шваркнулъ его объ полъ; а Лиза, вся трясясь отъ смѣха, опрокинула себѣ на руку чашку и закричала не своимъ голосомъ. Отецъ, не разобравши дѣла, хлестнулъ ее полотен-

Digitized by Google

цемъ, но потомъ схватилъ ее за руку и крикнулъ, чтобы терли скорѣе картофель. Прибѣжала мама... Вся кожа на рукѣ была обварена, и Лиза выла отъ боли. Долго прикладывали тертый картофель, пока боль не затихла немножко. Мама ушла одѣваться, и когда Лиза вышла въ залу, она такъ и обомлѣла отъ восхищенія, даже перестала чувствовать боль: въ залѣ передъ зеркаломъ стояла мама, съ блѣдной розой въ своихъ густыхъ, почти черныхъ волосахъ, съ розовымъ газовымъ шарфомъ на плечахъ... Такой хорошенькой Лиза никогда еще не видала ея! Мама была веселой, но какой-то странной: она точно не видѣла дѣтей; и Лизѣ представлялось, что это не ея мама, а какая-то чужая, непонятная... Папа, въ новомъ сюртукѣ, причесанный на косой проборъ, былъ тоже веселъ и показался Лизѣ какъ-то милѣе, чѣмъ мама: у него было такое лицо, точно онъ собирался разсказать что-то забавное... Мама все торопилась и уѣхала, не простясь съ дѣтьми, чего прежде никогда не случалось. Лиза послѣ этого опять почувствовала боль въ рукѣ; она цѣлый вечеръ ходила по опустѣвшимъ комнатамъ и думала, что если мама не любитъ ея, то и она не хочетъ любить маму. А ночью видѣла все такіе тоскливые, страшные сны...

И многое обидное и жалкое приходило ей теперь на память, когда она одна гуляла въ сосновой рощѣ или сидѣла, тоже одна, въ палисадникѣ. Люба большею частію читала что-нибудь мамѣ или разговаривала съ нею, и, если Лиза подсаживалась къ мамочкѣ, ее отсылали, говоря:

— Иди, иди къ дѣтямъ... Иди, займись чѣмъ-нибудь или погуляй.

И Лиза уходила, терзаясь мыслью: за что мама не любитъ ея и что надо сдѣлать, чтобы ее полюбили?..

III.

Однажды, уныло слоняясь по своему палисаднику, обсаженному липками, Лиза ломала голову, раздумывая все о томъ же: чѣмъ бы обратить на себя вниманіе мамочки и показать ей свою любовь и заботу?

Взглядъ ея упалъ на рядъ молоденькихъ липокъ: онѣ такія прямыя, хорошія, только кора у нихъ сѣрая, грязная. Если ихъ хорошенько выскоблить ножомъ, онѣ станутъ гораздо красивѣе: тогда Лиза позоветъ мамочку къ окну, и мама обрадуется, увидя, какъ стало чисто и красиво въ палисадникѣ... Лиза со всѣхъ ногъ бросилась въ кухню, схватила потихоньку ножикъ и принялась лихорадочно за работу.

Digitized by Google

Она соскабливала кору, захватывая какъ можно выше, и представляла себѣ радостное удивленіе мамочки, которая сразу пойметъ, что это для нея Лиза такъ старалась, и похвалитъ ее...

Потъ лился градомъ съ лица дѣвочки, правую руку жестоко ломило, но она продолжала скоблить ножомъ. Вдругъ кто-то разразился грубой бранью:

— Ахъ ты, пострѣленышъ! Ахъ, ты...

Лиза, не помня себя, бросилась въ комнаты... Дачная хозяйка, съ ругательствами и проклятіями, пришла жаловаться. Подъ окнами показался хозяинъ, большой рыжій мужикъ, и долго кричалъ, требуя деньги за испорченныя деревья. Лиза спряталась въ темномъ углу и дрожала отъ страху...

Но вотъ ее позвали къ мамѣ. Мама сидѣла въ постели, вся согнувшись отъ кашля, а Люба, съ испуганнымъ лицомъ, терла ей грудь...

— Гадкая... дѣвчонка!..—говорила мама въ промежуткахъ между кашлемъ.—Что ты... надѣлала? Ты уморишь меня... Они отцу пожалуются... Пріѣдетъ отецъ,—опять крики, брань... Онъ исколотитъ тебя... Боже мой, что это... за жизнь?!.. Проклятіе какое-то... Затворите окна... Когда они перестанутъ кричать? Умереть бы... поскорѣе...

IV.

Нѣсколько дней Лиза прожила въ ожиданіи чего-то ужаснаго: въ субботу пріѣдетъ папа,—и тогда что будетъ?

— Господи, сдѣлай такъ, чтобы папа не пріѣхалъ!

Но еще больше мучилась Лиза отъ мысли, что мамѣ опять стало хуже.

— Это ты разстроила маму!—говорила ей сердитымъ голосомъ Люба.

Лизѣ было и больно, и стыдно: вотъ какъ она порадовала маму! Теперь мама въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что ей не жалко ея... Ей хотѣлось броситься къ мамочкѣ и цѣловать ея платье, но она не смѣла подойти и цѣлый день или бродила одна въ рощѣ, или сидѣла у себя въ комнатѣ, забившись въ уголъ.

Никто не вспоминалъ о ней, она чувствовала себя покинутой всѣми, забытой. Много разъ она принималась плакать, но никто не замѣчалъ ея слезъ. Мама заперлась въ спальнѣ съ Любой; та выбѣгала оттуда съ безпокойнымъ лицомъ и, проходя мимо Лизы, бросала на нее разсѣянный взглядъ; потомъ, взявъ какую-нибудь вещь, опять запиралась въ спальнѣ...

Digitized by Google

На другой день утромъ Лиза ворвалась въ спальню. Мама сидѣла въ креслѣ у постели, такая худая, слабая, съ такими большими глазами, и разговаривала тихонько съ Любой.

— Мамочка, простите меня!.. Я не буду больше...—произнесла Лиза и стала цѣловать одѣяло, покрывавшее мамины ноги.

— Ну, хорошо...—просто сказала мама.—Иди, гуляй.

И она опять заговорила съ Любой...

Лиза стояла въ столбнякѣ.

— Иди же, погуляй,—повторила мама.

Лиза вышла. Прощеніе не обрадовало ея, а еще больше огорчило. Ей хотѣлось разсказать мамѣ, какъ она перемучилась и за нее, и за себя, какъ она любитъ маму, какъ жалѣетъ ее... а тутъ вдругъ: «иди, погуляй!» Лизѣ стало скучно и непривѣтно, и опять страхъ передъ отцомъ охватилъ ее и невыносимо давилъ душу. Съ ужасомъ представляла она себѣ его угрожающее лицо, страшную минуту встрѣчи съ нимъ, и у нея мелькало въ головѣ: «Не притвориться ли больной?...»

V.

Папа пріѣхалъ, вмѣсто субботы, въ пятницу и захватилъ Лизу врасплохъ. Пріѣхалъ онъ сердитый и разстроенный. Онъ почти всегда пріѣзжалъ сердитый и разстроенный: дѣла его по службѣ шли все хуже, а болѣзнь мамы мучила и раздражала его...

Заслышавъ гнѣвный голосъ отца, Лиза спряталась на задахъ дачи, но хозяйка выслѣдила ее и стала кричать ей черезъ окно:

— Нѣтъ, врешь,—не спрячешься! Я ужъ сказала отцу про твои пакости... Онъ съ тобой по-свойски раздѣлается!

На крыльцо вышелъ папа и закричалъ злымъ голосомъ:

— Лизавета!

У Лизы упало сердце. Ей хотѣлось убѣжать, но ноги ослабли отъ страха и дрожали; она какъ-то сразу вся отяжелѣла, устала. А хозяйка продолжала выкрикивать изъ окна злорадно:

— Иди-ка, иди на расправу! Нечего тутъ!

— Лизавета!—крикнулъ еще разъ папа, стоя на верхней ступенькѣ крыльца и высматривая.

Лиза медленно поплелась къ крыльцу, а когда подошла и увидѣла сверкающіе гнѣвомъ глаза папы, то стала задыхаться отъ испуга... Папа снялъ ремень съ живота, и тогда Лиза, не помня себя отъ страха, сѣла на землю; онъ же схватилъ ее и сталъ стегать ремнемъ... Лиза билась, кричала: «не буду! не буду!» просила прощенья, на-

Digitized by Google

зывала папу со страха разными ласковыми именами, но онъ продолжалъ сѣчь, приговаривая:

— А вотъ когда не будешь, тогда и я не буду...

Наконецъ, онъ ушелъ въ комнаты, а Лиза продолжала сидѣть на землѣ, дрожа и задыхаясь отъ слезъ. Ей было больно, но еще обиднѣе было то, что она называла папу ласковыми именами, просила его, клялась искренно, а онъ не понялъ, не повѣрилъ и не простилъ. И за это она теперь ненавидѣла папу...

— Съ легкимъ паромъ!—поздравила ее хозяйка изъ окна.

Лиза и хозяйку ненавидѣла. Она сидѣла на землѣ и плакала злыми слезами, пока не вышла къ ней Люба.

— Ну, что, дождалась?—сказала она, жалѣя Лизу.

Она подошла къ ней и стала поднимать ее съ земли; но Лиза не хотѣла вставать и толкала ее локтемъ.

— Ну, ужъ будетъ, будетъ злиться,—сказала ласково Люба.

Лиза еще больше заплакала и говорила, икая отъ слезъ:

— Дай Богъ... чтобы... папа... умеръ.

Лицо Любы стало испуганнымъ и какъ будто сердитымъ, а глаза сразу покраснѣли.

— Ахъ ты, злая дѣвочка!—громко зашептала она.—Ты не понимаешь, что говоришь... Это—такой великій грѣхъ... Нельзя на отца злиться. Его жизнь тоже не легкая. Онъ вѣдь тоже разстроенъ тѣмъ, что мама все больна. И по службѣ у него непріятности, и устаетъ онъ, и денегъ не хватаетъ. Ты должна понимать это; ты не маленькая: тебѣ ужъ, кажется, десятый годъ.

Она долго говорила, потомъ увела Лизу въ комнаты, принесла ей кусокъ ситника и чашку снятого молока, причесала ея вѣчно вихрастые волосы, а сама все продолжала говорить ласковымъ полушопотомъ, безпокойно оглядываясь на дверь всякій разъ, какъ слышались голоса папы и мамы. Наконецъ, она не выдержала.

— Ты посиди тутъ, а я сейчасъ вернусь,—сказала она и вышла изъ комнаты.

Лиза, облокотясь на подоконникъ, смотрѣла вспухшими отъ слезъ глазами въ маленькое окошко, изъ котораго видны были часть зеленой загородки около дачи и красная скамейка возлѣ калитки. Влѣво виднѣлся погребъ, у котораго нѣсколько куръ заботливо вырывали себѣ ямки: онѣ разбрасывали лапками землю, потомъ примѣривалась къ ямкамъ, садясь въ нихъ,—и опять вскакивали, и опять рыли. Двѣ курицы уже усѣлись въ ямки; онѣ поправлялись и охорашивались, забавно посматривая вбокъ своими желтенькими глазками. Лп-

Digitized by Google

зѣ хотѣлось пойти къ курамъ, взять ихъ въ руки, погладить: «онѣ такія теплыя, мягкія!...»

Вдругъ мама закашлялась, а потомъ раздался раздраженный голосъ папы: «Надоѣли вы мнѣ всѣ! Собачья жизнь!» Лиза вздрогнула и стала прислушиваться.

Сдѣлалось опять тихо, было слышно только, какъ мама кашляетъ, уткнувъ голову въ подушку. И среди этой жуткой тишины вдругъ встало передъ Лизой одно далекое, смутное и страшное воспоминаніе.

Представляется ей, что она проснулась ночью, чувствуетъ, что ей холодно, что ее несутъ куда-то, ощущаетъ на себѣ чьи-то руки, хочетъ повернуть голову, но она закутана чѣмъ-то... Кто-то открываетъ ее и шепчетъ: «Молчи, молчи»... Она спрашиваетъ: «Куда? куда?» Ей отвѣчаютъ: «Наверхъ, къ батюшкѣ», и бѣгутъ съ нею по холоднымъ, темнымъ сѣнямъ, потомъ подымаются наверхъ по темной лѣстницѣ. Лиза чувствуетъ страхъ и холодъ, дрожитъ и плачетъ. Ее вносятъ въ освѣщенную ночникомъ хозяйскую кухню. На кухаркиной кровати сидитъ полураздѣтая мама; тутъ же сестра священника и кухарка. Мама плачетъ, ее утѣшаютъ. Лиза слышитъ разговоръ о томъ, какъ папа хотѣлъ зарѣзать маму бритвой, какъ она выбѣжала раздѣтая и спряталась за сугробъ. Лизу охватываетъ ужасъ и жалость къ мамѣ, а папа кажется ей жестокимъ, страшнымъ, чудовищнымъ; самое слово «бритва» возбуждаетъ въ ней дрожь.

И теперь воспоминаніе о бритвѣ заставляетъ ее содрогаться. Чутко и тревожно прислушивается она къ молчанію, каждую минуту ожидая чего-то страшнаго; но молчаніе продолжается слишкомъ долго, и она устаетъ прислушиваться.

Въ комнатѣ темнѣло. Солнце закатывалось за лѣсъ, и деревья въ палисадникѣ стояли передъ окномъ какъ-то особенно тихо, задумчиво и мрачно. Гдѣ-то мычала корова, слышались грубые голоса чужихъ людей. Лизѣ стало грустно и жутко, и казалось, что теперь ей ужъ всегда будетъ такъ грустно и одиноко.

— Да дайте же мнѣ хоть на минуту покою!—вдругъ закричалъ папа бѣшенымъ голосомъ.

Лиза слышала, какъ мама кашляетъ и стонетъ, какъ Люба сердито говоритъ что-то папѣ, а папа громко плюетъ и выкрикиваетъ: «А будьте вы прокляты!» и съ громомъ швыряетъ что-то на полъ. Потомъ до Лизы донеслись заглушенныя рыданія мамы и ея захлебывающійся голосъ:

— Мучитель! Мучитель!

Лиза бросилась уже къ двери, но вспомнила, что тамъ отецъ, и

Digitized by Google

остановилась. Сердце въ ней разрывалось отъ жалости къ мамочкѣ. Она опять ненавидѣла папу; ей хотѣлось кричать, но она не смѣла. Ломая до боли свои похолодѣвшіе пальцы, она бросилась на колѣни и стала молиться. Ей вспомнилось вдругъ, какъ мама давно еще разсказывала Любѣ, что за нее раньше сватался офицеръ, молодой и красивый: онъ нравился ей, но мачеха не согласилась выдать ее. «А вотъ теперь мама больная, несчастная; папа мучитъ ее, кричитъ на нее, а она такая слабенькая». И Лиза, внѣ себя, повторяла безъ конца шопотомъ, стоя на колѣняхъ и плача:

«Господи, Господи, сдѣлай такъ, чтобы мама выздоровѣла!»— и мысленно добавляла:—«Сдѣлай такъ, чтобы она вышла за офицера!»

Но она не выговаривала этихъ словъ, смутно понимая, что папа долженъ тогда какъ-нибудь исчезнуть, умереть, и когда она думала объ этомъ, ей дѣлалось страшно и какъ будто жаль папу.

Уставъ молиться и чувствуя боль въ колѣнкахъ, Лиза, вся какая-то разслабленная, прилегла на постель и, сквозь дремоту, представляла себѣ, какъ она отыскиваетъ этого офицера, какъ мама выходитъ за него замужъ: ей хорошо, весело, она выздоровѣла, смѣется, радуется и «такъ любитъ, такъ любитъ меня за это!... потому что вѣдь это я все такъ хорошо устроила... А папа... Онъ тоже какъ-нибудь живетъ... гдѣ-нибудь далеко... и вовсе даже не сердится на меня»...

VI.

У Лизы бывали дни дѣловые и дни бездѣльные.

Въ дни дѣловые она съ утра чувствовала себя особенно бодрой. На нее нападала необыкновенная любовь къ порядку, чистотѣ, хозяйственности. Прежде всего, ей ужасно хотѣлось одѣться какъ можно аккуратнѣе, получше умыться, причесаться. Она просила себѣ чистое платье, но ей рѣдко давали. Умывалась она долго и старательно, но такъ какъ она была смуглой, то, какъ бы ни умылась, все казалась себѣ недостаточно чистой, и это ее безпокоило. Потомъ она убиралась въ кукольномъ сундукѣ, стирала вездѣ пыль, протирала окна, чистила щеткой свое платье. И весь день она бывала такой дѣловитой, благоразумной, послушной и сама такъ радовалась на себя!

Но затѣмъ наступали дни бездѣльные, которые были истинной мукой для Лизы. Проснувшись, она ужъ съ утра чувствовала себя неспокойной и раздражительной. Хваталась то за одно, то за другое, но все вываливалось изъ рукъ. И вотъ она слоняется по комнатѣ, проситъ то ѣсть, то пить, ноетъ и выводитъ всѣхъ изъ терпѣнія;

Digitized by Google

или начинаетъ баловаться, но такъ нелѣпо, что даже ей самой не весело. Ее засаживаютъ за работу, даютъ подрубить платокъ, но иголка скользитъ въ ея потныхъ отъ раздраженія рукахъ и, скрипя, еле пролѣзаетъ сквозь накрахмаленный коленкоръ, нитка путается и захлестывается ежеминутно узлами: Лиза начинаетъ злиться, выдергиваетъ зубами иголку, застрявшую въ рубцѣ, вся исколется, броситъ работу—и опять не знаетъ, куда дѣвать себя, опять хнычетъ и кажется самой себѣ такой глупой, жалкой, нескладной.

Въ одинъ изъ такихъ бездѣльныхъ дней она такъ намозолила глаза и мамѣ, и Любѣ, что ее отослали гулять. Она пошла въ сосновую рощу, куда прежде водила маму; теперь она гуляла тамъ одна, думая съ грустью о томъ, что мама ужъ не ходитъ гулять, а все больше лежитъ дома на диванчикѣ: «Значитъ, мамѣ опять хуже!»

На лужайкѣ сидѣли двѣ нарядныя дамы подъ зонтиками: старая и молодая. Молодая подозвала къ себѣ Лизу и спросила:

— Ты, дѣвочка, живешь на дачѣ у Павлова?

— Да...

Дама оглядѣла Лизу съ ногъ до головы и вздохнула; потомъ обратила вниманіе на ея руки:

— Ай, ай, безстыдница! Руки красныя, какъ гусиныя лапки, ногти обгрызаны... Ай, ай!

А другая прибавила, показывая свои руки:

— Я—старуха, а у меня и то бѣлыя.

Лизѣ было стыдно до слезъ. Она спрятала подъ передникъ руки и топталась на мѣстѣ съ самымъ жалкимъ видомъ.

— Смотрите, какой у нея ужасный цвѣтъ лица!—сказала молодая.

И обѣ дамы наперерывъ принялись разспрашивать Лизу, хорошо ли ее кормятъ и не слишкомъ ли много она учится? Лиза не знала, какъ уйти отъ нихъ; наконецъ, она какъ-то неловко метнулась въ сторону и тихонько пошла прочь.

Уходя, она услышала за собой негромкій голосъ молодой дамы:

— Знаете: у этой дѣвочки скоро мать умретъ. Жалко: такая хорошенькая дамочка...

Дальше Лиза не слышала. Сердце въ ней страшно заколотилось, спазмы сжали горло, руки и ноги точно отнялись. Она хотѣла бѣжать, но словно приросла къ землѣ; хотѣла закричать что-то, сама не знала что, но языкъ отъ волненія онѣмѣлъ. Наконецъ, она страшно закричала и бросилась бѣжать, не помня себя, не сознавая, куда она со всѣхъ ногъ бѣжитъ и зачѣмъ? Недалеко отъ своей дачи она столкнулась съ подругой, Катей Васьковичъ, и, задыхаясь, захле-

Digitized by Google

бываясь слезами, принялась разсказывать ей о томъ, что сейчасъ слышала.

— Мама больна, очень больна,—я это и безъ нихъ знаю... Но что она умираетъ... Нѣтъ, это не можетъ быть! Это—неправда!... Это—онѣ нарочно!... Развѣ можно? Развѣ можно?

Но Катя, очень хорошенькая и очень глупенькая, возразила:

— Нѣтъ, я слышала, какъ вашъ докторъ говорилъ моей мамашѣ, что твоя мама не выздоровѣетъ...

VII.

Съ этихъ поръ что-то тяжелое, зловѣщее нависло надъ головой Лизы, какъ огромная, черная, хищная птица. Еще днемъ, когда солнце блестѣло и все кругомъ было такъ ярко, такъ радостно, Лиза бодрилась; но къ вечеру сердце ея начинало ныть все сильнѣй, и вся она какъ-то сиротливо замирала Когда хозяйскія овцы возвращались съ поля во дворъ, ей было лѣнь пойти въ кухню за хлѣбомъ, чтобы покормить ихъ,—а прежде это было ея первое наслажденіе. Куда бы Лиза ни глядѣла, все наводило на нее тоску и улица, съ поднятой стадомъ пылью, и дворъ на задахъ дачи, съ запахомъ навоза, и маленькія, неоклеенныя комнаты въ дачѣ, казавшіяся теперь Лизѣ такими темными, угрюмыми.. Она видѣла, какъ Катя Васьковичъ и другія дѣти шли гулять или весело болтали, сидя на террасѣ съ своими родными: всѣмъ было такъ хорошо, уютно, вездѣ было такъ шумно, празднично, а у нея дома тихо, темно, страшно!... Возвращаясь вечеромъ домой, Лиза заранѣе видѣла полутемную комнату, освѣщенную лампадкой, которую Люба каждый вечеръ зажигала передъ образомъ Божьей Матери, видѣла подъ образомъ маму, лежащую на своемъ маленькомъ диванчикѣ на высоко приподнятыхъ подушкахъ; лицо ея или мертвенно-блѣдно, или горитъ лихорадочнымъ румянцемъ. Въ сосѣдней комнатѣ сидитъ Люба, согнувшись передъ маленькой, тусклой лампочкой, надъ книгой или работой. Она озабоченно оглядывается на Лизу и шикаетъ, чтобы та ступала и говорила какъ можно тише. Иногда Лиза тихонько входитъ къ мамѣ, садится возлѣ диванчика и съ замираніемъ сердца долго-долго смотритъ на свою дорогую, ненаглядную...

— Ну, что ты на меня все смотришь?—слышится больной и недовольный голосъ мамы, которая только притворялась спящей.

Чуткая Люба ужъ тутъ какъ тутъ.

— Поди, поди, не безпокой маму,—говоритъ она своимъ громкимъ шопотомъ и уводитъ Лизу въ кухню, гдѣ наскоро даетъ ей поужинать.

Digitized by Google

Закусивъ, Лиза проходитъ на цыпочкахъ мимо мамы въ свою комнату, тихонько раздѣвается и ложится. Съ ея постели ей видно въ полуотворенную дверь, какъ Люба помогаетъ мамѣ перебраться съ диванчика на постель. Она видитъ мамочкину постель, видитъ маму и знаетъ, что та не спитъ, а нарочно молчитъ и лежитъ, не шелохнется, чтобы какимъ-нибудь движеніемъ или словомъ не вызвать опять кашля, отбившаго ей всю грудь. Иногда мама бредитъ, мечется, вскакиваетъ на постели, а Лиза, не отрываясь, смотритъ на нее, и сердце въ ней то тоскливо замираетъ, то стучитъ, какъ молотокъ. Лиза пробуетъ молиться, лежа на постели, но теперь ужъ заранѣе знаетъ, что молитва ея не поможетъ; пробуетъ закрыться съ головой одѣяломъ и мечтать, какъ она дѣлала прежде, о здоровьѣ и счастіи мамы, но вмѣсто этого гдѣ-то внутри нея звучатъ страшныя слова:

— Мама умретъ! Мама умретъ! Мама умретъ!

VIII.

Однажды, уже незадолго до переѣзда съ дачи, Лиза увидѣла въ рукахъ Кати Васьковичъ два ломтя хлѣба: одинъ былъ желтый, другой—малиновый.

— Это мамаша моя привезла изъ Москвы,—сказала хвастливо Катя, показывая издали Лизѣ ломти хлѣба.

Лизѣ рѣдко приходилось ѣсть что-нибудь вкусное, но она даже не показала вида, что ей страшно хочется отвѣдать такого чудеснаго хлѣба. Она сѣла на лавочку рядомъ съ Катей и старалась не смотрѣть, какъ та набиваетъ себѣ ротъ желтымъ хлѣбомъ.

Вдругъ она вспомнила о мамочкѣ: «Вотъ бы дать ей такого хлѣба!» Лиза живо представила себѣ удовольствіе мамы, и сердце сильно забилось въ ней. Она давно мечтала о томъ, какъ бы она кормила и лакомила мамочку, если бы была богата. Бывая въ гостяхъ у Кати и видя, какія кушанья подаютъ тамъ за обѣдомъ, она думала съ завистью: «Вотъ бы этого отнести мамочкѣ!... Если бы ее всегда такъ кормить, она бы непремѣнно выздоровѣла»... А вернувшись домой, Лиза принималась иногда молиться и просить у Бога богатства для здоровья мамочки... Но богатство не приходило: мама попрежнему жила въ маленькой, полутемной дачѣ, гдѣ такъ дуло сквозь стѣны и окна, попрежнему питалась однимъ молокомъ и никогда не лакомилась ничѣмъ вкуснымъ.

— Дай мнѣ,—сказала Лиза, набравшись духу, и сейчасъ же вся покраснѣла.

— Ну, вотъ еще!—отвѣтила та, жуя хлѣбъ и болтая отъ удовольствія ногами.—Скажи своей мамѣ: пускай она тебѣ купитъ.

Digitized by Google

— А ты дай мнѣ: я покажу ей, а то она не знаетъ, какихъ хлѣбовъ покупать,—солгала Лиза и еще больше покраснѣла.

— Какъ же, такъ и дала!—сказала Катя, «важничая».

Тогда Лиза, боясь, какъ бы она, съѣвши одинъ кусокъ, не съѣла и другого, начала торопливо предлагать ей въ обмѣнъ на хлѣбъ то бисеръ, то коробочку съ картинкой...

— Давай зелененькую куколку, тогда дамъ,—сказала безжалостная Катя.

Сердце у Лизы ёкнуло. Она уже переставала играть въ куклы, но съ «зелененькой» все еще не могла разстаться. Крошечная «зелененькая куколка», прозванная такъ за зеленое тафтяное платье, была ея любимицей, съ которой она не разставалась. Идя гулять, она брала ее въ карманъ, устраивала ей въ лѣсу постельку изъ моха или укладывала ее въ густую высокую траву и тогда воображала ее спящей царевной; ставила ея форфоровыя ножки въ ручей и, глядя на свѣтлыя струи, пробѣгавшія по нимъ, представляла себѣ, какъ ей весело купаться. Ложась спать, она клала ее себѣ подъ подушку и чувствовала себя съ ней менѣе одинокой. Она цѣловала куколку,—больше ей некого было цѣловать, разговаривала съ нею, какъ съ живой, потому что иногда ей больше не съ кѣмъ было разговориться... Она любила эту куклу, какъ свою младшую сестру, подругу, любила ея темные волосики и маленькія ручки, такъ мило и безпомощно разведенныя въ стороны. И вдругъ теперь отдать ее? Нѣтъ, нѣтъ!

Лиза крѣпко зажала рукой въ карманѣ куколку, угрюмо смотря на Катю, которая уже подносила ко рту кусокъ малиноваго хлѣба.

«Не отдамъ, не отдамъ!» думала Лиза, а ей ужъ опять представлялась мамочка: какъ она, бѣдненькая, лежитъ въ своей скучной комнатѣ, прикрытая теплымъ платкомъ и тальмой, и глаза у нея такіе большіе-большіе и грустные!...

— На, бери!—рѣшительно сказала Лиза и сунула Катѣ куклу.

Получивъ малиновый кусокъ, Лиза стремглавъ бросилась домой. Она бѣжала и все думала: «Вотъ сейчасъ мамочка обрадуется»!

У мамы былъ приступъ лихорадки. Лежа на диванчикѣ, она держалась одной рукой за грудь, другою—за голову. Глаза ея неподвижно смотрѣли въ одну точку,—и сколько было въ нихъ тоски и отчужденія отъ всего, что кругомъ нея! За послѣднее время она часто подолгу смотрѣла такъ, и Лизѣ тогда бывало страшно и больно-больно за маму, которая какъ будто молча говорила:

— Я—чужая для васъ всѣхъ, я теперь далеко отъ васъ, мнѣ ни до кого и ни до чего нѣтъ дѣла...

— Мамочка!—боязливо окликнула ее Лиза, остановясь на по-

Digitized by Google

рогѣ и едва переводя духъ.—Посмотрите, какой хлѣбъ я вамъ принесла.

Мама медленно-медленно перевела глаза въ сторону Лизы; потомъ равнодушно отвернулась и начала опять смотрѣть въ прежнюю точку.

— Мамочка, поѣшьте его: онъ вкусный. Вамъ будетъ лучше.

Мама медленно и тихо покачала головой, какъ бы желая сказать, что ей ужъ теперь ни отъ чего не можетъ стать лучше.

— Ну, я вамъ оставлю. Вы его послѣ съѣдите.

— Гдѣ ты взяла его?—чуть слышно спросила мама.

Лизѣ было почему-то стыдно сознаться, что она вымѣняла его на куклу, и она сказала только, что попросила у Кати...

Мама вся заволновалась на своемъ диванчикѣ, подняла голову и смотрѣла на Лизу горящими глазами.

— Зачѣмъ? Сколько разъ я говорила тебѣ, чтобы ты ничего ни у кого не выпрашивала? Развѣ ты нищая, нищая? Поди, отнеси ей, скажи, что я не велѣла брать, и никогда больше не смѣй дѣлать этого! Слышишь?

Она закашлялась; кашляла долго, мучительно, и у нея вырывались хриплыя слова: «Постоянно униженія!—На каждомъ шагу униженія!» А Лиза стояла, блѣдная, точно пригвожденная къ мѣсту, съ захолонувшимъ сердцемъ, забывъ о хлѣбѣ, который она судорожно сжимала и крошила холодными потными пальцами. Мамочку раздражало то, что она стоитъ и смотритъ на нее; Лиза чувствовала это, но не могла сдвинуться съ мѣста, ошеломленная, точно раздавленная.

Наконецъ, мама нетерпѣливо махнула ей рукой, и Лиза вышла. Она присѣла на корточки за дверью въ сѣняхъ и, сдерживая дыханье, прислушивалась къ безконечному страшному кашлю; она ломала себѣ пальцы и думала: «Господи, все-то, все противъ меня! Я же вотъ ее разстроила, изъ-за меня она сейчасъ мучается!» Ей нестерпимо хотѣлось войти къ мамочкѣ, пожалѣть ее, прижаться къ ней, но она знала, что это невозможно, и прижимала голову къ холодному бревну въ сѣняхъ. Унылый, совсѣмъ осенній вѣтеръ шумѣлъ на дворѣ, и Лизѣ чудилось въ немъ что-то зловѣщее. Она вышла въ палисадникъ, покрытый желтыми листьями; здѣсь вѣтеръ гудѣлъ еще сильнѣе, еще злѣе... Подходя къ рощѣ, она замѣтила вдали Любу, возвращавшуюся изъ аптеки съ лѣкарствомъ: въ ея ужъ очень торопливой походкѣ, въ ея надѣтой кое-какъ шляпѣ съ перышкомъ, качающимся отъ вѣтра, Лизѣ опять почудилось что-то недоброе. А когда она вошла въ рощу и надъ головой ея грозно загудѣли угрюмыя сосны, ей сдѣлалось такъ жутко, такъ тоскливо, точно она

Digitized by Google

осталась одна во всемъ мірѣ: она—и этотъ ужасный вѣтеръ, угрожающій чѣмъ-то еще болѣе тоскливымъ и страшнымъ...

— «Господи, Господи, заступись!!»...

IX.

Въ концѣ августа переѣхали въ Москву.

Новая квартира была очень тѣсная, мрачная и грязная. Никогда еще Лиза не жила въ такой бѣдной квартирѣ... Изъ разговоровъ старшихъ она поняла, что папа получаетъ теперь совсѣмъ мало жалованья, и ей стало жалко его. Но еще больше жаль ей было маму: она хорошо замѣтила, какъ мамочка въ испугѣ отшатнулась, увидя эти крошечныя, низенькія комнаты, съ черными потолками, съ изорванными обоями...

— Я совсѣмъ задохнусь тутъ,—сказала она убитымъ голосомъ.

Ее наскоро уложили въ комнатѣ рядомъ съ кухней, подальше отъ маленькаго запыленнаго окна. Съ дороги она чувствовала себя совсѣмъ плохо, но лежала молча и неподвижно, какъ и на дачѣ, только въ глазахъ ея стояли слезы, и взглядъ этихъ глазъ былъ такой безпомощный, такой грустно-покорный.

Младшія дѣти, Миша и Петя, отвыкшіе отъ нея за лѣто, смотрѣли на нее съ удивленіемъ и испугомъ, какъ на чужую. Она погладила ихъ безсильной рукой по волосамъ и сказала съ упрекомъ нянькѣ, на попеченіи которой оставались дѣти:

— Что это, какіе они грязные, засаленные?

Нянька, молодая курносая баба, съ тонкими хитрыми губами, въ желтомъ ситцевомъ платьѣ съ широкими рукавами, насмѣшливо вздохнула и отвѣтила:

— Не съ чего имъ чистыми-то быть.

Мама отвернулась лицомъ къ стѣнѣ и больше ничего не говорила. Нянька увела дѣтей, а Лиза осталась, незамѣченная, въ уголкѣ. Ей было и грустно и страшно то, что Миша и Петя какъ будто не жалѣютъ маму, что и нянька смотритъ на нее такъ холодно; что вотъ мама одна лежитъ въ этой гадкой компатѣ и не двигается, точно мертвая.

— Мамочка, по стѣнѣ клопы ползаютъ,—сказала она, сама не зная, зачѣмъ.

Мама съ раздраженіемъ повернула къ ней голову и крикнула больнымъ и жалкимъ голосомъ:

— Да оставьте меня ради Христа въ покоѣ! Дайте мнѣ хоть умереть-то!

Digitized by Google

Зажавъ ротъ рукой, Лиза выбѣжала изъ комнаты и въ кухнѣ чуть не натолкнулась на папу, который только что вернулся откуда-то, пошатываясь и бормоча что-то сердитое.

X.

Медленно потянулись мрачные, тревожные дни. Папа часто напивался допьяну и выкрикивалъ страшнымъ голосомъ проклятія... Люба, которая каждый день приходила ухаживать за больной, бранилась съ папой и упрекала его за кичливость.

— Постыдились бы хоть дѣтей-то!—говорила она своимъ оглушительнымъ шопотомъ.

Мамѣ становилось все хуже. Ей недоставало воздуху въ ея каморкѣ, и ее перевели въ проходную комнату, а младшихъ дѣтей отправили къ дѣдушкѣ погостить, потому что они безпокоили маму.

Лиза постоянно думала о томъ, что теперь ужъ мама не выздоровѣетъ, что она, должно быть, скоро умретъ, и отъ этой мысли у нея холодѣли руки и ноги, и выступалъ на лбу холодный потъ.

— Ну, что ты все смотришь на меня, какъ на мертвую?—говорила мама, съ безпокойствомъ оглядываясь на нее.—Поди лучше, займись чѣмъ-нибудь.

А Лизѣ хотѣлось одного: сидѣть тутъ, около мамы, жадно смотрѣть на нее, чувствовать мучительную любовь къ ней, ловить взглядъ ея печальныхъ, измученныхъ глазъ.

Она уходила въ другую комнату и принималась вязать чулокъ, но нетерпѣливыя, неловкія, дрожащія отъ волненія руки отказывались работать. Тогда она бросала чулокъ и выходила черезъ крыльцо на большой грязный дворъ, гдѣ помѣщалась низкая, длинная изба для извозчиковъ и такія же низкія, длинныя, грязныя конюшни. Вездѣ были навалены кучи мусора, въ которыхъ Лиза принималась рыться, отыскивая лоскутки, черепки, цвѣтныя стекла, сломанныя коробки и складывая все это у крыльца подъ лѣстницей. Вотъ медленно въѣзжаютъ на постоялый дворъ одинъ извозчикъ за другимъ. Лиза уже запримѣтила нѣкоторыхъ лошадей, и у нея есть среди нихъ свои любимицы. Чѣмъ медленнѣе возвращалась лошадь, чѣмъ понурѣе держала она голову, чѣмъ грустнѣе глядѣли ея глаза, тѣмъ сильнѣе разрасталось въ Лизѣ жалостливое чувство. Она провожала лошадь до конюшни, наблюдала, какъ ее распрягали и, глядя въ ея усталые глаза, думала о ея тяжелой лошадиной жизни.

Скоро тоска по мамочкѣ начинала неудержимо тянуть Лизу домой. Она тихонько подходила къ завѣтной комнатѣ и украдкой смотрѣ-

Digitized by Google

ла на маму. Однажды, замѣтивъ слезы на ея глазахъ, она не удержалась, бросилась внѣ себя къ мамочкѣ и стала цѣловать ее въ щеки, глаза, губы... Мама рѣзко оттолкнула ее отъ себя и закричала:

— Уйди, уйди!

Лиза выбѣжала вонъ и съ рыданьемъ брякнулась на свой тюфякъ, разостланный въ уголкѣ на полу. Чья-то жесткая рука дотронулась до ея головы, и Лиза услыхала грубоватый голосъ Любы:

— О чемъ? О чемъ еще?

Давясь отъ слезъ и запинаясь, Лиза говорила, что мамочка не любитъ ея, не позволяетъ себя цѣловать, гонитъ отъ себя, что она, Лиза, такая несчастная и тоже хочетъ умереть. Люба опустилась къ ней на тюфякъ, нагнулась надъ ея головой и зашептала:

— Глупая ты, глупая! А о комъ же мама плачетъ, какъ не о тебѣ... не о васъ, дѣтяхъ? За кого мучается, какъ не за тебя? Ей очень больно, очень плохо... такъ плохо, что...

И вдругъ на щеку Лизы закапали сверху крупныя горячія слезы. Люба быстро отерла глаза, сморкнулась, поднялась съ полу и торопливо вышла. Скоро она вернулась съ еще болѣе заплаканнымъ лицомъ и сказала:

— Мама тебя зоветъ. Поди къ мамѣ...

У мамы тоже было заплаканное лицо. Она полулежала на постели и глядѣла на Лизу какъ-то совсѣмъ по-новому: такъ ласково, кротко и такъ печально.

— Со мной нельзя цѣловаться, дѣточка,—сказала она своимъ слабымъ, нѣжнымъ голосомъ и притянула къ себѣ Лизу за шею.— Я больна, и ты можешь отъ меня заболѣть... А я всегда думаю о тебѣ... Съ кѣмъ ты безъ меня останешься?... Каково будетъ безъ меня вамъ, дѣтямъ? Вотъ я скоро умру. На кого васъ оставлю? На эту... бабу?—прибавила она тихо, точно про себя, схватилась за горло и судорожно вытянула шею. Она совсѣмъ задыхалась...

— Мамочка, не умирайте...—произнесла Лиза, захлебываясь.— Нѣтъ, вы лучше не умирайте!

— Ну, хорошо, хорошо...—сказала мама, тяжело дыша.—А ты не падай духомъ... не нервничай... Надо учиться, думать... Надо быть здоровой, умной...

Мама долго говорила едва слышнымъ голосомъ, но Лиза не могла слушать: ей казалось, что мама вотъ-вотъ задохнется. Въ горлѣ у нея щекотало отъ слезъ; она до боли закусила себѣ языкъ, чтобы не расплакаться. Противъ нея въ углу висѣлъ почернѣвшій отъ времени образъ Спасителя со сложенной для благословенія рукой. Лиза вспомнила, какъ прошлой зимой она потеряла поясъ и нигдѣ не мо-

Digitized by Google

гла найти его, какъ потомъ, придя въ отчаяніе, молилась передъ этимъ образомъ, чтобы Богъ помогъ ей найти поясъ, и какъ поясъ вскорѣ и совсѣмъ неожиданно нашелся... И вотъ теперь она начала пламенно молиться въ душѣ, прося Бога не отнимать у нея мамочку, стараясь разжалобить Его своимъ горемъ, насильно упросить Его. Ей показалось, что черное лицо Спасителя свѣтлѣетъ, что Онъ такъ ласково, пристально смотритъ на нее и на мамочку и благословляетъ ихъ, что Онъ любитъ, жалѣетъ и ее, и мамочку, что теперь все какимъ-то чудомъ будетъ хорошо, легко, какъ еще никогда не было...

— Душно...—сказала мама и вдругъ стала метаться въ постели.—Ты поди... поди, дѣточка... погуляй... Дай, я тебя перекрещу... А теперь ступай, дѣточка, ступай...

Но Лиза сѣла на скамеечку и положила голову на постель. Душа ея разрывалась отъ какого-то огромнаго непонятнаго, грустнаго и страстнаго чувства. Ей хотѣлось всѣхъ любить, всѣхъ жалѣть, хотѣлось дѣлать все только хорошее, хотѣлось сейчасъ же умереть вмѣстѣ съ мамочкой... она сама не могла сказать, что это за сладкое и мучительное чувство!... Она рвалась душой то къ Богу, то къ мамочкѣ, сливала ихъ въ одномъ чувствѣ и шептала:

— Господи!... Господи!... Мамочка! Миленькая мамочка!

Мама, затихнувъ, проводила своей слабой, горячей рукой по ея волосамъ, а Лиза вся замирала, чувствуя, какъ у нея по спинѣ бѣгаютъ сладкія мурашки...

XI.

Былъ праздникъ. Лиза отстояла обѣдню, потомъ ходила съ Любой покупать башмаки... Съ самаго утра она чувствовала какую-то особенную тоску. Хотя она не замѣчала въ мамѣ никакой перемѣны, но невыразимая тревога за маму не покидала ея. Подъ вечеръ тревога эта дошла до того, что Лиза не могла сидѣть на мѣстѣ, а безпрестанно переходила изъ комнаты въ комнату.

Темнѣло. Нянька зажгла лампочку и поставила ее на табуретъ возлѣ маминой постели. Мама, которая до сихъ поръ неслышно лежала, стала бредить... И тутъ вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное для Лизы и ужасное: заслышавъ маминъ бредъ, она принялась хохотать, какъ сумасшедшая, и не могла остановиться.

— Брысь ты, поганая!—сказала ей нянька съ презрѣньемъ.

Давясь отъ хохота, Лиза выбѣжала на дворъ, и тутъ сразу пропалъ ея смѣхъ. Со стыдомъ и отчаяніемъ подумала она о томъ, что сейчасъ смѣялась надъ своей дорогой, ненаглядной мамой. Она каза-

Digitized by Google

лась самой себѣ злой и противной; она ужасалась, спрашивая себя: какъ могла она смѣяться надъ бѣдненькой мамочкой? Всего ужаснѣе и обиднѣе было то, что нянька, которой ни капельки не жалко маму, не смѣялась, а даже сама стыдила Лизу...

Терзаясь стыдомъ, Лиза вернулась потихоньку въ комнаты. Все было тихо. Папы не было дома, а Люба въ кухнѣ шепталась о чемъ-то съ нянькой, которая теперь была одной прислугой въ домѣ.

Лиза подошла на цыпочкахъ къ маминой комнатѣ и робко заглянула туда. Мама лежала тихо и какъ-будто спала. Лиза, все такъ же на цыпочкахъ, прокралась къ ея постели и осторожно присѣла въ ногахъ у мамы, думая о томъ, отчего она не можетъ сказать мамочкѣ, какъ ей тяжело, какъ она мучится за нее?

Вдругъ мама широко открыла глаза и, вглядываясь въ Лизу, проговорила:

— Кто это тутъ? Какъ темно... Ничего не видно...

Лиза похолодѣла отъ страху. По голосу и по глазамъ мамы она поняла, что та не бредитъ: «Отчего же она не видитъ меня, когда отъ лампы совсѣмъ свѣтло? Господи, что такое съ мамочкой?!» Она взглянула на образъ Спасителя: онъ опять былъ совсѣмъ черный и смотрѣлъ такъ загадочно-сурово...

Пришелъ папа, перенесъ лампу на столъ, сѣлъ, развернулъ книгу и началъ вполголоса читать что-то церковное... И папа былъ какой-то странный,—не пьяный и не злой, а какой-то особенный: приниженный, смиренный...

Лизу раньше обыкновеннаго отправили спать. Комната, гдѣ она спала на полу, отдѣлялась отъ маминой комнаты только аркой. Лиза то и дѣло приподнималась съ постели, взглядывала черезъ арку на маму и видѣла, что та лежитъ, не двигаясь, съ закрытыми глазами. Лиза начала было дремать, какъ вдругъ изъ маминой комнаты послышался страшный крикъ:

— Люба!!

Лиза вскочила и увидала, что маму точно что подбросило на постели; глаза ея были широко открыты, и въ нихъ, какъ и въ ея крикѣ, выражались отчаяніе и ужасъ. Все это длилось одинъ мигъ: мама грузно повалилась навзничь. Прибѣжала Люба и положила ей на голову полотенце, лежавшее тутъ же, на табуретѣ, въ тарелкѣ съ разбавленнымъ уксусомъ. Мама какъ-то странно разинула ротъ, точно ловя воздухъ, шумно вздохнула два-три раза, вся затрепетала, точно стараясь изъ всѣхъ силъ вытянуться,—и затихла...

Папа стоялъ у нея въ головахъ и читалъ отходную... Лиза давно ужъ думала, что мама умретъ, но не ожидала, что это случится

Digitized by Google

именно теперь. Она сначала обомлѣла, потомъ вдругъ поняла, что̀ совершилось, вскрикнула и бросилась къ мамѣ, но остановилась на полдорогѣ, какъ скованная. Она стояла на мѣстѣ, не смѣя прикоснуться къ мамѣ, то рыдая, то замолкая.

Поднялась суматоха. Около Лизы ходили, толкали ее... Нянька бросилась завѣшивать зеркало; Люба громко плакала въ сосѣдней комнатѣ; папа торопливо одѣвался, собираясь уходить. Говорили что-то о дѣтяхъ:

— «Дѣти-то проститься не успѣли»!—Хотѣли бѣжать за ними къ дѣдушкѣ, потомъ рѣшили, что теперь ужъ все равно...

Маму раздѣли, положили на полъ и стали обмывать. Лиза смотрѣла, и жгучее чувство обиды за мамочку терзало ей душу. Мама лежала такая маленькая, худенькая, еще не застывшая, съ безпомощно висѣвшими исхудалыми руками, а по ней грубо возили мочалкой. Лизѣ хотѣлось отогнать отъ нея всѣхъ, согрѣть ее, укрыть отъ постороннихъ взглядовъ и надругательства. Ей казалось, что мама чувствуетъ и холодъ, и стыдъ...

Кругомъ говорили о свѣчахъ, о похоронахъ, о томъ, во что одѣть маму, чтобы не затрачивать лишняго на покойницу, совѣщались, какъ устроить подешевле трауръ для дѣтей...

И опять чувство невыносимой обиды за маму грызло Лизу: мама вотъ здѣсь, передъ глазами,—а о ней ужъ словно позабыли и говорятъ о дѣлахъ такъ, какъ-будто мамочки и нѣтъ, и не было!..

Папа привелъ свою старую знакомую, Катерину Петровну, черную старую даму, которую нянька называла за глаза «цыганкой» и «вѣдьмой». Катерина Петровна умѣла все дешево купить и дешево похоронить. И опять стали разговаривать о свѣчахъ, о платьяхъ, о поминкахъ и высчитывать, во сколько это обойдется.

Поставили самоваръ, и всѣ усѣлись пить чай въ прежней мамининой каморкѣ, возлѣ кухни. Катерина Петровна рѣзала яблоки мелкими дольками и клала ихъ въ чашки.

Лиза вспомнила, какъ мама нынче утромъ просила купить ей яблоковъ; папа закричалъ тогда что-то измученнымъ голосомъ и отказался купить, а потомъ пошелъ, занялъ гдѣ-то денегъ и принесъ яблоковъ, но мама уже не могла ихъ ѣсть и только проговорила:

— Теперь ужъ поздно...

И Лизѣ обидно было, что эти яблоки, которыхъ просила мамочка, ѣдятъ теперь всѣ остальные: и папа, и Катерина Петровна, и нянька, и еще какая-то старуха...

Лиза не притронулась ни къ своему яблоку, ни къ чаю, казав-

Digitized by Google

шемуся ей противнымъ. Ее тянуло въ ту комнату, гдѣ лежала мама, и она все выходила туда смотрѣть на нее.

«Какая она хорошенькая!»—думала Лиза. И въ самомъ дѣлѣ: пожелтѣвшее отъ болѣзни лицо стало теперь бѣлымъ, какъ фарфоровое; черныя красивыя брови такъ рѣзко выдѣлялись на блѣдномъ лбу, а все ея молодое еще, прекрасное лицо было до странности спокойно. И это спокойствіе наполняло душу Лизы прежнимъ мучительнымъ чувствомъ неутолимой любви къ мамочкѣ. Она глядѣла на нее и сознавала, что ничѣмъ, никакими мольбами, никакими самыми горячими ласками не вызоветъ ужъ въ ней отвѣта, что мама будетъ все такъ же лежать передъ ней нѣмая, холодная, чуждая всѣмъ, замкнутая навсегда въ себѣ; и что бы Лиза ни дѣлала, мамочка съ каждой минутой будетъ становиться все неуловимѣе, будетъ все дальше уходить отъ нея и наконецъ уйдетъ куда-то безвозвратно навѣки. И вотъ минутами она казалась Лизѣ безжалостной, безпощадной къ ней; душа рвалась растрогать равнодушную маму своимъ горемъ, своей безконечной печалью, и печаль эта горячей волной все больше заливала ей сердце, жгла и давила горло, подступала къ глазамъ...

Было уже за полночь. Всѣ продолжали сидѣть въ той же комнатѣ за давно потухшимъ самоваромъ и разговаривать о дѣлахъ. Лиза забилась въ уголокъ дивана и, вся точно оцѣпенѣлая, слушала и смотрѣла, какъ сквозь сонъ... Ее послали за какой-то вещью въ ту комнату, гдѣ она спала. Нужно было проходить мимо мамы, и вотъ это мертвое восковое лицо, бросившееся въ глаза Лизѣ, заставило ее вздрогнуть. Вмѣсто мамы она вдругъ увидала «покойницу», и ее охватилъ страхъ...

Комнатка была маленькая: чтобы пройти въ другую, надо было пролѣзть между кушеткой и столомъ, гдѣ лежала мама, мимо самыхъ ея ногъ, обутыхъ въ бѣлые тканые чулки. Видъ этихъ ногъ ужаснулъ Лизу... Она быстро проскочила, вбѣжала за арку, но тутъ было почти темно: свѣтъ чуть-чуть достигалъ изъ третьей комнаты. Лиза обмерла отъ страха и даже забыла, за чѣмъ ее послали, а помнила только, что сейчасъ опять надо почти коснуться этихъ страшныхъ ногъ съ остроторчащими носками.

Избѣгая смотрѣть на нихъ, но невольно скользя по нимъ взглядомъ, она выскочила изъ комнаты, наткнулась, зажмурилась, и, обливаясь холоднымъ потомъ, пролѣзла подъ столомъ; ей все казалось, что ее кто-то хватаетъ сзади...

Ее начали стыдить, что она боится мамы, а нянька смѣялась надъ нею и все повторяла, точно дразня ее:

— Вотъ-те мама! Вотъ-те мамочка!...

Digitized by Google

А Лиза забилась въ уголъ дивана и хотѣла плакать, но слезъ не было. Ей было такъ горько, она чувствовала себя такой виноватой передъ мамой, казалась самой себѣ такой гадкой, злой, отвратительной... Она уткнулась лицомъ въ спинку дивана и шептала чуть слышно: «Мамочка... мамочка... мамочка...»

XII.

На другой день утромъ Лизу послали къ теткѣ сказать о смерти мамы. Тетка жила очень бѣдно, въ подвальномъ этажѣ, на краю Москвы. Лиза, запыхавшись, вбѣжала къ ней.

— Мама умерла,—сказала она, не успѣвъ поздороваться.

Красное доброе лицо тетки смѣшно сморщилось, ротъ широко раздвинулся, какъ у плачущаго младенца, и она громко завыла. Тутъ опять случилось то гадкое и непонятное, что такъ мучило Лизу: взглянувъ на тетку, она расхохоталась и никакъ не могла остановить своего глупаго смѣха. Тетка продолжала громко плакать и говорила сквозь всхлипыванья:

— Стыдно... стыдно такъ-то... Грѣшно!

Лиза ушла пристыженная, ругая себя и мучаясь. Ее угнетала мысль, что своимъ смѣхомъ она оскорбляетъ маму, измѣняетъ ей... Она готова была плакать, но слезы куда-то пропали, точно застряли внутри.

И въ остальные дни, пока мама была еще дома, Лиза не плакала и казалась равнодушной. Она дѣлала все то, что и другіе: шила трауръ, бѣгала въ лавочку, исполняла разныя порученія. Родные и знакомые говорили про нее:

— То, бывало, липнетъ къ матери, а теперь съ нея все, какъ съ гуся вода!...

Наступилъ день похоронъ. Во дворѣ и въ сѣняхъ собралось много чужихъ людей, которымъ любопытно было посмотрѣть на выносъ гроба. На Лизу надѣли черное ситцевое платье и бѣлый кисейный чепчикъ, съ полоской чернаго крепа вокругъ лица; на Мишѣ и Петѣ были такія же черныя ситцевыя рубашки. Мальчики стояли у гроба и разсматривали маму съ любопытствомъ и страхомъ, а кругомъ всѣ какъ-то тревожно и безтолково суетились...

Потомъ суета эта стала особенно шумной и безпокойной; застучали тяжелые сапоги, и Лиза увидала нѣсколько мужиковъ: они подошли къ гробу, осматривали его и негромко переговаривались...

Когда колыхающійся на носилкахъ гробъ вынесли на дворъ, когда подъ болтовню собравшагося народа и подъ заунывный звонъ ко-

Digitized by Google

локола понесли гробъ изъ воротъ на улицу, Лиза почувствовала, точно ее кольнули въ сердце чѣмъ-то острымъ. Сначала у нея захватило духъ, потомъ она, давясь, зарыдала и уткнулась головой въ платье Любы, которая шла тутъ же, въ траурѣ, съ опухшими отъ слезъ глазами. Люба прижала ее къ себѣ одной рукой, а другою старалась отстранить напиравшую толпу. Эта ласка еще больше разслабила Лизу. Странный холодъ, замораживавшій ее всѣ эти дни, вдругъ исчезъ, и Лиза плакала навзрыдъ съ какимъ-то, особеннымъ, мучительнымъ наслажденіемъ.

Въ церкви она уже не плакала, а даже нѣсколько разъ съ любопытствомъ оглядывала дѣдушку и его семью, стоявшихъ на почетномъ мѣстѣ. Семья дѣдушки пренебрегала Лизиной семьей; Лиза бывала тамъ раза два-три въ годъ по большимъ праздникамъ, какъ у чужихъ людей, къ которымъ ее водили на поклонъ. Она знала только, что дѣдушка безпрестанно куритъ изъ длиннаго чубука и величаво гнусавитъ, бабушка носитъ черный или красный бархатный капотъ и гнусавитъ томно, дочери говорятъ всѣ вперебой быстро-быстро, растягивая послѣднія слова фразы и тоже гнуся при этомъ... Больше Лиза ничего не знала объ этой семьѣ, и потому теперь ей интересно было посмотрѣть, что это за люди,—плачутъ ли они? молятся ли? жалѣютъ ли маму? Особенно слѣдила она за бабушкой, маминой мачехой, про которую говорили, что она прежде мучила бѣдную маму. «Она злая»,—думала Лиза, и ей дѣлалось жутко при видѣ ея холодныхъ глазъ съ какимъ-то кошачьимъ выраженіемъ и ея рукъ съ длинными, страшными ногтями, похожими на когти...

Но вотъ отпѣваніе кончилось. Всѣ простились съ мамою, и мужики стали забивать ее гвоздями. Тогда опять острая, рвущая боль вонзилась въ сердце Лизы. Ей казалось, что мужики бьютъ не по гвоздямъ, а по самой мамѣ; чудилось, какъ будто всѣ эти здоровые, сильные люди напали на нее, слабенькую, беззащитную, замученную и безъ того болѣзнью, вытащили ее изъ квартиры на улицу, на глаза толпы, а теперь вотъ заколачиваютъ въ тѣсномъ гробу,—и она не можетъ ни закричать, ни пошевелиться!

А когда ее, на глазахъ Лизы, опустили въ могилу и тѣ же мужики какъ-то особенно проворно и охотно принялись забрасывать ее землей, Лиза вся помертвѣла отъ ужаса и содроганія. Дрожащую, донельзя усталую и потрясенную до самаго дна души, посадили ее вмѣстѣ съ младшими дѣтьми въ единственную, биткомъ набитую, карету и повезли домой.

Противъ Лизы сидѣла Катерина Петровна, держа кутью. Усталая отъ хлопотъ, она дремала; кутья качалась у нея въ рукахъ. Лиза

Digitized by Google

смотрѣла на Катерину Петровну, на кутью,—и вдругъ, Богъ знаетъ откуда, вынырнула у нея смѣшная мысль: «а что, если вдругъ дно кареты отвалится и мы вывалимся на мостовую, а Катерина Петровна, ничего не замѣтивши, пріѣдетъ одна домой?» Лиза сначала фыркнула, потомъ стала давиться отъ смѣха. Глядя на нее, Миша съ Петей тоже стали давиться, хотя на кладбищѣ они плакали. Катерина Петровна открыла глаза, посмотрѣла брезгливо на Лизу и сказала:

— Тьфу... мерзкая дѣвчонка!

XIII.

Поминки прошли передъ Лизой, какъ въ туманѣ. Она помнитъ только, что сначала всѣ сидѣли тихо и ѣли, потомъ стали шумѣть, чокаться, смѣяться; накурили такъ сильно, что у нея глаза щипало отъ дыма. Еще Лиза помнитъ, что дѣдушка бранилъ папу и няньку, а потомъ, разсердившись, ушелъ со всей семьей. Люба тоже бранила папу и тоже ушла и увела съ собой Мишу и Петю. Катерина Петровна разсказала папѣ о Лизѣ, какъ она смѣялась въ каретѣ, а папа, красный отъ водки, не разсердился, а только сказалъ: «То-есть, такая каверзная дѣвчонка!»

Лизѣ даже не стыдно было: она чувствовала, что все ужъ потеряно, что все равно теперь ужъ всѣ знаютъ, какая она гадкая, и сама она знаетъ это. Вся словно пустая, просидѣла она всѣ поминки недвижно на своемъ стулѣ, не поднимая глазъ отъ тарелки и не прикасаясь къ пей.

Тетка, съ своимъ добрымъ и жалкимъ лицомъ, долго прощалась съ Лизой, цѣловала ее и все повторяла: «Сиротка! Сиротка теперь!» Потомъ всѣ разошлись, и стало тихо. Нянька убрала со стола, допила все, что оставалось въ рюмкахъ и стаканахъ, и ушла въ сосѣднюю комнату, гдѣ лежалъ на диванѣ папа.

Лиза осталась одна возлѣ стола, на которомъ недавно еще лежала мама, а потомъ былъ накрытъ поминальный обѣдъ. Спускались сумерки, за окнами уныло гудѣлъ осенній вѣтеръ, а въ сосѣдней комнатѣ переговаривались вполголоса папа съ нянькой все о какихъ-то платьяхъ. Потомъ папу не стало слышно: онъ, должно быть, заснулъ; а нянька все разбиралась въ какихъ-то вещахъ, разговаривала сама съ собой и звонко икала.

Лиза прислушивалась къ злому завыванію вѣтра и думала, что теперь, вечеромъ, мама тамъ одна на кладбищѣ, подъ голыми, грустными деревьями, среди которыхъ гуляетъ страшный вѣтеръ. Всѣ ее бросили! Ее запрятали предательски въ холодную землю и ушли отъ

Digitized by Google

нея... всѣ, всѣ! Даже и она, Лиза, покинула ее... Лиза понимала, что нельзя было не закопать мамочку въ землю, нельзя было не уйти отъ нея,—и всетаки это было ужасное злодѣйство, предательство, жестокость, съ которой она не могла примириться.

Чу! какъ воетъ вѣтеръ!... Лизѣ вдругъ стало страшно отъ того, что она сидитъ одна въ потемнѣвшей комнатѣ. Она перешла въ сосѣднюю комнату, гдѣ горѣлъ огарокъ. Папа, переодѣтый уже въ свой старый, драповый халатъ, спалъ на диванѣ лицомъ къ стѣнѣ; нянька, замѣтно хмельная отъ допитыхъ рюмокъ, выбирала изъ-подъ дивана разное старье.

— Ну, что ты, трепалка, все трепишься, мѣста себѣ не находишь?—сказала она, покосившись на Лизу; потомъ нагнулась, вытащила изъ-подъ дивана мамины старые плисовые сапоги и презрительно откинула ихъ ногой.

Это оскорбило Лизу, но она сдержалась и сказала кротко:

— Няня, дай мнѣ поѣсть.

— А вонъ, поди, на гвоздикѣ повѣсь...

Лизѣ вовсе не хотѣлось ѣсть: она заговорила о ѣдѣ только потому, что не знала, куда дѣвать себя отъ тоски. Но отвѣтъ нянькн всетаки больно укололъ ее. Она хотѣла было уйти, но вмѣсто этого молча сѣла у окна въ черное, кожаное, ободранное кресло, извѣстное у дѣтей подъ названіемъ «клопинаго». На подоконникѣ, рядомъ съ коробкой отцовскаго табаку, были свалены въ кучу аптечныя коробочки съ картинками, оставшіяся послѣ мамы.

— Это мамины,—сказала Лиза и стала машинально перебирать коробочки.

— Поправь лохмы-то. Ишь торчатъ: чистый вѣникъ!—замѣтила нянька, принимаясь за переборку маминыхъ платьевъ и юбокъ.

Ея грубый голосъ опять оцарапалъ Лизу, но она ничего не сказала, а покорно поправила гребенку на волосахъ и пригладила ихъ рукой.

— Ишь, разсѣлась въ креслахъ, словно барышня-сударышня какая, а у самой колѣнки-то голыя, безъ палталонъ,—продолжала нянька своимъ пѣвучимъ, насмѣшливымъ и нетрезвымъ голосомъ.

Та взглянула на свои спустившіеся чулки, выправила панталоны и показала. Нянька презрительно фыркнула и, отвернувшись, принялась разсматривать на свѣтъ мамино платье.

— Нешто такія палталоны бываютъ у настоящихъ-то благородныхъ, у взаправдашныхъ-то?—снова заговорила она.—Я вотъ у господъ служила, за барышней ходила. Такъ ее въ какихъ палтало-

Digitized by Google

нахъ-то водили? Въ длинныхъ... да кружава широкія: по самыя башмаки. А твоихъ и не видать. Какая ты барышня? Ты—трепалка.

«Она говоритъ со мной такъ потому, что теперь нѣтъ мамы»,—подумала Лиза, и ей сжало горло отъ обиды.

Она встала и опять пошла въ ту комнату, гдѣ сидѣла раньше. Тамъ было совсѣмъ темно, и вѣтеръ въ темнотѣ казался особенно страшнымъ и злымъ.

«Гадкая, поганая нянька!—шептала Лиза, готовая заплакать злыми слезами.—Она, должно быть, мучила мамочку, а теперь меня будетъ мучить и мамочкины платья хочетъ взять себѣ».

Мысль, что нянька возьметъ мамины платья и будетъ носить ихъ, глубоко оскорбляла Лизу, какъ грубая насмѣшка надъ мамочкой.

— Не смѣй брать мамочкины платья!—вскрикнула она истерически.

— А вотъ ты погоди у меня, паршивая...—послышался голосъ няньки.

Лиза закусила больно палецъ и долго сидѣла такъ въ темнотѣ. Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой, безпомощной, беззащитной. «Сиротка!»—вспомнилось ей, и ядовитыя, жгучія слезы начали падать капля за каплей на ея холодную руку. Тоска душила ее. «Только мама одна жалѣла меня, а теперь и мамы нѣтъ»... И она начала тянуть ноющимъ голосомъ:

— Мама... мама...

А нянька, передразнивая ее, отвѣчала ей на это изъ сосѣдней комнаты такимъ же тономъ:

— Яма... яма...

Лиза уже сидѣла на полу, обхвативъ руками колѣни, качалась изъ стороны въ сторону и говорила въ какомъ-то самозабвеніи грустныя и жалкія слова, безпрестанно повторяя со стономъ:

— Мама... мама...

А въ отвѣтъ на это слышалось въ десятый разъ:

— Яма... яма...

Эти безсмысленныя слова терзали Лизу, выводили ее изъ себя. Она ужъ не плакала: она истерически визжала и билась головой о столъ, вся мокрая отъ испарины, продолжая выкрикивать свое:

— Мама... мама... мамочка...

Вдругъ въ дверяхъ показался папа съ опухшимъ и сердитымъ лицомъ. Онъ сдѣлалъ шагъ къ Лизѣ и сталъ снимать ремень съ халата. Лиза дико вскрикнула и бросилась къ двери. Нянька загородила дорогу и схватила ее за рукавъ, но Лиза отчаянно рванулась и

Digitized by Google

выбѣжала въ кухню, а оттуда на дворъ, не переставая вскрикивать по временамъ измѣнившимся голосомъ:

— Мамочка!... мама!...

Она уже бѣжала по темному переулку, вѣтеръ бѣшено завывалъ, рвалъ на ней платье, перехватывалъ дыханіе и голосъ, а она все бѣжала куда-то, не помня себя, спотыкаясь, задыхаясь и продолжая кричать въ темное пространство:

— Мамочка!... Мамочка!... Ма...

Н. Тимковскій.

Digitized by Google

ПАЯЦЪ *).

Разсказъ Карла Эмиля Францоза.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

XXVIII.

На сотни верстъ тянется къ востоку равнина, поэтому дующій съ этой стороны вѣтеръ обладаетъ значительной силой и, превращаясь въ бурю, заставляетъ звѣря и человѣка прятаться отъ своего леденящаго дыханія въ дома и о гаваться тамъ, пока стихнетъ его ярость.

Въ эту ночь «губитель», такъ зовутъ его на равнинѣ, не достигъ еще своей силы, хотя бушевалъ уже порядкомъ; пройдя не болѣе ста шаговъ, Зендеръ долженъ былъ сознаться, что предпринялъ неразумное дѣло. Хотя онъ не видѣлъ серьезной опасности, но ему поминутно приходилось поворачиваться спиной и пережидать, согнувшись и широко разставивъ ноги, пока порывъ вѣтра пронесется мимо, а затѣмъ медленно шагать, увязая въ снѣгу и задыхаясь отъ леденящей стужи. Видно не напрасно провелъ онъ многіе годы на большой дорогѣ; «хуже сегодня не будетъ,—думалъ онъ,—къ утру вѣтеръ поуляжется». Положимъ, до Московки съ милю разстоянія, но когда онъ дойдетъ до пѣшеходной дороги, которая на полпути отвѣтвляется отъ проселка, тогда идти будетъ легче. Пѣшеходная дорога сокращаетъ путь и сворачиваетъ въ лощину, гдѣ вѣтеръ слабѣе. Зендеръ съ усиліемъ подвигался впередъ, перебираясь по краю дороги отъ тополя къ тополю, тяжело дыша, обливаясь потомъ и совсѣмъ коченѣя, когда приходилось останавливаться передохнуть; однако, не теряя бодрости духа. Вдругъ, послѣ рѣзкаго порыва, точно гигантская рука зажала «губителю» глотку: онъ успокоился.

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1905 г.

Digitized by Google

Въ воздухѣ стихло, вздымавшійся снѣгъ упалъ на землю, мракъ разсѣялся и далеко забѣлѣла покрытая снѣгомъ дорога. «Милосердый Боже, сжалься надо мною!» простоналъ Зендеръ и, оцѣпенѣвъ отъ ужаса, остановился. Онъ зналъ, что предвѣщаетъ наступившее затишье. Буря собиралась съ силами: еще минута, и налетитъ ураганъ, который все уничтожитъ и все погребетъ погъ снѣгомъ.

«Назадъ,—подумалъ Зендеръ,—можетъ быть, удастся попасть домой; но врядъ ли попадешь на пѣшеходную дорогу». Онъ повернулъ назадъ. Но тутъ ему пришло въ голову, что онъ отрѣзалъ себѣ всѣ пути къ возвращенію, въ буквальномъ смыслѣ отрѣзалъ ножницами. Какъ предстанетъ онъ передъ матерью и согражданами безъ пейсовъ, въ обрѣзанномъ кафтанѣ?! «Впередъ!»—и онъ, какъ безумный, бросился впередъ, точно можно убѣжать отъ бѣды.

Но вотъ снова налетѣло на него чудовище. Протяжный, завывающій порывъ вѣтра понесся впередъ, сопровождаемый глухимъ гуломъ и трескомъ, шумомъ обмерзшихъ вѣтвей и деревьевъ; сразу потемнѣло, и ураганъ забушевалъ съ новой силой. Съ быстротою молніи бросился Зендеръ на землю и не далъ вѣтру подхватить и погнать себя впередъ.

Снѣгъ покрывалъ его все плотнѣе и плотнѣе, и грозилъ задавить. Онъ хотѣлъ подняться, ураганъ повалилъ его. Тогда онъ собралъ послѣднія силы и поползъ впередъ на рукахъ и ногахъ, пока достигъ ближайшаго тополя; здѣсь можно было передохнуть; но онъ почувствовалъ, какъ холодъ сковываетъ ему члены. Онъ могъ еще двигаться, могъ оказывать сопротивленіе, но надолго ли?

Зендеръ снова пошелъ пробираться по снѣгу, насколько позволяли дрожащія ноги, обливаясь потомъ и съ трудомъ переводя дыханіе... дальше... дальше... Скоро должна выглянуть справа часовня... у дороги... можетъ быть, онъ дойдетъ до нея раньше новаго порыва вѣтра... Онъ напрягъ всѣ силы... вотъ она, не дальше десяти шаговъ... но въ этотъ самый моментъ налетѣлъ ураганъ. Прежде чѣмъ Зендеръ успѣлъ лечь на землю, его схватила гигантская рука, понесла по воздуху и бросила съ такой силой, что онъ потерялъ сознаніе.

Но только на одну минуту: смертельный страхъ заставилъ его придти въ себя. Съ трудомъ выкарабкался онъ изъ-подъ снѣгу и поползъ къ часовнѣ: надъ нимъ съ чудовищной яростью ревѣлъ ураганъ.

Въ часовнѣ онъ почти потерялъ сознаніе. «Не засыпать, не терять разсудка!» бормоталъ онъ, хватая горсть снѣгу, чтобы приложить къ пылающему лбу. Вдругъ онъ вздрогнулъ: изъ угла разда-

Digitized by Google

лось глухое рычаніе, потомъ лай. Тамъ укрылся какой-то звѣрь. Медленно проползла въ головѣ мысль: волкъ или собака? Полусознательно взялся онъ за палку и поднялъ ее кверху. Животное прижалось къ землѣ, зарычало и замахало хвостомъ. Тогда онъ увидѣлъ, что это собака. «Москаль!» покликалъ онъ самой распространенной въ той мѣстности кличкой. Можетъ быть, онъ случайно попалъ; собака подошла къ нему, лизнула руку и плотно прижалась. Зендеръ не гналъ ее и сталъ гладить по шерсти. Такъ ласкали и грѣли другъ друга человѣкъ и животное. И оба въ равной мѣрѣ трепетали передъ разсвирѣпѣвшей природой, не испытывая никакихъ другихъ ощущеній.

Немного спустя, Зендеръ сталъ собираться съ мыслями. Худшая опасность миновала. Ураганъ бушевалъ еще изо всѣхъ силъ, но долго такъ не могло длиться. Что-нибудь одно: или онъ вообще начнетъ ослабѣвать, или стихнетъ на нѣкоторое время, чтобы набраться новыхъ силъ. Во всякомъ случаѣ, за это время можно добраться до лощины, гдѣ подвигаться впередъ гораздо легче. Оставаться въ часовнѣ и ждать наступленія утра—немыслимо: это значило бы идти навстрѣчу вѣрной смерти. Стужа была невыносимая. Онъ почувствовалъ, какъ холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ, какъ начинаютъ коченѣть руки и ноги. «Спать!» пробормоталъ онъ и закрылъ глаза. «Заснешь—не проснешься!» промелькнуло у него въ головѣ, и онъ въ испугѣ встрепенулся, но подняться на ноги не смогъ. Вѣки снова закрылись.

Собака вела себя иначе; вѣроятно, инстинктъ самосохраненія говорилъ въ ней сильнѣе. Она встряхивалась, лаяла, лизала человѣку лицо и теребила его за платье. Зендеръ снова пришелъ въ себя: шатаясь поднялся съ полу и принялся толочься на одномъ мѣстѣ, хлопать руками и ногами. При этомъ что-то вывалилось у него изъ кармана на полъ. Оказалось—молитвенникъ. Зендеръ поднялъ его и стиснулъ въ рукахъ. Ему казалось, точно книжка даетъ ему новыя силы, точно онъ прикасается къ краю ризы Господней. Зендеръ снова опустился на землю, положилъ возлѣ себя книгу, прикрывъ ее правой рукой; собака подползла и прижалась къ нему.

Снова настало затишье. Скорѣй впередъ, въ лощинку. Зендеръ поднялся и, только выйдя наружу, замѣтилъ, что ураганъ унесъ его шапку —кто знаетъ, за сколько миль. Онъ повязалъ голову платкомъ и зашагалъ впередъ, собака слѣдовала за нимъ по пятамъ.

Вдали послышался глухой стонъ, къ которому онъ не разъ уже прислушивался: какой-то хриплый, протяжный вой. Кровь остановилась у Зендера въ жилахъ: волки? Собака также, очевидно, узнала зловѣщіе звуки; она остановилась, поджала хвостъ и жалобно залаяла.

Digitized by Google

— Стояньемъ не поможешь,—пробормоталъ Зендеръ,—впередъ! Вой слышится со стороны дороги,—скорѣе въ ложбинку. Съ Богомъ!— Онъ опустилъ руку, чтобы ощупать молитвенникъ.

Его не оказалось. Зендеръ обшарилъ карманы, книжечки нигдѣ не было. Тогда ему пришло въ голову, что онъ забылъ ее въ часовнѣ. Онъ оглянулся: разстояніе не превышало двухсотъ шаговъ какъ назадъ, такъ и до спуска въ ложбинку; но затишье не могло длиться долго. Однако, шапку можно было замѣнить платкомъ, утрата молитвенника—невознаградима. Онъ повернулъ назадъ, собака съ радостью побѣжала за нимъ.

Молитвенникъ, дѣйствительно, лежалъ у подножія креста. Зендеръ поднялъ его, въ эту минуту ураганъ разразился съ новой силой. Снова сидѣлъ Зендеръ въ часовнѣ, снова началась борьба съ холодомъ. Какъ ни ослабли силы, но онъ чувствовалъ себя бодрѣе, чѣмъ раньше. На востокѣ заалѣла заря, стало свѣтлѣе, наступилъ неприглядный, сѣрый день!

Въ седьмомъ часу ураганъ стихъ. Зендеръ поднялся, но пошатнулся и упалъ на землю: ноги не держали его. Онъ еще разъ попытался подняться—ничего не вышло. Приходилось ждать, пока кто-нибудь проѣдетъ. Къ счастію, съ ураганомъ миновалъ и холодъ. Какъ почти всегда на «великой равнинѣ», восточный вѣтеръ смѣнился западнымъ, мягкимъ и теплымъ.

Съ часъ спустя послѣ разсвѣта изъ Барнова показались сани. Правилъ крестьянинъ, въ саняхъ лежала его жена. Собака вскочила. Зендеръ вышелъ изъ часовни и позвалъ проѣзжаго: онъ оказался судьею изъ Московки.

— Святители!—воскликнулъ онъ и остановилъ сани.—Зендерко, какъ ты сюда попалъ? Неужто всю ночь былъ на улицѣ, такую-то ночь!

Зендеръ кивнулъ утвердительно головой.

— Возьмите меня съ собой до вашей деревни,—попросилъ онъ.

Крестьянинъ согласился. Только съ мѣстомъ трудно было устроиться.

— Видишь ли, жена моя выпила. Подвинемъ ее къ сторонкѣ.

Наконецъ, Зендеръ усѣлся; собака прыгнула за нимъ.

— Твой пёсикъ-то?—спросилъ судья.—Славное животное.

Полуживой отъ усталости, Зендеръ съ любовью погладилъ лохматую шерсть собаки.

— Да, пёсикъ мой,—отвѣтилъ онъ.—Ну, идемъ!

Лошади тронули.

Digitized by Google

— Ты еще не сказалъ мнѣ, какъ сюда попалъ,—спросилъ крестьянинъ.

Зендеръ отвѣтилъ, что хотѣлъ раннимъ утромъ быть въ Московкѣ, но ураганъ засталъ его у ложбинки. Крестьянинъ широко раскрылъ глаза.

— Ты хотѣлъ идти ложбинкой? Она глубоко занесена снѣгомъ и тамъ водворились волки. Тебѣ бы оттуда живымъ не выдти. Что ты строишь изумленную физіономію?

На самомъ дѣлѣ Зендеру было отчего волноваться. «Молитвенникъ спасъ меня,—подумалъ онъ.—Господь—посредствомъ молитвенника. Если бы я не вернулся за нимъ въ часовню»... онъ закрылъ глаза, трепетъ ужаса прошелъ по всему тѣлу. Губы прошептали благодарственную молитву.

Минуту спустя судья заговорилъ:

— Безуміе мчаться въ такую ночь въ Московку. Что тебѣ тамъ надо?

— Дѣло есть,—отвѣтилъ Зендеръ,—къ хозяину корчмы.—Онъ чувствовалъ смертельную усталость и необходимость отдохнуть.—Потомъ поѣду въ Тлусту. Вы, можетъ быть, свезете меня. Я заплачу хорошую цѣну!

Судья гордо покачалъ головой.

— Я этимъ не занимаюсь.—Потомъ въ раздумьѣ почесалъ за ухомъ.—Впрочемъ,—сказалъ онъ,—въ видѣ исключенія могу сдѣлать. Вчера на базарѣ мы пропили всѣ свои деньги. Развѣ вы понимаете, проклятые жиды, высасывающіе изъ насъ соки, какъ трудно живется крестьянину! Безъ выигрыша въ лотерею никакъ не проживешь! Ты сказалъ, что...

— Конечно,—съ трудомъ отвѣтилъ Зендеръ.

Послѣдствія начинали сказываться; каждый вздохъ причинялъ боль. Пошатываясь пошелъ Зендеръ въ каморку, отведенную ему въ корчмѣ, заказалъ чаю, но, не допивъ стакана, погрузился въ мертвый сонъ.

Проснувшись, онъ почувствовалъ сильную головную боль, жаръ въ горлѣ и носу, но колотье въ груди значительно ослабѣло. Ощутивъ сверхъ всего голодъ, онъ рѣшилъ, что сравнительно благополучно выкрутился изъ бѣды. Въ комнатѣ царилъ полумракъ; онъ приписалъ это завѣшенному окну, но пока одѣвался, становилось все темнѣе: онъ проспалъ весь день. Хозяинъ корчмы принесъ ему все, что нашлось въ бѣдномъ домѣ съѣстного; гость мужественно приступилъ къ ѣдѣ. Вдругъ что-то мокрое, холодное коснулось его руки: Москаль приложилъ къ ней свою морду.

Digitized by Google

— Бѣдняга,—съ жалостью воскликнулъ Зендеръ,—и ты тоже цѣлый день ничего не ѣлъ?—и онъ добросовѣстно раздѣлилъ съ товарищемъ скудную пищу.

Онъ проспалъ еще десять часовъ крѣпкимъ сномъ безъ сновидѣній. Утромъ проснулся съ насморкомъ, отъ котораго слезы катились изъ глазъ, но больше ничего не болѣло. «Слава Богу,—подумалъ онъ,—ужасно было бы заболѣть теперь». Почувствовавъ, однако, колотье въ груди, принудилъ себя не обращать на это вниманія. «Я долженъ быть здоровымъ», думалъ онъ.

Зендеръ весело выѣхалъ изъ деревни, купивъ предварительно у крестьянина мѣховую шапку. День былъ сѣрый, но почти теплый. Дулъ западный вѣтеръ.

— Безумная погода,—сказалъ судья,—давно уже не дѣлали намъ такихъ непріятностей ни «губитель», ни «слезливая дѣвица». А со вчерашняго утра работаютъ безъ передышки.

«Слезливой дѣвицей» называютъ западный вѣтеръ, потому что онъ нагоняетъ дождь и способствуетъ таянію снѣга.

Лошади съ трудомъ пробирались по рыхлому снѣгу и только послѣ полудня добрались до Тлусты.

Зендеръ остановился въ гостиницѣ, съ хозяиномъ которой не былъ знакомъ; но не успѣлъ онъ сѣсть за супъ, какъ тотъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вѣдь вы Зендеръ Паяцъ? Скажите, пожалуйста, почему вы путешествуете точно «нѣмецъ»—безъ пейсовъ, въ короткомъ кафтанѣ и съ собачкой? А на головѣ мужицкая шапка.

Зендеръ задумался. Хозяинъ не производилъ впечатлѣнія особенно благочестиваго еврея.

— Вы не злоупотребите моимъ довѣріемъ,—спросилъ онъ,—и не испортите моей шутки?

— Сохрани Боже!—успокоилъ тотъ.—Ваши шутки такъ хороши, что ихъ жаль портить. Я до смерти нахохотался надъ вашимъ сватовствомъ у часовщика въ Мельникахъ.

«Прекрасно,—подумалъ Зендеръ,—этотъ человѣкъ мнѣ поможетъ». Взявъ клятвенное обѣщаніе въ строгомъ молчаніи, онъ разсказалъ слѣдующее:

— Шутка эта похожа на прежнюю, но, мнѣ кажется, даже лучше. Мать хочетъ, чтобы я женился на дочери хассидаа изъ Садагоры. Вотъ я и представлюсь невѣстѣ въ такомъ видѣ.

Хозяинъ чуть не лопнулъ отъ смѣха и съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ гостю. Онъ добылъ за дешевую цѣну извозчика, который порожнякомъ возвращался въ Черновицы. Положимъ, они

Digitized by Google

не могли попасть на мѣсто раньше воскресенья, такъ какъ субботу приходилось просидѣть въ Залѣсчикахъ. Зендеръ легко съ этимъ примирился. «Посмотрю тамъ знаменитую труппу Штиклера и отдохну»; ужасная ночь оставила болѣе существенные слѣды, чѣмъ ему показалось сначала. Онъ надѣялся на теплую погоду.

Въ пятницу, когда они поѣхали изъ Тлусты на югъ, по направленію къ долинѣ Днѣстра, теплый западный вѣтеръ смѣнился сироккo, стало душно: Зендеру пришлось снять теплое платье. Теплый вѣтеръ точно слизнулъ снѣгъ и тронулъ ледъ. Всюду, насколько могъ окинуть взоръ, побѣжала, заструилась и зажурчала вода.

— Такого быстраго таянія мнѣ не случалось видѣть,—сказалъ извозчикъ.—Сегодня ночью или завтра утромъ на Днѣстрѣ тронется ледъ. Намъ не придется провести субботу въ Залѣсчикахъ. Надо сегодня же переѣхать по мосту за рѣку, а то его унесетъ льдомъ.

— А гдѣ же мы проведемъ тогда субботу?—спросилъ Зендеръ.

— На деревенскомъ постояломъ дворѣ, по ту сторону рѣки. Правда, домишко тамъ плохонькій, но дальше сегодня не уѣдешь.

Зендеру не улыбалось такое рѣшеніе вопроса: онъ заранѣе радовался спектаклю и хорошей постели въ Залѣсчикахъ.

— Посмотримъ сначала, надо ли торопиться,—сказалъ онъ.

Извозчики, съ которыми они встрѣчались, смотрѣли различно на дѣло.

— Ледъ сильно треснулъ,—говорили одни.—Въ понедѣльникъ навѣрно тронется.

— Нынче ночью пойдетъ рѣка,—говорилъ другой.

Третій настаивалъ напротивъ:

— До среды нечего ждать. Да, если ледъ даже и пройдетъ, онъ моста не тронетъ.

Настойчивѣе всѣхъ увѣряла, что совершенно нечего бояться, хозяйка гостиницы, передъ которой остановился Зендеръ.

— Ледъ крѣпокъ, какъ каменная стѣна,—клялась она,—раньше недѣли ничего не будетъ. А если даже ледъ тронется, какая вамъ забота? Пять лѣтъ тому назадъ ледоходомъ снесло мостъ, но съ тѣхъ поръ этого не бывало. Теперь у насъ новый мостъ, на цѣпяхъ толщиною съ меня.

Извозчикъ покачалъ головой.

— Вы хлопочете о гостяхъ,—сказалъ онъ,—а я о возвращеніи домой. Такого ужаснаго ледохода, какой будетъ на этотъ разъ, давно не бывало. Онъ унесетъ мостъ.

Зендеръ уже готовъ былъ пуститься въ путь, какъ на воротахъ ему бросилась въ глаза гигантская афиша розоваго цвѣта: «Театръ

Digitized by Google

въ Залѣсчикахъ» и въ то же время изъ воротъ показался позѣвывая тонкій блондинъ, въ касторовой шляпѣ на-бекрень, въ потертомъ пальто, съ истасканнымъ бритымъ лицомъ. «Актеръ!»

Сердце Зендера сильно забилось.

— Развѣ театръ здѣсь, въ вашемъ домѣ?—спросилъ онъ хозяйку.

— Да,—съ гордостью отвѣтила она.—Въ моемъ залѣ. Такихъ актеровъ вы, навѣрное, никогда еще не видали. А послѣ представленія всѣ ужинаютъ у меня въ ресторанѣ.

Зендеръ поколебался.

— Надо взглянуть, какъ обстоятъ дѣла на рѣкѣ,—сказалъ онъ кучеру.—Сходимте-ка туда.

Они пошли внизъ по улицѣ, до искусственнаго возвышенія на берегу рѣки, какого-то бастіона около самаго моста. Отсюда можно было на далекое разстояніе обозрѣть Днѣстръ: грязную, сѣрую, широкую, гигантскую змѣю, которая извивалась среди бѣлѣющихъ снѣгомъ полей. У ногъ лежалъ понтонный мостъ: рядъ плоскодонныхъ, устланныхъ досками лодокъ, укрѣпленныхъ между двумя громадными, вдѣланными въ каменные столбы цѣпями. Вдоль него тянулись пѣшеходы и экипажи и ни откуда не было видно угрожающей опасности.

— Я не останусь,—сказалъ всетаки извозчикъ.—Посмотрите на цвѣтъ Днѣстра. Ледъ еще держится, но воды на немъ уже около фута, иначе онъ не казался бы такимъ грязнымъ. Цвѣтъ льда едва просвѣчиваетъ. Повѣрьте мнѣ.

— Вода стоитъ на поверхности льда,—согласился Зендеръ,—но пока не слыхать еще ни малѣйшаго треску, а это начинается за нѣсколько дней до ледохода.

— Такъ оставайтесь,—сказалъ извозчикъ,—а я поѣду!

Зендеръ нетерпѣливо взглянулъ вокругъ себя: нѣтъ ли поблизости мѣстнаго жителя, который убѣдилъ бы упрямца. Дѣйствительно, человѣкъ такой оказался и даже служащій. Въ углу бастіона кто-то въ сѣрой солдатской шинели копалъ яму. Шинель была въ лохмотьяхъ, а лицо солдата поражало своимъ тупоуміемъ; на соломенной шляпѣ блестѣла бляха съ надписью: «Городская полиція».

— Какъ ты думаешь,—спросилъ его по-русскински Зендеръ,—что мосту угрожаетъ опасность?

— Ко мнѣ обращаются на «вы»,—съ достоинствомъ сказалъ оборванецъ,—потому что я—полиція. Вы спрашиваете про мостъ? Кто же можетъ ему угрожать?

— Ледоходъ.

Digitized by Google

— Онъ мосту ничего не сдѣлаетъ! Не смѣетъ. Господинъ бургомистръ запретилъ. Я самъ слышалъ, какъ онъ говорилъ: «На этотъ разъ ледоходъ не смѣетъ ломать мостъ; онъ слишкомъ дорого стоитъ».

— Ну, что же,—вы успокоились?—засмѣялся кучеръ.

Зендеръ, однако, спросилъ еще:

— А господинъ бургомистръ не сказалъ, когда начнется ледоходъ?

— Нѣтъ. Но онъ сказалъ, что не такъ скоро, потому что у него нѣтъ еще телеграммы.

— Развѣ ледоходъ ему телеграфируетъ?—спросилъ извозчикъ.

— Я не знаю, кто телеграфируетъ,—отвѣтилъ полицейскій.— Но мы должны получить телеграммы изъ Николаева, Галича, Іезуполя, изъ всѣхъ городковъ сверху.—Онъ показалъ вверхъ по рѣкѣ.— Только тогда начнется ледоходъ. Онъ не можетъ начаться раньше среды.

— Почему?

— По этой самой причинѣ.—Онъ указалъ на яму.—«Сегодня, Грицко,—сказалъ мнѣ господинъ бургомистръ,—ты выроешь яму для мортиры, въ понедѣльникъ мы ее поставимъ, во вторникъ зарядимъ. Значитъ,—серьезно заключилъ полицейскій,—раньше среды ничего не будетъ, потому что выстрѣлами изъ мортиры городъ извѣщается о началѣ ледохода.

— Ну, теперь мы можемъ спокойно спать,—засмѣялся извозчикъ.

Но Зендеръ на самомъ дѣлѣ успокоился.

«Если бы вопросъ шелъ не о театрѣ,—подумалъ онъ,—я бы уступилъ. А теперь?!»

Такъ какъ извозчикъ стоялъ на своемъ, то они свели счеты и распрощались.

XXIX.

Зендеръ велѣлъ отвести себѣ комнатку для спанья, а въ столовой подать обѣдъ. Слава Богу, кельнеръ не зналъ его и ничего не спросилъ о пейсахъ; освѣдомился только, собирается ли онъ вечеромъ въ театръ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, вынулъ изъ кармана билетъ и положилъ передъ гостемъ.

«Мѣсто 1 ряда, № 8, цѣна сорокъ крейцеровъ. Съ этого мѣста видно превосходно».

— Нѣтъ ли у васъ билета подешевле?—спросилъ Зендеръ.

— Господину, какъ вы!—воскликнулъ кельнеръ.—Нѣмцу, который не носитъ пейсовъ и ходитъ въ короткомъ платьѣ! Второй

Digitized by Google

ярусъ стоитъ тридцать или даже двадцать крейцеровъ, право, въ точности не знаю, потому что съ публикой, которая ходитъ на такія мѣста, я не имѣю дѣла. На этомъ мѣстѣ третьяго дня сидѣлъ окружной начальникъ, вчера господинъ полковникъ. Изъ второго яруса вдобавокъ ничего не видно!

Вопросъ былъ рѣшенъ. Зендеръ отсчиталъ кельнеру сорокъ крейцеровъ.

— У васъ нѣтъ афишки?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ! Но афиша виситъ на двери. Ихъ рисуется ежедневно шесть штукъ. Вѣдь мы здѣсь очень отстали. Вы думаете, въ Залѣсчикахъ есть типографія? Постойте, на кассѣ виситъ афиша, я вамъ ее принесу!

Онъ вышелъ и любезно принесъ афишу. То было гигантское сооруженіе, склеенное изъ нѣсколькихъ листовъ красной бумаги и раскрашенное красками. Толстая черта раздѣляла ее на двѣ части: слѣва были еврейскія, справа—латинскія буквы; текстъ былъ нѣмецкій и содержалъ на обѣихъ половинахъ приблизительно одно и то же, но только приблизительно. Лѣвая сторона была разсчитана на еврейское населеніе, и талантливый составитель афиши необычайно ловко спекулировалъ на національныхъ чувствахъ евреевъ. На правой—онъ оставлялъ точку зрѣнія благочестиваго еврея и обращался въ человѣка, который смотритъ на евреевъ съ жалостью и снисхожденіемъ и льститъ христіанамъ. Афиша походила на двуглаваго орла: двѣ одинаковыя головы, но смотрятъ всегда въ разныя стороны.

Пока Зендеръ прочелъ двѣ половины гигантской афиши, жареное остыло, кромѣ того онъ отъ злости не въ состояніи былъ ѣсть. Москаль не могъ пожаловаться на свою часть.

«Негодяи,— бормоталъ онъ,— всѣмъ хотятъ угодить и врутъ такъ, что небу жарко. А туда же артисты! Или вы у Надлера научились писать такія афиши, мерзавцы?»

Пуще всего сердился онъ, что они осмѣливаются злоупотреблять именемъ своего бывшаго директора.

«Подождите, онъ васъ отблагодаритъ!»

Многое было для него въ афишѣ загадочно и возбуждало любопытство, но онъ не рѣшался еще разъ взглянуть на нее.

«Сволочь, посмотрю на ваше представленіе, воображаю, что это такое! Не стоите вы, чтобы о васъ думали!»

Онъ расплатился и пошелъ осматривать городъ, котораго раньше никогда не видалъ при дневномъ свѣтѣ: извозчикомъ ему приходилось здѣсь только ночевать.

Digitized by Google

Онъ вошелъ въ цирюльню, велѣлъ остричь себѣ волосы, обрить бороду и усы. Цирюльникъ-еврей приступилъ къ дѣлу, покачивая головой.

«Точно актеръ,—сказалъ онъ,—этого не требовалъ отъ меня еще ни одинъ еврей. Сначала пейсы...»

Зендеръ бросилъ деньги и выбѣжалъ въ дверь. Недалеко отъ цирюльни находилась лавка верхняго платья. Долго пришлось примѣрять платье, пока нашлось нѣчто подходящее, и еще дольше торговаться, такъ какъ продавецъ заломилъ безсовѣстную цѣну. Только когда Зендеръ ушелъ изъ магазина, торговецъ догналъ его и согласился продать платье за двадцать гульденовъ. Одѣвшись въ комнатѣ, прилегающей къ лавкѣ, въ новое платьѣ, молодой человѣкъ подошелъ къ зеркалу. Онъ показался себѣ въ непривычномъ нарядѣ очень страннымъ, и собака залаяла, точно не узнавая его или желая выразить свое изумленіе.

Въ ближайшемъ шляпномъ магазинѣ его назвали «господиномъ», значитъ, не признали за еврея. Болѣе того, приказчикъ, не дожидаясь требованія, подалъ ему мягкую фетровую шляпу съ огромными полями: «такую шляпу купилъ у меня господинъ Гогенэйхенъ»,—сказалъ онъ. Значитъ, Зендеръ имѣлъ уже видъ актера. Но гордость его уменьшилась, когда приказчикъ, увидавъ, что онъ подходитъ къ зеркалу, повѣшенному около двери, подошелъ къ ней и положилъ даже руку на скобку. Москаль снова залаялъ; но Зендеръ нашелъ, что шляпа идетъ къ нему восхитительно, и послѣ продолжительныхъ препирательствъ, купилъ ее за три гульдена съ придачею крестьянской шапки. При видѣ денегъ лицо приказчика прояснилось.

— Можетъ быть, вы будете добры и напомните своему коллегѣ господину фонъ-Гогенэйхену...

— Я съ нимъ незнакомъ,—съ гордостью отвѣтилъ Зендеръ.—Правда, я также актеръ, но не здѣшняго театра; я членъ городского театра въ Черновицахъ, состоящаго подъ *настоящимъ* управленіемъ господина Надлера.

Наступили сумерки; послѣ полудня въ воздухѣ стало еще теплѣе, со всѣхъ крышъ капало, по оттаявшимъ улицамъ текли ручьи; казалось, что весь снѣгъ сразу стаялъ. Непріятно было на грязной улицѣ; Зендеръ собирался уже вернуться въ гостиницу, какъ до его слуха долетѣли слова:

— Вода подымается! Ледъ уже трещитъ!

Это закричалъ одинъ господинъ другому и оба побѣжали къ Днѣстру.

Digitized by Google

«Вотъ такъ исторія!—подумалъ въ испугѣ Зендеръ и побѣжалъ вслѣдъ за ними.—У меня осталось еще десять гульденовъ, хватитъ какъ разъ на поѣздку и на пропитаніе до воскресенья вечера. Въ Черновицы пріѣду почти безъ гроша. Неужто мостъ уплыветъ изъ-подъ носу».

Но Днѣстръ не имѣлъ устрашающаго вида. Мостъ освѣщенъ былъ факелами, бастіонъ переполненъ народомъ, который съ любопытствомъ смотрѣлъ на необычное зрѣлище; страха, повидимому, никто не испытывалъ. Вода поднялась, но и цѣпи подтянули выше, такъ что плоскодонки все еще держались на поверхности воды; сообщеніе по мосту продолжалось; его прерывали только на время работъ съ плашкоутами. Когда скоплялось много бревенъ и ломаныхъ досокъ, ихъ выуживали баграми и жердями и перекидывали на противоположную сторону моста въ бурный потокъ. Непріятенъ былъ трескъ льду: сначала глухой, потомъ болѣе и болѣе ясный и рѣзкій, точно гигантскій кулакъ разбивалъ вдребезги громадное зеркало, переходившій потомъ въ хлюпанье, когда вода проникала въ трещины и увеличивала ихъ.

Среди толпы благоговѣйныхъ слушателей стоялъ толстый старикъ и оживленно тараторилъ:

— Только не бойтесь,—говорилъ онъ,—съ верховья еще нѣтъ телеграммы. Вы видите, я еще не приказалъ ставить мортиры. Раньше понедѣльника ледоходъ не начнется. Ступайте домой; я буду караулить!

Старикъ-еврей въ шелковомъ кафтанѣ, должно быть, изъ важныхъ, протискался сквозь толпу.

— Господинъ бургомистръ,—кричалъ онъ задыхаясь,—вотъ телеграмма.

— Откуда?

— Изъ Барнова.

— Ха-ха,—засмѣялся бургомистръ,—съ которыхъ поръ Барновъ лежитъ на Днѣстрѣ?

Окружающіе засмѣялись.

— Телеграмма важная!—возразилъ старикъ и зашепталъ что-то бургомистру.

Но тотъ его почти не слушалъ.

— Въ другой разъ, господинъ Зильберштейнъ, теперь намъ не до еврейскихъ дѣлъ.

«Что бы это могло быть»?—подумалъ Зендеръ скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ безпокойствомъ.

Его телеграмма не могла касаться: онъ не воръ, въ догонку за

Digitized by Google

которымъ посылаютъ телеграммы. И относительно отъѣзда въ воскресенье нечего было безпокоиться.

Онъ пошелъ обратно въ гостиницу. Въ воротахъ стояла толстая хозяйка и остановила его, когда онъ проходилъ:

— Куда вы идете, господинъ?

— Въ номеръ девятый,—отвѣтилъ онъ коротко.

Тогда она широко раскрыла глаза и всплеснула руками:

— Ахъ, это вы? Такъ вы, правда, хотите быть актеромъ?

Точно такъ же встрѣтилъ его въ ресторанѣ кельнеръ. Зендеръ ободрился: значитъ, онъ на самомъ дѣлѣ похожъ на актера.

Но ему тотчасъ же пришлось познакомиться съ оборотной стороною медали. Когда кельнеръ подалъ ему бутылку «молдавскаго», то остановился и сказалъ:

— Извините, сударь, у насъ платятъ немедленно.

Зендеръ съ усмѣшкой досталъ бумажникъ и не глядя вынулъ бумажку въ десять гульденовъ. Эффектъ оказался поразительный; а штука была самая простая: въ бумажникѣ больше ничего не было.

XXX.

Кельнеръ вышелъ вонъ. Очевидно за дверью онъ сообщилъ свои наблюденія. Немедленно въ ресторанъ вошелъ худощавый блондинъ, котораго Зендеръ видѣлъ при пріѣздѣ, и съ протянутыми руками пошелъ къ нему, точно желая обнять его. Но Москаль грозно поднялся и сердито зарычалъ. Такъ что незнакомецъ могъ только издали воскликнуть:

— Коллега!... Проѣздомъ?... Какая радость!

— Кушъ, Москаль!—прикрикнулъ Зендеръ на собаку.—Да,—холодно отвѣтилъ Зендеръ.

«Я, дѣйствительно, актеръ, но тебѣ не коллега»,—мысленно прибавилъ онъ.

Блондинъ приблизился, но уже съ опущенными руками.

— Германъ Дагобертъ фонъ-Гогенэйхенъ,—сказалъ онъ съ легкимъ поклономъ.—Первый любовникъ, герой, бонвиванъ и актеръ на характерныя роли.

Зендеръ только наполовину поднялся со стула.

— Александръ Курлэндеръ.

«Что мнѣ еще сказать,—подумалъ онъ.—Мнѣ кажется, что я на характерныя роли, но это рѣшитъ Надлеръ».

И онъ ничего больше не прибавилъ.

— Курлэндеръ?! — воскликнулъ Германъ Дагобертъ Гогенэй-

Digitized by Google

хенъ.—Можетъ ли быть? Александръ? Знаменитый Курлэндеръ? О, какая радость!—Онъ схватилъ Зендера за руку.—Какъ я много о васъ слышалъ! Вы—столпъ, вы—гордость нѣмецкаго искусства. Курлэндеръ изъ Залѣсчиковъ.

Зендеръ на минуту смутился.

«Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ есть знаменитый Курлэндеръ»,—подумалъ онъ.

Но когда Гогенэйхенъ воскликнулъ:

— Не вспрыснуть ли намъ радостную встрѣчу. Эй, хозяинъ! Зендеръ понялъ въ чемъ дѣло.

— Вы ошибаетесь,—сказалъ онъ.—Я вообще ничѣмъ не знаменитъ. Я...

— Какая скромность!—воскликнулъ Гогенэйхенъ и сѣлъ къ столу.—Да, вотъ каковы истинно великіе люди! Я, я не могу себя сравнивать съ вами, но я также скроменъ. Однако всему есть границы! Вы—не знамениты?! Кто-жъ тогда знаменитъ? Васъ неоднократно называли вторымъ Дависономъ. Кто, бишь, это писалъ? Сафиръ, вѣрно, Сафиръ! Человѣкъ, который всѣхъ порицаетъ! Положимъ, меня онъ также хвалилъ неоднократно и сильно, коллега, но васъ онъ превозносилъ до небесъ!—Рѣчь лилась, какъ потокъ; онъ говорилъ высокимъ, звонкимъ теноромъ и слегка прищелкивалъ языкомъ.—Вы думаете, я самъ не слыхалъ, какъ весь театръ дрожалъ отъ рукоплесканій? Я самъ аплодировалъ вамъ, какъ безумный. Но гдѣ это было? Въ Вѣнѣ? Въ Берлинѣ? Ну, да все равно. Хозяинъ, куда онъ провалился?

Подбѣжалъ кельнеръ.

— Дайте мнѣ бутылку такого же вина,—приказалъ Гогенэйхенъ.

Кельнеръ вопросительно взглянулъ на Зендера. Тотъ покачалъ головой.

— Вы ошибаетесь,—повторилъ онъ настойчиво.—Я еще ни разу не выступалъ на сценѣ. Мы съ вами, дѣйствительно, однажды видѣлись, но гдѣ, вы этого не вспомните.

Картавый выговоръ актера навелъ Зендера на вѣрный путь.

— Два года тому назадъ въ Черновицахъ послѣ представленія «Венеціанскаго купца». Вы играли тогда Антоніо. Мы сидѣли вмѣстѣ за столомъ директора Надлера, и вы помирали со смѣху надо мной. Я разсказывалъ господину директору, какъ мнѣ понравилось представленіе.

— Это были вы!—воскликнулъ Гогенэйхенъ, схватилъ руку Зендера и замахалъ ею, какъ колодезной ручкой.—Тѣмъ болѣе чести, что вы сдѣлали такіе успѣхи!

Digitized by Google

— Въ этомъ надо сперва убѣдиться. Я надѣюсь на господина директора Надлера. Онъ честный человѣкъ и понимаетъ свое дѣло!

— Вѣрно, вѣрно,—воскликнулъ Гогенэйхенъ,—ей-Богу! Честнѣйшій человѣкъ отъ головы до пятокъ! Конечно, какъ у всякаго человѣка, у него есть недостатки. Коллега, вы молоды и неопытны; позвольте сказать вамъ откровенно нѣсколько словъ. Надлеръ доброжелательно относится къ новичкамъ; но съ настоящими артистами онъ суровъ—въ немъ говоритъ зависть. Чѣмъ актеръ талантливѣе, тѣмъ меньше ролей даетъ онъ ему. Я объ этомъ кое-что знаю. Что давалъ онъ мнѣ, любимцу вѣнской, берлинской, мюнхенской публики? Поэтому я съ нимъ и разстался. Положимъ, не только по этому. Онъ, кромѣ того, обманщикъ: обѣщаетъ хорошее жалованье и не платитъ ни гроша. Въ прошломъ году онъ прогорѣлъ и оставилъ насъ ни съ чѣмъ. Я вамъ разскажу всю исторію, коллега; это будетъ интересно и поучительно. Весьма поучительно! Но, не промочивъ горла, не могу. Велите подать намъ бутылочку вина. Что за счеты между коллегами!

— Между коллегами—допустимъ!—сказалъ Зендеръ.—Но кто ругаетъ Надлера и лжетъ на него,—мнѣ не коллега. Вы разошлись съ нимъ потому, что васъ подбилъ Штиклеръ, но, повидимому, мало отъ этого выиграли. И вмѣсто того, чтобы винить самихъ себя, обвиняете Надлера!

Актеръ вскочилъ съ мѣста, вскочилъ также и Зендеръ.

«Сейчасъ выдетъ сцена,—подумалъ онъ.—Пускай, это мой долгъ по отношенію къ Надлеру».

Но вышло совсѣмъ иначе. Актеръ протянулъ по направленію къ Зендеру руку, но только для того, чтобы положить ее ему на плечо.

— Коллега, вы правы,—сказалъ онъ,—во всемъ правы. Я понимаю и цѣню ваше энергичное заступничество за директора. «Честный человѣкъ съ головы до пятъ»—такъ я всегда думалъ о Надлерѣ; надѣюсь, что вы со мной согласны! Я же готовъ согласиться съ вами, что глупо было слушать пашептыванія злосчастнаго Штиклера.—Онъ небрежно бросился на стулъ.—Собачья жизнь! Дворянинъ стариннаго рода, Гогенэйхенъ! Ха-ха-ха! Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно! Мнѣ восторженно аплодируютъ, но что значатъ аплодисменты Хорошкова и Залѣсчиковъ для человѣка, которому рукоплескали столицы всего міра? Что значитъ задержка жалованья! Для артиста это не главное, но существенное. Тогда сто гульденовъ въ мѣсяцъ, теперь ничего.

Онъ съ минуту молчалъ.

— Я не въ состояніи разсказать вамъ, дорогой Курлэндеръ, какъ

Digitized by Google

мнѣ плохо живется,—началъ онъ дрожащимъ голосомъ,—вы добры ко мнѣ и, конечно, меня пожалѣете.

Онъ снова остановился и выжидательно поглядѣлъ на Зендера. Но такъ какъ тотъ не моргнулъ глазомъ, актеръ подозвалъ кельнера.

— Рубенъ,— прошепталъ онъ,— скажите этому знаменитому актеру, въ какомъ положеніи находится его коллега.

— Вамъ, правда, плохо живется,— сказалъ кельнеръ.—Двадцать крейцеровъ суточныхъ, столъ и квартира. Всѣмъ-то вы должны. Теперь,—онъ взглянулъ на часы: они показывали половину седьмого,—вы, вѣроятно, очень голодны, потому что обѣдали въ двѣнадцать, а ужинъ будетъ только по окончаніи спектакля.

— Замолчите,—пробормоталъ Гогенэйхенъ,—я сгораю со стыда.

— Подайте господину Гогенэйхену бутербродъ и бутылку молдавскаго,—сказалъ Зендеръ.

— Зачѣмъ же вы здѣсь остаетесь?—спросилъ онъ.—Вы вѣдь бывали на лучшихъ сценахъ.

— Я былъ гордостью вѣнскаго бургтеатра. Но не могу же я уѣхать безъ гроша денегъ. А потомъ,—тебѣ я довѣрюсь, родственное сердце,—меня приковываетъ любовь: Шёнау—моя невѣста. И въ нашей горькой жизни есть просвѣты,—добавилъ онъ и съ жадностью откусилъ кусокъ бутерброда.—Я остаюсь назло моему смертельному врагу Кённену! Безбожникъ хочетъ все у меня отнять: невѣсту, роли!

— Тсъ!—предостерегъ кельнеръ.

Въ дверь вошелъ маленькій, худенькій человѣчекъ въ поношенномъ платьѣ, типъ настоящаго приниженнаго, жалкаго еврея. Опустивъ голову, онъ грустно пробирался на своихъ коротенькихъ ножкахъ къ столу въ уголъ, держа въ правой рукѣ банку съ клейстеромъ, въ лѣвой—огромный свертокъ красной бумаги.

Угрюмо снялъ Рубенъ на его робкую просьбу скатерть со стола. Человѣкъ разложилъ бумагу и сталъ склеивать вмѣстѣ листы.

— Вѣдь къ завтрашнему дню афиша готова, зачѣмъ же вы мажете мнѣ столъ?

— Я готовлю афишу къ понедѣльнику, для перваго представленія въ Борщовѣ,—скромно отвѣтилъ человѣчекъ.—Господинъ директоръ приказалъ мнѣ везти ее уже готовой, потому что въ воскресенье мы будемъ въ дорогѣ, а въ понедѣльникъ я долженъ помогать уставлять подмостки.

— Завтра будутъ еще здѣсь играть?—спросилъ Зендеръ удивленно своего визави.

Digitized by Google

— Конечно,—отвѣтилъ Гогенэйхенъ.—Всѣ мѣста распроданы. Бенефисъ моей невѣсты!

Онъ вышелъ изъ ресторана. Кельнеръ также оставилъ комнату. Зендеръ остался съ человѣчкомъ, который усердно трудился надъ своей работой, но по временамъ украдкой взглядывалъ на него. Зендеръ дѣлалъ то же самое. Лицо человѣка было поразительно безобразно: изъ-подъ низкаго, вдавленнаго лба, надъ которымъ торчали жесткіе, черные волосы, выглядывали два маленькіе, меланхолическіе глаза; между ними выступалъ впередъ колоссальныхъ размѣровъ носъ, точно стараясь вытянуться въ футъ длины, но затѣмъ, испугавшись своего безумнаго намѣренія, дѣлалъ рѣзкій изгибъ по направленію къ тонкимъ губамъ; зато подбородокъ рѣзко выпячивался впередъ.

«Если бы Францъ Мооръ былъ евреемъ,—подумалъ Зендеръ,—я бы взялъ за образецъ для него эту физіономію».

Человѣчекъ все чаще взглядывалъ на Зендера.

«Навѣрно, онъ заговоритъ со мной,—подумалъ тотъ съ неудовольствіемъ».

Гогенэйхенъ ему совершенно не понравился, и онъ не желалъ имѣть еще дѣла съ составителемъ афиши.

Но когда маленькій человѣчекъ, послѣ очевидной борьбы съ собою, подошелъ къ нему, Зендеръ не рѣшился спастись бѣгствомъ.

— Простите великодушно,—сказалъ смиренно Кённенъ, медленно подвигаясь впередъ,—я хотѣлъ васъ только кое о чемъ спросить. Меня зовутъ Кённенъ, я служу здѣсь въ труппѣ. Вѣдь вы тотъ самый молодой человѣкъ изъ Барнова, къ которому такъ расположенъ директоръ Надлеръ. Я покупалъ по его порученію книги, которыя онъ посылалъ вамъ въ январѣ прошлаго года.

— Да, я тотъ самый.

— Извините, пожалуйста, что теперь Надлеръ настоятельно потребовалъ васъ къ себѣ, или вы ѣдете на свой страхъ?

— Хотя это васъ совершенно не касается,—сказалъ Зендеръ,—но я отвѣчу вамъ: онъ позвалъ меня самъ.

— Хорошо,—сказалъ Кённенъ, кивнувъ головой.—Очень хорошо! Извините меня, пожалуйста!

Онъ снова принялся за работу.

Зендеръ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него.

— Почему вы спросили меня?—сказалъ онъ минуту спустя.

Человѣчекъ снова приблизился къ нему.

— Почему? Вы правы, это меня совершенно не касается. Но если видишь, какъ человѣкъ, неумѣющій плавать, бросается въ бурный потокъ, невольно спросишь его, есть ли у тебя канатъ, чтобы

Digitized by Google

ухватиться? И если онъ скажетъ «нѣтъ», то предостережешь его. У васъ, благодареніе Господу, есть канатъ. Что посовѣтуетъ Адольфъ Надлеръ, то можно спокойно дѣлать.

— Вы по его совѣту бросили его?

— Я?—съ ужасомъ воскликнулъ Кённенъ.—Остальные его бросили. Меня онъ самъ отослалъ. Въ апрѣлѣ—минуло три года, какъ онъ таскалъ меня за собой, такъ себѣ изъ жалости; я замѣнялъ ему секретаря—такъ вотъ, въ апрѣлѣ онъ и говоритъ мнѣ: «Конъ,—это моя настоящая фамилія; онъ всегда такъ звалъ меня,—вы красиво пишете, вы человѣкъ на всѣ руки, вполнѣ приличный,—маленькій человѣчекъ выпрямился,—да, такъ сказалъ мнѣ господинъ Надлеръ, но для актера у васъ нѣтъ ни таланта, ни внѣшности. Поступайте опять къ адвокату или начинайте торговлю. Вамъ всюду будетъ лучше, чѣмъ въ театрѣ. Но у господина Надлера были и другія причины, почему онъ мнѣ такъ сказалъ...

Человѣчекъ покраснѣлъ.

— Я понялъ въ чемъ дѣло, и поступилъ писцомъ къ господину доктору Максу Зальменфельду. Жаловаться было не на что, но я тосковалъ, потому что театръ—кто его разъ попробовалъ... Онъ глубоко вздохнулъ.—А тутъ въ началѣ мая пришелъ ко мнѣ Штиклеръ и говоритъ: «Кённенъ, поѣдемте съ нами; вы будете играть характерныя роли и занимать мѣсто театральнаго секретаря. И еще была у него въ труппѣ для меня приманка... простите, что утруждаю васъ разговоромъ, но такъ какъ вы заговорили объ уходѣ—я бы до послѣдней минуты жизни не ушелъ отъ своего господина Надлера.

Зендеръ растрогался: на него не столько подѣйствовали слова, сколько тонъ, которымъ они были сказаны. Маленькій человѣчекъ оказался совсѣмъ инымъ, чѣмъ онъ думалъ.

— Если у васъ не особенно спѣшная работа,—сказалъ онъ,—то присядьте ко мнѣ.

— Къ сожалѣнію, очень спѣшная,—отвѣтилъ Кённенъ.—Мнѣ надо до спектакля склеить листы, чтобы они успѣли высохнуть; ночью и завтра утромъ я ихъ разрисую. Можетъ быть, вы сдѣлаете мнѣ честь и присядете ко мнѣ.

Зендеръ исполнилъ его желаніе, хотя напоминаніе объ афишѣ расхолодило его.

— Сколько времени служите вы въ театрѣ?—спросилъ онъ.

— Шесть лѣтъ,—отвѣтилъ Кённенъ.—Я поздно поступилъ на сцену, двадцати пяти лѣтъ.

— Почему выбрали вы сцену?

— По собственной охотѣ, сердце мое съ дѣтства рвалось къ те-

Digitized by Google

атру. Я родомъ, этого по мнѣ не видно, изъ хорошей, богатой семьи; отецъ мой Шломе Конъ былъ крупный виноторговецъ въ Тарновѣ и вдобавокъ благочестивый хассидъ. Старшій братъ долженъ былъ унаслѣдовать торговлю, а я—сдѣлаться раввиномъ. Но въ тринадцать лѣтъ меня постигло несчастіе. Я гостилъ у родственниковъ въ Краковѣ, и они брали меня нѣсколько разъ съ собой въ театръ, гдѣ я совсѣмъ потерялъ голову. Вернувшись въ Тарновъ, я днемъ и ночью думалъ объ одномъ. Разъ утромъ, идя въ школу, я рѣшилъ отправиться въ Краковъ въ театръ и какъ былъ, съ двумя крейцерами въ карманѣ, пошелъ побираясь въ Краковъ; пришелъ туда въ полдень; когда театръ провѣтривали, забрался на галерею и спрятался. Посмотрѣть представленіе мнѣ удалось, но потомъ меня вытолкали вонъ; ночью со мной сдѣлался на улицѣ отъ голоду обморокъ. Меня подобрала полиція и доставила въ Тарновъ. Тамъ меня жестоко высѣкли, но, какъ видите, безъ результатовъ.

Зендеръ кивнулъ головой.

— Я твердо стоялъ на своемъ,—продолжалъ человѣчекъ,—мнѣ хотѣлось разумно начать дѣло. Надо было научиться по-нѣмецки; у моего брата, какъ будущаго торговца, былъ нѣмецкій учитель; я потихоньку учился съ нимъ вмѣстѣ. Необходимо было добыть денегъ; я—онъ тяжело вздохнулъ—укралъ у отца сто гульденовъ и уѣхалъ въ Лембергъ. Мнѣ было въ то время семнадцать лѣтъ. Когда я бродилъ печально по городу, встрѣтился со мною гладко-выбритый человѣкъ. «Вы актеръ?»—спросилъ я.—«Директоръ Тальгеймъ»,—отвѣтилъ онъ. Онъ какъ разъ составлялъ труппу. За девяносто гульденовъ онъ взялъ меня съ собой въ Стрій, гдѣ далъ играть роль лакея, который говоритъ: «Пожалуйте къ графинѣ». Только что я показался на сценѣ и не успѣлъ раскрыть рта, какъ всѣ принялись безумно хохотать. Негодяй тотчасъ же выгналъ меня и «изъ жалости» возвратилъ одинъ гульденъ. Въ эту ночь,—его голосъ дрожалъ,—я бросился въ Стрій, но плотовщики меня вытащили. Я попалъ въ больницу, откуда отецъ увезъ меня домой.

— Ужасно!—пробормоталъ Зендеръ.

— Черезъ четыре года отецъ умеръ. Получивъ наслѣдство, я отправился въ Вѣну учиться драматическому искусству. Всѣ отсовѣтовали, но я стоялъ на своемъ, что необходимо изучить дѣло на практикѣ. Я самъ составилъ труппу и въ два года спустилъ восемь тысячъ гульденовъ. Когда я дошелъ до нищеты, во мнѣ принялъ участіе Надлеръ. Остальное вамъ уже извѣстно.

Онъ глубоко вздохнулъ и, низко наклонивъ голову, принялся мазать кистью по бумагѣ.

Digitized by Google

— Но такъ какъ вы все это сознаете...—началъ Зендеръ.

— Почему не ухожу? Потому что я сумасшедшій!—въ отчаяніи воскликнулъ человѣчекъ.—Потому что во мнѣ сидитъ дьяволъ. Потому что у меня одна неотвязная мысль: «Еще разъ сыграть Франца Моора...»

Часы пробили восемь.

— Богъ мой!—воскликнулъ онъ, переполошившись, и разложилъ сушить листы.—Я появляюсь въ первомъ актѣ... На сегодня придумалъ себѣ такой гримъ! Но на него нужно время!

И онъ выбѣжалъ вонъ.

XXXI.

Зендеръ поспѣшилъ занять свое мѣсто въ театрѣ. Его смущало, что на лѣстницѣ онъ встрѣтилъ лишь нѣсколькихъ мальчиковъ, а въ коридорѣ, кромѣ кассирши, не было ни одного взрослаго.

«Вѣроятно, всѣ уже въ залѣ», подумалъ Зендеръ и вошелъ.

Но тамъ онъ засталъ одного Рубена, который зажигалъ по стѣнамъ сальныя свѣчи.

— Вы пришли слишкомъ рано,—сказалъ онъ,—раньше девяти не начнется. Евреи не управятся раньше съ ѣдой, и многіе господа стоятъ у Днѣстра. Говорятъ, вода сильно прибываетъ.

— Но мосту не грозитъ опасность?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ!—успокоилъ Рубенъ.

Однако, Зендеръ подумалъ, не лучше ли пойти убѣдиться самому. Его особенно безпокоили сегодня легкія и въ сыромъ, холодномъ воздухѣ очень тяжело дышалось. Поэтому онъ рѣшилъ остаться и сталъ разсматривать театръ.

Театръ представлялъ мало интереснаго. Залъ, какъ во всѣхъ галиційскихъ гостиницахъ, въ маленькихъ городкахъ, небольшой, съ низкимъ потолкомъ и ярко выкрашенными стѣнами. У стѣнъ, на половинѣ высоты выстроены галереи, на которыя ведутъ шаткія лѣстницы. Помѣщеніе служитъ для всѣхъ городскихъ увеселеній: въ большіе еврейскіе праздники, когда синагога не въ состояніи вмѣстить всѣхъ молящихся, залъ этотъ служитъ мѣстомъ молитвы. Тогда галерея отводится женщинамъ. Сегодня на ней были дешевыя ненумерованныя мѣста. Какъ во всемъ мірѣ, мѣста эти и въ Залѣсчикахъ наполнились раньше другихъ; тутъ были крестьяне, мѣщане съ женами и солдаты.

— Почти все даровые билеты,—шепнулъ Зендеру кельнеръ.—На сегодня намъ нужны статисты.

Digitized by Google

Это было слышно. За нѣкогда небесноголубымъ, а теперь грязносѣрымъ занавѣсомъ, на которомъ полуодѣтый пентюхъ съ лирою въ рукѣ подплясывалъ среди слегка прикрытыхъ пугалъ, раздавались разнообразные голоса.

— Эй, жидовское отродье!—зарычалъ вдругъ одинъ по-русски,—гдѣ же водка? Давайте намъ ее заранѣе!

— Заранѣе!—закричало нѣсколько голосовъ.

— Кённенъ,—послышался жирный голосъ,—сведите мерзавца на дворъ подъ колодезь; онъ совсѣмъ пьянъ!

— Не могу, господинъ директоръ, мой гримъ не готовъ!

— Къ чорту вашъ гримъ! Все равно васъ освищутъ!

Понемногу сталъ наполняться партеръ: унтеръ-офицерами, христіанскими жителями города, въ длиннополыхъ сюртукахъ, и ихъ женами въ пестрыхъ шаляхъ, евреями съ женами въ шелковыхъ платьяхъ, въ вышитыхъ жемчугомъ головныхъ повязкахъ. Второразрядная публика; около Зендера было еще пусто. Онъ принялся ходить взадъ и впередъ, сердце билось отъ ожиданія; хотя труппа и жалкая, но всего второй спектакль въ его жизни.

По временамъ занавѣсъ колыхался; къ дырочкѣ прикладывался чей-то глазъ.

— Пстъ, пстъ,—услыхалъ Зендеръ, когда проходилъ мимо; онъ оглянулся.

— Добрый вечеръ, коллега!—прозвучалъ чистый дѣвичій голосъ.—Я только хотѣла вамъ сказать, что вы хорошенькій молодой человѣкъ. Я—Шенау.

Зендеръ покраснѣлъ и опустилъ глаза въ землю.

— Грубый народъ!—пробормоталъ онъ.

Около девяти стали наполняться первые ряды, гдѣ помѣстились офицеры, чиновники, поляки, дамы въ Парижскихъ туалетахъ, бывшихъ въ модѣ пять лѣтъ тому назадъ.

Вокругъ Зендера всѣ говорили о ледоходѣ.

— Завтра ледъ тронется,—слышалось со всѣхъ сторонъ.—Ледоходъ будетъ сильный,—отвѣтилъ на вопросъ Зендера господинъ, сидѣвшій у него по правую руку.

Зендеръ глубоко вздохнулъ, но тутъ раздался колокольчикъ, и занавѣсъ тяжело поползъ вверхъ.

— Колеблется отъ жалости,—сказалъ шепотомъ господинъ своей женѣ.

Съ площади передъ церковью открывался видъ на готическій замокъ, окруженный деревьями.

— Паркъ въ Фотеринге,—прошепталъ сосѣдъ Зендера.

Digitized by Google

Выходятъ Ганна и священникъ. Актриса Линденъ—немолодая, тощая, безобразная блондинка немилосердно пищала, но о Биркѣ послѣ нѣсколькихъ фразъ Зендеръ почтительно замѣтилъ слѣдующее:

— Этотъ кое-чего стоитъ! Или вѣрнѣе стоилъ,—прибавилъ онъ, видя какъ сильно дрожатъ ноги, руки и челюсть высокаго человѣка и какъ онъ боязливо поглядываетъ на суфлерскую будку.

Тутъ на сцену появились Штиклеръ и Кённенъ въ качествѣ Лоренца и школьнаго учителя, и зрители разразились гомерическимъ хохотомъ.

Причиною веселія былъ гримъ Кённена; въ стремленіи уменьшить носъ, онъ наклеилъ себѣ толстыя щеки изъ папье-маше и огромные усы, съ закрученными кверху кончиками: видъ былъ самый ужасный. Маленькій человѣчекъ, услышавъ хохотъ, весь съежился.

— Мі-міровая исторія!—выговорилъ, онъ запинаясь, первое слово своей роли.

Всѣ снова захохотали.

— Долой щеки!—закричалъ кто-то изъ офицеровъ.

— Носъ наружу!

Крикъ превратился въ рычаніе.

Сцена понемногу наполнялась. Появились: купецъ, портной, булочникъ. Очевидно, статисты-солдаты въ удивительныхъ костюмахъ. Рѣчи, вложенныя въ ихъ уста авторомъ, говорила за всѣхъ кассирша, изображавшая «старушку Лизу».

Вдругъ снова поднялся смѣхъ, но въ то же время и громъ аплодисментовъ. Два пьяныхъ крестьянина руссина, въ собственной одеждѣ, очевидно, забытые за сценой, вытащили на подмостки Дебору.

— Чертовски хороша сегодня дѣвчонка,—пробормоталъ сидѣвшій за Зендеромъ офицеръ; молодой человѣкъ мысленно согласился и не могъ оторвать отъ нея глазъ. Когда взглядъ ея упалъ на него и затѣмъ постоянно къ нему обращался, Зендеръ потупился и впился глазами въ галстукъ; у него перехватило дыханіе. Только послѣ паденія занавѣса прошло мучительное ощущеніе удушья.

— Жаль, бѣдную,—сказалъ сосѣдъ Зендера женѣ.—Повидимому, совсѣмъ пропащее существо, а талантъ есть!

Зендеръ этого еще не рѣшилъ.

Когда поднялся занавѣсъ и дѣйствіе началось сценою въ лѣсу (все въ томъ же паркѣ въ Фотеринге) между Деборою и Іосифомъ, Зендеръ сталъ внимательно присматриваться къ игрѣ Шёнау. Оцѣнить игру ему удалось только въ сценѣ съ Гогенэйхеномъ, гдѣ онъ

Digitized by Google

увидалъ неизмѣримую разницу между обоими. Она говорила почти естественно; ея вопль и радостные крики хватали его за сердце.

«Она удовлетворила бы даже моего патера, который такъ стоялъ за простоту». Вдругъ онъ вспомнилъ, что она была Порціей въ его первомъ спектаклѣ.

— Да благословитъ тебя Господь, мой дорогой. Покойной ночи!— Дебора протянула благословляющія руки.

Занавѣсъ медленно опускался. Публика закричала:

— Шёнау, браво!

— До сихъ поръ евреи благополучно выпутались изъ бѣды,— сказалъ своему спутнику сосѣдъ Зендера слѣва.

— Но они опять наврали на афишѣ,—сказалъ тотъ сердито.

Зендеръ сдѣлалъ суровое лицо.

«Надо будетъ сказать Кённену»,—подумалъ онъ.

Больше о пьесѣ нигдѣ не говорили; восхищались Шёнау и смѣялись надъ Кённеномъ. Въ антрактѣ публикѣ предоставлялось развлекаться разговорами: мѣста музыкантовъ были пусты.

Зендеръ спросилъ своего сосѣда справа о причинѣ отсутствія оркестра.

Господинъ съ усмѣшкой взглянулъ на него.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—вы должны это знать не хуже меня. Сегодня канунъ субботы, музыканты не смѣютъ играть.

Зендеръ покраснѣлъ. Онъ не призналъ въ элегантномъ господинѣ единовѣрца.

Начальная сцена второго акта разъяснила Зендеру многословіе афиши. Деревенскій цирюльникъ, ухаживающій за скрытымъ отъ зрителей Лоренцомъ, котораго поразилъ ударъ, для христіанъ назывался господиномъ Моренгеймомъ, для евреевъ Кономъ, и былъ все тотъ же Штиклеръ, который въ первомъ дѣйствіи игралъ Лоренца. Злосчастный Кённенъ старался потѣшать зрителей остротами по адресу евреевъ.

Публика болтала и только съ появленіемъ Шёнау, начавшей свой монологъ о любви, все стихло.

— Любовь сильнѣе смерти!

Зендеръ покраснѣлъ до корня волосъ, когда она на него взглянула.

Новая сцена—то есть новое паденіе занавѣса, на сценѣ оставался все тотъ же замокъ. Изгнаніе Деборы Лоренцомъ и сцена съ Іосифомъ. Снова рукоплесканія. На этотъ разъ она вышла съ Гогенэйхеномъ и не сводила глазъ съ Зендера. Онъ потупился и продолжалъ сидѣть такъ даже послѣ паденія занавѣса.

Digitized by Google

«Безстыжая,—думалъ онъ,—люди замѣчаютъ. Что ей отъ меня нужно?» Но въ глубинѣ души ему было пріятно.

За нимъ два офицера разговаривали шопотомъ.

— Рёдеръ, ты спутался съ Шёнау? Она глазъ съ тебя не спускаетъ.

Другой натянуто захихикалъ.

— Что-жъ еще дѣлать въ такой трущобѣ?

Зендеръ краснѣлъ и блѣднѣлъ. Онъ не зналъ, куда дѣться отъ стыда. А онъ-то принималъ все на свой счетъ.

Начало третьяго акта, свадьба Іосифа съ Ганной, было сильно сокращено, потому что большую часть ролей играли статисты, зато конецъ акта, сцена проклятія, давалась полностію. Хотя Зендеръ былъ возмущенъ Шёнау, но долженъ былъ сознаться, что она прекрасно справляется съ ролью и когда послѣ словъ:

— Да здравствуетъ бѣднота! Знай нашихъ! До свиданья!—вложенныхъ авторомъ въ уста героини, раздался громъ рукоплесканій,—онъ апплодировалъ съ остальными.

Но къ рукоплесканіямъ присоединились свистки и шиканье, конечно, не имѣвшіе отношенія къ актрисѣ.

— Вѣдь это за евреевъ!—кричали одни.—Долой евреевъ!

На что евреи еще усилили аплодисменты.

Офицеры весело прислушивались къ шуму, не принимая участія въ борьбѣ; и когда одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

— Да здравствуетъ Мозенталь, еврейскій Шиллеръ! — всѣ со смѣхомъ къ нему присоединились.

Только сосѣдъ Зендера слѣва не хотѣлъ успокоиться.

— Долой евреевъ!—продолжалъ онъ кричать.

Зендеръ въ раздраженіи повернулся въ его сторону, тогда сосѣдъ справа положилъ ему руку на рукавъ.

— Успокойтесь!—сказалъ онъ, улыбаясь.—Это направлено противъ меня. Господинъ тотъ—мой коллега... Адвокатъ докторъ Титтингеръ,—представился онъ Зендеру.

— Курлэндеръ—артистъ городского театра въ Черновицахъ,—сказалъ въ отвѣтъ Зендеръ и по старой привычкѣ добавилъ:—уроженецъ Барнова.

— Вотъ какъ, вы изъ Барнова?—сказалъ вѣжливо адвокатъ.—Тамъ, наконецъ, также будетъ свой адвокатъ, докторъ Бернгардъ Зальменфельдъ изъ Черновицъ. Сегодня напечатано въ газетахъ о его назначеніи... Вы съ нимъ знакомы?—спросилъ онъ, увидавъ, какъ передернуло лицо Зендера.

— Нѣтъ,—поспѣшно отвѣтилъ тотъ.

Digitized by Google

«Значитъ, Малкѣ всетаки придется жить въ Барновѣ,—подумалъ онъ.—Дай ей Богъ счастія, и поэтому хорошо, что я уѣхалъ оттуда».

Заключительная сцена снова примирила всѣ партіи, христіанъ и евреевъ. Двое дѣтокъ госпожи Линденъ всѣхъ растрогали; христіане были довольны, потому что названіе пьесы «Проклятіе еврея—благословеніе для христіанина» оправдалось: Іосифъ и Ганна жили счастливо; евреи удовлетворились тѣмъ, «что враги въ сущности должны были благодарить израильтянъ»! Рукоплесканіямъ не было конца. Раскланиваться вышли всѣ актеры, даже Кённенъ.

XXXII.

Зендеръ пошелъ въ ресторанъ. Почти за всѣми столами сидѣли посѣтители; число ихъ все возрастало. Въ смущеніи искалъ онъ мѣстечка: только столъ, на которомъ Кённенъ разложилъ для просушки листы бумаги, былъ свободенъ.

— Вѣрно,—крикнулъ ему Рубенъ, проходя съ подносомъ, уставленнымъ кушаньями,—тамъ артистическій столъ.

Зендеръ снова поколебался и посмотрѣлъ вокругъ. Но здѣсь очевидно у всѣхъ были опредѣленныя мѣста. За однимъ столомъ сидѣли почетныя лица города, за другимъ—Титтингеръ съ женою въ нѣмецкомъ платьѣ, за третьимъ—чиновники, за четвертымъ—горожане евреи, за пятымъ—христіане; даже офицеры раздѣлились по роду оружія, за однимъ столомъ пѣхота и саперы, за другимъ—уланы.

«Господи Боже»,—подумалъ Зендеръ и сѣлъ за артистическій столъ.

— Итакъ, возлѣ коллегъ. Но платить больше ни за кого не буду!

Скоро пришли Штиклеръ и Биркъ.

— Необычайно радъ,—воскликнулъ Штиклеръ и улыбнулся во все широкое, оплывшее лицо пьяницы.—Имѣлъ удовольствіе слышать! Безъ церемоній, дорогой Курлэндеръ,—сказалъ онъ, когда Зендеръ хотѣлъ подняться, и схватилъ обѣими руками его правую руку.—Милости просимъ къ намъ! Вотъ Фердинандъ Биркъ, герой и отецъ, раньше служилъ въ вѣнскомъ бургтеатрѣ, теперь моя гордость, столпъ моей сцены.

При такомъ столпѣ сцена была еще неустойчивѣе, чѣмъ думалъ Зендеръ. Тяжело спотыкаясь, добрался Биркъ до стула и дрожащими руками провелъ по лбу. Сначала Зендеръ счелъ его пьянымъ, но тусклые глаза и выраженіе смертельной усталости на лицѣ не под-

Digitized by Google

тверждали догадки. Очевидно, лицо это было нѣкогда красиво, съ правильными, строгими чертами; но теперь, искаженное усталостью, съ трясущимся подбородкомъ, оно возбуждало жалость. Несомнѣнно, несчастный былъ очень боленъ. Онъ не сказалъ Зендеру ни слова.

— Рюмочку водки, Биркъ!—предложилъ директоръ.

— Нѣтъ,—беззвучно отвѣтилъ тотъ.—Но я голоденъ!

Въ это время Рубенъ ставилъ передъ Зендеромъ жареное и бутылку вина. Глаза Бирка съ жадностью впились въ блюдо.

— Не угодно ли вамъ?—спросилъ Зендеръ и подалъ ему половину.—Немного вина?

— Благодарю васъ,—пробормоталъ Биркъ и взялся за тарелку.—Нѣтъ, вина не надо.

— Я не долженъ, однако, этого допускать,—воскликнулъ Штиклеръ.—Вы мой гость, дорогой коллега. Позже пропустимъ вмѣстѣ по глоточку... Рубенъ, мою смѣсь, какъ обыкновенно, и телятины.

Вошла Линденъ съ двумя дѣтьми, за ней кассирша и Гогенэйхенъ. Наконецъ приплелся и Кённенъ, не черезъ главныя двери, а изъ кухни; онъ, очевидно, боялся идти полнымъ заломъ. Молча сидѣла вокругъ стола злосчастная компанія; даже Гогенэйхенъ привѣтствовалъ Зендера только словами:

— Привѣтъ собрату!—и покосился на жареное директора.

Одинъ Штиклеръ беззаботно болталъ, уплетая за обѣ щеки телятину.

— Гермина Линденъ, дорогой Курлэндеръ. Она давно уже отцвѣла; но видали ли вы гдѣ такую мелодраматическую артистку? Гогенэйхенъ—представленія излишни, успѣлъ уже у васъ кое-что вытянуть. Кённена также нечего представлять, говоритъ за себя самъ! Но дѣтки,—прервалъ онъ себя, видя, что никто не смѣется, только тѣ, къ кому онъ непосредственно обращался, дѣлали гримасы, точно люди, которыхъ пытаютъ щекотаньемъ,—что вы молчите; послѣ такихъ-то тріумфовъ? Ха! понимаю, кормежка! Рубенъ, мой черный воронъ, гдѣ ты? Что-жъ кормежка? Я заказалъ вамъ роскошный пиръ! Курлэндеръ, попробуйте моей смѣси!

Зендеръ поторопился отказаться; роскошный пиръ состоялъ изъ огромнаго блюда картофелю, тарелочки сала и кувшина съ водою. Съ жадностью набросилась компанія на ѣду, только Биркъ не могъ поспѣть дрожащими руками за остальными; Штиклеръ наложилъ ему полную тарелку и отдалъ все оставшееся сало.

— Шёнау, должно быть, опять сама о себѣ позаботилась?—спросилъ Штиклеръ кельнера.

— Она ужинаетъ въ отдѣльномъ кабинетѣ—отвѣтилъ Рубенъ.—

Digitized by Google

Господинъ Чапка и три польскихъ господина пригласили ее. Они пьютъ шампанское...

— Умное дитя,—пробормоталъ растроганно Штиклеръ.—Всегда заботится о себѣ сама. А что вы скажете о ея талантѣ?—обратился онъ къ Зендеру.—Замѣчательный? Такъ какъ рѣчь зашла о талантахъ,—на какое вы амплуа?

Зендеръ перечислилъ роли, пройденныя имъ съ патеромъ. Когда онъ назвалъ «Шайлока», Штиклеръ вскочилъ, какъ отъ электрическаго удара.

— Вотъ было бы превосходно!—воскликнулъ онъ.—Жаль до безумія, что вы не пріѣхали раньше! Я заставилъ бы васъ гастролировать, если бы это обошлось даже въ три гульдена! Потому что, видите ли, это настоящая вещь для Галиціи. Интересна христіанину и еврею, и оба могутъ вдоволь горевать и радоваться. Шайлокъ всюду даетъ полный сборъ; если населеніе превышаетъ три тысячи, можно смѣло давать два раза. Шайлока мнѣ именно недоставало! У меня нѣтъ Шайлока! По нуждѣ могъ бы его сыграть Гогенэйхенъ, но тогда у меня нѣтъ Антоніо. Я это дѣло серьезно обдумывалъ, но роль Антоніо никакъ нельзя выкинуть. Ужасно жаль!

— Я вѣдь его тоже никогда не игралъ,—сказалъ Зендеръ.—Кто знаетъ, удастся ли...

— О, конечно, конечно! Надлеръ—человѣкъ... ну, не буду о немъ говорить, вы его боготворите, какъ я слышалъ, если онъ, ничего не видя, приглашаетъ новичка, значитъ это талантъ. А потомъ, для Залѣсчиковъ! То-есть,—поспѣшно поправился онъ,—вы, конечно, сыграете Шайлока и въ Тарнополѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Пардубицѣ, однимъ словомъ, всюду. Но, къ сожалѣнію, мы опоздали. Мы здѣсь четыре недѣли, играли шестнадцать разъ. Послѣ бенифиса Шёнау ничѣмъ не привлечешь, рѣшительно ничѣмъ!—онъ вздохнулъ.—Значитъ, здѣсь и думать нечего! Но поѣдемте съ нами въ Борщовъ! Въ понедѣльникъ я ставлю тамъ «Портной Фипсъ» и «Коварство и любовь», но «Шайлокъ» былъ бы заманчивѣе! Обдумайте поскорѣе и рѣшайтесь.

Онъ протянулъ Зендеру руку. Но тотъ покачалъ головой.

— Въ понедѣльникъ я долженъ быть въ Черновицахъ,—сказалъ онъ рѣшительно.

— А такъ вы будете тамъ въ среду... Дѣтки, помогите мнѣ!... Неправда ли, Биркъ, ему слѣдуетъ ѣхать съ нами?

Но Биркъ не шелохнулся. Покончивъ ѣду, онъ безучастно устремилъ глаза въ одну точку.

Digitized by Google

— Биркъ, ты не слышишь? О чемъ ты думаешь?... О графиняхъ и камеристкахъ былыхъ временъ... Саролта, не такъ ли?

Потухшіе глаза освѣтились улыбкой, безобразной, грубой улыбкой, и дрожащія руки, точно ища чего-то, задвигались въ воздухѣ.

«Саролта...» проскрипѣлъ онъ. Зендеръ съ негодованіемъ смотрѣлъ на старика; человѣкъ, который до сихъ поръ возбуждалъ въ немъ состраданіе, въ данную минуту былъ омерзителенъ. Затѣмъ лицо его снова приняло безучастное выраженіе.

Штиклеръ пожалъ плечами:

— Ну, а вы что скажете, дѣти?—обратился онъ къ другимъ.

— Конечно, пусть ѣдетъ съ нами,—воскликнули въ одинъ голосъ кассирша и Линденъ.

— Браво!—закричалъ онъ.—Борщовъ содрогнется отъ рукоплесканій. Неправда ли, Кённенъ?

Маленькій человѣчекъ вздрогнулъ, боязливо взглянулъ на Штиклера, но не сказалъ ни слова. Съ минуту всѣ молчали; вдругъ среди тишины раздался голосъ Бирка.

— Нѣтъ,—глухо проворчалъ онъ.—Ему не слѣдуетъ ѣздить! Нечего лѣзть въ нашу грязь; онъ еще слишкомъ молодъ.

— Биркъ!—сердито закричалъ Штиклеръ.—Ты скоро совсѣмъ выживешь изъ ума.

— Вѣрно,—сказалъ несчастный и провелъ рукою по лбу.—Самъ чувствую!... Но тѣмъ не менѣе, я правъ.

Онъ всталъ и поплелся дрожащими ногами вонъ.

Снова всѣ притихли. Наконецъ, Штиклеръ пришелъ въ себя.

— Что за вздоръ!—воскликнулъ онъ, стараясь засмѣяться.—Онъ растратилъ въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ съ женщинами силы и разсудокъ, поэтому нашъ юный другъ не можетъ поѣхать дня на два въ Борщовъ. Тильдочка,—прервалъ онъ себя.—Вотъ она, Тильдочка, опора моей старости, ты пришла, какъ нельзя болѣе во-время!

Слова эти относились къ Шёнау. Въ глубоко-вырѣзанномъ свѣтло-зеленомъ, грязномъ шелковомъ платьѣ, съ искусственными розами въ головѣ, пробиралась между столами актриса. На нее со всѣхъ сторонъ направлены были любопытные, жадные взоры, на которые она, не скупясь, отвѣчала:

— Здравствуйте, дѣтишки!... Добраго вечера, прелестный незнакомецъ! Я уже говорила тебѣ, что ты мнѣ нравишься,—она погладила Зендера по подбородку.—О, святая простота, онъ краснѣетъ! Въ театрѣ было то же самое каждый разъ, какъ я на него взглядывала. Невинный ребенокъ... Ахъ ты, мордашка!

Digitized by Google

— Тильдочка, «мордашка» должна ѣхать съ нами въ Борщовъ. Будь его нянюшкой!

— Хорошо. Ну, прежде дѣло, потомъ удовольствіе!—она осмотрѣлась.—Слава Богу, тѣхъ людишекъ здѣсь нѣтъ. А все ледоходъ. Поляки не хотѣли пускать меня. «Дѣтки,—сказала я имъ,—завтра мой бенефисъ, я должна еще раздать кой-кому билеты. Вашими двадцатью гульденами сытъ не будешь!» Они заплатили мнѣ за четыре кресла. Она вытащила изъ кармана деньги и положила на тарелку, какъ хорошій примѣръ!... Пепи, дай билеты,—и она направилась къ офицерскому столу.

— Чортова дѣвка,— засмѣялся Штиклеръ. Гогенэйхенъ, счастливый женихъ, былъ, повидимому, тоже очень доволенъ; только Кённенъ сидѣлъ мрачный, щеки его пылали почти такъ же, какъ у Зендера.

Тому не сидѣлось на мѣстѣ; онъ чувствовалъ, что задыхается въ этомъ воздухѣ.

— Покойной ночи,—пробормоталъ онъ.

— Что это вы выдумали!— воскликнулъ Штиклеръ. — Теперь только пойдетъ веселіе!...

Но такъ какъ молодой человѣкъ не поддался уговорамъ, онъ порѣшилъ:

— Завтра переговоримъ окончательно.

— Хорошо, завтра,—согласился Зендеръ, чтобы отвязаться, и пошелъ къ себѣ въ комнату.—Въ Борщовъ мы не поѣдемъ,—сказалъ онъ, раздѣваясь.—Не правда ли, Москаль? Это намъ дѣло не подходящее.

Собака залаяла и завизжала, точно выражая свое согласіе.

На слѣдующее утро, когда Зендеръ проснулся, часы показывали девять. Сконфуженный всталъ онъ съ постели: ему никогда не приходилось такъ долго нѣжиться.

Сходя по лѣстницѣ, онъ услыхалъ ударъ колокола на церкви. Звонили не какъ всегда,—отрывисто и рѣзко. Удары быстро слѣдовали одинъ за другимъ все пронзительнѣе и пронзительнѣе.

— Пожаръ!—воскликнулъ Зендеръ и бросился къ воротамъ. Тамъ встрѣтилъ онъ толстую хозяйку.

— Не пугайтесь, господинъ, это наводненіе. Какое вамъ дѣло до наводненія!?

Ничего не возражая, онъ поспѣшно прошелъ мимо нея на улицу и спустился къ рѣкѣ. Изъ всѣхъ домовъ выбѣгали люди, кричали, охали. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Теплый весенній дождь. По улицѣ трудно было двигаться впередъ, она превратилась въ русло быстрой рѣки.

Digitized by Google

Онъ нескоро добрался до бастіона и еще дольше не могъ пролѣзть сквозь суетящуюся, кричащую, толкающуюся, мокрую толпу до такого мѣста, откуда открывался видъ на долину рѣки. Зрѣлище неутѣшительное: насколько глазъ могъ видѣть сквозь густую сѣтку дождя, все было сѣро, грязно, безобразно: облака наверху, внизу рѣка. Гигантская змѣя обратилась со вчерашняго дня въ чудовище и безконечно распростерла свое тѣло; рѣка покрыла уже пашни, а съ тѣхъ, которыя лежали выше, стаялъ снѣгъ; всюду вода, вода, мутные, бурые потоки; вода съ неба, вода изъ-подъ земли, точно стремясь поглотить все живое. Вода на глазахъ прибывала. Сначала видны были садовыя рѣшетки у домовъ, потомъ только верхушки прутьевъ, наконецъ и они покрылись водою. Отъ прибрежныхъ домовъ остались однѣ соломенныя крыши. Изъ слуховыхъ оконъ несчастные обитатели махали платками, ихъ крики не доносились. Изъ домовъ, лежащихъ выше, жители спасались бѣгствомъ; по отчаяннымъ лицамъ и безпорядочной бѣготнѣ можно было догадаться о крикахъ, но слышно ничего не было. Шумъ дождя, плескъ воды, хлопанье ударяющихся о мостъ бревенъ заглушали другіе звуки. Въ воздухѣ стоялъ неумолкаемый гулъ и какой-то шорохъ, стихавшій на секунду и подымавшійся снова: то трещалъ ледъ. Съ минуты на минуту трескъ становился сильнѣе, точно ураганъ игралъ на гигантской арфѣ: все застонало, проникая до мозга костей, затѣмъ раздался глухой ударъ, точно выстрѣлъ изъ пушки, потомъ снова продолжительный трескъ, какъ будто ломались сучки на деревьяхъ цѣлаго лѣса, въ промежуткѣ подозрительное клокотанье и плескъ напирающей воды, точно разверзалась пропасть, чтобы поглотить все живое. Даже звуки набата едва слышны были изъ-за ужаснаго, душу раздирающаго, грознаго рева.

Ледъ раскалывался, но не трогался еще съ мѣста.

Набатъ не умолкалъ; его главная цѣль, призывъ людей на помощь, не достигалась. Славянина трудно вызвать на самозащиту, это чуждо его вялой, равнодушной натурѣ; еще труднѣе побудить къ самооборонѣ еврея, непривыкшаго становиться съ опасностью лицомъ къ лицу и легко теряющаго голову. Въ спасательныхъ лодкахъ по большей части виднѣлись бѣлые мундиры солдатъ, изрѣдка шуба крестьянина или кафтанъ еврея. Саперы были заняты спасеніемъ моста. Плоскодонныя лодки еще держались на поверхности воды, но сообщеніе по мосту уже было прекращено.

Со страхомъ смотрѣлъ Зендеръ на мостъ. Онъ пересталъ спрашивать окружающихъ, каждый давалъ новый отвѣтъ. Тутъ онъ увидалъ своего вчерашняго сосѣда доктора Титтингера и протолкался къ

Digitized by Google

нему. Зендеръ обратился къ доктору съ вопросомъ, будетъ ли возможность къ завтрашнему утру добраться до Черновицъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ.—Даже въ лучшемъ случаѣ, нѣтъ. Если удастся поднять мостъ на такую высоту, что ледъ пройдетъ подъ нимъ, и это случится сегодня, тогда въ понедѣльникъ вамъ можно будетъ ѣхать. Но я не думаю, чтобы это удалось. Если ледъ повредитъ мостъ, то мы по меньшей мѣрѣ на недѣлю отрѣзаны отъ Буковины.

— На недѣлю?!—съ испугомъ воскликнулъ Зендеръ.—Долженъ же быть гдѣ-нибудь выше по рѣкѣ мостъ.

— Въ двухъ дняхъ ѣзды есть паромъ,—отвѣтилъ адвокатъ.—Если бы на Днѣстрѣ легко было строить мосты, мы бы давно построили каменный. Выше Галича есть мостъ, тамъ рѣка еще покойна и не широка. Но это крюку дней на пять.

XXXIII.

Въ страхѣ пошелъ Зендеръ обратно въ гостиницу. На воротахъ красовалась красная афиша—виновница всѣхъ бѣдъ. Однако, проходя мимо, онъ остановился и прочелъ. Сегодняшній chef d'oeuvres не уступалъ вчерашнему, недоставало только двойной игры во вражду и дружбу съ евреями. Однако и на этой афишѣ было примѣчаніе для однихъ христіанъ: «Билеты можно получать у бенефиціантки, въ гостиницѣ «Огуречный саладъ», комната № 3, лично. Радушный пріемъ»!

Когда онъ вошелъ въ ресторанъ позавтракать, то засталъ тамъ только Кённена за столикомъ у окна; тотъ докрашивалъ афишу для Борщова. Съ застѣнчивой привѣтливостью встрѣтилъ онъ Зендера:

— Набатъ прекратился; надѣюсь, вамъ можно будетъ выѣхать завтра.

Зендеръ пожалъ плечами.

— Въ Борщовъ я ни въ какомъ случаѣ не поѣду.

Маленькій человѣчекъ облегченно вздохнулъ.

— Вы совершенно правы,—сказалъ онъ почти съ радостью.—Я очень безпокоился, повѣрьте мнѣ. Биркъ говорилъ правду... Это былъ бы шагъ къ грязи, но и отъ него васъ слѣдуетъ предохранить. Кто знаетъ, за первымъ можетъ послѣдовать второй, а тамъ третій.

Онъ говорилъ такъ горячо, что Зендеръ смутился.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ и сѣлъ завтракать.

— Не за что,—горячо заговорилъ Кённенъ.—Не за что,—повто-

Digitized by Google

рилъ онъ послѣ небольшой паузы.—Я долженъ вамъ сказать, что радуюсь не только за васъ...—онъ покраснѣлъ отъ смущенія.—Но и за себя. То, что я вамъ это говорю, будетъ мнѣ наказаніемъ за безуміе. Итакъ, меня радуетъ, что вы не будете играть съ этой труппой Шайлока, потому что Штиклеръ обѣщалъ эту роль мнѣ.

Зендеръ молчалъ; и что можно было на это сказать?

Кённенъ угадалъ его мысли.

— Безуміе, думаете вы. Вѣдь вы вчера меня видѣли. Конечно, я не всегда такъ плохо играю... Впрочемъ, къ чему лгать?—рѣзко оборвалъ онъ себя.—Я всегда такъ плохо играю, всегда. И всетаки лелѣю безумную мечту? спросите вы. Всетаки, дорогой господинъ, всетаки!—онъ глубоко вздохнулъ.—Знаете ли, что меня всего больше обижало? Что люди звали меня Конъ. Вы этого не поймете... Съ такимъ носомъ и такія претензіи!—снова тяжелый вздохъ.—Какъ артистъ, я стою за свое артистическое имя... Вы улыбаетесь? Вы правы. И Гогенэйхенъ правъ, считая меня своимъ смертельнымъ врагомъ.

— Что это за человѣкъ?—спросилъ Зендеръ.

— Теперь жалкій проходимецъ—во всѣхъ отношеніяхъ... Его порча началась здѣсь. Здѣсь, гдѣ все ложь и обманъ.

— Это я замѣтилъ по афишѣ,—сказалъ чистосердечно Зендеръ.—Какъ можете вы, честный человѣкъ, писать такія афиши?

— Афиши?—спросилъ изумленно Кённенъ.—Что въ нихъ плохого? Афиши превосходныя. Могу сказать, что такихъ афишъ нѣтъ ни у одной труппы въ Галиціи. Безъ нихъ мы давно всѣ померли бы съ голоду.

Зендеръ пожалъ плечами.

— Я остаюсь при своемъ мнѣніи,—отрѣзалъ онъ.—Впрочемъ, есть еще кое-что, чего я не понимаю. Почему даете вы статистамъ мужчинамъ двойныя фамиліи: для евреевъ—еврейскія, для христіанъ—христіанскія, тогда какъ женщины всегда остаются съ христіанскими именами?

Кённенъ разсмѣялся.

— Это такая штука, которую я самъ изобрѣлъ,—съ гордостью сказалъ онъ.—Еврей любопытенъ, вотъ я и выбираю особенно распространенныя въ городѣ фамиліи: Конъ, Леви, Гиршъ, Зильберштейнъ. Всѣ, конечно, знаютъ, что ихъ Зильберштейнъ не выступитъ у насъ на сценѣ въ качествѣ Рубена, а всетаки любопытно. Съ другой стороны, всякій прекрасно знаетъ, что честная еврейская женщина никогда не выступитъ на сценѣ, значитъ, тутъ нечего и обманывать... Тонкая штука, дорогой господинъ, и очень многихъ привлекаетъ!

Digitized by Google

Зендеръ ничего больше не возразилъ. Сочетаніе искренности и фальши, безграничной честности и тонкаго лукавства производило на него странное впечатлѣніе. Молча подошелъ онъ къ столу Кённена и прочелъ афишу для Борщова. Примѣчаніе, касавшееся дирекціи, было то же самое, что и здѣсь. Это злило его въ такой мѣрѣ, что онъ не могъ молчать.

— Господинъ Кённенъ,—сказалъ онъ,—вы съ любовью и благодарностью говорили о Надлерѣ, зачѣмъ вы ставите на афишѣ его фамилію, а на еврейской сторонѣ пишете даже: «директоръ Надлеръ, теперь называющійся Штиклеромъ». Люди подумаютъ, что Надлеръ перемѣнилъ фамилію.

— Я тутъ не причемъ,—увѣрялъ маленькій человѣчекъ,—это по приказанію Штиклера; а по отношенію къ евреямъ онъ особенно настаиваетъ, такъ какъ Надлеръ пользуется среди нихъ исключительной репутаціей, а я ѣмъ хлѣбъ Штиклера.

— Всему есть предѣлъ. Сегодняшняго неприличнаго примѣчанія вамъ также не слѣдовало писать, несмотря ни на какія приказанія.

— Она требовала,—пробормоталъ Кённенъ.

— Шёнау?

Человѣчекъ кивнулъ головой. Лицо его пылало. Онъ низко нагнулся надъ листомъ.

— А что она требуетъ, я долженъ исполнять... Если бы она сказала: «Кённенъ, прыгни въ Днѣстръ», я бы сдѣлалъ. И это,— онъ тяжело вздохнулъ,—было бы мнѣ далеко не такъ тяжело, какъ подобныя примѣчанія отъ ея имени...

— Несчастный!—воскликнулъ въ волненіи Зендеръ,—что вы говорите?—онъ понялъ, чѣмъ Штиклеръ держалъ въ повиновеніи актера.—Вы любите эту тварь?

Кённенъ ничего не отвѣчалъ. Онъ дышалъ все быстрѣе и быстрѣе, наконецъ, изъ груди его вырвался вопль, и крупныя слезы покатились на бумагу, размазывая тушь.

Онъ поднялся съ мѣста и отошелъ въ уголъ. По судорожнымъ движеніямъ Зендеръ догадался, что несчастный все еще борется со слезами.

— Я знаю, что вы думаете,—сказалъ онъ. «Его актерство— безуміе, а любить всѣмъ сердцемъ такую особу—пошлость». И тѣмъ не менѣе, я не могу отдѣлаться ни отъ того, ни отъ другого. Однажды добрѣйшій господинъ Надлеръ сказалъ мнѣ: «Я утѣшаюсь тѣмъ, что лихорадка скоро проходитъ». Но съ тѣхъ поръ прошло уже три года...

— Такъ давно?

Digitized by Google

— Да. Тогда началось. Весною 1850 года она пріѣхала къ намъ съ Биркомъ; онъ былъ въ то время ея любовникомъ, и уже не первымъ. Онъ вообще разорялся физически и матеріально на женщинъ, а не наоборотъ. Теперь вамъ трудно повѣрить, что онъ былъ однимъ изъ знаменитыхъ нѣмецкихъ актеровъ. Но женщины, дорогой господинъ, женщины! Онъ все принесъ имъ въ жертву: положеніе, здоровье, талантъ. «Развратникъ, скажете вы, по дѣломъ ему...» Вѣрно, но мучительно жаль, когда вспомнишь, какъ могъ онъ играть еще три года тому назадъ! Ради него пригласилъ тогда Надлеръ и Шёнау; она была совсѣмъ начинающей. Семнадцати лѣтъ ее совратилъ офицеръ, и съ тѣхъ поръ она опускалась все ниже и ниже... Биркъ познакомился съ ней во время гастролей и увезъ ее съ собой. До тѣхъ поръ я былъ равнодушенъ къ женщинамъ, но въ нее безумно влюбился съ перваго взгляда. Понятно, она меня просмѣяла; несмотря на это и хотя я замѣтилъ еще, что она обманываетъ своего любовника, моя страсть все усиливалась. Такъ длилось два года; талантъ ея развивался, но еще болѣе развивалась порочность. Господинъ, что я выстрадалъ, не выразишь словами. Наконецъ, Надлеръ сказалъ мнѣ: «Пока вы въ театрѣ, вамъ не образумиться», ну и все прочее. Но тогда Штиклеръ уговорилъ меня: «Пойдемъ съ нами,— это единственный разъ, когда безсовѣстный сказалъ мнѣ «ты»—будешь каждый день видѣть ее». А что изъ этого вышло? Лишній годъ пытки... О, господинъ, дорогой господинъ, такой му́ки никто еш не переносилъ!

Зендеръ былъ глубоко потрясенъ; онъ въ жизни не встрѣчался еще ни разу съ такимъ безумнымъ страданіемъ.

— Нужно положить этому конецъ,—сказалъ онъ.—Я поговор съ Надлеромъ; можетъ быть, онъ снова пригласитъ васъ къ себѣ. Тогда бы вамъ въ утѣшеніе остался театръ.

Кённенъ схватилъ его за руку.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ.—Но теперь уже поздно!...

Въ это время отворилась дверь.

Вошелъ Гогенэйхенъ. Съ распростертыми объятіями направился онъ къ Зендеру.

— Любезный собратъ! Ледоходъ пришелъ намъ на помощь. Ты долженъ ѣхать съ нами въ Борщовъ. Говорю тебѣ...

Зендеръ не былъ расположенъ слушать его болтовню. Онъ поспѣшилъ къ себѣ въ комнату. Когда онъ проходилъ мимо № 3, оттуда вышла Шёнау.

— Здравствуй, юноша!—она потрепала его по щекѣ.—У тебя есть билетъ? Подожди, я подарю тебѣ.

Digitized by Google

Она вошла въ свою комнату. Онъ же, точно желая избѣгнуть опасности, поспѣшно бросился къ себѣ въ комнату и задвинулъ задвижку.

Къ обѣду ему пришлось, однако, сойти внизъ. Онъ велѣлъ подать себѣ ѣду въ отдѣльный кабинетъ и строго приказалъ Рубену ничего не говорить актерамъ.

Тѣмъ не менѣе, они его разыскали. Не успѣлъ онъ прожевать послѣдняго куска, какъ въ комнату вошелъ директоръ, а за нимъ Шёнау.

— Вотъ онъ, бѣглецъ!—воскликнулъ Штиклеръ. — Отъ насъ не убѣжите!

А она проговорила:

— Невѣжа, сбѣжалъ отъ меня... Я къ этому не привыкла! Или я кажусь тебѣ безобразной?

Зендеръ въ смущеніи пробормоталъ, что не хотѣлъ мѣшать.

— А въ Борщовъ я ни въ какомъ случаѣ не поѣду,—добавилъ онъ рѣшительно.

— Дудки!—воскликнула Шёнау.—Если я чего захочу, то всегда приведу въ исполненіе.

Штиклеръ упрашивалъ:

— Ну, ради Бога, почему не хотите ѣхать? Раньше среды все равно не переберетесь черезъ Днѣстръ. Проведете ли вы три дня здѣсь или въ Борщовѣ, я думаю вамъ и вашему директору безразлично. А у насъ вы будете играть, заработаете деньги и рукоплесканія благодарной публики.

— Ничего изъ этого не выйдетъ, — возразилъ Зендеръ. — Я еще вчера сказалъ вамъ, что не увѣренъ, могу ли сыграть Шайлока.

— Прекрасно,—сказалъ Штиклеръ.—Произнесите передъ нами роль. Тильдочка, позови всѣхъ наверхъ, и пусть Кённенъ принесетъ книгу.

Онъ взялъ Зендера подъ руку и вывелъ въ коридоръ. Тотъ колебался, вырваться ли ему силой, или уступить. Онъ уже рѣшился было на первое, когда къ нимъ подошелъ Биркъ. Онъ имѣлъ разслабленный видъ, хотя былъ свѣжѣе, чѣмъ утромъ.

— Прочтите роль,—сказалъ онъ Зендеру.—Репетиція вамъ не помѣшаетъ. Я видалъ въ этой роли знаменитыхъ артистовъ, Людвига Девріена и Дависона. Можетъ быть, мои указанія будутъ вамъ полезны... Надлеръ многократно говорилъ мнѣ о васъ; вы меня интересуете.

Тогда Зендеръ согласился. Они вошли въ залъ. Актеры сѣли внизу на сценѣ, около Зендера сталъ Штиклеръ съ книгою въ рукахъ,

Digitized by Google

чтобы читать остальныя роли. Сердце молодого человѣка усиленно билось; онъ едва переводилъ дыханіе. Зендеръ зналъ роль наизусть, какъ утреннюю молитву; патеръ Маріанъ особенно хвалилъ его пониманіе этой роли, тѣмъ не менѣе ему казалось, что онъ не въ состояніи будетъ произнести ни слова. Слова: «Три тысячи дукатовъ—хорошо», онъ пробормоталъ почти невнятно. Но голосъ его все крѣпъ; онъ заговорилъ той интонаціей, которой научился въ монастырской кельѣ, а затѣмъ овладѣлъ жестами. Дѣло шло все лучше, и онъ это чувствовалъ. Актеры склонились другъ къ другу и что-то шептали; онъ былъ увѣренъ, что они его не порицали. Штиклеръ былъ видимо пріятно пораженъ, а когда Зендеръ началъ большой монологъ:

«Синьоръ Антоніо, часто и многократно вы поносили меня на Ріальто», онъ все шире раскрывалъ глаза.

— Чортъ возьми,—воскликнулъ онъ, когда Зендеръ закончилъ монологъ, и почти съ волненіемъ произнесъ слѣдующую реплику.

Когда сцена была окончена, онъ схватилъ Зендера за руку и спросилъ:

— Счастливецъ, откуда у васъ такой талантъ?

Остальные аплодировали, только Кённенъ и Биркъ сидѣли молча. Маленькій человѣкъ поникъ головой, Биркъ вытянулся въ струнку, глаза у него горѣли, но онъ не говорилъ ни слова.

Впечатлѣніе отъ слѣдующей сцены было еще сильнѣе. Зендеръ чувствовалъ, какъ въ немъ просыпалась сила, какъ слова все легче и легче слетали съ губъ. И когда онъ началъ монологъ, за который его особенно хвалилъ Маріанъ:

«Накормить имъ рыбъ. Если это никого не насытитъ, то насытитъ мою месть...»— тутъ онъ забылъ, кто онъ и гдѣ онъ; онъ чувствовалъ себя евреемъ Шайлокомъ на Ріальто въ Венеціи.

— Счастливецъ!—воскликнулъ Штиклеръ, когда Зендеръ закончилъ.—Да вы—первоклассный артистъ... И не рѣшаетесь играть въ Борщовѣ Шайлока?... Изъ тысячи начинающихъ не найдешь одного такого, какъ вы.

Другіе также окружили его и поздравляли. Громче и многословнѣе всѣхъ—Гогенэйхенъ; онъ хотѣлъ обнять Зендера, но между ними стала Шёнау.

— Заткни глотку!—приказала она жениху.—Отойди прочь, въ твоихъ похвалахъ онъ не нуждается.—Въ лицѣ у нея было необычно серьезное, нѣсколько суровое выраженіе.—И въ моихъ также!

Она повернулась и отошла. Въ смущеніи посмотрѣлъ ей вслѣдъ Зендеръ и потомъ оглянулся на Кённена. Человѣчекъ все еще неподвижно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, низко опустивъ голову.

Digitized by Google

— Я васъ не выпущу!—сказалъ Штиклеръ.—Хочу хоть разъ имѣть въ своей труппѣ первоклассный талантъ. Вамъ почти нечему больше учиться.

Тогда подошелъ Биркъ.

— Напротивъ,—сказалъ онъ рѣзко.—Надъ техникой ему надо еще много работать. Но что изъ этого? Вы ее преодолѣете. Если изъ васъ не выйдетъ настоящаго, великаго артиста, природа не будетъ виновата. Замѣтьте себѣ это: я надѣюсь, что когда-нибудь вы разскажете своимъ коллегамъ въ бургтеатрѣ, что такъ сказалъ вамъ Биркъ за нѣсколько недѣль до смерти...

XXXIV.

Набатъ вывелъ Зендера изъ задумчивости. Снова раздались его отчаянные призывы, а въ промежуткахъ глухой, неумолкаемый гулъ и точно шумъ гигантскаго водопада. Зендеръ бросился по улицѣ къ рѣкѣ.

— Рѣка идетъ! Рѣка идетъ! — кричали сотни голосовъ.—На этотъ разъ, правда, тронулся ледъ.

Оглушенный, смотрѣлъ Зендеръ на величественное, грозное зрѣлище. Бастіонъ имѣлъ видъ полуострова, далеко вдавшагося въ воду. Только во время бури такъ сильно шумитъ море, какъ бушевала горная рѣка, сбросивъ сковывавшую ее тяжесть, разбивъ ее въ куски, разметавъ и раскидавъ по своей поверхности. Дождь лилъ непрерывно, затуманивая видъ; но насколько видѣлъ глазъ, бурая поверхность воды была покрыта кружащимися, сталкивающимися, натыкающимися другъ на друга бѣловатыми, зеленоватыми, черными обломками ледяныхъ глыбъ. Что за причудливыя формы! Какая окраска! Чего только не несли съ собою грозныя волны: бревна, лодки, соломенныя крыши, массу домашней утвари, обломки домовъ, части моста, кровать, на которой лежалъ еще матрацъ съ одѣяломъ, пустую люльку; можетъ быть, мать успѣла во-время выхватить изъ нея ребенка, можетъ быть, онъ мертвый и окоченѣлый несся по волнамъ...

Если зрѣлище было страшно для глазъ, тѣмъ страшнѣе было оно для ушей: трескъ, грохотъ, скрипъ, звонъ, гулъ, шумъ, непрерывный, ужасающе громкій; казалось, весь міръ провалится, рухнетъ все, созданное людьми.

Среди всей невѣроятной сумятицы кучка людей отстаивала дѣло своихъ рукъ отъ разъяренной стихіи.

Дома были опустошены; гдѣ оставались еще люди и вещи, ихъ затопило. Саперы употребляли всѣ усилія, чтобы спасти мостъ. Онъ

Digitized by Google

былъ настолько высоко приподнятъ, что довольно значительныя глыбы могли проходить подъ нимъ, но зато самыя крупныя сгруппировались возлѣ въ грозную стѣну. Страшное и въ то же время величественное зрѣлище представляли отважные люди въ синихъ мундирахъ и черныхъ шапкахъ, стоя по колѣна въ водѣ на затопленныхъ понтонныхъ лодкахъ, стараясь расколоть топорами глыбы и шестами прогнать ихъ подъ мостъ. Но это удавалось только съ небольшими глыбами; ледяная гора все росла и росла, бурный потокъ съ силой толкалъ ее къ мосту...

Вдругъ на вершинѣ бастіона сразу поднялись кверху пятьдесятъ рукъ и показали внизъ; что это значило, чего хотятъ саперы? На мосту установили невысокіе деревянные подмостки, къ которымъ привязали переносную деревянную лѣстницу; другимъ концомъ она доставала до ледяной горы. Нѣсколько человѣкъ ползло по ней на животѣ до ледяной поверхности, затѣмъ перелѣзало на ледяную глыбу, но за сѣтью дождя не видать было, что они тамъ дѣлаютъ. Потомъ они переползали обратно и становились на мосту. Люди подались влѣво и вправо по мосту. Вдругъ раздался неимовѣрный трескъ: ледяная гора закачалась, и глыбы льду взлетѣли на футъ вверхъ и, разбиваясь въ кусочки, упали въ воду. Гора наклонилась и исчезла въ бурлящемъ потокѣ. Саперы положили въ кожаномъ мѣшкѣ мину и взорвали ледъ; вотъ они снова на мосту продолжаютъ прежнюю работу.

На этотъ разъ пріемъ ихъ удался, но удастся ли въ другой? Надвинулась союзница всѣхъ несчастій—ночь, и распростерла свои черныя крылья надъ бѣдою.

Со страхомъ смотрѣлъ Зендеръ внизъ. Хотя судьба моста близко касалась его, но онъ не думалъ о себѣ. Вдругъ онъ почувствовалъ толчокъ; вблизи раздался сигналъ рожка: пѣхота очищала бастіонъ и медленно оттѣсняла народъ къ городу.

На обратномъ пути Зендеръ обдумывалъ свое положеніе. Если мостъ снесетъ, то ему придется остаться здѣсь на недѣлю; на это у него не хватитъ средствъ. Помощи, откуда либо, кромѣ Надлера, онъ не могъ ожидать. Слѣдовало воспользоваться ей. Онъ рѣшилъ обратиться къ Надлеру, какъ только началась катастрофа. Тотъ, конечно, его не оставитъ.

Зендеръ пошелъ къ себѣ въ комнату и сталъ просушивать возлѣ печки промокшее платье. Настроеніе его еще ухудшилось, потому что онъ ощутилъ боль въ груди: неудивительно, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на дождѣ.

Зендеръ не хотѣлъ идти на спектакль. Но по мѣрѣ того какъ ча-

Digitized by Google

совая стрѣлка приближалась къ семи—на этотъ разъ спектакль начинался раньше—рѣшеніе его стало колебаться. Что дѣлать цѣлый вечеръ, а потомъ, зачѣмъ пропускать спектакль, если есть возможность на немъ присутствовать; это было почти противъ его совѣсти. Ровно въ семь онъ купилъ себѣ билетъ.

Партеръ былъ далеко не полонъ, да и позже онъ мало пополнился. Когда Зендеръ сѣлъ передъ занавѣсомъ, и заигралъ оркестръ, состоявшій изъ скрипки, флейты, контрбаса и турецкаго барабана, мысли его унеслись въ даль. Вотъ онъ въ уборной бургтеатра... Но когда поднялся занавѣсъ, Зендеръ весь превратился въ слухъ. Онъ не находилъ блеяніе Штиклера въ роли Фиеса такимъ занятнымъ, какъ нѣкогда разсказывала Ютта. Зато третій актъ Маріи Стюартъ приковалъ все его вниманіе. Елизавета—Линденъ и Мортимеръ—Гогенэйхенъ были отвратительны, но о Шёнау онъ неоднократно повторялъ про себя: «какъ жаль! какъ ее жаль!» Бѣдный Кённенъ въ роли Полета былъ смѣшонъ. Послѣ забавной пьески «безсмертнаго» Коцебу, разыгранной Шёнау, Штиклеромъ и Гогенэйхеномъ, предстояла еще декламація и пѣніе. Но не успѣла Шёнау продекламировать первыхъ строкъ «Перчатки», какъ снова раздался набатъ: нѣсколько короткихъ ударовъ, потомъ все смолкло.

Публика поднялась и бросилась къ выходу. Всѣ и Зендеръ также знали, какое бѣдствіе возвѣщаетъ зловѣщій сигналъ: разрушенъ мостъ.

— Погибли три сапера,—услыхалъ Зендеръ при выходѣ.—На улицѣ число ихъ возросло до десяти. Ночь была непроглядно темна, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Зендеръ вернулся назадъ.

Въ ресторанѣ не было еще никого изъ актеровъ; поспѣшно проглотилъ онъ нѣсколько кусковъ, велѣлъ Рубену подать себѣ письменныя принадлежности и пошелъ къ себѣ въ комнату писать письмо къ Надлеру.

— Да, да, Москаль,—кивнулъ онъ товарищу,—намъ приходится просить денегъ, дѣлать долги.

Едва написалъ онъ нѣсколько строкъ, какъ въ дверь къ нему постучали. Онъ не успѣлъ еще крикнуть «входите», дверь отворилась и вошла Шёнау; Зендеръ вскочилъ съ мѣста и покраснѣлъ.

— Не краснѣйте,—сказала она.—И не выталкивайте меня вонъ изъ комнаты. Я у васъ ничего не откушу, даже не поцѣлую васъ. Все это было сказано полушутя, полусерьезно; но закрывъ дверь, она заговорила совершенно серьезно:

— Я пришла, потому что этого захотѣлъ Штиклеръ. Вы знаете, что онъ вамъ предлагаетъ. Онъ грязный человѣкъ, но обѣ-

Digitized by Google

щанія свои исполняетъ; кромѣ того, въ данномъ случаѣ ему пришлось бы имѣть дѣло со мной. Мостъ снесло, здѣсь вы проѣдите послѣднія деньги — если они у васъ еще остались; теперь вашъ отказъ не имѣетъ болѣе разумнаго основанія. Чего вы въ сущности боитесь? Труппы? Сразу о нее не запачкаетесь. Меня?—она порывисто засмѣялась, потомъ снова серьезно взглянула на него. Вамъ я ничего не сдѣлаю. Если бы захотѣла,—угрожающе продолжала она,—вы бы черезъ двѣ минуты лежали вотъ здѣсь! — она указала на полъ у своихъ ногъ,—и умоляли бы меня! Но я не хочу. Какова бы я ни была, но къ одному я всегда чувствую уваженіе, къ таланту!

— Я съ вами не поѣду,—твердо сказалъ Зендеръ,—но при этомъ не взглянулъ на нее. Ея смѣхъ, равно какъ серьезный разговоръ были ему безопасны. У нея было то же выраженіе лица, какъ на его чтеніи.—Извините, я не могу.

— Почему? Васъ пугаетъ труппа? Вѣдь вы въ ней не останетесь. Великіе артисты такъ начинали.

— И кончали,—вставилъ онъ.—А сколько погибло такихъ, изъ которыхъ могло бы что-нибудь выдти. Мой учитель разсказывалъ мнѣ много примѣровъ изъ книги, которую читалъ.

— Зачѣмъ намъ книги!—она коротко разсмѣялась.—Такой примѣръ стоитъ передъ вами. Но какое значеніе имѣетъ онъ для васъ?

Зендеръ смотрѣлъ въ полъ.

— Не знаю,—робко сказалъ онъ.—Мнѣ страшно... Но вы, если вы сознаете—вѣдь у васъ большой талантъ,—продолжалъ онъ,—и голосъ его звучалъ все увѣреннѣе и теплѣе. Еще не поздно...

— Ошибаетесь,—возразила она.—Поздно, я слишкомъ глубоко ушла въ трясину, по самую шею и со всѣми желаніями и помышленіями.

— Не говорите такъ,—просилъ онъ.—Это ужасно грустно... Если бы вы перешли на лучшую сцену... Напримѣръ, опять къ Надлеру.

— Онъ меня не возьметъ!—возразила она.—И онъ правъ, что такъ поступаетъ. Уже въ маѣ прошлаго года я писала ему изъ Хорошкова и не получила отвѣта. Нѣсколько недѣль тому назадъ я сдѣлала еще попытку. На этотъ разъ онъ прислалъ короткій отказъ.

— Можетъ быть, если я съ нимъ поговорю,—сказалъ смущенно Зендеръ.—Таланты встрѣчаются такъ рѣдко...

— Благодарю васъ. Но это безполезно... Итакъ, что сказать директору? Мнѣ надо идти: ужинаю въ отдѣльномъ кабинетѣ,—она сно-

Digitized by Google

ва разсмѣялась рѣзкимъ, короткимъ смѣхомъ.—Видите, какъ правъ Надлеръ!

У Зендера снова явилось чувство отвращенія.

— Я не поѣду!—сказалъ онъ.

Она покачала головой.

— Подумайте еще до завтрашняго утра. Мы должны выѣхать въ шесть, но раньше осьми не двинемся. До свиданья!

Она подала ему руку. Онъ робко коснулся ея пальцевъ. Она отвѣтила ему крѣпкимъ рукопожатіемъ.

— Прощайте. Мы, вѣроятно, никогда больше не увидимся!—ея голосъ дрожалъ.—Можетъ быть, я разскажу когда-нибудь... Безсмыслица!...—оборвала она себя...—Черезъ годъ меня не будетъ на свѣтѣ... Прощайте!

Она ушла. Глубоко растроганный, смотрѣлъ ей вслѣдъ Зендеръ, и много времени прошло, прежде чѣмъ онъ смогъ окончить письмо. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, но сонъ не приходилъ, и въ полузабытьи онъ все слышалъ ея рѣзкій, короткій смѣхъ.

На слѣдующее утро его разбудилъ стукъ въ дверь. Часы показывали семь.

«Штиклеръ», подумалъ онъ и притаился.

На самомъ дѣлѣ у дверей стоялъ директоръ.

— Коллега! Вы меня не слышите? Не притворяйтесь глухимъ! Дорогой Курлэндеръ, шесть гульденовъ, коли на то пошло. Поѣдемте...

Зендеръ молчалъ.

— Семь гульденовъ!—Наконецъ, Штиклеръ съ ругательствами отошелъ отъ дверей.

Зендеръ поспѣшно всталъ, совершилъ утреннюю молитву, торопливо закусилъ и побѣжалъ на почту, чтобы послать заказное письмо. Но почтовый чиновникъ огорчилъ его, сказавъ, что письмо пойдетъ черезъ Галицію и Коломею и раньше четырехъ дней ни въ какомъ случаѣ не попадетъ въ Черновицы.

Зендеръ испугался: это не приходило ему въ голову.

— Тогда я пошлю телеграмму, — сказалъ онъ и попросилъ бланкъ.

Но отъ волненія настоящія слова не приходили на умъ, и онъ испортилъ нѣсколько бланокъ. Наконецъ, чиновникъ сказалъ ему:

— Напишите телеграмму лучше спокойно дома. Вы ничего не потеряете. Ледоходъ повредилъ телеграфные столбы. Придется посылать депеши черезъ Венгрію и Седмиградскую область, чтобы установить телеграфное сношеніе съ Черновицами. Скоро этого не устроишь:

Digitized by Google

у насъ лежитъ еще куча служебныхъ депешъ. Все равно—подадите ли вы телеграмму сейчасъ или завтра утромъ, она не пойдетъ раньше.

Глубоко огорченный, пошелъ Зендеръ прочь.

Медленно брелъ онъ въ гостиницу и около воротъ остановился. Въ это время мимо проходилъ Грицко; онъ снялъ шляпу, остановился, почесалъ за ухомъ и наконецъ сказалъ:

— Извините, сударь, мнѣ бы... хотѣлось... васъ кое о чемъ спросить? Не вы ли—извините, пожалуйста, не вы ли тотъ мерзавецъ, еврей изъ Барнова, который перерядился актеромъ? Я долженъ его арестовать.

Зендеръ помертвѣлъ отъ страху, но величина опасности вернула ему присутствіе духа.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—тотъ еще вчера вечеромъ уѣхалъ въ Лембергъ.

— Слава Богу,—сказалъ радостно Грицко.—Господинъ бургомистръ тоже очень обрадуется.

— По закону я не имѣю права его арестовать,—сказалъ онъ Зильберштейну.—Вы надѣлаете мнѣ хлопотъ. Одного желанія барновскихъ евреевъ недостаточно, чтобы арестовать человѣка. Но такъ какъ Зильберштейнъ упрашивалъ еще третьяго дня, а сегодня присталъ снова, онъ и уступилъ наконецъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ,—мы поймаемъ негодяя и отправимъ на родину.

— Грицко,—сказалъ онъ,—тебѣ все равно нечего дѣлать, вѣдь моста нѣтъ.

— Значитъ, онъ уѣхалъ въ Лембергъ, говорите вы?

— Да,—подтвердилъ Зендеръ,—въ почтовой каретѣ. Телеграфируйте, вамъ еще удастся его задержать.

— Могутъ сами евреи,—сказалъ Грицко,—насъ это не касается. Какъ они разозлятся. А Зильберштейнъ-то говоритъ, что онъ все очень хитро устроилъ.

«Я, говоритъ, предупредилъ одну хозяйку, а негодяй ничего и не подозрѣваетъ»!—Анъ, онъ-то и пронюхалъ! Ха-ха-ха! Покорно васъ благодарю, сударь. Онъ снялъ соломенную шляпу и пошелъ прочь. Тяжело дыша, поглядѣлъ ему Зендеръ вслѣдъ. Потомъ бросился въ свою комнату и въ нѣсколько минутъ снарядился въ путь. Онъ положилъ на столъ гульденъ. Дороже комната не могла ни въ какомъ случаѣ стоить. Нужно было еще ускользнуть незамѣченнымъ. Онъ сбѣжалъ по задней лѣстницѣ. Собака, точно понимая, что происходитъ нѣчто необычайное, тихо бѣжала сзади, поджавъ хвостъ. Слава Богу, они никого не повстрѣчали.

Digitized by Google

Дворомъ выбрался онъ на улицу и, не обращая вниманія на направленіе, пошелъ впередъ. Только бы вонъ изъ города, а куда— все равно! Наконецъ, онъ подошелъ къ заставѣ.

— Куда ведетъ эта дорога? — спросилъ онъ сборщика подорожной.

— Въ Борщовъ,—отвѣтилъ тотъ.

Съ минуту Зендеръ поколебался, затѣмъ пошелъ впередъ.

«Можетъ быть, это къ лучшему,—думалъ онъ.—У меня еще есть пять гульденовъ, Штиклеръ обѣщаетъ семь. Мнѣ не придется телеграфировать Надлеру; съ этими деньгами, если буду экономить, доберусь до Черновицъ. Такъ какъ въ гостиницѣ знаютъ, что я не хотѣлъ ѣхать съ труппою Штиклера, то въ Борщовѣ меня станутъ искать позже всего.

XXXV.

Онъ быстро шелъ впередъ.

И всетаки они его разыскивали! Мать, несмотря на его письмо, несмотря на деньги, преслѣдовала его, какъ преступника! Теперь, когда непосредственная опасность миновала, онъ пришелъ въ негодованіе. О, такой черствости и ограниченности онъ отъ нея не ожидалъ! Но ей не добиться своего. Не во всякомъ городѣ найдется бургомистръ, который согласится исполнять противозаконныя предписанія въ угоду хассидамъ. Не поймать имъ его—нѣтъ!

— Я буду тѣмъ, къ чему меня предназначилъ Господь...

И онъ все быстрѣе шелъ впередъ. Но вскорѣ не въ состояніи былъ идти быстро, пришлось умѣрить шагъ, и, наконецъ, совсѣмъ остановиться: боль въ груди становилась нестерпимой, поднялся удушливый кашель... Зендеръ смертельно испугался. Во рту былъ тотъ же противный солоновато-сладкій вкусъ, который онъ почувствовалъ однажды въ жизнь, но никогда не могъ забыть: то было во время отвратительной сцены у раввина. Съ дрожью прижалъ онъ платокъ къ губамъ: да, кровь. Съ отчаяніемъ поглядѣлъ Зендеръ вокругъ себя: всюду превратившіяся въ болото пашни, грязныя дороги, нигдѣ ни живой души, только собака, которая, помахивая хвостомъ, прыгала вокругъ него.

— Господи, Боже мой,—молилъ онъ,—обхватывая рукою молитвенникъ, лежавшій въ карманѣ пальто, не дай мнѣ погибнуть!

Повидимому, небо услышало его мольбы. По временамъ онъ сильно закашливался и на губахъ появлялись капельки крови, но до сильнаго кровоизліянія этотъ разъ не дошло. Ноги его дрожали, однако,

Digitized by Google

онъ пошелъ дальше, постоянно оглядываясь назадъ, не ѣдетъ ли экипажъ, который взялся бы подвезти его. Наконецъ, онъ увидалъ телѣжку, ѣхавшую ему навстрѣчу. На козлахъ сидѣлъ мальчикъ-еврей. Зендеръ остановилъ его и спросилъ, не встрѣтилъ ли онъ нѣсколько большихъ повозокъ.

— Паяцевъ? Какъ же. Стоятъ противъ корчмы въ Розатинѣ. Съ полмили отсюда.

Скоро они сторговались, мальчикъ повернулъ лошадь и сталъ усердно нахлестывать.

— Ты славный малый!—сказалъ Зендеръ.

Мальчикъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Мнѣ это выгодно! Такъ мы скорѣе доѣдемъ. А потомъ, вы такъ блѣдны, господинъ, точно собираетесь умереть. У моего отца одинъ господинъ умеръ въ экипажѣ, такъ, что непріятностей было!

Наконецъ, они достигли деревни. Передъ корчмой еще стояли экипажи. Старая мебельная фура для декорацій и допотопный омнибусъ для актеровъ. Когда Зендеръ слѣзъ съ экипажа, изъ корчмы вышла вся компанія, чтобы продолжать путешествіе.

— Ура! — закричалъ Штиклеръ. — Дѣти, торжествуйте! Да здравствуетъ Курлэндеръ!

Всѣ привѣтливо обступили его, кромѣ Бирка, который, слегка кивнувъ, полѣзъ въ экипажъ.

— Однако, какъ вы блѣдны!—воскликнула Шёнау.—И кровь на губахъ. Что съ вами?

— Ничего!—поспѣшно отвѣтилъ онъ.—Небольшой кашель, я слегка простудился... Скоро поѣдемъ?—спросилъ онъ директора.

Всѣ полѣзли въ омнибусъ, кромѣ Кённена, мѣсто котораго было на козлахъ мебельной фуры. Шёнау указала Зендеру на свое мѣсто, между Линденъ и Майеръ, на среднемъ сидѣньѣ, гдѣ не такъ сильно ощущались толчки экипажа; раньше она здѣсь сидѣла, теперь сѣла противъ него. Директора отправили въ уголъ, Гогенэйхена на козлы.

— Табачники, вонъ изъ экипажа!—закричала она, когда Штиклеръ закурилъ сигару. — Съ Курлэндеромъ не заговаривать: ему вредно говорить.

Зендеръ съ благодарностью поглядѣлъ на нее. Его лихорадило, и онъ чувствовалъ большую слабость. Онъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, тяжело дышалъ и только по временамъ, чувствуя, что на губы набѣжала капелька, подносилъ ко рту платокъ.

Медленно тащился омнибусъ по грязной дорогѣ, ведущей къ сѣверо-востоку отъ Днѣстра. Борщовъ лежитъ близъ русской границы. Вправо и влѣво, насколько можно окинуть взоромъ, покрытыя водою

Digitized by Google

поля и затонувшія степи. Понемногу путешественники задремали. Только, каждый разъ, когда Зендеръ подымалъ взоръ, онъ видѣлъ устремленные на себя глаза Шёнау.

— Какъ себя чувствуете?—спрашивала она шопотомъ.

— Лучше,—отвѣчалъ онъ.

Зендеръ лгалъ; но когда проглянуло солнышко, ему на самомъ дѣлѣ стало лучше, а когда въ гостиницѣ, гдѣ они остановились обѣдать, онъ поѣлъ супу и выпилъ немного вина, слабость во всѣхъ членахъ стала проходить. Послѣ обѣда и кашель сталъ слабѣе.

«Пройдетъ,—думалъ онъ,—ужасно было бы, если бы не прошло! Теперь заболѣть и умереть! Милосердый Господь не можетъ быть такъ жестокъ».

Было совсѣмъ темно, когда они доѣхали до городка и остановились у гостиницы. Навстрѣчу имъ вышелъ хозяинъ. Зендеръ вздрогнулъ—гдѣ видѣлъ онъ это безобразное, хищническое лицо? Только имя навело его на вѣрный путь. Саломонъ Вольгерухъ—былъ братъ раввина Эліаса, который въ дѣтствѣ сломалъ ему руку. Съ этимъ онъ не былъ знакомъ; на его памяти тотъ ни разу не былъ въ Барновѣ.

Зендеръ тотчасъ же отправился въ отведенную для него комнату. Ему хотѣлось остаться одному, но нельзя было помѣшать Шёнау самой принести ему чаю; потомъ съ трудомъ взобрался къ нему Биркъ и сѣлъ возлѣ кровати.

— Берегите себя,—сказалъ онъ.—Бодритесь, думайте о будущемъ.—Онъ просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока по дыханію Зендера догадался, что больной задремалъ.—Природа не можетъ быть такъ жестока,— пробормоталъ онъ.—Такъ уничтожить свое собственное дѣло... Но она часто бываетъ жестока... о, какъ часто!

Онъ вышелъ вонъ настолько тихо, насколько позволяла его колеблющаяся походка.

Ночью, когда Зендеръ проснулся, то увидалъ при свѣтѣ ночничка, что въ углу что-то ворочается.

— Москаль!—позвалъ онъ.

Собака тяфкнула изъ другого угла.

Существо на полу оказалось Кённеномъ; онъ на цыпочкахъ подошелъ къ больному.

— Вы не спите послѣ такого утомительнаго путешествія?—растроганно сказалъ Зендеръ.

— Не говорите!—попросилъ маленькій человѣчекъ.—Спите. Обо мнѣ не безпокойтесь. Я желѣзный... къ сожалѣнію!—прибавилъ онъ почти шопотомъ.

Digitized by Google

Зендеръ не разслышалъ послѣднихъ словъ. Онъ снова заснулъ. И на этотъ разъ, какъ послѣ ужаснаго путешествія въ среду, сама природа точно желала помочь ему. Онъ проспалъ до полудня, и когда проснулся, лихорадка прошла. Положимъ, онъ кашлялъ чаще, чѣмъ обыкновенно, но кровь изъ горла больше не показывалась.

Внизу въ ресторанѣ коллеги—они всетаки стали его коллегами—привѣтствовали его такъ радостно, точно онъ возсталъ изъ мертвыхъ.

— Венеціанскаго купца даемъ только въ среду,—сообщилъ ему Штиклеръ.—Такъ желаетъ Шёнау; завтра отдыхаемъ. Обставлена пьеса достойно тебя... Антоніо, Мароккскій и Аррагонскій принцы—Гогенэйхенъ, Бассаріо и старый Гоббо—Биркъ, Порція и Ланцелотъ—Шёнау, Тубалъ и Лоренцо—Кённенъ, Іессика и Граціано—Линденъ, Дожъ и Салорино—я, Нерисса и Саларіо—Майеръ... Всѣ остальныя роли вычеркнуты.

На лицѣ Зендера отразилось негодованіе.

Остальную часть дня онъ провелъ въ своей комнатѣ, а вечеромъ взглянулъ только одинъ актъ «Коварства и любви». Залъ былъ еще тѣснѣе и грязнѣе, чѣмъ въ Залѣсчикахъ, но почти полонъ, и публика усиленно апплодировала. Это его успокоило и, несмотря на нѣкоторый страхъ за первый дебютъ, онъ немедленно заснулъ. Во вторникъ онъ вышелъ въ ресторанъ около полудня.

Тамъ Кённенъ изготовлялъ афишу для слѣдующаго дня.

— Чтобы въ день своего перваго дебюта вы не сердились, я на этотъ разъ не пишу еврейско-христіанской афиши; а эта вещь вышла бы еще лучше, чѣмъ Дебора.

И правда, афиша не страдала двойственностью; на обѣихъ сторонахъ было одно и то же заглавіе, но въ пяти различныхъ видахъ. «Венеціанскій купецъ», «Житье-бытье евреевъ и христіанъ», «Что можетъ заключаться въ шкатулочкѣ», «Какъ у живого человѣка вырѣзаютъ фунтъ мяса, не проливъ ни капли крови», «Любовь, месть и отчаяніе». Зендеръ анонсировался, какъ «Александръ Курлэндеръ, прозванный вторымъ Дависономъ, величайшій изъ всѣхъ талантовъ прошедшаго и настоящаго, членъ многихъ европейскихъ театровъ, проѣздомъ изъ Берлина въ Вѣну, только на одну гастроль». Зендеръ ужаснулся.

— Публика будетъ Богъ знаетъ чего ждать отъ меня!—воскликнулъ онъ.

— Гораздо менѣе, чѣмъ она получитъ,—сказалъ Кённенъ.—Я вамъ до сихъ поръ еще ничего не сказалъ о репетиціи,—пробормоталъ онъ.—Вы думаете изъ зависти? И вы не совсѣмъ неправы—я молчалъ отчасти изъ зависти. Но главной причиной была мысль: «Ты

Digitized by Google

недостоинъ хвалить его»!—Онъ схватилъ руку Зендера и пожалъ ее.—Не могу ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ. Извините, пожалуйста, можетъ быть, вы хотите послать телеграмму? Извините, пожалуйста, сегодня уже второе марта, Надлеръ любитъ аккуратность...

Вѣрно. Зендеръ объ этомъ не подумалъ. Онъ хотѣлъ тотчасъ же отправиться на телеграфъ самъ, но хозяинъ не допустилъ его.

— Вы нездоровы,—сказалъ онъ,—на улицѣ воздухъ совсѣмъ неподходящій для больныхъ легкихъ.

Вообще, хозяинъ, помимо своей воли возбуждавшій въ Зендерѣ въ силу непріятныхъ воспоминаній чувство отвращенія, былъ съ нимъ предупредительно любезенъ и почти не спускалъ его съ глазъ.

Вечеръ Зендеръ провелъ съ Биркомъ у того въ комнатѣ. Актеръ былъ свѣжѣе, чѣмъ когда-либо, и много разсказывалъ о дняхъ своей славы, о бургтеатрѣ, а затѣмъ о мерзости различныхъ провинціальныхъ труппъ. Зендеръ понялъ его намѣреніе. Въ девять часовъ Биркъ погналъ его въ постель. Завтра вы должны быть здоровы!

— И буду,—отвѣтилъ Зендеръ, сіяя глазами. Опять все прошло благополучно. А какая будущность ждала его!

На этотъ разъ онъ заперъ дверь на задвижку. Его мучила мысль, что Кёппенъ, безъ устали трудившійся цѣлый день, придетъ опять ночью спать на полу, точно собака. Потомъ онъ долго блаженно мечталъ съ открытыми глазами и еще лучшія грёзы навѣялъ ему сонъ. Въ нихъ воплотилось все, чего онъ ждалъ отъ будущаго.

Онъ стоялъ на подмосткахъ, передъ нимъ тысячею огней сіялъ переполненный публикою залъ, гораздо, гораздо болѣе обширный, чѣмъ въ Черновицахъ; всѣ сидѣнья обиты краснымъ бархатомъ, на нихъ сидятъ красивыя дамы, мужчины въ орденахъ и офицеры, а тамъ, тамъ вдали... молодой императоръ... Зендеръ только что кончилъ сцену съ Тубаномъ, и всѣ зааплодировали, даже императоръ, и закричали «Курлэндеръ!» Нѣкоторые стучали объ полъ, и стукъ становился все громче и особенно выдѣлявшійся голосъ кричалъ: «Зендеръ!» Это голосъ матери. Но какъ попала она въ бургтеатръ? Наконецъ, всѣ остальные голоса замолкли, только она одна кричала: «Зендеръ!»

Онъ вскочилъ на постели и протеръ глаза. Милосердый Боже, то болѣе не сонъ. На дворѣ бѣлый день, онъ сидитъ на постели въ номерѣ гостиницы въ Борщовѣ, въ дверь стучатъ и голосъ матери зоветъ: «Зендеръ, отопри!» Скрываться безполезно.

Почти въ обморокѣ упалъ Зендеръ снова на подушки; съ безумной быстротой неслись въ головѣ мысли. Черезъ нѣсколько секундъ

Digitized by Google

онъ вскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ окну. Комната была въ нижнемъ этажѣ. Прежде чѣмъ они выломаютъ дверь, онъ одѣнется и выпрыгнетъ въ окно. Но эта мысль только промелькнула въ головѣ. Бѣжать? Зачѣмъ? И когда за дверью раздалось снова: «Тебѣ ничто не поможетъ», онъ упрямо поднялъ голову кверху и подумалъ: «Мнѣ поможетъ право на свою свободу!»

— Сейчасъ отопру,—сказалъ онъ.—Подожди, пока одѣнусь!

Когда онъ былъ готовъ, то положилъ руку на книжечку, лежавшую на ночномъ столикѣ. «Боже, дай мнѣ не позабыть, что это моя мать!» Твердости духа ему нечего было просить.

Зендеръ отперъ. Вошла мать, за ней Итцигъ Тюркишгельбъ. Москаль съ лаемъ набросился на вошедшихъ; Зендеръ велѣлъ ему замолчать. Это былъ единственный звукъ, который онъ могъ издать, до того потрясъ его видъ матери. Онъ оставилъ дома старую, но бодрую женщину, передъ нимъ стояла дряхлая старуха. Она тоже впилась въ него глазами: вѣроятно, ее въ равной степени поразили какъ одежда, такъ и страдальчески-блѣдное лицо.

— Мать,—началъ онъ, наконецъ.—Ты напрасно пришла. Мнѣ жаль, что ты не захотѣла понять моего письма...

— О, я его прекрасно поняла,—воскликнула она.—То, чего я раньше не знала, мнѣ объяснила хозяйка въ Залѣсчикахъ и здѣшній хозяинъ. Отступникъ, проводящій время съ другими потерянными людьми въ игрѣ комедій. Это то великое, къ чему влекло тебя сердце и къ чему предназначилъ Господь?

Итцигъ спросилъ:

— Зендеръ, въ прошломъ году ты былъ тяжело боленъ, а теперь у тебя снова кровохарканіе, хватитъ ли твоего здоровья для такой жизни?

— Съ помощью Божіей, да!

— Не призывай Бога!—снова воскликнула мать.—Ты боленъ, и отъ такой жизни скоро погибнешь. Если бы ты былъ даже совершенно здоровъ, я заклинала бы тебя: «Вернись назадъ! Пока не поздно, поѣдемъ съ нами домой»! И когда онъ покачалъ головой, она взвизгнула:—Тогда я тебя заставлю! Судьи знаютъ, что несовершеннолѣтній долженъ подчиняться матери!

— Попробуй!—возразилъ онъ. Зендеръ хотѣлъ сказать что-то еще болѣе рѣзкое, но тогда вступился Итцигъ.

— Не такъ!—остановилъ онъ.—Не знаю, можно ли тебя принудить, люди разно говорятъ. Но тебя *не слѣдуетъ* принуждать. Нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ! Подумай о своемъ здоровьѣ, подумай о старухѣ матери. Ты сведешь ее до времени въ могилу. Разсуди самъ.

Digitized by Google

Зендеръ не въ состояніи былъ ничего отвѣтить; онъ простоналъ и отвернулся. Такъ сидѣлъ онъ, пока мать подошла къ нему.

— Зендеръ!—воскликнула она, молитвенно сложивъ руки.—Ты написалъ, что я сдѣлала для тебя больше, чѣмъ обязана дѣлать мать—и вотъ твоя благодарность? Ты хочешь отплатить мнѣ деньгами? Вотъ твои деньги!—она вытащила бумажникъ и бросила на столъ.—Сосчитай, ничего не пропало!

Ея гнѣвъ вернулъ ему самообладаніе.

— Мнѣ ихъ не нужно!—закричалъ онъ и оттолкнулъ бумажникъ.—Они твои! И все, что я заработаю, будетъ принадлежать тебѣ. Но заплатить тебѣ жизнію я не могу!

— Тогда мнѣ придется это сдѣлать!—закричала она. Минуту спустя, она бросилась къ его погамъ.—Зендеръ,—рыдала она,—мать валяется у тебя въ ногахъ и молитъ о жизни! Нѣтъ, не о жизни, а только о спокойномъ смертномъ часѣ!

Онъ поднялъ ее и обнялъ.

— Не терзай мнѣ сердце!—пробормоталъ онъ побѣлѣвшими губами.—Спокойный смертный часъ! Или ты думаешь, что Господь судитъ такъ же, какъ раввинъ Манассе? Ты можешь въ радости жить и умереть, несмотря на то, что сынъ твой будетъ актеромъ!

— Нѣтъ!—закричала она.—Раввинъ?! Я это сама знаю безъ раввина!

Снова вмѣшался въ дѣло Итцигъ.

— Поѣдемъ съ нами, Зендеръ, поговори съ городовымъ врачомъ. Можетъ быть, онъ успокоитъ мать. Изъ-за нѣсколькихъ лишнихъ недѣль стоитъ ли разговаривать.

— Нѣтъ!—повторила она.—Если даже докторъ позволитъ, я не могу допустить. Рѣшайся!

— Я рѣшился,—отвѣтилъ онъ.—Очень многаго можетъ требовать мать отъ сына, но не въ такой мѣрѣ!

Она снова хотѣла упасть ему въ ноги. Тюркишгельбъ удержалъ ее.

— Роза,—сказалъ онъ,—Зендеръ боленъ, а такъ заболѣете и вы. Пощадите его и себя и разойдитесь съ миромъ! Такъ Богу угодно. Все, что можно было сказать, сказано.

— Нѣтъ, я не уйду!—пронзительно вскрикнула она.—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

На нее страшно было глядѣть. Глаза блестѣли, какъ у сумасшедшей; она совершенно перестала владѣть собою.

— Я принесла въ жертву чужому ребенку свою земную жизнь,

Digitized by Google

но загробную—нѣтъ! Я хочу спокойно умереть, я хочу имѣть право сказать его родителямъ...

«Мать,—въ отчаяніи шепталъ Зендеръ.—Милосердый Боже,—думалъ онъ,—она сошла съ ума»...

Итцигъ поблѣднѣлъ до корня волосъ.

— Роза,—бормоталъ онъ,—помилосердуйте, что вы такое говорите?

— Теперь мнѣ все равно,—дико вскрикнула она.—Здѣсь я за него мучилась и страдала, вѣчной жизни за него не отдамъ. Отецъ его, Менделе Ковнеръ, умирая въ придорожной канавѣ, сказалъ: «Пусть сынъ мой будетъ чѣмъ угодно, только не комедіантомъ!» А матери твоей, миръ праху ея, я поклялась, что ты не будешь комедіантомъ.—Она въ смертельномъ страхѣ приложила лѣвую руку къ сердцу, а правую вытянула впередъ.—Что я имъ скажу? Что? Что?

Зендеръ стоялъ неподвижно, только блѣдныя губы вздрагивали. Онъ пристально взглянулъ на мать, потомъ на Итцига.

Когда онъ встрѣтился съ полными глубокаго состраданія глазами старика, то закрылъ свои и беззвучно опустился на стулъ, возлѣ котораго стоялъ.

Тишина долго не нарушалась. Слышно было только тяжелое дыханіе трехъ людей.

Потомъ Зендеръ, пошатываясь, поднялся, отыскалъ молитвенникъ и молча поднесъ его къ губамъ. Затѣмъ уткнулся лицомъ въ руки и горько зарыдалъ.

Роза также заплакала. Она хотѣла подойти къ Зендеру, но Итцигъ удержалъ ее.

— Пойдемте,—шепнулъ онъ, но такъ какъ она не послушалась, повторилъ настойчиво:—Пойдемте, онъ больше не вашъ сынъ, оставьте его одного съ родителями!

Прошло около двухъ часовъ, Зендеръ все не показывался. Тогда Роза съ Итцигомъ подошли къ дверямъ и рѣшились войти.

Они застали его все въ той же позѣ, въ какой оставили: одной рукой онъ плотно держалъ молитвенникъ, другой закрывалъ глаза. Когда они вошли, онъ поднялся съ мѣста.

Такого страдальческаго выраженія лица старикъ въ жизнь свою не видалъ ни у одного человѣка; голосъ его былъ беззвученъ, но твердъ, когда онъ сказалъ:

— Я иду съ вами!

— Зендеръ,—радостно воскликнула Роза и хотѣла къ нему броситься.

Итцигъ удержалъ ее.

Digitized by Google

— Обѣщайте ему, что не будете противиться, если нашъ докторъ разрѣшитъ... Иначе онъ не переживетъ страданій,—шепнулъ онъ ей на ухо.

Потомъ сказалъ громко:

— Это не навсегда, мертвые не могутъ требовать, чтобы живые приносили себя за нихъ въ жертву.

— Какъ Господу угодно!—равнодушно сказалъ Зендеръ.

XXXVI.

Прошло около недѣли, прежде чѣмъ три путешественника добрались до домика у заставы въ Барновѣ. Они принуждены были ѣхать шагомъ и часто отдыхать; въ Тлустѣ и Залѣсчикахъ прожили даже по два дня. Хотя Роза и везла пріемнаго сына домой, но тяжело больного. Повидимому принесенная имъ жертва сломила послѣднія жизненныя силы.

Лихорадка все усиливалась, кашель становился мучительнѣе. Независимо отъ приказанія врача, больной лежалъ все время молча, съ закрытыми глазами, съ выраженіемъ безмолвной печали на лицѣ. Онъ переносилъ заботливый уходъ матери, и когда она совѣтовала ему бодриться и возложить надежды на лѣто, которое, какъ и въ прошломъ году, принесетъ полное выздоровленіе, старался даже черезъ силу улыбнуться. Когда же Итцигъ утѣшалъ его, выражая надежду, что врачъ послѣ лѣта разрѣшитъ ѣхать туда, куда его влечетъ сердце, и мать не будетъ больше препятствовать, Зендеръ начиналъ волноваться. Онъ не хотѣлъ, чтобы ему объ этомъ напоминали; съ этими мечтами все покончено навсегда; насколько свѣжа и мучительна была рана, можно судить потому, какъ онъ судорожно вздрагивалъ, когда чужая рука съ состраданіемъ касалась больного мѣста, залѣчить которое могла только смерть.

Такимъ же безмолвнымъ и убитымъ былъ онъ первыя недѣли дома. Молча лежалъ онъ на диванѣ или въ мягкомъ креслѣ,—окна онъ пугливо избѣгалъ,—положивъ руку на голову вѣрной собаки и устремивъ взоръ въ пустое пространство. Никто не разсказывалъ ему, какого переполоху надѣлало въ городишкѣ его бѣгство; сколько проклятій и порицаній посыпалось ему на голову, когда онъ возвратился въ нѣмецкомъ платьѣ; вѣроятно, онъ это подозрѣвалъ, но не то заставляло его избѣгать окна. Никого не видать, никѣмъ не быть видимымъ, умереть покойно, вотъ все, чего онъ желалъ. Даже посѣщенія Итцига и его дочери не выводили Зендера изъ тупого оцѣпенѣнія, несмотря на то, что онъ очень любилъ обоихъ и очень былъ тронутъ ихъ сочувствіемъ.

Digitized by Google

Они приходили и скоро уходили домой, потому что самъ онъ не задавалъ ни одного вопроса, почти не слушалъ разсказовъ и, повидимому, чувствовалъ безпокойство отъ ихъ присутствія. Только однажды, когда ему сообщили, что на слѣдующей недѣлѣ пріѣдетъ новый адвокатъ съ женой, лицо его оживилось, но онъ ничего не спросилъ. Зендеръ почти не выпускалъ изъ рукъ молитвенника, но и о родителяхъ ничего не спрашивалъ; онъ чувствовалъ себя на пути къ нимъ.

Троихъ, сердечно къ нему привязанныхъ людей, сильно безпокоило такое состояніе. Но только Итцигъ и Ютта понимали, что онъ страдаетъ не отъ одного кашля. Роза соглашалась, что онъ печаленъ, но увѣряла, что съ болѣзнью пройдетъ и тоска.

Она была твердо убѣждена, что поступила правильно, не хотѣла понять, что потребовала жертвы, которая и была ей принесена. Напротивъ, если небо даруетъ ему исцѣленіе, часть заслуги будетъ принадлежать ей: въ обществѣ проходимцевъ и потаскушекъ онъ, несомнѣнно, погубилъ бы свою душу.

Она была очень смущена, когда докторъ сказалъ ей совершенно обратное. Дѣло было во время его второго визита въ началѣ апрѣля.

Врачъ производилъ изслѣдованіе больного и покачивалъ головой. Потомъ попросилъ Розу оставить его съ Зендеромъ наединѣ и сказалъ:

— Мнѣ кажется, я знаю вашу исторію: одно сплошное мученичество. Но исходъ въ значительной степени зависитъ отъ васъ самихъ. Вотъ такъ, какъ вы теперь передо мною лежите, вы представляете изъ себя образецъ больного, какимъ онъ не долженъ быть: апатичный, впавшій въ отчаяніе. Такъ вы никогда не поправитесь.

Зендеръ отрицательно махнулъ рукой:

— Здоровымъ я и безъ того никогда не буду.

— Въ такомъ случаѣ, вы знаете больше меня,—возразилъ врачъ.—Каково ваше положеніе, я сказалъ вамъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Вамъ придется всю жизнь болѣе беречься, чѣмъ другимъ, на худой конецъ, *гораздо* больше, чѣмъ другимъ, но въ очень плохое я не вѣрю. Вы унаслѣдовали натуру своего отца, сила и выносливость котораго въ года моей юности вошли почти въ поговорку. Кто послѣ кровоизліянія, подобнаго тому, какое вы перенесли въ прошломъ году, и послѣ ужасныхъ похожденій и треволненій, перенесенныхъ вами за послѣднія недѣли, отдѣлался только тяжелымъ кашлемъ, тотъ не имѣетъ права отчаиваться.

Зендеръ лежалъ тяжело дыша и ничего не отвѣчалъ. Врачъ также не продолжалъ разговора: слова были безполезны.

Digitized by Google

Уходя, онъ сказалъ Розѣ свое мнѣніе:

— Ничто не могло такъ повредить ему, какъ возвращеніе сюда. Тамъ онъ собирался жить, а здѣсь хочетъ только умереть.

Это жестоко поразило старую женщину, но она не согласилась съ врачомъ.

Зато патеръ Маріанъ хорошо понялъ слова доктора.

— Если бы только я могъ навѣстить его!—воскликнулъ онъ и послалъ Федко къ Зендеру съ запиской, гдѣ предлагалъ навѣстить его или прислать книгъ.

Привратникъ вернулся назадъ опечаленный.

— Нашему бѣдному сумасшедшему пришелъ конецъ,—заявилъ онъ.—Онъ благодаритъ за то и за другое.

Зендеръ отклонилъ также визитъ Малки и ея мужа, которые на другой день по пріѣздѣ послали Ютту спросить, желаетъ ли онъ ихъ видѣть. Когда они узнали отъ врача, въ какомъ онъ положеніи, то написали сердечное письмо, прося разрѣшенія навѣстить его. Онъ остался при прежнемъ рѣшеніи.

Но Ютта не сдавалась.

— Вы должны пойти къ нему!—увѣряла она подругу, у которой жила теперь въ качествѣ экономки.—Вы должны!—ломала она руки.—Иначе онъ умретъ!—въ отчаяніи заявила она и залилась слезами.

Малка съ удивленіемъ посмотрѣла на нее; она не привыкла видѣть сильную дѣвушку въ слезахъ.

— Ютта,—сказала она серьезно,—ты нѣкогда называла любовь «христіанской модой»...

— Я не люблю его!—рѣзко отвѣтила Ютта.—Но отдала бы съ радостью свою жизнь, чтобы не дать ему умереть.

Она добилась своего. Однажды докторъ Залменфельдъ съ супругой вошли къ больному. Зендеръ сильно взволновался, и когда они привѣтливо съ нимъ разговаривали, глаза его наполнились слезами. Но онъ сказалъ только одно:

— Не желайте мнѣ выздоровленія. Зачѣмъ? Чтобы записывать номера у Давида?

— Чтобы стать знаменитымъ артистомъ!—воскликнула Малка.

— Съ этимъ все кончено! Я человѣкъ, приговоренный къ смерти! И если даже это невѣрно; мать моя требуетъ жертвы, должна требовать жертвы, а я долженъ ее принести.

— Дорогой господинъ Глаттэйсъ,—сказалъ адвокатъ,—вѣрно только первое. Ваша воспитательница по своимъ воззрѣніямъ должна исполнить послѣднюю волю вашихъ родителей. Но вѣдь вы-то не дер-

Digitized by Google

житесь этихъ взглядовъ?! Вашъ несчастный отецъ былъ въ своемъ родѣ знаменитость; мы достаточно много о немъ слышали, чтобы не сомнѣваться, что будь онъ живъ, онъ не осудилъ бы васъ: для него была бы ясна разница между комедіантомъ и артистомъ. А ваша воспитательница говоритъ только отъ его имени.

Зендеръ покачалъ головой.

— Возможно, что все это правда, но для нея это было бы ужасно. Вотъ въ чемъ все дѣло! Она принесла мнѣ въ жертву свою земную жизнь, не имѣю же я права лишить ее вѣчнаго блаженства.

Онъ стоялъ на своемъ и въ разговорахъ съ врачомъ, который часто посѣщалъ его.

— Можетъ быть, я чувствовалъ бы себя иначе, если бы предвидѣлъ все заранѣе. А такъ, я всю жизнь городилъ одинъ долгъ на другой. И вмѣсто того, чтобы дать мнѣ расплатиться, вы хотите, чтобы я еще увеличилъ долгъ. Это противъ моей совѣсти.

Но разговоры всетаки пробудили въ немъ одинъ интересъ: онъ сталъ выспрашивать о жизни и личности своего отца.

Итцигъ могъ многое разсказать ему о Менделе; для Зендера стали понятны надписи на молитвенникѣ. Роза разсказала ему о несчастной Маріамъ, какая она была кроткая и благочестивая, какая добрая и признательная. Оказался въ живыхъ и тотъ добрый человѣкъ, который отдалъ послѣдній долгъ Менделе и перенесъ его тѣло съ мѣста смерти въ мѣсто вѣчнаго покоя. То былъ Мейеръ Кайзерадлеръ, разсыльный барновской общины. Его разсказъ глубоко взволновалъ Зендера, потому что на вопросъ, гдѣ мѣсто смерти отца, Мейеръ отвѣтилъ: «совсѣмъ возлѣ маленькой часовни, гдѣ пѣшеходная тропинка сворачиваетъ съ большой дороги въ Біалу». То самое мѣсто, гдѣ Зендера засталъ ураганъ, и та часовенка, гдѣ на свое счастіе онъ выронилъ молитвенникъ. Для него это не былъ странный случай, онъ зналъ, чей духъ хранилъ и спасъ его въ тотъ день. Но зачѣмъ? зачѣмъ? ради такого конца?

Въ апрѣлѣ пришло письмо отъ Надлера изъ Черновицъ, гдѣ онъ писалъ, что только на-дняхъ *случайно* узналъ, почему Зендеръ не пріѣхалъ. Съ сердечнымъ участіемъ просилъ онъ его не падать духомъ, овладѣть собою и помнить, что въ немъ онъ всегда найдетъ поддержку. Зендеръ не зналъ, что роль случая играло письмо адвоката Зальменфельда. Онъ въ трогательныхъ словахъ поблагодарилъ директора за участіе и навсегда прощался съ нимъ.

Въ жизни его должно было сыграть роль еще одно ужасное событіе, послужившее ему на благо, но и окончательно сгубившее его.

Однажды въ началѣ мая къ нимъ пришелъ Итцигъ Тюркишгельбъ.

Digitized by Google

Зендеръ по лицу увидалъ, что старикъ принесъ плохія вѣсти; но онъ не узналъ, въ чемъ дѣло: Итцигъ въ сѣняхъ сообщилъ что-то Розѣ. Вѣроятно, случилось что-нибудь плохое, потому что Роза вернулась въ комнату блѣдная и перепуганная, но на вопросъ Зендера отвѣтила:

— Ничего, ничего важнаго!

Но дѣло, очевидно, было очень важное, потому что часъ спустя въ сѣняхъ, кромѣ голоса Тюркишгельба, послышался голосъ Давида. И изъ его поспѣшныхъ словъ Зендеръ могъ разобрать только отрывки:

— Все это на совѣсти негодяя, мерзавца Луизера.

А потомъ:

— Успокойтесь, я знаю законы. По закону онъ не смѣетъ вамъ ничего сдѣлать.

Но утѣшеніе, повидимому, не успокоило Розу. Она вошла въ комнату еще болѣе растревоженной. Напрасно просилъ Зендеръ объяснить ему причину волненій. Она все время стояла у окна и пристально глядѣла на дорогу. Вдругъ, когда уже начало смеркаться, она отчаянно вскрикнула:

— Вотъ онъ!—и бросилась въ сѣни.

Вслѣдъ за этимъ Зендеръ услыхалъ грубый, незнакомый голосъ, повидимому, пропойцы:

— Ты сама должна мнѣ сказать, что не хочешь принять меня! Зачѣмъ же тогда ты меня разыскивала?

А потомъ раздался ея визгливый крикъ:

— Уходи, Фроимъ, а то я закричу о помощи!

Весь оцѣпенѣвъ отъ ужаса, слушалъ Зендеръ происходившее въ сѣняхъ. Но тутъ онъ собрался съ послѣдними силами и выбѣжалъ на помощь Розѣ. Онъ попалъ какъ разъ вò-время. Передъ Розой стоялъ старый, до невѣроятія оборванный нищій; онъ схватилъ въ руки большой желѣзный болтъ, которымъ на ночь запирали заставу, и размахнулся имъ надъ головою старухи.

— Кричи!—рычалъ нищій.—Но прежде чѣмъ докричишься, я убью тебя!

Съ быстротою молніи бросился Зендеръ между матерью и Фроимомъ. Тяжелое желѣзо ударило по головѣ его вмѣсто старухи. Онъ упалъ на землю, въ ушахъ зазвенѣло, по лбу потекло что-то теплое.

Потомъ онъ потерялъ сознаніе.

Три недѣли находился Зендеръ между жизнью и смертью; врачъ ежедневно опасался конца; такую тяжелую рану, такую сильную лихорадку едва ли поборетъ ослабленный организмъ.

Digitized by Google

Онъ прилагалъ всѣ усилія, все свое знаніе; въ любви, участіи и заботливости вообще недостатка не было. Ютта жила въ домикѣ у заставы, чтобы днемъ и ночью быть подъ руками; Итцигъ приходилъ ежедневно, равно какъ Зальменфельдъ и его супруга; болѣе того, пришелъ однажды патеръ Маріанъ и съ глубокимъ горемъ нагнулся надъ своимъ бѣднымъ ученикомъ, который не узналъ его. Посѣщеніе не осталось тайною для гэтто и, какъ нѣчто неслыханное, взволновало умы, но на измѣнившееся отношеніе барновцевъ не оказало вліянія. Теперь они боготворили человѣка, на голову котораго незадолго передъ тѣмъ призывали самыя тяжкія проклятія. Онъ рисковалъ жизнію, чтобы спасти мать, и теперь, несмотря на нѣмецкое платье, изъ человѣка превратился въ ангела. Каждый день приходили толпы справляться о его здоровьѣ; у кого оказывался особенно лакомый кусочекъ, тотъ несъ его больному. Насиліе, совершонное Фроимомъ, представляетъ большую рѣдкость въ гэтто Подоліи и поэтому уваженіе къ Зендеру особенно возросло.

Толстый Зимхе, случайно проѣзжавшій мимо и обезоружившій Фроима, былъ встрѣченъ, какъ герой. Населеніе Барнова съ удовольствіемъ расправилось бы съ Фроимомъ судомъ Линча; хорошо, что окружное управленіе посадило его подъ замокъ.

— Вотъ каковы они,—сказалъ врачъ адвокату,—необузданы въ любви, какъ и въ ненависти! Но никакія блага не помогутъ больше бѣдняку.

Ни любовь согражданъ, ни самоотверженный уходъ близкихъ людей не помогали, но крѣпкая натура и на этотъ разъ спасла больного. Рана стала заживать, безсознательное состояніе проходить. Но врачъ не поддавался иллюзіямъ.

— Его выздоровленіе будетъ наполовину чудомъ,—сказалъ онъ патеру Маріану,—потому что полныхъ чудесъ на свѣтѣ не бываетъ. Безъ этого несчастія онъ, конечно, былъ бы почти здоровъ, если бы захотѣлъ побороть свою апатію. Боюсь, что теперь онъ проживетъ не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Если бы хоть на этотъ короткій срокъ ему можно было устроить пріятную жизнь. Но придетъ сознаніе, вернется и апатія, за которой въ дѣйствительности скрывается глубокое отчаяніе.

— Поговорите съ матерью,—просилъ Маріанъ,—теперь, по-крайней мѣрѣ, она должна уступить. Актеромъ онъ все равно не будетъ.

Врачъ сообщилъ свои соображенія Тюркишгельбу. Старикъ совсѣмъ растерялся отъ горя.

Digitized by Google

— Господь этого не попуститъ!—воскликнулъ онъ.—Вы, можетъ быть, ошибаетесь. Розу я уговорю.

Онъ слишкомъ много взялъ на себя; можетъ быть, потому, что не рѣшился всего сказать старухѣ. Однако, онъ добился отъ нея обѣщанія не противорѣчить до тѣхъ поръ, пока Зендеръ не предприметъ чего-нибудь серьезнаго. Тогда она сама сообразитъ, какъ исполнить обязанности по отношенію къ умершимъ. Но хлопотъ оказалось меньше, чѣмъ боялись друзья.

Врачъ съ изумленіемъ увидалъ веселое лицо больного, когда тотъ пришелъ въ полное сознаніе. Онъ былъ такъ слабъ, что едва могъ улыбаться, но глаза сіяли, и когда врачъ нагнулся къ нему, больной прошепталъ:

— Не правда ли, докторъ, я выздоровлю?

Докторъ поспѣшилъ съ утвердительнымъ отвѣтомъ.

— Я это зналъ!—прошепталъ Зендеръ, блаженно улыбаясь.— Я чувствовалъ, что поправлюсь и буду актеромъ.

Врачъ утвердительно кивалъ головой.

— Но вы должны сами помогать намъ,—прибавилъ онъ почти рѣзко, чтобы скрыть свое волненіе.—Прочь всѣ мрачныя мысли.

— Для нихъ нѣтъ больше основанія,—шепталъ Зендеръ.—Всѣ видятъ, и я самъ чувствую: «долгъ уплаченъ!» Теперь я знаю, почему не умеръ въ ту ужасную ночь въ часовнѣ...

XXXVII.

Долгъ былъ уплаченъ, онъ могъ сдѣлаться актеромъ, только болѣзнь стояла между нимъ и его цѣлью. Рѣдко приходилось врачу имѣть такого стойкаго, веселаго, послушнаго паціента, какимъ былъ теперь Зендеръ, но и ни съ кѣмъ не приходилось доброму человѣку такъ часто прибѣгать къ суровому тону. Рѣзкій контрастъ трогательной вѣры больного съ суровой дѣйствительностью глубоко волновалъ его.

Окружающіе радовались перемѣнѣ и лелѣяли надежду, даже. патеръ Маріанъ и Итцигъ. Почему вѣрить больше врачу, чѣмъ собственнымъ глазамъ? Зендеръ замѣтно крѣпъ, лицо слегка порозовѣло, глаза блестѣли, кашель почти прошелъ; правда, дыханіе стало короче, но и это современемъ пройдетъ. Но больше всего обманывало его настроеніе, увѣренность въ выздоровленіи.

Теперь все было иначе, чѣмъ прежде: каждое посѣщеніе его радовало; онъ говорилъ съ друзьями о своихъ планахъ; конечно, понемногу, потому что врачъ запрещалъ разговоры; но каждое слово

Digitized by Google

дышало несокрушимой увѣренностью. Для Розы это было ударомъ въ сердце, но она молчала, желая сдержать свое обѣщаніе. Зендеръ началъ читать съ большимъ усердіемъ, и когда впервые всталъ съ постели, написалъ длинное письмо Надлеру, гдѣ разсказывалъ обо всемъ, что съ нимъ случилось, сообщалъ, что находится на пути къ выздоровленію и просилъ не отказывать ему, когда онъ пріѣдетъ въ Черновицы, согласно своему ангажементу. Директоръ немедленно отвѣтилъ изъ Лемберга:

— Зендеръ для него всегда желанный гость, и онъ можетъ предложить ему лучшія условія, чѣмъ въ Черновицахъ: его назначили директоромъ нѣмецкаго театра въ Лембергѣ; осенью онъ вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Однажды къ домику у заставы подошелъ маленькій человѣчекъ въ истрепанномъ костюмѣ съ дорожнымъ ранцемъ за плечами; онъ освѣдомился о Зендерѣ. Его провели въ жилую комнату. Кённенъ подошелъ къ больному, крѣпко пожалъ ему руку и долго молча стоялъ около него. Зендеръ спросилъ его о труппѣ Штиклера; тогда, точно собравшись съ силами, Кённенъ мрачно сказалъ:

— Она отравилась.

— Вы, конечно, знаете, что нѣкогда Биркъ много для нея сдѣлалъ, она плохо отплатила ему за добро. Сначала она его обманывала, потомъ совсѣмъ бросила. Онъ никогда не сказалъ ей ни слова, и можетъ быть только я одинъ зналъ, что эта мука доканала несчастнаго; послѣ разрыва съ Шёнау онъ быстро пошелъ подъ гору. Между тѣмъ, онъ былъ осужденъ ежедневно видѣть ее; онъ все сносилъ, но кромѣ сцены нигдѣ не говорилъ съ ней ни слова. Въ половинѣ мая—мы были тогда въ Коломеѣ,—сказалъ онъ мнѣ однажды передъ представленіемъ «Разбойниковъ»: «боюсь, что не доведу сегодня роли до конца!» И вѣрно, въ первой сценѣ онъ игралъ стараго мавра, Гогенэйхенъ разсказывалъ объ испорченности Карла, при словахъ «Моя, моя вина!» Биркъ застоналъ, отшатнулся назадъ и слегка захрипѣлъ. Это было такъ ужасно, что публика содрогнулась и всѣ закричали: «Великолѣпно!» Гогенэйхенъ ничего не замѣтилъ и продолжалъ играть дальше; но на слѣдующую реплику Биркъ ничего не отвѣтилъ. Съ нимъ случился нервный ударъ...

— Ужасно!—пробормоталъ Зендеръ.

— Для него это было освобожденіе,—продолжалъ Кённенъ,—жаль только, что онъ тутъ же не умеръ. Три дня пролежалъ онъ еще: хрипѣлъ, бормоталъ непонятныя слова. На третій день, я былъ какъ разъ около него, дѣло шло совсѣмъ къ концу, вдругъ слышу стучатъ въ дверь, я выглянулъ: Шёнау. Видъ у нея былъ ужасный.

Digitized by Google

— Совѣсть не даетъ мнѣ покою,—сказала она,—можетъ быть, онъ проститъ меня передъ смертью. — Я старался отговорить ее, но она всетаки вошла. Тогда у него передернуло все лицо; онъ старался поднять руку.

— Вонъ!—закричалъ онъ.

— Фердинандъ!—зарыдала она и бросилась у постели на колѣни. Тогда онъ неожиданно выпрямился и коснѣющимъ языкомъ произнесъ:

— Вонъ, потаскуха! Убійца!—потомъ упалъ на спину и умеръ. Даже послѣ смерти на лицѣ его сохранилось выраженіе гнѣва и отвращенія.

Онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ:

— Три дня бродила она молча съ пасмурнымъ лицомъ, всѣ мы чуяли недоброе. Штиклеру стало страшно, онъ попросилъ какихъ-то господъ пригласить ее на ужинъ. Шёнау согласилась.

— Довольно тосковать,—засмѣялась она,—всѣ въ концѣ-концовъ пойдемъ къ чорту!

Но къ началу ужина она не пришла. Когда пошли къ ней въ комнату, оказалось, что...

— Она сразу умерла?—спросилъ Зендеръ.

Кённенъ кивнулъ головой. «Синильной кислотой... она врядъ ли страдала». Онъ снова глубоко вздохнулъ. «О себѣ говорить не стану... Послѣ похоронъ я сказалъ Штиклеру: «Я ухожу». И хотя подлецъ снова заговорилъ со мной на ты, я остался непреклоненъ. Съ оставшимися тремя онъ не могъ продолжать спектаклей, и безъ моихъ афишъ! Такимъ образомъ труппа распалась. Они ищутъ новыхъ ангажементовъ; только Линденъ остается модисткой въ Черновицахъ.

— А что вы думаете дѣлать?—спросилъ Зендеръ.

— Надѣюсь, что докторъ Зальменфельдъ возьметъ меня къ себѣ въ канцелярію. Если у него нѣтъ свободнаго мѣста, поищу у другихъ. За себя я не боюсь.

Онъ отвернулся, взялъ палку и ранецъ, молча поклонился и пошелъ по направленію къ городу.

Зальменфельдъ охотно бралъ къ себѣ Кённена, котораго зналъ за честнаго человѣка, но надо было раньше отпустить прежняго секретаря. Кённенъ былъ такимъ образомъ на нѣкоторое время свободенъ и согласился проводить Зендера въ Делатинъ, куда отправлялъ того докторъ на поправку. Сначала Роза была нѣсколько озабочена: «чужой, да еще бывшій актеръ».

Передъ отъѣздомъ Зендеръ впервые посѣтилъ могилы своихъ родителей. Раввинъ Манассе отвелъ нѣкогда пришельцамъ могилы возлѣ

Digitized by Google

стѣны, гдѣ хоронятъ бѣдныхъ; но Зендеръ нашелъ ихъ въ образцовомъ порядкѣ. Роза позаботилась даже о приличныхъ памятникахъ. Долго сидѣлъ онъ на могилѣ отца, отдѣлявшейся отъ могилы матери узкимъ пространствомъ, котораго съ натяжкой хватило бы еще на одну могилу. «При жизни я не былъ съ ними, но послѣ смерти хочу быть вмѣстѣ, куда бы ни занесъ меня мой жребій. Здѣсь лучше всего отдохну послѣ долгой и, надѣюсь, плодотворной работы». И онъ въ тотъ же вечеръ попросилъ Тюркишгельба выхлопотать у общины для него разрѣшеніе на могилу.

— Я чувствую,—говорилъ онъ, — что проживу долго. Какъ знать, насколько переполнено будетъ тогда кладбище. Не слѣдуетъ, чтобы между нами вторгался кто-нибудь чужой.

На слѣдующій день старикъ принесъ ему согласіе общины.

Мѣстечко Делатинъ лежитъ въ Карпатахъ, въ двѣнадцати миляхъ отъ Барнова. Тамъ провелъ Зендеръ съ вѣрнымъ другомъ Кённеномъ шесть прекрасныхъ тихихъ недѣль. Они ни съ кѣмъ не старались знакомиться. Зендера вполнѣ удовлетворяло общество маленькаго человѣчка: онъ могъ говорить съ нимъ о театрѣ! А тутъ еще книги, чудная природа, надежда уѣхать черезъ два мѣсяца въ Лембергъ; онъ чувствовалъ себя счастливымъ и почти ничего въ данный моментъ лучшаго не желалъ.

Даже врачъ былъ съ минуту пріятно пораженъ, когда по возвращеніи Зендеръ явился къ нему. Но радость прошла, какъ только онъ приложилъ стетоскопъ къ груди больного. Онъ не возражалъ, когда Зендеръ спросилъ:

— Не правда ли, въ сентябрѣ мнѣ можно будетъ ѣхать въ Лембергъ?

Врачъ обратился къ Зальменфельду.

— Надо снова воспользоваться вашимъ знакомствомъ съ Надлеромъ,—сказалъ онъ.—Онъ долженъ найти предлогъ, чтобы отложить поѣздку на весну. Не позже ноября бѣдный юноша успокоится.

Директоръ поспѣшилъ исполнить просьбу Зальменфельда. Но, несмотря на доброе желаніе, исполнилъ порученіе не особенно искусно. Онъ просилъ Зендера потерпѣть до апрѣля, потому что начало зимы отдано цѣлому ряду гастролеровъ: первымъ пріѣдетъ Дависонъ, потомъ Реттихъ, Ларошъ и Фихтнеръ. Начинающему особенно важны первыя недѣли: часто онѣ имѣютъ рѣшающее значеніе для всей будущей карьеры; а тутъ, благодаря гастролерамъ, не придется руководить новичкомъ.

Этотъ мотивъ не особенно убѣдилъ Зендера; но такъ какъ онъ

Digitized by Google

привыкъ вѣрить Надлеру, какъ оракулу, то успокоился и даже много не раздумывалъ надъ письмомъ.

«Видно мнѣ суждено,—думалъ онъ,—начать весною, хотя годомъ позже. Надлеръ, очевидно, обдумалъ, что отсрочка мнѣ не повредитъ. Напротивъ, имя Дависона пробудило въ немъ страстное желаніе. Знаменитѣйшій изъ современныхъ артистовъ, его единовѣрецъ, выказавшій вниманіе къ его судьбѣ, будетъ играть въ Лембергѣ, и онъ его не увидитъ! Зендеръ зналъ, что въ декабрѣ прошлаго года Дависонъ покончилъ съ бургтеатромъ и теперь гастролировалъ по Европѣ; говорили, что онъ собирается въ Америку. Лучшаго случая увидать его можетъ никогда больше не представиться! Когда онъ прочелъ въ вѣнской газетѣ, которую приносилъ ему Зальменфельдъ, что артистъ кромѣ Ричарда III и Мефистофеля будетъ играть еще Шайлока, то рѣшительно заявилъ матери, что ѣдетъ въ Лембергъ. Она энергично возражала; бѣдная женщина все еще заблуждалась относительно его состоянія и думала, что онъ серьезно собирается на сцену, чего ей не слѣдовало допускать. Сопротивленіе не помогло, тѣмъ болѣе, что врачъ ее не поддерживалъ. «Почему не доставить бѣднягѣ эту радость?—говорилъ онъ Зальменфельду.—Пусть съ нимъ ѣдетъ Кённенъ». Такъ и сдѣлали.

Гастроли Дависона назначены были на конецъ сентября. За недѣлю собрались путешественники, чтобы съ отдыхомъ совершить четырехдневный переѣздъ. Зендеръ блаженствовалъ: какое наслажденіе ожидало его! Погода стояла теплая, дни солнечные, экипажъ удобный, Надлеръ выразилъ удовольствіе, что повидается съ Зендеромъ,—друзья обо всемъ позаботились; въ чемоданѣ лежалъ даже новый черный костюмъ, чтобы въ приличномъ видѣ представиться знаменитому артисту. Видя его въ первые часы путешествія, Кённенъ не хотѣлъ вѣрить, что возлѣ него сидитъ приговоренный къ смерти. Но вскорѣ сказались результаты возбужденія: больному недоставало воздуху, а тряска экипажа причиняла такія страданія, что, несмотря на огромное самообладаніе, онъ не могъ удержаться отъ стоновъ. Перепугавшись, Кённенъ велѣлъ остановиться въ ближайшемъ мѣстечкѣ; только на слѣдующій день попали они въ Бучачъ, мѣстечко, гдѣ онъ куралесилъ мальчикомъ и откуда принужденъ былъ поспѣшно скрыться; здѣсь отдыхали они цѣлый день. Дальше шло также, даже хуже. Двѣ первыя гастроли пришлось пропустить; пріѣхали въ Лембергъ только вечеромъ наканунѣ послѣдняго спектакля.

Зендеръ былъ огорченъ, но не въ отчаяніи.

— Шайлокъ, навѣрное, его лучшая роль,—сказалъ онъ,—луч-

Digitized by Google

шее, значитъ, отъ меня не ушло,—онъ находилъ даже хорошую сторону въ своей неудачѣ.—Я еще не вполнѣ поправился, какъ мнѣ казалось дома; пожалуй, игра меня слишкомъ бы утомляла; въ апрѣлѣ, послѣ цѣлой зимы отдыха, дѣло пойдетъ гораздо лучше.

На слѣдующій день они пошли къ Надлеру въ театральную контору. Мягкосердечный человѣкъ могъ съ трудомъ скрыть свое волненіе при видѣ страшно измѣнившагося Зендера. Но онъ скоро совладалъ съ собой, радушно привѣтствовалъ пріѣзжаго и даже имѣлъ мужество говорить съ нимъ о роляхъ, которыя дадутъ ему весною. Онъ пригласилъ пріѣзжихъ на вечеръ къ себѣ въ ложу, а на слѣдующій день обѣщалъ представить Зендера Дависону. Тяжело дыша, но съ довольными, блестящими глазами возвратился Зендеръ, опираясь на руку Кённена, къ себѣ въ гостиницу.

Задолго до начала представленія явились оба въ ложу. Съ бьющимся сердцемъ оглядѣлъ Зендеръ красный залъ, который начиналъ наполняться. Арена его будущей дѣятельности! Потомъ онъ ни о чемъ не думалъ, кромѣ удовольствія, которое его сегодня ожидаетъ. Рѣдко кто-либо слушалъ представленіе съ такимъ благоговѣніемъ, какъ блѣдный человѣкъ, мѣшавшій своимъ кашлемъ по временамъ сосѣдямъ. Когда впервые поднялся занавѣсъ передъ сценой съ Шайлокомъ, онъ невольно схватилъ Кённена за руку: голова у него кружилась, онъ едва могъ вынести волненіе. Вотъ, буря аплодисментовъ, театръ дрогнулъ, появился Дависонъ.

Нагнувшись впередъ, тяжело дыша, сидѣлъ Зендеръ; гримъ удивилъ его; онъ не думалъ, что Шайлокъ долженъ быть такъ старъ и безобразенъ; но дикція, игра не оставляли сомнѣнія, что это единственное въ своемъ родѣ толкованіе. Какіе жесты, какой голосъ,—глухой, нервный, въ которомъ дрожитъ подавленная ненависть; у Зендера пробѣжалъ морозъ по кожѣ. Послѣ словъ: «Синьоръ Антоніо, часто и много разъ...—глаза его наполнились слезами. «А я гордился своей декламаціей!» подумалъ онъ; сознаніе своей несостоятельности и восторгъ при видѣ такого артиста въ равной степени овладѣли имъ. То же испытывалъ онъ и позже, но самое сильное волненіе охватило его во время вступительной сцены третьяго акта. «Когда вы насъ колете, развѣ мы не истекаемъ кровью? Когда вы насъ щекочете, развѣ мы не смѣемся?» Актера больше не было: бѣдный, жалкій человѣкъ, долго таившій въ груди горе свое и своихъ братьевъ, молча страдавшій, вдругъ нашелъ слова для выраженія своей страшной муки.

По лицу Зендера текли слезы; когда, по окончаніи сцены, раз-

Digitized by Google

разился громъ апплодисментовъ, онъ спдѣлъ неподвижно, только губы невнятно шептали: «Господи Боже, благодарю Тебя!»

Сильнѣе на него ничто не подѣйствовало. Въ сценѣ суда, гдѣ жажду крови Дависонъ усиливалъ внѣшними эфектами—онъ точилъ даже ножъ о подошву,—Зендеръ поймалъ себя на мысли: «нужно ли это?» Хотя и тутъ онъ испытывалъ пламенный восторгъ и когда, послѣ четвертаго дѣйствія, опустился занавѣсъ, Зендеръ поднялся съ мѣста.

— Пойдемте,—шепнулъ онъ Кѣннену.

— Вы плохо себя чувствуете?—озабоченно спросилъ тотъ. Зендеръ покачалъ головой.—Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—отъ этого артиста на меня повѣяло божествомъ, остальные—люди.

Въ эту ночь Зендеръ не сомкнулъ глазъ. Рядомъ съ восторгомъ отъ видѣннаго у него шевельнулось сомнѣніе въ собственномъ дарованіи. Но затѣмъ онъ нашелъ утѣшеніе: «Талантомъ онъ, можетъ быть, превосходитъ меня во сто разъ, но не вдохновеніемъ. Если изъ меня не выйдетъ великаго артиста, то несомнѣнно выйдетъ добросовѣстный актеръ». На этой мысли онъ успокоился и передъ разсвѣтомъ заснулъ.

На слѣдующій день Надлеръ повелъ его къ Дависону. Директоръ предупредилъ артиста; тотъ зналъ уже, что имѣетъ дѣло съ приговореннымъ къ смерти, которому надо доставить послѣднюю радость въ жизни, и принялъ его очень сердечно.

— Судьба наша такъ похожа,—сказалъ онъ.—Борьба съ бѣдностью и предразсудками! Положимъ, я имѣлъ возможность научиться въ школѣ польскому языку, но мой чиновникъ, для котораго я аккуратно переписывалъ бумаги, немногимъ отличался отъ вашего ходатая по дѣламъ. Нѣмецкому языку я съ большимъ трудомъ научился въ редакціи нѣмецкой газеты, куда поступилъ писцомъ. И всетаки дѣло пошло на ладъ! Надѣюсь, что это васъ утѣшитъ, коллега!

Зендеръ не въ состояніи былъ отвѣчать; онъ пристально смотрѣлъ въ подвижное, съ рѣзкими чертами лицо. Онъ, Зендеръ—Паяцъ, у Бугумила Дависона, и тотъ называетъ его—коллега. Онъ былъ точно во снѣ. Глаза его блестѣли, но словъ онъ не находилъ и едва могъ пробормотать на прощанье благодарность. Въ это же время простился онъ и съ Надлеромъ.

— Я знаю,—сказалъ онъ,—что вы позволили бы мнѣ остаться еще на нѣсколько представленій; но я испытываю чувство, точно глядѣлъ на солнце; послѣ этого долго ничего другого не различаешь. Кромѣ того, мнѣ нужно беречься, чтобы весной быть въ силахъ

Digitized by Google

играть. Можно мнѣ—только не сердитесь, пожалуйста, пріѣхать въ концѣ апрѣля: тогда погода надежнѣе?

Надлеръ кивнулъ головой, онъ не могъ говорить.

Только черезъ два дня уѣхали оба путешественника. Кённенъ настаивалъ на продолжительномъ отдыхѣ послѣ сильнаго возбужденія. Дорогой на него нерѣдко нападалъ страхъ, что спутникъ не доѣдетъ до дому. Но все обошлось благополучно, и Зендеръ, какъ уѣхалъ, такъ и вернулся, не подозрѣвая опасности.

— Я слабъ,—сказалъ онъ врачу, — это вполнѣ естественно послѣ такого путешествія!

На слѣдующее утро онъ благоразумно остался въ постели. Онъ менѣе страдалъ, чѣмъ прежде, и взялся за книги, присланныя Зальменфельдомъ. Въ одной изъ нихъ онъ встрѣтилъ цитату: «Молодыми умираютъ любимцы боговъ».

Вскорѣ зашелъ къ нему патеръ Маріанъ. Зендеръ разсказывалъ объ удовольствіи, которое ему доставило путешествіе въ Лембергъ. Затѣмъ сказалъ:

— Вы такъ часто учили меня, сдѣлайте это и сегодня... Я не понимаю смысла вотъ этого предложенія!—онъ указалъ на цитату.

— Хорошее изреченіе,—сказалъ патеръ дрожащимъ голосомъ. Онъ заговорилъ о разочарованіяхъ, о старческихъ немощахъ.—Кто умираетъ въ молодости, тотъ уже насладился лучшимъ, что даетъ жизнь, стремленіемъ къ возвышеннымъ цѣлямъ.

Зендеръ кивнулъ головой.

— Конечно, если бы мнѣ сказали, вычеркни изъ своей жизни стремленіе къ цѣли, и ты проживешь сто лѣтъ, я бы отвѣтилъ: тогда я лучше умру сегодня. Жизнь моя до сихъ поръ была такъ прекрасна, такъ прекрасна! Даже своей любовью обязанъ я своему стремленію къ прекрасному. Вы думаете, что она причинила мнѣ много страданій. О, ночь, когда я думалъ, что *она* меня любитъ, вознаграждаетъ за всѣ страданія... А мое искусство—эта сторона жизни только начинается. Господь даровалъ мнѣ выздоровленіе, сегодня мнѣ такъ легко дышится, какъ давно, давно не дышалось.

Патеръ Маріанъ догадывался, что это значитъ, а врачъ, который только что вошелъ, подтвердилъ его догадку. Часъ спустя всѣ любившіе Зендера собрались у него въ комнатѣ. Они старались сдержать рыданія, но онъ ихъ болѣе не слышалъ. Онъ потерялъ сознаніе и бредилъ.

Изъ шопота, слетавшаго по временамъ съ его губъ, можно было догадаться, что его обступаютъ веселыя картины.

Digitized by Google

— О, онъ великій артистъ... Благодарю васъ, господинъ Дависонъ... Благодарю, благодарю...

Потомъ онъ самъ игралъ Шайлока.

— Когда вы насъ колете, развѣ мы не истекаемъ кровью? Когда вы...—онъ старался поднять голову съ подушекъ; вокругъ рта блуждала счастливая улыбка. Онъ, очевидно, раскланивался передъ публикой.

Еще одинъ только разъ открылъ онъ глаза, и Юттѣ, которая ближе всѣхъ стояла къ постели, показалось, что въ нихъ блеснуло сознаніе. Но улыбка не покинула его губъ.

— Моя жизнь, — прошепталъ онъ, — такъ прекрасна... такъ прекрасна!

То были его послѣднія слова.

Н. К.

Digitized by Google

НА РАБОЧЕМЪ КЛАДБИЩѢ.

Изъ моихъ юношескихъ воспоминаній.

Въ каждой человѣческой душѣ навѣрное найдется хоть одно воспоминаніе о чемъ-нибудь такомъ, что положило неизгладимый отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь. Есть и у меня такое воспоминаніе. Его то я и хочу разсказать.

...Это было много лѣтъ тому назадъ. Я только что окончилъ университетъ и, какъ водится, совершенно не зналъ, что мнѣ съ собой дѣлать. По чьимъ то «высшимъ государственнымъ соображеніямъ», оказалось, что учительская карьера должна быть «не про меня писана». Сдѣлаться ученымъ человѣкомъ, зарыться въ книги, запереться въ ученомъ кабинетѣ или лабораторіи и посвятить себя тому, чтобы двигать науку и ждать-поджидать, когда эта самая наука подвинетъ впередъ и жизнь,—къ этому вовсе не лежала моя душа. Поступать на казенную службу, мнѣ, разумѣется, не хотѣлось, такъ какъ она даже тогда казалась «безобразнѣйшей мертвечиной» всѣмъ такимъ, какъ я. Что касается до службы общественной, земской и городской, то въ этой области шла тогда, если можно такъ выразиться, реакціонная революція. Служить обществу? Служить народу? Мы всѣ отлично понимали, что все это слова даже очень хорошія, но какимъ же способомъ воплотить ихъ въ жизнь? Какъ перевести ихъ изъ области теорій въ область фактовъ? Никто изъ насъ этого, какъ слѣдуетъ, не зналъ. Одно только было ясно: какъ тамъ ни разсуждай и что ни чувствуй, а вотъ не сегодня, такъ завтра, ты всетаки долженъ вступить въ жизнь и, хочешь или не хочешь, долженъ сдѣлаться ея участникомъ, ея работникомъ и, волей неволей, ея творцомъ.

Какъ сейчасъ помню тогдашнее мое настроеніе. Съ одной стороны, оно было самое жизнерадостное, какое всегда бываетъ у человѣка, только что выскочившаго изъ-подъ ферулы россійскаго учебнаго на-

Digitized by Google

чальства. Но, съ другой стороны, это было настроеніе тоскливое и мучительное. Чувствовать въ себѣ приливъ силы,—бодрой, свѣжей и молодой силы и даже кой-какой запасецъ знанія и пониманія (тогда-то онъ мнѣ казался изрядно большимъ)—это ли не радость? Кому не пріятно сознавать, что «и я что-нибудь да могу», «и я на что-нибудь да пригоденъ?» А съ другой стороны, *что* дѣлать? И съ кѣмъ дѣлать? И къ кому пристать? Горѣть душой, стремиться въ высь, и всетаки толочься на одномъ мѣстѣ, на распутьи многаго множества расходящихся дорогъ,—это ли не состояніе жизнерадостнаго недоумѣнія, и, если угодно, жизнерадостной тоски? И я тосковалъ и блаженствовалъ, блаженствовалъ и тосковалъ одновременно, предъ лицомъ моего неопредѣленнаго будущаго.

А время тогда было тяжелое, мрачное, безпросвѣтное. Не только сѣдовласые старцы, но и златокудрые юноши твердили и доказывали тогда на всѣ голоса, что съ «большими размахами» да съ общественными идеалами, пока что, «надо погодить». Это самое «надо погодить» стояло въ воздухѣ, слышалось въ рѣчахъ, чувствовалось въ дѣлахъ и, разумѣется, печаталось въ книгахъ и газетахъ. Этимъ самымъ была проникнута вся русская жизнь сверху донизу. Иные страдали, иные кряхтѣли, иные жались по угламъ, иные просто-напросто устраивали свои дѣла и дѣлишки, махнувъ на все прочее рукой. Въ головахъ царила непомѣрная путаница. Разумѣется, идеалы тоже не были чужды нашимъ душамъ, хотя съ ихъ осуществленіемъ и полагалось «годить». Но эти идеалы не столько украшали и осмысливали нашу жизнь, сколько наполняли ее совершенно ненужнымъ мучительствомъ.

Лишь только мы принимались разсуждать о нихъ, сейчасъ же со всего размаху упирались лбомъ словно въ какую-то глухую стѣну, а лишь только мы пробовали ихъ осуществлять, они, эти самые тогдашніе идеалы, по этой самой стѣнѣ расплющивались, размазывались, расплывались и теряли мало-мальски опредѣленныя очертанія, вродѣ какъ протоплазма, и ползли по этой стѣнѣ, стараясь отыскать въ ней (только отыскать, а не продѣлать) хоть какую-либо щелку или трещинку, чтобы въ нее пролѣзть. Иной разъ мнѣ казалось, что эти самые наши идеалы—вовсе не идеалы, а, съ позволенія сказать, мазня. Но въ томъ-то и была бѣда, что другіе идеалы разрушились, не найдя для себя, пока что, ни точки опоры, ни примѣненія. Главное же,—точки опоры. Искать-то мы ее искали,—но какъ до нея добраться? Этого никто изъ насъ не зналъ и не вѣдалъ. А впрочемъ многіе, въ томъ числѣ и я, отыскали себѣ, хоть и старинное, а всетаки утѣшеніе, и принялись за выработку идеаловъ «обще-

Digitized by Google

человѣческихъ». Это самое «общечеловѣческое» казалось намъ тогда чѣмъ-то высокимъ-высокимъ и непомѣрно свѣтлымъ, блестящимъ и благодѣтельнымъ и даже добродѣтельнымъ. Всѣ самыя лучшія прилагательныя, какія только имѣются въ какомъ-либо европейскомъ языкѣ, мы пріурочивали именно къ этому слову «общечеловѣческій». Эта была въ нашихъ глазахъ амальгама всего идеальнаго, высосаннаго изъ самыхъ лучшихъ книгъ самыхъ лучшихъ авторовъ. «Общечеловѣческое» — это было нѣчто всеобъемлющее, безграничное, но зато и безформенное. Оно было приложимо и ко всему, и ни къ чему. Тѣмъ не менѣе мы и молились и преклонялись передъ нимъ. Мы были имъ вродѣ какъ загипнотизированы, такъ что нерѣдко въ томъ или иномъ отдѣльномъ случаѣ совершенно переставали понимать, что къ чему и что ни къ чему, что умѣстно и что неумѣстно. Но всегда и во всемъ, когда было нужно, ужъ навѣрно подвертывалось подъ руку какое-нибудь хорошее прилагательное, и оно примиряло насъ почти всегда и почти со всѣмъ.

И вотъ съ такимъ-то «общечеловѣческимъ» настроеніемъ я спорхнулъ съ университетской скамьи прямо въ жизнь. Чтобы развѣять свою «жизнерадостную тоску», а кстати поискать «собственную дорогу въ жизни», я рѣшилъ отправиться въ далекое путешествіе. Кстати одинъ мой товарищъ, южанинъ, пригласилъ меня погостить у него два лѣтнихъ мѣсяца. Я рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и постранствовать по глухимъ градамъ и весямъ россійскаго отечества, котораго, къ слову сказать, я никогда еще не видывалъ, побродить «среди народа», а главное посѣтить тѣ края, гдѣ тогда уже возникало новое, еще небывалое въ Россіи, надземное и подземное промышленное царство.

Какъ сейчасъ помню: я сижу въ душномъ вагонѣ 3-го класса Д—ской желѣзной дороги, самъ другъ съ наиболѣе необходимыми дорожными вещами: непромокаемымъ плащомъ, пледомъ, зонтикомъ и небольшой сумкой для бѣлья и для провизіи. Гудятъ и грохочутъ подо мной колеса вагона. Петербургъ остался очень далеко позади меня. Отодвинулась въ даль и Москва. Направо и налѣво отъ желѣзной дороги уже второй день разстилается широкая, необъятная степь, волнистая, горячая, пыльная и сплошь покрытая желто-бурой высохшей травой. Въ моемъ вагонѣ почти нѣтъ пассажировъ, кромѣ какихъ-то двухъ приказчиковъ, которые храпятъ, растянувшись на жесткихъ и грязныхъ скамейкахъ.

Я стою у открытаго окна, глядя на утомительно однообразную картину. Устаютъ глаза, устаетъ душа, созерцая все одно и то же. Поѣздъ уже подошелъ къ границѣ промышленнаго царства. Но ни-

Digitized by Google

какихъ его признаковъ все еще нѣтъ и нѣтъ. Уже наступилъ вечеръ, когда мы подъѣзжали къ М-ской станицѣ. Солнце тогда уже зашло, а темнота надвинулась очень быстро. Только звѣзды горѣли въ небѣ, словно серебряная пыль, мерцая и искрясь въ необъятной вышинѣ, и освѣщая черную степь какимъ-то таинственнымъ сіяніемъ.

Поѣздъ летѣлъ да летѣлъ, прорѣзывая своею грудью окружающую тьму. Громыхали внизу колеса, мерцали и дрожали, мигая желтымъ, невѣрнымъ пламенемъ, свѣчные огарки въ вагонныхъ фонаряхъ. Не было видно луны; темная, глубокая южная ночь глядѣла прямо на меня въ окна вагона. А я глядѣлъ и глядѣлъ въ эту тьму, которая застилала отъ меня окружающую жизнь. На душѣ было тяжело: чувствовалось какое-то мучительное одиночество, безпомощность. Я съ какимъ-то злораднымъ наслажденіемъ копался въ своей собственной душѣ и грызъ и мучилъ самого себя. И вдругъ прямо изъ этой темной глубины, неизвѣстно на небѣ или на землѣ, сверкнули два огромныхъ красныхъ, огненныхъ глаза. Сверкнули и пропали за холмами. Черезъ минуту снова показались и сверкнули опять. Исчезли—и появились и уставились черезъ окна вагона прямо на меня. Это было какое-то особенное зрѣлище,—эти красные, огромные огни въ невѣдомой черной дали, на фонѣ звѣзднаго, безоблачнаго неба. Отъ нихъ по временамъ играло на небѣ зарево. Страшные, неподвижные, они иногда вдругъ вспыхивали; то надъ тѣмъ, то надъ другимъ глазомъ поднимался словно огненный столбъ, дымъ или паръ, и въ немъ играло ярко-красное зарево. Потомъ вдругъ огни становились меньше, а затѣмъ снова вспыхивали и, наконецъ, застывали, сверкая ровнымъ, спокойнымъ, неподвижнымъ, грознымъ блескомъ.

Тамъ, вдали, въ этой темнотѣ, горѣла-кипѣла жизнь. Она кипѣла, несмотря на глухую окружающую ночь, несмотря на пустынную, словно безграничную степь. Эти огни говорили о жизни; есть огни,—значитъ, и люди есть, и они живутъ и работаютъ и день и ночь. Поѣздъ гудѣлъ и громыхалъ, словно описывая огромный кругъ около огней. Они не исчезали. Они казались все ближе и ближе. Я прижался горячимъ лбомъ къ холодному окну и не могъ отвести взоровъ отъ этихъ страшныхъ огненныхъ глазъ; словно какое-то чудовище, какой-то сфинксъ лежалъ на этой черной степи, положивъ на вытянутыя лапы свою голову со сверкающими красными глазами; словно онъ стерегъ кого-то, словно онъ кому-то грозилъ. Я смотрѣлъ на него, а онъ на меня.

Я его видѣлъ, я его созерцалъ, а видѣлъ ли онъ меня? Мнѣ казалось, сама жизнь смотритъ на меня огненными глазами этого

Digitized by Google

сфинкса; сама жизнь—огненный сфинксъ, бодрствующій и во время безлунной и душной ночи.

Неужели и жизнь такъ же страшна, какъ сфинксъ? Неужели этому чудовищу я и долженъ попасться въ зубы, подобно тому, какъ попались уже милліоны другихъ людей? И что же онъ сдѣлалъ со всѣми ими? И кого онъ грызетъ теперь, въ эту самую минуту, въ этой черной, давящей тьмѣ, въ этой глухой и мрачной дали? А ужъ кого-нибудь онъ грызетъ навѣрное. Ужъ чей-нибудь плачъ и стонъ тонетъ-умираетъ въ этой давящей тишинѣ. Громадные красные огни появлялись здѣсь и тамъ.

Было и красиво, и жутко. А поѣздъ летѣлъ да летѣлъ, громыхая колесами. И я радовался, что поѣздъ несется и мчитъ меня мимо этого сфинкса, какъ бы убѣгая отъ него.

— Это что же такое будетъ?—спросилъ я моего сосѣда, указывая на красные огни.

— Угаровскій заводъ,—отвѣчалъ тотъ.—Доменныя печи... Бельгійскаго анонимнаго общества.

Скоро Угаровскій заводъ со своими домнами потонулъ во мракѣ ночи. Но не прошло и двадцати минутъ, какъ вдали засверкали снова красные глаза... одинъ, другой, третій,—четыре глаза рядомъ. Казалось, два сфинкса лежали на той же черной, высохшей, обезпложенной землѣ. Поѣздъ уже оставилъ позади себя одного сфинкса, а вмѣсто этого изъ мрака той же безлунной ночи вынырнуло два другихъ, а тамъ еще и еще! Или это не двуглазые чудовища-сфинксы бодрствовали въ степи, а единое чудовище съ десятками головъ и множествомъ глазъ? Громадные красные огни появлялись здѣсь и тамъ. Немного въ сторонѣ отъ нихъ играло бѣло-голубое сіяніе электрическихъ фонарей. Красные огни доменныхъ печей красиво рисовались на фонѣ этого голубоватаго сіянія. Кое-гдѣ мелькали черные силуэты какихъ-то зданій, высокихъ кирпичныхъ и желѣзныхъ трубъ. Онѣ выбрасывали густыя облака то бѣлаго, то чернаго дыма, освѣщеннаго тѣмъ же голубоватымъ электрическимъ сіяніемъ.

— Гурьевскій заводъ,—сказалъ мой сосѣдъ.—Машиностроительный, сталелитейный. А вотъ тамъ, вдали, видите красные огни? Это—Микулинскіе рудники. А за ними, видите, это—заводы Шоу. А влѣво отъ нихъ бельгійцы. Тамъ ихъ коксовыя печи. Вотъ онѣ какъ пышутъ краснымъ пламенемъ.

Я уже не могъ оторваться отъ окна. И направо, и налѣво отъ желѣзной дороги горѣли синіе, красные, желтые огни. Электрическіе фонари казались блѣднымъ луннымъ сіяніемъ. Между ними чернѣла мрачная, неподвижная степь. А тутъ же, рядомъ, та же самая степь

Digitized by Google

жила, дышала, горѣла этими разноцвѣтными огнями. Какое это было чудное зрѣлище! Гдѣ же та тишина, та духота, которыя и давили, и душили человѣка днемъ? Надъ черной степью висѣло звѣздное, глубокое небо, а поѣздъ громыхалъ да громыхалъ подо мной, стремясь куда-то въ темную даль.

Въ два часа ночи я вылѣзъ изъ вагона на М-скомъ полустанкѣ. Гостиницы поблизости не было. Я закутался въ свой пледъ, подложилъ подъ голову на скамейку непромокаемый плащъ и рѣшилъ терпѣливо ожидать разсвѣта, чтобы рано утромъ пуститься въ далекій путь.

Мнѣ просто-напросто хотѣлось прогуляться по степи пѣшкомъ, «отъ станціи до станціи», денекъ или два. Это ли не наслажденіе, бродить по степи? А она разстилалась предо мной, широкая, безграничная, волнистая.

Степь и небо, небо и степь. Вотъ уже пять часовъ я шагаю по сѣрой степной дорогѣ, пыльной, широкой, еще несущей на себѣ слѣды давно минувшихъ проливныхъ дождей. Кое-гдѣ видны глубокія колеи, проложенныя тяжеловѣсными, громоздкими телѣгами меннонитовъ-колонистовъ и неуклюжими колесницами чумаковъ-хохловъ; кое-гдѣ еще видны застывшіе, спекшіеся слѣды непролазной грязи, черезъ которую кому-нибудь да приходилось пробираться чуть не вплавь. Дорога тянется прямою лентой съ холма на холмъ. Направо и налѣво меннонитскія поля, начисто скошенныя, выстриженныя машиной, гладко, словно ножницами. Два или три раза мнѣ попались огромные возы, нагруженные соломой. Встрѣтился однажды мужикъ босикомъ и въ нанковыхъ штанахъ, съ сѣрымъ зипуномъ, наброшеннымъ на плечи. Больше народу не встрѣчалось. Степь была безлюдна и мертва. Я уже нѣсколько разъ взбирался на придорожные холмы и обозрѣвалъ съ ихъ высоты окрестности. И всюду было пустынно и мертво. И я шелъ и шелъ впередъ, не зная дороги, не понимая даже, куда я иду. А идти было хорошо. Я не только шагалъ,—я жилъ...

Солнце поднималось все выше. Еще недавно темно-голубое безоблачное небо дышало утреннимъ холодомъ и словно всасывало въ себя теплоту земли.

Теперь это самое небо уже начинало дышать жарой. Оно раскалялось, оно уже горѣло и жгло. А вокругъ только и были видны небо да степь,—жгучее небо, выжженная, высушенная степь.

Отъ времени до времени налеталъ, клубясь и пугая, порывъ степного вѣтра. Густыя облака пыли взвивались вверхъ; пыль охватывала со всѣхъ сторонъ, лѣзла въ ротъ, лѣпила глаза, набивалась въ

Digitized by Google

уши и дѣлала еще болѣе душной и безъ того душную полуденную степь. Я невольно ускорялъ шаги, чтобы выбраться изъ облака пыли. Но она мчалась за мной, перегоняла меня, исчезала, поднималась снова и снова нагоняла меня. Приходилось бороться и съ пылью, и съ солнцемъ, и съ горячимъ небомъ, и съ высохшей землей. А я шагалъ, и жилъ, и наслаждался жизнью.

Куда же исчезли доменныя печи? Гдѣ спрятались сталелитейныя чудовища, огнедышащія домны, куда исчезли всѣ призраки, все то, что такъ пугало и тревожило въ ночной тиши? Все это куда-то попряталось, словно испугавшись сіянія дня. Напрасно я оборачивался во всѣ стороны, взобравшись на вершину какого-нибудь холма или степного кургана. Ничего не было видно. По моему лбу текли капли горячаго пота. Высохло горло, высохъ языкъ. Не утоляла жажду противная теплая вода, взятая на дорогу, да и этой воды оставалось уже немного. Усталость, навѣянная безсонной ночью, понемногу брала свое. Я жаждалъ отдыха, а еще больше жаждалъ людей. Вѣдь я забрался въ эти далекіе края не ради ихъ своеобразной южной природы.

Степь да небо, небо да степь, а въ этой самой сѣро-бурой степи, здѣсь и тамъ, на холмахъ, межъ холмами, стали наконецъ показываться шахты. Я никогда еще не встрѣчалъ такихъ странныхъ и неуклюжихъ сооруженій. Не то сараи, не то заводы, грязные, черные, закоптѣлые, съ высокими желѣзными трубами. На крышахъ этихъ сараевъ открытыя или закрытыя вышки, а въ нихъ по большому колесу. Отъ времени до времени колесо вдругъ начинаетъ быстро вертѣться, а изъ высокой желѣзной трубы вылетаютъ густые, черные клубы дыма. Издали слышно, какъ пыхаетъ паровая машина, выбрасывая черезъ правильные промежутки времени бѣлый паръ. Колесо на вышкѣ вертится все быстрѣе. Дымъ изъ желѣзной трубы высокимъ столбомъ поднимается къ небу. Шахта работаетъ, шахта живетъ. Но вдругъ она словно замираетъ. Колесо на вышкѣ больше не вертится. Паръ изъ машины растаялъ въ воздухѣ. Вышка замерла. Издали мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ нею замирало все вокругъ и что остановилась сама жизна.

Но проходило еще нѣсколько мгновеній—и шахта снова оживала, и снова уже пыхала паровая машина. Я внимательно присматривался къ необычному зрѣлищу и изо всѣхъ силъ старался разсмотрѣть, отыскать вокругъ себя людей, прежде всего людей: гдѣ же были они, люди, тѣ самые рабочіе люди, которые творятъ жизнь и на землѣ, и подъ землей? Но ихъ-то нигдѣ и не было видно. Были зданія, были машины, была и работа этихъ машинъ, а людей всетаки нигдѣ не

Digitized by Google

было. Работа кипѣла. Сила человѣческая управляла всей этой работой изъ какой-то невѣдомой и невидимой глубины. Степь да небо, небо да степь, а здѣсь и тамъ на холмахъ все шахты и шахты. Ихъ трубы, ихъ вышки на двѣ, на три версты одна отъ другой, рѣзко выдѣлялись на синевѣ неба. Шахты были разнаго вида, разной величины,—большія, малыя, одноэтажныя, двухъэтажныя, иныя съ высокими и стройными каменными трубами, а иныя съ неуклюжими желѣзными. Около нѣкоторыхъ шахтъ я видѣлъ огромныя кучи сѣробѣлой гари, а рядомъ черныя груды каменнаго угля.

Рельсы узкоколейной дороги тянулись отъ каждой шахты. Изможденныя лошаденки съ понурыми головами волокли по нимъ небольшіе вагончики съ углемъ. Въ иныхъ мѣстахъ эти рельсы перекрещивались, пересѣкались. Къ большимъ шахтамъ были проложены настоящіе подъѣздные пути. По нимъ, свистя и пыхтя, пробѣгали небольшіе паровозы. Чѣмъ я дальше подвигался въ это царство подземныхъ и надземныхъ работъ, тѣмъ сильнѣе кипѣла вокругъ жизнь. Я, какъ посторонній зритель, усѣлся на бѣломъ горячемъ камнѣ около самой дороги, и рѣшилъ какъ слѣдуетъ закусить и отдохнуть. Я видѣлъ и чувствовалъ эту самую жизнь, которая кипѣла вокругъ меня Вотъ на вершинѣ холма показался силуэтъ бѣлой лошади, а за нею—вереница вагончиковъ. Бѣлая лошадь на голубомъ небѣ. Она вытянула шею, уперлась задними ногами. Около нея человѣкъ съ кнутомъ. Лошадь скрылась за пригоркомъ. Вдругъ, недалеко отъ нея, словно прямо изъ земли, вылетѣлъ бѣлый густой паръ, развернулся красивымъ облакомъ и тотчасъ же растаялъ въ горячемъ, раскаленномъ воздухѣ. За этимъ облакомъ появились еще и еще. Паровозъ маневрировалъ въ выемкѣ подъѣздного пути. Выемка прорѣзывала цѣлый холмъ, самого паровоза еще не было видно. Только паръ давалъ знать о его присутствіи, о его работѣ. Помню какъ сейчасъ: я развалился на горячемъ, плоскомъ камнѣ и, слѣдя за движеніемъ пара, соображалъ, въ какомъ именно мѣстѣ находится паровозъ. Вотъ въ изгибѣ холма мелькнула его черная труба. Мелькнула и скрылась. Немного дальше показался и самъ паровозъ. Онъ сразу нарушилъ своимъ громыханіемъ и свистомъ окружающую тишину. Вѣтеръ донесъ до меня запахъ горящаго каменнаго угля. А вонъ тамъ, вдали,—шахта, а тамъ другая, третья.

Я насчиталъ восемь шахтъ. Я напряженно наблюдалъ, какъ вертятся ихъ колеса, я словно поджидалъ, что вотъ-вотъ въ этой вышкѣ сейчасъ колесо завертится, а въ той еще не сейчасъ. Лошади, паровозы, шахты,—это ли не промышленная жизнь? А, на самомъ дѣлѣ, все это лишь внѣшніе признаки, надземные значки еще болѣе напря-

Digitized by Google

женной жизни, которая въ это время шла подо мной, въ нѣдрахъ этой самой земли, на которой я сидѣлъ. Настоящая жизнь была вѣдь именно тамъ, на глубинѣ, — сверху ея не видно. А можетъ быть ее слышно? Повинуясь какому-то инстинктивному влеченію, я легъ на землю, приложилъ ухо къ землѣ и прислушался, и замеръ въ этомъ положеніи. Неужели я не услышу ударовъ кайлы о породу въ глубинѣ? Неужели не донесется до меня грохотъ взрывовъ, которые ломаютъ и крушатъ нѣдра земли? Ничего не было слышно. Въ землѣ, подъ землей, казалось, стоитъ мертвая тишина, тишина могилы. А въ этой самой могилѣ, навѣрное, вѣдь жизнь всетаки идетъ, всетаки кипитъ, а я «господинъ», сижу себѣ и благодушествую надъ нею, наслаждаясь и солнцемъ, и свѣтомъ, и теплomъ, и чистымъ воздухомъ степи, и вкуснымъ бутербродомъ, предусмотрительно заготовленнымъ наканунѣ. А долетаютъ ли до тѣхъ, до подземныхъ жизней, мои шаги? Ни шаги, ни думы, разумѣется, не долетаютъ. Тѣ черномазые, истомленные люди, надо полагать, и не знаютъ, что надъ ними кто-то здѣсь сидитъ и благодушествуетъ. То-есть, точнѣе говоря, обо мнѣ, именно обо мнѣ, они не знаютъ. А что надъ ними, на ихъ головѣ, на нихъ,—и заводы, и шахты, и машины, и паровозы, конторы, хоромы инженеровъ, хозяевъ, директоровъ,—это ли имъ не знать? Все, что есть на землѣ, все на нихъ и надъ ними, только подъ ними нѣтъ никого и ничего...

Я всталъ и пошелъ дальше. Я чутко прислушивался къ своимъ шагамъ. Я старался идти возможно тише, словно опасаясь, что кто-то подъ землею услышитъ мои праздные, никому ненужные шаги.

Солнце перевалило далеко за полдень. Я страшно усталъ. Нужно было хоть часокъ или два отдохнуть.

Я оглядѣлся. Саженяхъ въ пятидесяти отъ меня виднѣлись какія-то зданія. Это были небольшіе, одноэтажные домики казеннаго вида, однообразной постройки. Цѣлый рядъ такихъ домиковъ. Настоящій поселокъ. Я пошелъ къ нему. Кое-гдѣ около домовъ зеленѣли тощія деревья. На палисадникахъ сушилось сырое красное, синее, розовое бѣлье. У одного домика стоялъ полуголый человѣкъ безъ рубахи, въ однихъ штанахъ, и мылъ на виду у всѣхъ свое черное тѣло въ лоханкѣ, наполненной до самаго верха похожей на чернила водой. Дѣти играли въ лошадки. Двѣ бабы фехтовали языками; ихъ грубые голоса рѣзали уши. Нѣсколько человѣкъ молодыхъ рабочихъ стояли тутъ же, оскаливъ зубы и наслаждаясь даровымъ представленіемъ. Я обогнулъ рабочій поселокъ и снова вышелъ на большую дорогу.

Digitized by Google

Тамъ, около самой дороги, я увидѣлъ своеобразное зрѣлище: большая, неровная площадка, на ней—крыши домовъ. Крыши эти выходили прямо изъ земли, самыхъ же домовъ не было видно. Я насчиталъ двадцать такихъ крышъ, одна недалеко отъ другой. Всѣ онѣ были покрыты землей, а иныя, поверхъ земли, еще дерномъ. Я подошелъ поближе и увидѣлъ передъ собой своеобразныя землянки, устроенныя самымъ первобытнымъ способомъ: въ рыхлой землѣ выкопана яма, сажени двѣ или полторы въ длину, сажень безъ малаго въ ширину, аршина два-три въ глубину. Въ эту яму устроенъ входъ—земляная лѣстница, надъ ямой—крыша. Въ ямѣ земляной полъ, земляныя стѣны, кое-гдѣ обставленныя досками; на стѣнахъ ямы—нары, на нарахъ—спящіе люди. Эти полуподземныя жилища и были знаменитыя «каютки», которыя одна южная газета окрестила не даромъ «фабрикой мертвецовъ». Я вошелъ въ одну каютку, чтобы напиться воды. Въ ней помѣщалось въ это время пять человѣкъ. Всѣ они спали на деревянныхъ нарахъ, безъ всякой подстилки, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Особенно бросился мнѣ въ глаза одинъ человѣкъ,—парень лѣтъ двадцати, худой, узкогрудый, болѣзненный. Онъ спалъ лицомъ кверху и разбросавъ руки по сторонамъ. Лицо его было страшно блѣдно, несмотря на то, что его покрывала плохо смытая угольная пыль. Парень грузно дышалъ и при каждомъ вдыханіи у него въ груди свистѣло. Ротъ былъ полуоткрытъ, и я могъ видѣть бѣлые зубы. Носъ казался острымъ, покойничьимъ. Я не рѣшился будить спящихъ послѣ ихъ тяжелаго ночного труда. Я ихъ стѣснялся и словно боялся, какъ будто что-то меня безсознательно толкало въ сторону, подальше отъ нихъ. Я быстрыми шагами прошелъ мимо грязныхъ каютокъ. Приходилось перебираться и черезъ груды земли, черезъ кучи грязи, черезъ всевозможные кухонные остатки обитателей этихъ каютокъ *), этихъ искусственныхъ пещеръ современныхъ троглодитовъ. Онѣ были набиты рабочимъ людомъ не меньше, чѣмъ рабочія казармы. Я видѣлъ въ нихъ и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей, и стариковъ. На землѣ, у входа въ каютки, ползали дѣти, играя въ грязи; рядомъ съ ними рылись куры, бродили свиньи. Около каютокъ были сложены небольшія каменныя печки, а надъ ними сдѣланы небольшіе навѣсы. Подземный городокъ каютокъ былъ не меньше населенъ, чѣмъ надземный городокъ рудничныхъ казармъ.

И снова я очутился въ степи и шагалъ по большой рудничной дорогѣ. И снова зачернѣли направо и налѣво шахты, раскиданныя

*) Говорятъ, что каютки въ настоящее время уничтожены „предписаніемъ начальства“. Я видѣлъ ихъ еще въ 1896 г.

Digitized by Google

по всему горизонту. А я шагалъ да шагалъ впередъ, отыскивая какой-нибудь уголокъ поспокойнѣе и поуютнѣе, чтобы отдохнуть какъ слѣдуетъ.

Въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ дороги, чернѣли развалины какого-то зданія: какіе-то столбы, остатки фундамента, остатки маленькаго сарая, какая-то загородка или заборъ. Тутъ же лежали огромныя кучи гари, глины, песку и камней, высотою въ нѣсколько саженей. Я подошелъ къ забору и посмотрѣлъ внутрь. Тамъ чернѣла огромная четырехугольная дыра. Стѣны ея носили слѣды деревянной гнилой обшивки. Я осторожно наклонился надъ ней и посмотрѣлъ внутрь. Ея дна не было видно. Зеленыя стѣны исчезали въ холодной, мрачной глубинѣ. Я видѣлъ, что въ одномъ мѣстѣ ихъ какъ будто выперло бугромъ. Я взялъ увѣсистый камень и бросилъ внизъ. Онъ скоро стукнулся обо что-то твердое, отскочилъ, опять полетѣлъ внизъ, опять обо что-то ударился, и его грохотъ замолкъ въ темной глубинѣ. Я взялъ другой камень еще болѣе увѣсистый и бросилъ снова. Далекій грохотъ опять донесся до моихъ ушей изъ глубины шахты. Сомнѣнія не было. Я понялъ, гдѣ нахожусь. Когда-то и здѣсь была настоящая, «живая» шахта, съ паровыми машинами, съ канатами, съ вагончиками. Когда-то и здѣсь тоже шла дѣятельная выработка угля. Теперь она окончилась и шахта замерла. Здѣсь некому и нечего было дѣлать. Машины перевезены уже на другое мѣсто, сарай сломали, рельсы, канаты, подъѣздные пути убраны, и отработанная шахта замерла и умерла. Стѣны ея колодца сломались отъ времени, глубокій ходъ въ нѣдра земли наполовину исчезъ. Могила закрылась сама собою. А остались ли тамъ, въ ея глубинѣ, кости какихъ-нибудь людей? Мнѣ стало страшно висѣть надъ пропастью. Я снова перелѣзъ черезъ заборъ и двинулся въ путь.

Недалеко отъ старой заброшенной шахты, на вершинѣ холма, стояли домики съ полисадниками, одноэтажные, уютные, весело поглядывая своими большими окнами на свѣтъ Божій. Между домиками зеленѣли небольшіе садики. Разстояніе отъ одного домика до другого было довольно большое; видно, что землей здѣсь не стѣснялись и строились на просторѣ. На одномъ домикѣ я увидѣлъ надпись «Больница», на другомъ «Лавка индюковскаго общества потребителей». Мое вниманіе привлекла къ себѣ больше всего больница. Я подошелъ ближе. У больничнаго крыльца толпились какіе-то люди въ грязныхъ и рваныхъ одеждахъ; у одного лобъ былъ повязанъ грязной окровавленной тряпицей, у другого была на перевязи рука. На крыльцѣ сидѣла пожилая женщина, держась обѣими руками за голову; въ

Digitized by Google

открытыя окна больницы я видѣлъ высокаго, широкоплечаго человѣка съ черной бородой и въ золотыхъ очкахъ, въ бѣломъ балахонѣ съ засученными рукавами. Онъ суетился, исчезалъ и появлялся снова. Около него, въ той же амбразурѣ окна, стройная дѣвушка, гладко причесанная, съ миловиднымъ лицомъ, продѣлывала какія-то манипуляціи надъ рабочимъ, сидѣвшимъ передъ ней на стулѣ. Не здѣсь ли, около больницы, мнѣ и отдохнуть? Я уже думалъ расположиться около одного полисадника, какъ въ это самое время увидѣлъ еще одинъ рудничный уголокъ, который тотчасъ же привлекъ мое вниманіе и симпатію. Шагахъ въ двухстахъ отъ больницы я увидѣлъ ограду, простую деревянную загородку, сооруженную словно на скорую руку. Въ землю были вбиты небольшіе столбики, къ нимъ были приколочены гвоздями горизонтально деревянныя планки. Такою оградой было обнесено довольно большое пространство земли,—саженъ двадцать пять въ длину, да столько же въ ширину. Внутри ограды я увидѣлъ черный крестъ, деревянный черный крестъ. Онъ рѣзко выдѣлялся на розоватомъ фонѣ гаснувшаго вечерняго неба. «Кладбище,—подумалъ я,—рудничное кладбище». Я направилъ свои шаги къ оградѣ.

Солнце уже спускалось. На западной сторонѣ неба появились красно-розовыя, а надъ ними зелено-голубыя полосы. Единственная тучка, парившая на безоблачномъ небѣ, словно горѣла розовымъ огнемъ. Дома, деревья, столбы бросали длинныя тѣни. Полуденный жаръ немного спалъ, но воздухъ былъ еще раскаленъ и душенъ. И степь, и бѣлыя стѣны домиковъ—все вокругъ окрасилось нѣжными желтыми тонами. Тихимъ, вечернимъ настроеніемъ вѣяло со всѣхъ сторонъ. Въ немъ было что-то космическое, стихійное, не человѣческое. И шахты, и паровозы, и люди,—всѣ образы, только лишь видѣнные мной, тонули, отодвигались на второй планъ. Картина степной, вечерней природы захватывала душу и наполняла ее своимъ собственнымъ, особымъ настроеніемъ, и въ волнахъ этого настроенія все, только что видѣнное и пережитое, казалось какимъ-то мелкимъ, ничтожнымъ, неважнымъ въ сравненіи съ безграничнымъ просторомъ окружающей степи и необъятной безконечностью гаснувшаго неба.

Я отодвинулъ ворота безъ петель и вошелъ въ ограду кладбища. Вблизи оно казалось гораздо больше, чѣмъ издали. Я осмотрѣлся. Я не былъ на кладбищѣ одинъ. На другомъ его концѣ стоялъ высокій человѣкъ въ пиджакѣ, въ сапогахъ съ бутылками, съ желѣзной лопатой въ рукахъ. Онъ возился у какой-то могилы, позвякивая своей лопатой. Онъ съ удивленіемъ уставился на меня. Я съ нимъ раскланялся. Человѣкъ въ пиджакѣ тотчасъ же отвѣтилъ на мой поклонъ

Digitized by Google

и продолжалъ свою работу. Я слышалъ, какъ его желѣзная лопата скребетъ песчаную каменистую землю. Только этотъ желѣзный скрежетъ нарушалъ тишину. Вокругъ все было тихо. Замолкли даже свистки паровозовъ и сосѣднихъ шахтъ. Степь была безлюдна. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по кладбищу, отыскивая подходящій уголокъ, гдѣ бы сѣсть. Я искалъ глазами какую-нибудь могилку съ каменной плитой. Кладбище было полно могилами. Направо, налѣво, передо мной, всюду были могилы маленькія, едва замѣтныя, похожія столько же на могилку, какъ и на бугорокъ. Онѣ шли рядами, онѣ жались одна къ другой. Казалось, имъ было тѣсно тутъ, на землѣ. Онѣ свидѣтельствовали, что и тамъ, подъ землей, такая же тѣснота и у мертвецовъ. Я никогда еще не видѣлъ такого кладбища, такихъ могилъ. Въ нихъ было что-то особенное, своеобразное, необычное. Могилъ на кладбищѣ было много, даже очень много; но крестовъ надъ могилами было всего пять или шесть. Всѣ прочія могилки были безъ крестовъ: насыпанъ небольшой холмикъ или куча песку, наполовину уже развѣянная вѣтромъ и размытая дождемъ или осѣвшая, словно вдавленная въ землю, а наполовину заросшая сорною травой,—вотъ и вся могилка. Такъ погребаютъ солдатъ на другой день послѣ боя, когда некому, некогда и не изъ-чего ставить крестъ надъ ихъ тѣлами: вырыта яма, положенъ въ нее только что умершій, еще вчера бодрый и сильный человѣкъ, и конецъ всему, живымъ до него дѣла больше нѣтъ,—все, молъ, съ нимъ кончено, изъ обихода жизни ты вышелъ, а въ обиходъ природы, какъ знаешь, входи самъ. Такіе песчаные холмики безъ всякихъ крестовъ заполняли собою все кладбище. На нѣкоторыхъ, вмѣсто креста, стоялъ полуаршинный деревянный тычекъ, а рядомъ съ нимъ лежали одинъ-два ряда камешковъ. Иные камешки были разложены въ видѣ креста. Надъ этимъ украшеніемъ могилки чья-то рука трудилась и сдѣлала для нея все, что могла. На крестъ, не говоря уже о каменной плитѣ, денегъ, очевидно, не хватило. Все это замѣняли собою камешки, разложенные въ видѣ креста. На нѣкоторыхъ могилкахъ и ихъ даже не было, а вмѣсто этого лежало всего два или три камешка величиною не больше кулака. Они замѣняли собою надгробную плиту. Иныя могилки были еще свѣжія и не успѣли зарасти травой. Другія уже успѣли потонуть въ бурьянѣ и полыни. Я раздвинулъ высокіе стебли полыни и увидѣлъ между ними на глубинѣ два ряда камешковъ, положенныхъ на землю въ видѣ креста. Могила уже давно осѣла, а крестъ изъ камешковъ уже заросъ травой; земля, какъ и трава, сдѣлала все возможное, чтобы замести послѣдній слѣдъ человѣка на землѣ. А кто онъ былъ? И сколько жилъ? И что онъ дѣлалъ и что сдѣлалъ на своемъ вѣку?

Digitized by Google

И какъ и отъ чего умеръ? Кому до этого какое дѣло? Навѣрное, въ какой-нибудь церковной книгѣ имя умершаго прописано какой-нибудь казенною рукою и всѣ полицейскія формальности на этотъ счетъ соблюдены. Кому какое дѣло, что никакія земныя силы не смогутъ отличить по этимъ казеннымъ записямъ одну могилку отъ тысячи другихъ такихъ же могилъ? Коли найдется какая-нибудь родная душа, которая придетъ поплакать надъ дорогой могилкой,—плачь, душа, надъ могилкой неизвѣстно чьей. Всѣ онѣ похожи одна на другую, имени нигдѣ нѣтъ, а кости всѣ одинаковы. Личности изничтожены; людямъ даже счетъ потерянъ, какъ деревьямъ въ лѣсу, какъ травѣ въ полѣ. Чего считать? Кого считать? Какъ записывать? Есть люди—личности, есть люди—«единицы». При жизни, какъ и въ моментъ смерти, они только потому и въ разсчетъ идутъ, что они толпа, иначе говоря, потому что ихъ много. На одной могилкѣ я увидѣлъ трогательное сооруженіе: крестъ изъ двухъ щепочекъ, сколоченныхъ небольшими гвоздиками. Такіе самые кресты сооружаютъ дѣти надъ могилкой любимой птички, которая умерла въ клѣткѣ, въ ея прозрачныхъ, но душныхъ, четырехъ стѣнахъ. Такой самый крестъ съ такой же дѣтской наивностью и дѣтской чистотой души кто-то сколотилъ и здѣсь надъ человѣческой могилой. Кто-то постарался и далъ для этого частичку своей любви и своего времени. Нашлась такая добрая душа. А у другихъ могилокъ и этого не было: ни птичьяго креста, ни деревяннаго тычка, ни крестика изъ разложенныхъ на землѣ камней—была лишь одна, едва замѣтная, куча песку, вытѣснепная человѣческимъ трупомъ на свѣтъ Божій изъ нѣдръ земли. Такія песчаныя могилы безъ крестовъ составляли какъ бы общій фонъ рабочаго кладбища. Всѣ прочія могилки съ крестами казались уже необычными и выдѣлялись изъ толпы. Эти выглядѣли такими важными, аристократичными; казалось, ихъ кресты словно съ высоты глядятъ на эту толпу безымянныхъ, безвѣстныхъ, заурядныхъ могилъ и словно говорятъ имъ: завтра, завтра вы всѣ уже сравняетесь съ землей, а мы не завтра, мы еще постоимъ, мы еще будемъ напоминать людямъ о тѣхъ, кто подъ нами лежитъ. Я подошелъ къ одному такому кресту. Онъ былъ сколоченъ изъ двухъ перекладинъ, обтесанъ по всѣмъ правиламъ плотничьяго искусства и даже выструганный. Никакого имени не было написано на этомъ крестѣ. Къ кресту была прибита какая-то бумажка, обвѣянная вѣтромъ и обмытая дождями. Я наклонился надъ могилкой и разсмотрѣлъ бумажку. Она носила слѣды божественной картинки сытинскаго издѣлія. Чья-то добрая рука прибила двумя гвоздиками къ этому кресту пятикопеечную картинку съ изображеніемъ Николая Чудотворца. Картинка держа-

Digitized by Google

лась на гвоздикахъ. Первый порывъ вѣтра унесъ бы ее въ степь. Я осторожно снялъ картинку съ гвоздей, вытащилъ оба гвоздика и съ помощью камешка крѣпко приколотилъ ее къ деревянному кресту.

Человѣкъ въ пиджакѣ оставилъ свою работу и уставился на меня. Я не смотрѣлъ на него во время работы. Я чувствовалъ и сознавалъ, что онъ въ это время смотритъ именно на меня.

Налѣво отъ входа въ кладбище подымался высокій черный восьмиконечный крестъ. Это былъ самый большой крестъ на всемъ рабочемъ кладбищѣ. Онъ рѣзко вырисовывался на красно-багровомъ фонѣ западной стороны неба. Я подошелъ къ кресту и, повинуясь какому-то инстинктивному влеченію, машинально снялъ свою фуражку. Человѣкъ въ пиджакѣ снова уставился на меня. Я чуялъ и подмѣтилъ этотъ его взглядъ. Но какое мнѣ дѣло было до этихъ взглядовъ. Я стоялъ безъ фуражки передъ чернымъ крестомъ и читалъ надпись. Она была сдѣлана бѣлыми буквами на поперечной перекладинѣ креста. Буквы были вырисованы неуклюжимъ почеркомъ, неувѣренной рукой со множествомъ самыхъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. Я смотрѣлъ на эту надпись. Я прочиталъ ее десятки разъ и не могъ отъ нея оторваться. А она состояла всего лишь изъ нѣсколькихъ словъ: «Іванъ Фоминъ Сирегинъ. Убила либеткой шахта № 11 Бурчеева». Чѣмъ-то невыразимо трогательнымъ, тоскливымъ и грустнымъ вѣяло отъ этой надписи. Чѣмъ заслужилъ этотъ черный крестъ и эту надпись Иванъ Фоминъ Серегинъ? Не тѣмъ ли, что лебедка убила его не по его винѣ и, въ искупленіе своихъ грѣховъ, какой-нибудь инженеръ-директоръ или хозяинъ за свой счетъ соорудилъ надъ Серегинымъ этотъ крестъ? Или смерть Серегина была такъ ужасна и такъ трагична, что въ память о страшномъ случаѣ поставили этотъ крестъ его товарищи-рабочіе, устроивъ для этого складчину по грошамъ? Второе предположеніе какъ будто было вѣрнѣе: вѣдь надпись на крестѣ не говорила въ пользу хозяина. Она гласила просто-напросто: «Убила лебедкой шахта»,—шахта, именно она, а лебедка лишь случайное орудіе этого убійства. Вѣдь въ шахтѣ имѣется возможность убивать людей не однимъ этимъ, а множествомъ разныхъ другихъ способовъ. Это одна лишь простая случайность, что на этотъ разъ шахта выбрала для своей цѣли какую-то тамъ лебедку. Къ лебедкѣ на шахтѣ № 11 рука сочинителя надписи приписала еще крупными бѣлыми буквами имя Бурчеева. Очевидно, въ головѣ сочинителя эти три понятія,—лебедка, шахта и Бурчеевъ ассоціировались въ одно цѣлое и вплотную,—всѣ трое отнесены къ категоріи убійцъ, всѣ трое написаны рядышкомъ. И самая наивность этого писанія дѣлала его особенно трогательнымъ. И я стоялъ передъ чер-

Digitized by Google

нымъ крестомъ безъ шапки и не могъ оторвать отъ него своихъ глазъ.

— Что, господинъ, смотрите? Али честному кресту поклоняетесь?

Я вздрогнулъ. Около меня стоялъ человѣкъ въ пиджакѣ съ лопатой и вопросительно глядѣлъ на меня. Я не ожидалъ этой встрѣчи и этого вопроса. Человѣкъ въ пиджакѣ первый подошелъ ко мнѣ, первый заговорилъ со мной. Очевидно, онъ самъ хотѣлъ поговорить, безъ всякихъ моихъ вопросовъ и разспросовъ. Значитъ, это уже совсѣмъ не такъ, какъ было тамъ на шахтѣ. Этотъ человѣкъ, очевидно, не такой, какъ тѣ двое

И правда, человѣкъ въ пиджакѣ мнѣ съ перваго взгляда показался какимъ-то особеннымъ, онъ былъ не совсѣмъ такой, «какъ всѣ». Пылкій, рослый, широкоплечій онъ казался сравнительно со мною настоящимъ богатыремъ, а я передъ нимъ стоялъ такой дряблый, слабый и маленькій. Человѣкъ въ пиджакѣ уставился на меня своими черными выразительными глазами. Что-то насмѣшливое, умное и вмѣстѣ съ тѣмъ сильное было въ выраженіи его скуластаго, почти безбородаго лица. Это лицо было не изъ красивыхъ, обыкновенное, довольно грубое лицо «настоящаго» рабочаго человѣка, но подвижное, одушевленное, выразительное. Такія лица часто встрѣчаются среди машинистовъ, слесарей, мебельщиковъ и тому подобныхъ категорій рабочаго люда, самая спеціальность которыхъ требуетъ значительной смекалки и нѣкотораго умственнаго труда. Во всякомъ случаѣ, это былъ не совсѣмъ заурядный шахтеръ. Я молчалъ и разсматривалъ говорившаго. Человѣкъ въ пиджакѣ повторилъ свой вопросъ и при этомъ прибавилъ:

— Смотрите, смотрите на этотъ крестъ. Такихъ-то на господскомъ кладбищѣ, надо полагать, не найдете. Тяжелый крестъ, мало что деревянный.

— Какъ же это такъ случилось, что Серегинъ погибъ?—спросилъ робко я.

— А не знаю какъ, не при мнѣ было,—сказалъ человѣкъ въ пиджакѣ.—Если всѣхъ такихъ у насъ помнить да считать, такъ и памяти не хватитъ. Сколько вонъ тамъ ихъ подъ пескомъ лежитъ, и счетъ-то имъ небось потерянъ. Кого лебедка пристукнула, кого породой придавило, кто въ штрекѣ задохся, кто въ зумпфѣ потонулъ, кто въ шахту упалъ, кого дурнымъ газомъ хлопнуло, кого клѣть пришибла, кто маялся, маялся, хворалъ, хворалъ, жизни понемногу отдавалъ, и тоже сюда спрятался. Много такихъ. Покопай-ка нашу степь, небось вся она костями усыпана, что ни шахта, то кладбище, а то и просто такъ... Да что такое кладбище? Они вѣдь въ нашихъ

Digitized by Google

краяхъ временныя: сегодня они есть, а лѣтъ черезъ пять или десять, ихъ и слѣда не осталось, потому огородка сама сломается, могилы съ землей сравняются, даже деревянные кресты не устоятъ. Черезъ десять лѣтъ по этому самому кладбищу рельсы проложатъ, паровозы здѣсь будутъ вагоны съ углемъ таскать, а косточки въ траву побросаютъ. Однимъ словомъ, могилокъ-то нашихъ не пересчитаешь. А вы этого, господинъ, не знаете? Ходя по степи, костей-то нашихъ развѣ не видывали?

Какая-то скрытая насмѣшка, снисходительное презрѣніе послышалось мнѣ въ этихъ словахъ. Я вспыхнулъ и довольно рѣзко сказалъ, стараясь придать нѣкоторую небрежность своему голосу:

— Я знаю и понимаю гораздо больше, чѣмъ вы думаете.

Человѣкъ въ пиджакѣ усмѣхнулся и продолжалъ:

— Ну и отлично, коли такъ. Я это лишь къ слову спросилъ. Вижу баринъ пришелъ и, кажись, пришелъ издалека. Отчего же у барина не спросить, зачѣмъ онъ на наше рабочее кладбище пожаловалъ? Что тутъ для него интереснаго? Не наши ли косточки считать?

— Почему все это вы мнѣ говорите?—спросилъ я.

Меня крайне удивлялъ этотъ человѣкъ и его манера говорить съ полунасмѣшечкой, и рѣзкій голосъ и какое-то озлобленіе, которое въ немъ слышалось, и умъ, несомнѣнный умъ, и самый характеръ его рѣчи. Судя по его рѣчамъ, это былъ не простой рабочій, а быть можетъ кто-нибудь изъ конторскихъ или «младшей администраціи». А судя по внѣшнему виду, этотъ человѣкъ несомнѣнно принадлежалъ къ рабочей средѣ.

— Вы чего такъ на меня смотрите?—улыбаясь всѣмъ лицомъ, спросилъ онъ.—Или вы такихъ не видали? Или даже никакихъ не видали? Что я невидаль какая? Такой же, какъ всѣ. И Иванъ Серегинъ такой же былъ. И я въ свое время въ это самое мѣсто заберусь и подъ камушекъ лягу, вотъ въ такую же рабочую могилку безъ креста, потому, по нашему положенію, полагается и крестъ только при жизни нести, а когда умремъ, то и безъ него можно.

— Вы такъ странно говорите,—сказалъ робко я.—Меня немножко удивляетъ вашъ разговоръ и вашъ тонъ.

— А что же въ немъ удивительнаго?—спросилъ человѣкъ въ пиджакѣ.—Вижу, что вы человѣкъ пришлый. Съ виду какъ будто изъ студентовъ. Отчего же не поговорить? Студенты—народъ хорошій и къ тому же съ нѣкоторымъ образованіемъ. Отъ нихъ всегда что-нибудь можно узнать путное, чего нашему брату знать еще не дано. Вотъ я и подошелъ къ вамъ попытать. А тутъ вижу, что вы за нашимъ покойничкомъ ухаживаете, картинку на могилкѣ приспо-

Digitized by Google

сабливаете, фуражку передъ Серегинымъ снимаете. Ужъ прямо скажу, это мнѣ сразу по душѣ пришлось.

Въ голосѣ говорившаго зазвучали новыя задушевныя и искреннія ноты. Онѣ въ свою очередь пришлись мнѣ по душѣ. Я просіялъ. Человѣкъ еще разъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Вы изъ какихъ же будете?—спросилъ онъ.

Я сказалъ.

— Это вотъ хорошо,—ухмыльнулся человѣкъ.—Значитъ, этой самой кокарды себѣ на лобъ еще не налѣпили?

— И не думалъ налѣплять,—воскликнулъ я, и покраснѣлъ.

Человѣкъ въ пиджакѣ громко засмѣялся.

— Не д-у-м-а-ю! Хо-хо! Мало ли что человѣкъ не думаетъ. Кокарда—штука важная. Сіяніе придаетъ. Налѣпилъ, ну и засіяла, и отдѣлился.

Человѣкъ въ пиджакѣ такъ и сказалъ «отдѣлился».

— Какъ вы сказали?—переспросилъ я.—Что значитъ «отдѣлился?»

— Значитъ, какъ бы другой породы сталъ, не какъ всѣ прочіе. Вотъ, напримѣръ, наши инженеры. Гляньте-ка, какими они козырями разгуливаютъ. Это ли не другая порода? Словно совсѣмъ другое племя, чѣмъ мы. Вотъ и вы студенты, то вы такіе, то этакіе. Летаете, летаете, а вышли въ люди—и «отдѣлились». Знаемъ мы васъ, Спиридоновъ-поворотовъ! Видѣли. Практиканъ пріѣхалъ—человѣкъ человѣкомъ. А сдѣлался инженеромъ, и *перестроился,* сдѣлался инженеромъ и по настоящимъ господскимъ правиламъ рабочимъ на шею сѣлъ... Вѣдь на ней мѣсто приготовлено всѣмъ желающимъ. Потому ужъ порядки таковы... Сколько на свѣтѣ такихъ оборотней? Вы, господинъ, считали ихъ среди вашихъ товарищей студентовъ? Или не считали? Счетъ-то имъ у васъ еще не потерянъ?

— Всякіе бываютъ студенты,—сказалъ я недовольнымъ и обиженнымъ тономъ.

Мнѣ было тяжело и непріятно слушать такую рѣчь. Мнѣ казалось въ эту минуту, что человѣкъ въ пиджакѣ заподазриваетъ всѣхъ студентовъ въ чемъ-то нехорошемъ, а въ томъ числѣ и меня, новоиспеченнаго кандидата Н-скаго университета.

— Всякіе бываютъ,—повторилъ мои слова человѣкъ въ пиджакѣ. Въ его голосѣ прозвучали еще болѣе задушевныя нотки.—Самъ знаю, что бываютъ всякіе, потому что среди вашего брата есть теперь «свои» и «не-свои».

Я снова не понялъ того, что говоритъ человѣкъ въ пиджакѣ. Что значитъ «свои» и «не-свои»? Кому «свои», кому «не-свои»? Призна-

Digitized by Google

юсь откровенно, такихъ вопросовъ у меня въ головѣ совсѣмъ еще не было въ тѣ времена.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю,—сказалъ я.—О какихъ это «своихъ» вы говорите?

Человѣкъ въ пиджакѣ улыбнулся.

— А вы этого, господинъ, еще не знаете, кого рабочій народъ можетъ по всей справедливости и по совѣсти называть «своими»? Былъ у меня знакомый писецъ изъ губернскаго правленія: онъ очень любилъ въ мундирѣ щеголять. Какъ только надѣнетъ свой паскудный мундиришка да фураженку съ кокардишкой,—фу ты, ну ты! Всамдѣлишный государственный человѣкъ! Иной разъ подвыпивши оретъ во всю глотку: «азъ есмь слуга отечества»! А я, бывало, тоже кричу: «отечество, берегись,—внутренніе враги носы подняли!» А чинушонокъ мнѣ: «чего глумишься? Я, между прочимъ, и народу слуга!» Понимаете, какое слово выплевывалъ! «Между прочимъ!» Онъ, мразь, народу слуга! Да скажи спасибо, что народъ тебя со своей спины въ три шеи не гонитъ. И этакій-то тоже мнѣ говорилъ: «я *свой* человѣкъ!» Свой! Извольте видѣть—свой! А я такъ думаю, что у насъ даже и родина-мать съ этакими кокардниками разная... Вродѣ какъ у иноплеменниковъ.

Я не могъ удержаться отъ смѣха.

— Или вотъ еще, былъ у меня баринъ одинъ знакомый,—продолжалъ человѣкъ въ пиджакѣ.—Тоже любилъ говорить про любовь къ отечеству и къ нашему брату. Закатитъ этакъ жирные глазки и почнетъ отчитывать медоточивымъ голосомъ, вродѣ какъ батюшка въ доходный праздникъ съ амвона: «наша родина—наша общая мать, а мы и вы—ея дѣти. Я—вашъ! Я—вашъ!» Смотрю я на этакого и злость беретъ. Такъ бы и закричалъ: кому она—мать, а кому и мачеха. Иному она прямо въ ротъ сладкіе пряники сыплетъ, а иному отруби да лебеду, да и за это еще велитъ кланяться и благодарить. Знаемъ мы этихъ «своихъ». Тоже—«свои!» Вотъ еще что выдумали! Просто-напросто кликуши, съ позволенія сказать.

— Ну, а свои-то кто?—спросилъ я опять.

Человѣкъ въ пиджакѣ порывисто повернулся прямо ко мнѣ лицомъ, уставился въ меня своими черными блестящими глазами, выразительно улыбнулся и воскликнулъ:

— Да что же вы меня-то объ этомъ спрашиваете? Не меня, а себя вы должны объ этомъ спросить. Совѣсть свою, совѣсть, понимаете? Вотъ вамъ и весь мой сказъ.

— А вы-то кто такой будете?—спросилъ я.

— Я-то?—ухмыльнулся опять насмѣшливо человѣкъ въ пиджа-

Digitized by Google

кѣ.—Прежде всего, разумѣется, человѣкъ. Младшій штейгеръ этой самой одиннадцатой шахты. Вотъ она тамъ, въ дали, на холмѣ. Видите, что труба каменная, и куча земли большая. Только я штейгеръ не изъ нынѣшнихъ. Теперь это званіе надо въ училищахъ зарабатывать, а я изъ рабочихъ простыхъ, былъ дворникомъ, былъ вагонщикомъ, былъ саночникомъ, былъ забойщикомъ, былъ ремонтщикомъ, былъ десятскимъ. Всѣ шахтерскія должности превзошелъ. Проползъ по всей, значитъ, нашей лѣстницѣ, по всѣмъ проваламъ. Хо-хо! На это пошло не мало труда, а всетаки не застрялъ. А впрочемъ, кокарды не имѣю. Рыломъ для нея еще не вышелъ, кость не та...

— А когда вы были десятникомъ, то не «перестроились?»—спросилъ я.

— Началъ было перестраиваться, да и это не вышло. Случай случился такой. Спасъ душу отъ смерти.

— Какой такой случай?—спросилъ я и насторожилъ уши.

Къ этому человѣку, къ этому рабочему я сразу почувствовалъ вродѣ какъ благоговѣніе. Нѣчто подобное чувствуетъ гимназистъ, вошедшій впервые въ университетъ и разговорившійся на чистоту и глазъ-на-глазъ съ бывалымъ студентомъ. А я въ первый разъ тогда разговаривалъ съ рабочимъ и тоже на чистоту и глазъ-на-глазъ. А что передо мною былъ человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный, это мнѣ было ясно само собой. Да кто бы тогда передо мной ни стоялъ и кто бы ни разговаривалъ, я все равно и даже навѣрное увидѣлъ бы въ немъ хоть что-нибудь необыкновенное и приписалъ бы ему множество бывалыхъ и небывалыхъ качествъ. Вѣдь именно этого я и ждалъ и именно этого самаго и искалъ и желалъ найти.

— Какой же съ вами былъ случай?—переспросилъ я.

— А такъ, одинъ такой,—отвѣтилъ штейгеръ и замолчалъ.

Онъ замолчалъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что я сразу же осѣкся и тоже замолчалъ.

Мнѣ было тяжело, мнѣ было почему-то неловко и даже обидно, что этотъ человѣкъ тоже не хочетъ со мной разговаривать и, значитъ, косо смотритъ на меня. И онъ, несомнѣнно, человѣкъ болѣе или менѣе развитой и начитанный, и онъ тоже видитъ во мнѣ чужого. И мнѣ казалось ненормально-страннымъ, какъ это такой именно человѣкъ, и вдругъ не выкладываетъ сразу же передо мной свою душу? Неужто же онъ не видитъ, что у меня съ нимъ есть нѣчто родственное въ душѣ? О, я тогда очень горячо вѣрилъ въ сродство душъ и считалъ полную откровенность съ «родными душами» великой добродѣтелью!

Digitized by Google

— Какъ же это вы такъ забрели въ наши края?—спросилъ меня штейгеръ, круто перемѣняя разговоръ.

На неоткровенность штейгера я тоже счелъ необходимымъ отвѣтить неоткровенностью. Я разсуждалъ такъ: «А коли ты меня не понимаешь и не чувствуешь, ну, значитъ, и я буду насторожѣ». Какое и вправду дѣло этому человѣку до разныхъ моихъ сомнѣній и исканій?

— Я отдыхаю послѣ экзаменовъ. Рѣшилъ вотъ погулять пѣшкомъ по большому угольному царству и вашу жизнь своими глазами посмотрѣть,—сказалъ я.

— Ну, что же, это дѣло хорошее. Только вотъ что скажу я вамъ. Одну жизнь смотрѣть, право, по-моему, не слѣдуетъ. Самое лучшее смерть посмотрѣть. Въ этой самой смерти жизнь, по-моему, гораздо виднѣй. То-есть, значитъ, смотря по тому, кто какъ умираетъ. Въ это самое смертное мгновеніе душа-то по настоящему и сказывается. То-есть всѣмъ открывается, какова она и на самомъ дѣлѣ есть. Во время смерти-то вѣдь не до представленій. А вотъ при жизни, сколько угодно и кого угодно можно представить. Хо-хо! Не такъ ли?

Я молчалъ. Я былъ въ такомъ настроеніи, а главное, въ такомъ возрастѣ, что, даже сидя на кладбищѣ, не думалъ о смерти. Вѣдь смерть—было нѣчто совершенно чуждое, непомѣрно далекое, а главное, это было что-то ужасно нелѣпое, совершенно ни къ чему. Даже глядя на могилки безъ крестовъ и на этотъ черный крестъ Ивана Серегина, всетаки я не думалъ о смерти. Я и безъ этихъ словъ штейгера, расхаживая по кладбищу, такъ сказать, разузнавалъ и учитывалъ по могилкамъ *жизнь*.

— Вотъ я вамъ эту самую нашу жизнь сейчасъ и покажу, пожалуйте,—сказалъ штейгеръ.—Видите, вонъ тамъ широкая могилка съ деревяннымъ крестомъ. Не угодно ли прочитать, что тамъ написано. Въ одной этой могилѣ семьдесятъ четыре человѣка лежатъ. Всѣ въ одинъ день сюда пріѣхали. На Михайловскихъ копяхъ случай былъ. Небось, въ газетахъ читали? Помните! Это они самые. Ихъ-то, во славу Божію, послѣ смерти всюду и пропечатали. Вотъ, поди, и узнали, что такіе и вправду были на свѣтѣ.

Я смутно помнилъ какое-то газетное извѣстіе о страшномъ взрывѣ гремучаго газа нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Какой именно случай?—спросилъ я.

— Самаго обыкновеннаго качества. Вотъ только очень ужъ много душъ сразу улетѣло,—это не совсѣмъ обыкновенно,—сказалъ штейгеръ.—А впрочемъ, у насъ и это бываетъ... по всѣмъ правиламъ. Дѣло очень простое. Не было газу въ Михайловскихъ шахтахъ,

Digitized by Google

ну, и не заводили предохранительныхъ лампочекъ, обходились, съ позволенія сказать, съ масляными и керосиновыми ночниками-коптилками. А вдругъ газъ-то и пошелъ. Ну, значитъ, и разметало людей во всѣ стороны—и вверхъ, и внизъ, и впередъ, и назадъ. Одного съ потолка вытащили. Вонъ куда его заколотило взрывомъ-то, между породой и крѣпью *). Руки да ноги оторваны,—ихъ три дня искали да собирали. У насъ вотъ какъ дѣла дѣлаются! Ничего, отчистили, зато всѣ семьдесятъ человѣкъ въ десять гробовъ умѣстились, а надъ убитыми крестъ поставили. Ревуневскій, директоръ-то Махаевскій, вѣдь человѣкъ добрый: онъ покойниковъ не обидѣлъ да и акціонеровъ тоже.

На крестѣ было написано: «Помяни, Господи, души усопшихъ рабъ твоихъ». Далѣе шло простое перечисленіе мертвыхъ душъ. Ни о какомъ несчастіи, ни о какомъ взрывѣ надпись на крестѣ ровно ничего не говорила. Для автора ея, очевидно, было не важно, какимъ способомъ души вознеслись на небо. Онъ отмѣтилъ одинъ лишь несомнѣнный фактъ, въ какой именно день онѣ и вправду туда вознеслись.

И опять я снялъ свою фуражку передъ могилой. Я рисовалъ въ своемъ воображеніи широкіе гробы, а въ нихъ остатки человѣческихъ головъ, безпорядочную груду костей, поломанныхъ, исковерканныхъ, размозженныхъ, потерявшихъ даже обликъ остатковъ человѣческихъ и совершенно не похожихъ на тѣ чистенькія, гладенькія кости, которыя я еще такъ недавно изучалъ въ анатомическомъ кабинетѣ, на студенческой скамьѣ. Штейгеръ молча всматривался въ мое лицо и, казалось, по лицу читалъ, что происходитъ въ моей душѣ.

— Чего нахмурились?—сказалъ онъ.—Вѣдь такая смерть сладкая. Грохнуло, вспыхнуло, бацъ, бацъ, бацъ и конецъ. Чего лучше? Маяться не приходится. А вотъ эти могилки здѣсь по сосѣдству,—вотъ это ужъ, дѣйствительно, помаялись. Ужъ ихъ корчило, корчило, крутило, крутило. Говорили, что будто это «простой поносъ». А когда похоронили, да когда такой самый смертельный «поносъ» пошелъ по сосѣдству тоже гулять, вотъ и опомнились. Вышло, что это не поносъ, а холера. А, впрочемъ, я такъ думаю, что и раньше объ этомъ знали, только не хотѣли «людей пугать».

— Вѣдь это было въ 1892 году?—спросилъ я.—Въ тотъ самый годъ, когда въ Юзовѣ пальба была. Не такъ ли?

— Вотъ, вотъ, эта самая,—сказалъ штейгеръ.—И тутъ есть

*) Крѣпь—бревна, поддерживающія въ штрекахъ и шахтахъ породу у потолка и у стѣнъ.

Digitized by Google

одинъ бѣдняга, притащился на четверенькахъ въ здѣшнюю больницу изъ Юзова съ пулей въ животѣ. Вотъ онъ лежитъ. На его могилкѣ тычокъ кто-то вмѣсто креста поставилъ. Я же и на его похоронахъ былъ.

Опять воцарилось молчаніе. Молчалъ штейгеръ, молчалъ и я, молчали и могилки съ крестами и безъ крестовъ, молчала и безбрежная степь. И тонули въ этомъ молчаніи и жизнь, и смерть, и страданія человѣческія, и тѣ, которыя были и прошли да и тѣ, которыя еще не прошли и неизвѣстно когда пройдутъ.

— А народу у васъ много мретъ?—спросилъ я.

— Много... А чортъ! Одинъ конецъ!—воскликнулъ штейгеръ.— Ужъ и не знаю, что лучше. Все едино! Вездѣ подъ землей, значитъ, ужъ судьба такая: въ каюткѣ—подъ землей, въ шахтѣ—подъ землей, да и здѣсь—подъ землей. Кажется, подъ землей мертвецомъ быть сподручнѣе, чѣмъ живымъ. Хо-хо!

Штейгеръ засмѣялся громкимъ и грустнымъ смѣхомъ, а мнѣ въ этомъ его хохотѣ слышался стонъ.

— Докторъ сюда однажды пріѣзжалъ изъ Петербурга, кажется, важный такой, но правильный. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ и по жилищамъ, и по больницамъ, и по кладбищамъ. Ужъ онъ ахалъ да ахалъ, да плечами пожималъ, видите, удивлялся тому, какъ это мы такъ здѣсь живемъ и для насъ ничего не дѣлаютъ. А чего тутъ удивляться? Мнѣ удивительно-то было это самое его удивленіе. Сначала его водили самъ директоръ да хозяинъ. Любо-дорого, какъ они танцовали передъ нимъ! А потомъ докторъ пожелалъ въ одиночествѣ походить. Я ему на глаза подвернулся, онъ позвалъ меня и пошли. Ну, и повелъ же я его! Вожу, вожу по закоулкамъ да показываю, не угодно ли посмотрѣть, что у насъ тутъ дѣется. Молчитъ, ухмыляется, въ книжку записываетъ. Что же, пиши, что хочешь. Знаемъ мы эти записки важныхъ чиновныхъ людей. Много ужъ ихъ понаписано. Кого какъ, а насъ козлинымъ молокомъ не кормятъ. Это прежде, чѣмъ насъ кормить да насъ осчастливливать, у господина хозяина да у директора спросятся: «можно ли, ваше степенство? Вы противъ этого ничего не имѣете? Васъ мы обидѣть вѣдь не желаемъ. Потому, чтобы все по хорошему». Знаю я ихъ! А хозяинъ и директоръ около доктора все такъ вьюномъ, вьюномъ, бочкомъ да пѣтушкомъ. Говорятъ, забѣганье-то имъ на этотъ случай не очень помогло. Написалъ важный докторъ отчетъ, пропечаталъ насъ всѣхъ гдѣ-то во всемъ здѣшнемъ безобразіи. Послѣ этого приказъ вышелъ, обязательное постановленіе какого-то тамъ совѣта при какомъ-то присутствіи какого-то департамента,—кто ихъ тамъ разберетъ какого. Такъ и такъ,

Digitized by Google

молъ. «Рабочіе должны-де жить въ свѣтлыхъ и сухихъ помѣщеніяхъ, земляныхъ-де половъ не полагается, блохъ тоже держать при себѣ не велѣно, пищу велѣно ѣсть только здоровую, воду пить здоровую». И все прочее въ томъ же родѣ. А каюткамъ больше не быть, на сносъ ихъ. Хорошо сочинено: сущій стихъ въ прозѣ департаментскаго сочиненія. Почитайте его,—онъ въ конторѣ виситъ на страхъ врагамъ и для доказательства чиновной любви къ отечеству и укрѣпленію народной гордости. А люди отъ дурной пищи и мерзкой воды мрутъ да съ голоду пухнутъ. Сколько ихъ тутъ лежитъ, каждую недѣлю кто-нибудь прибываетъ. А каютки и до сихъ поръ стоятъ, потому, молъ, это не каютки, а «дачныя мѣста». Хо-хо! Дачныя мѣста! Понимаете... Вотъ вчера изъ этихъ дачныхъ мѣстъ притащили. Видите, свѣжая могилка. И какой хорошій паренекъ-то сюда попалъ! Умный, начитанный, пѣсни какія сочинялъ, книжки-то какъ любилъ! Не въ кабакъ, а на книжку деньги-то тратилъ. Лежитъ, бѣдняга, навѣрное ужъ его наполовину черви изгрызли. А ужъ и потаскали его передъ смертью: изъ каютки въ больницу, изъ больницы опять въ каютку, а оттуда опять въ больницу, а потомъ сюда.

— Зачѣмъ же таскали столько разъ?—спросилъ я.

— А потому, что сразу лѣчили да не вылѣчили и снова застудился въ шахтѣ на сквознякѣ. Это у насъ въ больницѣ тоже бываетъ. Тамъ больше все пластыри накладываютъ да касторки даютъ. Нашему, молъ, брату это лучше всего помогаетъ. А по-моему сказать, чортъ бы ихъ дралъ.

Настроеніе этого человѣка все больше и больше охватывало и меня. Я понималъ его настроеніе. Я цѣнилъ его. Было въ немъ что-то новое, свѣжее и свое собственное. Въ этомъ настроеніи и вправду чувствовался не штейгеръ, а человѣкъ, личность человѣческая, чувствовалась сила, мощь и жизнь. А главное, тутъ не было вѣковѣчнаго сокрушенія и нытья, не было слѣпого, исторически привоспитаннаго подчиненія и преклоненія ни передъ людьми, ни передъ яко бы стихійностью явленій. Настроеніе было написано у штейгера на лицѣ. И я читалъ его и чувствовалъ. И какая-то новая, еще необъяснимая внутренняя дрожь охватила меня. Штейгеръ большими шагами и со всякими предосторожностями шагалъ черезъ могилы, боясь какъ бы не наступить на нихъ. Я едва поспѣвалъ за штейгеромъ, невольно подражая его осторожности, даже его шагамъ. И въ этомъ нашемъ хожденіи было что-то религіозное. Мы старались кого-то не оскорбить, не потревожить. Какъ будто около насъ было что-то дорогое, родное, близкое...

Digitized by Google

Штейгеръ привелъ меня въ далекій уголъ кладбища и остановился около могилки безъ креста.

— А вотъ могилка Марьи Ѳедоровны!—сказалъ онъ.—Погибла, бѣдная, страшной смертью лѣтъ шесть тому назадъ.

— И эта страшной смертью!—воскликнулъ я.

— Оборвалась и хлястнулась вонъ въ ту воздушную шахту. Видите, отсюда близко заборъ.

Шагахъ въ полутораста отъ нашего кладбища я увидѣлъ самую простую загородку, а на ней наклонная крыша. Штейгеръ указалъ именно на нее.

— За этой загородкой шахта,—сказалъ онъ.—Такія у насъ для воздуха продѣлываютъ, чтобы воздуха побольше подавать внизъ. А то безъ нихъ такъ очень душно работать. Иныя такія шахты глубокія—саженъ сто. Эта шахта, семьдесятъ саженъ глубиною, ведетъ прямо въ шурфъ, а это шурфъ подъ этимъ самымъ кладбищемъ идетъ. У насъ вона какъ,—подъ землей люди работаютъ, а на нихъ вода каплетъ; значитъ, покойнички-то своимъ собственнымъ сокомъ ихъ поливаютъ. Впрочемъ, это я къ слову. Да, такъ вотъ, я говорю, въ иныхъ воздушныхъ шахтахъ есть лѣстницы, а въ иныхъ никакихъ лѣстницъ нѣтъ, а просто огородка вродѣ какъ у колодца: снаружи небольшой срубъ, а внутри яма. Вотъ Марья Ѳедоровна въ такую шахту и сунулась.

— Зачѣмъ? Почему?—спросилъ я.

— Отъ мужа пряталась. У насъ здѣсь бабы какъ живутъ? Съ вольными временными мужьями. Живетъ, живетъ съ однимъ, а тамъ и перемѣнила на другого. Разонравиться да понравиться—это у насъ здѣсь дѣло легкое, за лучшій сортъ. А мужчины, пожалуй, еще хуже бабы. Тутъ рудокопы больше все орловскіе да тульскіе, все пришлые, здѣшніе-то на работы не больно-то идутъ за такую плату, потому здѣсь народъ сытнѣй, чѣмъ въ Тульской да Орловской губерніяхъ. Дорожка имъ давно сюда, какъ слѣдуетъ, проложена. Цѣлыми толпами къ копямъ на заработку прутъ. Иной разъ просто пѣшедраломъ съ котомками. Полгода или годъ тамъ у себя живутъ да столько же здѣсь. Весной да перваго октября у насъ здѣсь переселеніе народовъ. И такъ бываетъ нерѣдко: и тамъ у мужика семья, и здѣсь семья. Иной на двѣ семьи старается, потому безъ бабы ни тамъ, ни здѣсь невозможно. Каждому охота своимъ домикомъ да своимъ хозяйствомъ жить. Ха-ха! Самъ на двѣ семьи живетъ, а отъ бабы вѣрности требуетъ. А что замѣтилъ—сейчасъ битье. И! Какъ здѣсь бабамъ попадаетъ! Насмерть бабу иные бьютъ. Просто горюшко-горе! Горя морюшко бездонное... И какъ еще эти слезы этого кладбища не за-

Digitized by Google

топили! Эта самая Марья не мѣсяцы, а годы плакала. Красивая, рослая была. Этотъ же Осипъ Вѣниковъ и отъ себя ее не отпускалъ, и самъ не остается. «Живи, молъ, со мной, какъ жила», вотъ и весь разговоръ. Не вынесла и завела новаго, пока тотъ у себя въ Орловской губерніи былъ. Вѣниковъ приходитъ, а Марья ужъ по всѣмъ правиламъ съ другимъ живетъ. И даже домъ особый выстроили. Тогда еще такъ бывало: хозяинъ давалъ землю и матеріалъ, а шахтеры сами себѣ жилье строили. Теперь и это запрещено «обязательнымъ постановленіемъ». Въ домѣ съ Марьей жили шахтера, а она у нихъ артельной маткой, то-есть стряпухой. Вотъ во время самаго обѣда мужъ невзначай и входитъ прямо съ дороги. Увидѣлъ Марью и здоровается. А та ни жива, ни мертва. Онъ къ ней, какъ къ женѣ. А та сторонится. Онъ и учуялъ, что дѣло какъ будто того. Сѣлъ этакъ обѣдать, ложки не съѣлъ, этакъ ее положилъ. Самъ на Марью мутными глазами смотритъ. «Ты это, Марья, что?» «А что? Ничего!» «Мнѣ съ тобой покалякать надобно». «А что же? Вотъ посуду соберу, послѣ обѣда и покалякаемъ». Вѣниковъ и ѣсть не можетъ. А та еще больше ни жива, ни мертва. Повернулась этакъ да отъ стола прочь. Вышла изъ квартиры, каши не подала и пропала. И нѣтъ ея да нѣтъ. И часъ нѣтъ, и два нѣтъ. Вѣниковъ и туда, и сюда. Все ищетъ. Ему никто-никтошеньки даже помогать не хочетъ. Всѣ понимаютъ, что будетъ сегодня смертный бой. А Марьи и черезъ четыре часа нѣтъ. Это что же такое, какъ будто неладно... А Марьи попрежнему нѣтъ. И на другой день не пришла.

— Что же съ ней и вправду сдѣлалось?—спросилъ я съ замираніемъ сердца.

— Что сдѣлалось? Сама себя спасать побѣжала,—вонъ къ этой самой воздушной шахтѣ да и перелѣзла черезъ заборъ. А что потомъ съ нею тамъ было,—это только по догадкамъ можно узнать. Надо полагать, не вкусна была жизнь для Марьи, какъ не испугалась бѣдняжка непроглядной черной ямы. Я такъ думаю, Марья прыгнула въ шахту да и повисла на рукахъ, держась за срубъ. На рукахъ виситъ, а ногами лѣстницу ищетъ. А въ этой шахтѣ никакихъ лѣстницъ нѣтъ. Ну, разумѣется, руки въ концѣ-концовъ у Марьи и затекли. Надо бы выбраться, подняться на рукахъ назадъ, но и того сдѣлать силушки нѣтъ, да и Вѣниковъ страшенъ. Ну, и отпустила руки Марья да и грохнулась прямо на дно шахты, этакъ на семьдесятъ саженей... Черезъ мѣсяцъ я ее только нашелъ. Тогда ремонтщикомъ былъ, за крѣпью смотрѣлъ по всѣмъ штрекамъ и штольнямъ. И какъ страшно еще нашелъ: закоулками шатался и наступилъ ногой прямо покойницѣ на руку. Какъ сейчасъ помню: стою въ тем-

Digitized by Google

нотѣ и вдругъ чую, подъ ногой что-то мягкое, по чему-то нога скользитъ. Вѣдь съ нашими лампочками далеко отъ себя не видно. Подношу я лампочку къ землѣ и вижу—человѣческое тѣло. Ступней совсѣмъ нѣтъ, надо полагать, прямо на нихъ грохнулась. Руки этакъ врозь, косы врозь, платье немного откинуто, ноги выше колѣнъ голыя, черныя, голова въ крови. А лицо вовсе не повреждено и глаза не совсѣмъ закрыты. А лицо-то черное-черное. Ухъ, какъ я тогда испугался, хотя, кажется, ужъ за пятнадцать-то лѣтъ шахтерской жизни ко всему привыкъ. На рукѣ у Марьи такъ мой лѣвый сапогъ и отпечатался...

Шахтеръ машинально приподнялъ лѣвую ногу и задрыгалъ ею, словно старался отрясти свое страшное воспоминаніе. А я стоялъ передъ нимъ и самъ не зналъ, что со мной дѣлается. Могилки, которыя окружали меня, словно ожили въ моей душѣ и заговорили. Образы, тѣни и тайны вышли изъ могилъ и цѣлымъ роемъ носились вокругъ насъ. На багрово-красномъ фонѣ неба мрачно чернѣлъ высокій крестъ Ивана Серегина. Онъ бросалъ длинную тѣнь. Облака надъ горизонтомъ еще свѣтились розовымъ цвѣтомъ. Желтые и голубые токи окрашивали безграничную степь. Вдали заливалась гармоника. Едва долетала изъ ближняго поселка чья-то разухабистая пѣсня. Отъ одиннадцатой шахты шла толпа черныхъ, оборванныхъ людей съ закопченными лицами. Отъ этой толпы долетали до насъ безсвязные звуки голосовъ. Грустно потухало небо на восточной сторонѣ; грустно желтѣла степь. Тоскливыя нотки звучали въ удалой шахтерской пѣснѣ. Краски погасали, звуки таяли; изъ моря разнообразныхъ звуковъ медленно выдвигалась, овладѣвая нашей душой, тишина надвигавшейся ночи, молчаніе безвѣстныхъ и безкрестныхъ могилъ.

Я еще разъ оглянулся вокругъ и въ это самое время въ лѣвомъ углу кладбища у самой его ограды увидѣлъ еще одну могилу. Это была та самая могила, около которой возился со своей лопатой штейгеръ въ то самое время, когда я вошелъ. Эта могила рѣзко отличалась отъ всѣхъ прочихъ могилъ. Надъ ней стоялъ обтесанный камень, а надъ камнемъ поднимался желѣзный крестъ. На крестѣ была дощечка съ надписью золотыми буквами. Я подошелъ къ кресту. Надпись на немъ гласила: «Больше сея любве никто же имать, аще кто душу свою положитъ за други своя». Внизу на камнѣ стояло: «Здѣсь похороненъ горный инженеръ Михаилъ Ивановичъ Александренко. Погибъ 11 марта 188... года». А еще ниже было написано: «Любимому инженеру отъ горнорабочихъ»...

— А это что за могила?—спросилъ я.

Я подошелъ къ камню. Штейгеръ послѣдовалъ за мной. Онъ

Digitized by Google

всталъ передъ могилой, опустилъ передъ нею свою голову; онъ какъ-то особенно согнулся и, вдругъ, къ моему величайшему удивленію, снялъ фуражку.

— Кто же тутъ похороненъ?—спросилъ я.

Штейгеръ молчалъ. По лицу его было видно, что онъ сильно волнуется.

— Здѣсь похороненъ вашъ родственникъ?—спросилъ я.

Штейгеръ отрицательно покачалъ головой и молчалъ.

— Или это вашъ пріятель? Вашъ товарищъ? Вашъ другъ?—спрашивалъ опять я.

Штейгеръ снова отрицательно покачалъ головой. Отъ волненія онъ не могъ говорить. Онъ весь какъ-то перемѣнился. Онъ сталъ словно другимъ человѣкомъ. Казалось, онъ что-то вспоминалъ, и это его воспоминаніе было тяжелое, мрачное, страшное.

— Этотъ человѣкъ былъ мнѣ совсѣмъ чужой,—заговорилъ, наконецъ, штейгеръ.—Совсѣмъ чужой! Совершенно... Вы понимаете... совершенно. А умеръ и сталъ своимъ... и роднымъ... и другомъ... и братомъ... И всѣмъ сталъ. Вотъ не знаю, какъ это сказать и выразить. Не мнѣ даже одному, а многимъ. Да, да... вотъ вышелъ какой случай. Вотъ умеръ человѣкъ, а родной... Родной... даже больше родного.

Штейгеръ стоялъ попрежнему безъ шапки. Въ его словахъ звучала такая грустная и задушевная нотка, въ его глазахъ видна была такая тоска, что я не рѣшился еще что-нибудь разспрашивать. Я слушалъ отрывочныя, довольно безсвязныя и совершенно непонятныя для меня рѣчи штейгера и молчалъ. Онъ грустно посмотрѣлъ на меня, грустно улыбнулся и сказалъ:

— Вы что такъ на меня смотрите? Небось, вамъ эти мои слова удивительны? Да и могилка тоже? Такъ ли я говорю? Да? Небось, и вашу душу она уже затронула... По лицу вижу, что такъ. Ну, вотъ и отлично. Радуюсь, это ваше счастіе, что вы на это кладбище забрели. Ужъ вы попомните мое слово: весь вѣкъ его вспоминать будете. Передъ этой могилкой на колѣни можно встать. Я каждый годъ сюда съ лопатой прихожу. А коли не я, такъ другой кто-нибудь. Этакъ у насъ полагается, потому что эта всѣмъ здѣшнимъ могилкамъ могилка.

— Разскажите же мнѣ о ней, пожалуйста,—взмолился я.—Если это такая могилка, зачѣмъ же о ней молчать? А если вы хотите, чтобы и я молчалъ, хорошо, хорошо, я даю вамъ честное слово, что буду молчать.

Digitized by Google

Въ моемъ голосѣ, надо полагать, было что-то такое, что задѣло штейгера за душу.

— Нѣтъ, зачѣмъ молчать,—сказалъ онъ.—Молчать не надо. Пусть лучше объ этой могилкѣ всѣ знаютъ. Всѣ... и рабочіе... да и господа, и студенты, особенно эти-то съ кокардами. Пусть лучше о ней всѣ говорятъ. Даже камни... камни пускай говорятъ. А всѣ прочіе пусть слушаютъ да разумѣютъ. Я вамъ о ней сначала не хотѣлъ говорить, а теперь разскажу.

— Я тоже, если хотите, буду всѣмъ говорить, — робко сказалъ я.

— И вы говорите, что вотъ, молъ, въ такомъ-то углу Россійской Имперіи есть такая-то могилка, а въ ней зарытъ, молъ, такой-то горный инженеръ Александренко, а вы о немъ слышали отъ меня, штейгера Пинчука. Это моя фамилія. Говорю ее на всякій случай, для памяти.

— Пожалуйста, убѣдительно прошу васъ, разскажите, что знаете объ этой могилкѣ,—снова взмолился я.—Кто былъ этотъ Александренко?

— Кто онъ былъ? А вотъ кто: барчукъ, противный, длинноногій, хлесткій барчукъ — вотъ онъ кто былъ,—началъ свою рѣчь штейгеръ.—Лицо этакъ словно у барышни, кожа нѣжная, щеки розовыя, словно набѣлены и нарумянены, черные усики, руки словно всегда въ перчаткахъ, ноги тонкія. Мы такъ его за это и прозвали «тонконогимъ». Вотъ, думаемъ, появилась у насъ на рудникѣ такая невидаль. Пока еще чего. Да еще сталъ ходить въ синей блузѣ и постоянно въ очкахъ. Когда этакій-то въ первый разъ пришелъ, нашъ десятникъ такъ и ахнулъ: «Хто, молъ, это за звѣрушка?» Да онъ и рукъ побоится грязнить. Да онъ и не увидитъ ничего дальше своего носа! Да онъ сейчасъ же себѣ лобъ разобьетъ и шею сломаетъ. Такого мальчишку да еще слушаться. Я тогда былъ забойщикомъ. Младшихъ инженеровъ у насъ на рудникѣ было два; у каждаго своя шахта. Въ своей шахтѣ каждый инженеръ—отецъ командиръ. Онъ всѣмъ десятникамъ—главное начальство. Десятскимъ у насъ былъ Михѣевъ, мужчина дошлый, опытный, въ своемъ дѣлѣ дока. А тутъ ему на голову директоръ, инженеръ Свинцовъ, и навинтилъ «тонконогаго» — не угодно ли его слушаться. Десятникъ въ обиду. Пошелъ къ директору. Такъ и такъ. Директоръ, какъ водится, собака. «Не твое дѣло, вонъ!» Вотъ и весь разговоръ. Ну, и Михѣевъ зубастый. «Этого, говоритъ, дѣла такъ оставить нельзя, чтобы напередъ было не повадно. Пойду къ хозяину». А хозяинъ такой человѣкъ: только бы ему денегъ побольше, до прочаго никакихъ дѣлъ

Digitized by Google

нѣтъ. Брюхо-то пузыремъ, борода лопатой, по краснымъ щекамъ только что жиръ не течетъ... Голосомъ-то говоритъ этакимъ шелковымъ: «Мой другъ, мой другъ», а смотришь, и обдѣлалъ друга начисто. И тутъ вышло то же самое: «Мой другъ, мой другъ... Александренку ѣсть надо, у Александренка старушка мать на рукахъ, Александренко—горный инженеръ, въ этомъ году курсъ кончилъ, а за всѣмъ тѣмъ Александренко обойдется гораздо дешевле, чѣмъ опытный, старый инженеръ... Мой другъ... мой другъ». Да и выпроводилъ друга. Приходитъ къ намъ Михѣевъ самъ не свой. «Ладно же ты, чортъ тонконогій! Я подъ тебя мину подведу», говоритъ. А мы, рабочіе, рады. Для насъ веселье одно, когда начальство межъ собой грызется. Хлѣбомъ не корми, только позлорадствовать дай. И очень просто,—какъ иначе быть? Знали на своей шкурѣ, что всякіе тамъ инженеры и даже штейгеры всегда и вездѣ хозяйскую руку тянутъ. Другихъ еще тогда мы не видывали. Кстати и процентъ имъ идетъ, и награды, и прибавки, и все прочее по всѣмъ правиламъ. А этакій тонконогій, у котораго мать на рукахъ, и разумѣется, долженъ хозяйскую руку держать,—это первое дѣло для него, потому финансы у этакого ужъ навѣрно плохи. За мѣстишко, небось, обѣими руками держится, ему хоть гроши плати. Этакій, небось, изо всей кожи полѣзетъ, радъ, молъ, стараться хозяину. А тотъ попрежнему: «мой другъ, мой другъ».

— Ну, а Александренко что?—спросилъ я.

— А онъ что? Все какъ слѣдуетъ. Съ директоромъ чаи распиваетъ, съ директоромъ на скрипкѣ играетъ, съ конторскими на тройкахъ катается, ну и на работу ходитъ, ничего не понимаетъ, въ дѣло вникаетъ. Командъ никакихъ не отдаетъ. Все больше присматривается, прислушивается. Ни во что не вмѣшивается, словно его и нѣтъ. А главное, все молчитъ, да свои подслѣповатые глаза щуритъ. Его, бывало, нарочно спрашиваютъ, какъ да что, разскажите, молъ, да растолкуйте. А онъ прямо этакъ въ отвѣтъ: «Этого я не знаю и еще не понимаю. Простите. Дѣлайте пока, какъ у васъ всегда дѣлалось. Я ничего не могу вамъ сказать». Скажетъ и замолчитъ. И даже передъ директоромъ такъ, не стѣсняется. Тотъ на него опять: «Да какъ же это вы такихъ простыхъ вещей не знаете?! Сапожники даже знаютъ». «Простите, говоритъ, не знаю, а врать не хочу, дайте присмотрѣться, познакомиться, не навѣрняка боюсь говорить». И опять замолчитъ. Вотъ это-то его молчаніе насъ особенно и злило. Потому всѣ старались, каждый по своему, какъ бы его поддѣть да подцѣпить. Кто много болтаетъ, съ тѣмъ дѣло просто: ужъ въ чемъ-нибудь на-

Digitized by Google

вѣрное прорвется. А этотъ своего незнанія не скрываетъ нисколько, а все смотритъ, смотритъ, да книжки читаетъ.

— Какія книжки?—спросилъ я.

— Да всякія. «Читатель» тоже! Мы такъ его и звали «читальщикомъ». Даже читателемъ назвать не удостоивали. Дома сидитъ—сквозь окна видно—старушка, мать его, этакая толстуха съ кружевнымъ наколомъ, чулки вяжетъ, а онъ около лампы сидитъ, читаетъ. Гулять пошелъ—съ книжкой. Въ воскресенье—съ книжкой. И мнѣ книжку предлагалъ и другимъ: «Почитайте,—говоритъ,—онѣ правильныя, хорошія! У меня ихъ много!» Я думаю: «Знаемъ мы, какія хорошія! Господами написанныя и имъ же въ угоду сочиненныя да на ихъ языкѣ, нашему брату непонятномъ. Много небось въ этакихъ-то господскихъ сочиненіяхъ правильности. А въ дешевыхъ книжкахъ, которыя для нашего брата, въ тѣ времена печатались, сказки однѣ; для забавы, да на папироски ихъ мы тогда покупали. Ну, разумѣется, и ихъ «правильными» тоже не считали. А господскую книгу и того меньше». «Благодаримъ покорно,—говорю.—Нашему брату читать времени нѣтъ». «Ну, газеты почитайте», говоритъ. Я молчу. А газеты онъ даже въ шахту съ собой бралъ. Бывало мы надъ нимъ дурачились. Видимъ, онъ читать любитъ. Я однажды къ нему: «Одолжите газетку,—спрашиваю. «Вы почитать ее желаете?—спрашиваетъ съ радостью.—«Никакъ нѣтъ-съ,—на папироски да для всего прочаго». А Александренко опять молчокъ, словно воды въ ротъ набралъ. Пробовали было его подвести. Не больно-то. Очень на этотъ счетъ былъ догадливъ. А Михеевъ еще больше грозится. «Подожди ты, я тебя еще дойму! Ты у меня попомнишь». А въ сущности самъ видитъ, что Александренко тихій, безобидный человѣкъ, одно только и не хорошо въ немъ, что тѣломъ не вышелъ да еще молодъ очень. Экая бѣда, на самомъ-то дѣлѣ. Иные наши ребята и рукой махнули. Чего зря человѣка травить? Это понимаетъ всякій. А иные все же не унимались. Вѣдь всякіе есть: баринъ безобидный,—почему надъ нимъ не покуражиться и за другихъ не отплатить? Все же вѣдь онъ баринъ,—не нашъ братъ; онъ вѣдь такой же инженеръ, какъ директоръ, и такой же собакой современемъ навѣрно сдѣлается. А Александренко попрежнему старается: высматриваетъ, да разсматриваетъ, да вникаетъ, крѣпи смотритъ, въ забоѣ по цѣлымъ днямъ торчитъ. «Дай,—говоритъ однажды,—я какъ саночникъ поработаю». А саночника работа тяжелая: приходится выработку на себѣ выволакивать изъ забоя.

— Это что такое забой?—спросилъ я.

— Да вы вѣдь въ нашемъ дѣлѣ ничего не смыслите,—улыбнул-

Digitized by Google

ся Пинчукъ.—Забой, извольте видѣть, это то мѣсто, гдѣ выработка угля идетъ, а попросту сказать, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ мѣстахъ—щель въ горной породѣ—этакъ немного больше полъ-аршина въ вышину, потому что здѣсь толщина угля такова: его выламываютъ, а щель остается, въ нее приходится вползать. Вотъ въ такой щели и лежатъ забойщики, кто на спинѣ, кто на брюхѣ съ кольями въ рукахъ и бьютъ ими по породѣ: уголь выламывается, породу подпираютъ полѣньями. Между ними и приходится ползти саночнику къ забойщику. Къ поясу у саночника придѣлана этакъ цѣпь и продѣта между ногъ, къ цѣпи придѣланы санки, попросту говоря, ящикъ. Забойщикъ сыплетъ въ него уголь, а саночникъ ползкомъ на себѣ сани волочетъ. Ноша тяжелая. Работа опасная. А Александренко какъ бы дурачится: тоже вырядился саночникомъ, дѣйствуетъ; мое, говоритъ, дѣло требуетъ, чтобы и я въ забоѣ поучился работать. Мы его вышучиваемъ. «Ваше благородіе,—говоримъ,—вы въ углѣ ручки запачкаете, и вымыться здѣсь негдѣ». Онъ на насъ никакого вниманія. Прицѣпилъ салазки и дѣйствуетъ. Надрывается, видимъ, надрывается. А все-таки дѣйствуетъ. Поработалъ и день и два. Михеевъ смотритъ и безъ церемоніи говоритъ: «Господинъ-баринъ дурачится». А ему говорятъ: «Вотъ вы теперь вродѣ какъ саночникъ, а за эту работу жалованье вамъ идетъ инженерское». Александренко и на этомъ смолчалъ, только глазами вскинулъ. Черезъ недѣлю видимъ, лѣзетъ Александренко въ забой съ кайлой, извольте видѣть, по нашему примѣру. «Это вы что же,—говоритъ Михеевъ,—отъ забойщиковъ только заработокъ отнимаете, другимъ мѣста не даете, вѣдь забойщики сдѣльно работаютъ». Александренко ему въ отвѣтъ: «Простите, не догадался, я въ воскресенье займусь». И занялся, и что заработалъ, намъ отдалъ, ни слова не говоря. Михеевъ ему говоритъ: «Вы, ученые, ужъ лучше бы по своей части шли». «Я, Михеевъ,—отвѣчаетъ тотъ,—все долженъ узнать и на себѣ попробовать. Безъ этого никакъ невозможно». Михеевъ опять ни съ чѣмъ. А для насъ все не такъ: раньше было нехорошо, что тонконогій работать не можетъ и не умѣетъ и не работаетъ, а теперь вотъ стало не по насъ, что онъ работаетъ. Не хорошо все, что баринъ говоритъ, не хорошо, что онъ и молчитъ. Нашимъ, молъ, братомъ гнушается, потому, молъ, барская косточка, изъ ихней же господской породы. А за всѣмъ тѣмъ у директора чай распиваетъ. Съ инымъ рабочіе за панибрата, потому онъ вродѣ какъ свой человѣкъ. А отъ этого всѣ въ сторонѣ. Иные еще такъ говорятъ: «Это не спроста, что онъ все молчитъ. Ужъ помяните мое слово, этотъ тонконогій намъ себя покажетъ, такъ что отъ него еще взвоемъ». Вотъ нѣтъ и нѣтъ довѣрія къ человѣку, а за что? почему?

Digitized by Google

Этого и самъ никто не знаетъ. Надо полагать, главное дѣло, что это господинъ, а всѣ они на одинъ образецъ; это тогда всякій шахтеръ, всякій рабочій понималъ крѣпко-накрѣпко. Директоръ оретъ на Александренко: «Да вы, чортъ возьми, когда работать-то начнете. Смотрите, шахту запустите!» Хозяинъ обхаживаетъ: «Мой другъ, да мой другъ, мало немножко для меня проку отъ васъ». Александренко краснѣетъ, вродѣ какъ дѣвица, и глазами хлопаетъ. «Я,—говоритъ, стараюсь, я дѣлаю все, что могу». А Михеевъ послѣ того намъ говоритъ: «Вишь какъ тонконогій передъ хозяиномъ лебезитъ! Хвостикъ-то небось тоже господскій тоненькій и языкъ господскій! Ужъ этотъ, я говорю, за нашего брата не заступится. Да его въ конторѣ никто и слушать не станетъ. Совсѣмъ такому грошъ цѣна».

Прошло этакъ полгода. Тутъ началась эта самая угольная горячка. Уголь нашъ пошелъ вдругъ нарасхватъ. Туда спрашиваютъ, сюда спрашиваютъ, цѣны хорошія даютъ, тарифы на желѣзныхъ дорогахъ сочинили льготные, фабрики растутъ, заводы казна поддерживаетъ. Отъ заказчиковъ отбоя нѣтъ. Нашъ хозяинъ только руки потираетъ. Директоръ сіяетъ, даже бранится какъ будто меньше, рабочихъ собрали—страсть! Цѣлыми толпами изъ голодныхъ мѣстъ приперли. Новыя штольни, новыя шахты заложили, старыя углубили, новыя штреки прорыли. Даже намъ, рабочимъ, прибавка вышла, хоть грошовая, а все же прибавка, только бы скорѣй работали. Хозяинъ намъ: «Ужъ вы, мои друзья, постарайтесь. Ужъ я васъ не обижу! Мнѣ хорошо—и вамъ хорошо. Интересы, молъ, у насъ общіе». Мы и правду видѣли, что ему-то хорошо. Ну, думаемъ, можетъ быть, и намъ будетъ и правду лучше и мы чего-нибудь добьемся. Во-всякомъ случаѣ стараться надо». А тутъ въ одной новой шахтѣ открылся на большой глубинѣ слой угля аршина полтора толщиной. Такого на всѣхъ нашихъ рудникахъ нигдѣ не было. Такая добыча пошла, на диво. Но и ея нехватаетъ. Цѣлыми поѣздами, бывало, отъ насъ уголь волокутъ. Все, что было, продали и увезли. А заказы все прибываютъ. Ужъ хозяинъ отъ новыхъ покупателей отказываться сталъ, дай Богъ хоть со старыми-то справиться да контракты исполнить. А въ контрактахъ, какъ водится, неустойка здоровая показана на тотъ случай, коли уголь не будетъ поставленъ во-время. Неустойки десятитысячныя и къ тому же прямо надъ головой висятъ. А угля на складѣ ужъ совсѣмъ нѣтъ. Только на новую шахту и надежда. Тамъ такая работа пошла, только держись. И Михеевъ, и я, и Александренко всѣ въ этой шахтѣ. Я тогда ужъ десятникомъ былъ.

Вотъ, однажды, въ Вербное воскресеніе, когда работы не было, подходитъ къ Михееву Александренко и говоритъ: «У насъ, Михеевъ,

Digitized by Google

на шахтѣ-то не совсѣмъ ладно. Гремучій газъ появился. Булькаетъ. Пойдемте-ка вмѣстѣ посмотримъ». Михеевъ говоритъ: «Не можетъ этого быть». «Да ужъ сходимъ и посмотримъ. Пожалуйста, ужъ мнѣ не откажите». Пошли. И я съ ними. На всякій случай коптилки оставили, взяли лампы предохранительныя. Приходимъ въ одинъ забой, слушаемъ. И вправду булькаетъ. Едва-едва, а всетаки есть. «И то правда,—говоритъ Михеевъ.—Только на мой взглядъ это не страшно. Потому газу ужъ очень мало, авось, все обойдется». «А на мой взглядъ,—говоритъ Александренко,—этимъ шутить нельзя». «И почему бы онъ тутъ появился,—говоритъ Михеевъ,—у насъ этого газу никогда, почитай, не было». «А вотъ появился,—говоритъ Александренко,—значитъ, и надо принимать въ разсчетъ. Вѣдь эта штольня глубже всѣхъ, какія здѣсь были». Я посмотрѣлъ на Александренко и вижу, онъ сталъ словно совсѣмъ другой человѣкъ. Голосъ рѣшительный, межъ бровями двѣ такихъ складки, совсѣмъ не такой хлипкій и мягкій, какъ былъ. И робость, и застѣнчивость куда-то дѣвались. «Э, нашъ-то птенчикъ ужъ себя начальствомъ почувствовалъ», думаю. Вотъ всѣ они таковы: молчитъ, молчитъ, а тамъ и проявится и давай командовать. «Газу-то и вправду мало», говорю. «Вонъ ужъ его ничего не слышно». Александренко прислушался: «Да, теперь и я не слышу», говоритъ. «Значитъ, дѣло пустяшное,—говоритъ Михеевъ.—Эка бѣда, что немного побулькало. Отъ такихъ пустяковъ взрыва не будетъ». «Какъ не будетъ,—говоритъ Александренко.—Это дѣло не шуточное. Вѣдь отъ этого можетъ народъ пострадать. А кромѣ того и законъ есть. За несчастія вѣдь и мы отвѣчаемъ». «Пустяки!—говоритъ Михеевъ.—Вы только подумайте, что съ нашимъ хозяиномъ-то будетъ. Вѣдь мы его совсѣмъ разоримъ. Ему каждый часъ дорогъ, не только день. Человѣка пожалѣйте». «Я это все понимаю,—говоритъ Александренко,—а всетаки дѣло опасное, надо дѣйствовать по всѣмъ правиламъ». Поднялись мы изъ шахты, Александренко прямо къ директору съ докладомъ. Тотъ насупился и прямо въ шахту. Мы вмѣстѣ съ нимъ. Михеевъ мнѣ шепчетъ: «Чего тутъ мальчишку слушать! Онъ простонапросто свое усердіе показываетъ, передъ хозяиномъ выслуживается. Турнетъ его директоръ и погляди, какой шелковый сдѣлается. Ему только и нужно свое усердіе показать». Я и самъ такимъ же самымъ способомъ думалъ. Подходимъ къ забою: никакого газа не слышно. «Я вотъ про то и сказывалъ,—говоритъ Михеевъ,—что все пустяки. Разъ булькнуло, а больше и нѣтъ ничего. Въ здѣшнихъ мѣстахъ никогда никакого газа не бывало». Директоръ говоритъ Михееву: «Да здѣсь врядъ ли и можетъ быть такой газъ. Формація,

Digitized by Google

молъ, такая, гдѣ газы эти встрѣчаются чрезвычайно рѣдко». Да какъ заоретъ на Александренко: «Вы что тутъ все путаете? Если сами не знаете, такъ не суйтесь куда не слѣдуетъ». Александренко хотѣлъ что-то сказать, а директоръ и слушать не сталъ. Распорядился только, чтобы въ эту шахту было поставлено на завтра вдвое больше народу. Директоръ ушелъ, а тутъ какъ на зло снова булькнуло. «Слышите? — говоритъ Александренко». «Э, пустяки! — смѣется Михеевъ. — Директоръ за все отвѣчаетъ. Онъ знаетъ вѣдь больше нашего». «И я отвѣчаю за все, — говоритъ Александренко, — и какъ ужъ угодно, а работать въ шахтѣ не дамъ». «Шутки шутите, — говоримъ. — Да васъ самого же съ мѣста погонятъ». «Это ужъ не мое дѣло! А подвергать людей опасности всетаки не дамъ. И право на это мнѣ дано». Повернулся и пошелъ. А къ вечеру ужъ нужно было на работу встать. Михеевъ къ инженеру. Тотъ стоитъ попрежнему на своемъ: «Газа, молъ, здѣсь и быть не можетъ, порода не такова». А Александренко тоже уперся ни съ мѣста: «Работать нельзя», да и шабашъ. Призываетъ его директоръ: «Это вы что тутъ умничаете?» кричитъ. Александренко сквозь свои очки прямо ему въ глаза смотритъ и даже не моргнетъ: «Не могу, — говоритъ, — простите. Нельзя иначе. Законъ таковъ. И вы, и я отвѣчаемъ. Я не могу на себя отвѣтственности взять. Простите, никакъ невозможно иначе». Директоръ самъ знаетъ, что по закону инженеръ правъ. А останавливать работу — просто зарѣзъ: покупатели такъ и жарятъ со всѣхъ сторонъ телеграммами и все неустойками грозятъ. А Александренко уперся. Директоръ оретъ, ногами даже топаетъ, съ мѣста грозится согнать немедленно. А Александренко совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ. Говоритъ робкимъ, дрожащимъ голосомъ, вродѣ какъ дѣвчонка, а на своемъ стоитъ. Вечеръ уже близко, смѣнѣ пора на работу вставать. Директоръ такъ и этакъ, а Александренко даже и ему грозитъ: «Я дѣло подыму, потому что нельзя». Директоръ къ хозяину. Тотъ съ лица жиръ только утираетъ: «Мой другъ, мой другъ». Да вы поймите, все пустяки, въ вашихъ ученыхъ книжкахъ не такъ вѣдь написано, не совсѣмъ такъ... А кромѣ того, случай теперь особенный, дѣло спѣшное, — одинъ разокъ и не по правиламъ можно поступить, потому покупатели требуютъ, цѣна хорошая, а всѣ, молъ, люди, всѣ человѣки». А Александренко попрежнему на своемъ. Такъ съ вечера никого на работу и не пустили. Директоръ рветъ и мечетъ, хозяинъ тоже; телеграммы такъ и летятъ. Рабочіе тоже недовольны. Такой среди нихъ ропотъ противъ Александренка пошелъ, просто бѣда. «Это что же такое будетъ, — говорятъ. — Нашей работѣ мѣшаютъ, заработка хорошаго лишаютъ. Да чортъ бы этого тонконогаго по-

Digitized by Google

дралъ». На работу встали только двадцать человѣкъ, потому что на всемъ рудникѣ нашлось всего только двадцать предохранительныхъ лампочекъ. А тонконогій попрежнему на своемъ: «Надо, говоритъ, завтра же съ утра должныя мѣры принять, шахту отъ газа очистить и за предохранительными лампочками Деви послать». Чего ужъ тамъ за лампочками! Ихъ приходится добывать изъ Харькова, а скоро ли добудешь. Безъ малаго недѣля пройдетъ, а чего добраго ихъ тамъ на триста человѣкъ нѣтъ. Такъ и на этотъ разъ дѣло не выгорѣло. Александренко упирается попрежнему. А горячка на шахтѣ такая идетъ, какой никогда еще не бывало. Хозяинъ чуть не плачетъ, директоръ рветъ и мечетъ; даже старушка мать Александренка и та заливается слезами; шахтеры все пуще ропчутъ; телеграммы летятъ все чаще. Такая пошла кутерьма, только держись. Директоръ распорядился провѣтрить всю шахту и выжечь гремучій газъ. Въ тѣ времена это дѣло у насъ просто дѣлалось. Вентиляціи настоящей не было, а гремучій газъ выжигали такъ: закроютъ однѣ двери въ штольняхъ и штрекахъ, откроютъ другія, направятъ тягу къ какой-нибудь воздушной шахтѣ, а въ эту шахту и опустятъ жаровню съ горящими угольями: газъ взорветъ, галлереи отъ него и очистятся,—можно, значитъ, опять работать до поры до времени. Вотъ какъ было! Теперь такъ ужъ не дѣлаютъ, а тогда еще дѣлали. Въ страстной понедѣльникъ съ самаго разсвѣта началась бѣготня. Всѣ заметались, какъ угорѣлые, инженеры, штейгеры, десятники, одинъ распоряжается такъ, другой этакъ; одинъ говоритъ ту дверь надо открыть, а эту закрыть, а этотъ говоритъ,—не такъ надо сдѣлать, а наоборотъ совсѣмъ. Ужъ я и не знаю, какія двери были тогда открыты, а какія закрыты. Директоръ оретъ, хозяинъ тоже бранится трехъэтажными словами. Всѣ съ толку сбились и чего, чего ужъ тутъ не было. А къ этому еще на всемъ нашемъ рудникѣ жаровни нѣтъ! Пришлось посылать за нею къ сосѣдямъ. Привезли. Спустили жаровню и слушаемъ: никакого взрыва нѣтъ. Тихо. Директоръ къ Александренку съ кулаками: «Вонъ, молъ, такой-сякой! Изъ-за васъ почти сутки потеряли! Суетесь, дѣла не знаючи! Чортъ бы васъ тамъ подралъ». Александренко стоитъ передъ нимъ, то блѣднѣетъ, то краснѣетъ и попрежнему смотритъ прямо въ глаза, безъ всякаго смущенія. «Я,—говоритъ, самъ слышалъ бульканье,—мнѣ до другихъ дѣла нѣтъ. Гремучій газъ въ шахтѣ есть и работать на глубинѣ опасно». Александренко свое твердитъ, а всѣ въ это время надъ нимъ хохочутъ. «Экъ, въ школѣ кой-чему немножко поучился, и ужъ думаетъ, что все знаетъ». Хозяинъ Александренку говоритъ: «Мой другъ, мой другъ, дѣлать вамъ у меня нечего. Двѣ недѣльки поработайте по за-

Digitized by Google

кону, а тамъ и прощайте. Ищите себѣ мѣста въ другихъ краяхъ». Рабочіе ворчатъ: «по дѣломъ выгнали. Изъ-за него мы, шутка ли сказать, сколько потеряли!» Александренко, блѣдный, дрожащій, подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Я, Пинчукъ, право, не виноватъ. Объясните вашимъ товарищамъ. Вы сами знаете, что газъ есть, а сколько его, на глазъ вѣдь не узнаешь. Лучше ужъ быть осторожнѣе... потому, говоритъ, человѣческая жизнь... человѣкъ всетаки дороже всего. Дороже, дороже, говоритъ, всякихъ тамъ торговыхъ выгодъ и неустоекъ». Вижу—у Александренка слезы на глазахъ. А мнѣ его всетаки не очень-то жалко: «А вы,—говорю,—всетаки рабочихъ-то мало жалѣли. Надо бы въ ихъ положеніе войти. Народъ вѣдь бѣдный. Имъ каждый грошъ дорогъ, а изъ-за васъ они потеряли круглымъ счетомъ больше чѣмъ по рублю на человѣка. Денежки-то вѣдь у шахтера не легкія, не господскія, надо бы господамъ въ ихъ шкурѣ побывать». «Я,—говоритъ,—я... вѣдь этого не хотѣлъ. А жизнь человѣческая все же дороже, дороже этого рубля. Богъ съ нимъ. Я лучше, говоритъ, готовъ всѣ эти ихъ потери изъ своего жалованья отнять. Выплачу, право, выплачу,—мнѣ ничего. Только людей не могу губить». Да кто ужъ говоритъ объ этомъ, толкую я ему. «Какъ же,—кричитъ,—вѣдь газъ-то этотъ есть, дѣйствительно есть». Я махнулъ рукой и пошелъ дальше, съ этакимъ вѣдь не столкуешь. А Александренко вѣдь что сдѣлалъ: до утра въ шахту онъ всетаки на работу никого не пустилъ, что съ нимъ ни дѣлали, какъ на него ни кричали. Даже его старушка-мать плакала и упрашивала. И ни-ни—слушать не хотѣлъ. «Я еще на мѣстѣ,—говоритъ,—и потому за все отвѣчаю. Ночныя работы опаснѣе дневныхъ,—народъ сонный. Это извѣстно каждому инженеру. Если ужъ начинать, то днемъ. Александренко кликнулъ меня и вмѣстѣ со мной часовъ въ десять вечера спустился въ шахту, пошли еще разъ къ опасному мѣсту съ предохранительными лампочками. Стоимъ, слушаемъ. Булькаетъ, рѣдко, но булькаетъ. «Слышите»,—говоритъ.—«Слышу», да только мало попрежнему. Ужъ вы лучше не противьтесь, говорю, не то скандалъ будетъ. Шахтеры безъ вашего разрѣшенія пойдутъ». «Какъ!—воскликнулъ Александренко и сдѣлался бѣлый, какъ полотно. Я даже въ полутемнотѣ замѣтилъ при тускломъ свѣтѣ лампочки, какъ онъ поблѣднѣлъ. «Сказываютъ такъ,—говорю.—Тутъ съ Александренкомъ что-то такое сдѣлалось. Схватился онъ руками за голову, да какъ застонетъ: «что же мнѣ дѣлать? Что дѣлать?» Мнѣ даже стало его жалко. А съ другой стороны и досада беретъ, чего онъ такъ упирается? Вѣдь и вправду бывали случаи, что на другихъ рудникахъ и газъ есть, а несчастій никакихъ нѣтъ. Коли газу мало, такъ чего-жъ его и боять-

Digitized by Google

ся? Я говорю Александренку: слыхалъ я, какъ хозяинъ и директоръ межъ собой разговаривали. Рѣшили всенепремѣнно завтра работу начать. «Если,—говорятъ,—наши шахтеры не выйдутъ, такъ надо другихъ нанять». «Гдѣ же ихъ возьмутъ-то?—спрашиваетъ Александренко.—«Вчера, говорю, новая партія ихъ привалила. Народу только отбавляй». «Безъ меня на работу никого и никто не смѣетъ поставить», говоритъ Александренко. «Да ужъ партію-то наняли,—говорю я.—Да и изъ нашихъ многіе, кромѣ того, на работу выйдутъ. Всякому хочется потерянное время наверстать. А впрочемъ,—говорю,—иные шахтеры ужъ рукой махнули на работу. Рады случаю полодырничать. И лодырей-то у насъ сколько угодно». «Да выйдутъ ли? — спрашиваетъ Александренко. — Развѣ много такихъ, кто жизнью не дорожитъ?» На это я говорю: «Шахтеру жизнь—копейка. Если бы шахтеръ жизнью дорожилъ, такъ онъ бы никогда и подъ землю не полѣзъ. Сами господа хозяева стараются,—пріучаютъ нашего брата смерти не бояться. Какой же прокъ хозяину отъ того шахтера, которому собственная жизнь дороже, чѣмъ хозяйскій доходъ?» «Этого быть не можетъ», говоритъ Александренко, и его голосъ этакъ дрожитъ, дрожитъ. «Шахтеры,—говорю,—народъ отчаянный. Вотъ увидите, выйдутъ». «Не можетъ этого быть», говоритъ Александренко.—А я про себя думаю: «Что? Испугался? Жизни-то своей, небось, жалко? Не хочется, небось, умирать подъ землей? Вѣдь коли шахтеры пойдутъ, значитъ и инженеру идти надо. Можетъ быть,—думаю я,—Александренко всю кашу заварилъ изъ-за того, чтобы свою жизнь поберечь. Вѣдь коли шахтеры выйдутъ, значитъ и ему надо выходить. Тонконогій и есть тонконогій, господинъ и есть господинъ. Только и всего». Поднялись мы изъ шахты наверхъ. Шлепаемъ по грязи къ своимъ домикамъ. Передъ тѣмъ, какъ распрощаться, Александренко остановилъ меня, да и говоритъ какимъ-то страннымъ голосомъ: «Пинчукъ,—говоритъ,—вы человѣкъ грамотный. У меня есть книги, хорошія книги. Главное—справедливыя, честныя. Такъ я вамъ ихъ на память подарю... На тотъ случай, коли со мной что случится... Вамъ и вашимъ товарищамъ... Возьмите ихъ и читайте побольше,—пригодятся. Пусть ходятъ побольше по рукамъ. На то книги и пишутся, чтобы изъ рукъ въ руки ходить». «Это вы съ чего же такъ?—спрашиваю я Александренко.—А самъ про себя думаю: «вотъ робкая душа! Еще загодя къ смерти готовится. Если бы всѣ шахтеры были такіе же, такъ изъ-подъ земли ни одного кусочка угля нельзя было бы достать». Признаюсь, отчиталъ я таки Александренко въ это время въ своей душѣ. И слова подходящія нашлись... сколько угодно! А Александренко мнѣ говоритъ: «Вѣдь меня съ мѣ-

Digitized by Google

ста прогнали, а перевозить книги дорого стоитъ. Будутъ деньги,—новыхъ куплю. Я вѣдь ихъ очень люблю. Изъ-за нихъ, говоритъ, вмѣсто пяти лѣтъ я въ институтѣ проучился цѣлыхъ семь... да еще перерывъ былъ, —три года странствовать пришлось... не по своей волѣ. Да я,—говоритъ,—объ этомъ не жалѣю. Страдать,—говоритъ, ничего, лишь бы было за что страдать». «Это за книжки-то страдать?» спрашиваю я. «Не за книжки, а за то, что въ книжкахъ. Есть такія книги, гдѣ вся настоящая правда разсказана. За нее и пострадать ничего». «Зачѣмъ же вы намъ будете отдавать свое добро?—спросилъ я.—«Я уже взялъ отъ этихъ книгъ, что полагается взять,—говоритъ Александренко.—Всѣ онѣ мною давно перечитаны, а теперь читайте ихъ вы,—вамъ онѣ пригодятся еще больше моего». «Спасибо,—говорю,—отъ книжекъ я не отказываюсь». А про себя думаю: «мы что-нибудь хоть за нихъ выручимъ,—наши убытки отъ пріостановки работъ немножко покроемъ». Александренко мнѣ говоритъ: «возьмите-ка мои книжки лучше ужъ сегодня». «Хорошо,—говорю, а самъ думаю:—лучше и вправду сегодня взять,—чего добраго завтра-то онъ ихъ и отдать ужъ не захочетъ. По всему видно, что душа у него робкая». Повернули мы прямо къ квартирѣ Александренка. Было уже совсѣмъ поздно. Даже огней нигдѣ не было. Подошли къ тому домику, гдѣ Александренко жилъ. Вошли въ квартиру. Квартира настоящая инженерская: цвѣты да картины, да посуда серебряная. Смотрю и думаю. «Инженеръ и есть инженеръ». А книгъ у него цѣлый шкафъ: и большія есть, толстыя, и малыя, и всякія. И съ картинками есть. И въ хорошихъ переплетахъ нѣкоторыя. Но больше всего маленькихъ и очень мелкой печати. У меня даже глаза разгорѣлись. «Э, да вѣдь это цѣлый капиталъ!» Александренко притащилъ двѣ корзины, сталъ отбирать книги и въ эти самыя корзины укладывать. Такъ и кладетъ, такъ и кладетъ. «Да развѣ все это намъ?» спрашиваю я его. «Берите, берите, все лучшее должно вамъ идти... Вамъ и вашимъ товарищамъ». Мать Александренка, старушка, въ слезы: «Что это ты выдумалъ? Книги вѣдь имущество,—ихъ продать можно! Деньги и намъ нужны!» А Александренко ей: «Мама, голубушка, подожди,—я знаю, что дѣлаю». И вижу я,—онъ все еще словно какъ самъ не свой. Подошелъ къ старухѣ, обнялъ ее нѣжно за шею и цѣлуетъ, цѣлуетъ... Мать немножко всплакнула и говоритъ Александренку: «Ну, Господь съ тобой,—дѣлай, какъ знаешь!» А я думаю: «И чего это онъ раньше времени зря бѣдную старушку тревожитъ? Коли самъ боится,—такъ хоть бы другихъ-то не пугалъ! «Поблагодарилъ я за книги, увязалъ корзины и поволокъ къ себѣ домой на санкахъ. Я тогда недалеко отъ Александренка жилъ.

Digitized by Google

Дѣло было это часовъ въ десять вечера. Въ шахтѣ нашей тогда только двадцать человѣкъ работало,—для кого предохранительныя лампочки нашлись, да и тѣ шахтеры утромъ всѣ должны были изъ шахты подняться. На прощанье я спрашиваю Александренка:

— Такъ какъ же быть-то, коли народъ завтра выйдетъ на работу къ шести часамъ?

Смѣна у насъ бываетъ въ это самое время.

Александренко снова какъ схватится за голову, да какъ застонетъ. «Ахъ, чортъ возьми, думаю, да что же это такое съ нимъ?» Впрочемъ, малый опомнился и спрашиваетъ: «Такъ это правда, что шахтеры безъ моего разрѣшенія вставать въ нашей шахтѣ думаютъ на работу?» Уставился на меня черезъ очки и смотритъ прямо въ глаза и ждетъ отвѣта и словно не дышитъ. «Слышалъ, что такъ», говорю. А объ этомъ, по правдѣ сказать, только Ѳедоръ Гробовъ, нашъ самый первый буянъ, сбрехнулъ, да и то съ пьяныхъ глазъ. «Поговариваютъ», говорю. Александренко помолчалъ-помолчалъ и говоритъ тихимъ голосомъ: «Ну, ладно, выходите на работу, пусть будетъ, что будетъ. И Михееву скажите». Такъ мы и распрощались.

А въ пять часовъ утра всѣ наши были уже на ногахъ, а съ ними и новая партія шахтеровъ, только что нанятая. Дѣло было вонъ около тѣхъ домишекъ, которые тамъ, за больницей, на холмѣ. А въ шахту идти—вонъ куда. Версты двѣ не меньше. А Александренко вотъ въ томъ домикѣ жилъ. Значитъ, изъ нашихъ казармъ какъ разъ мимо него приходилось идти. А погода въ тотъ день вышла ужасная. Холодно, сыро, темно. Какъ сейчасъ помню: сѣрыя облака нависли низко, мелкій дождикъ такъ и моросилъ. Вмѣстѣ съ дождикомъ сыплетъ и снѣгъ. Вѣтеръ пронзительный. Грязь непролазная. Собрались шахтеры толпой, кто во что закутался, грязь да рвань—ужасъ. Вѣдь когда кто на работу идетъ, тотъ особую одежду надѣваетъ. Съ собой обѣды несутъ. У кого коптилка*) въ рукахъ, у кого кайло. Идетъ такъ цѣлая толпа человѣкъ въ триста. И бабы тутъ же идутъ,—значитъ, въ потребительную лавочку за провизіей. И дѣти съ ними. Дошли до квартиры Александренка, и онъ тутъ къ намъ выскочилъ, на ходу пальтишко торопливо застегиваетъ и прямо ко мнѣ: «Пинчукъ, говоритъ, Пинчукъ, что же это такое будетъ? Какъ же это такъ они пошли?» Вижу, Александренко самъ не свой,—лицо блѣдное, голосъ дрожитъ. «Я же вамъ вчера говорилъ,—отвѣчаю я.—«Такъ ужъ директоръ и хозяинъ распорядились. Подите, толкуйте съ ними, коли хотите». Александренко только рукой махнулъ на

*) Обыкновенная лампочка безъ стекла и безъ предохранительной сѣтки.

Digitized by Google

эти слова, словно хотѣлъ сказать: «проку, молъ, отъ разговоровъ съ этими господами не будетъ». «Чего же вы удивляетесь?—спрашиваю я его.—Развѣ не ждали?»—«Все же не ждалъ,—отвѣчаетъ Александренко.—Вѣдь люди на смерть идутъ!... За копейку, за грошъ своей жизнью жертвуютъ... Надо ихъ остановить, остановить надо!»—«Да какъ же ихъ остановишь?—говорю.—Все равно не послушаютъ». А онъ на это: «Ну, пускай люди страдаютъ, умираютъ, собой жертвуютъ, было бы только за что!» Александренко забормоталъ еще какія-то слова, но, признаюсь, они мнѣ были не очень-то понятны. «Такъ что же намъ дѣлать? Что дѣлать?»,—спрашиваетъ онъ меня. «Ужъ того я не знаю», отвѣчаю ему. Я отошелъ въ сторону, къ нашимъ шахтерамъ, и вмѣстѣ съ ними поплелся по невылазной грязи. И Александренко съ нами пошелъ. Мы отъ него этакъ къ сторонкѣ,—«ты, молъ, иди-ка, лучше, самъ по себѣ, потому ты порода особая, не нашъ братъ». Онъ это сразу замѣтилъ и самъ немного впереди пошелъ. А толпа за нимъ. Ѳедоръ Гробовъ во все горло какъ рявкнетъ безъ церемоніи: «Пропалъ нашъ заработокъ за четыре смѣны!» Александренко, разумѣется, слышитъ. Идетъ онъ въ своей форменной фуражкѣ, пальтишко старое студенческое, воротникъ поставилъ стоймя, сапоги высокіе, руки въ карманы, голову опустилъ, съ виду такой грустный-грустный. А Ѳедоръ Гробовъ галдитъ: «А когда это и мы, братцы, будемъ жалованье-то помѣсячное получать, вродѣ какъ господа инженеры!» Отъ этихъ словъ и другихъ шахтеровъ проняло. Разумѣется, пошли безъ церемоніи. То тотъ, то другой старается, какъ бы только господина инженера задѣть съ какого-нибудь конца. «Пожалуйте, господинъ, хихикаютъ, вышучиваютъ, пальцами тычутъ,—просто до неприличія. Другіе ихъ останавливаютъ: «Да замолчите, черти! Чего травите?» Были, по правдѣ сказать, и такіе, которые даже заступились и понимали, что все же Александренко не худой человѣкъ, и шли молча. А Александренко идетъ впереди всѣхъ. Иные кричатъ: «тонконогій», «скубентъ», «ученое благородіе». А онъ идетъ, понуривши, и словно ничего не слышитъ и не замѣчаетъ. Директоръ вышелъ на свое крыльцо и Александренку, словно мальчишкѣ, пальцемъ погрозилъ, и ничего не сказалъ. Кто-то изъ нашихъ хихикнулъ. Тогда и мнѣ даже смѣшно стало. А Александренко еще больше съежился и въ свой воротникъ ушелъ. Идетъ, молчитъ. Онъ впереди толпы, а мы за нимъ. Иные такъ развернулись, что всѣ свои обиды на него прямо ему стали выкладывать самымъ ругательнымъ способомъ насчетъ того, сколько онъ намъ зла причинилъ изъ-за этого самаго газа. Дождикъ и снѣгъ сыплются, а наши попреки да укоры, да насмѣшки

Digitized by Google

тоже вродѣ какъ дождемъ. И было же тогда шествіе. Навстрѣчу намъ двадцать человѣкъ ночной смѣны изъ шахты. Остановились и смотрятъ, какъ на представленіе. Словно сейчасъ все это вижу. И этакъ вѣдь минутъ пятнадцать шли. «Впередъ, думаю, тебѣ наука. Нашего брата больше жалѣй въ другой разъ». И никакой особенной жалости у меня тогда къ Александренку не было. Теперь я самъ не понимаю даже, почему такъ. Гляжу на него и вижу: совсѣмъ чуждый и далекій человѣкъ идетъ, господинъ, баринъ, не свой. Считаю въ умѣ своемъ убытки, каждый грошъ высчитываю, на Александренко смотрю и думаю: «все изъ-за тебя, дьявола, недохватки». И другіе шахтеры то же самое, надо полагать, думали. Я это потомъ узналъ. Да, впрочемъ, что и говорить,—у всѣхъ у насъ при нашемъ собачьемъ житьѣ каждый грошъ поневолѣ былъ на счету. Расходовъ-то вѣдь всегда много, да мука не дешева, да долги, да штрафы, а тамъ еще всякому надо въ деревню что-нибудь посылать. Какъ тутъ гроши не высчитывать. Первое дѣло въ нашей жизни—гроши, а потомъ ужъ все прочее. На томъ и стоимъ. И это не отъ жестокости нашей и не отъ одной темноты и непониманія, а отъ утѣсненія нашей жизни. Передохнуть никому некогда. О другомъ думать некогда, все прочее вотъ и кажется пустяками, потому первое дѣло—хлѣбъ. А за всѣмъ тѣмъ вѣдь шахтеры народъ темный. Въ тѣ времена былъ еще темнѣй. И грамотныхъ было меньше, и забитости было больше, и думать о многомъ не думали, и до многаго не додумались, до чего теперь ужъ кое-какъ иные достигли. И вправду, шахтеры вѣдь не то, что заводскіе. Тѣ куда расторопнѣе, всетаки на землѣ и на свѣтѣ живутъ, кое-что видятъ и слышатъ. А мы, что кроты. До нашего-то брата, шахтера, свѣту труднѣе дойти, потому что надо ему въ подземную тьму спускаться. И велико наше счастье, что теперь его стало ужъ такъ много, что онъ даже и до насъ въ подземелье доходитъ. Настало, значитъ, такое время, что отъ него и толща земляная, и каторжный трудъ не закрываютъ. А тогда этого ничего почти не было. Бывало живешь себѣ изо дня въ день, изъ года въ годъ, отъ смѣны до смѣны и чувствуешь, что ты вродѣ какъ ломовая лошадь, рабочій скотъ, особая двуногая машина при шахтѣ. При, молъ, потому твоя сила нужна, а болѣе дешевой машины на твое мѣсто еще не придумано. Ихъ придумаютъ, и тебя упразднятъ, на задворки вышвырнутъ. А пока что—жди. Тутъ вѣдь отъ этакой жизни да такого ожиданія вѣдь кто угодно озвѣрѣетъ. Человѣческая-то жизнь въ господинѣ только издалека видна,—сквозь инженерскія да хозяйскія окошки, да и то съ занавѣсками, вродѣ какъ кисейными облаками. Да, такъ я вотъ и говорю. Мы всѣ смотрѣли тогда на Александрен-

Digitized by Google

ко, можно сказать, безъ всякой жалости. Чего было жалѣть? Всѣ на него смотрѣли, что онъ такой же, какъ всѣ, изъ той же породы, а другихъ породъ мы тогда еще не видывали и о нихъ даже не слыхивали. Однимъ словомъ, инженеръ, баринъ,—только и всего. Вѣдь онъ хуже и меньше нашего работаетъ, а жалованье больше нашего получаетъ. Деньги-то, молъ, ему дешево даются, не такъ, какъ намъ. Жизни-то нашей онъ не чувствуетъ, да и не можетъ ее чувствовать,—косточки-то да мясо у него барскія. А за всѣмъ тѣмъ жалованье-то ему вродѣ какъ изъ нашего же кармана идетъ: что ему хозяинъ уплатитъ, того намъ не достанется, своего дохода небось не уменьшитъ. Дѣло ясное. Мало ли что,—и инженеръ наемникъ. Вотъ директоръ тоже наемникъ, а для насъ онъ тотъ же хозяинъ, и добрѣетъ, небось, тоже за нашъ счетъ. И ничего противъ этого не подѣлаешь, и къ нимъ же придешь да поклонишься, будь тѣ хоть воры да разбойники и жулики изъ жуликовъ, а ты будь хоть самый честный и чистый человѣкъ. И кипѣло у насъ тогда на душѣ много такого, что и сказать не могу. А Александренко идетъ себѣ съежившись, по грязи шлепъ да шлепъ высокими сапогами. Такъ мы и дошли до шахты. А тамъ ужъ котлы разведены, паровикъ готовъ, машинисты за ручку держатся, ночная смѣна ужъ ушла, сейчасъ можно машину пустить и людей внизъ спускать. Александренко первый подъ крышу вошелъ. Наша толпа за нимъ. Все зданіе народомъ полнымъ полно. Электричества тогда еще не было у насъ заведено. Горѣли только керосиновые фонари. Темнота около машины кромѣшная. Красноватые огни фонарей едва свѣтятъ. Съ крыши капаетъ. Люди, что черти, темные, рваные; только бѣлками глазъ ворочаютъ. Иные крестятся: «Слава Тебѣ Господи, сейчасъ, молъ, снова заработокъ пойдетъ». Съ холода да съ дождя каждый старается поскорѣе подъ крышу войти. А Александренко стоитъ у самой рѣшетки, подъ фонаремъ, блѣднѣетъ, краснѣетъ, въ цвѣтѣ лица мѣняется и молчитъ, за рѣшетку въ клѣть никого не пускаетъ. Машинистъ кричитъ: «Спускать, что ли?» Тутъ Александренко какъ вздрогнетъ. Опомнился. Да какъ закричитъ громкимъ, совсѣмъ не своимъ голосомъ: «Эй, машинистъ, выпускай пары изъ котла». Мы стоимъ, глаза вытаращили: «что, молъ, такое случилось», думаемъ. Александренко опять кричитъ: «Выпускай, тебѣ говорятъ, паръ изъ котла!» Машинистъ было туда-сюда. Александренко какъ подскочитъ къ крану, всунулъ въ него первую попавшуюся кайлу, да какъ двинетъ. Паръ—щ-щ-щ-щ, такъ и зашипѣлъ. Мы стояли, какъ ошарашенные. Безъ пара вѣдь клѣти въ шахту не спустишь. А Александренко подбѣжалъ опять къ клѣти, снялъ шапку, да къ намъ: «Братцы! говоритъ, братцы!

Digitized by Google

Вы вѣдь, говоритъ, мнѣ дѣйствительно братцы, братья. Вотъ вы меня браните, ругаете, попрекаете... А я все это, говоритъ, изъ-за чего и ради чего терпѣлъ? Потому терпѣлъ, что душа моя за васъ всѣхъ болитъ. Васъ жалко, ваше тяжелое житье видѣть тяжело. Какъ же вы еще хотите, чтобы и жизни вашей не пожалѣть? Да что ужъ говорить—жалость! Кромѣ нея вѣдь есть и справедливость! А вы терпите и страдаете вовсе безъ всякой справедливости. Гдѣ она для васъ, эта справедливость? Правда настоящая гдѣ? Вамъ ихъ не видно и не слышно... А вѣдь жизнь для человѣка первое дѣло. А какова наша жизнь? А что она такое?» Да какъ пошелъ говорить, да какъ пошелъ, да всю нашу жизнь какъ сталъ по косточкамъ разбирать, да какъ мы работаемъ, да отчего мало зарабатываемъ, хотя много нарабатываемъ, и куда все прочее идетъ, да почему идетъ, и кому отъ нашей великой тяжелой работы тепло, а кому холодно, и какая такая механика придумана кѣмъ слѣдуетъ, чтобы нашъ трудовой народъ на самомъ низу, на самомъ днѣ держать, такъ чтобы онъ ничего не зналъ, да ничего не понималъ, а только бы работалъ да работалъ, думая, по своей великой бѣдности, темнотѣ и униженію, только объ одномъ да объ одномъ,—какъ бы съ голоду не подохнуть, да что, молъ, этого ничего на самомъ-то дѣлѣ и быть не должно, потому, молъ, всѣ люди—люди, всѣ устроены одинаково и всѣ родятся на свѣтъ однимъ и тѣмъ же способомъ... Да какъ пошелъ, да какъ пошелъ. Мы тогда и рты разинули. Слушаемъ и своимъ ушамъ не вѣримъ, словно это не «баринъ» говоритъ, а кто-нибудь изъ насъ, или изъ нашихъ, словно мы это сами все говоримъ, а не господскія рѣчи слушаемъ. Все правильно, все какъ слѣдуетъ, все въ самую точку. А Александренко такъ и разбираетъ, такъ и вникаетъ во все. И все глубже да глубже захватываетъ. Всѣмъ намъ жутко и всѣмъ хорошо, такъ эти наши собственныя мысли намъ этакъ вдругъ уясняются! Ни одного слова не пропускаемъ мимо ушей. Всѣ застыли, всѣ замерли. Даже не кашляютъ, удерживаются. А слова-то эти такъ и жгутъ, такъ и жгутъ; чувствуемъ мы, льются они изъ хорошей и горячей, справедливой, правильной, человѣческой души... И все въ нихъ ясно, все правильно, лучше никто ихъ не скажетъ. И каждому изъ насъ кажется, что и «я, молъ, до сего времени это самое думалъ, да только выразить не умѣлъ по своей темнотѣ и тупости». И такъ мы эту темноту свою тогда почувствовали,—и сказать не могу. Старый Титъ, забойщикъ, въ слезы. Я тоже не могъ удержаться отъ слезъ. А Александренко все говоритъ, да говоритъ и все глубже забираетъ, словно новыя шахты прокладываетъ, словно кайлой по нашимъ головамъ да по сердцамъ стучитъ. А какъ онъ

Digitized by Google

сказалъ, что собачьей жизни долженъ же и конецъ придти, такъ и многіе расплакались. Мы-то до этого времени думали, что и конца ей никогда не будетъ, потому, молъ, свѣтъ Божій такъ устроенъ, а тутъ намъ начистоту о концѣ говоритъ и выходы разные показываетъ и объясняетъ, что къ этимъ-то самымъ выходамъ люди и идутъ, да вѣдь какіе еще люди, такіе самые, какъ мы, бѣдные, темные, придавленные жизненной тяготой... И все это говорится намъ просто, открыто, правильно. Тутъ ужъ никто не помнилъ, что передъ нами этотъ самый тонконогій баринъ стоитъ. Какой это баринъ,—это другъ, это братъ, это отецъ родной!... Отецъ лучшему не научитъ, чтобы общей бѣдѣ помочь и правильную дорогу показать. И такъ намъ свѣтло и тепло стало, какъ никогда еще не было до того... Словно совсѣмъ другая жизнь раскрылась. То да не то... Вотъ что значитъ человѣку выходъ на свѣтъ показать! Покажи ему его только,—только покажи! Пусть человѣкъ только узнаетъ, что *есть* этотъ самый выходъ, что онъ *есть!* Ужъ одно это свое дѣло сдѣлаетъ, потому отъ одного этого человѣкъ оживетъ, силы къ душѣ прильютъ, руки подымутся, душа на новый ладъ заговоритъ... Мы ужъ о тонконогомъ-то и забыли. Мы только его рѣчи ловили. Онъ для насъ сталъ настоящимъ своимъ, роднымъ. А онъ передъ нами стоитъ безъ шапки, въ своемъ студенческомъ пиджачкѣ, глаза горятъ, щеки пылаютъ; видно, что самъ себя человѣкъ тоже забылъ. Опомнился, наконецъ, и воскликнулъ: «Вы меня, братцы, помните! Все помните, что я вамъ сказалъ! Отъ другихъ-то, быть можетъ, все это еще не скоро услышите. Другіе-то, можетъ быть, свою душу и не станутъ передъ вами выкладывать. А можетъ быть и другихъ-то вы примите, какъ меня, вродѣ какъ на рогатину, и противъ нихъ ощетинитесь. То, что я говорю, вы, братцы, хорошенько помните. А къ вамъ, говоритъ, въ концѣ-концовъ и кто-нибудь другой придетъ. Слышите, придетъ, навѣрно придетъ... Помните это мое слово и поймите, и рѣшите сами, своей головой, чужихъ наущеній да наускиваній не слушая, кто вамъ свой, кто не свой!» Сказалъ онъ эти слова, подошелъ къ люку, который на лѣстницу велъ *), схватилъ коптилку, прицѣпилъ ее на палецъ, какъ водится, и давай спускаться по мокрой лѣстницѣ прямо въ шахту. Мы стоимъ, а Александренко и слѣдъ простылъ: онъ ужъ исчезъ въ шахтѣ. Я наклонился надъ люкомъ и смотрю внизъ. Вижу, въ черной тьмѣ едва-едва мелькаетъ вдали красненькій огонекъ. Ниже да ниже, появится и пропадетъ,

*) Рядомъ съ подъемною машиной устраиваются въ шахтахъ лѣстницы, на тотъ случай, чтобы шахтеры могли подняться по нимъ, если почему-либо машина испортится.

Digitized by Google

разъ и разъ, и совсѣмъ пропалъ. Я смотрю и молчу. И всѣ молчатъ. И всѣ словно замерли, всѣ еще въ оцѣпенѣніи. Стоятъ, молчатъ и чего-то дожидаются. А я, грѣшный человѣкъ, въ это самое время и подумалъ какъ разъ: «Хорошо сказалъ, бестія, все правильно. Пріятныя правильныя рѣчи пріятно и слушать. А всетаки слова и есть слова. Сказать-то слово легко, а вотъ трудно только закрѣпить его по-настоящему, чтобы въ немъ сомнѣнія не было. Стою я этакъ и думаю, и самъ чего-то жду. И всѣ ждутъ, и всѣ стоятъ, словно такъ и быть должно. И сами не знаютъ, чего дожидаются. Ужъ и не знаю, сколько времени такъ прошло, и вдругъ внизу что-то такое какъ стукнетъ, да загрохочетъ этакъ глухо-глухо. Да еще, да еще разъ. Михеевъ первый опомнился. «Что-то случилось, кричитъ, братцы! Что-то случилось на днѣ шахты! Никакъ газъ взорвало!... Разводи снова пары! Спускай машину!» Побѣжали къ директору, къ хозяину. Директоръ летитъ самъ не свой, ругается во всѣ тяжкія, слюной прыщетъ. Хозяинъ на рысакахъ прикатилъ. Директоръ, Михеевъ, да я, да еще двое—въ клѣть, чтобы спускаться. Помню, зажигаю я предохранительную лампочку, а руки такъ и ходятъ ходуномъ... И весь дрожу и внутри дрожитъ. Зубъ на зубъ не попадаетъ... А въ головѣ что—водоворотъ сущій! Когда клѣть стала спускаться, мнѣ сдѣлалось страшно. Никогда этого не было. Мы опускаемся внизъ, а мнѣ кажется, что я лечу наверхъ. Такъ всегда кажется, когда опускаешься въ темнотѣ, и мы къ этому привычны. А въ этотъ день, какъ сейчасъ помню, я совсѣмъ голову потерялъ. Стою въ клѣти и чувствую,—она меня не туда тянетъ. Совсѣмъ забылъ, куда надобно. Чувствую,—подымаюсь я все выше и выше, и вотъ совсѣмъ высоко поднялся, на такую высоту, на какой-никогда еще не былъ... И съ этой высоты мнѣ все видно. И кажется мнѣ,—съ этой высоты смотрю я куда-то внизъ и вижу все до ясности, что у насъ во всей округѣ творится, и что такое она собой представляетъ, и мы, шахтеры, что такое, и хозяинъ что, и наше житье-бытье что, и его что, и Александренко что, и его слова, и дѣла что. Все ясно съ высоты. И, можно сказать, темнота своя ясна, непониманіе, нечувствительность, обманныя мнѣнія. Словомъ, все и все. Когда клѣть остановилась, опомнился, и стало еще страшнѣй. Вокругъ тьма кромѣшная. Штольня зіяетъ, на голову каплетъ, подъ ногами грязь, вѣтеръ пронизываетъ (въ шахтѣ всегда сквозитъ). Мы шагаемъ по штреку... Идемъ тихо, осторожно, направляемъ лампочки впередъ. Шаговъ сто прошли и видимъ—лежитъ... Онъ самый... Головой внизъ, лицомъ къ землѣ, руки раскинуты, ноги скрючены, поломаны, на головѣ

Digitized by Google

кровь, на лицѣ кровь, бревна крѣпи тоже въ крови, и порода около нихъ тоже.

Пинчукъ замолкъ и провелъ рукой по лбу. Голосъ его дрожалъ. Онъ, какъ будто, выговаривалъ съ трудомъ каждое слово. Его душили и жгли эти воспоминанія. Онъ, казалось, не могъ продолжать свой разсказъ. Прошла минута, другая молчанія.

— А дальше что?—спросилъ я.—Онъ умеръ? Да?

— Тутъ же на мѣстѣ... Стукнуло головой о бревно—и конецъ! И не стало души... развѣялась, улетѣла...

И снова Пинчукъ замолкъ и смахнулъ слезу. По моему лицу тоже текли слезы.

— А дальше что, спрашиваете?—заговорилъ Пинчукъ снова черезъ минуту.—Дальше кутерьма началась. Перенесли мы, какъ водится, тѣло въ мертвецкую при больницѣ, а оттуда сюда, на кладбище... Дали знать кому слѣдуетъ. Понаѣхало разное воронье, кому полагается слетаться на каждый случай такой. Начались осмотры, слѣдствія, протоколы. Со всякихъ сторонъ дѣло обслѣдовали. Даже мать Александренка разспрашивали, въ добромъ ли здоровьѣ сынокъ ея былъ и въ твердой ли памяти и здравомъ умѣ... Все оказалось въ исправности. И это записали въ протоколъ, а потомъ тотчасъ же стали насъ, рабочихъ, насчетъ Александренкиныхъ рѣчей разспрашивать. Что, молъ, онъ вамъ говорилъ? А мы ни гугу! Молчи, ребята, слова передъ смертью сказанныя,—слова святыя! Даромъ они не говорятся. Въ нихъ вся душа... Это мы всѣ сразу поняли и почувствовали. Этими словами Александренко съ нами не шутки шутилъ, а кто онъ такое есть въ дѣйствительности—показалъ. Насъ разспрашиваютъ, а мы въ одинъ голосъ: «Не помнимъ, потому, молъ, что были съ просонья, да и ничего особеннаго въ словахъ не было». А старушку-мать всетаки потревожили, да еще какъ,—часа въ два ночи. Все книгъ и бумагъ какихъ-то добивались. А книги-то ужъ у меня въ каморкѣ были, и кромѣ меня объ этомъ никто не зналъ, а я молчалъ, потому вѣдь перетаскивалъ-то ихъ не на людяхъ, а при свѣтѣ звѣздъ. Онѣ и до сихъ поръ у меня... И дѣйствительно книги правильныя, настоящія, такихъ-то я еще никогда до тѣхъ поръ уже не видалъ. Особенно подѣйствовали на меня маленькія, легкой печати, гдѣ все говорится начистоту. Онѣ и другія, большія, изъ меня человѣка сдѣлали. А вѣдь всѣ эти книги, можетъ быть, если бы раньше и увидѣлъ, то и читать бы ихъ не сталъ. А теперь вѣдь онѣ самыя мнѣ и были, можно сказать, кровью да страданіями рекомендованы. Какъ же этакой-то рекомендаціи не вѣрить? Разумѣется, я сталъ ихъ вся-

Digitized by Google

чески цѣнить и беречь. Берегъ и молчалъ. И старушка-мать Александренка тоже обо всемъ смолчала. Только она, горемычная, потери-то единственнаго сынка не вынесла. Говорятъ, скоро умерла въ Таганрогѣ. Съ квартиры-то ее живо выпроводили, потому вѣдь и она—человѣкъ тоже опасный. И послѣ этого взяло насъ всѣхъ такое зло, такая злоба взяла,—истинно вамъ говорю, руки у всѣхъ чесались. Ѳедоръ Гробовъ, бывало, какъ напьется пьянъ, такъ и начинаетъ орать на всю степь: «Дьяволы, дьяволы! Совѣсти и стыда у васъ нѣтъ!» А дьяволы слушаютъ эти крики сквозь кисейныя занавѣски и отлично понимаютъ, о комъ рѣчь, только признаться-то имъ во всемъ совѣстно. Отъ Ѳедора Гробова и намъ всѣмъ доставалось: «Идолы, оретъ, тупоголовые, своего не признали! Охъ, темнота, охъ, безвыходная!» Ну, насчетъ выхода-то онъ тогда брехалъ. О выходѣ-то мы тогда всѣ догадались; хоть и не ясно, а все-таки это самое слово Александренка пуще всего въ насъ и засѣло. Его даже самые тупые восчувствовали. И скольких людей это самое слово отъ гибели спасло! И меня тоже... Я съ тѣхъ поръ другимъ человѣкомъ сталъ. Книжки Александренка всѣ перечиталъ... Иныя чуть не наизусть выучилъ. Все хотѣлось узнать, что такое и онъ читалъ, и что находилъ правильнымъ и онъ, и что надъ книжками передумывалъ и онъ. Вѣдь по этимъ-то книжкамъ душу Александренка я и узналъ... При жизни-то его не догадался вѣдь сдѣлать этого. И до сихъ поръ меня совѣсть мучаетъ, что мы тогда полгода съ нимъ рядомъ прожили, вмѣстѣ работали, а своего не признали. И все я поджидалъ другихъ такихъ же, и къ каждому новому человѣку присматривался, не онъ ли тотъ самый и есть, о которомъ Александренко передъ своею смертью говорилъ. На иныхъ, впрочемъ, нарѣзался и въ концѣ-концовъ сталъ осторожнѣе... А все же и дождался кое-кого... Во всякомъ случаѣ, что такое «свой» я вполнѣ восчуствовалъ, и отъ «не своего» отличить какъ-никакъ, а теперь ужъ умѣю... Да и не я одинъ...

Пинчукъ замолкъ и грустно уставился на могилку. Мертвая тишина стояла вокругъ, тишина надвигавшейся жаркой степной ночи. На небѣ уже загорались кое-гдѣ звѣзды. Небо становилось все прозрачнѣе, словно изъ безконечной, подзвѣздной высоты кто-то освѣщалъ искристымъ и нѣжнымъ свѣтомъ хрустальный небесный сводъ. Онъ дѣлался прозрачнѣе. Онъ самъ свѣтился тысячами звѣздъ. На западной сторонѣ небосвода еще горѣли, угасая, красно-зеленыя полосы вечерней зари, но степь больше и больше погружалась въ темноту. Черный желѣзный крестъ еще рѣзко выдѣлялся на красномъ небѣ, какъ грозный и мрачный символъ народ-

Digitized by Google

ныхъ страданій на кровавомъ фонѣ многовѣковой народной борьбы. Степной вѣтеръ навѣвалъ слабую прохладку. А мы стояли у могилки и не замѣчали надвигавшейся ночи. Попрежнему молчало и кладбище, молчали и могилки съ крестами, и безъ крестовъ, съ тычками и съ камешками, и лубочными картинками; молчала безбрежная, высохшая степь; молчали шахты въ отдаленіи; не слышно было свистковъ паровозовъ, не видно было шахтенныхъ огней, только свѣтились огоньки въ окнахъ больницы, да въ сосѣднихъ съ ней домахъ, гдѣ помѣщались служащіе. Все было тихо. Лишь изрѣдка крикъ какой-нибудь степной птицы нарушалъ тишину и быстро тонулъ въ ея необъятности. Время шло. А мы попрежнему стояли передъ могилкой и не сводили съ нея глазъ. И эта могилка съ желѣзнымъ крестомъ казалась мнѣ въ эту минуту и близкой, и дорогой, и родственной и братской, а прежде всего—*живой*. Она мнѣ что-то говорила, что-то разъясняла. Это ужъ не была для меня встрѣчная, случайная могилка, единая изъ милліоновъ другихъ... Такія могилки встрѣчаются, быть можетъ, всего одинъ разъ въ жизни и запоминаются навсегда, до самой смерти.

Пинчукъ первый нарушилъ молчаніе.

— Чего же это мы такъ стоимъ,—сказалъ онъ.—Вѣдь ночь-то ужъ близко. Въ нашихъ краяхъ смеркается быстро. Пойдемте отсюда. Ужъ пора.

Онъ вскинулъ лопатку на плечи и осторожно сталъ пробираться между могилами. Мы пробирались осторожно и тихо; мы старались прежде всего кого-то не оскорбить, не задѣть, не тронуть, чего-то не нарушить, кого-то не испугать. Тихо и осторожно мы добрались до воротъ кладбища.

— Ну, а теперь куда?—спросилъ Пинчукъ.

— Мнѣ все равно,—сказалъ я.—Я самъ не знаю, куда идти.

— Ко мнѣ пойдемте,—сказалъ Пинчукъ.—У меня ночуйте... Вѣдь я человѣкъ холостой... А гдѣ вы тутъ безъ меня ночлегъ сыщете? Теперь ужъ всѣ рабочіе спятъ.

И мы зашагали по высохшей степи при свѣтѣ далекихъ, серебряныхъ, мерцающихъ звѣздъ.

...И я опять въ вагонѣ... Гудятъ, громыхаютъ подо мною чугунныя колеса. Направо и налѣво разстилается горячая, выжженная степь. Темная ночь нависла надъ нею. Небо сіяетъ и искрится тысячами звѣздъ. Млечный путь серебристо-бѣлой полосой протянулся по небу. Освѣщенные бѣгущимъ свѣтомъ вагонныхъ оконъ мелькаютъ телеграфные столбы около самой дороги, а немного по-

Digitized by Google

дальше отъ нихъ уже стоитъ черная, непроглядная темнота... Я стою около окна, приложившись лбомъ къ его стеклу, и пристально вглядываюсь въ эту темному. Мнѣ хочется освѣжить пылающую голову, разсѣять густую тучу жгучихъ впечатлѣній двухъ только что минувшихъ дней. Я все еще вижу передъ собой рабочее кладбище съ его могилками, и штейгера Пинчука, и его уютную каморку, и его шесть полокъ съ книгами, подобранными опытной, умѣлой, знающей рукой, доброжелательной къ трудящемуся люду. Я смутно вспоминаю мои съ нимъ разговоры, начатые за самоваромъ, и споры до утренней зари. Какая это была чудная, задушевная, вдумчивая, если такъ можно выразиться, ночь! То была первая ночь, проведенная мною въ рабочей каморкѣ. То было начало моей дружбы съ рабочимъ народомъ, первый разговоръ съ рабочимъ человѣкомъ «начистоту» и «по душѣ». И многое мнѣ стало яснымъ въ эту чудную, безоблачную, безлунную степную ночь.

Гудѣли и громыхали колеса вагоновъ, унося меня въ суетливую южную даль, въ новыя мѣста, въ другіе промышленные районы. Темнѣе и темнѣе становилась ночь. Тьма все надвигалась, душила и давила, она бѣжала быстрѣе поѣзда, обхвативъ его со всѣхъ сторонъ. И вдругъ откуда-то изъ глубины, въ этой самой давящей темнотѣ, прямо передо мною, неизвѣстно—на небѣ или на землѣ, сверкнули два огромныхъ красныхъ, блестящихъ, неподвижныхъ глаза. Они сверкнули и уставились прямо на меня. Они засвѣтились и загорѣлись, то вспыхивая, то потухая. Они вновь смотрѣли на меня грозно и вопросительно. Я узналъ глаза сфинкса. Онъ, какъ и тогда, лежалъ на землѣ, какъ будто запустивъ въ сухую безжизненную степь длинныя, когтистыя лапы и какъ бы старался ими достать, добыть, выцарапать изъ глубины земли безчисленныя богатства, скрытыя въ ея нѣдрахъ. Молчаливый, неподвижный сфинксъ, какъ и тогда, словно ждалъ отъ меня какого-то отвѣта. И я смотрѣлъ на сфинкса и онъ на меня. Но эти громадные, неподвижные глаза на этотъ разъ меня уже не пугали. Правда, въ нихъ попрежнему горѣли таинственные, важные и жгучіе вопросы: вопросы обновленной жизни, вопросы новой вѣры, вопросы старой, многовѣковой борьбы. Попрежнему сфинксъ словно требовалъ ихъ рѣшенія,—неотложнаго, опредѣленнаго, безповоротнаго. А я смѣло и бодро смотрѣлъ въ эти блестящіе, огненные, красные глаза сфинкса и уже совсѣмъ не испытывалъ того *страха жизни*, той жизнерадостной тоски, которая такъ недавно еще мучила и угнетала мою душу. Я чувствовалъ, я сознавалъ, что мнѣ тосковать и бояться нечего...

Digitized by Google

И волны бодраго, жизнерадостнаго настроенія глубже и глубже охватывали мою душу. И мнѣ хотѣлось въ эту минуту задать вопросъ самому сфинксу, и отважно, и смѣло спросить о многомъ, хотя бы вотъ объ этихъ рабочихъ могилкахъ, разсѣянныхъ въ безбрежной, выжженной степи, превращенной силою человѣческаго труда и цѣною человѣческихъ страданій, цѣною многихъ милліоновъ жизней, въ царство капитала съ его промышленной жадностью и самодовлѣющимъ величіемъ. Мнѣ хотѣлось спросить этого сфинкса не о немъ самомъ, а о силѣ, свѣтлой, могучей силѣ, силѣ будущей, которою вѣетъ порой отъ этихъ самыхъ безвѣстныхъ и безыменныхъ рабочихъ могилъ.

Громыхали колеса подъ ногами, горѣли неподвижные глаза сфинкса, а я бодро смотрѣлъ прямо ему въ глаза.

Н. Рубакинъ.

Digitized by Google

СВОЕЙ ДОРОГОЙ.

(Очеркъ изъ жизни крестьянской молодежи.)

I.

Село не спало, несмотря на поздній часъ. Осенняя морозная ночь, переполненная луннымъ свѣтомъ, стономъ стонала. Брань, пѣсни, гармоника, трескъ колотушки, свистъ, лай собакъ, отчаянное бряцаніе колокольчиковъ, далекій гулъ колесъ, потрясающихъ мерзлую землю—все это не слилось въ общій гулъ, а какъ-то яростно столкнулось и безпорядочно, диссонансомъ кружилось въ прозрачномъ застывшемъ воздухѣ. Стояла свадебная пора, призывались новобранцы, запасные, и село гуляло. Оно предалось тому безшабашному разгулу, который ставитъ послѣдній грошъ ребромъ и дѣлаетъ море по колѣно.

Луна между тѣмъ все прибавляла свѣту. Она какъ будто старалась заглянуть во всѣ темные закоулки широко раскинувшагося села, откуда такъ бѣшено лился шумъ и гамъ, чтобъ убѣдиться: дѣйствительно ли ужъ людямъ такъ весело? Но напрасно: чѣмъ ярче заставляла она блестѣть крыши, сливая ихъ въ одну серебристую ленту, тѣмъ гуще собирался мракъ подъ ними. И красный отблескъ замерзшихъ окошекъ окрашивалъ мракъ этотъ кровью. Только высокая колокольня, казалось, знала многое. Она, какъ сказочный богатырь, гордо выдѣлялась изъ тонувшихъ въ тѣни ея приземистыхъ зданій и, играя позолотой креста, улыбалась безстрастной холодной улыбкой.

На церковной площади было тихо. Пять обширныхъ домовъ для причта, волостное правленіе, опрятная «монополька» ярко освѣщенными окнами показывали, что здѣсь тоже не спятъ. Въ концѣ площади маячилъ темный силуэтъ обширной школы.

Илья Ивановичъ Бунтовъ ощупью спустился съ высокаго крыльца волостного правленія и, пошатываясь, пьяной походкой пошелъ черезъ площадь. Онъ былъ пьянъ, поэтому мыслилъ вслухъ.

Digitized by Google

— Бунтовъ не дуракъ!—гудѣлъ по церковной площади трескучій басъ Ильи Ивановича.—Бунтовъ сила! Уважай Бунтова!—и корявые, еле сгибающіеся пальцы ударяли въ грудь.—Кто на сходѣ говоритъ толково? Бунтовъ! Кого боится земскій начальникъ? Бунтова! А что для Ильи Бунтова старшина? Что стражникъ?... Тьфу!... и больше ничего!... Плюнулъ, растеръ... и все!... Развѣ не случалось, что весь сходъ, какъ одинъ человѣкъ, стоялъ, на томъ, что скажетъ Илья? Не случа-лось! А-агга?... Начальству это не съ руки. Илью Бунтова не допускаютъ ни въ старшины, ни въ старосты!... не подходящъ-де Илья... Нѣ-тъ, братъ!... Бунтовъ не нуждается въ этомъ, потому у него достатки. Онъ нажилъ!... горбомъ... крестьянствомъ!... Бунтовъ на обухѣ молотитъ—зерна не обронитъ!... Послѣ покойника отца, что подѣлили они съ братомъ? Трынь-брынь! А нынче зайди къ Ильѣ Бунтову на дворъ... полонъ дворъ скотины, домъ полная чаша... и денежки... Есть что отказать тремъ сыновьямъ-молодцамъ, работничкамъ дорогимъ... Илья, братъ, и безъ бляхи въ почетѣ!... да!... Вотъ сейчасъ у писаря въ гостяхъ былъ. Угощали его всякими печеньями, допьяна напоили... А къ чему? Хочетъ, шельмецъ, прибавки просить!... да!...

Илья Ивановичъ поровнялся съ церковными воротами. Ба-а-амъ!—крикнулъ сверху колоколъ неожиданно.—Ба-а-амъ!—откликнулось откуда-то издали.

Илья Ивановичъ полѣзъ обѣими руками къ мерлушчатой крымской шапкѣ, съ трудомъ снялъ ее съ головы и истово, пьяными взмахами руки сталъ креститься. Онъ былъ религіозенъ и каждый праздникъ бывалъ въ церкви, но во всю свою жизнь ни разу не пытался сообразовать свою жизнь съ Христовымъ ученіемъ. Если же въ его дѣлахъ и было кое-что «божеское», то это выходило какъ-то само собой, какъ бы по требованію самой мужицкой природы. Илья Ивановичъ не любилъ духовенство за его матеріальные достатки, хотя самъ былъ мужикъ зажиточный; не любилъ онъ всю сельскую интеллигенцію, какъ онъ говаривалъ, «мірскихъ нахлѣбниковъ». Онъ былъ грамотенъ, но терпѣть не могъ учителя. Врача и фельдшера ругалъ «морилами» и «живорѣзами». Въ пьяномъ видѣ только Бунтовъ становился добрѣе къ «господамъ» и не мѣшалъ мірскимъ ассигновкамъ на ихъ нужды.

Обогнувъ церковную ограду, Илья Ивановичъ очутился около школы, и мысли его сейчасъ же приняли соотвѣтствующее направленіе.

— Эй, учитель! Милъ-человѣкъ! Ты нашъ хлѣбъ ѣшь... кормишься?... Ну, кормись... наживайся... соси...

Digitized by Google

И мужикъ, споткнувшись, растянулся передъ самымъ школьнымъ крыльцомъ. Шапка его далеко откатилась въ сторону.

Въ школѣ кончались вечернія занятія. Въ тѣни высокаго крыльца стояли люди и вполголоса разговаривали. Здѣсь сильно пахло махоркой, овчиной, потомъ.

Большая бревенчатая классная комната, слабо освѣщенная двумя загрязненными висячими лампами, была полна народомъ. Было шумно.

Учитель, Семенъ Петровичъ, молодой, плотно остриженный брюнетъ въ красной рубашкѣ, неуклюже сидѣлъ на столѣ, свѣсивъ ноги въ пространство. Онъ выдавалъ книги. Парни плотнымъ кольцомъ тѣснились около. Задніе черезъ головы товарищей тянули лица и руки. Подростки громоздились на партахъ, толкались, жаловались учителю. Нѣкоторые поодаль перелистывали книги, смотрѣли картинки. Двѣ женскихъ фигуры въ яркихъ платкахъ боязливо разсматривали громадное полотно географической карты. Въ самой серединѣ класса, касаясь головой лампы, стоялъ молодой мужикъ и сиповатымъ теноромъ читалъ газету, бойко, не останавливаясь на знакахъ. Онъ искажалъ почти каждое слово, перестанавливая по-своему ударенія, смаковалъ мало понятные обороты рѣчи и оттѣнялъ съ особымъ пристрастіемъ иностранныя слова. У него выходило: «Портъ Артурскіе герои, наконецъ, не выдержали натиска стойкаго врага»... Тѣмъ не менѣе толпа пожилыхъ мужиковъ, одѣтыхъ, потныхъ, съ жадностью слушала чтеца. Въ темномъ углу, у классной доски, безусый парень въ франтоватомъ городскомъ пиджакѣ и брюкахъ на выпускъ, чертилъ ноты новой городской пѣсни. Онъ вполголоса разучивалъ ее съ другими окружавшими его парнями:

«Вышли мы всѣ изъ наро-о-да»,—тянули они въ унисонъ.

Въ открытую дверь учительской квартиры слышался звонъ чайной посуды и горячій споръ молодыхъ, задорныхъ голосовъ.

Семенъ Петровичъ кончилъ выдавать книги. Онъ тяжело, неуклюже всталъ на длинныя ноги, отчего его сутулая фигура еще больше сгорбилась, тяжело ударилъ книгой по столу и, когда всѣ затихли, сталъ говорить. Сдѣлалось тихо. Подъ низко нависшимъ потолкомъ классной комнаты носились только звуки молодого голоса учителя, да изрѣдка нарушалъ вниманіе неосторожный кашель или скрипъ расклеившейся парты. Хорошо ли говорилъ Семенъ Петровичъ, или то, что онъ сообщалъ, было ново, неслыханно для мужиковъ, его слушали жадно. А онъ, этотъ неуклюжій молодой человѣкъ, съ большой головой, торчащими ушами, торопился, захлебывался. Онъ хотѣлъ влить въ сердца парней весь свой юношескій жаръ и пылъ. Все, что годами долгихъ страданій накапливалось на душѣ русскаго много-

Digitized by Google

страдальнаго интеллигента, лилось въ бурной, жадно-торопливой рѣчи учителя. По угламъ робко ползали тѣни, онѣ дрожали по закопченнымъ иконамъ, библейскимъ картинамъ. Большая раскрашенная олеографія съ типами народовъ случайно освѣщена красноватымъ одиноким лучомъ. Бородатый блондинъ европеецъ, слегка закинувъ высокій лобъ, покровительственно смотритъ съ картины на скромную аудиторію. Желтый, широколицый азіатъ насмѣшливо щуритъ глаза. Краснолицый индѣецъ гордо отвернулся въ сторону. Негръ напыщенно надулъ толстыя губы. Только австраліецъ такой, же кудластый и бородастый, какъ русскій мужикъ, казалось, впалъ въ тонъ общему настроенію и напряженно слушалъ.

Семенъ Петровичъ кончилъ.

Дверь съ шумомъ распахнулась, и толпа молодежи съ книжками въ рукахъ высыпала на дворъ.

— Да, голова, какъ послушаешь, да раздумаешься... э-эхъ!... жизнь!...—говорилъ кому-то лохматый старикъ, ступая черезъ порогъ.

Парни, прощаясь съ учителемъ, шумно спускались съ крыльца и наткнулись на Илью Ивановича.

— Экъ надрызгался!—заговорилъ одинъ, поднимая подъ руку старика,—вставай-ка!

Илья Ивановичъ уперся руками, силясь поднять грузное тѣло, но оно плохо повиновалось.

— Да это никакъ Илья Ивановичъ?! Михайла! Бунтовъ! Веди отца-то.

— Вишь, сердечный, тоже къ ночнымъ занятіямъ мысли-то лежали... а не дошелъ,—пошутилъ кто-то.

Сошедшій съ крыльца послѣ другихъ, плечистый Михайла крупными шагами подошелъ къ лежащему, заглянулъ ему въ лицо и, убѣдившись, что это точно отецъ, переложилъ книги подъ лѣвую руку и рѣшительнымъ движеніемъ поставилъ старика на ноги.

— Пойдемъ, тятенька,—сказалъ Михайло мягкимъ голосомъ.

Товарищи подобрали шапку, нахлобучили ее на разлохматившуюся голову Бунтова-отца, заботливо отряхнули землю съ его сукопной поддевки и, громко перекликаясь, разошлись въ разныя стороны. Бунтовы, отецъ съ сыномъ, зашагали къ себѣ. Обоимъ было неловко и стыдно. Михайла не первый разъ видѣлъ отца пьянымъ до безчувствія. Онъ нерѣдко даже пользовался хмельной добротой старика, выпрашивалъ у него деньги на книги. Но теперь, когда случилось это передъ лицомъ училища, парень краснѣлъ и обижался. Илья Ивановичъ изо всѣхъ силъ старался придать себѣ бодрый видъ. Онъ

Digitized by Google

сдерживалъ раскачиванія своего тѣла, поднималъ голову и усиленно кашлялъ.

Нѣкоторое время они шли молча.

Навстрѣчу имъ съ гикомъ пронеслись двѣ пары съ колокольчиками. Телѣги были полны шумящимъ народомъ. Высоко подпрыгивая отъ быстрой ѣзды по кочкамъ, бабы махали платками и пронзительно высокими голосами пѣли «Разлуку».

На передней подводѣ правилъ стоя мужикъ, въ бабьемъ нарядѣ поверхъ шубы, и пьянымъ, охрипшимъ голосомъ кричалъ ругательства. Лошади, всѣ въ мылѣ, со сбившимися набокъ шлеями, съ разбитой упряжью, неслись въ махъ. Задняя пара безъ кучера озлобленно скакала вслѣдъ за первой.

— Вотъ, учись, сынокъ, какъ лошадей гадить!—говорилъ Илья Ивановичъ Михайлѣ, провожая мутнымъ взглядомъ пролетѣвшій поѣздъ.

— Ваську Карюшкина женятъ,—сказалъ Михайла,—не хотѣлось ему... да отецъ пригрозилъ: запорю, говоритъ, до смерти...

— Ишь ты, молокососъ, не хотѣлось?

— Хотѣлъ въ ученье куда ни на есть податься, уходилъ тихонько на стеклянный заводъ къ графу, на мельницѣ паровой былъ, нигдѣ не взяли. Ужъ и пьяный, сказываютъ, напился передъ заручкой-то... буянилъ все... Все равно, говоритъ, въ солдаты пойду, подъ японца... не возьмутъ—такъ охотой. Насилу уломали... Точь въ точь, какъ нашъ Антонъ...

При этихъ словахъ Илья Ивановичъ встрепенулся и значительно протрезвѣлъ: точно что ударило его по больному мѣсту.

— Антонъ! Антулька!—вскрикнулъ онъ яростно.—Ну, этого скоро не уломаешь. Вѣдь онъ—Бунтовъ! Да и я не Карюшкинъ! Я ему покажу, какъ отцу супротивничать! Я...

— Тятенька, да вѣдь Антулькѣ-то ужъ другой годъ женатому бы надо быть, а онъ...—заговорилъ было сынъ.

— А онъ своевольничаетъ? Съ Бѣленькими связался!... Съ ворами!... Ты вотъ что, Миша, святая душа, ты скажи ему, уговори. У меня, братъ, по семьсотъ припасено на васъ на каждаго, окромя всего... чистыми... Не послушаетъ—прокляну! Я ему и невѣсту намѣтилъ... краля!

II.

Домъ у Бунтовыхъ былъ новый, пятистѣнный, подъ желѣзной крышей. Въ то время какъ сосѣди не успѣли, послѣ прошлогодняго пожара, обгородиться какъ слѣдуетъ, Бунтовы покрыли свой дворъ

Digitized by Google

кругомъ глиной. Массивныя тесовыя ворота и узкая калитка вели съ улицы во дворъ.

Въ домѣ не было огня, когда подошли къ нему отецъ съ сыномъ; большія створчатыя окна, казалось, уходили своей темнотой въ какую-то неизмѣримую даль. Сопровождаемые рыжей дворняжкой, которая съ визгомъ колотила землю пушистымъ хвостомъ, Бунтовы вошли во дворъ. Около высокаго крыльца столпились овцы и усердно лизали намерзшіе отбросы. Илья Ивановичъ поскользнулся и чуть было не упалъ, задѣвши ногой за перила крыльца. Овцы съ шумомъ шарахнулись въ глубину двора, столпились въ кучу и съ недовѣрчивымъ фырчаніемъ глядѣли во всѣ глаза на пришедшихъ. Угрюмая корова перестала жевать; изъ темноты выплылъ жеребенокъ, звонко заржалъ и, поднявъ хвостъ дугой, граціозно пробѣжался по двору, видимо, почуявъ своего покровителя Мишу.

Илья Ивановичъ пробормоталъ на ходу своимъ низкимъ сипловатымъ басомъ ругательство и съ шумомъ распахнулъ дверь изъ сѣней въ избу. Лунный свѣтъ, проникая въ окно, косыми лучами пересѣкалъ теплый мракъ избы и мягко ложился на стѣны, лавки и широкую русскую печку, облекая ихъ изгибы въ причудливыя формы. Дверь въ переднюю избу была отворена, громкій храпъ несся оттуда и наполнялъ собою все помѣщеніе. Большой ситцевый пологъ скрывалъ за собой источникъ храпа. Илья Ивановичъ громко икнулъ, швырнулъ откуда-то взявшуюся подъ ногами кошку, причемъ гулко ударилъ сапогомъ въ дверь, и сталъ скидать суконную шубу.

Храпъ прекратился, пологъ раздвинулся, и въ полумракѣ обрисовалась высокая женская фигура въ одной рубашкѣ, съ выбившимися изъ-подъ головного платка прядями волосъ. Фигура эта долго стояла на одномъ мѣстѣ, безцеремонно почесываясь и передергивая плечами. Наконецъ, накинула она черезъ голову юбку, поправила обѣими руками платокъ и, громко зѣвнувъ, зашлепала босыми ногами по направленію къ столу, надъ которымъ висѣла стеклянная лампа съ закопченнымъ жестянымъ кругомъ. Нащупавъ спички, она чиркнула; вспыхнулъ синеватый огонекъ, зашипѣлъ, затрещалъ, разливая ѣдкій запахъ горящей сѣры, и изба озарилась слабымъ мерцающимъ свѣтомъ, который, дрожа и подпрыгивая, побѣжалъ по угламъ вслѣдъ за поспѣшно удалявшимися тѣнями.

— Одна, что-ль?—сердито пробасилъ Илья Ивановичъ, бросивъ на лавку шубу съ шапкой и одергивая выбившуюся изъ-подъ пояса самотканную рубашку.

— А то съ кѣмъ же?—отвѣтила фигура, оказавшаяся молодой

Digitized by Google

еще женщиной съ заспаннымъ лицомъ и какими-то удивленными безъ бровей глазами. Это была Васена, жена Василія, старшаго сына.

— А гдѣ-жъ ребята?—продолжалъ допросъ Илья Ивановичъ, садясь за столъ на лавку.

— А я знаю? Какъ убрали скотину, Антонъ-отъ съ Мишанькой такъ и ушли... Мишанька-то, должно, въ училищу пошелъ,—докладывала баба, отодвинувъ ящикъ стола и вынимая оттуда каравай ситнаго хлѣба, ножикъ и ставя возлѣ деревянной солоницы, на столѣ.

— Васька гдѣ?

— Василій Ильичъ на мельницу пошелъ ночевать. Поужиналъ и ушелъ: помольцы, слышь, пріѣхали. Може къ утру вѣтеръ не подуетъ ли.

Въ это время вошелъ Михайла. Высокій, стройный блондинъ, съ полудѣтскими манерами, онъ былъ похожъ лицомъ на отца: тотъ же прямой славянскаго типа носъ, тѣ же крупныя губы и широкія скулы, тотъ же вихоръ на высокомъ лбу; только строгій, почти суровый взглядъ Ильи Ивановича и наивная простота голубыхъ глазъ Миши производили настолько различное впечатлѣніе, что почти скрывали это сходство.

Снявъ движеніемъ плечъ нагольный полушубокъ и расправивъ подобно отцу рубашку, онъ полѣзъ на полку класть принесенныя изъ школы книги.

— Провѣдалъ лошадей-то?—спросилъ отецъ.

— Глядѣлъ. Что-то кобыла тощать стала,—послѣ паузы продолжалъ сынъ,—и ѣстъ будто, и брюхо большое, а ребра наружи...

— Опять, поди, бережа,—проговорилъ Илья Ивановичъ, отрѣзая долгіе круглые ломти отъ прижатаго къ груди каравая.

Васена поставила на столъ глиняную чашку со щами, подала на деревянной тарелкѣ кусокъ говядины и деревянныя ложки.

Помолились и стали ужинать.

Ѣли молча. Собственно говоря, ѣлъ одинъ Илья Ивановичъ. Дѣйствовала ли выпитая водка, мало заглушенная писаревымъ печеньемъ, или сказывалась мужицкая привычка, только Илья Ивановичъ ѣлъ много: ломтя три хлѣба, чашку щей, мясо, каша, полвилка капусты—все это было уничтожено имъ истово, неторопливо, благоговѣйно и до послѣдней крошки. Михайла чуть притрогивался до ѣды и сидѣлъ за столомъ для виду, а Васена только подавала. Взглянувъ на Илью Ивановича теперь, никакъ нельзя было подумать, что это тотъ самый мужикъ, что часъ тому назадъ былъ пьянъ до упаду: какъ рукой сняло. По мѣрѣ насыщенія морщины на лбу его стали

Digitized by Google

расправляться, брови раздвинулись, вся фигура приняла серьезно добродушный видъ. Къ концу ужина онъ даже разговорился:

— Вы что церемонитесь?—спросилъ онъ.

— Я ужинала,—сказала Васена,—съ Васильемъ Ильичемъ давеча поѣла.

— А мнѣ что-то не охота,—отозвался лѣниво Михайла.—Чай пилъ недавно.

— Ужъ это не учитель ли васъ поитъ чаемъ-то?—удивился старикъ.

— Да.

— Скажи на милость! Тоже? Изъ какихъ такихъ капиталовъ онъ харчится на васъ, а? Изъ какой корысти это онъ учитъ васъ, да еще чаемъ поитъ? Уже не «студентской» ли онъ вѣры? Нѣтъ ли тутъ какого подкупу? Сма-а-атри, паря... По нынѣшнимъ временамъ ни за что въ острогѣ сгніешь...

— Нѣтъ, тятя, Семенъ Петровичъ... такихъ мало...—началъ было горячо защищать Михаилъ.

— Мало? Всѣ они такіе! Ты помни, Мишка, учиться—учись, а супротивъ пятой заповѣди... ни-ни!... Не почему это я тебѣ толкую по другому, а «да благо ти будетъ», какъ это сказано... Понялъ?

— Тятенька, да развѣ я худому учусь? Семенъ Петровичъ намъ науки разныя толкуетъ... Что для жизни годится... А жить-то вѣдь мнѣ...

— Науки?! Наукамъ тамъ разнымъ набирайся у кого хочешь, а жить учись отъ отца! Вотъ тебѣ мой сказъ!

При этихъ словахъ Илья Ивановичъ всталъ съ мѣста, стряхнулъ на столъ крошки изъ подола и, перекрестившись широкимъ взмахомъ руки, вылѣзъ изъ-за стола.

— Утре гуртъ погонишь на озимя,—сказалъ онъ сыну ровнымъ дѣловымъ тономъ и пошелъ въ заднюю избу спать, захлопнувъ за собой дверь.

Васена прибрала остатки ужина, стерла со стола мокрой мочалкой, опять юркнула за ситцевый пологъ и вскорѣ огласила избу новымъ храпомъ. Михайла постелился на лавкѣ, потушилъ лампу и легъ. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и думалъ:

«Да! «Учись жить отъ отца». Есть чему научиться!... Если бы такъ же легко было научиться жить, какъ выучился, напримѣръ, онъ камень ковать на вѣтрянкѣ или въ полѣ съ хлѣбами управляться? Гдѣ же этотъ учебникъ жизни, который ему указанъ?»

Михаилъ зналъ отцовскую жизнь. Ее можно въ двухъ словахъ выразить: *прокормиться* и *нажить*. Въ молодости у отца была

Digitized by Google

одна забота: прокормиться. Забота эта брала все: и свѣжія молодыя силы, и недюжинный умъ, и скромный запасъ знаній, полученныхъ въ убогой школѣ дьячка Евлентія, и семейное счастіе. Даже тѣ проблески искры Божьей, которые вообще свойственны молодой душѣ, и они пошли на погашеніе этой всепожирающей заботы. Эта же забота толкнула въ могилу и добрую страдалицу мать... Михайла рисовалъ ее себѣ только по дѣтскимъ воспоминаніямъ.

Вторая половина жизни смѣнилась новой такой же безпощадной заботой: нажить.

Весь житейскій опытъ понесъ Илья Ивановичъ въ жертву этому новому богу. Въ интересахъ хозяйства онъ женился вновь. Когда умерла вторая жена, взялъ третью, которая тоже жила не долго. Сыновей Илья Ивановичъ, ничуть не задумываясь, рѣшилъ тоже посвятить наживѣ. Старшій Василій, благодаря ли первому натиску, или недостатку «гвоздиковъ», которые вышибло изъ его головы суровое воспитаніе бѣдности, былъ въ рукахъ старика послушнымъ орудіемъ. Средній же Антонъ, какъ говорится, уперся. Онъ настойчиво не захотѣлъ идти въ жизнь проторенной отцовской тропой, а сталъ искать свою дорогу. А онъ, Михайла?... Конечно, ему тоже не по душѣ всѣ эти «пить-ѣсть», «обуть-одѣть». Они не могутъ стать конечной цѣлью его жизни. А чего ему хочется, онъ не знаетъ. Недавно еще все было ясно. Онъ мечталъ сдѣлаться монахомъ, подвижникомъ... Такъ какъ было написано во всѣхъ «житіяхъ» и четьи-минеяхъ... Ранней весной онъ ходилъ за совѣтомъ къ Ѳедору болящему... святому...

Всѣ говорятъ: онъ святой, потому что двадцать лѣтъ лежитъ на острыхъ полѣньяхъ. Михайлѣ вдругъ сдѣлалось смѣшно. Онъ вспомнилъ, какъ на урокѣ парни спросили Семена Петровича: «Правда ли, Ѳедоръ болящій святой?» А учитель, такъ походя, говоритъ на это: «возможно; я читалъ про одного святого: онъ тридцать пять лѣтъ жилъ въ пустынѣ одинъ одинешенекъ, ничѣмъ не занимался, кромѣ какъ утромъ вползалъ на высокую гору, лежа на брюхѣ, а вечеромъ съѣзжалъ назадъ, сидя на... мякоти». Да, теперь смѣхъ, а тогда, весной, понесъ Михайла къ этому «святому учителю жизни» наболѣвшій вопросъ ума и сердца. *Онъ* съ безразличнымъ, одутловатымъ лицомъ, широко расчесанной русой бородой, прилизанной головой и маленькими, сухими ручками, сложенными для благословенія, лежалъ въ большой, опрятной комнатѣ собственнаго дома подъ бѣлой простыней на какихъ-то полѣньяхъ и придавалъ этому лежанію и этимъ полѣньямъ глубокій жизненный смыслъ.

— Молись!—сказалъ онъ Михайлѣ.—Сходи къ владычицѣ казанской... на ключъ живоносный...

Digitized by Google

Широкая, блестящая полоса Волги, усыпанная далекими огоньками отраженныхъ лучей весенняго солнца, развернулась передъ глазами Михайлы, когда вышелъ онъ изъ воротъ дома «болящаго». По водѣ, какъ игрушечные, скользятъ пароходы, бѣлоснѣжные, бодрые, полные народа, бѣгутъ и радостно перекликаются. Парятъ широкогрудые паруса, тянутся къ небу снасти баржей, люди толпами снуютъ по берегу, торопятся, работаютъ; а яркая, сочная зелень потопленныхъ острововъ бороздитъ воду, купается въ ней...

«Гдѣ-жъ она, правда-то?...»—простоналъ парень.

Въ окно постучались мелкимъ, дробнымъ переборомъ.

Михайла надѣлъ валенки и вышелъ.

Это былъ Антонъ.

— Батя дома?—спросилъ онъ на ходу.

— Спитъ,—отвѣтилъ братъ.—Ужинать тебѣ не оставили.

Антонъ молча раздѣлся и полѣзъ на полати.

«Этотъ свою судьбу найдетъ,—думалъ Михайла про брата, ложась на постель.—Либо у солдатки своей былъ, либо у Бѣлыхъ».

Михайла вздохнулъ.

Ходилъ онъ на Троицу къ «живоносному ключу» на выпосъ чудотворной иконы—монастырь тамъ, пустынь. Народу изъ села ходило много. Была и дьячкова Соня, бѣлокурая дѣвушка, съ большими, печальными глазами и строгимъ, пригожимъ лицомъ. Она, какъ живая, стала въ воображеніи парня. У себя въ церкви Михайла частенько приглядывался къ ней и вздыхалъ. «Вотъ бы слюбиться»,—копошилось у него на сердцѣ. Но онъ гналъ отъ себя эти мысли. «Куда ужъ намъ?... Она, поди, чай, какая ученая»,—заставлялъ онъ себя думать. Дорогой онъ съ дѣвушкой разговаривалъ. Она оказалась совсѣмъ не ученой. Изъ книгъ знала меньше Михайлы и на всѣ его ученые разговоры отвѣчала: «это грѣхъ... за это взыщется». Она стала люба парню еще больше. Онъ не старался скрывать своего чувства и отъ нея. Соня тоже какъ бы льнула къ нему, иногда озоровала, но тоже какъ-то по особенному: увидитъ паука или жужелицу,—гонится за нимъ, старается раздавить, смѣется. «За это, говоритъ, грѣхи прощаются». Случится шагнуть черезъ двѣ соломинки, лежащихъ накрестъ, начнетъ крестить полную грудь Михайла улыбнулся своимъ воспоминаніямъ. На перекрестѣ его принялась крестить, а онъ схватилъ ея руку и сжалъ.

Вечеромъ наканунѣ торжества они пришли къ монастырю. Мѣстность около монастыря красивая. Широкая, сплавная рѣка мутно бурлитъ по дну глубокой ложбины. Купаться въ ней хорошо. Кругомъ вѣковой лѣсъ. Темныя сосны перемежаются съ молодой листвой

Digitized by Google

березъ и кленовъ. Верхушки дубовъ, тронутые морозомъ, отдаютъ червоннымъ золотомъ. Въ водѣ купаются ветлы и ольхи. Надъ моремъ зелени, какъ вѣнецъ красоты, высятся десятки золотыхъ крестовъ. Нарядныя церкви и бѣлоснѣжные корпуса «келій» тамъ и сямъ выглядываютъ въ прогалины.

Народъ большимъ таборомъ, какъ на ярмаркѣ, расположился по сырой травѣ; отдыхали, варили чай, пили, ѣли и шумѣли, какъ на базарѣ.

Монахи, молодые и старые, въ шелковыхъ рясахъ, съ голубыми нарукавниками шныряли по толпѣ, находили знакомыхъ, балагурили. Молодыя монашки въ высокихъ, черныхъ колпакахъ, длинныхъ черныхъ платьяхъ, ходили по народу съ кружками и тонкими голосами выпрашивали деньги на нужды матушки-владычицы...

Какой-то толстый монахъ въ блестящей рясѣ увелъ Соню въ монастырскую гостиницу, гдѣ были приготовлены комнаты для «благородныхъ». Михайлѣ не хотѣлось разставаться съ дѣвушкой, но она ушла, довольная приглашеніемъ.

Въ эту ночь съ Соней случилось то, чего Михайла долго не могъ понять: Соня поступила къ богатому монаху на содержаніе.

Утромъ парень прослушалъ обѣдню. Тысячи головъ плавали въ дымкѣ ладана. Густые, раскатистые голоса дьяконовъ безсмысленно перекидывались подъ высокими сводами собора. Золотыя ризы, золотыя митры, золотыя иконы, золотыя паникадила и тысячи немигающихъ огней—все это ослѣпляло, туманило и притупляло.

Послѣ обѣдни Михайла съ больной спиной и усталыми ногами бродилъ по монастырскому саду, среди дорогихъ памятниковъ. Мелькомъ онъ видѣлъ довольную Соню и толстаго монаха, который былъ пьянъ.

Михайла былъ набоженъ, какъ первый христіанинъ. Онъ вѣрилъ во все: и въ чудотворныя иконы, и въ цѣлебную воду, и въ монастыри; но съ собой ничего не принесъ, хотя тамъ продавали все, что полагается продавать при монастыряхъ: рыгаль, капли, ладанъ, крестики, картинки. Не купилъ парень даже книгъ и принесъ деньги назадъ нетронутыми.

Долго послѣ путешествія какая-то душевная пустота угнетала Михайлу. Только съ осени, когда начались въ селѣ вечерніе уроки, открылся для него новый рай.

Въ передней избѣ скрипнули доски, и грубый, трескучій кашель Ильи Иваповича нарушилъ тишину темной избы.

Digitized by Google

III.

На утро съ зарей начался трудовой день семьи Бунтовыхъ.

Антонъ былъ посланъ на дранку, Михайла погналъ на озими скотину. Василій оставался на мельницѣ, куда скоро направился и самъ Илья Ивановичъ, такъ какъ утро стояло вѣтреное и надо было пустить мельницу на оба постава.

Васена занялась домашними хлопотами.

Все это произошло безъ лишняго слова, по разъ заведенному порядку, почти нехотя.

Къ обѣду семья собралась довольно поздно.

Михайлу не ждали, такъ какъ онъ взялъ хлѣба на цѣлый день и могъ вернуться только поздно вечеромъ. Василій, средняго роста мужиченко, съ рыжей бородой, торчащей на лицѣ тремя клочками, тщедушный, простоватый и съ видомъ человѣка, собирающагося куда-то бѣжать, пришелъ первый. Онъ покончилъ на мельницѣ дѣла рано; помольцевъ было мало да и вѣтеръ утихъ.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ Илья Ивановичъ съ печатью несорванной досады на лицѣ.

Послѣ всѣхъ явился Антонъ. Это былъ парень лѣтъ двадцати. Высокаго роста, чуть-чуть сутуловатый, съ длинными руками и большой, слегка кудрявой головой, онъ казался неповоротливымъ и неуклюжимъ. Двѣ-три морщины, бороздившія его лобъ, впалыя щеки и грустные глаза дѣлали его лицо своеобразнымъ.

Казалось, ему не давала покою какая-то непосильная задача, недодуманная дума.

За обѣдомъ семья перекинулась двумя-тремя незначительными фразами. Ѣли молча, неторопливо и, по обыкновенію много, съ нескрываемымъ наслажденіемъ.

Къ концу обѣда щелкнула на дворѣ калитка, скрипнула дверь, и въ избу влетѣла вмѣстѣ съ клубами пара дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ дубленомъ тулупчикѣ и красномъ платкѣ.

Крестясь торопливо, по-женски, на образа и кланяясь всѣмъ корпусомъ, причемъ тулупчикъ ея отдавался и парусплъ, она усиливала принесенный со двора холодъ.

— Сестрица Васена! братецъ Василій Ильичъ,—начала дѣвочка причитать нараспѣвъ, какъ хорошо заученый урокъ,—мамонька прислала звать васъ къ намъ. Ноня Митричевы придутъ Матрену сватать... Такъ на совѣтъ, баитъ, да на рукобитье... чтобъ безпремѣнно!

Принесенная дѣвочкой вѣсть произвела на Бунтовыхъ впечатлѣ-

Digitized by Google

ніе. Антону и Ильѣ Ивановичу стало неловко, обоимъ припомнились недоговоренныя предположенія объ Антоновой женитьбѣ.

Напротивъ, по лицу Василія расплылось удовольствіе отъ предвкушаемаго гулянья: вѣдь сватаютъ его свояченицу!

Васена тревожно взглянула на свекора.

— Батюшка пуститъ ли?—сказала она нерѣшительно.

— Дозволь ужъ, тятенька... Потому, какъ же?—обратился Василій къ отцу.

Илья Ивановичъ не торопился отвѣтомъ. Не спѣша вылѣзъ онъ изъ-за стола, не спѣша помолился.

— Что-жъ, съ Богомъ,—пробасилъ онъ.—Только какъ же уборка-то? Коровъ-то кто подоитъ?

— Я теткѣ Марьѣ накажу...

— Ладно. Эхъ! натужно съ одной-то бабой! Къ шабрамъ-то не накланяешься... безъ другой спохи никакъ нельзя... невозможно...— и покосился на Антона.

Супруги стали собираться и скоро ушли въ сопровожденіи дѣвочки.

— Ты хоть нынче-то дома побудь,— сердито обратился Илья Ивановичъ къ Антону.—На дранкѣ-то все прибралъ?

— Все.

— Замѣси лошадямъ, да Мишанька гуртъ пригонитъ, соломки подбросьте овцамъ-то на ночь, пшеничной...

— Хорошо.

— А я всхрапну минутку, да въ расправу опять повѣщали.

При этихъ словахъ тѣнь добродушія прозвучала въ голосѣ Ильи Ивановича, и онъ занесъ ногу на приступокъ печи, чтобы влѣзть на полати.

Антонъ стоялъ возлѣ печи и докуривалъ «цыгарку», пуская дымъ въ трубу.

«Въ расправу,— подумалъ онъ,— опять мірское добро пропивать».

И пошелъ мѣсить лошадямъ.

Скоро въ избѣ воцарилась тишина, прерываемая легкимъ похрапываніемъ Ильи Ивановича.

Въ конюшнѣ было тепло и сыро, носился запахъ свѣжаго навоза, который почему-то не былъ противенъ Антону. Уставшія отъ долгой работы на топчакѣ лошади съ жадностью набросились на влажное мѣсиво. Антонъ прилегъ въ углу на свѣжую пшеничную солому и задумался.

Отецъ опять намекнулъ на его женитьбу. Нѣтъ, онъ не женится!

Digitized by Google

Онъ не останется мужикомъ: его не удовлетворяетъ весь строй крестьянской жизни... Онъ хорошій работникъ: все, что выходитъ изъ его рукъ—дѣльно, осмысленно... Отецъ цѣнитъ его по дѣлу куда выше Василія, но у парня не лежитъ сердце ни къ этому, почти безцѣльному, труду, ни къ «достатку», убивающему въ человѣкѣ все, что направлено не на поддержаніе и увеличеніе этого достатка.

Онъ не видитъ смысла въ своей жизни... самъ не сознавая, онъ давно ищетъ новыхъ путей, ко всему приглядывается, прислушивается...

Въ послѣднее время онъ сдружился съ компаніей Тимошки Бѣленькаго, недавно вернувшагося въ село изъ дальнихъ скитаній. Широкимъ размахомъ жизни, полнѣйшимъ игнорированіемъ ходячей морали и заимствованныхъ отъ стариковъ житейскихъ правилъ, наконецъ, своей бывалостью—Тимошка плѣнилъ Антона.

Разсказавъ какъ-то про свое положеніе Тимошкѣ, Антонъ получилъ отъ него очень короткій и категорическій совѣтъ:

— Плюнь на все да махни въ городъ.

— Мѣста, пожалуй, не найдешь.

— Мѣста?! Фю-ю! Этого добра тамъ сколько хошь.

— А паспортъ?

— У отца проси...

— Не дастъ онъ...

— Обманомъ, дурья голова! А то и такъ... На кой лядъ его паспортъ-то настоящій? Я тебѣ могу такіе «глаза» поддѣлать, что самъ квартальный за настоящій паспортъ сочтетъ.

Вскорѣ Антонъ обзавелся «глазами» въ видѣ паспортной книжки и берегъ ихъ, какъ святыню.

Часто, оставаясь наединѣ, онъ прочитывалъ книжку отъ крышки до крышки и находилъ въ ней будущее разрѣшеніе своей жизненной задачи.

IV.

Михайла пригналъ гуртъ поздно, отца уже не было дома. Убравъ скотину, братья оставались въ избѣ одни. Михайла сидѣлъ за столомъ надъ книгой; Антонъ курилъ возлѣ печки. Между братьями, какъ вообще водится въ крестьянскихъ семьяхъ, не существовало близости. Антонъ, какъ старшій, съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ относиться къ брату слегка пренебрежительно. Ему до сихъ поръ не приходило въ голову сдѣлать Михайлу соучастникомъ своихъ стремленій и видовъ на будущее. Теперь, глядя на мужественную фигуру

Digitized by Google

брата и на его сосредоточенное лицо, Антонъ какъ бы впервые увидалъ въ немъ равное себѣ существо, способное понять его.

— Мишанька!—позвалъ онъ, бросая «цыгарку» подъ ногу.

— Что?—отозвался тотъ, не отводя глазъ отъ книги.

— А не толковалъ вамъ учитель про чужія земли?

— Про какія это?

— Ну, про Африку тамъ... про Америку?...

— Сказывалъ.

— Ну?—оживился Антонъ.—Чего-жъ онъ говорилъ?

— Да всего не перескажешь,—нехотя отрываясь отъ книги, отвѣтилъ Михайла.

— Про звѣрей... про деревья...

— Да я не про то! Люди какъ живутъ.

— Люди? Это дикари, что-ль?... живутъ кто охотой, кто землю пашетъ... Книжка такая есть, называется «про дикаго человѣка»... вотъ бы тебѣ прочитать... Рыбинъ вчерась взялъ ее, Аѳанасій.

И Михайла опять уткнулся въ книгу.

«Что онъ?—подумалъ съ досадой Антонъ,—нарочно, аль не понимаетъ меня?... Неужто у него душа еще покойна?»

Антонъ всталъ съ мѣста, выпрямился во весь гигантскій ростъ и подошелъ къ столу.

На душѣ у него шевельнулось было недоброе чувство, но парень постарался подавить его.

Михайла мелькомъ окинулъ брата вопросительнымъ взглядомъ и продолжалъ читать.

Антонъ пристально глядѣлъ въ спокойное, серьезное лицо брата и думалъ:

«Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы Мишка спокойно къ жизни относился, онъ таится отъ меня... Потолковать развѣ съ нимъ?... Вѣдь у насъ въ семьѣ-то и разговоровъ по душѣ никогда не бываетъ... Со своими-то товарищами, поди, онъ все говоритъ»...

— Мишанька!—продолжалъ онъ послѣ долгой паузы, присаживаясь къ столу.— А что учитель приметъ меня по вечерамъ-то учиться?

— Знамо, чай, приметъ.

— Ничего, что я экзаменъ не сдавалъ?

— Попросишь!... Человѣкъ-отъ онъ хорошій... Что это тебѣ вздумалось?

— Вздумалось-то?... Да, можетъ, я хоть отъ ученыхъ людей добьюсь: какъ это люди промежъ себя живутъ въ разныхъ земляхъ?

Digitized by Google

Такъ же, какъ и у насъ, правды мало... Можетъ, онъ про это вамъ сказывалъ?

— Про это?...—задумчиво переспросилъ Михайла и быстро съ тревогой добавилъ:—Нѣтъ! Про это онъ что-то совсѣмъ разговоровъ мало ведетъ... То-есть такъ прямо не говоритъ... вотъ какъ, примѣрно, мы съ тобой разговариваемъ, ну, а ежели всю науку понять, которую онъ намъ преподаетъ, то, правда, она уясняется...

— Какъ это? Гдѣ-жъ она?!...—жадно спросилъ Антонъ.

— Да видишь ли ты... Трудно это тебѣ все сразу пояснить. Вотъ къ примѣру я скажу: читалъ онъ намъ книжку «Исторія культуры» называется... Про все тамъ сказано, про старину, какъ она, жизнь человѣческая, складывалась... И что ты, братецъ ты мой! Ни единымъ словомъ... то-есть ни разу не обмолвился про то, къ примѣру, что Бога нѣтъ, аль понимать его надо иначе... а какъ прослушалъ я книжку—вижу, что не тому мы молимся... попы обманъ одинъ ведутъ... Все это у меня было въ мысляхъ и раньше, когда я по монастырямъ ходилъ. Помню это, каялся я, плакалъ даже, избавиться отъ своихъ нечестивыхъ мыслей желалъ, вродѣ какъ отъ хулы на духа... Стыдно мнѣ было не только людямъ, аль попу на исповѣди,—самому себѣ было стыдно сознаться; думалъ: одинъ я такой грѣшникъ, дуромъ у меня въ головѣ мозги работаютъ... А тутъ, говорю, какъ прослушали! Мишка Растеряевъ на что ужъ, кажется, парень не тово,—Михайла помахалъ пальцемъ между глазъ,—и то говоритъ: «братцы, а вѣдь Бога-то сами люди придумали!...»

Антонъ большими, растерянными глазами смотрѣлъ на брата и молчалъ.

— Оттого, видно, у разныхъ народовъ и вѣра разная, и законъ разный, а *правда одна,*—закончилъ свою мысль Михайла,—доходить надо до нея... добиваться...

— Эхъ! Кабы узнать такое мѣсто, гдѣ жить-то не тошно!...—крикнулъ Антонъ.

— Ушелъ бы?

— Махнулъ бы, безъ всякихъ!...

Братья замолчали.

Что-то теплое, сближающее почувствовали они теперь другъ къ другу, какъ будто это случайно брошенное слово открыло тайники ихъ думъ.

— А вѣдь тебя тятенька-то женить хочетъ!—заговорилъ вдругъ съ оживленіемъ Михайла.

— Давно онъ хочетъ,—нехотя промолвилъ братъ.—Да моя-то,

Digitized by Google

видно, сужена гдѣ-нибудь въ Африкѣ неряжена ходитъ,—добавилъ онъ иронически.

— Вчера говорилъ... Мы вышли изъ училища, а онъ выпивши... «Нашелъ, говоритъ, и невѣсту»...

— У волостного, слышь, былъ; прибавку ему пропивалъ.

— А ты почемъ знаешь?

— Тимошка сказывалъ.

— Ну вотъ, и про Тимошку тоже былъ разговоръ. «Прокляну, говоритъ, ежели что! Онъ, говоритъ, съ ворами связался!... Дружитъ!...»

Лицо Антона передернулось злою улыбкой.

— Это съ Тимошкой-то?—переспросилъ онъ мрачно.—Да нешто онъ воръ?

— А то кто же?

— Онъ?... Онъ правду ищетъ въ людяхъ...

— Правду?!—наивно удивился Михайла,—всетаки-жъ онъ воруетъ... и поджигатель.

— Воруетъ, да не какъ воры... Не ради корысти, а со зла! Потому—люди ему всю жизнь исковеркали, ну, онъ и вымещаетъ на богатыхъ-то... господъ поджигаетъ... А бѣдныхъ да честныхъ онъ не трогаетъ.

— Не трогаетъ? А на Покровъ кто у Мишиныхъ мазанку подломалъ?

— Это не онъ! Такъ, валятъ все на него... Тотъ и говоритъ, кто самъ воруетъ... ты думаешь, настоящіе-то воры въ лачугахъ живутъ?...

Михайла уставилъ удивленные глаза на брата. То, что сообщилъ сейчасъ Антонъ, было для него ново и мало вѣроятно, но глядя на серьезное лицо брата, онъ не могъ ему не вѣрить. Да и не сталъ бы Антонъ дружить съ настоящимъ воромъ. Михайло зналъ это.

На дворѣ залаяла собака. Стукнула калитка и звякнула защелка.

«Кому-бъ это быть?» недоумѣвалъ Антонъ, приложивъ лицо къ окну и прислушиваясь.

Михайла мелькомъ взглянулъ въ окно и сказалъ:

— Это... Я знаю... Ко мнѣ...

Въ избу вошли два парня, товарищи Михайлы по вечернимъ классамъ, Аѳанасій и Василій Рыбины, дальніе родственники и закадычные друзья.

— Миръ честной бесѣдѣ!—промолвилъ Аѳанасій голосомъ, въ которомъ слышалась природная насмѣшливость, и, перекрестившись

Digitized by Google

на ходу образамъ, сталъ совать братьямъ по очереди правую руку, а лѣвой утирать въ это время лицо, закрывъ сразу всей ладонью и носъ, и ротъ, и губы, и подбородокъ.

Это былъ небольшого роста, сутуловатый блондинъ съ большой головой и кривыми ногами. Наружность его и манера держать себя вызывали невольную улыбку. Василій, высокій, стройный брюнетъ съ угрястымъ лицомъ, молча вошелъ, не крестясь, порывисто поздоровался за руку и сѣлъ.

— О чемъ калякали?—продолжалъ Аѳанасій, садясь на лавку и щуря небольшіе сѣрые глазки на братьевъ.

— Да вотъ, Антонъ любопытствуетъ, про что намъ учитель толкуетъ,—отвѣтилъ Михайла.

— Да, любопытно...—тянулъ почти нараспѣвъ Аѳанасій,—вотъ про землю, какъ она кругомъ солнышка вертится... Ай-я-ай! Инте-е-ресно...

— Разскажи-ка...—полупрезрительно попросилъ Антонъ. Ему стало немножко досадно, что этотъ, по уличному «соплякъ Аѳонька», заговорилъ такъ дѣловито о вращеніи земли. Антонъ слышалъ объ этомъ раньше и въ школѣ и въ разговорахъ, но плохо понималъ.

Аѳанасій продолжалъ:

— Вотъ, видишь ли: земля катилась бы вѣчно по прямой дорогѣ, потому ей препятствіевъ нѣтъ... пространство... А солнышко-то ее къ себѣ тянетъ!...

— Ну, ну?!—торопилъ Антонъ.

— Ну, вотъ и работаютъ двѣ силы: одна хочетъ, чтобы земля прямо неслась, а другая къ солнышку тянетъ... она и бѣжитъ по кругу...

— А вѣдь это похоже на насъ!—неожиданно заключилъ Антонъ, обрадовавшись своей мысли.

— Какъ на насъ?!—удивились собесѣдники.

— Да вотъ этакъ же!... Вертимся цѣлый вѣкъ около отцовъ; и пристать къ жизни настоящей мужицкой не можемъ, какъ слѣдуетъ, все тянетъ куда-то. Уйти тоже нельзя—не пускаютъ... Такъ и маемся безъ пути, безъ дороги...

— Вѣрно!—громко брякнулъ Василій неожиданно и, точно испугавшись своего слова, стыдливо умолкъ.

— Ишь, куда метнулъ!—протянулъ Аѳанасій.

— Такъ и есть!—подхватилъ Михайла братнину мысль.—Либо шлепнешься въ жизнь—ту, какъ нашъ Василій, и увязнешь; либо оторвешься и полетишь, Богъ знаетъ куда.

Digitized by Google

Сдѣлавъ такое неожиданное примѣненіе законамъ Ньютона, молодые мужики замолчали.

Молчаніе нарушилъ Аѳанасій.

— Что это, братцы,—сказалъ онъ,—нынче сыновья не въ ладахъ съ отцами жить стали: въ каждомъ дворѣ скандалъ! Времена что ль измѣнились, старики сказываютъ?

— Ты какъ съ своимъ отцомъ живешь?—спросилъ быстро Антонъ.

— Я-то живу хорошо! Въ ладахъ... А вотъ не пойму я другихъ-то...

— Слыхали?... У Бабушкиныхъ большакъ-то ушелъ...—сообщилъ Михайла.

— Ушелъ?!—удивился Антонъ.

— Ушелъ. Разругался съ отцомъ, взялъ поддевку да валенки—и въ городъ...

— Къ купцу, слышь, нанялся... Видали его...—дополнилъ Василій.

— Не хотѣлъ работать на отца—порадѣетъ на купца!—сострилъ Аѳанасій и засмѣялся.

— И что это, братцы,—спросилъ задумчиво Михайла,—гонитъ человѣка изъ дому? Ну, бѣдный туды-сюды, а вѣдь Бабушкины богачи. Отчего бы это?

— Необъяснимо!—отрѣзалъ Василій,—спроси самого Бабушкина-большака—не скажетъ!

— А я скажу!—торжественно заявилъ Антонъ.

Всѣ подняли на него глаза.

— Да, скажу! Ты говоришь богаты Бабушкины?—и повернулся всемъ корпусомъ къ Михайлѣ.—А въ чемъ ихъ богатство?... Скотины много?... Сѣютъ по многу?... Изба хороша?... Да, вѣдь, она, скотина-то, ни будни, ни праздникъ не даетъ ему покою, большаку-то! Ее надо напоить, накормить, караулить! Гдѣ бы послѣ большихъ-то посѣвовъ вашихъ отдохнуть, хошь въ праздникъ, аль заняться дѣломъ интереснымъ,—ты ступай лошадей пасти! Ночуй на холодѣ, да на дождѣ! А въ хорошую-то избу могу я гостя привести, кто мнѣ любъ?... Могу?... Да старикъ придетъ пьяный, выгонитъ!... А что я свѣтъ вольный вижу отъ богатаго-то житья? Ѣмъ, нью хорошо? Одѣваюсь?... Аль хозяйственными да мірскими дѣлами занимаюсь? Эхъ, вы! Пускай у купца я грошъ заработаю, да онъ мой!... Праздникъ—мой!... А тутъ работай на отцовъ-то, а у нихъ только и заботы, что подушное заплатить, кабакъ жестью покрыть, да земскому аль становому потрафить!... вотъ что!...

Digitized by Google

Незамѣтно Антонъ перешелъ съ Бабушкина на самого себя и воодушевился еще больше.

— Ты думаешь, легко все это переносить? Да не только въ городъ... на край свѣта убѣжишь!

— Вѣрно! Что вѣрно, то вѣрно,—соглашался Василій.

— А то вотъ еще... женить хотятъ!—продолжалъ съ прежнимъ жаромъ Антонъ,—ты думаешь, за счастьемъ твоимъ гонятся?... Какъ же! разинь ротъ... Рабу имъ въ домъ надо!... Да чтобъ душъ наплодить побольше, а то земля-то нынче въ цѣнѣ!... Тьфу!...

Плюнувъ ожесточенно, Антонъ пошелъ къ печкѣ и сталъ со злобой свертывать «цыгарку».

— Нѣтъ, Антуль, всетаки, пожалуй эту задачу уходомъ не рѣшить...—сказалъ мягко Михайло.—Може и дома можно дорогу къ счастью найти... есть люди съ головой и у насъ...

— Знамо!—подхватилъ Аѳанасій,—недаромъ стары люди говорятъ: «хорошо на Дону, да не какъ въ своемъ дому».

— Пошелъ ты къ лѣшему съ своими старыми людьми!—злобно огрызнулся Антонъ и замолкъ.

V.

На селѣ часто случались кражи и поджоги. За послѣднее время они стали обычнымъ явленіемъ. У духовенства, у лавочниковъ, у богатыхъ мужиковъ, не исключая старшины и старосты, обшаривались погреба, подвалы и мазанки. Воры ломали запоры, ухитрялись утащить далеко запрятанное съѣстное и часто бросали дорогія вещи у полиціи подъ носомъ, не воспользовавшись ими. Одинъ разъ въ сосѣднемъ графскомъ лѣсу были вырублены на выборъ самыя лучшія посадки сосны и брошены, а въ погребѣ у управляющаго положены набокъ горшки съ молокомъ и банки съ вареньемъ.

У старшины и священника сгорѣло сѣно, только что купленное съ торговъ по очень дешевой цѣнѣ. Словомъ, замѣчалось явное «озорство». Озорниковъ никто не видалъ на мѣстѣ преступленія, но народная молва настойчиво указывала на братьевъ Бѣленькихъ. Полиція оставалась безсильной противъ ихъ ловкости и проворства, а главное какого-то ихъ магическаго вліянія на крестьянъ. Какъ только дѣло доходило до допроса, то всѣ, словно сговорившись, показывали такъ:

— Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!... Мы люди темные... Намъ недосугъ—за всѣми не углядишь.

Наконецъ, въ ночь съ субботы на воскресенье на графскомъ гум-

Digitized by Google

нѣ сгорѣло сразу три клади съ пшеничными снопами. Подъ четвертой кладью нашли тлѣющій фитиль съ концомъ, вложеннымъ въ цѣлую горсть спичечныхъ головокъ.

Въ воскресенье утромъ графскій управляющій съ урядникомъ и стражниками произвели въ селѣ обыски.

У Бѣленькихъ обшарили дворъ, амбаръ, гумно, раскрыли даже крышу сараевъ... Но ничего подозрительнаго не нашли.

Къ вечеру отъ земскаго начальника пришелъ приказъ: собрать полный сходъ и задержать Бѣленькихъ.

Собираясь на сходъ, Илья Ивановичъ разнесъ Антона въ пухъ и прахъ.

— У меня смотри, таловая голова!—кричалъ онъ на парня.— Сократи себя! Изъ Бунтова роду не было такихъ, кто бы съ разной шушерой якшался. Брось Бѣленькихъ. Не срами мою сѣдую голову. Ишь какое пріятство завелъ? На сходѣ всѣмъ дѣламъ вашимъ разборка будетъ,—добавилъ онъ скороговоркой.—Шкуру спущу, ежели твое имя помянутъ. Такъ и знай... Оглашенный!...

Антонъ выслушалъ молча отцовскія угрозы и ушелъ на посидѣнки.

Изба вдовы Бондарихи, гдѣ собиралась молодежь, ютилась на самомъ краю крутого оврага, закиданнаго навозомъ и соломой. Сюда еле доносился обычный гомонъ села. Луна мягкими лучами серебрила солому и придавала одинокой постройкѣ видъ сиротливости. Въ слабо освѣщенной избѣ было много народу. Дѣвки, нарядныя, въ яркихъ платкахъ, неуклюжихъ кофтахъ, сшитыхъ по мѣщанской модѣ, гурьбой стояли кругомъ Егорки Мертваго. Въ углу на конникѣ играли въ карты въ «темную». За столомъ въ красномъ углу сидѣли Михайла и трое мужиковъ. Михайла читалъ газету. Старуха Бондариха печально слушала, подперевъ щеку рукой и оттопыривъ указательный палецъ на случай, чтобы смахнуть непрошенную слезу. Молодая солдатка Марѳушка Липатова, ради которой Антонъ и пришелъ сюда, сидѣла передъ самымъ окномъ, облокотившись пухлой рукой на подоконникъ. Толстая, небрежно по дѣвичьи сплетенная русая коса обнимала загорѣлую шею. Антонъ видѣлъ смуглую румяную щеку съ легкимъ, еле замѣтнымъ пушкомъ, чувствовалъ ритмъ колыханій упругихъ грудей, и на него пахнуло знакомымъ возбуждающимъ запахомъ женскаго тѣла.

Егорка разсказывалъ дѣвкамъ сказку. Играя простоватымъ веснушчатымъ лицомъ, поминутно встряхивая пышными рыжими кудрями, онъ тянулъ тономъ былиннаго пѣвца:

— Ну, опосля того, само собой, и сдѣлался Иванъ-дуракъ ца-

Digitized by Google

ремъ. И сдѣлался царемъ и царствуетъ. День царствуетъ, два царствуетъ... всего у него вдосталь... И скучно стало новому царю. Стало ему скучно, тоскливо, снялъ онъ съ себя царскія бармы-одежды, въ сундукъ велѣлъ спрятать и поѣхалъ въ поле работать... По-прежнему по старому крестьянствовать. Работаетъ царь, а министры ему: «Что ты, дуракъ, страмишься, вѣдь ты царь?...» А Иванъ говоритъ: «Ну что-жъ,—говоритъ,—что царь!... И царю,—слышь,—жрать надо». «Да ежели,—говорятъ это министры ему,—ежели ты, будучи царь, работаешь—намъ что-жъ дѣлать?»

А онъ: «Идите,—говоритъ, наземъ возить»... Ха-ха-ха!... Хорошо. Стали министры наземъ возить... И пришло въ дураковомъ царствѣ не житье, а масляница: сытно, привольно... Стало жить привольно, и позавидовалъ имъ дьяволъ. Позавидовалъ и говоритъ своимъ сатанятамъ: «Я,—говоритъ,—разрушу имъ все благополучье... Для меня это нѣтъ ничто... плевое дѣло... Вышелъ сейчасъ изъ таръ-тарары, вдарился о-земь и обратился славнымъ и знатнымъ генераломъ. Обратился генераломъ и прямо къ Иванъ-Царю на юдіенцію: «Я,—говоритъ,—долженъ тебѣ армію собрать, потому—какой ты есть царь на свѣтѣ, ежели у тебя арміи нѣтъ? Прикажи наборъ объявить. Иванъ-Царь говоритъ: «Ну, что-жъ объяви». Пошелъ нечистый духъ по селамъ, деревнямъ оповѣщать: «Эй добрые молодцы, идите царю-Ивану вѣрой правдой служить, за церкву стоять, престолъ защищать!... Кто добромъ пойдетъ—тому штофъ водки да красную шапку, а кто не захочетъ добромъ—тому царь приказалъ голову съ плечъ...

Марѳутка, сплевывая подсолнечную шелуху перебила разсказчика.

— Да ужъ будетъ тебѣ, Егорка, который разъ ты врешь эту сказку?... Я ее въ книжкѣ у Толстого читала, тамъ лучше написано.

— Ну-ка, ну-ка, бабушкина внука!—огрызнулся Егорка,—ты чего смыслишь?

— Ничего, сказывай...—вступились дѣвушки,—что-жъ что въ книжкѣ?... Сказывай!...

Антонъ легонько стукнулъ въ стекло. Марѳутка вздрогнула, обернулась и, узнавъ его, вся зардѣлась.

Егорка сплюнулъ и, закинувъ кудри, продолжалъ:

— Хорошо. Не повѣрили мужики нечистому, пришли къ Ивану царю и спрашиваютъ: «правда ли?» А онъ имъ: «Эхъ вы,—говоритъ,—прямые дураки!... Какъ я могу вамъ вреду какую сдѣлать, коли васъ вонъ какая стая, а я одинъ?... Галки вы, а не люди...»

Digitized by Google

На тропинкѣ отъ села показалось нѣсколько парней съ гармоникой и пѣньемъ.

Ты, лошадка, ѣшь соломку,
Не надѣйся на сѣнцо.
Вы, ребята, пейте воду,
Позабудьте про винцо...

выводила высокая слегка гнусавая фистула, а гармоника частымъ переборомъ аккордовъ безъ мотива, безъ такта аккомпанировала ему.

Марѳутка вышла. Кутаясь въ большую сѣрую шаль, она сѣла рядомъ съ Антономъ, и ихъ горячія дрожащія руки соединились.

— Тебя что давно не видать?—спросила она.

— Ай соскучилась?

— Ну ужъ... была нужда...

Онъ протянулъ руку, чтобъ обнять ее. Она быстро отодвинулась и ударила его по рукѣ.

— Оставь! Рукамъ воли не давай!...

Ребята съ гармоникой подошли.

— Наше вамъ, голубкамъ!...—раскланялся гармонистъ.—Антону Ильичу съ Марѳой Петровной совѣтъ да любовь...

— А ты ступай ужъ въ избу-то, балагуръ...—крикнула Марѳутка веселымъ голосомъ.

— Что-жъ?... и пойдемъ... Гайда, ребя, въ избу!—обратился гармонистъ къ товарищамъ и заигралъ обычный переборъ частушки.

Вся Россія взлико-вала! Батюшки—и!..

взвизгнулъ фальцетъ и, ускоривъ темпъ, докончилъ уже за угломъ:

Водка въ селахъ вздорожала, матушки—и!..

Солдатка видимо зябла и плотно куталась въ шаль.

— Ну, говори что-нибудь!—почти крикнула она Антону.—Либо обниматься лѣзетъ, либо молчитъ. На что дуешься?...

Антонъ мечтательно вглядывался въ молочно-сѣрую даль и вертѣлъ цыгарку.

— Пришелъ проститься съ тобой,—бросилъ онъ небрежно.

Она изогнулась, какъ кошка, гибкая, подвижная, и испытующе посмотрѣла ему въ лицо.

— Аль жениться надумалъ?

— Ухожу. Може совсѣмъ—не увидимся больше.

Она близко, близко придвинулась къ нему и ласково заговорила:

— А ты не шути... Вѣдь не первую такую рѣчь слышу отъ тебя. Ну, куда ты пойдешь?

Digitized by Google

— Куда? Пойду туда, гдѣ можно любить не крадучись...

Она смотрѣла на него большими глазами, а онъ продолжалъ:

— Туда, гдѣ воля!... гдѣ душѣ просторно... гдѣ нѣтъ родительской власти, да любви отцовской, которая дышать не даетъ, какъ волкъ овцѣ горло грызетъ! Вотъ куда пойду...

Антонъ говорилъ, воодушевляясь больше и больше.

— Пойду искать правду. Найду такое мѣсто, гдѣ она, правда-то матка, не на крестѣ распята, а въ людяхъ живетъ! Вотъ куда пойду: праведную землю искать!

Солдатка обняла его за шею и, разстегнувъ поддевку, положила ему на грудь свою голову.

— Хорошій ты мой... Пригожій,—шептала она,—коли-бъ я не въ законѣ была, пошла бы съ тобой... Любъ ты мнѣ, Антонъ!

Онъ крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ и, цѣлуя въ губы, звалъ:

— Брось все, Марѳуша, пойдемъ вмѣстѣ. Видишь, какъ я разступился?... Будь мнѣ вмѣсто жены... въ чужой сторонѣ все равно... хорошо будемъ жить...

— Нѣтъ, нѣтъ. Какъ можно!—пугливо отшатнулась Марѳутка.—А люди что скажутъ? Повольничали мы съ тобой... да, видно, и будетъ... И такъ ужъ болтаютъ.

— Эхъ! Марѳуша-а!—страстно вздохнулъ онъ и какъ маленькаго ребенка посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Она не защищалась больше...

Когда Антонъ и Марѳутка поврозь вошли въ избу, тамъ шла общая игра въ «монашки». Всѣ присутствовавшіе раздвинулись вдоль стѣнъ.

Посреди избы на высокомъ табуретѣ сидѣла дѣвушка и конфузливо улыбалась. Кругомъ нея, важно выступая, прохаживался Михайла. На молодомъ красивомъ лицѣ парня сіяла такая спокойная самоувѣренность, точно онъ совершалъ важное священнодѣйствіе. Дѣвушки высокими голосами, съ рѣзкимъ альтовымъ тембромъ, пѣли хоръ въ унисонъ:

Ты пройди, пройди, мона-ахъ,
Мимо кельи-и,
Гдѣ живетъ твоя монашка
На мученьи-и
Подойди къ окошку,
Постучися-я...

Михайла постучалъ пальцемъ объ столъ.

Въ избу опрометью вбѣжало нѣсколько человѣкъ подростковъ.

— Тимошку Бѣлаго на судъ повели! Земскій пріѣхалъ,—заго-

Digitized by Google

ворили наперебой вошедшіе.—Народу стра-асть что!... Кирюшка стражникъ за Мишкой побѣгъ...

Парни и дѣвки переполошились. Игра пріостановилась. Сзади раздался рѣзкій, безпорядочный звукъ гармоники...

— Идемте, ребята, на сходъ! Идемте! Гайда!...—кричали голоса.

— Дѣвки, собирайтесь!

Толпа молодежи вышла изъ избы и направилась къ улицѣ. Затянули пѣсню. Зарокотала гармонія.

Понапрасну, Ваня, служишь,
Понапрасну ножки бьешь.
Офицера не заслужишь —
Рядовымъ домой придешь...

визгливо и нестройно понеслось по селу.

VI.

Сходъ собрали въ училищѣ, какъ всегда дѣлали для земскаго начальника. Народъ плотной массой наполнилъ классную комнату. Впереди были приготовлены столъ и нѣсколько стульевъ. Вокругъ стола тѣснились почетные старики. Зеленый свѣтъ столовой лампы скользилъ по ихъ бородатымъ лицамъ, дѣлая ихъ похожими на лица заговорщиковъ. Сзади на сдвинутыхъ партахъ громоздилась молодежь. Безпорядочный гулъ отъ сдержаннаго говора, смѣха и кашля толпы наполнялъ комнату. Народъ все прибывалъ и, несмотря на открытыя окна, лампы начинали тухнуть.

— Это нечистый къ намъ, дуракамъ, войско набирать пришелъ. Слушайте!—шутилъ Егорка.

Взрывъ хохота покрылъ шутку.

— Тише вы, угорѣлые,—кричали старики на молодежь.

Толпа молодежи отъ Бондарихи, толкаясь, съ хохотомъ и шутками, сбилась въ кучу около самыхъ дверей учительской квартиры. Егорка Мертвый ломался, надувалъ щеки и удачно представлялъ «земскаго».

Земскій, небольшого роста человѣкъ въ офицерской тужуркѣ, съ длинными усами и одутлыми щеками, съ трудомъ пробрался впередъ. Его сопровождалъ графскій управляющій, высокій старикъ съ лысиной во всю голову. Широкая сѣрая поддевка по боярски сидѣла на тучномъ корпусѣ.

Земскій далъ знакъ, староста предупредительно схватилъ счеты.

Digitized by Google

Взмахнувъ ими высоко надъ головой онъ усиленно сталъ бить костяшками, призывая къ порядку. Въ переднихъ рядахъ замахали руками, зашипѣли, зацикали.

— Старички,—крикнулъ земскій звонкимъ командующимъ голосомъ,—я собралъ васъ, любезные... э-э-э...—Онъ съ особымъ достоинствомъ тянулъ это «э», считая его признакомъ дворянскаго тона.—Я собралъ васъ для того... Вы знаете... то-есть вамъ должно быть извѣстно... великое бѣдствіе терпитъ наше отечество... война на Дальнемъ Востокѣ... войска наши творятъ, такъ сказать, чудеса храбрости за вѣру, Царя и отечество. Между тѣмъ къ прискорбію вашему... такъ сказать, воровство... даже посягнули на его сіятельство! Вы меня знаете, братцы: когда неурожай, я не задерживаю ссуду... я выдаю изъ общественнаго магазина...

— Благодаримъ... Много довольны...—рокотомъ пронеслось въ переднихъ рядахъ. Земскій воодушевился:

— Пожаръ былъ недавно въ вашемъ селѣ—я разрѣшилъ вамъ хворостъ рубить изъ вашего лѣса!... Но я не потерплю безпорядковъ!... Если среди васъ явятся агитаторы—немедленно вязать и представлять ко мнѣ! Я съ ними расправлюсь... Мнѣ неоднократно жаловались на крестьянъ вашего села... Э-э-э... какъ ихъ?—земскій нагнулся къ столу, чтобъ прочитать, какъ зовутъ Бѣленькихъ.

— Прикажете привести, ваше скородіе?—вытянувшись, предложилъ урядникъ.

— Да, да, да! пожалуйста.

Урядникъ юркнулъ въ толпу и вскорѣ два сотника привели подъ руки Бѣленькихъ.

— Вотъ что, любезные. Э-э-э...—обратился къ нимъ земскій. — Я долженъ, такъ сказать, предупредить васъ, что... э-э-э... васъ ожидаетъ Сибирь... Э...

— Мы, ваше выскородье, непричинны,—перебилъ его младшій Бѣленькій, добродушный широколицый парень, бывшій сильно навеселѣ.

— Пра-ашу не перебивать! Если э-э-э... будутъ повторяться случаи воровства, то э-э-э...

Тимошка, худощавый, жилистый парень съ наружностью мастерового, стоялъ потупившись, въ волненіи сжимая и разжимая кулаки. Ноздри его тонкаго носа широко раздувались. На блѣдныхъ, чуть покрытыхъ первымъ пушкомъ щекахъ играли красныя пятна. При послѣднихъ словахъ земскаго волненіе Тимошки, казалось, перешло границы терпѣнія, и онъ заговорилъ тихимъ, сдавленнымъ отъ раздраженія голосомъ:

Digitized by Google

— Позвольте, господинъ! Въ чемъ вы обвиняете меня? Въ воровствѣ, что ли? Аль въ поджигательствахъ. На какомъ такомъ основаніи?!.

— Пра-ашу слушать!—прервалъ его насильственно земскій.— Но Тимошку, видимо, не легко было остановить. Слова неудержимымъ потокомъ полились изъ его клокочущей груди.

— Что я—въ окружномъ судѣ? Кто это? Присяжные, что ли, засѣдатели?! Кто вамъ далъ право судить меня? Издѣваться надо мной?! Кто?!!

Голосъ Тимошки окрѣпъ. Онъ рѣшительнымъ, вызывающимъ, искрящимся взглядомъ черныхъ глазъ окинулъ сходъ.

— Кто говоритъ, что я воръ? Ужъ не вы ли, старыя собаки?... Кто поймалъ меня?

Стоявшіе навытяжку позади земскаго старшина и староста, оба при знакахъ, кинулись къ Тимошкѣ унимать.

— А ты того... не очень ужъ...—нерѣшительно заговорилъ староста, боязливо перебѣгая глазами съ земскаго на Тимошку и обратно.—Въ эту минуту староста не зналъ, кого изъ обоихъ онъ больше боится.

«Спалитъ», мелькала у него мысль при взглядѣ на Тимошку». «Въ каталажкѣ сгноитъ,—отзывалась съ другой стороны при видѣ земскаго.

Старшина же молча трясъ Тимошку за плечо, самъ не зная зачѣмъ. Земскій совсѣмъ растерялся, покраснѣлъ, затрясся и безпомощно опустился на стулъ. Нѣсколько оправившись, онъ схватилъ карандашъ и сталъ торопливо что-то писать.

— Взять его... связать! — кричалъ хриплымъ басомъ управляющій.

Отъ этого вмѣшательства возбужденіе Тимошки только возросло. Онъ плавнымъ жестомъ отстранилъ отъ себя властей и продолжалъ:

— Кто смѣетъ назвать меня воромъ? Не Бунтовъ ли? Первый міроѣдъ?

Илья Ивановичъ, стоявшій въ первыхъ рядахъ, жалко смутился.

— Ты хвалишься, что весь міръ за собой ведешь!... А скажика тебѣ только: «Илья Ивановичъ! Вотъ тебѣ бутылка, продай половину села вотъ этому самому ироду... по этихъ вотъ поръ». Тимошка ткнулъ пальцемъ въ управляющаго и сдѣлалъ жестъ руками, показывая по какихъ поръ надо продать село. Ты скажешь «возьми»!

Въ заднихъ рядахъ послышался смѣхъ. Смѣхъ этотъ ободрилъ Тимошку, и онъ продолжалъ съ прежнимъ жаромъ:

— Може ты, Пѣганкинъ, меня въ воры производишь? А?!

Digitized by Google

Благообразный Пѣганкинъ съ блестящей лысиной во всю голову сразу вспотѣлъ и, нагнувшись, сталъ утирать полою синей суконной поддевки свою лысину.

— Кто хлопоталъ на училище казеннаго лѣсу да себѣ тысячный домъ построилъ?

— Кто въ церковныхъ старостахъ ходилъ да Божій храмъ обобралъ? Не ты ли, Шумовъ?

— Кого посылали міромъ землю въ банкѣ покупать, а онъ ее себѣ подцѣпилъ? Не тебя ли, Бочкинъ,—честный мужикъ?

Тимошка, выпрямился, вытянулъ шею, осматривая сходъ.

По собранію пронесся гулъ. Сотни голосовъ заговорили сразу. Задніе ряды сильно напирали. Мужики побогаче, которымъ не выгодно было попадаться на глаза Тимошкѣ, втирались въ толпу.

— А, старые черти, душепродавцы!... Попрятались!—кричалъ Тимошка, почувствовавъ себя героемъ минуты.

Земскій тревожно озирался. Чувствовалось нѣчто необычное. Въ спертомъ воздухѣ висѣла гроза. Наконецъ, урядникъ несмѣло продвинулся впередъ и схватилъ Бѣленькаго за руки.

— Давай кушакъ!—крикнулъ онъ старостѣ.

— Прочь! Ты, продажная шкура!...—ревѣлъ Тимошка.

Одинъ изъ стражниковъ поспѣшно стащилъ со старосты кушакъ, и Тимошку связали; но связанный онъ казался еще страшнѣе.

— Вы воры, старые черти! А не я!! Нѣтъ изъ васъ ни одного, кто бы хоть одинъ день въ старостахъ ходилъ, да безъ начету вышелъ!—Вы дѣтей своихъ гложете, кровопійцы! Проиграетъ парень въ орлянку пятакъ, вы норовите его за это живьемъ съѣсть, а сами тыщи пропиваете! Глоты, окаянные!... А то «воры!» Да я въ тыщу разъ честнѣе васъ всѣхъ!!!

Тимошка отъ сильнаго напряженія закашлялся и весь затрясся.

Земскій всталъ съ мѣста.

— Ведите его,—приказалъ онъ стражникамъ. Стражникъ повернулъ Тимошку за плечо.

— Разступись!—крикнулъ управляющій.

Передніе попытались раздвинуться, но сзади сомкнулись еще плотнѣй и навалили. Толпа колыхнулась и заставила попятиться властей. Шумъ усиливался. Возбужденіе росло.

— Пропустите, вамъ говорятъ!... Эй вы!...—кричали впереди.

Толпа шумѣла, какъ весенній водопадъ.

— Да распорядитесь же вы, наконецъ!... Полиція!...—завопилъ управляющій и началъ работать локтями. Толпа слегка разступилась и зловѣще затихла. Вслѣдъ за управляющимъ двинулся урядникъ,

Digitized by Google

подталкивая сзади потнаго, ослабѣвшаго Тимошку. Видимо сильное нервное возбужденіе смѣнилось у него упадкомъ, и онъ покорно, толчками подвигался впередъ, тычась носомъ въ богатырскую спину управляющаго.

Въ образовавшійся проходъ поспѣшно ринулись староста, старшина и земскій. Еще минута, и они всѣ вышли бы на улицу. Но случилось нѣчто неожиданное. Гдѣ-то сбоку заголосила баба:

— Соколикъ мой, Тимо-ошенька!... На кого ты меня...—Ревъ толпы покрылъ одинокій женскій плачъ.

— Ребята! Не выдавай!— пронесся чей-то призывъ, и толпа снова сомкнулась. Десятки рукъ потянулись къ Тимошкѣ. Его быстро развязали... Кто-то ударилъ въ лицо управляющаго. Произошла свалка. Молодежь лѣзла съ кулаками на стражниковъ, на земскаго. Одинокіе крики слились въ дикій кровожадный гулъ.

Произошло нѣчто опять неожиданное и отрезвляющее: сверху полились крупныя капли холодной воды.

Семенъ Петровичъ стоялъ на столѣ съ кружкой. Изъ ведра, которое держалъ Михайла, черпалъ онъ воду и плескалъ на народъ. Это такъ всѣхъ озадачило, что шумъ какъ-то сразу утихъ. Послышался смѣхъ. Стали отряхаться.

— Ребя!—крикнулъ учитель, воспользовавшись моментомъ.— Что вы дѣлаете? Развѣ можно такъ поступать? Какъ это дико, грубо!...

— Слушайте, слушайте!...— пронеслось въ толпѣ.— Семенъ Петровичъ говоритъ, учитель...

Семенъ Петровичъ долго и горячо доказывалъ молодымъ мужикамъ нелѣпость ихъ выходки.

— Я надѣюсь,—закончилъ онъ,—что господинъ земскій начальникъ не подниметъ никакого дѣла... Но вѣдь многіе изъ васъ могли пострадать... Семенъ Петровичъ слѣзъ со стола и подъ руку провелъ земскаго въ учительскую квартиру. За ними печально шелъ управляющій, приложивъ носовой платокъ къ опухшей щекѣ.

Народъ сталъ расходиться. Полиція не пыталась больше задерживать Бѣленькихъ.

— Вотъ такъ Антошка Бунтовъ!—дѣлился своими впечатлѣніями Егорка Мертвый.—Ка-акъ звѣзданетъ управителя графскаго!... Ажно слезу вышибъ... даромъ что такой богатырь управитель-атъ!...

Земскій, собираясь уѣзжать, пожималъ руку Семену Петровичу.

— Надѣюсь все это э-э-э... недоразумѣніе не будетъ оглашено въ печати? Да?... Пожалуйста... Я васъ прошу.

Digitized by Google

Тройка породистыхъ сѣрыхъ крупной рысью уносила щегольскій экипажъ земскаго изъ села. Село ужъ спало. Луна прибавляла свѣту, настойчиво, но тщетно пытаясь озарить темные закоулки.

VII.

Бунтовы гуляли на свадьбѣ. Илья Ивановичъ со стороны своихъ родныхъ былъ почетнымъ гостемъ, и тѣ не мало гордились имъ передъ Митричевыми.

Послѣ вѣнчанія молодые вмѣстѣ со всей гулявшей на свадьбѣ родней должны были побывать въ гостяхъ у Бунтовыхъ. Васена принялась готовиться къ пріему гостей: сварила брагу, сдѣлала студень, напекла пироговъ...

Илья Ивановичъ, скрѣпя сердце, раскошеливался. Онъ зарѣзалъ овцу, взялъ ведро казенной водки и четверть краснаго, купилъ для молодыхъ конфетъ съ орѣхами и пряниковъ, что уже считалось роскошью. Василій даже заикнулся было насчетъ чаю-сахару, да старикъ уперся:

— У Ильи Бунтова и безъ этого есть чѣмъ гостей потчивать, не голь какая перекатная!...

Не соглашался также онъ дать къ поѣзду сѣраго жеребца, на которомъ и сами-то Бунтовы ѣздили рѣдко,—только въ торжественныхъ случаяхъ да на базаръ.

— Она, животина-та, двѣсти монетъ... а ты ее за часъ запалишь! — говорилъ онъ Василью.—Только послѣ долгихъ упрашиваній Васены и свата, ея отца, Илья Ивановичъ уступилъ, поставивъ однако условіемъ, чтобы правилъ жеребцомъ Михайла. Михайлѣ же онъ наказалъ не выпускать изъ рукъ вожжей.

Ко дню свадьбы погода измѣнилась. Выпалъ на мерзлую землю сухой, сыпучій снѣгъ. Воздухъ пересталъ быть прозрачнымъ. Какая-то сѣрая, молочная муть закрыла даль, туманила небо и навѣвала тоску. Въ селѣ ѣздили уже на саняхъ, въ полѣ же стояло бездорожье, такъ какъ сыпучій снѣгъ перемѣшался съ дорожной пылью и пескомъ.

Наступало заговѣнье, и народъ торопился доѣдать, допивать и догуливать.

Подъ звяканье колокольчиковъ звуки гармоники и пьяныя выкрикиванія пѣсенъ тащились по селу мыльныя пары съ санями, полными пьянаго люда.

Въ воскресенье передъ заговѣньемъ, въ сумерки притащился такой поѣздъ и къ Бунтову двору. Сѣрый жеребецъ, весь въ мылѣ, шелъ

Digitized by Google

передомъ. Онъ широко поводилъ заиндевѣлыми боками и замѣтно похудалъ за свадьбу.

Михайла легко соскочилъ съ передка саней, откуда онъ правилъ стоя, и отворилъ ворота. Гости шумно поднялись по высокому крыльцу въ избу и, привѣтствуемые Ильей Ивановичемъ и Васеной, не раздѣваясь, разсѣлись за приготовленные столы. Молодыхъ усадили впереди, для нихъ приготовлено было особое угощеніе.

— Милости просимъ, гости дорогіе!...—скрипѣлъ насколько возможно ласково Илья Ивановичъ.

— Добро жаловать...—вторила ему Васена, разставляя тарелки съ разной снѣдью.

Василій появился съ бутылкой, и чарка пошла по рукамъ. Пированье началось.

Въ избу набрались и зрители: это были подростки и молодухи изъ сосѣднихъ семей. Они жались къ косякамъ, прятались по угламъ и, тихо перешептываясь, наблюдали гостей. Съ улицы жались къ стекламъ такія же любопытствующія лица.

За столомъ шли разговоры. Бабы въ красныхъ шелковыхъ платкахъ, плисовыхъ «бедуимахъ», съ пестрыми платочками въ рукахъ, свернутыми въ комокъ, держались около молодыхъ и безпорядочно, весело тараторили.

Мужики толковали пока солидно. Илья Ивановичъ, какъ и подобаетъ хозяину, былъ молчаливъ. Онъ больше все угощалъ.

Торговецъ Бѣлянкинъ, родственникъ Митричевыхъ, разсказывалъ старостѣ, неизвѣстно какъ попавшему въ число гостей, про свои торговыя дѣла. Онъ продалъ недавно въ городѣ подсолнечныя сѣмена, умѣло скупленныя на селѣ, и въ одинъ день нажилъ столько, сколько другой мужичокъ въ годъ не заработаетъ.

— Да,—заключилъ онъ свой разсказъ,—по нонѣшнимъ временамъ надо умѣючи орудовать, ну, будетъ толкъ... Наживешь...

— Это ужъ, какъ есть!—соглашался староста.—Вотъ, тоже, наше дѣло... Насчетъ, скажемъ, податей, аль способія тамъ... тоже, вѣдь, умѣючи надо... Съ кого добромъ... Кого въ тужиловку, а съ кого и повременить!... Народъ сталъ тугой насчетъ платежу... Ты приди къ нему за окладомъ, не то ужъ чтобъ недоимку спрашивать... А онъ, подлецъ, коломъ норовитъ, дубинкой...

— Да, всякому свое...—соглашался и Бѣлянкинъ.

— А что какъ за бунтовство-то?... выйдетъ что?

— Какъ же!... Пріѣзжали на недѣлѣ-то... Исправникъ былъ и прокуроръ... Ну, да извѣстное дѣло: кому охота на зиму глядя подъ краснаго пѣтуха... Боится народъ...

Digitized by Google

— Да, дѣло такое...—сказываютъ и земскій зря взялся судить: Не пойманъ—не воръ... вотъ что!...

Тѣмъ временемъ Василій принесъ изъ чулана другую бутылку, и бесѣда болѣе оживилась.

— Потому нашему брату безъ землицы никакъ нельзя!—толковалъ въ пространство какой-то старикъ съ краснымъ носомъ, забирая руками разваренную баранину.—Мы хрестьяне... Ты скажи вотъ мнѣ: тридцать рублей за сороковую... дай-подай!... и отдамъ... отдамъ: куда дѣнусь? Намъ безъ поравненья никакъ невозможно!... Ника-акъ нельзя... потому: что мужикъ, что быкъ! Обоимъ стойло надо... Такъ ли я говорю?...

— Тутъ бы его и прикрыть!—неслось съ другого конца,—а я помѣшкалъ... Такъ вѣдь и унесъ...

Передъ самымъ носомъ Ильи Ивановича жестикулировалъ и разсуждалъ жилистый рыжій мужикъ. Онъ говорилъ:

— Ты его, шельмеца, на сторону пошли молоть, скажемъ, гляди двѣ-три мѣры спуститъ... на орлянку... вотъ они, сынки-то!... А тутъ, у своего сельскаго! Я могу спросить... могу провѣрку ему, шельмецу, дать... Такъ ли я говорю?!—старикъ Митричевъ плакался своему сосѣду на разорительность свадьбы:

— Одинъ разоръ!... разоръ одинъ да и шабашъ...

Дай кладки сто монетъ... на поповъ—двѣ красныхъ... и вина-то? меньше полсотни не обойдется... Иного глота вѣдь четвертью не свалишь!...

— Гдѣ свалить!—соглашался сосѣдъ,—потому, если кто привыченъ... онъ что винища-то выглахтитъ?... Въ разговоръ этотъ вмѣшался молодой трезвый мужикъ, сидѣвшій напротивъ. Онъ не пилъ водки, а только красное, почему относился къ окружающимъ слегка пренебрежительно.

— Насчетъ вина-то нонче просто управляются,—сказалъ онъ,—можно двумя ведрами свадьбу сыграть...

— Это крѣпкой водки, что ль, подносить?

— И крѣпкой водкой поятъ. А то вонъ Павелъ Василичъ для питуховъ-то настоялъ вина на спичкахъ! Смѣху что!... Миколко Кадушкинъ... вѣдь пить-то здоровый!...

— Ну, такихъ питуховъ поискать!...

— А какъ поднесъ ему Павелъ-то Василичъ одну, онъ и очумѣлъ! Лежитъ на лавкѣ, голову-то подымаетъ, проситъ, а руки-ноги недвижны... Потѣха!... Ни онъ тѣ буянитъ, ни что!

— Нѣтъ, ты его, подлеца, стегай, уложимши поперекъ лавки, а то онъ послѣ сядетъ тебѣ на загривокъ!—рычалъ рыжій мужикъ,

Digitized by Google

видимо недовольный своими дѣтьми.— Бабушкинъ вонъ ищетъ большака-то!... Нечего сказать, вскормилъ-вспоилъ работника!

Илья Ивановичъ пристальнымъ, бѣглымъ взглядомъ окинулъ избу. Антона не было видно, Михайла задумчиво стоялъ у притолки и, казалось, ничего не видѣлъ передъ собой. Василій разливалъ чуть ли не шестую бутылку. Около печки суетились приглашенныя Васеной на помощь двѣ бабы, шабренки. Онѣ что-то рѣзали, торопливо передвигали посуду, лазили въ печку, на полки,—словомъ, хлопотали во всю, вытирая по временамъ фартуками свои красныя, вспотѣвшія лица. Особенно усердствовала добродушная тетка Марья. Гости безпорядочно шумѣли. Мужики успѣли распоясаться и распахнуть шубы. Общій гулъ еще усиливался громкими, безцеремонными теперь замѣчаніями и смѣхомъ наблюдающей публики. Въ бабьемъ ряду тянули пѣсню:

— «А у то-о-ой у вдо-о-овушки»,—выводила высокимъ горловымъ дискантомъ раскраснѣвшаяся сваха, покачиваясь всѣмъ корпусомъ и помахивая платкомъ.

— «Четве-е-еро дѣте-е-ей»,—подхватили остальныя въ унисонъ, и пѣсня, разростаясь, мало-по-малу захватила и настроеніе мужиковъ.

VIII.

Въ то время какъ пиръ въ избѣ разростался, Антонъ принималъ своихъ гостей. Пришелъ Бѣленькій и вызвалъ его на улицу черезъ Митьку, бывшаго на свадьбѣ гармонистомъ. Сердце у Антона екнуло; ввести Тимошку въ избу было рискованно, а угостить надо. Кстати онъ вспомнилъ про землянку. Землянка была вырыта на проулкѣ позапрошлымъ лѣтомъ, послѣ пожара и служила лѣтней кухней. Парни направились туда. Вскорѣ къ нимъ присоединился и дружка, бросившій молодыхъ ради составившейся компаніи. При помощи сердобольной тетки Марьи Антону удалось раздобыть яицъ, соленыхъ огурцовъ и еще кое-какой закуски. Дружка принесъ бутылку водки. Все это уставили на опрокинутую кадушку, затопили печку и при слабомъ красноватомъ прыгающемъ свѣтѣ горящихъ дровъ, запировали.

Тимошка былъ веселъ. Пока Антонъ хлопоталъ о закускѣ, онъ, сидя на чурбакѣ, каламбурилъ. Митька, развалясь на связкѣ кудели, сброшенной имъ съ перекладины на полъ, тихонько наигрывалъ на своей наборной гармоникѣ съ двумя колокольчиками частушку.

— Нашъ Антонъ не тужитъ объ томъ, что гостей найдутъ, да по шеѣ накладутъ,—шутилъ Тимошка.

Digitized by Google

— Не робѣй, Тимофей! Дай-ка выпьемъ по всей,—вторилъ ему дружка, опрокидывая стаканъ себѣ въ ротъ.

— Ильичъ, держи-ка!—налилъ онъ Антону.

Судорога отвращенія пробѣжала по лицу Антона. Ему не хотѣлось пить, но онъ превозмогъ себя и залпомъ вылилъ весь стаканъ въ ротъ. Водка обожгла внутренности и ударила въ голову.

— Вотъ такъ-то!—одобрилъ дружка.—Тимошка засмѣялся.

— Ты что морщишься, богатый мужикъ?—сказалъ онъ, подмигивая на Антона.—Чай пора привыкать къ горькому-то!...

— А что?—недоумѣвающе добродушно спросилъ тотъ, утирая полой поддевки губы.

— Что?! Чай скоро сдѣлаешься хозяиномъ, человѣчьи слезы будешь пить, да чужимъ горемъ заѣдать. Какъ отецъ-то!... Одной рукой ему вино подносятъ, а другой слезы свои вытираютъ...

— Ну, ты ужъ зря понесъ!...—вскинулся на Тимошку дружка,—что людей задѣвать...

— Я что-жъ... Я для науки!...—иронизировалъ Тимошка.

Антонъ густо покраснѣлъ, но не обидѣлся на Тимошку: не первый разъ Бѣленькій укорялъ его отцомъ. Онъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Э, да что тамъ! Всѣ они такіе... отцы-то. Наливай-ка еще слезъ-то!

Дружка налилъ, всѣ выпили и закусили. Бѣленькій свернулъ цыгарку и полѣзъ къ огню закуривать. Помѣшавъ дрова, онъ выгребъ палкой углей. Угли разсыпались по полу, и одинъ попалъ на связку кудели подъ Митьку.

— Эй ты, лѣшій, пожаръ еще надѣлаешь!—сказалъ, вскочивъ на ноги, Митька.

— Ничего, Бунтовъ сгоритъ—опять тыщу страховки получитъ—невозмутимо заключилъ Тимошка, отшвырнувъ концомъ сапога уголь и садясь на мѣсто.—Въ земствѣ достатковъ много.

— Вы развѣ тыщу получили страховки-то?—спросилъ Антона дружка.

— Тыщу.

— То-то и сворочали такой домина!

— Сворочаютъ и два!—сказалъ Тимошка.—А люди за нихъ плати...

— Какъ это люди плати?—спросилъ уже полуобиженно Антонъ.

— Очень просто...—пояснилъ Тимошка.—У васъ сколько душъ?

— Четыре.

Digitized by Google

— Такъ, четыре... Твой отецъ былъ уполномоченнымъ? Покупалъ насосы да бочки для стойки?

— Покупалъ.

— Сколько вышло денегъ на это?

— Тыща, что ли?... полторы ли?

— Такъ! Да стойщикамъ за лѣто даютъ девятьсотъ съ лишнимъ. А деньги-то вѣдь изъ раскладки... съ душъ... съ земли, значитъ...

— Ну, такъ что-жъ?—спросилъ Антонъ, все еще не догадываясь въ чемъ суть.

— А тожъ?—передразнилъ Тимошка,—я тоже за четыре души плачу, а хоромы-то мои совсѣмъ и съ потрохомъ двухъ красныхъ не стоятъ... Вы насосами-то своими мой загонъ заливать будете, али ваши вѣтрянки, да дранки, да дома тысячные? Нѣтъ братъ!... Земля—она не горитъ... Ты построился, застраховался—ну и плати съ каждой постройки на пожарную нужду... а ты съ меня берешь?

Антонъ поникъ головой. Сколько разъ уже Тимошка Бѣленькій разбивалъ самымъ безпощаднымъ образомъ все то, что онъ считалъ за непоколебимую истину... И какъ такое простое соображеніе не приходило до сихъ поръ ему въ голову?... Они, Бунтовы... заставляютъ платить бѣдняковъ на свои нужды! Срамота...

— Ну, голова!—удивлялся дружка,—въ старшинахъ бы тебѣ ходить, Бѣлый... только...

— Что только?

— Да такъ... Слава идетъ про тебя...

Тимошка выпрямился:

— Какая слава?—спросилъ онъ строгимъ голосомъ.

— Болтаютъ все...—увиливалъ дружка.

— Болта-ютъ!... Сла-ва!...—передразнилъ Тимошка.—А ты толкомъ говори.. Не бойся,—не съѣмъ: вкусу-то въ тебѣ не больше, чѣмъ въ щипаной воронѣ...

— Графа ты подпалилъ?

— Ну я... такъ что-жъ?

— То-то...

— Ну?

— То-то молъ...

Тимошка въ гнѣвѣ началъ поводить ноздрями.

— Да!... забылъ я сказать тебѣ, Тимоѳей,—вступилъ Антонъ.—Учитель, Семенъ Петровичъ, насчетъ этихъ пожаровъ господскихъ толковалъ... Мишанька нашъ сказывалъ: себя, говоритъ, жгутъ мужики-то. Какъ только пошли пожары по барскимъ имѣньямъ, они,

Digitized by Google

господа-то, съѣхались въ земство на собранье и порѣшили: страховаться на земскій счетъ... бери, что влѣзетъ...

— А въ земство все съ насъ же идутъ денежки!—подхватилъ дружка.—Вотъ оно куда дѣло-то пошло!

Дружка замолкъ, замѣтивъ, какъ сверкнули у Тимошки глаза. Тимошка тряхнулъ волосами, какъ бы отгоняя докучливую мысль и сказалъ.

— Ну, будетъ объ этомъ!... Митька!—валяй острожную!...

Митька широко развелъ гармонію и заигралъ.

Говорила мнѣ мамаша—
Не водись съ ворами

затянулъ Тимошка легкимъ баритономъ;

Поведетъ тебя конвой,
Скуютъ кандала-ами,—

вступили дружно остальные, и пѣсня подъ аккомпанементъ гармоники широкой волной понеслась изъ подземелья наружу.

VII.

У Бунтова двора было много народу, несмотря на стужу и поднимавшуюся метель. Услыхавъ пѣсню, многіе кинулись къ землянкѣ глядѣть; у входа собралась толпа.

— А чортъ васъ принесъ! — выругался Тимошка, оборвавши пѣсню и пугнулъ любопытныхъ.

Толпа шарахнулась вразсыпную, и Бѣленькій захлопнулъ дверь.

— Вотъ еще лѣшій какой выберется, — сказалъ онъ, садясь на мѣсто,—старика приведетъ... Скандалъ выйдетъ!...

Антонъ выпрямился.

— Мои гости! Я и отвѣчаю!—закричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по дну кадушки. Кадушка звонка загудѣла.

— Вѣрно!... Значитъ выпьемъ!—обрадовался дружка и сталъ наливать еще по стакану.

Опасенія Тимошки сбылись. Одна изъ молодыхъ бабъ, отогнанныхъ Тимошкой, пробралась въ избу, поманила Васену и сказала ей торопливо на ухо:

— Ахъ, дѣвонька! Дѣла-ти какія! У васъ въ выходѣ Тимошка Бѣленькій съ кѣмъ-то пьянствуетъ... Огонь развели!...

Васена поблѣднѣла. Слава Тимошки слишкомъ была худа, чтобы не взволноваться сообщенной вѣстью. Она подошла къ столу и нагнулась къ свекору:

Digitized by Google

— Батюшка, сказываютъ, Бѣленькіе пьянствуютъ у насъ въ подвалѣ!...—сообщила она громкимъ шопотомъ.

Илья Ивановичъ всталъ и посмотрѣлъ вопросительно на сидѣвшаго рядомъ старосту, который слышалъ сообщеніе Васены.

— Что-жъ... Изловить надо?! Какъ же... воры...—забормоталъ староста, нащупавъ въ карманѣ знакъ и надѣвая его себѣ на грудь.

Всѣ всполошились. Оброненное старостой слово «воры» облетѣло мигомъ всю избу.

Илья Ивановичъ со старостою и гостями въ сопровожденіи толпы любопытныхъ направились на улицу.

Увидѣвъ суматоху, Михайла догадался, въ чемъ дѣло, и стремглавъ бросился къ землянкѣ.

— Антонъ! — крикнулъ онъ въ дверь,— тятенька... со старостой!...

Парни всполошились. Тимошка опрометью бросился вонъ изъ землянки, но было уже поздно: старики окружили выходъ.

— Вотъ онъ! Тимошка! Лови!... Вяжи!—закричали нѣсколько голосовъ, когда Бѣленькій высунулся изъ двери.

Староста ухватилъ его за грудь.

Тимошка сначала было растерялся, но при видѣ враждебной толпы его охватила отчаянная храбрость.

Ударивъ неожиданнымъ взмахомъ колѣна старосту въ животъ, онъ рванулся, сбилъ съ ногъ двоихъ мужиковъ и пустился бѣжать. Староста заоралъ отъ боли благимъ матомъ. Нѣкоторые кинулись было въ погоню, но темный силуэтъ Тимошки мелькнулъ только разъ передъ освѣщенными окнами и скрылся во мракѣ. Дружка, воспользовавшись суматохой, незамѣтно шмыгнулъ въ избу и сидѣлъ уже около молодой, какъ ни въ чемъ не бывало.

Когда Илья Ивановичъ спустился въ землянку, то захватилъ тамъ Антона и Митьку. Антонъ стоялъ страшно взволнованный, разсерженный, почти касаясь головой потолка. Красный отблескъ огня освѣщалъ снизу его мощную фигуру. Гигантская тѣнь его дрожала и прыгала по стѣнамъ, по потолку, по всей землянкѣ.

Митька продолжалъ сидѣть на связкѣ кудели и съ равнодушнымъ видомъ накладывалъ застежки своей гармоники въ петли, слегка позвякивая колокольчиками.

Илья Ивановичъ былъ внѣ себя отъ ярости.

— Ты что, сынокъ любезный,—зашипѣлъ онъ на Антона, скрививъ ротъ наподобіе улыбки,—воровской притонъ у меня въ домѣ завелъ?

Антонъ молчалъ.

Digitized by Google

— Ты что? въ атаманы разбойничьи готовишься?!—гаркнулъ онъ во весь голосъ.

— Тятенька!—заговорилъ Антонъ сдавленнымъ голосомъ.

— Тятенька?... нѣтъ! Не отецъ я тебѣ! Шарлатанъ ты этакій! Разбойникъ!—гремѣлъ Илья Ивановичъ.

— Да вѣдь они только въ гостяхъ у меня были!—выкрикнулъ Антонъ съ болью и неожиданно упалъ на колѣни.

Старикъ обрадовался этому, какъ радуется дикій звѣрь легко доставшуюся добычу. Онъ судорожно вцѣпился пальцами въ кудри Антона и сталъ ихъ злобно рвать, выкрикивая съ визгомъ:

— Въ гости?!! Воровъ въ гости!... Мошенниковъ! Поджигателевъ!

Антонъ не сопротивлялся, и старикъ, опьяненный злобой, съ наслажденьемъ рвалъ волосы сына.

— Тятенька! Оставь... Оставь ради Христа...—сказалъ взволнованно Михайла, подходя сбоку къ отцу и дотрогиваясь до его руки.

— Цыцъ!—огрызнулся отецъ на Михайлу и размахнулся руками.

Антонъ всталъ. Все его существо наполнилось яростью. Глаза горѣли, грудь высоко вздымалась, жилы на вискахъ надулись и, казалось, вотъ-вотъ лопнутъ отъ напряженія. Онъ сжалъ кулаки. Не извѣстно, что бы произошло, если бы Михайла не обратился порывисто къ нему:

— Антонъ, уйди!... Уйди!...

— Уйди!... Вонъ!—закричалъ Илья Ивановичъ не своимъ голосомъ.

Не то вздохъ, не то стонъ, или заглушенное рыданіе вырвалось изъ груди Антона, и онъ, пошатываясь, вышелъ изъ землянки. Толпа передъ нимъ разступилась. Сдѣлавъ два шага по направленію къ дому, онъ остановился, обвелъ мутнымъ взоромъ освѣщенныя окна и, качнувъ рѣшительно головой, пошелъ прочь отъ двора на дорогу. Безъ шапки, въ легкой поддевкѣ, въ голыхъ сапогахъ шагалъ онъ цѣликомъ по снѣгу, не замѣчая ни свистящей бури, ни съ шипѣньемъ бьющаго въ глаза снѣга. Лицо его горѣло, въ ушахъ былъ звонъ, а кожа на головѣ саднила и казалось, что кто-то скальпировалъ его черепъ.

Разбитый, шатаясь на ногахъ, вошелъ Илья Ивановичъ въ избу и грузно опустился на лавку.

Встревоженные семейной драмой, гости стали благодарить за хлѣбъ за соль и прощаться.

Digitized by Google

Бунтовъ сдѣлалъ было попытку уговаривать гостей остаться, но безсильно махнулъ рукой и погрузился въ какой-то столбнякъ. Возбужденіе его мигомъ смѣнилось апатіей.

Василій, уже не спрашиваясь отца, подкатилъ на сѣромъ жеребцѣ къ крыльцу, посадилъ молодыхъ и лихо передомъ понесся по улицѣ.

Другія подводы, позвякивая колокольчиками, пустились вслѣдъ за ними. Сверхъ обыкновенія безъ пѣсенъ, безъ гармоники, безъ громкихъ разговоровъ катилъ свадебный поѣздъ по селу.

IX.

Несмотря на сильное возбужденіе Антонъ скоро почувствовалъ, что зябнетъ. Онъ подносилъ ко рту то одну, то другую руку, дулъ на нихъ, но пальцы ломило отъ холода. Озябли и ноги. Остановившись около какой-то мазанки, зашелъ онъ съ подвѣтренной стороны, прислонился къ стѣнкѣ и сталъ обдумывать свое положеніе. Ясно, что идти сейчасъ прямо въ городъ немыслимо; по крайней мѣрѣ одѣться бы, что ли, теплѣе. Вернуться домой? Нѣтъ, нѣтъ... Онъ не вернется. Вѣдь все равно недоставало только этого крупнаго скандала, и теперь, когда дѣло сдѣлано, когда разомъ можно прикончить съ прошлымъ,—нелѣпо возвращаться. Антонъ нащупалъ карманъ: паспортъ съ нимъ.

«Какъ быть? Какъ быть?»—мучительно думалъ онъ, сжимая голову застывающими руками. Идти ночевать къ роднымъ? Но къ кому? Единственное близкое, любящее существо—это его тетка, сестра матери, но она въ другомъ селѣ, туда—семь верстъ. Есть другіе родные, но отъ однихъ разспросовъ убѣжишь, не зная куда. Какъ быть? Мелькнула было у него мысль пойти къ Бѣленькимъ, переночевать у нихъ. Нѣтъ, нельзя. Если Тимошку еще не поймали, то навѣрное, ночью прибудутъ за нимъ: вѣдь онъ оскорбилъ дѣйствіемъ старосту при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Идти къ Марѳуткѣ?... Не стоитъ. Она, можетъ быть, и не дома, эта сытая, красивая женщина.

Между тѣмъ вьюга усиливалась, морозъ крѣпчалъ и давалъ себя знать сильнѣй и сильнѣй.

Что-нибудь надо предпринять.

Антонъ нерѣшительно пошелъ по улицѣ къ дому. Вѣтеръ дулъ теперь взадъ. Вьюга хлыстала въ спину, выла, шипѣла и сыпала, сыпала снѣгомъ безъ конца. Недавно еще шумное село точно вымерло, даже собакъ и караульщиковъ не было слышно. Улица точно ши

Digitized by Google

роко раздвинулась, и гдѣ-то вдали мерцали ряды тусклыхъ, чуть замѣтныхъ огоньковъ.

Антонъ подошелъ къ своему двору. Рыжій кобель выскочилъ изъ-подъ воротни и съ легкимъ визгомъ сталъ вертѣться подъ ногами. Домъ былъ освѣщенъ, но черезъ мерзлыя окна ничего не было видно. Изрѣдка темный силуэтъ обрисовывался на матовыхъ стеклахъ и исчезалъ. Что-то тамъ дѣлается? Не взойти ли? Сердце Антона застучало. Нѣтъ, нѣтъ... надо кончить.

Антонъ пошелъ къ землянкѣ. Дверь была отворена. Снѣгъ кружился и со свистомъ влеталъ въ нее, засыпая ступеньки. Въ печкѣ тлѣлись еще догоравшіе уголья, слегка подернутые налетомъ золы. Антонъ разворочалъ ихъ и сталъ грѣться. По землянкѣ разлился красноватый полумракъ. Кадушка стояла на прежнемъ мѣстѣ, на ней лежала бокомъ бутылка. Антонъ взялъ бутылку, въ ней еще оставалось немного водки.

Думая согрѣться, онъ поднесъ ее къ губамъ. Рѣзкій сивушный запахъ ударилъ въ носъ, рѣзнувъ непріятно по нервамъ. Онъ швырнулъ бутылку въ уголъ и вышелъ изъ землянки.

Въ это время скрипнула калитка, и на улицу вышла закутанная женская фигура. Съ трудомъ шагая по сугробу, она пошла мимо. Антонъ узналъ тетку Марью и позвалъ:

— Тетка Маша!

Баба остановилась и заговорила жалобно нараспѣвъ:

— Ахъ ты, соколикъ мой горемычный! Какъ же это ты, а?... вотъ напасть!... А все невѣстка, змѣя этакая, прости Господи!... она взбулгачила и старика-то... Зазналась въ богатомъ-то домѣ живучи...

Антонъ спросилъ:

— Отецъ дома?

— Дома, золотой, дома... Сердитый—ужасъ! Сидитъ: ночь ночью... И какъ ты на глаза ему покажешься, сердечный?...

— То-то я не хочу идти ночевать домой...

— И не ночуй, касатикъ, заѣстъ!... Завтра, дастъ Богъ, остынетъ—въ ножки поклонись... Только куда-жъ ты пойдешь, болѣзный мой?...

— Объ этомъ-то я и думаю,—мрачно сказалъ Антонъ.—Ахъ, горе, горе!... Къ себѣ бы я позвала, да, вишь ты, дѣло мое вдовье... житье сиротское...

Антона осѣнила счастливая мысль.

— Вотъ что, тетка Маша,—сказалъ онъ торопливо,—Мишанька гдѣ?

Digitized by Google

— На лавкѣ сидитъ, болѣзный, убитый такой...

— Вернись-ка въ избу, вышли мнѣ его... только, чтобъ незамѣтно... я съ нимъ потолкую.

— Охъ, потолкуй, соколикъ, потолкуй!... — одобрила тетка Марья и вернулась къ Бунтовымъ.

— Съ одежей чтобъ вышелъ!—сказалъ ей вдогонку Антонъ.

— Я и забыла спросить тебя, Васенушка,—сказала тетка Марья, входя въ избу,—утре придти подсобить-то?

— Нѣтъ, тетка Марья, я ужъ сама справлюсь,—отвѣтила Васена, укладывая свои наряды въ сундукъ. Она, видимо, уже собиралась спать.

— А я вышла, да пришло мнѣ на память... Дай-кось, молъ, спрошу... Пуржитъ... и-и, Господи...—Тетка Марья замялась и, переминаясь, стояла у порога. Михайла сидѣлъ къ ней задомъ, и она придумывала, какъ бы его вызвать.

Илья Ивановичъ мрачно, вопросительно взглянулъ на бабу. Она растерялась окончательно и безсвязно забормотала:

— Понесла какая... Свѣту Божьяго не видно... Что народу, поди, померзнетъ... Скотинѣ-то сердечной каково...

Илья Ивановичъ поднялъ голову и спросилъ Михайлу:

— Овцы-то на дворѣ?

— На дворѣ.

— Загнать надо въ хлѣвъ... вишь пуржитъ...

Михайла всталъ, накинулъ на плечи полушубокъ и собрался выходить.

— А ты бы, касатикъ, потеплѣе одѣлся,—заговорила радостно тетка Марья: валенки надѣнь, да тулупъ, а то не вылѣзешь, даромъ что...

Михайла вопросительно взглянулъ на тетку Марью и понялъ въ чемъ дѣло. Онъ полѣзъ въ свой сундучокъ, порылся тамъ, надѣлъ Антонову шапку, его же полушубокъ, сунулъ подъ полу валенки и пошелъ.

— Гдѣ?—спросилъ онъ, спускаясь съ крыльца и невольно вздрагивая отъ ужаса при видѣ разыгравшагося бурана.

— У землянки... ждетъ...—шопотомъ отвѣтила баба.

Антонъ крѣпко пожалъ руку брату.

— Спасибо, тетка Маша,—сказалъ онъ съ чувствомъ, оборачиваясь къ сердобольной бабѣ.—Не поминай лихомъ...

— Что-й-то ты, родимый!—испугалась та,—ужъ чего худого не замыслилъ ли?

— Нѣтъ, тетушка, въ городъ уйду... Прощай...

Digitized by Google

— Богъ проститъ, соколикъ!... Знамо... Что ужъ за житье?... Только какъ же это ты безъ благословенья-то родительскаго? Дай-ка-сь я тебя перекрещу... Нѣтъ у тебя ро-ди-и-мой ма-а-тушки!—заголосила она тихонько.

Антонъ нагнулся къ бабѣ, та перекрестила его, поцѣловала трижды и поплелась къ себѣ, причитая жалкія слова.

Братья вошли въ землянку.

Михайла спросилъ:

— Неужто сейчасъ хочешь идти? Пропадешь...

— Пойду, Миша,—сказалъ Антонъ, надѣвая валенки и полушубокъ.—Доберусь до тетки Поли... семь верстъ не велика важность... Переночую, а завтра въ городъ.

— Може бы остался...—заговорилъ Михайла нерѣшительно.—На тятеньку глядѣть жалость... Больно ему все это...

Антонъ сказалъ:

— Мнѣ въ тыщу разъ больнѣе... Что дѣлать?... все равно—не нынче-завтра, а уходить надо... Не житье, видно, мнѣ въ мужикахъ-то... Прощай, Миша, прощай!...

Братья обнялись.

Михайла досталъ изъ кармана что-то завернутое въ бумагу и сунулъ въ руку Антону.

— Что это?—спросилъ тотъ.

— Это... это... пригодится въ дорогѣ... деньжонокъ маленько...

— Спасибо, Миша, заработаю, вышлю... заплачу...

— Ну, что тамъ... а ты напиши мнѣ письмо.

— Напишу... Какъ устроюсь, пропишу все... можетъ быть, и ты переберешься... Тоскуешь вѣдь, Миша? а?

Михайла понуро отвернулъ лицо въ сторону.

— Въ городу-то сказываютъ, еще хуже... душевныхъ людей совсѣмъ мало...

— Ну, да поживемъ,—увидимъ! Прощай!...—сказалъ Антонъ болѣе бодро и вышелъ изъ землянки.

Клубы сухого сыпучаго снѣга ударили ему въ лицо, какъ бы загоняя назадъ.

— Постойка-сь!—крикнулъ вслѣдъ брату Михайла.

Антонъ остановился, сгибаясь къ вѣтру спиной.

— Помнишь?... Мы тогда говорили про правду-то?...

— Ну?

— Я тебѣ тогда не сказалъ... Какъ-то вродѣ стыдно было...

— Ну, ну?—торопилъ Антонъ.

— Онъ намъ говоритъ... Ее добывать надо, правду-то... Мы и

Digitized by Google

братство такое учредили, чтобъ за правду стоять. У насъ книжки про это есть... Хоро-шія книжки!... вотъ бы тебѣ хоть одну прочитать?!

Антонъ взглянулъ мутными глазами на брата и засмѣялся.

— Будутъ болтать... у Бунтовыхъ тоже середній ушелъ... своей дорогой, какъ Бабушкинъ большакъ... Ха-ха-ха!... разругался, взялъ валенки, да и въ городъ... Прощай!...

— Прощай!

Антонъ рѣшительно зашагалъ по сугробамъ навстрѣчу метели, морозу и бездорожью.

Задумчиво глядѣлъ Михайла вслѣдъ удалявшемуся брату и, когда высокая сгорбленная фигура задернулась снѣжнымъ туманомъ, пошелъ загонять овецъ.

С. Аникинъ.

Digitized by Google

Univ. of California

Къ исторіи нашихъ университетскихъ уставовъ.

Въ настоящую минуту, когда официально приступлено къ пересмотру университетскаго устава, интересно окинуть однимъ взглядомъ всю исторію возникновенія и существованія теперешняго университетскаго устава и сравнить ее съ судьбой прежде существовавшихъ въ Россіи университетскихъ уставовъ. Въ данный моментъ очень поучительно вспомнить наиболѣе характерныя черты всѣхъ прежнихъ уставовъ и отмѣтить тѣ обстоятельства, при которыхъ происходила смѣна ихъ.

Прежде всего обращаетъ вниманіе характерный самъ по себѣ фактъ—недолговѣчность нашихъ университетскихъ уставовъ; это одна изъ наиболѣе любопытныхъ особенностей эволюціи россійскихъ университетовъ, ярко бросающаяся въ глаза при сравненіи съ исторіей соотвѣтствующихъ западныхъ учрежденій. Въ противоположность консервативному характеру исторіи большинства иностранныхъ старыхъ университетовъ, сравнительно молодые еще университеты русскіе пережили въ теченіе только одного столѣтія 1804—1904 г. уже четыре устава и теперь находятся наканунѣ введенія пятаго.

Мы имѣли уставы 1804 г., 1835 г., 1864 г. и 1884 г. Почти каждый изъ нихъ довольно скоро подвергался разнообразнымъ, иногда кореннымъ измѣненіямъ, и съ теченіемъ времени даже не легко становилось примѣнять параграфы устава къ текущимъ событіямъ университетской жизни. Во всякомъ случаѣ первоначальный текстъ такъ скоро покрывался многими наслоеніями, что самъ по себѣ онъ терялъ практическое значеніе и пересмотръ устава черезъ каждые 30—20 лѣтъ являлся у насъ жизненной необходимостью. Скажемъ теперь же, что эти явно ненормальныя явленія обусловливались главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что наше министерство народнаго просвѣщенія, главную задачу котораго по идеѣ должно было бы составлять распространеніе и укрѣпленіе образованія въ странѣ, подпало вскорѣ же по своемъ возникновеніи подъ сильное вліяніе другого министерства—внутреннихъ дѣлъ. Благодаря этому не только значительная часть дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія была поглощена совершенно чуждыми ему дѣлами, но часто возникали конфлик-

Digitized by Google

ты между основными задачами министерства и навязанными ему политическими и полицейскими заботами. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ дѣятельность министерства не всегда отличалась послѣдовательностью и часто вредно отражалась на судьбѣ подвѣдомственныхъ ему учрежденій. Въ высшей степени характерно, что ближайшими поводами къ пересмотру университетскихъ уставовъ каждый разъ бывали не собственныя нужды университетской жизни, но общія политическія событія или связанныя съ ними студенческія волненія.

Впервые мысль объ основаніи университета въ Россіи возникла при Петрѣ I, и онъ самъ еще въ послѣдній годъ своей жизни утвердилъ докладъ Блументроста (перваго президента нашей академіи наукъ) объ учрежденіи университета при академіи наукъ. Тотчасъ же послѣ смерти Петра сдѣлана была попытка осуществить эту идею, но она совершенно не удалась—за отсутствіемъ желающихъ учиться.

12 января 1755 г. утвержденъ проектъ объ учрежденіи московскаго университета, выработанный Ломоносовымъ и Шуваловымъ, который офиціально названъ «изобрѣтателемъ того полезнаго дѣла». Настоящаго, вполнѣ законченнаго устава не было дано университету, организація его была намѣчена лишь въ общихъ чертахъ и многое предоставлялось на усмотрѣніе куратора университета. Въ указѣ императрицы Елизаветы 12 января сказано: «а въ дополненіе штата (т.-е. устава) дается воля куратора».

По уставу 1755 г. университетъ не представлялъ изъ себя правильно организованной ученой корпораціи, не имѣлъ самоуправленія. Правительство, давши сравнительно большія матеріальныя выгоды для учащихъ и учащихся, не рѣшилось довѣрить управленіе университета самимъ профессорамъ, большей частью иностранцамъ, только что выписаннымъ изъ-за границы и имѣвшимъ очень мало общаго съ остальнымъ русскимъ обществомъ. Для завѣдыванія дѣлами университета былъ назначенъ особый директоръ, который не принадлежалъ къ ученому сословію и управлялъ университетомъ самостоятельно, совѣщаясь съ профессорами лишь по устройству учебной части и по суду надъ студентами. Сверхъ директора назначались еще одинъ или два куратора изъ вельможъ, «которые весь корпусъ въ усмотрѣніи имѣли и о случающихся его нуждахъ докладывали Ея Императорскому Величеству». Университетъ совершенно не зависѣлъ отъ присутственныхъ мѣстъ и властей, кромѣ сената, которому онъ подчинялся непосредственно.

Новый университетъ, дававшій особыя преимущества своимъ ученикамъ, оказался на первое время болѣе обезпеченнымъ слушателями, чѣмъ академическій университетъ въ С.-Петербургѣ. Послѣдній съ этихъ поръ долженъ былъ окончательно прекратить свое существованіе. Но черезъ нѣсколько лѣтъ и московскій университетъ самъ оказался почти въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ и его петербургскій предшественникъ. Созданный не жизненной потребностью въ высшемъ образованіи самой стра-

Digitized by Google

ны, но учрежденный по соображеніямъ правительства для приготовленія необходимыхъ ему чиновниковъ, московскій университетъ сталъ приходить въ упадокъ, что вызвало тревогу правительства. Въ 1765 г. на запросъ императрицы Екатерины о причинахъ, препятствующихъ развитію университета, профессора московскіе указывали уже на факторы, которымъ пришлось играть такую видную роль во всей послѣдующей исторіи русскихъ университетовъ, а именно: недостатокъ матеріальныхъ средствъ, отсутствіе корпоративнаго устройства и самоуправленія. Но ни предложенный профессорами проектъ автономнаго университета, ни проектъ устава, написанный Дидро по порученію императрицы (1775), равно какъ и относящіяся къ университетскому вопросу работы комиссіи объ учрежденіи училищъ (1786 г.) не находили себѣ никакого практическаго примѣненія вплоть до воцаренія Александра I, когда образовано было министерство народнаго просвѣщенія (1802 г.), когда началось переустройство всего учебнаго строя въ Россіи и московскій университетъ впервые получилъ себѣ «Уставъ» (1804 г.), точно опредѣлявшій права университета, всѣ подробности его организаціи и общее направленіе его дѣятельности. Почти тожественные уставы даны и вновь учреждаемымъ казанскому и харьковскому университетамъ. Съ этихъ поръ, собственно говоря, и начинается исторія россійскихъ университетовъ *).

Уставъ 1804 г. по общему духу и по многимъ частностямъ близко сходенъ съ организаціей университетовъ протестантской Германіи того времени (также и дерптскаго университета). Уставъ далъ университету самую широкую автономію. Всѣ университетскія должности—выборныя; ректоръ избирается ежегодно и утверждается Высочайшей властью. Совѣтъ является сосредоточіемъ всей университетской жизни, высшей инстанціей, которой подчинены другіе органы университета. Исполнительная власть поручена правленію, состоящему изъ ректора и деканов при участіи «непремѣннаго засѣдателя», назначаемаго попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ. Правленіе является высшей инстанціей университетскаго суда, апеллировать на который возможно лишь въ правительствующій сенатъ. Этому суду подлежатъ всѣ дѣла, кромѣ дѣлъ о недвижимомъ имуществѣ и уголовныхъ дѣлъ; въ послѣднихъ правленіе университета, произведя «первоначальное изслѣдованіе» препровождаетъ съ мнѣніемъ своимъ въ правительственный судъ, въ который однако допускается и депутатъ отъ университета. Участіе попечителя въ управленіи дѣлами ограничивается надзоромъ за дѣятельностью правленія университета черезъ посредство вышеупомянутаго «непремѣннаго засѣдателя». Попечители округовъ живутъ въ Петербургѣ и лишь ежегодно ревизуютъ округи, постоянное управленіе которыми поручается университетамъ. Послѣднее сдѣлано съ цѣлью

*) Проектированный тогда же и на тѣхъ же основаніяхъ с.-петербургскій университетъ открылся лишь въ 1819 г. II, 16. Дерптскій университетъ, вновь открытый въ 1802 г., равно какъ и преобразованный въ 1803 г. Виленскій университетъ, имѣлъ свои особые уставы.

Digitized by Google

болѣе тѣснаго сближенія среднихъ учебныхъ заведеній съ университетомъ, котораго одна изъ главныхъ задачъ состояла въ приготовленіи преподавателей для средней школы. Университетъ подчиняется непосредственно министру, хотя и состоитъ въ особомъ вѣдѣніи члена главнаго управленія училищъ.

Несмотря на либеральное направленіе первой половины царствованія Александра I, автономія университета даже въ это время не легко совмѣщалась со строемъ всѣхъ остальныхъ государственныхъ учрежденій и съ общимъ направленіемъ русской жизни. Съ 1817 г. начался систематическій рядъ ограниченій свободы университетовъ въ видѣ высочайшихъ указовъ, превратившихъ наконецъ уставъ 1804 г. почти въ мертвую букву. Это не могло не отразиться крайне тяжело на жизни и всей дѣятельности молодыхъ университетовъ; они и безъ того начали приходить въ упадокъ послѣ войны 1812 г. Лучшіе иностранные профессора почти всѣ уѣхали или вышли въ отставку, замѣнить ихъ пришлось людьми неспособными, мало подготовленными, даже не имѣющими законныхъ ученыхъ степеней. Вся организація высшаго и средняго образованія оказывалась разстроенной.

Недовѣріе къ принципамъ устава 1804 г. достигло высшей степени въ періодъ 1824—28 г. Съ 1827 г. начались работы коммиссій по пересмотру устава, задачей которыхъ было приноровить европейское просвѣщеніе къ русскому быту — къ самодержавію, православію, русской народности. Заговоръ декабристовъ ускорилъ введеніе реформы *).

Слѣдующій уставъ 1835 г. есть обобщеніе и узаконеніе сдѣланныхъ ранѣе отдѣльныхъ ограниченій устава 1804 г., но всетаки онъ далъ университетамъ болѣе свободы, чѣмъ ея было въ періодъ 1824—1828 г. при старомъ уставѣ. Теперь университетъ превратился только въ высшее учебное заведеніе, уже болѣе не представляя изъ себя ученой корпораціи. Правда, сохранилась внѣшняя организація совѣта и факультетскихъ собраній, но изъ вѣдѣнія совѣта были совершенно изъяты судъ, университетская полиція и все хозяйственное управленіе. Совѣту оставлены технически-учебныя дѣла, выборъ ректора и декановъ (на 4 года), выборъ профессоровъ также, но и министръ получилъ право назначать профессоровъ по своему усмотрѣнію. Попечитель назначаетъ инспектора студентовъ изъ лицъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ. Права инспектора не регламентированы и взысканія имъ налагаются безъ суда. Попечитель поставленъ въ необходимость самъ вмѣшиваться во всѣ подробности студенческаго быта. Доступъ въ университетъ затрудненъ для низшихъ сословій.

Послѣ европейскихъ событій 1848 г. административный надзоръ за учащимися и учащими усиливается до чрезвычайности. Совѣтъ лишился

*) Послѣ польскаго возстанія 1830 г. былъ закрытъ Виленскій университетъ и вмѣсто него учрежденъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, который долженъ былъ, по словамъ графа Уварова, играть роль русской „умственной крѣпости“ — на ряду съ существующей тамъ военной—въ дѣлѣ обрусенія края.

Digitized by Google

права избирать ректора (1849. X. 12), число студентовъ—исключая медицинскаго факультета — въ каждомъ университетѣ ограничено 300-ами. Преподаваніе стѣснено неподвижными программами; философія присоединена къ каѳедрѣ богословія; государственное право, политическая экономія совсѣмъ упразднены. Запрещены заграничные отпуски профессоровъ и совершенно прекращено отправленіе молодыхъ ученыхъ за границу для приготовленія къ профессурѣ. Установлена строгая цензура для всей печати какъ русской, такъ и заграничной. Къ концу царствованія Николая I все это привело, наконецъ, къ полному упадку университетовъ, и не только къ желанному уменьшенію числа студентовъ, но и вообще — ученыхъ въ Россіи.

Этотъ мрачный періодъ не былъ очень продолжителенъ. Съ воцареніемъ Александра II вскорѣ возвращены были одно за другимъ всѣ права устава 1835 г., а въ 1861 г. было офиціально объявлено о начавшемся пересмотрѣ устава 1835 г.

Ближайшимъ поводомъ къ пересмотру устава 1835 г. были студенческія волненія. Въ университетѣ переходъ отъ николаевскихъ суровыхъ порядковъ къ болѣе либеральному режиму при воцареніи Александра II вызвалъ бурныя проявленія долго угнетавшейся жизни *). Съ 1858 г. студенческіе безпорядки стали уже серьезнымъ препятствіемъ для занятій; вмѣстѣ съ тѣмъ они все болѣе и болѣе принимали политическій характеръ. Начались серьезныя столкновенія съ полиціей. 1861. XII. 20 изъ-за такихъ безпорядковъ былъ окончательно закрытъ С.-Петербургскій университетъ послѣ безплодныхъ попытокъ начать занятія въ теченіе перваго семестра 1861—62 года. Въ томъ же самомъ указѣ, который объявлялъ о закрытіи С.-Петербургскаго университета впредь до утвержденія новаго устава, сообщалось, что Высочайше утвержденная коммиссія для пересмотра устава 1835 г., состоящая изъ попечителей округовъ и профессоровъ, уже открыла свои засѣданія.

Реформа университетовъ и вообще всей системы образованія въ 60-ыхъ годахъ подготовлялась правительствомъ съ небывалой тщательностью и энергіей. Въ 1862 г. проектъ университетскаго устава, выработанный вышеупомянутой коммиссіей на основаніи подготовительныхъ работъ, начав-

---

*) „Едва повѣяло новою жизнью,—писалъ Н. И. Пироговъ,—едва общество почувствовало новыя стремленія, тотчасъ же появились рефлективныя движенія въ университетѣ". Однимъ изъ первыхъ проявленій возрождающейся жизни въ университетѣ было пробужденіе корпоративнаго духа. Студенты, освобожденные съ 1855 г. отъ безсмысленно строгой внѣшней дисциплины, а въ С.-Петербургѣ даже получившіе нѣкоторую организацію въ видѣ кружковъ, сейчасъ же стали требовать и нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ реформъ академической жизни. Неудовлетвореніе этихъ требованій вызвало почти одновременно во всѣхъ университетахъ студенческія волненія, сначала легкія, но повторявшіяся ежегодно и все усиливающіяся благодаря неопредѣленному и непослѣдовательному образу дѣйствій правительства.

Digitized by Google

шихся еще съ 1858 г., былъ представленъ на разсмотрѣніе всѣхъ университетовъ и, переведенный на иностранные языки, разосланъ даже за границу многимъ выдающимся ученымъ и педагогамъ. Онъ привлекъ живѣйшее вниманіе всего русскаго образованнаго общества и вызвалъ цѣлый рядъ статей въ русской общей печати. Поступившіе въ министерство доклады, замѣчанія, также многія статьи изъ общей прессы были собраны и напечатаны въ видѣ отдѣльнаго сборника — 2 тома русскихъ авторовъ и 1 томъ иностранныхъ. Кромѣ того, проф. Кавелинъ былъ командированъ за границу съ цѣлью собрать на мѣстѣ точныя свѣдѣнія о положеніи университетовъ западной Европы. Собранный такимъ образомъ богатый матеріалъ, переработанный повторно въ коммиссіяхъ и высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, и послужилъ основаніемъ для устава, утвержденнаго 1893. VI. 18.

Уставъ 1863 г. занимаетъ среднее положеніе между уставами 1804 и 1835 г. Онъ отличается отъ послѣдняго устава тѣмъ, что 1) даетъ университету гораздо бо̀льшую самостоятельность въ дѣлахъ внутренняго управленія, 2) даетъ лучшую научную и матеріальную организацію преподаванія и 3) по отношенію къ учащимся — усиливаетъ вліяніе ученой корпораціи и авторитетъ университетской власти. Центральной идеей устава является автономія профессорской корпораціи съ выборнымъ (на 4 года) ректоромъ во главѣ. Возстановленъ и университетскій судъ, но на иныхъ началахъ, чѣмъ въ уставѣ 1804 г.: онъ простирается только на проступки, не выходящіе за предѣлы университетской корпораціи. Инспекторъ студентовъ избирается совѣтомъ. Въ сравненіи съ уставомъ 1835 г. число штатныхъ преподавателей увеличено (на 67%), а штатныя суммы на содержаніе 5 университетовъ увеличены почти на 900.000 р.—кромѣ спеціальныхъ средствъ.

Но нельзя не отмѣтить однако, что уставъ 1863 г. въ дѣйствительности далеко не осуществилъ всѣхъ либеральныхъ стремленій, которыми проникнуты большинство вышеупомянутыхъ замѣчаній на проектъ устава. Опасеніе студенческихъ безпорядковъ и недовѣріе правительства къ студенческимъ корпораціямъ были еще слишкомъ велики; это наложило свой отпечатокъ на весь уставъ. Самоуправленіе было не вполнѣ гарантировано, попечитель сохранилъ неопредѣленную и довольно широкую власть. Характерная для германскихъ университетовъ свобода преподаванія и слушанія тоже не была допущена уставомъ и замѣнена обязательными учебными планами и курсовыми экзаменами (французская система).

Уставъ 1863 г. въ своемъ первоначальномъ видѣ просуществовалъ очень недолгое время—всего 3—4 года. Поводомъ къ ограниченіямъ устава и вмѣшательству администраціи во внутреннюю жизнь университетовъ были студенческіе безпорядки политическаго характера, которые и вызвали со стороны правительства экстренныя и радикальныя мѣры, особенно въ 70-хъ годахъ—въ періодъ усиленной борьбы правительства съ политиче-

Digitized by Google

скими партіями *). Ограниченія устава начались тотчасъ же со вступленіемъ графа Толстого въ управленіе министерствомъ.

Учрежденный въ 1869 г. варшавскій университетъ получилъ уже важныя измѣненія обще-университетскаго устава 1863 г.: для него ректоръ уже назначается министромъ. Въ 1872 г. уже поднимался въ министерствѣ вопросъ о коренномъ пересмотрѣ устава, но противъ этого энергично высказались всѣ университеты. Въ 1874 г. въ особыхъ совѣщаніяхъ министровъ подъ предсѣдательствомъ Валуева принципіально былъ рѣшенъ вопросъ о необходимости преобразованія внутренней организаціи университетовъ, для устраненія главной причины студенческихъ волненій и указаны слѣдующія руководящія начала для реформы: 1) ограниченіе автономіи профессорскихъ коллегій съ изъятіемъ изъ ея вѣдѣнія административно-полицейскихъ обязанностей; 2) установленіе новаго порядка назначенія профессоровъ; 3) усиленіе правительственнаго контроля за преподаваніемъ; 4) ограниченія излишняго притока мало приготовленныхъ и матеріально не обезпеченныхъ слушателей. Въ 1875 г. для разработки проекта новаго устава на этихъ началахъ образована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Делянова, которая и закончила свои занятія въ 1879 г. Въ то же время, какъ бы съ цѣлью постепенной подготовки университетовъ къ принятію новаго устава, предварительно послѣдовалъ рядъ циркуляровъ, ограничивающихъ отдѣльные наиболѣе важные параграфы устава 1863 г. Такимъ путемъ къ 1879 году былъ упраздненъ университетскій судъ, ограничены права совѣта, усилена власть инспекціи, личный составъ которой уже сталъ назначаться попечителемъ. Въ 1880 г. II. 6 проектъ новаго устава уже былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Удаленіе изъ министерства графа Толстого отсрочило университетскую реформу всего лишь на 4 года. При быстро смѣнившихся двухъ новыхъ министрахъ—Сабуровѣ и Николаи, началась было реакція въ обратную сторону. Въ 1881 г. V. 26 былъ даже возстановленъ въ полной силѣ уставъ 1863 г., но послѣ смерти Александра II въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ начало рѣзко преобладать совсѣмъ другое направленіе, и въ это время обсужденіе мѣръ противъ студенческихъ безпорядковъ было уже невозможно на почвѣ устава 1863 г. Была назначена особая коммиссія для составленія «правилъ для усиленія надзора за учащейся молодежью» подъ предсѣдательствомъ Делянова. Деляновъ призналъ всѣ предложенія своей коммиссіи—палліативами и представилъ Государю свое особое мнѣніе о неотложности коренныхъ реформъ для превращенія университетовъ «изъ разсадниковъ агитаціи—въ разсадники науки». Съ назначеніемъ Делянова на постъ министра судьба университета была рѣшена, и разработанный гр. Толстымъ уставъ, противъ котораго и теперь выска-

*) Для характеристики этого времени достаточно сказать, что съ половины 1873 г. по 1 января 1877 г. изъ числа лицъ, прикосновенныхъ къ противогосударственной пропагандѣ, воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній составляли 50%.

Digitized by Google

залось большинство членовъ государственнаго совѣта (18 противъ 6), былъ введенъ по Высочайшему повелѣнію 1884 г. VIII. 15.

Наиболѣе характерной особенностью устава 1884 г., проходящей яркой чертой черезъ всѣ его жизненные пункты, является недовѣріе къ университету со стороны высшей администраціи. Новый уставъ полнѣе всѣхъ предыдущихъ осуществилъ идею административнаго контроля надъ всей внутренней жизнью университета. Теперь не только всѣ отвѣтственныя должности въ университетѣ стали замѣщаться по назначенію, но высшей администраціи были предоставлены преимущественныя права во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ университета. Особое вниманіе было обращено на то, чтобы устранить всякую почву для университетскихъ безпорядковъ и противоправительственной пропаганды. Многочисленныя распоряженія и инструкціи не замедлили дополнить подчиненіе университета «сильной правительственной власти». Начиная съ изданныхъ въ 1885 г. правилъ объ экзаменныхъ требованіяхъ, имѣвшихъ цѣлью «дать извѣстное направленіе обязательнымъ занятіямъ учащихся», министерство не переставало до послѣднихъ лѣтъ открыто признавать своимъ руководящимъ принципомъ—крайнее недовѣріе къ университетской корпораціи.

Проведеніе въ жизнь принциповъ устава 1884 г. встрѣтило съ самаго начала не мало затрудненій. Пришлось даже сдѣлать нѣкоторыя значительныя уступки въ силу реальной необходимости; такъ, напримѣръ, очень скоро потерпѣла измѣненія организація собственно учебнаго дѣла—принципъ раздѣленія на семестры, упраздненіе переводныхъ экзаменовъ, инструкціи для государственныхъ экзаменовъ. Но общій духъ устава сохранился почти въ неприкосновенности до сихъ поръ, вопреки всѣмъ указаніямъ жизненнаго опыта, и большинство послѣдующихъ измѣненій устава были направлены къ достиженію главной, намѣченной въ 1884 году цѣли: водворить въ университетѣ миръ и гарантировать спокойное теченіе академической жизни посредствомъ полицейскаго режима. Эта задача казалась уже съ самаго начала не особенно легкой, въ дѣйствительности же она оказалась совершенно невыполнимой, невозможной. Самъ Деляновъ, вѣрившій такъ въ спасительность принятой имъ системы, въ 1888 г. осенью лично обозрѣвавшій подробно всѣ университеты, долженъ былъ констатировать съ тревогой въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, «что элементы броженія еще не исчезли и университеты еще не гарантированы отъ повторенія безпорядковъ. Требуется еще много настойчивой бдительности начальства и въ особенности—неуклоннаго по одному пути слѣдованія со стороны высшаго правительства, чтобы окончательно лишить враждебные элементы силы и довѣрія». Вся послѣдующая исторія устава 1884 г. можетъ быть резюмирована коротко: это былъ періодъ усиленной, но совершенно безуспѣшной борьбы министерства противъ студенческихъ волненій.

Студенческіе безпорядки вспыхнули съ новой силой вскорѣ же по введеніи новаго устава и съ тѣхъ поръ они сдѣлались почти хроническимъ

Digitized by Google

бѣдствіемъ нашихъ университетовъ. Причины волненій студентовъ лежали большею частью внѣ академической жизни, университетъ былъ лишь вѣрнымъ барометромъ общественнаго настроенія, какъ нѣкогда выразился Пироговъ. Изолировать университетъ отъ жизни не удалось. Всѣ принятыя для этого мѣры оставались безсильны, несмотря на то, что мѣры были самаго разнообразнаго характера, начиная отъ «Временныхъ правилъ объ отбываніи воинской повинности» въ видѣ наказанія для исключенныхъ за университетскіе безпорядки (1899 г. VIII. 29)—вплоть до устройства общежитій при университетахъ или трогательнаго порученія инспекторскому персоналу: не ограничиваться наблюденіями за внѣшнимъ порядкомъ, но имѣть благожелательное попеченіе о различныхъ нуждахъ учащихся и установить съ ними нравственную связь. Не видя само никакого выхода, министерство не останавливалось даже передъ попытками привлечь профессорскій персоналъ къ активному участію въ успокоеніи студентовъ, не давая ему, впрочемъ, никакихъ новыхъ полномочій или гарантій. Но профессора не могли даже при всемъ желаніи повліять на студентовъ. Они все время лишены были права и даже возможности общенія со студентами внѣ узкой сферы учебныхъ отношеній. Между профессорами и студентами по уставу 1884 г. не могло быть прямыхъ и близкихъ отношеній. Между ними стояла инспекція, тщательно оберегавшая студентовъ отъ вліянія профессоровъ. Совѣтъ университета, лишенный по уставу права свободно управлять академической жизнью, не могъ и въ этихъ случаяхъ имѣть должнаго авторитета, ни фактической возможности для прекращенія волненій.

Теперь, какъ и 40 лѣтъ тому назадъ, изысканіе средствъ къ предупрежденію и пресѣченію студенческихъ безпорядковъ неизбѣжно привело къ мысли о пересмотрѣ уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ смыслѣ высказалась еще въ 1899 г. коммиссія Ванновскаго. Къ осуществленію этого даже и было приступлено съ назначеніемъ Ванновскаго министромъ въ 1901 г. послѣ смерти Боголѣпова. Поступившіе тогда на запросъ министерства отзывы отъ совѣтовъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній о желательныхъ измѣненіяхъ уставовъ и штатовъ были систематизированы и образовали матеріалъ для работъ особой Высочайше утвержденной 1902. V. 20 коммиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній подъ предсѣдательствомъ министра Зенгера. Въ составъ этой коммиссіи вошли кромѣ представителей министерства народнаго просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ также и профессора—одна половина ихъ по назначенію, другая по выбору отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ результатѣ своихъ занятій коммиссія выработала основанія для новаго университетскаго устава, еще болѣе автономнаго, чѣмъ уставъ 1863 г. Между прочимъ, они признали возможнымъ совершенно изъять университетъ изъ подчиненія попечителю учебнаго округа; они признали законность существованія разнообразныхъ студенческихъ организацій подъ контролемъ университета.—Хотя этимъ благимъ начинаніямъ не суждено

Digitized by Google

было скоро осуществиться, все же работы этихъ комиссій остаются единственныхъ свѣтлымъ моментомъ въ дѣятельности министерства за всѣ 20 лѣтъ существованія теперешняго устава.

Обстоятельства сложились такъ, что работы комиссіи Зенгера не имѣли до сихъ поръ почти никакихъ практическихъ результатовъ. Вмѣсто ожидаемыхъ всѣми коренныхъ реформъ университеты получили за послѣдніе годы нѣкоторыя новыя права, довольно важныя по виду, но которыя въ дѣйствительности не могли имѣть серьезнаго значенія при оставшемся безъ измѣненій общемъ бюрократическомъ строѣ университетской жизни. Сюда относятся, напримѣръ, временныя правила о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ, новыя правила о студенческихъ курсовыхъ организаціяхъ, разрѣшеніе студенческихъ литературныхъ, музыкальныхъ и т. п. кружковъ и студенческихъ ученыхъ обществъ.

Среди быстро и бурно развивающихся событій русской жизни за послѣднее время университетская молодежь не могла оставаться безучастнымъ зрителемъ; этого невозможно было ожидать, судя по всей предыдущей исторіи русскихъ университетовъ. И теперь ярче, чѣмъ когда-либо выразилась полная неспособность полицейскаго режима въ университетѣ гарантировать правильное теченіе академической жизни. Такимъ трагическимъ образомъ еще не заканчивалось существованіе ни одного изъ прежнихъ университетскихъ уставовъ: забастовали почти сразу всѣ студенты, вынуждены были прервать занятія профессора, дезорганизована вся университетская жизнь и въ полномъ безсиліи очутилась противъ этого и замолкла высшая учебная администрація, вооруженная столь страшными противъ академической жизни полномочіями...

Систематическое осуществленіе министерствомъ программы Делянова и двадцатилѣтнее «неуклонное по одному пути слѣдованіе со стороны высшаго правительства» (слова Делянова) привели университетъ къ переживаемому сейчасъ кризису и поставили въ безвыходное положеніе само министерство, взявшее въ свои руки все управленіе университетомъ, а слѣдовательно и всю отвѣтственность.

В. А. Воробьевъ.

Digitized by Google

Этика Ницше *).

VI.

Приступая къ оцѣнкѣ ученія Ницше, мы должны остановиться, прежде всего, на томъ его недостаткѣ, который прямо бросается въ глаза. Мы разумѣемъ безчисленныя внутреннія противорѣчія въ его сочиненіяхъ. При этомъ мы оставимъ въ сторонѣ смѣну трехъ періодовъ въ дѣятельности Ницше, когда мѣнялись самыя основы его воззрѣнія и соотвѣтственно этому измѣнялись и выводы его по отдѣльнымъ вопросамъ. Такая перемѣна основныхъ точекъ зрѣнія сама по себѣ ничего недопустимаго въ себѣ не заключаетъ и встрѣчается не одинъ разъ въ исторіи философіи. Конечно, и это обстоятельство имѣетъ свое значеніе, свидѣтельствуя о необычайной безпокойности мысли нашего автора. Игнорированіе этого при изложеніи философіи Ницше прямо недопустимо, такъ какъ тогда исчезаетъ всякая возможность извлечь что-либо опредѣленное изъ 15 томовъ сочиненій Ницше. Критики, которые не считаются съ этой періодизаціей, безъ нужды увеличиваютъ количество внутреннихъ противорѣчій въ философіи Ницше: конечно, если сопоставлять между собой сочиненія, относящіяся къ позитивному періоду, когда Ницше въ отношеніи къ морали стоялъ на общественно-утилитарной точкѣ зрѣнія, съ сочиненіями цикла Заратустры, то разница получится громадная. Но именно этого не слѣдуетъ дѣлать; нужно помнить, что у Ницше была не одна философія, а цѣлыхъ три, и что каждую изъ нихъ слѣдуетъ и оцѣнивать въ отдѣльности.

Но дѣло не ограничивается этими естественными и вполнѣ допустимыми противорѣчіями между послѣдовательно смѣняющими другъ друга точками зрѣнія. Мы обнаруживаемъ противорѣчія въ мысляхъ Ницше даже въ предѣлахъ одного и того же періода, на страницахъ одной и той же книги. Это уже несомнѣнный крупный недостатокъ мыслителя: мы можемъ отъ всякаго автора требовать, чтобы онъ оставался вѣренъ точкамъ зрѣнія, имъ же самимъ установленнымъ. Впослѣдствіи мы займемся выясне-

*) *Русская Мысль*, 1905 г., кн. VII.

Digitized by Google

ніемъ причинъ этой особенности произведеній Ницше; теперь же остановимся на раскрытіи нѣкоторыхъ изъ этихъ противорѣчій, оставаясь все время въ предѣлахъ наиболѣе для насъ интересной эпохи Заратустры.

Мы не будемъ совершенно останавливаться на тѣхъ безчисленныхъ погрѣшностяхъ противъ точной науки, которыя допускаетъ Ницше на каждомъ шагу. Не трудно было бы доказать крайнюю натянутость и малую убѣдительность тѣхъ филологическхъ аргументовъ, которыми онъ старается обставить свою генеалогію морали; не трудно было бы выяснить искусственность и недостаточность тѣхъ схемъ, въ которыя онъ думаетъ втиснуть всю исторію европейской морали; не трудно было бы перечислить явныя ошибки въ передачѣ и освѣщеніи историческихъ фактовъ, которыя допускаетъ Ницше. Но все это не имѣетъ большого значенія для цѣлей, поставленныхъ самимъ авторомъ. Ницше въ послѣднемъ періодѣ и не претендовалъ на роль ученаго и для него имѣли значеніе лишь общія точки зрѣнія, а не историческія изслѣдованія. Иное дѣло—внутреннія противорѣчія мысли. Отсутствія такихъ противорѣчій мы имѣемъ право требовать отъ всякаго писателя. Въ этомъ отношеніи за Ницше много грѣховъ, болѣе важныхъ съ точки зрѣнія поставленной имъ себѣ цѣли, чѣмъ погрѣшности противъ данныхъ исторіи и филологіи.

Прежде всего противорѣчіями кишитъ принятая Ницше въ эту эпоху теорія познанія, если только можно вообще примѣнять это громкое названіе къ усвоеннымъ имъ воззрѣніямъ на истину.

Съ одной стороны, мы находимъ у Ницше категорическое утвержденіе, что онъ руководится девизомъ ассасиновъ, что для него истина не существуетъ; онъ заявляетъ въ приведенной выше «исторіи одного заблужденія», что теперь разрушенъ дѣйствительный міръ метафизиковъ, но вмѣстѣ съ нимъ и міръ кажущійся. Провозглашается свободное творчество, не связанное никакими рѣшительно законами и даже представленіями объ истинѣ.

И въ то же время въ книгѣ, озаглавленной «По ту сторону добра и зла» и содержащей въ себѣ, между прочимъ, всѣ эти соображенія о необязательности не только метафизики, но и научной истины, мы находимъ чистѣйшую метафизику. Непосредственно слѣдуютъ соображенія о волѣ къ жизни, изъ которыхъ ясно, что авторъ именно въ волѣ къ жизни усматриваетъ основной принципъ міра, разсматриваемаго изнутри, міра, опредѣляемаго по его умопостигаемому характеру. Мало того, Ницше въ сочиненіяхъ той же эпохи формулируетъ главный законъ умопостигаемаго міра и провозглашаетъ его не какъ простое предположеніе, а какъ страшную истину: мы разумѣемъ знаменитую теорію возврата всѣхъ вещей, вѣчнаго круговращенія. Это ученіе есть метафизическая гипотеза, недоказанная и недоказуемая. Объявлять ее за страшную истину во всякомъ случаѣ рискованно, особенно же къ тому писателю, который заявилъ, что вообще «ничто не истинно, все дозволено».

Впрочемъ, такого рода противорѣчія совершенно естественны. Ницше

Digitized by Google

сталъ на столь радикальную точку зрѣнія относительно истины, что не могъ не запутаться въ противорѣчіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ отрицаетъ не только метафизику, но истину вообще. Разсуждающій такимъ образомъ не можетъ не впасть во внутреннее противорѣчіе: отрицая все, онъ не можетъ не отрицать и собственнаго отрицанія и впадаетъ въ логическій кругъ, дѣлающійся источникомъ дальнѣйшихъ внутреннихъ противорѣчій [1]).

Пойдемъ дальше. Въ основу представленій о мірѣ Ницше кладетъ законъ вѣчнаго возврата вещей. Казалось бы, что послѣдовательное развитіе этой точки зрѣнія должно привести автора къ полному фатализму. Въ мірѣ ничего не можетъ быть новаго и все, что совершается теперь, повторялось и будетъ еще повторяться безчисленное количество разъ. А между тѣмъ Ницше именно проповѣдуетъ стремленіе къ новому, небывалому доселѣ. Его излюбленнымъ мотивомъ остаются мечтанія о грядущей культурѣ человѣчества, которая создастъ неслыханные результаты. Самый сверхчеловѣкъ представляется Ницше, на первыхъ порахъ развитія этой идеи въ его философіи, чѣмъ-то новымъ, чего еще никогда не было. Въ мірѣ, гдѣ все постоянно повторяется, ничто не можетъ возбудить такого энтузіазма; все уже было, въ томъ числѣ и сверхчеловѣкъ, все это опять будетъ повторяться; все, что происходитъ, очевидно, совершенно неизбѣжно въ этомъ, разъ навсегда установившемся порядкѣ явленій. О чемъ же тогда безпокоиться и чему радоваться? А между тѣмъ именно проповѣдникъ этой совершенно фаталистической теоріи вѣчнаго возврата вещей, обнаруживаетъ необычную горячность въ своей проповѣди «новой» морали, «новаго» ученія о сверхчеловѣкѣ.

Для сторонника ученія о вѣчномъ круговращеніи не можетъ быть никакого смысла и цѣли во всемъ мірозданіи и, въ частности, въ человѣческомъ существованіи. Вѣдь все бытіе сводится къ утомительно однообразному повторенію однихъ и тѣхъ же событій. А разъ нѣтъ смысла въ жизни, то довольно трудно устанавливать какія-либо общеобязательныя расцѣнки. «Что можетъ значить «высшее» и «низшее» въ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни верха, ни низа, гдѣ отсутствуетъ самый масштабъ для опредѣленія превосходства однихъ формъ надъ другими» [2]). Отсутствіе верха и низа въ создаваемомъ его ученіемъ мірѣ признаетъ и самъ Ницше. «Такъ говоритъ мудрость птицъ, читаемъ мы въ Заратустрѣ: «Смотри, нѣтъ ни верха, ни низа. Бросайся вдаль, кругомъ, назадъ, ты легкій! Пой! Не говори больше!» [3]). А между тѣмъ необходимость какого-либо масштаба для моральныхъ оцѣнокъ прекрасно сознавалась Ницше. Въ «Утренней зарѣ» онъ говоритъ: «Вы утверждаете, что мораль состраданія выше, чѣмъ мораль стоицизма? Докажите. Но замѣтьте, что о «высшемъ» и «низ-

---

[1]) Ср. къ этому *Трубецкой*, стр. 71 и сл.
[2]) *Трубецкой*. стр. 142, сл.
[3]) *Werke*, VI, стр. 338.

Digitized by Google

шемъ» въ морали нельзя судить по моральнымъ же мѣркамъ: такъ какъ нѣтъ никакой абсолютной морали. Возьмите, слѣдовательно, масштабы откуда-нибудь еще и тогда посмотримъ» [1]).

Правда, Ницше говоритъ, что дѣло «творящихъ»,—вложить въ міръ смыслъ и установить цѣнности. Но онъ не указываетъ, откуда сами творящіе возьмутъ необходимые для этого масштабы. Это во всякомъ случаѣ будетъ крайне трудно въ мірѣ, лишенномъ какого бы то ни было опредѣленнаго смысла.

А въ то же время Ницше, не дожидаясь этой работы «творящихъ», поетъ извѣстные намъ гимны вѣчности и преклоняется передъ заключающейся въ ней тайной. Въ то же время онъ проповѣдуетъ необходимость движенія впередъ, къ «высшимъ» формамъ жизни, говоритъ о человѣкѣ, какъ о чемъ-то, что должно быть «превзойдено». Возникаетъ естественный вопросъ: почему мы можемъ вѣрить, что проповѣдуемыя Ницше формы жизни дѣйствительно выше существующихъ, почему вообще мы можемъ говорить о какомъ-либо прогрессѣ? Вѣдь прогрессъ есть понятіе, несомнѣнно, включающее въ себя элементъ оцѣнки и потому предполагающее существованіе масштабовъ оцѣнки.

Отсюда проистекаетъ и еще одно послѣдствіе, чисто-практическаго характера. Ницше не одинъ разъ, какъ мы видѣли, предостерегаетъ, что его ученіе—не для всѣхъ, а для немногихъ, избранныхъ, достаточно сильныхъ натуръ. Поэтому его защитники говорятъ, что его нельзя винить въ появленіи такихъ подражателей, которые на почвѣ ницшеанства, въ сущности только даютъ волю своимъ грязнымъ инстинктамъ. Но едва ли можно признать, что упрекъ вполнѣ отпарированъ такимъ возраженіемъ. Правда, Ницше говоритъ, что его ученіе предназначено только для избранныхъ, слѣдовательно, для высшихъ натуръ. Но развѣ онъ даетъ намъ и въ этомъ случаѣ необходимый критерій, чтобы отличать высшія натуры отъ низшихъ. Не въ правѣ ли каждый изъ насъ объявить себя высшей натурой и приступить къ свободному творчеству и къ переоцѣнкѣ всѣхъ моральныхъ цѣнностей [2])?

Но самымъ главнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ оказывается на провѣрку и весь пресловутый «имморализмъ». Ницше не одинъ разъ въ самой категорической формѣ заявляетъ, что его ученіе, какъ онъ самъ выражается, «свободно отъ моралина» [3]). Мы видѣли, что онъ называетъ понятіе долга «большимъ дракономъ», съ которымъ борется ищущій свободы левъ. Только болваны могутъ, по его мнѣнію, возмущаться противъ людей, не знающихъ обязанностей [4]). Цѣль «Заратустры» состоитъ въ разрушеніи всякой морали. «Заратустра создалъ это роковое заблужденіе—мораль. Слѣдовательно, онъ долженъ быть первымъ, кто его позна-

[1]) *Werke*, IV, стр. 143.
[2]) См. также *Fouillée*, стр. 268.
[3]) *Werke*, VIII, стр. 220.
[4]) *Werke*, VII, стр. 182.

Digitized by Google

етъ. Говорить правду и хорошо стрѣлять изъ лука: вотъ персидскія добродѣтели. Понимаете вы меня?... Самопреодолѣніе морали изъ правдивости, самопреодолѣніе моралиста въ свою противоположность, въ меня— вотъ что означаетъ въ моихъ устахъ имя Заратустры» [1]). Такъ объясняетъ самъ Ницше основную мысль своего главнаго произведенія и выборъ имени для его героя.

И тѣмъ не менѣе Ницше въ сущности создаетъ новую мораль, въ которой находитъ себѣ мѣсто даже столь несимпатичное ему понятіе долга. «Кто не умѣетъ повелѣвать, тотъ долженъ повиноваться. А нѣкоторые могутъ себѣ повелѣвать, но многаго имъ еще нехватаетъ, чтобы они себѣ повиновались» [2]). Воинамъ Заратустра даетъ слѣдующіе совѣты: «Возстаніе—это величіе раба. А вашимъ величіемъ пусть будетъ повиновеніе. Самое ваше приказываніе да будетъ повиновеніемъ. Для хорошаго воина «ты долженъ», звучитъ пріятнѣе, чѣмъ «я хочу». И все, что для васъ дорого, вы должны еще приказать себѣ... Но самую высшую идею долженъ я приказать вамъ — и она гласитъ: человѣкъ есть нѣчто, что должно быть превзойдено» [3]). Такимъ образомъ, признается не только долгъ, налагаемый на себя самимъ субъектомъ, но и долгъ, основанный на повелѣніи, исходящемъ извнѣ. Въ «Генеалогіи морали» мы встрѣчаемъ заявленіе, что заглавіе книги «По ту сторону добра и зла» вовсе не означаетъ: «По ту сторону хорошаго и дурного» [4]). Выше приведена была выдержка изъ «Сумерекъ кумировъ», гдѣ Ницше устанавливалъ принципъ, что всякая здоровая мораль—есть, слѣдовательно, и такая—находится подъ господствомъ инстинкта жизни и состоитъ въ томъ, что какой-либо запросъ жизни заполняется опредѣленнымъ канономъ «должно» или «не должно».

Здѣсь мы опять встрѣчаемся и съ моралью, притомъ здоровой, т.-е. не подлежащей осужденію, и съ долгомъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что съ проповѣдью полнѣйшаго уничтоженія морали не особенно вяжется и та великая любовь, которая является однимъ изъ свойствъ высшихъ натуръ. А между тѣмъ о такой любви не разъ съ большимъ паѳосомъ говорится въ «Заратустрѣ»; она ставится выше всякаго состраданія и самоотверженія. Положимъ, эта любовь не есть любовь къ ближнему. Но вѣдь и любовь къ отдаленному, къ идеалу налагаетъ извѣстныя обязанности. Съ такой любовью мы уже близки къ понятію долга.

Итакъ, приходится признать, что «имморализмъ» Ницше не есть отрицаніе всякой рѣшительно морали, но есть только отрицаніе нѣкоторыхъ ходячихъ системъ морали. Ницше не разрушаетъ мораль вообще, но, напротивъ, строитъ новую мораль. Почему же онъ называетъ однако свое ученіе «имморализмомъ?» Это слѣдуетъ объяснить двумя причинами.

---

[1]) *Werke*, VI, стр. 488.
[2]) *Werke*, VI, стр. 291.
[3]) *Werke*, VI, стр. 68.
[4]) *Werke*, VII, стр. 388.

Digitized by Google

Во-первыхъ, здѣсь, несомнѣнно отразилась общая любовь Ницше къ парадоксамъ и преувеличеніямъ. Онъ любитъ каждую свою мысль облекать въ возможно болѣе рѣзкую форму. Во-вторыхъ, какъ указываетъ Циглеръ [1]), здѣсь сказался недостатокъ познаній Ницше въ области современной этической литературы. Онъ зналъ, въ сущности, лишь очень немного моральныхъ системъ. Ему была сравнительно хорошо знакома христіанская мораль, мораль Шопенгауэра, мораль англійской утилитарной школы. Остальныя направленія этики оставались мало извѣстными для него, онъ недостаточно въ нихъ углублялся. Новое его ученіе возникло, какъ противовѣсъ прежнему увлеченію Шопенгауэромъ, который состраданіе кладетъ въ основу морали. Вотъ почему могло зародиться у Ницше представленіе, что отрицаніе сострадания равносильно отрицанію морали вообще.

Конечно, Ницше не былъ правъ и въ своемъ безусловно отрицательномъ отношеніи къ состраданію. Его утвержденія, что состраданіе вредно, такъ какъ парализуетъ благодѣтельное дѣйствіе отбора, не относятся къ самому чувству сострадания, а могутъ быть правильны лишь по отношенію къ нѣкоторымъ неудачно поставленнымъ формамъ общественной благотворительности. Его заявленіе, что состраданіе ослабляетъ жизненныя силы самого сострадающаго, также по меньшей мѣрѣ преувеличено. Напротивъ, обыкновенно величіе и мощь человѣка съ полной силой проявляются именно на почвѣ сочувствія и сострадания.

И въ остальныхъ своихъ частяхъ ученіе Ницше страдаетъ внутренними противорѣчіями. На первый взглядъ кажется, что въ основѣ его моральнаго ученія лежитъ стремленіе къ освобожденію личности, къ торжеству ничѣмъ не стѣсненной человѣческой воли. Но болѣе внимательное знакомство съ доктриной показываетъ, что все сводится къ господству однихъ надъ другими, къ установленію полнаго произвола для однихъ и полнаго рабства для другихъ. При такой постановкѣ, въ сущности, несвободными являются и тѣ, и другіе. Надъ слабыми царитъ произволъ сильныхъ. Для нихъ нѣтъ моральной автономіи, такъ какъ они должны признавать для себя обязательными цѣнности, установленныя сильными. Но и для самихъ сильныхъ нѣтъ свободы при такомъ узаконеніи полнаго субъективизма. Надъ ними царитъ, въ качествѣ какой-то посторонней имъ силы, ихъ собственный произволъ. «Такъ какъ субъективный законъ можетъ быть каждой личностью замѣненъ другимъ въ любой моментъ, то такой законъ будетъ въ послѣдней инстанціи гетерономнымъ даже для самой этой личности. Абсолютный произволъ превращается въ случай, въ прихоть, господствующую надъ своимъ собственнымъ творцомъ, какъ чуждая ему сила, которая въ каждый моментъ можетъ угрожать ему новымъ закономъ, неожиданнымъ для него самого» [2]). Такимъ образомъ, Ницше въ погонѣ за

---

[1]) *Ziegler*, стр. 159.

[2]) *Вундтъ:* „Введеніе въ философію", стр. 321.

Digitized by Google

возможно полнымъ освобожденіемъ личности, въ сущности, достигъ только новаго ея порабощенія.

Мы не будемъ останавливаться на болѣе мелкихъ противорѣчіяхъ, которыя у Ницше встрѣчаются на каждомъ шагу. Укажу для примѣра хотя бы на знаменитый § 260 въ «По ту сторону добра и зла», гдѣ изложено ученіе о морали рабовъ и морали господъ. Здѣсь говорится, что сильныя, властныя натуры устанавливаютъ свои моральныя оцѣнки, исходя изъ гордаго положенія: «что вредно для меня, то вредно само по себѣ». А ровно черезъ двѣ страницы въ томъ же § читаемъ презрительное замѣчаніе, что «мораль рабовъ есть, по существу, мораль полезности». Вся разница состоитъ, очевидно, лишь въ томъ, что въ первомъ мѣстѣ авторъ съ сочувствіемъ относится къ тому же самому принципу оцѣнки, который презрительно отвергаетъ во второмъ [1]).

VII.

Но одними внутренними противорѣчіями дѣло не ограничивается. Если взять въ отдѣльности новую мораль Ницше, не заботясь о ея предпосылкахъ, то и здѣсь открывается самый широкій просторъ всякаго рода недоумѣніямъ. Очень трудно отдать отчетъ, въ чемъ же собственно заключается содержаніе морали сверхчеловѣка, и объяснить, въ какомъ смыслѣ можно считать культурнымъ прогрессомъ самое появленіе сверхчеловѣка.

Въ самомъ дѣлѣ: Ницше заявляетъ, что для сверхчеловѣка долженъ быть открытъ самый широкій просторъ свободнаго, художественнаго творчества, въ которомъ онъ будетъ находить наслажденіе и удовлетвореніе своей воли къ власти. Но въ чемъ же будетъ состоять это творчество и какія оно будетъ преслѣдовать задачи? Вѣдь не будетъ же это совершенно безцѣльнымъ метаніемъ изъ стороны въ сторону? Вѣдь и артистъ въ своемъ художественномъ творчествѣ долженъ быть одушевляемъ какимъ-нибудь идеаломъ прекраснаго? А для этого необходимо имѣть какіе-нибудь масштабы. Ницше намъ не указываетъ, гдѣ могутъ быть взяты эти масштабы. Всякая объективная истина отрицается, а при такомъ условіи отпадаютъ и всякіе болѣе или менѣе твердые масштабы. Остается лишь полный субъективный произволъ.

Ницше — сторонникъ торжества силы, господства сильныхъ надъ слабыми. Но и здѣсь возникаетъ все тотъ же вопросъ. О какой именно силѣ идетъ рѣчь? «Эта теорія права наиболѣе сильныхъ покоится на неясной идеѣ силы, которая въ научномъ отношеніи не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ она можетъ обозначать силу физическую, силу мозговую, силу воли, силу знанія, даже силу любви,—ибо любовь есть также сила. Кто

[1]) *Höffding*, Moderne Philosophen (1905 г.), стр. 168 сл. утверждаетъ, что, въ сущности, Ницше вообще былъ сторонникомъ „морали благосостоянія“. Едва-ли можно вполнѣ примкнуть къ такому утвержденію: оно вноситъ въ этику Ницше больше внутренняго единства, чѣмъ въ ней было на самомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

же, наконецъ, эти сильные, въ жертву которымъ слѣдуетъ принести человѣчество? Простые ли это ярмарочные геркулесы, или геркулесы мысли, или геркулесы сердца? Эти послѣдніе не примутъ такой жертвы; они скорѣе себя принесутъ въ жертву другимъ. Будетъ ли сила, слѣдовательно, измѣряться просто успѣхомъ и побѣдой?» [1]). На всѣ эти вопросы Ницше, какъ мы видѣли, опредѣленнаго отвѣта не даетъ. Онъ то преклоняется передъ Наполеономъ и Цезаремъ Борджіа, то говоритъ о великой любви.

Сильнымъ должны подчиняться слабые. Это — одно изъ основныхъ положеній философа, который, какъ было раньше указано, иногда съ любовью останавливается на мысли о кастовомъ дѣленіи общества. Но что же собственно будутъ дѣлать сильные со слабыми? Мы видѣли, что сильные являются, между прочимъ, творителями цѣнностей; они разбиваютъ старыя скрижали и пишутъ новыя. Что же будутъ писать они на этихъ новыхъ скрижаляхъ, какое ученіе будутъ они диктовать подвластнымъ имъ массамъ? Эти массы представляютъ только матеріалъ для свободнаго творчества избранныхъ натуръ, творчества, въ которомъ творящіе могутъ и должны быть тверды, не должны знать жалости къ своему матеріалу. Но для какой же цѣли необходимъ этотъ матеріалъ и что будетъ изъ него сооружаться?

Свою собственную мораль «сверхчеловѣка» творящіе не могутъ предлагать массамъ, потому что она, какъ самъ Ницше неоднократно подчеркиваетъ, не для нихъ предназначена. Заботиться о ихъ благосостояніи они едва ли обязаны, такъ какъ Ницше, обыкновенно, весьма скептически относится къ самому понятію благосостоянія. Да такая дѣятельность и не могла бы быть совершенно свободна. Едва ли Ницше представлялъ себѣ высшихъ людей и простыми тиранами, мучителями слабыхъ. Такое занятіе не заключаетъ въ себѣ ничего художественнаго или краснваго.

А между тѣмъ въ конечномъ результатѣ ничего иного не получается. Ницше проповѣдуетъ власть для власти и не влагаетъ въ это понятіе никакого положительнаго содержанія. Ясно только, что должны быть отброшены всякія стѣсненія и ограниченія для сильныхъ натуръ. А затѣмъ остается чистѣйшій произволъ, игра слѣпой, неразумной воли. Все сводится къ проповѣди какой-то грубой силы, самаго разнузданнаго эгоизма. Важно господство, какъ господство, независимо отъ его цѣли и содержанія. Едва ли можно отрицать, что Гартманъ имѣлъ право назвать все это ученіе «систематизаціей маніи величія» [2]).

Въ самомъ началѣ настоящаго очерка я указалъ, что Ницше всю свою жизнь преимущественное вниманіе обращалъ на проблему культуры. Но онъ рѣшительно нигдѣ не опредѣляетъ, что собственно понимаетъ онъ подъ культурой, каково положительное содержаніе этого понятія. Вотъ почему и вся его этика, въ основѣ которой лежитъ эта же идея культурнаго прогресса, — ибо что же такое самъ сверхчеловѣкъ, какъ не олице-

---

[1]) *Fouillée*, стр. 142.

[2]) *Ed. von Hartmann:* „Geschichte der Metaphysik", т. II, стр. 584.

Digitized by Google

твореніе той же идеи культурнаго развитія,—оказывается лишенной всякаго положительнаго содержанія. Мало того: нельзя не признать, что этотъ философъ и проповѣдникъ культуры кончаетъ тѣмъ, что отрицаетъ всякую культуру. Вѣдь нельзя же признать культурнымъ идеаломъ это торжество грубой и слѣпой силы, къ которому мы вынуждены были въ концѣ-концовъ свести все содержаніе ученія? «Желая сдѣлаться сверхчеловѣкомъ, каждый рискуетъ стать подчеловѣкомъ» [1]).

Да, если всмотрѣться поближе въ частности ученія Ницше, то не трудно убѣдиться, что онъ является нерѣдко совершеннымъ реакціонеромъ и, дѣйствительно, проповѣдуетъ движеніе не впередъ, а назадъ. Въ самомъ дѣлѣ: отрицая современную демократію, какъ величайшее зло, Ницше, въ сущности, совѣтуетъ намъ вернуться къ античному рабству. Развѣ его разсужденія о двоякаго рода человѣческихъ натурахъ и о двоякой морали, соотвѣтствующей этому различію людей, не напоминаютъ разсужденій античныхъ философовъ, оправдывающихъ рабство [2])? Ницше и не скрываетъ своихъ симпатій къ этому институту. «Высшая культура,—говоритъ онъ,—можетъ возникнуть только тамъ, гдѣ имѣется двѣ различныхъ касты общества: каста работающихъ и каста праздныхъ, способныхъ къ настоящей праздности; или въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ: каста принудительной работы и каста свободнаго труда. Точка зрѣнія распредѣленія счастія не существенна, если рѣчь идетъ о производствѣ высшей культуры; во всякомъ случаѣ, каста праздныхъ болѣе способна страдать и болѣе страдаетъ; ея удовольствіе жить—меньше, ея задача—больше... Такъ говоритъ намъ *затихающій голосъ стараго времени;* но гдѣ уши, чтобы его слышать» [3]). «У насъ нѣтъ античной окраски знатности, такъ какъ для нашего чувства недостаетъ античнаго раба. Грекъ знатнаго рода находилъ между своей высотой и этой послѣдней степенью униженія такія чудовищныя ступени и такое огромное разстояніе, что онъ едва видѣлъ раба въ этомъ отдаленіи: даже Платонъ не совсѣмъ могъ его разсмотрѣть. Совсѣмъ иное мы, привыкшіе къ *ученію* о равенствѣ людей, если и не къ самому равенству. Существо, которое не можетъ само собою распоряжаться и которому нехватаетъ досуга,—такое существо для нашего глаза вовсе не представляется чѣмъ-то презрѣннымъ; быть можетъ, въ каждомъ изъ насъ слишкомъ много подобныхъ рабскихъ свойствъ, по условіямъ нашего общественнаго порядка и дѣятельности, которыя существенно отличаются отъ условій древняго времени.—Греческій философъ проходилъ жизнь съ тайнымъ чувствомъ, что рабовъ гораздо больше, чѣмъ это принято думать—а именно, что каждый—рабъ, кто не философъ; его гордость еще увеличивалась, когда онъ соображалъ, что и могущественнѣйшіе на землѣ люди находятся между этими рабами. И эта гордость намъ чужда и недоступна; даже, какъ аллегорія, слово «рабъ» не имѣетъ для насъ полной силы» [4]).

---

[1]) *Fouillée,* стр. 179.
[2]) См. *Ziegler,* стр. 170.
[3]) *Werke,* II, стр. 327.
[4]) *Werke,* V, 56.

Digitized by Google

Не то же ли самое видимъ мы въ отношеніи Ницше къ женщинѣ. Развѣ его знаменитое изреченіе: «ты идешь къ женщинамъ? такъ не забудь бича!» [1]) не напоминаетъ нашего Домостроя?

Едва ли поэтому можно согласиться съ тѣми, кто старается видѣть въ Ницше «революціонера и демократа высокаго полета, освободителя несчастныхъ массъ» [2]). Доктрина Ницше является чисто аристократической и находить въ ней демократическія идеи можно лишь съ большими натяжками, развивая нѣкоторыя изъ его мыслей не такъ, какъ это дѣлалъ самъ Ницше.

Интересно, что этотъ поклонникъ античнаго рабства и подчиненія женщины въ восточномъ вкусѣ самъ очень хорошо понималъ, что полный возвратъ къ старинѣ, возрожденіе отжившихъ настроеній и идеаловъ совершенно неосуществимы на практикѣ. Вотъ что онъ «шепчетъ на ухо всѣмъ консерваторамъ» въ «Сумеркахъ кумировъ»: «Чего прежде не знали и что теперь знаютъ или могли узнать,—это то, что обратное развитіе, поворотъ назадъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ и степени совершенно невозможны. Но всѣ жрецы и моралисты въ это вѣрили, — они хотѣли привести человѣчество къ прежней мѣрѣ добродѣтели, сжать его въ прежній объемъ. Мораль всегда была прокрустовымъ ложемъ. Даже политики въ этомъ подражали проповѣдникамъ добродѣтели: и теперь есть партіи, которыя мечтаютъ о ползаніи рака, какъ о цѣли всего. Но никто не воленъ быть ракомъ. Тутъ ничто не помогаетъ: мы вынуждены двигаться впередъ, я хочу сказать шагъ за шагомъ идти дальше въ décadence (таково мое опредѣленіе современнаго «прогресса»)... Можно задержать это развитіе и, путемъ задержекъ, запрудить, накопить самое вырожденіе, сдѣлать его болѣе порывистымъ и внезапнымъ; больше же этого сдѣлать ничего нельзя» [3]).

Эти строки не особенно гармонируютъ съ другими мыслями Ницше; но таковъ ужъ этотъ писатель. У него мы можемъ найти именно все, что угодно, кромѣ только послѣдовательности въ построеніи доктрины и выдержанности основныхъ точекъ зрѣнія.

VIII.

Спрашивается, чѣмъ же объяснить это обиліе внутреннихъ противорѣчій и сравнительную скудость и неудовлетворительность конечныхъ выводовъ?

На эти вопросы можно, кажется, дать совершенно удовлетворительныя объясненія.

Отчасти внутреннія противорѣчія обусловлены уже той внѣшней формой, которую Ницше избралъ для своихъ произведеній,—формой афоризмовъ.

---

[1]) *Werke*, VI, 98.
[2]) *De Roberty*, стр. 43.
[3]) *Werke*, VIII, 155.

Digitized by Google

Эта форма имѣетъ тотъ капитальный недостатокъ, что при ней отдѣльныя мысли и по внѣшности изолируются другъ отъ друга. Поэтому затрудняется контроль надъ ихъ взаимной связью и согласованностью. «Изолированная мысль,—говоритъ Риль,—въ большинствѣ случаевъ есть мысль односторонняя, благодаря отрѣшенію ея отъ цѣлаго, къ которому она принадлежитъ, мысль вѣрная наполовину» [1]). Къ этому слѣдуетъ добавить, что часто Ницше не самъ составлялъ собранія своихъ афоризмовъ, но поручалъ эту работу другимъ лицамъ (напр. Петеру Гасту), которыя не относились съ достаточной строгостью къ выбору матеріала и безъ нужды увеличивали количество противорѣчій, не рѣшаясь выкинуть то, что, быть можетъ, выкинулъ бы самъ авторъ.

Далѣе, одной изъ причинъ противорѣчій является недостаточная строгость Ницше къ употребляемымъ имъ выраженіямъ. Онъ очень любитъ выраженія преувеличенныя, слишкомъ сильныя. Поэтому часто онъ называетъ вещи не настоящими именами. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить тотъ же «имморализмъ», о которомъ уже не разъ приходилось говорить. Мы убѣдились выше, что въ сущности имморализмъ вовсе не означаетъ полнаго уничтоженія всякой морали; онъ знаменуетъ только походъ противъ морали демократической и морали, основанной на состраданіи. Но въ такомъ случаѣ и самое слово является чрезмѣрно сильнымъ и не вполнѣ подходящимъ. Такой же характеръ имѣютъ и многія другія выраженія въ сочиненіяхъ Ницше. Какъ указалъ Фулье [2]), это свойство заставляетъ Ницше часто прибѣгать къ оборотамъ съ дополнительными эпитетами. Иногда мы видимъ, напр., что онъ ведетъ яростный походъ противъ науки; но затѣмъ ему самому приходится возвѣщать какую-нибудь истину. И вотъ на сцену выступаетъ уже не просто наука, но «великая наука». Точно также Ницше въ самой категорической формѣ высказывается противъ любви и состраданія; но затѣмъ мы встрѣчаемся съ «великой» любовью, съ «великимъ» состраданіемъ. Ясно, что полемика противъ науки, противъ любви, противъ состраданія была направлена не противъ этихъ понятій вообще, а противъ ложной любви, противъ ложной науки, противъ ложнаго состраданія. Будь Ницше осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ, онъ умѣлъ бы облечь свои мысли въ болѣе соотвѣтствующую ихъ содержанію форму и тѣмъ избѣжалъ бы многихъ упрековъ во внутреннихъ противорѣчіяхъ.

Но, конечно, этихъ внѣшнихъ причинъ, кроющихся въ стилѣ и въ манерѣ писать, недостаточно для полнаго объясненія этой особенности въ сочиненіяхъ Ницше. Были болѣе серьезныя причины внутренняго характера, которыя вовлекали Ницше постоянно въ дѣйствительныя, а не кажущіяся только противорѣчія съ самимъ собой.

Слѣдуетъ отмѣтить прежде всего, что уже самая форма афоризмовъ не

---

[1]) *Riehl*, стр. 25.

[2]) *Fouillée*, стр. 288, сл.

Digitized by Google

совсѣмъ добровольно избрана Ницше. Отчасти онъ вынужденъ былъ писать въ такой формѣ состояніемъ своего здоровья. Здоровье не позволяло ему отдаваться спокойному изложенію своихъ мыслей въ кабинетѣ ученаго за письменнымъ столомъ. Ницше обдумывалъ свои произведенія на продолжительныхъ прогулкахъ, занося въ книжку озарявшія его мысли. Дома онъ только обрабатывалъ и облекалъ въ литературную форму эти отрывочныя мысли. Такимъ образомъ, самый генезисъ его книгъ объясняетъ ихъ внѣшнюю форму.

Далѣе, слѣдуетъ принять во вниманіе крайнюю нервность и впечатлительность мыслителя. Эти свойства не позволяли ему остановиться и успокоиться на какомъ-либо опредѣленномъ и ограниченномъ кругѣ идей, и развивать ихъ систематически. Напротивъ, Ницше постоянно бросается отъ одной идеи къ другой, онъ пытается самыми различными путями получить рѣшеніе волнующихъ его проблемъ и ни на одномъ рѣшеніи успокоиться не можетъ. «Со своимъ необычайно воспріимчивымъ духомъ Ницше въ теченіе долгаго времени увлекался всѣми стремленіями, каждымъ настроеніемъ эпохи. Всѣ они находятъ отзвукъ въ его «кипящей душѣ». Онъ пережилъ каждое, страдалъ каждымъ и освободился отъ всѣхъ. Его отрицательно-критическій умъ не позволялъ ему остановиться ни на одномъ и гналъ его отъ одной точки зрѣнія къ другой. «Я не имѣю,—говоритъ онъ самъ о себѣ,—таланта быть вѣрнымъ, и, что еще хуже, лишенъ даже тщеславнаго стремленія казаться таковымъ» [1]). Это свойство является новымъ объясненіемъ и оправданіемъ для избранной Ницше афористической формы изложенія. «Такъ какъ онъ въ каждый данный моментъ имѣетъ лишь внезапныя мысли, а не систему, то онъ и прибѣгаетъ къ формѣ афоризмовъ, которая является не только вынужденнымъ пріемомъ больного, но и выраженіемъ его тогдашняго не связнаго мышленія» [2]). «Одной или двухъ руководящихъ идей, лишь бы онѣ были значительны, въ большинствѣ случаевъ достаточно, чтобы обезпечить славу и успѣхъ философской системѣ. Все зависитъ отъ размѣровъ, такъ сказать, въ ширину, въ вышину, въ глубину, этихъ руководящихъ идей. Голова Ницше, всегда находившаяся въ состояніи кипѣнія, чрезмѣрно изобрѣтательная, плодовитая во всякаго рода выводахъ, необычайно богатая детальными идеями, повидимому, не могла покориться частымъ посѣщеніямъ преобладающей или единственной концепціи» [3]).

При такомъ лихорадочномъ характерѣ мышленія трудно было избѣгнуть противорѣчій. А свойственная Ницше необычайная искренность не позволяла ему какъ-нибудь маскировать или утаивать отъ себя самого и отъ своихъ читателей эти противорѣчія и сомнѣнія, приводящія къ возраженіямъ самому себѣ.

---

[1]) *Riehl*, стр. 163.
[2]) *Ziegler*, стр. 81.
[3]) *De Roberty*, стр. 38 и сл.

Digitized by Google

Въ силу всѣхъ этихъ свойствъ Ницше является однимъ изъ самыхъ субъективныхъ мыслителей въ свѣтѣ. Онъ и самъ это хорошо сознавалъ. Въ своей книгѣ «По ту сторону добра и зла» онъ дѣлаетъ слѣдующую общую характеристику философіи: «Понемногу для меня выяснилось, что такое всякая великая философія: это—исповѣдь ея автора, своего рода ненамѣренные и неозаглавленные такъ мемуары; стало яснымъ также, что моральные (или не моральные) замыслы составляютъ жизненное ядро всякой философіи, изъ котораго и выростаетъ все растеніе... Въ философѣ нѣтъ совсѣмъ ничего не личнаго; и въ особенности его мораль даетъ рѣшительное и рѣшающее свидѣтельство о томъ, кто онъ такой, то-есть въ какомъ порядкѣ другъ относительно друга находятся самыя сокровенныя побужденія его натуры» [1]). А въ предисловіи ко второму тому «Человѣческаго, слишкомъ человѣческаго», относящемся къ 1886 году, Ницше пишетъ уже о самомъ себѣ: «Мои сочиненія говорятъ только о моихъ преодолѣніяхъ: «я» нахожусь въ нихъ со всѣмъ, что мнѣ было враждебно, ego ipsissimus, и даже, если будетъ мнѣ позволено гордое выраженіе, ego ipsissimum» [2]). Благодаря этой субъективности творчества, Ницше представляется часто не столько философомъ, сколько поэтомъ, лирикомъ, безъ стѣсненія отдающимся своимъ настроеніямъ и выражающимъ ихъ въ литературной формѣ. Риль характеризуетъ его, какъ артиста, который легко можетъ быть принятъ за философа [3]).

Этими причинами, какъ намъ кажется, достаточно объясняется то обиліе внутреннихъ противорѣчій, съ которымъ мы встрѣчаемся въ произведеніяхъ Ницше.

IX.

Мы видѣли, что и конечные выводы Ницше не могутъ удовлетворить. Они поражаютъ своей скудостью: новая мораль, столь торжественно возвѣщенная, оказывается въ сущности не имѣющей никакого опредѣленнаго содержанія. Все сводится къ торжеству власти сильныхъ надъ слабыми, при чемъ власть эта не имѣетъ опредѣленныхъ задачъ, служитъ средствомъ для проявленія чистѣйшаго субъективнаго произвола. Чѣмъ же объяснить такое несоотвѣтствіе конечныхъ результатовъ съ громкими обѣщаніями автора?

Эта скудость результатовъ есть послѣдствіе недостаточности тѣхъ предпосылокъ, съ которыми Ницше приступаетъ къ рѣшенію наиболѣе трудной философской проблемы—проблемы обоснованія морали. Предпосылки его недостаточны во многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего, основное воззрѣніе Ницше на міръ составляетъ само по себѣ непреодолимое препятствіе для построенія сколько-нибудь содержа-

---

[1]) *Werke*, VII, 14 сл.
[2]) *Werke*, III, 3.
[3]) *Riehl*, стр. 33.

Digitized by Google

тельной моральной теоріи. По ученію, усвоенному философомъ въ послѣднемъ періодѣ его дѣятельности, міръ лишенъ всякаго внутренняго смысла. Господствуетъ въ немъ законъ вѣчнаго возврата вещей, въ силу котораго весь міровой процессъ представляется утомительно однообразнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же событій и явленій. Если міръ таковъ, то въ немъ не можетъ быть никакой морали. Вѣдь мораль предполагаетъ идеалы и вѣру въ нихъ. Строить идеалы можно только въ предположеніи извѣстной разумной конечной цѣли всего, что во имя ихъ совершается. Если же такой цѣли нѣтъ, то не можетъ быть и идеаловъ, слѣдовательно, не можетъ быть и опредѣленныхъ руководящихъ правилъ жизни, то-есть морали. Съ точки зрѣнія Ницше, отрицающей смыслъ въ мірѣ и въ міровыхъ процессахъ, нельзя не только обосновать какихъ-либо положительныхъ идеаловъ, но нельзя даже дать утвердительный отвѣтъ на вопросъ, стоитъ ли вообще жить? Какой смыслъ можетъ имѣть человѣческое существованіе въ мірѣ, лишенномъ смысла? А если ученіе не даетъ отвѣта даже на этотъ основной вопросъ, то оно не можетъ послужить базисомъ для этической теоріи, которая бы насъ вполнѣ удовлетворяла. Теорія Ницше идетъ даже дальше. Строго говоря, она можетъ привести скорѣе всего къ отрицательному отвѣту на вопросъ, стоитъ ли жить. Если міръ лишенъ смысла, то жить въ немъ мыслящему существу, конечно, не стоитъ. Правда, Ницше предлагаетъ «творящимъ» самимъ вложить въ міръ смыслъ, который бы сдѣлалъ жизнь занимательной. Но возможно ли сдѣлать это, если міровые процессы сводятся къ повторенію одного и того же? Мы видѣли, что такая точка зрѣнія неизбѣжно приводитъ къ полному фатализму, при которомъ о творчествѣ чего-либо новаго въ сущности и рѣчи быть не можетъ: все уже было безсчетное количество разъ и впредь все будетъ повторяться безъ перемѣнъ.

Ницше въ послѣдніе годы не разъ повторялъ, что человѣкъ долженъ оживлять въ себѣ естественные инстинкты, заглушенные извращенной культурой. Онъ восхищается бѣлокурой бестіей, тропическимъ человѣкомъ. Это даетъ Рилю основаніе сравнивать его съ Руссо и называть его «Руссо нашего времени» [1]). Но на почвѣ этой проповѣди о возвратѣ къ природѣ можно было бы строить моральную теорію опять таки лишь въ томъ предположеніи, что есть какой-нибудь смыслъ, какая-нибудь логика въ самой природѣ. Если же природа вполнѣ алогична, то возвратъ къ природѣ становится возвратомъ къ алогичности, торжествомъ не разума, а слѣпой силы.

Понятно, почему при такомъ міровоззрѣніи Ницше не хочетъ знать и исторіи. Исторія также теряетъ всякій смыслъ въ мірѣ, лишенномъ смысла. Никакой закономѣрности въ историческихъ процессахъ Ницше не усматриваетъ. И господствующая мораль представляется ему не естественнымъ и

---

[1]) *Riehl*: стр. 85. *Lichtenberger*: въ „Etudes sur la philosophie morale au XIX siècle“ (1904 г.), стр. 262 сл. *Drews*, стр. 533. Ср. *Nietzsche*: „Werke“, VII, 161 сл.

Digitized by Google

неизбѣжнымъ продуктомъ историческаго развитія, но созданіемъ разсчета и произвола. Эти разсужденія сильно напоминаютъ философовъ эпохи раціонализма, когда мораль также провозглашалась, вмѣстѣ съ религіей, продуктомъ сознательнаго обмана со стороны жрецовъ [1]).

Вотъ почему Ницше такъ легко приступаетъ къ разрушенію: историческое прошлое для него не имѣетъ никакой цѣны. Оно есть рядъ вредныхъ заблужденій, съ которыми слѣдуетъ покончить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. «О, мои братья, разбейте, разбейте старыя скрижали!.. На вашихъ дѣтяхъ должны вы исправить, что вы дѣти вашихъ отцовъ: вы должны искупить все прошлое! Эти новыя скрижали воздвигаю я вамъ!.. Что мнѣ отечество! Туда править нашъ руль, гдѣ наша *страна дѣтей!* Туда, болѣе бурно, чѣмъ море, стремится наша великая тоска» [2]).

Нельзя согласиться, далѣе, съ воззрѣніями Ницше на волю къ жизни. А между тѣмъ это также центральный пунктъ въ его ученіи.

Мы видѣли, что по ученію Ницше воля къ жизни есть синонимъ воли къ власти. А волю къ власти онъ понимаетъ, какъ борьбу съ людьми, ихъ эксплоатацію, не знающую жалости, насиліе сильныхъ надъ слабыми, угнетеніе и жестокость. Такое воззрѣніе безусловно не соотвѣтствуетъ истинѣ, и въ этомъ отношеніи предпосылки Ницше также оказываются односторонними и недостаточными.

Если даже и допустить, что всякая дѣятельность есть усиліе и предполагаетъ препятствія, съ которыми борется дѣйствующій субъектъ, стремясь расширить сферу своего могущества, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что эта борьба должна быть непремѣнно направлена противъ другихъ людей. «Дѣйствовать противъ чего-либо,—говоритъ Фулье [3]), развѣ значитъ непремѣнно дѣйствовать противъ другихъ людей? Развѣ я не могу дѣйствовать противъ окружающей среды, напримѣръ, поднимать тяжесть, не нападая на васъ, на васъ или на всякаго другого? Развѣ я не могу дѣйствовать и противъ внутренней среды, напримѣръ, противъ моего гнѣва или моего инстинкта мести, не нападая на васъ, когда у меня, быть можетъ, есть такое желаніе? Развѣ я не могу дѣлать усилія для разрѣшенія геометрической проблемы, не дѣйствуя противъ кого-либо? Развѣ мы не можемъ дѣйствовать оба совмѣстно противъ препятствія отличнаго отъ насъ обоихъ? Развѣ мы не можемъ дѣйствовать одинъ для другого и оказывать взаимныя услуги?» Такимъ образомъ, активная дѣятельность, развиваемая существомъ, хотящимъ жить, вовсе не есть необходимо дѣятельность аггрессивная противъ другихъ людей. Въ составъ этой дѣятельности входитъ и борьба съ своими страстями, и помощь въ такой борьбѣ другимъ людямъ. Да иначе и быть не можетъ: вѣдь нельзя опровергнуть старой истины, что человѣкъ есть животное соціальное; а

---

[1]) Довольно слабая попытка свести въ одно цѣлое воззрѣніе Ницше на исторію содержится въ брошюрѣ *Lory*: „Nietzsche als Geschichtsphilosoph“ (1904 г.).

[2]) *Werke*, VI, 295, 297, 311.

[3]) *Fouillée*, стр. 78.

Digitized by Google

разъ это такъ, то и дѣятельность его не можетъ исчерпываться однимъ угнетеніемъ и эксплоатаціей другихъ людей: при такихъ условіяхъ общежитіе было бы невозможно, наступила бы война всѣхъ противъ всѣхъ.

Если человѣкъ сосредоточится только на цѣли господствовать надъ другими, будетъ стремиться къ власти надъ ними ради власти и будетъ имѣть успѣхъ въ этомъ стремленіи, то въ результатѣ пострадаетъ онъ самъ. Въ результатѣ получится вовсе не образецъ сильной и могущественной натуры, какъ думаетъ Ницше. Подобный тиранъ самъ первый сдѣлается жертвой своего тиранства и утратитъ именно тѣ качества, которыя дали ему возможность завоевать власть. Въ самомъ дѣлѣ: если воля къ власти уже не встрѣчаетъ больше препятствій и сопротивленія, такъ какъ всѣ препятствія побѣждены, то и сила ея носителя неизбѣжно ослабѣетъ. «Обращая другихъ въ животныхъ, болѣе или менѣе и самъ становишься животнымъ. Насиліе, которое представляется побѣднымъ проявленіемъ внутренней силы, въ концѣ-концовъ становится ея ограниченіемъ; поставить цѣлью своей воли униженіе другого значитъ дать ей цѣль недостаточную и оскудѣть самому. Наконецъ, благодаря послѣдней и наиболѣе глубокой дезорганизаціи, при употребленіи насилія воля совершенно теряетъ равновѣсіе; когда она привыкла не встрѣчать во внѣ никакихъ препятствій, какъ это случается съ деспотами, то всякое влеченіе дѣлается для нея непреодолимымъ; самые противорѣчивыя намѣренія смѣняютъ другъ друга въ полной безпорядочности; деспотъ превращается въ ребенка, онъ увлекается противорѣчивыми капризами и его объективное всемогущество приводитъ къ субъективному безсилію на дѣлѣ» [1]).

Ницше вообще слишкомъ мало значенія придаетъ соціальному моменту, и это—новый и весьма существенный недостатокъ его предпосылокъ. По его мнѣнію сильный индивидъ не нуждается въ обществѣ; оно нужно только для слабыхъ. «Не слѣдуетъ забывать,—говоритъ онъ [2]): сильные въ такой же мѣрѣ по природѣ стремятся другъ *отъ* друга, въ какой слабые стремятся другъ *къ* другу; если первые и соединяются между собою, то это происходитъ только съ намѣреніемъ совершить сообща аггрессивное совмѣстное дѣйствіе и сообща удовлетворить свою волю къ власти, при чемъ много приходится каждому изъ нихъ бороться съ своимъ внутреннимъ чувствомъ; послѣдніе, напротивъ, собираются вмѣстѣ, получая *удовольствіе* именно отъ такого собранія, ихъ инстинктъ при этомъ столь же удовлетворяется, какъ инстинктъ прирожденнаго «господина» (т.-е. одинокаго человѣка изъ породы хищныхъ звѣрей) въ сущности всякой такой организаціей только возбуждается и приводится въ безпокойство.

Разсуждая такимъ образомъ, Ницше очень многое упускаетъ изъ виду. Онъ забываетъ, прежде всего, что само личное самосознаніе есть продуктъ общественнаго развитія. Ницше представляетъ дѣло такъ, какъ

---

[1]) *Guyau*: „Education et heredité“, стр. 53. „Esquisse d'une morale“, стр. 102 сл.
[2]) *Werke*: VII, 451.

Digitized by Google

будто въ обществѣ, не испорченномъ ложной культурой, люди должны имѣть свой *естественный* видъ сильныхъ животныхъ, рѣзко выраженныхъ индивидуальностей съ непреклонной и не знающей страха волей. На самомъ дѣлѣ мы имѣемъ обратное. Чѣмъ ниже стоитъ человѣческое общество въ культурномъ отношеніи, тѣмъ менѣе мы можетъ говорить о существованіи въ его предѣлахъ развитого личнаго сознанія и чувства личнаго достоинства и личной самостоятельности. Въ предѣлахъ малокультурнаго общества мы всегда встрѣчаемся съ весьма слабымъ развитіемъ личныхъ особенностей и съ полнымъ подавленіемъ личности общественными традиціями и предразсудками. Въ такомъ обществѣ господствуетъ не личность, а нравы, и эти нравы претендуютъ на полное порабощеніе личности. Отъ этой точки зрѣнія не отрѣшились даже европейскія античныя государства со всей ихъ республиканской свободой. И здѣсь личность до самаго конца продолжала разсматриваться прежде всего какъ средство для общественныхъ цѣлей, дѣйствовало съ полной силой правило «salus populi suprema lex esto». Самую справедливость римляне односторонне представляли себѣ, какъ измѣреніе и оцѣнку всего съ точки зрѣнія *общаго* блага; интересы личности сознательно ставились на второй планъ. О среднихъ вѣкахъ и говорить ничего: это—эпоха связанности личности по всей линіи: какъ клирикъ связанъ церковью, такъ вассалъ—сеньеромъ, крѣпостной—помѣщикомъ, ремесленникъ—цехомъ, ученый—догмой, поэтъ—установленнымъ образцомъ [1]). Лишь по мѣрѣ культурнаго развитія въ обществѣ намѣчаются рѣзко выраженныя индивидуальныя различія и начинаетъ ослабѣвать все нивеллирующая власть нравовъ и обычая. Лишь очень поздно начинаютъ цѣнить разнообразіе личныхъ особенностей и заботиться о принципіальномъ огражденіи личной свободы развитія и творчества. Только французская революція въ Европѣ выдвинула, наконецъ, въ рѣзкой формѣ идею свободной личности, которая должна была пополнить и исправить слишкомъ узкое античное понятіе о справедливости. Только теперь стало широко распространяться новое ученіе, что не одно общее благо рѣшаетъ въ вопросахъ соціальной справедливости, но и принципъ свободы, уваженіе къ интересамъ личности, взятой какъ самостоятельное цѣлое и не поглощаемой безъ остатка обществомъ. Такимъ образомъ, личное самосознаніе, ярко выраженная индивидуальность и принципъ уваженія къ личности — все это продукты длиннаго общественнаго развитія. Въ этомъ смыслѣ можно вполнѣ примкнуть къ тезису, выставляемому де-Роберти. «Коллективная группа, — говоритъ онъ [2]),— есть производящая причина для индивида, для моральной личности; всякое общество должно представляться намъ примитивной формой, низшей ступенью соціальной жизни, а индивидъ, напротивъ, долженъ насъ поражать, какъ форма послѣдующая, поздно появившаяся, высшая соціальная ступень».

---

[1]) См. *Ziegler*: die soziale Frage, стр. 9.

[2]) *De Roberty*, стр. 146.

Digitized by Google

Ницше постоянно возвращается къ вопросу объ антагонизмѣ личности и общества и склоненъ страшно преувеличивать этотъ антагонизмъ; поэтому у него сильный человѣкъ и является отшельникомъ: онъ бѣжитъ отъ общества, какъ отъ враждебной себѣ силы. Въ такой степени сильнаго антагонизма между обществомъ и личностью на самомъ дѣлѣ не существуютъ и эти представленія Ницше, несомнѣнно, сильно преувеличены. Мы видѣли, что общество въ сущности и воспитываетъ личность, что въ этомъ состоитъ весь ходъ культурнаго развитія. А въ такомъ случаѣ общество и не можетъ быть силою, принципіально враждебной личности. Это значило бы, что оно есть Сатурнъ, пожирающій своихъ собственныхъ дѣтей, по остроумному сравненію того же де-Роберти. Конечно, бываютъ конфликты между личностью и обществомъ; конечно, конфликты эти иногда бываютъ ужасны. Но не слѣдуетъ думать, что такіе конфликты неизбѣжно коренятся въ самомъ принципѣ человѣческаго общенія и что они не могутъ быть устранены или, по крайней мѣрѣ, значительно ослаблены. Все зависитъ отъ общественной организаціи; чѣмъ она менѣе совершенна, тѣмъ чаще и тѣмъ сильнѣе эти конфликты. Постояннымъ идеаломъ общественной эволюціи является гармоническое примиреніе личныхъ запросовъ и интересовъ съ требованіями общежитія, и чѣмъ больше будетъ подвигаться человѣчество къ этому идеалу, тѣмъ меньше будетъ становиться значеніе подобныхъ конфликтовъ [1]). Представимъ себѣ, что когда-нибудь, наконецъ, получитъ практическое осуществленіе идея вѣчнаго мира между народами. Сразу устранится для индивида цѣлый рядъ случаевъ, когда его заставляютъ жертвовать и своими вкусами и убѣжденіями, и своими мирными наклонностями и даже своимъ физическимъ существованіемъ въ пользу требованій самосохраненія той общественной группы, къ которой онъ принадлежитъ.

Въ виду такой связи общественнаго развитія съ развитіемъ личности, при которой послѣднее немыслимо безъ перваго, становится яснымъ, что и появленіе такихъ сильныхъ индивидовъ, о которыхъ столь упорно мечталъ Ницше, «сверхлюдей», мыслимо лишь на почвѣ соотвѣтствующаго общественнаго развитія. «Если человѣчество когда-либо будетъ способно произвести отборные экземпляры сверхчеловѣческаго характера, то какъ же цивилизованная масса, изъ которой выйдутъ эти избранники, сама не взойдетъ на ступень, достаточно высокую, чтобы не нуждаться въ примѣненіи къ ней режима «твердости» и «жестокости?» [2]). Такимъ образомъ, если развивать мечтанія Ницше о сверхчеловѣкѣ на почвѣ правильныхъ соціологическихъ предпосылокъ, то можно послѣдовательно придти къ совершенно демократическимъ идеаламъ поднятія культурнаго уровня массъ. Бѣда лишь въ томъ, что самъ Ницше не отправлялся отъ такихъ предпосылокъ, а потому тѣ, кто старается его самого изобразить, какъ демократа, ошибаются и рисуютъ намъ не настоящаго Ницше.

[1]) См. объ этомъ въ *моей* „Общей теоріи права“ (1905 г.) § 9.

[2]) *Fouillée*, стр. 196.

Digitized by Google

Въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности Ницше, несомнѣнно, не только не былъ демократомъ, но, напротивъ, какъ мы убѣдились изъ приведенныхъ выше выдержекъ, онъ выступалъ рѣшительнымъ врагомъ и противникомъ демократіи. Въ періодѣ позитивизма онъ былъ ближе къ правильной оцѣнкѣ демократіи. Наприм., въ «Человѣческомъ, слишкомъ человѣческомъ» есть разсужденіе, гдѣ Ницше, находясь, очевидно, подъ впечатлѣніемъ анархическихъ ученій, разсуждаетъ, что демократія съ ученіемъ о суверенитетѣ народа должна неизбѣжно привести къ паденію государства и къ выработкѣ болѣе свободныхъ и болѣе совершенныхъ формъ общежитія. Здѣсь мы встрѣчаемъ и слѣдующее любопытное мѣсто: «Упадокъ и смерть государства, освобожденіе отъ оковъ частнаго лица (я боюсь сказать, индивида) есть послѣдовательный результатъ демократическаго представленія о государствѣ; въ этомъ заключается его миссія» [1]). Но такія разсужденія не характерны для періода Заратустры, когда мы слышимъ совсѣмъ иныя пѣсни и громкія филиппики противъ демократическихъ ученій о равенствѣ и братствѣ.

Нельзя не отмѣтить и того, что столь дорогое для Ницше понятіе—понятіе воли къ власти, принадлежитъ цѣликомъ къ области соціальныхъ явленій. Воля къ власти есть продуктъ жизни человѣка въ обществѣ, поскольку мы говоримъ о власти надъ другими людьми. Власть, которую пріобрѣтаетъ одинъ человѣкъ надъ другимъ, есть только средство такъ или иначе организовать сотрудничество людей для совмѣстнаго достиженія какой-либо цѣли. Нельзя поэтому представлять волю къ господству надъ людьми, какъ какой-то чисто біологическій инстинктъ, а Ницше представляетъ себѣ дѣло именно такъ. «Эта воля не только не есть первоначальная причина простѣйшихъ соціальныхъ феноменовъ, но она есть ихъ прямое произведеніе. Идея превосходства или повелѣванія превосходитъ простое понятіе упражненія силы. Она есть и навсегда останется non sens въ физикѣ, въ химіи, въ біологіи. Она впервые пріобрѣтаетъ опредѣленное значеніе въ области сложныхъ фактовъ, изучаемыхъ соціологіей» [2]).

Наконецъ, невѣрное освѣщеніе соціологической стороны вопроса дѣлаетъ все этическое построеніе Ницше совершенно неосуществимымъ. Ницше чрезмѣрно преувеличиваетъ роль и вліяніе личности въ соціальныхъ процессахъ и слишкомъ мало значенія придаетъ массамъ. «То, что вырастаетъ лишь въ результатѣ медленной исторической работы, при постоянномъ взаимодѣйствіи личности и общества, здѣсь ввѣряется силамъ единицы или отдѣльной группѣ единицъ, которыя не могли бы вынести тяжести такой колоссальной отвѣтственности, какъ духъ самого Ницше былъ сокрушенъ уже простымъ представленіемъ объ этомъ» [3]).

Ницше презрительно относится къ морали слабыхъ, къ морали рабовъ. Онъ мечтаетъ о господствѣ немногихъ сильныхъ натуръ надъ цѣлыми

---

[1]) *Werke*, VII, стр. 348.
[2]) *de Roberty*, стр. 116.
[3]) *Riehl*, стр. 65.

Digitized by Google

«стадами» слабыхъ. При этомъ онъ не замѣчаетъ, что въ этой безусловной формѣ для современнаго общества, гдѣ уже проснулось сознаніе личности въ широкихъ слояхъ, гдѣ чѣмъ дальше, тѣмъ больше укрѣпляется демократическое міровоззрѣніе, осуществленіе такой мечты немыслимо. Если бы даже явился въ такомъ обществѣ настоящій сверхчеловѣкъ, то онъ не могъ бы насильно заставить себѣ подчиниться пробудившіяся къ сознательной личной жизни массы, какъ бы низко отдѣльные ихъ представители по своимъ личнымъ свойствамъ ни стояли сравнительно съ сверхчеловѣкомъ. Это было бы невозможнымъ, потому что массы оказались бы въ концѣ концовъ сильнѣе самаго сильнаго сверхчеловѣка. Ницше самъ говоритъ, что «мораль рабовъ» служитъ для того, чтобы объединять массы въ общества, поддерживать въ нихъ духъ «стада». Вотъ въ этой-то своей функціи мораль рабовъ и помогла бы слабымъ одолѣть сильныхъ. Все это лучше всего подтверждаетъ одна изъ псевдо-историческихъ конструкцій самого же Ницше. Мы познакомились съ его разсужденіями о томъ «возстаніи рабовъ», которое продолжается уже 2.000 лѣтъ и привело къ крушенію прежней морали господъ. Если такимъ образомъ слабымъ уже удалось при помощи соединенныхъ усилій свергнуть иго «господъ», то какимъ же образомъ можно ожидать, что они позволятъ вновь его надъ собою устанавливать хотя бы и сверхчеловѣку? Правда, сверхчеловѣкъ долженъ отличаться необычайной личной силой. Но мы убѣдились, что и общество, которое изъ своей среды породитъ сверхчеловѣка, не можетъ быть обыкновеннымъ обществомъ. И въ этомъ столкновеніи сильной личности со сплоченными рабской, т.-е. соціальной, моралью слабѣйшими индивидами побѣда, несомнѣнно, останется на сторонѣ силы соціальной, т.-е. объединеннаго общества. Да и самъ Ницше иногда предчувствуетъ такой исходъ. Посмотрите, какъ онъ въ «Сумеркахъ кумировъ» полемизируетъ съ дарвинистами по вопросу о борьбѣ за существованіе. «Положимъ,—говоритъ онъ здѣсь [1]),—что есть такая борьба; въ такомъ случаѣ она имѣетъ совершенно обратный исходъ, чѣмъ какой желателенъ для школы Дарвина, чѣмъ какого можно было бы желать вмѣстѣ съ нею: а именно, къ невыгодѣ сильныхъ, привилегированныхъ, счастливыхъ исключеній. Виды не возрастаютъ въ своемъ совершенствованіи: слабые постоянно одерживаютъ побѣду надъ сильными; это происходитъ оттого, что ихъ много, да они и умнѣе». Ницше долженъ былъ только продолжить эти разсужденія, гдѣ правильно отмѣчается, что соціальныя условія во многомъ измѣняютъ борьбу за существованіе въ предѣлахъ одного и того же общества, выдвигая на первый планъ принципъ соціальнаго сотрудничества, чтобы убѣдиться въ практической неосуществимости своей мысли о господствѣ сверхчеловѣка надъ массами въ такомъ обществѣ, гдѣ широко развилось личное самосознаніе. Здѣсь слабые въ массѣ всегда окажутся сильнѣе самыхъ сильныхъ индивидовъ въ защитѣ своихъ правъ

[1]) *Werke*, VIII, стр. 128.

Digitized by Google

личности и не допустятъ ихъ попирать безнаказанно хотя бы даже и сверхчеловѣку.

Ницше вообще неправильно изображаетъ роль своихъ «сверхлюдей» или того, что по менѣе пышной и фантастичной терминологіи обозначается именемъ «великихъ людей» въ исторіи. Великіе люди вовсе не столь всесильны въ исторіи и не столь независимы отъ массъ, какъ это думаетъ Ницше. Конечно, великій человѣкъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, есть явленіе выдающееся. Я прибавляю: «въ настоящемъ смыслѣ этого слова», потому что въ исторіи иногда эпитетъ «великаго» получаютъ и такіе люди, которые по своимъ личнымъ свойствамъ ничего выдающагося въ себѣ не заключали, но были поставлены въ такое исключительное положеніе, при которомъ ихъ дѣйствія вызывали особенно крупныя и важныя послѣдствія. Но даже ограничиваясь настоящими великими по своимъ личнымъ свойствамъ людьми, мы должны констатировать, что они ни въ своемъ генезисѣ, ни въ своихъ дѣйствіяхъ не остаются независимыми отъ того общества, къ которому они принадлежатъ, отъ своего «стада», по терминологіи Ницше. Самое существо этихъ натуръ опредѣляется прежде всего наслѣдственностью, которая даетъ здѣсь новыя и неожиданныя сочетанія, но матеріалъ для нихъ получаетъ все же отъ предшествующихъ поколѣній. Далѣе, воспитаніе свое эти люди получаютъ опять-таки въ средѣ того общества, къ которому они принадлежатъ. Подъ вліяніемъ окружающей среды складывается все ихъ міровоззрѣніе, воспитываются ихъ идеалы. Отъ общества получаютъ они и запасъ тѣхъ знаній, съ которымъ затѣмъ приступаютъ къ дѣйствіямъ. Вѣдь наука есть соціальный продуктъ, результатъ совмѣстной работы массы людей, и ни одинъ великій человѣкъ не обязанъ исключительно самому себѣ тѣми знаніями, которыми онъ пользуется для своихъ великихъ дѣяній. Наконецъ, и успѣхъ дѣйствій великихъ людей обусловливается тѣмъ, насколько такой человѣкъ сумѣлъ понять соціальныя потребности своей эпохи и при разрѣшеніи своихъ задачъ былъ понятъ и поддержанъ своими современниками. Иногда даже истинно великіе по своимъ личнымъ свойствамъ люди не оказываются великими въ исторіи, такъ какъ ихъ дѣйствія не имѣли сколько-нибудь важныхъ послѣдствій. Это—не во-время родившіеся геніи, которые не нашли себѣ отклика и пониманія въ окружающей средѣ, а потому и не могли ничего сдѣлать крупнаго по своимъ результатамъ [1]). И самъ Ницше въ своемъ позитивномъ періодѣ былъ близокъ къ такому взгляду на вещи. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ «Человѣческомъ, слишкомъ человѣческомъ» о великихъ политикахъ: «Относительно человѣка, который знаетъ толкъ въ погодѣ и за день ее предсказываетъ, народъ дѣлаетъ молчаливое заключеніе, что онъ и создаетъ погоду; точно также даже ученые и образованные люди, раздѣляя подобное же суевѣріе, при-

[1]) „Verfehlte Genies“ по выраженію *Лампрехта*; см. его Moderne Geschichtswissenschaft (1905 г.), стр. 101.

Digitized by Google

писываютъ великимъ государственнымъ людямъ всѣ важныя измѣненія и конъюнктуры, которыя имѣли мѣсто во время ихъ управленія, какъ ихъ собственное дѣло, если только обнаруживается, что они объ этомъ кое-что знали раньше, чѣмъ другіе, и на этомъ строили свои разсчеты; они слѣдовательно также принимаются за дѣлателей погоды, и эта вѣра является немаловажнымъ орудіемъ ихъ власти» [1]).

Исторія вовсе не въ такой степени вообще является дѣломъ великихъ людей, чтобы можно было переоцѣнивать ихъ значеніе. Конечно, появленіе великаго человѣка иногда бываетъ весьма желательнымъ. Онъ помогаетъ найти рѣзкое и рельефное выраженіе тѣмъ идеямъ, которыя не вполнѣ ясно носятся въ массахъ; онъ является тѣмъ естественнымъ центромъ, вокругъ котораго объединяются общественныя силы и организуются. А такое объединеніе необходимо, чтобы доставить торжество идеѣ. Но было бы ошибочно думать, что для всѣхъ этихъ процессовъ великіе люди безусловно необходимы. Если они во-время являются, то общественные процессы ускоряются. Но они не всегда являются, когда въ нихъ ощущается нужда; не всегда война родитъ героевъ. Въ такомъ случаѣ историческій процессъ получаетъ иной темпъ, иной характеръ, но онъ не долженъ необходимо останавливаться. То, что было бы выполнено быстрѣе и энергичнѣе при участіи великаго человѣка, выполняется медленнѣе и не въ столь блестящемъ видѣ усиліями обыкновенныхъ людей. Назрѣвшіе общественные процессы находятъ себѣ исходъ и въ томъ случаѣ, если по ходу вещей навстрѣчу имъ не явилось великихъ людей. Въ такомъ великомъ событіи, какъ «великая» французская революція, мы не встрѣчаемся съ особенно великими людьми. Этотъ процессъ выполненъ былъ силами среднихъ людей и народныхъ массъ [2]).

Къ числу несомнѣнно ложныхъ предпосылокъ, изъ которыхъ исходитъ Ницше при построеніи своей этики эпохи сверхчеловѣка, относится его воззрѣніе на знаніе и его значеніе. Ницше не признаетъ въ эту эпоху знанія: ничто не истинно, все дозволено, является его девизомъ, заимствованнымъ у ассасиновъ. Совершенно правильно отмѣчаетъ де-Роберти всю логическую невозможность такого противоположенія свободы и знанія [3]). Вѣдь свобода человѣка состоитъ въ возможности безпрепятственно проявлять свою власть надъ самимъ собою и надъ окружающимъ міромъ. Но для полученія подобной власти необходимымъ и первымъ условіемъ является знаніе: безъ знанія не можетъ быть и никакой силы, никакой власти. Поэтому знаніе и свобода тѣсно между собой связаны, взаимно обусловливаютъ другъ друга. «Исторія человѣчества,—говоритъ де-Роберти,—подтверждаетъ этотъ тезисъ въ малѣйшихъ деталяхъ. Она показыва-

[1]) *Werke*, II стр. 332.

[2]) См. къ этому *Lindner*, Geschichtsphilosophie (2-е изд. 1904 г.), стр. 73.

[3]) *de Roberty*, стр. 28 сл. См. болѣе подробное развитіе и обоснованіе этой идеи въ моей вступительной статьѣ къ художественному изданію „Борцы за свободу и знаніе“ (М. 1905 г.).

Digitized by Google

етъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, милліонами самыхъ поразительныхъ примѣровъ, что невѣжество всегда фатально облекалось въ человѣческихъ обществахъ въ ту форму слабости и подлости, которая именуется притѣсненіемъ, деспотизмомъ, и что, наоборотъ, всякое увеличеніе знанія безусловно влекло за собой въ тѣхъ же соціальныхъ группахъ соотвѣтственное увеличеніе силы или власти, которая носитъ названіе свободы. Но историческіе факты не менѣе постоянно и рѣшительно доказываютъ наличность и обратнаго потока: духъ сервилизма повсюду парализуетъ полетъ свободнаго изслѣдованія, затрудняетъ побѣдное шествіе разума, осуждаетъ людей на застой въ самомъ презрѣнномъ невѣжествѣ; а свобода, въ особенности въ ея наиболѣе общей и элементарной формѣ, извѣстной подъ именемъ политической свободы, приводитъ къ процвѣтанію, къ быстрому прогрессу всѣхъ отраслей знанія». Эти аксіомы недостаточно сознавались Ницше въ его послѣднихъ произведеніяхъ, когда онъ, провозглашая торжество свободнаго личнаго творчества, въ то же время отрицалъ значеніе и правомѣрность истины и знанія.

Естественно, что мыслителю, исходившему изъ столь недостаточныхъ и односторонніхъ предпосылокъ, не удалось создать содержательной и хорошо обоснованной этической теоріи и что замокъ, воздвигнутый фантазіей Ницше для «сверхчеловѣка», на самомъ дѣлѣ оказался карточнымъ домикомъ.

X.

Въ заключеніе остановимся на положительныхъ сторонахъ философіи и этики Ницше. При всѣхъ своихъ недостаткахъ его произведенія, несомнѣнно, принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ и во многихъ отношеніяхъ самыхъ поучительныхъ книгъ нашего времени.

Въ противоположность своему учителю Шопенгауэру Ницше очень быстро сдѣлался популярнымъ, много читаемымъ писателемъ. Его первое философское сочиненіе появилось въ 1872 г., а уже черезъ 20 лѣтъ онъ былъ модньшъ писателемъ, о немъ писали и его читали. Этотъ быстрый и громкій успѣхъ объясняется отчасти внѣшними свойствами произведеній Ницше, отчасти ихъ содержаніемъ.

Внѣшнія свойства, несомнѣнно, имѣли значеніе для успѣха нашего автора среди большой публики, такъ какъ это—дѣйствительно выдающіяся свойства. Ницше, прежде всего, удивительный стилистъ, что составляетъ рѣдкость въ наше время вообще, а въ особенности въ нѣмецкой литературѣ. Онъ пишетъ сильнымъ, образнымъ языкомъ; многія его изреченія такъ мѣтки и сильны, что они несомнѣнно сдѣлаются современемъ ходячими поговорками; онъ мастеръ на удачные неологизмы. Вообще его стиль, по его собственному выраженію, есть не мертвая книжная рѣчь: этотъ стиль живетъ. Только въ самое послѣднее время творчества языкъ Ницше нѣсколько утратилъ свою силу: въ погонѣ за эпитетами и въ ли-

Digitized by Google

хорадочной поспѣшности изложенія, Ницше иногда впадаетъ въ манерность и аффектацію; его становится подчасъ тяжело читать. Подобныя свойства стиля не всегда удобны для философскаго произведенія, но они, конечно, содѣйствуютъ успѣху книги, какъ общелитературнаго явленія.

Далѣе, въ наше быстро живущее время успѣху и популярности сочиненій Ницше значительно содѣйствуетъ и та форма отдѣльныхъ афоризмовъ, въ которую они облечены. Мы уже отмѣтили, что эта форма затрудняетъ систематическое воспроизведеніе доктрины Ницше и является одной изъ причинъ столь частыхъ у Ницше повтореній и противорѣчій. И она не совсѣмъ удобна для философскихъ произведеній. Но для читателя она имѣетъ свои преимущества. Ницше не заставляетъ своего читатателя терять много времени. Каждый небольшой афоризмъ представляетъ вполнѣ законченное цѣлое. А такъ какъ, сверхъ того, афоризмы Ницше обыкновенно носятъ характеръ смѣлыхъ парадоксовъ, то чтеніе ихъ будитъ мысль, вызываетъ на размышленіе.

Наконецъ, Ницше, несомнѣнно,—глубоко поэтическая натура. Его «Заратустра» является одной изъ самыхъ глубокихъ поэтическихъ поэмъ. Въ ней есть страницы, проникнутыя большимъ чувствомъ. Необыкновенно удался и самый стиль поэмы: подражаніе древнимъ религіознымъ произведеніямъ. Встрѣчаются у Ницше картины природы, набросанныя съ необычайной силой и мастерствомъ.

Но, конечно, не въ однихъ этихъ внѣшнихъ свойствахъ секретъ быстраго и громкаго успѣха Ницше. И по содержанію его книги заключаютъ въ себѣ много цѣннаго и интереснаго.

Прежде всего, Ницше привлекаетъ вниманіе читателя своей страстной и безпощадной критикой нашей современной культуры. Онъ находитъ, что эта культура во всѣхъ отношеніяхъ есть культура вырожденія, культура декадентовъ. Онъ и самого себя считаетъ сыномъ своего времени, т.-е. декадентомъ; онъ только ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ это понялъ и съ этимъ боролся [1]).

Предметомъ постоянныхъ нападеній Ницше служитъ современная ходячая мораль. Ницше называетъ ее моралью рабовъ и не находитъ достаточно сильныхъ эпитетовъ, чтобы выразить свое къ ней презрѣніе. Конечно, эта рѣзкая критика преувеличена. Мы видѣли, что эта мораль, поддерживая столь ненавистные Ницше стадные инстинкты, является неизбѣжнымъ продуктомъ соціальной природы человѣка. Ницше преувеличиваетъ выгоды одиночества на счетъ жизни въ человѣческомъ обществѣ, забывая, что ни одинъ человѣкъ не былъ бы не только философомъ, но и вообще разумнымъ существомъ, если бы онъ на всю свою жизнь лишенъ былъ общества другихъ людей. Но есть и доля истины въ нападеніяхъ Ницше. Мы въ настоящее время слишкомъ увлекаемся соціальной стороной морали, слишкомъ заботимся о необходимой для общежитія нивелли-

[1]) *Werke*, VIII, стр. 1.

Digitized by Google

ровкѣ людей и мало придаемъ значенія личной силѣ и развитію личныхъ особенностей. Соціальныя проблемы въ морали берутъ перевѣсъ надъ вопросами личнаго самоусовершенствованія. Мы очень много думаемъ объ обезпеченности и спокойствіи нашего существованія и недостаточно цѣнимъ то удовлетвореніе и то счастіе, которое дѣятельнымъ натурамъ доставляетъ самый процессъ борьбы. Съ этой стороны наша современная мораль представлялась Ницше слишкомъ изнѣживающей, разслабляющей человѣка. Вотъ почему Ницше издѣвается надъ современнымъ проповѣдникомъ ходячей морали и говоритъ, что его ученіе состоитъ въ проповѣди бодрствованія только, какъ состоянія, готовящаго ко сну. Вотъ почему онъ влагаетъ въ уста этого проповѣдника знаменитое изреченіе о почтеніи къ начальству: «Уважай начальство и повиновеніе и даже начальство съ кривыми погами. Такъ хочетъ хорошій сонъ! Чѣмъ я виноватъ, что власть охотно ходитъ на кривыхъ ногахъ» [1])? Вотъ почему онъ произноситъ свои филиппики противъ современной демократіи и ея доктрины равенства всѣхъ людей; онъ боится, что за этимъ равенствомъ исчезнетъ необходимое уваженіе и вниманіе къ индивидуальнымъ особенностямъ и наступитъ новое порабощеніе личности. При этомъ, конечно, Ницше, благодаря свойственной ему страстности и любви къ парадоксамъ, хватаетъ черезъ край; въ погонѣ за личной свободой противъ демократической нивеллировки онъ приходитъ къ полному отрицанію демократіи и къ возстановленію античнаго порабощенія массъ для свободнаго развитія нѣсколькихъ единицъ. Мыслитель болѣе спокойный, конечно, сумѣлъ бы примирить демократію съ личной свободой и показать, что именно правильно понимаемая демократія и правильно понимаемый принципъ равенства одни только и могутъ обезпечить личную свободу. Да и въ представленіяхъ своихъ о сильной личности Ницше грѣшитъ чрезмѣрнымъ подчасъ подчеркиваніемъ чисто-животной, грубой силы.

Недоволенъ Ницше и современной наукой. Уже въ 1873 г. онъ возмущался тѣмъ, что наука разбивается теперь на мелкія спеціальности, причемъ ученые даже не задаются вопросомъ, какое значеніе для общекультурнаго развитія человѣчества могутъ имѣть ихъ спеціальныя изысканія. Современному ученому, жаловался онъ, «кажется дозволительнымъ растрачивать жизнь на вопросы, отвѣтъ на которые по существу могъ бы быть важнымъ лишь для того, кому обезпечено вѣчное существованіе» [2]). А въ «Заратустрѣ» нападенія усиливаются. Ницше сравниваетъ ученыхъ съ часами, безъ обмана показывающими часъ и при этомъ производящими скромный шумъ. Онъ съ ужасомъ говоритъ о встрѣчаемыхъ имъ въ современномъ обществѣ «обратныхъ калѣкахъ», т.-е. о людяхъ, «которымъ недостаетъ всего, но которые что-нибудь одно имѣютъ въ излишнемъ количествѣ», о «людяхъ, которые представляютъ собою только одинъ

---

1) *Werke*, VI, стр. 37 и сл.

2) *Werke*, I, стр. 229.

Digitized by Google

глазъ, или одинъ большой ротъ, или одинъ большой животъ», и которыхъ называютъ однако великими людьми, геніями [1]). Онъ горячо предостерегаетъ отъ ученыхъ: «Остерегайтесь и ученыхъ. Они васъ ненавидятъ, ибо они безплодны. У нихъ холодные высохшіе глаза, передъ ними каждая птица ощипана. Они кичатся тѣмъ, что не лгутъ; но отсутствіе силы ко лжи не есть еще любовь къ истинѣ. Остерегайтесь! Свобода отъ лихорадки еще далеко не есть познаніе. Я не вѣрю замороженнымъ душамъ. Кто не умѣетъ лгать, тотъ не знаетъ, что такое истина» [2]). И въ этихъ нападеніяхъ есть правда. Дѣйствительно, современные ученые при той спеціализаціи, которая теперь по необходимости установилась въ области науки, слишкомъ мало придаютъ обыкновенно значенія выработкѣ общефилософскаго міросозерцанія. Это приводитъ къ тому, что они теряются въ мелочахъ своей спеціальной области и утрачиваютъ связь съ жизнью и ея запросами. А между тѣмъ общія концепціи намъ нужны не менѣе, чѣмъ спеціальныя работы. Мы живемъ въ переходную эпоху, которая страдаетъ именно отъ отсутствія прочно установившагося общаго міросозерцанія. Скептицизмъ проникъ повсюду. Всѣ идеалы, которыми жили прежнія поколѣнія, подвергнуты строгой критикѣ и сомнѣнію; новыхъ взамѣнъ не установлено. Поиски за новыми идеалами и были главной заботой Ницше, его жизненной задачей. «Намъ необходима справедливость! И новое искупленіе! И новые философы! Моральная земля также кругла! И моральная земля имѣетъ своихъ антиподовъ! И антиподы имѣютъ право на существованіе! Такъ дайте же намъ открыть новый свѣтъ,—и не одинъ! На корабли, вы философы!» [3]) Въ поискахъ этого «новаго свѣта» Ницше все подвергалъ уничтожающей, разрушительной критикѣ; для него не было ничего святого или запретнаго. Но при этомъ онъ преслѣдовалъ и положительную задачу. Одинъ только анализъ и критика его не удовлетворяли. Поэтому не могъ онъ симпатизировать и тѣмъ работникамъ науки, которые довольствуются мелочнымъ анализомъ и не ищутъ обобщающихъ синтезовъ, не думаютъ о выработкѣ положительныхъ идеаловъ.

Несомнѣнную заслугу Ницше составляетъ, далѣе, то, что онъ вновь подчеркнулъ значеніе, которое въ области этики имѣетъ эстетическій элементъ, чувство прекраснаго. Сдѣлалъ онъ и это очень односторонне и съ большими преувеличеніями, но ужъ таковъ былъ этотъ мятущійся духъ. Тѣмъ не менѣе значительная доля истины остается въ его разсужденіяхъ. Ницше возлагаетъ на высшихъ людей, на сверхлюдей обязанность вложить въ жизнь смыслъ, сдѣлать ее этимъ прекрасной и интересной. Мы видѣли, что эта задача именно съ точки зрѣнія общаго міровоззрѣнія Ницше, съ точки зрѣнія его теоріи вѣчнаго возврата вещей,

---

[1]) *Werke*, VI, стр. 204.
[2]) *Werke*, VI, стр. 422 и сл.
[3]) *Werke*, V, стр. 219.

Digitized by Google

является неразрѣшимой. Но самая задача поставлена правильно. Дѣйствительно нельзя строить этическихъ ученій, нельзя создавать идеаловъ, не зная смысла жизни. А такъ какъ познать этотъ смыслъ невозможно одними только средствами положительной науки—наше знаніе ограничено,—то приходится прибѣгать для уразумѣнія міровой загадки и ко всѣмъ остальнымъ способностямъ человѣка, въ томъ числѣ и къ чувству прекраснаго; оно играетъ далеко не послѣднюю роль въ подобныхъ попыткахъ разрѣшить основныя проблемы бытія. Въ основѣ, однако, должна оставаться наука, чрезмѣрное къ ней пренебреженіе Ницше составляетъ и здѣсь крайность и односторонность.

Затѣмъ, чувство прекраснаго имѣетъ значеніе и въ области практической морали. Человѣкъ, выработавшій себѣ извѣстныя этическія убѣжденія, долженъ примѣнять ихъ въ жизни, руководиться ими въ своихъ поступкахъ. Но это не значитъ, что такой человѣкъ на каждомъ шагу будетъ производить логическій анализъ всѣхъ своихъ мотивовъ, прежде чѣмъ принять рѣшеніе, которое стояло бы въ соотвѣтствіи съ его общими этическими убѣжденіями. Для такого анализа жизнь обыкновенно и не оставляетъ достаточно времени. Тутъ помогаетъ особое этическое чувство, которое стоитъ очень близко къ эстетическому. Человѣкъ вырабатываетъ себѣ особый «стиль жизни» и стремится сохранять этотъ стиль въ своихъ отдѣльныхъ поступкахъ. При этомъ условіи внутренняя жизнь человѣка дѣлается подобной художественному произведенію, въ которомъ всѣ части приведены въ гармоническое согласованіе между собою. «Только когда все единичное въ нашей жизни содѣйствуетъ красотѣ яснаго и единаго, лишеннаго противорѣчій общаго образа, можетъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ царить спокойствіе и удовлетвореніе; только когда мы продолжаемъ преобразовывать нашъ внутренній міръ въ направленіи этого высшаго совершенствованія, мы даемъ и внѣшнему міру высшую цѣнность, которую онъ можетъ пріобрѣсти. И альтруистическимъ требованіямъ мы можемъ удовлетворить въ высшемъ смыслѣ только такимъ стремленіемъ. Только тотъ можетъ дать наибольшее своимъ ближнимъ, кто довелъ свое внутреннее существо до высшаго совершенства. Развить нашу жизнь въ такое гармоничное цѣлое, создать стиль жизни, который въ каждомъ нашемъ словѣ и въ каждомъ движеніи свидѣтельствовалъ бы о единствѣ нашего внутренняго міра, вотъ наша этическая задача; задача эта различна для каждаго, такъ какъ наши цѣнности и цѣли нашего развитія зависятъ отъ индивидуальныхъ задатковъ и условій развитія, въ особенности отъ отношеній къ окружающимъ насъ людямъ, къ нашему положенію внутри государственнаго общежитія; задача эта никогда не кончается, такъ какъ нашъ опытъ никогда не перестаетъ доставлять намъ новый матеріалъ, который мы должны включать въ нашу постройку. Работа надъ этой задачей сама въ себѣ заключаетъ свою цѣну и свою награду» [1]).

---

[1]) *Cornelius*: „Einleitung in die Philosophie", стр. 354 сл.

Digitized by Google

Ницше несомнѣнно правъ и въ томъ отношеніи, что въ основу своей этики онъ полагаетъ волю къ жизни. Нельзя построить удовлетворительной этической теоріи на почвѣ пессимистическаго міровоззрѣнія, отрицающаго всякую цѣнность жизни и проповѣдующаго ея уничтоженіе. На этомъ вопросѣ я надѣюсь впослѣдствіи остановиться особо, подвергнувъ разбору подобныя этическія построенія. Конечно, Ницше не далъ правильнаго изображенія самой воли къ жизни; мы видѣли, что его теорія, сводящая все къ власти, угнетенію и господству надъ слабыми, не соотвѣтствуетъ истинному характеру дѣла. Но самая мысль выдвинуть на первый планъ волю къ жизни несомнѣнно правильна. Она является противовѣсомъ отравляющему часто современныхъ культурныхъ людей пессимизму.

Есть истина и въ ученіи о сверхчеловѣкѣ. Въ сущности идея сверхчеловѣка можетъ быть принята, какъ аллегорическое изображеніе идеала и стремленія къ нему. Вѣдь и на самомъ дѣлѣ, если думать о безконечномъ моральномъ прогрессѣ человѣчества, то приходится допустить, что въ результатѣ моральной эволюціи люди не будутъ оставаться неизмѣнными и что люди, достигшіе моральнаго совершенства, будутъ не тѣми уже людьми, которыхъ мы знаемъ. Проникаясь подобнымъ идеаломъ, каждый изъ насъ сознаетъ, что, содѣйствуя моральному прогрессу, онъ работаетъ для будущаго. Для каждаго изъ насъ современный человѣкъ представляется именно «мостомъ» къ будущему, канатомъ, протянутымъ между прошедшимъ и будущимъ. Вотъ почему и у другихъ этическихъ писателей мы находимъ странички, напоминающія аналогичныя разсужденія Ницше. Спенсеръ заканчиваетъ свою «Этику» словами: «Въ будущемъ высшимъ стремленіемъ благотворящаго будетъ получить долю участія—хотя бы даже совершенно неопредѣленную и неизвѣстную—«въ созданіи человѣка». Опытъ показываетъ отъ времени до времени, что въ преслѣдованіи совершенно безкорыстныхъ цѣлей можетъ заключаться высокій интересъ, и съ теченіемъ времени будетъ встрѣчаться все больше и больше личностей, безкорыстною цѣлью которыхъ будетъ дальнѣйшая эволюція человѣчества. Взирая съ высоты мышленія на эту отдаленную жизнь человѣческаго рода, пользоваться которой придется не имъ, а только отдаленному потомству, они найдутъ удовлетвореніе въ сознаніи, что они также содѣйствовали движенію общества впередъ къ ея осуществленію» [1]). А Гюйо, мыслитель во многомъ сходящійся съ Ницше, хотя болѣе уравновѣшенный и спокойный, высказываетъ догадки, еще болѣе близкія по характеру къ мечтаніямъ Ницше о сверхчеловѣкѣ. «Эволюція,—говоритъ онъ,—могла и должна была производить виды, типы, высшіе, чѣмъ наше человѣчество; невѣроятно, чтобы мы были послѣднею ступенью жизни, мысли и любви. Кто поручится за то, что эволюція не сможетъ или уже не смогла произвести то, что древніе называли «богами?» [2])».

---

[1]) *Спенсеръ*: „Основанія этики", т. II, стр. 233.

[2]) *Guyau*: „L'irreligion de l'avenir", стр. 439.

Digitized by Google

Но, конечно, единственнымъ путемъ къ такому усовершенствованію можетъ быть не искусственное воспитаніе отдѣльныхъ экземпляровъ высшихъ людей, а повышеніе уровня массъ, ихъ производящихъ. Ницше, какъ мы уже неоднократно указывали, былъ неправъ въ своемъ презрѣніи къ массамъ. Но затѣмъ онъ былъ совершенно правъ, когда возставалъ противъ грубаго эвдемонизма и утилитаризма въ морали. Не въ состояніи пассивной удовлетворенности видѣлъ онъ истинное счастіе человѣка, но въ творческой дѣятельности, захватывающей насъ самымъ своимъ процессомъ. Только этимъ путемъ можно идти къ моральному совершенствованію. «Соціалисты,—пишетъ онъ [1]), желаютъ возможно для многихъ установить довольство. Если дѣйствительно будетъ достигнута постоянная родина этого довольства—совершенное государство, то, благодаря такому довольству, будетъ разрушена почва, на которой вырастаетъ высшій интеллектъ и вообще сильный индивидъ: я разумѣю сильную энергію. Человѣчество сдѣлалось бы слишкомъ вялымъ, если бы было достигнуто это государство, чтобы еще производить геніевъ». Въ связи съ этими воззрѣніями стоитъ и характеристика «послѣднихъ людей» въ «Заратустрѣ». «Смотрите, я покажу вамъ послѣдняго человѣка. «Что такое любовь? Что такое творчество? Что такое тоска? Что такое звѣзда»?—такъ спрашиваетъ послѣдній человѣкъ и подмигиваетъ. Земля стала мала и на ней скачетъ послѣдній человѣкъ, который все дѣлаетъ маленькимъ. Его родъ неистребимъ, какъ земныя блохи; послѣдній человѣкъ очень долго живетъ. «Мы выдумали счастіе»,—говорятъ послѣдніе люди и подмигиваютъ. Они оставили мѣстности, гдѣ тяжело было жить: ибо они нуждаются въ теплѣ. Они любятъ еще сосѣдей и жмутся къ нимъ: ибо они нуждаются въ теплѣ... Они еще работаютъ, такъ какъ работа есть развлеченіе. Но они заботятся, чтобы развлеченіе не утомляло. Нѣтъ больше богатыхъ и бѣдныхъ: и то, и другое слишкомъ отяготительно. Кто хочетъ теперь управлять? Кто еще хочетъ повиноваться? И то, и другое слишкомъ отяготительно... Они умны и знаютъ все, что случилось: поэтому насмѣшкамъ нѣтъ конца. Они еще ссорятся между собою, но скоро мирятся, иначе разстраивается желудокъ. Они имѣютъ свое удовольствійце на день и свое удовольствійце на ночь: но они уважаютъ здоровье. «Мы выдумали счастіе»,—говорятъ послѣдніе люди и подмигиваютъ» [2]).

Вотъ этому идеалу разслабляющей удовлетворенности Ницше противопоставлялъ свою проповѣдь великаго страданія и твердаго, неустрашимаго творчества. Его критика, какъ и всегда, нѣсколько преувеличена, но основная идея остается правильной: не въ удовлетворенности, не въ пассивности, а въ дѣятельности и творчествѣ долженъ искать человѣкъ своего счастія.

Больше всего подкупаетъ читателя Ницше своею личностью. Читая его

---

1) *Werke*, II, стр. 221.

2) *Werke*, VI, 19 сл.

Digitized by Google

произведенія, нельзя не чувствовать необычайной искренности и правдивости ихъ автора. Вся жизнь Ницше состояла въ упорномъ исканіи истины, при чемъ его пытливый умъ не могъ никогда надолго остановиться и успокоиться на какомъ-нибудь опредѣленномъ рѣшеніи. «Я—странникъ и любитель хожденія по горамъ,—говорилъ онъ въ своемъ сердцѣ,—я не люблю равнинъ и, кажется, не могу долго сидѣть на мѣстѣ» [1]). Эти странствованія не легко ему давались. Съ болью въ сердцѣ разставался Ницше со своими кумирами, когда убѣждался, что они не могутъ болѣе его удовлетворить. Каждая неудача была для него новою душевною раной. Онъ самъ характеризуетъ свое настроеніе въ «Заратустрѣ», говоря, что пишетъ кровью. «Изъ всего написаннаго я люблю лишь то, что написано собственной кровью автора. Пиши кровью: тогда ты узнаешь, что кровь есть духъ... Кто пишетъ кровью и изреченіями, тотъ не хочетъ, чтобы его читали, но хочетъ, чтобы его учили наизусть» [2]).

Истиннаго пути, однако, Ницше найти не удалось. И послѣдняя его философія—философія Заратустры—не была истиной. Ницше самъ это чувствовалъ порою и со свойственной ему правдивостью не скрывалъ этого. Въ «Заратустрѣ» есть странички, проникнутыя настоящимъ трагизмомъ этого сомнѣнія въ истинности возвѣщаемаго ученія. «Солнце уже давно зашло; лугъ покрылся влагою, изъ лѣсовъ повѣяло прохладой. Что-то незнакомое тѣснится ко мнѣ и задумчиво на меня смотритъ. Какъ! Ты живъ еще, Заратустра? Почему? Для чего? Отчего? Куда? Гдѣ? Какъ? Развѣ не глупо еще продолжать жить?—Ахъ, мои друзья, это вечеръ заставляетъ меня ставить такіе вопросы! Простите мнѣ мою печаль! Былъ вечеръ: простите мнѣ, что былъ вечеръ!» «Юноша отвѣтилъ: я вѣрю Заратустрѣ. Но Заратустра покачалъ головой и засмѣялся. Вѣра не даетъ блаженства,—сказалъ онъ, особенно вѣра въ меня. Но допустимъ, что кто-нибудь совершенно серьезно скажетъ, что поэты слишкомъ много лгутъ; онъ вполнѣ правъ: мы слишкомъ много лжемъ. Мы слишкомъ мало знаемъ и плохіе ученики: а потому мы и должны лгать. И кто изъ насъ, поэтовъ, не поддѣлывалъ свое вино? Много ядовитыхъ смѣсей изготовлено въ нашихъ погребахъ, много неописуемаго тамъ сдѣлано. И такъ какъ мы мало знаемъ, то намъ очень нравятся нищіе духомъ, особенно, если это молоденькія женщины». Духъ тяжести, препятствующій странствіямъ по горамъ, обращается къ Заратустрѣ съ слѣдующими словами: «О Заратустра, ты, камень мудрости! Ты высоко закинулъ себя, но каждый брошенный камень долженъ упасть. О Заратустра, ты камень мудрости, ты метательный камень, ты разрушитель звѣздъ. Ты самъ себя закинулъ такъ высоко, но каждый брошенный камень долженъ упасть. Присужденный къ самому себѣ и къ своей каменной природѣ, о Заратустра, далеко бросилъ ты, конечно, камень, но на *тебя* упадетъ онъ обратно» [3]).

---

[1]) *Werke*, VI, 223.
[2]) *Werke*, VI, 56.
[3]) *Werke*, VI, 159, 187, 229.

Digitized by Google

Эти опасенія сбылись: далеко закинутый камень дѣйствительно свалился на голову закинувшаго его: Ницше не выдержалъ самъ своей философіи и заплатилъ безумiемъ за свои страстные поиски новаго, истиннаго пути. Этого пути ему не удалось найти. Да и не могъ онъ его найти при избранныхъ имъ средствахъ; онъ былъ слишкомъ поэтомъ и мечтателемъ, чтобы создать прочную философскую и этическую теорію. Онъ слишкомъ мало придавалъ цѣны научному знанію и самъ признавался, какъ мы только что видѣли, что онъ плохой ученикъ и мало знаетъ. Поэтому строго научная этика устоитъ, несомнѣнно, передъ страстными нападеніями Ницше. Его «имморализмъ» ей не опасенъ. Но и она будетъ навсегда признательна Ницше за его тонкую и часто мѣткую критику ходячей морали и современной культуры. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Ницше, несомнѣнно, займетъ видное мѣсто среди мыслителей и поэтовъ XIX вѣка, и мы безусловно не можемъ согласиться съ рѣзкимъ и несправедливымъ приговоромъ французскаго критика, будто «Заратустра» есть только великолѣпная мраморная гробница, заключающая въ себѣ пустоту [1]). Напротивъ, Ницше всегда останется для будущихъ поколѣній примѣромъ человѣка въ самомъ высокомъ смыслѣ, который всю свою жизнь, всѣ свои силы посвятилъ служенію идеалу и самоотверженному, доходящему до самозабвенія исканію истины, добра и красоты.

В. Хвостовъ.

---

[1]) *Ed. Schuré*: „Précurseurs et revoltés“ (1904 г.), стр. 182.

Digitized by Google

Бенжаменъ Констанъ и его ученіе о личныхъ правахъ.

(*George de Lauris*. Benjamin Constant et les idées libérales. Paris. 1904).

Бенжаменъ Констанъ представляетъ яркій типъ беззавѣтнаго друга и защитника свободы. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ писателей французской либеральной школы. Человѣкъ просвѣщеннаго ума и пламеннаго краснорѣчія, онъ умѣлъ вліять на своихъ современниковъ, и вліяніе это отражалось и отражается до сихъ поръ на многихъ политическихъ мыслителяхъ. Какъ депутатъ и публицистъ, онъ отзывался на всѣ общественныя и политическія явленія, отзывался одинаково страстно перомъ и словомъ,—писалъ трактаты, памфлеты, разрабатывалъ тексты конституцій, произносилъ рѣчи, переносилъ немилость и долженъ былъ покинуть Францію... Но и въ изгнаніи также чутко прислушивался и отзывался на всѣ событія той бурной эпохи, полной неожиданностей и перемѣнъ.

Путеводной звѣздой всей его жизни и дѣятельности служила всегда идея свободы. Эта идея, которой онъ неустанно служилъ 40 лѣтъ, объединяетъ всѣ его разнообразныя, многочисленныя произведенія, написанныя на злобы дня, въ минуты одушевленія.

Въ 60-хъ годахъ французскіе публицисты вновь издали собраніе сочиненій Бенжамена Констана подъ редакціей Эдуарда Лабуле. Въ своемъ предисловіи къ «Cours de Politique Constitutionnelle» Констана, Лабуле указываетъ на значеніе его произведеній: «Ничто не старѣется такъ скоро, какъ сочиненія, имѣющія своимъ предметомъ политику. Существуютъ, однако, произведенія, которыя переживаютъ общій срокъ; условіемъ для этого со стороны писателя должна быть защита не политическихъ формъ, всегда подверженныхъ разрушенію, а незыблемыхъ принциповъ свободы и справедливости. Покинутые въ часъ страха и унынія, они получаютъ вновь прежнее значеніе вмѣстѣ съ возрожденіемъ въ странѣ чувствъ надежды и любви къ свободѣ».

Новый трудъ Жоржа де-Лориса посвященъ систематическому разсмотрѣнію этихъ идей свободы у Констана, его ученія о неотъемлемыхъ пра-

Digitized by Google

вахъ личности. Политическихъ взглядовъ Констана о формѣ правленія, организаціи представительства и т. п. Лорисъ касается только попутно, поскольку та или иная форма болѣе способствуетъ утвержденію свободы личности *).

Намъ кажется, что въ переживаемый нами историческій моментъ интересно познакомить читателей съ взглядами Б. Констана, несмотря на ихъ почти вѣковую давность.

I.

Бенжаменъ Констанъ де-Робеккъ, сынъ Жюста-Арнольда Констана и Генріетты де-Шандіё, родился въ Лозаннѣ 25 октября 1767 г. Мать его умерла, давши ему жизнь. Семья Констана происходила изъ Артуа (во Франціи) и поселилась въ Лозаннѣ съ 1607 г., благодаря религіознымъ преслѣдованіямъ, такъ какъ одинъ изъ предковъ его принялъ реформатство. Семья Шандіё также переселилась изъ Франціи (Дофине), благодаря реформатству.

Самыя семейныя традиціи воспитывали Б. Констана въ любви къ свободѣ: этому содѣйствовала и оппозиція монархическому деспотизму, вліяніе котораго пришлось испытать его семьѣ, и самый духъ протестантизма, духъ терпимости и свободнаго изслѣдованія.

Б. Констанъ сначала воспитывался своею бабушкой, де-Шандіё, и теткой, де-Нассо, въ Шабліерѣ, въ окрестностяхъ Лозанны; когда же ему исполнилось 7 лѣтъ, отецъ его, офицеръ швейцарской арміи, находящійся на службѣ Голландіи, отвезъ его въ Голландію и поручилъ воспитателю. Мы находимъ въ «Адольфѣ» картину этого воспитанія, строгаго по формѣ, снисходительнаго по существу. Съ отцомъ онъ не былъ близокъ, никогда не говорилъ съ нимъ откровенно и это способствовало развитію замкнутости и скрытности Бенжамена. Отъ всей юности его вѣетъ холодомъ, въ результатѣ мы видимъ преобладаніе ума надъ сердцемъ, крайнюю сдержанность чувства; однако Констанъ былъ способенъ къ симпатіи, «къ разсудочной жалости», какъ выразился о немъ Анатоль Франсъ (Vie littéraire).

Образованіе Бенжаменъ Констанъ получилъ сначала въ Оксфордѣ, потомъ въ Эрлангенѣ въ Германіи; затѣмъ онъ устроился при дворѣ марк. графини въ Байретѣ, а въ 1783 г. возвратился въ Лозанну. Это было время крайняго недовольства деспотизмомъ иностранныхъ бальи въ кантонѣ Вадтъ; Бенжаменъ Констанъ направился наконецъ въ Эдинбургъ для завершенія своего образованія, и здѣсь вращался въ средѣ виговъ; въ Парижѣ онъ сошелся съ энциклопедистами. Но отецъ Констана настаивалъ на томъ, чтобы онъ опредѣлилъ свою карьеру, и Бенжаменъ при-

*) Въ этомъ отношеніи необходимымъ дополненіемъ къ книгѣ Лориса остается трудъ Лабуле: „Политическія идеи Б. Констана“ русск. переводъ, изд. „Русской Мысли“. М., 1905 г., ц. 40 к.

Digitized by Google

нялъ назначеніе при дворѣ герцога Брауншвейгскаго, гдѣ былъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ салонахъ. Разностороннее образованіе Констана было закончено. Онъ изучалъ въ Германіи нѣмецкую философію и ученіе Канта, творенія Шиллера произвели сильное вліяніе на его глубокую, впечатлительную натуру; въ Англіи онъ изучилъ вліяніе свободы и уваженіе къ англійскимъ учрежденіямъ сохранилъ уже на всю жизнь; Брауншвейгскій дворъ показалъ ему смѣшныя стороны великихъ міра сего, идеи и чувства, вызванныя не серьезнымъ размышленіемъ, а приличіемъ, этикетомъ. «Философія,—по выраженію Градовскаго,—дала Констану идею формальной свободы, Англія—готовый ея образецъ», Брауншвейгскій дворъ довершилъ его политическое воспитаніе.

Съ глубокимъ чувствомъ независимости, развитой внутренней жизнью, Бенжаменъ Констанъ много наблюдаетъ и мало сходится. Между тѣмъ это было время размышленій и проектовъ, время революціи, и Бенжаменъ Констанъ склоняется на ея сторону. «Чтобы не быть больше ультра-революціонеромъ, нужно, чтобы я не былъ больше среди контръ-революціонеровъ», пишетъ онъ въ письмѣ къ г-жѣ де-Шарьеръ. Онъ пробылъ при Брауншвейгскомъ дворѣ до 1794 г.; возвратившись въ Швейцарію, онъ встрѣтился съ г-жей де-Сталь. Это знакомство еще сильнѣе сблизило Констана съ революціей; французъ по симпатіямъ, онъ уже жирондистъ по натурѣ, какъ выразился о немъ Сентъ-Бёвъ. Констанъ стоитъ за свободу безъ привилегій, за всеобщее равенство, приходитъ въ ужасъ отъ всѣхъ жестокостей революціи; особенно поразила его казнь жирондистовъ. Вся надежда на будущее: когда французская политика смягчится, «республика сдѣлается свободой»; Констанъ горячо защищаетъ свободу, опираясь на новый тогда принципъ «человѣческой способности къ усовершенствованію».

Наконецъ, въ 1795 г. Бенжаменъ Констанъ является въ Парижъ, чтобы видѣть «новыхъ республиканцевъ». Это былъ въ то время 28-мілѣтній молодой человѣкъ, щеголеватый, останавливающій на себѣ вниманіе бѣлокурой шевелюрой и внѣшностью нѣмецкаго студента. Онъ блистаетъ своимъ краснорѣчіемъ во французскихъ салонахъ и посѣщаетъ политическіе клубы, встрѣчается съ различными партіями и говоритъ съ большимъ удивленіемъ: «Моя республиканская наивность была въ очень затруднительномъ положеніи: когда я говорилъ съ республиканской партіей, которая была побѣдительницей, я слыхалъ, что нужно рубить головы анархистамъ и разстрѣливать эмигрантовъ почти безъ суда. Когда я приближался къ небольшому числу тайныхъ террористовъ, которые еще существовали, я слыхалъ, что нужно покончить съ новымъ правительствомъ, съ эмигрантами и иностранцами; когда я давалъ убѣдить себя умѣреннымъ и приторнымъ мнѣніямъ писателей, которые проповѣдывали возвращеніе къ морали и справедливости, меня инсинуировали на второй фразѣ тѣмъ, что Франція не можетъ обойтись безъ короля,—что меня

Digitized by Google

особенно шокировало. Я не зналъ, что дѣлать съ моимъ энтузіазмомъ по отношенію къ республикѣ» *).

Г-жа де-Сталь своимъ восторженнымъ отношеніемъ къ республикѣ часто удерживала Констана отъ скептицизма. Въ это время началась политическая и публицистическая дѣятельность Констана, началась тремя письмами въ неизвѣстномъ журналѣ, въ которыхъ онъ высказывался противъ членовъ Конвента, желавшихъ сохранить за собой положеніе; этимъ онъ вызвалъ, самъ того не желая, довѣріе со стороны роялистовъ; но затѣмъ онъ горячо защищаетъ конституцію III года, боясь паденія республики. Поэтому онъ готовъ поддержать правительство директоріи во имя сохраненія свободы.

«Мысль человѣка неустойчива, нужно, чтобы учрежденія были устойчивы; нужно поддерживать большинство, считая его неизмѣняемымъ. Ему нужно напоминать то, чего онъ желалъ, показать ему, чего онъ желаетъ, давая ему счастье и отдыхъ подъ покровительствомъ закона. Народъ высказывается въ фактахъ. 14 іюля онъ высказался за свободу, 10 августа—за республику; 9 термидора и 4 прерeаля противъ анархіи,—вотъ его воля» **).

Правительство директоріи дебютировало разумными мѣрами; это былъ годъ отдыха и спокойствія, но затѣмъ правительство стало держаться весьма неопредѣленной политики. Бенжаменъ пишетъ политическій памфлетъ, гдѣ старается защищать правительство передъ обществомъ, предвидя уже опасность отъ контръ-революціи; директоріи же онъ предостерегаетъ отъ произвола: «нужно ненавидѣть произволъ самъ по себѣ, а не тотъ или другой произволъ», говоритъ онъ.

Этой брошюрой ***) Констанъ пріобрѣлъ вліяніе на директорію. Около того же времени онъ представляетъ петицію, чтобы получить французское гражданство, какъ сынъ протестантскаго изгнанника; онъ былъ признанъ гражданиномъ Женевы, и присоединеніе Женевы къ Франціи рѣшило дѣло; позднѣе онъ былъ записанъ гражданиномъ Лемана.

И послѣ роялистскихъ выборовъ V года Б. Констанъ поддерживалъ правительство директоріи двумя памфлетами: «Des réactions politiques» и «Des effets de la Terreur» и цѣлымъ рядомъ рѣчей; всѣми силами защищалъ онъ республиканское правительство противъ роялистской реакціи. 30 фруктидора онъ произнесъ знаменитую рѣчь въ клубѣ Salm, въ которой горячо возстаетъ противъ всякаго произвола. Въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ 18 фруктидора Бенжаменъ Констанъ тщетно старался создать общественное мнѣніе, настроенное республикански; совѣты сами содѣйствовали паденію правительства. Поэтому поводу Б. Констанъ справедливо замѣтилъ: «Чтобы

*) Saint-Beuve, Nouveaux Lundis. T. I, стр. 417.

**) Benj. Constant, De la force du gouvernement et de la nocessité de s'y railler. Ch. II.

***) ibid.

Digitized by Google

какое-нибудь правительство пало, нужно, чтобы часть этого правительства сама работала надъ его паденіемъ» *).

Переворотъ 18 брюмера привелъ къ консульству, и въ объявленіи консульства народъ прочелъ одно только имя Наполеона; вскорѣ защита свободы требовала уже много мужества и не только передъ правительствомъ, но передъ самою націей. Б. Констанъ писалъ: «Повидимому у французовъ можетъ преобладать всегда одна какая-нибудь идея, которая является какъ бы религіей. Главной идеей 1789 г. было: уничтожить все, чтобы воссоздать; господствующей идеей 1794 г.: накажемъ всѣ преступленія 1793 г.; преобладающей идеей 1808 года стало: свобода надѣлала намъ много зла, мы не хотимъ болѣе свободы» **).

Во время консульства единственное учрежденіе, имѣющее право голоса, былъ трибунатъ, и Б. Констанъ вошелъ въ его составъ. Онъ протестовалъ противъ трехдневнаго срока для обсужденія законовъ, противъ стѣсненій трибуната, продолжалъ защищать свободу общественную и частную; онъ хотѣлъ широко развить право петицій, желая дать этимъ возможность узнать потребности націи и право контролировать дѣйствія правительства. Въ январѣ 1802 года было рѣшено возобновить составъ трибуната и законодательнаго корпуса, чтобы избавить правительство отъ всякой оппозиціи. Сенатъ выбралъ для новыхъ собраній $^4/_5$ членовъ прежнихъ, Б. Констанъ былъ въ числѣ тѣхъ, голосъ которыхъ было желательно заглушить. По выраженію г-жи де-Сталь «съ трибуната были сняты сливки».

Б. Констанъ сопровождалъ г-жу де-Сталь въ ея изгнаніи. Онъ отправился въ Веймаръ, познакомился съ Гёте, Шиллеромъ, Виландомъ, Мюллеромъ, съ историками, поэтами и философами, собранными въ этомъ маленькомъ городкѣ Германіи. Б. Констану казалась привлекательной мирная жизнь ученаго, и онъ принялся за научный трудъ «О Религіи». Въ Веймарѣ онъ нашелъ то, къ чему всегда стремился: свободу, безопасность, независимость. Свобода мнѣній здѣсь утвердилась еще послѣ 30-тилѣтней войны, власть правительства умѣрялась малымъ количествомъ его владѣній. Констанъ жилъ въ Веймарѣ, Лейпцигѣ, Гёттингенѣ, гдѣ былъ членомъ академіи, лѣто проводилъ въ замкѣ Copreiy г-жи Сталь, гдѣ встрѣчалъ Монморанси, принца Августа Прусскаго, Сисмонди, Шлегеля, Боденштедта.

Въ 1808 г. онъ женился на Шарлоттѣ Гарденбергъ и поселился въ Гарденбергѣ возлѣ Гёттингена у родныхъ жены.

Въ 1814 г. вышло въ свѣтъ его сочиненіе «*De l'esprit de conquête et de l'usurpation, dans leurs rapports avec la civilisation actuelle*». Здѣсь онъ разсматриваетъ учрежденія не въ абстракціи, а въ ихъ постепенномъ развитіи; онъ говоритъ о значеніи просвѣщенія, о томъ, что нужно не

*) B. C.: Souvenirs historiques, Revue de Paris, février 1830.

**) Mélange de littérature et de politique.

Digitized by Google

учреждать республики, а создавать республиканцевъ, т.-е. свободныхъ людей, сознающихъ свою отвѣтственность, постоянныхъ въ своихъ взглядахъ. Тогда отдѣльные интересы, просвѣщенные пользованіемъ личной свободы, соединятся для поддержанія общей свободы, общихъ интересовъ; тогда и республика будетъ установлена. «Важна не быстрота улучшенія, а соотвѣтствіе учрежденій съ идеями», говоритъ Б. Констанъ *).

Когда Людовикъ XVIII былъ провозглашенъ королемъ, Б. Констанъ былъ принятъ императоромъ Александромъ, и пока сенатъ готовилъ конституцію, Констанъ издалъ въ свѣтъ свои: «Réflexions sur les Constitutions et les garanties» и брошюру о свободѣ журналовъ. Онъ надѣялся, что революція 1814 г. будетъ комбинаціей англійскихъ революцій 1660 г. и 1688 года. Французская нація встрѣтила возвращеніе Бурбоновъ съ удивленіемъ и недовѣріемъ; Констанъ же ожидалъ отъ Бурбоновъ утвержденія свободы, потерянной при Наполеонѣ.

Къ несчастью контръ-революція была слишкомъ сильна, а министры слишкомъ слабы; около прежнихъ роялистовъ теперь соединились всѣ сторонники имперіи. Противъ нихъ Бенжаменъ Констанъ опубликовалъ свои «Lettres sur les Cents Jours». Октроированная конституція Бурбоновъ была актомъ доброй воли короля и подвержена отмѣнѣ, такъ же, какъ въ прежнія времена Нантскій эдиктъ. Дворянство старалось пріобрѣсти всѣ прежнія привилегіи; ограниченія, строгая цензура,—все это утвердилось во Франціи вмѣстѣ съ реставраціей. Бенжаменъ Констанъ пишетъ въ «Письмахъ о ста дняхъ»: «Мнѣ кажется полезнымъ, чтобы правительство теперь знало, что когда оно притѣсняетъ или позволяетъ меньшинству притѣснять во имя его, то не нужно устраивать противъ него заговоровъ, чтобы его свергнуть. По мѣрѣ того, какъ распространяется просвѣщеніе, и люди лучше узнаютъ свои права и интересы, народы дѣлаютъ свое дѣло, такъ сказать, помимо правительства. Они соглашаются поддерживать и защищать это правительство только тогда, когда видятъ отъ его сохраненія ясную и опредѣленную пользу. Во Франціи особенно революція и паденіе шести слѣдовавшихъ одного за другимъ правительствъ дали націи привычку, къ которой она постоянно возвращалась, тѣмъ болѣе охотно, что она не требуетъ никакихъ усилій ни при какой опасности: нація не нападаетъ на свое правительство, но отстраняется,—и правительство падаетъ» **).

Конституціоналисты воспротивились возвращенію Наполеона, ожидая отъ Бурбоновъ бо̀льшей свободы; и Бенжаменъ Констанъ поддерживалъ Людовика XVIII въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Journal des Débats*; мы встрѣчали у него рѣзкія выраженія, стиль эпиграммы, какъ говоритъ о нихъ Сентъ-Бёвъ. Статья, помѣщенная 19 марта противъ Наполеона, написанная въ крайне рѣзкомъ тонѣ, была вызвана мужественнымъ стре-

*) B. C. De l'esprit des conquêtes et de l'usurpation.
**) „Lettres sur les Cents Jours", I часть.

Digitized by Google

мленіемъ Бенжамена противодѣйствовать тираніи, а, кромѣ того, какъ говоритъ Ж. Лорисъ, значительная доля краснорѣчія Констана должна быть приписана желанію произвести впечатлѣніе на г-жу Рекамье, въ салонѣ которой часто бывалъ въ то время Б. Констанъ.

Въ ночь на 20 марта произошелъ новый переворотъ: Людовикъ XVIII покинулъ Францію. Многіе упрекали Констана за статью 19 марта, онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Меня упрекали въ одномъ пасквилѣ, что я не покончилъ съ собою у подножья трона, который я защищалъ 19 марта. Дѣло въ томъ, что, открывъ глаза 20-го, я увидѣлъ, что тронъ исчезъ, а Франція продолжала существовать».

Бенжаменъ Констанъ рѣшилъ уѣхать въ Нанръ, но узнавъ, что онъ въ рукахъ бонапартистовъ, вернулся въ Парижъ. Въ Парижѣ онъ узналъ о либеральныхъ стремленіяхъ Наполеона. Первыя мѣры Наполеона: законъ объ эмигрантахъ, проскрипція 13, созданіе 7 лейтенантовъ полиціи обезпокоили умѣренныхъ; но это были мѣры, направленныя къ удовлетворенію низшихъ классовъ и не должны были быть исполнены. Наполеонъ понималъ, что онъ можетъ сохранить власть, только опираясь на чувства и интересы націи; онъ долженъ былъ дать гарантіи свободы, сейчасъ, немедленно, и безъ вліянія духовенства и дворянства. Такіе люди, какъ Сайсъ и Карно считали, что нужно служить при помощи императора дѣлу революціи и независимости народа. Было поэтому естественно, что Констанъ явился къ Наполеону; этому не противорѣчитъ, по мнѣнію Лориса, вся его дѣятельность, исключая одной статьи 19 марта. Наполеонъ не безпокоилъ Констана ни похвалами, ни упреками; они говорили безъ предисловій о дѣлахъ государства. Констану было поручено составить новую конституцію. «Мы думали,—говоритъ онъ,—что не слѣдуетъ отказываться отъ всякой помощи Бонапарта, главы Имперіи, и такимъ образомъ принуждать его оставаться диктаторомъ и возобновить деспотизмъ 1812 г.» *)... «Я всегда думалъ, что если бы Бонапартъ сначала встрѣтилъ вокругъ себя людей независимыхъ, онъ бы вступилъ съ ними въ соглашеніе, принялъ бы власть, ограниченную тѣми условіями, которыя ему предписали бы, и что его деспотизмъ былъ не столько его собственнымъ дѣломъ, сколько дѣломъ неожиданной низости, которая просила у него подачекъ цѣпей» **).

Наполеонъ и Б. Констанъ долго не могли придти къ соглашенію относительно названія новой конституціи. Наполеонъ настаивалъ на названіи «Acte additionnel», желая сохранить свое прошлое, настаивая больше на формѣ, чѣмъ на сути. Б. Констанъ согласился, но требовалъ уничтоженія прежнихъ конституцій, обезпеченія націи полной свободы мнѣній, уничтоженія права конфискаціи, на что Наполеонъ однако не согласился. Онъ не соглашался также сначала на созданіе наслѣдственнаго перства, но затѣмъ уступилъ; впрочемъ, Констанъ позднѣе самъ призналъ, что никакая аристократія не можетъ быть дѣломъ импровизаціи правительства.

*) „Lettres sur les Cents Jours".
**) Ibid., lettre II.

Digitized by Google

Бенжаменъ Констанъ былъ назначенъ въ государственный совѣтъ для защиты своего произведенія; утвержденіе было предоставлено народу, т.-е. всѣмъ членамъ избирательныхъ коллегій, которые явились бы въ Парижъ. Acte additionnel содержалъ въ себѣ всѣ элементы, которые могли освободить Францію отъ прежнихъ королевскихъ конституцій, Шатобріанъ назвалъ его позднѣе «Улучшенной хартіей»: въ немъ были твердо ограждены личныя права гражданъ. Но отношеніе къ нему было отрицательное: имперіалисты жалѣли о прежнемъ диктаторѣ, роялисты возбуждали критику со стороны республиканцевъ. Актъ упрекали въ созданіи наслѣдственнаго перства, въ молчаніи относительно конфискацій, упрекали за самое названіе и за способъ принятія, такой же, какъ при октроированной хартіи Людовика XVIII. Наполеону не довѣряли и ожидали отъ него всевозможныхъ ловушекъ, конституція Констана не пользовалась никакимъ довѣріемъ.

Реставрація Бурбоновъ снова измѣнила политическое положеніе Констана. Имя его было въ спискѣ изгнанниковъ, но затѣмъ было вычеркнуто по просьбѣ Деказа. Однако Б. Констанъ самъ не желалъ оставаться во Франціи въ эпоху реакціи и удалился сначала въ Брюссель, а потомъ въ Англію. Тамъ онъ окончилъ «Письма о ста дняхъ» и тамъ же появился его романъ «Адольфъ».

Въ сентябрѣ 1816 г. послѣ выборовъ въ конституціонномъ духѣ Б. Констанъ возвращается во Францію; тогда была написана статья «De la doctrine politique qui peut réunir les parties en France», отвѣтъ на статью Шатобріана—«La Monarchie selon la Charte». Б. Констанъ становится редакторомъ *Минервы* и издалъ свой курсъ конституціонной политики: «Politique constitutionnelle» и первые томы своего сочиненія «О религіи», оконченнаго только въ 1819 г.

Въ 1818 г. онъ былъ въ спискахъ депутатовъ Парижа, но не былъ избранъ благодаря министерскимъ интригамъ, и только въ 1839 г. былъ избранъ депутатомъ отъ департамента Сарты; онъ былъ признанъ французскимъ гражданиномъ, благодаря его указаніямъ на предковъ по матери, Шандіе.

Бенжаменъ Констанъ былъ хорошо знакомъ съ парламентской практикой, и это сейчасъ же сказалось въ его рѣчахъ на трибунѣ, направленныхъ къ защитѣ свободы. Той же неослабѣвающей энергіей въ защитѣ дорогого принципа проникнуты и статьи его, напечатанныя въ *La Minerve*.

Луи-Филиппъ въ 1830 г. назначилъ Б. Констана президентомъ государственнаго совѣта, и великому публицисту еще разъ пришлось горячо отстаивать свободу прессы противъ Гизо. 8 декабря 1830 г. онъ умеръ. Студенты везли его погребальную колесницу въ «Père Lachaise», послѣднія почести оказаны ему были молодежью и парижскимъ народомъ. Онъ вызвалъ глубокую благодарность, всю жизнь защищая права всѣхъ своимъ горячимъ, независимымъ словомъ.

Digitized by Google

II.

Жанъ-Жакъ Руссо установилъ принципъ народнаго суверенитета, считая такимъ образомъ, что всеобщая воля есть единственный законный источникъ власти, но Б. Констанъ указываетъ на то, что ни у Руссо, ни у Монтескье нѣтъ точнаго опредѣленія, въ чемъ же въ такомъ случаѣ состоитъ свобода гражданъ. «Абстрактное признаніе суверенитета народа,—писалъ онъ,—ничѣмъ не увеличиваетъ свободу индивидуумовъ, и если этому суверенитету приписываютъ неподобающую широту, свобода можетъ быть потеряна, несмотря на этотъ принципъ или даже благодаря этому принципу». Поэтому нужно точно опредѣлить ту часть человѣческаго существованія, «которая есть всеобщее право, внѣ всякой соціальной компетенціи» *).

Эта независимость правъ личности отъ государства, или отъ общества, составляетъ основной пунктъ воззрѣній Бенжамена Констана. Онъ указываетъ на различіе нашего понятія о свободѣ отъ взглядовъ древнихъ народовъ: послѣдніе выше всего ставили политическую свободу, а не личную независимость или личныя права. «Цѣлью древнихъ было раздѣленіе общественной власти между всѣми гражданами одной партіи; это они и называли свободой. Цѣль современныхъ народовъ—спокойная увѣренность въ благоденствіи» **).

Древнія республики заключали въ себѣ значительное число рабовъ, количество гражданъ было невелико, и была возможна непосредственная демократія; современныя государства слишкомъ обширны и принуждены прибѣгать къ представительству.

Работа, которая въ древнихъ республикахъ исполнялась рабами и давала гражданамъ необходимый досугъ, теперь исполняется самими гражданами, а политика сдѣлалась особой карьерой уполномоченныхъ, которымъ нація оказываетъ довѣріе и черезъ которыхъ осуществляетъ свои права. «Личное вліяніе при этомъ составляетъ едва замѣтный элементъ соціальной воли, которая придастъ правительству свое направленіе» ***). При такихъ условіяхъ политической властью каждаго отдѣльнаго гражданина является «право гарантій, а не дѣйствій», по выраженію Ж. Лориса. Политическая свобода часто создается теперь за счетъ и въ ущербъ индивидуальной свободѣ, какъ было во время революціи; это ошибка отъ приближенія нашего понятія о свободѣ къ понятію древнихъ. Древніе никогда не уважали личныя права, это чувство рѣдко проявлялось у древнихъ философовъ; оно было, напримѣръ, у Сократа; но онъ палъ жертвой религіозной нетерпимости аѳинскаго государства.

Между тѣмъ Бенжаменъ Констанъ возстаетъ противъ всякаго произвола,

---

*) *B. C.*, „Politique constitutionnelle", t. I, стр. 8 и 9.
**) Ibid., t. II, стр. 548.
***) Ibid., t. II, стр. 545—548.

Digitized by Google

будь то произволъ государства или общества; онъ говоритъ, что произволъ губителенъ для всякой морали, для всякаго интеллектуальнаго прогресса, для всякаго истинно-религіознаго чувства, для всякой индустріи. Личная свобода должна быть строго гарантирована отъ произвола; она представляется подъ различными видами, но она едина и нераздѣльна; права личности тѣсно связаны и солидарны: «Нельзя отказать въ свободѣ однимъ и дать ее другимъ», говоритъ Б. Констанъ.

Представьте себѣ одинъ актъ насилія надъ людьми вмѣсто убѣжденія,—всякая свобода потеряна. Свобода прессы?—ею будутъ пользоваться, чтобы возбуждать народъ въ пользу жертвъ, можетъ быть невинныхъ. Свобода индивидуальная? но тѣ, которыхъ вы будете преслѣдовать, воспользуются ею, чтобы ускользнуть отъ васъ. Свобода промышленности? она доставитъ рессурсы опальнымъ. Поэтому придется стѣснить всѣ виды свободы, уничтожить ихъ одинаково. Люди хотѣли бы идти на компромиссы съ справедливостью, выйти изъ ея круга на одинъ день, изъ-за одного препятствія, и затѣмъ снова вернуться къ порядку. Они желали бы гарантій въ правилахъ и успѣха въ исключеніяхъ. Но природа возстаетъ противъ этого: ея система полна и точна; одно единственное уклоненіе уничтожаетъ ее, какъ въ математической выкладкѣ ошибка въ одной цифрѣ или въ тысячахъ дѣлаетъ одинаково невѣрнымъ ея результатъ» *). Захватъ собственности неизбѣжно ведетъ къ произволу надъ людьми, такъ какъ вызываетъ справедливый отпоръ, а вслѣдъ за нимъ репрессивныя мѣры для его подавленія. Произволъ пользуется религіей для подчиненія массъ, пользуется невѣжествами и суевѣріями для того, чтобы держать эти массы въ повиновеніи. Но независимость мысли необходима и въ религіи, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, «какъ воздухъ для физической жизни», по выраженію Констана. «Въ большихъ ассоціаціяхъ нашего времени свобода печати составляетъ единственный способъ гласности и представляетъ въ сущности, каковы бы ни были формы правленія, единственную защиту гражданъ». Также необходимо признать и свободу петицій, которая даетъ возможность гражданамъ сообщать своимъ представителямъ объ опасности, нанесенной ихъ правамъ или интересамъ.

Права личности Б. Констанъ дѣлитъ на нѣсколько видовъ:

1. Личная свобода въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. собственно личная безопасность.
2. Свобода религіозная.
3. Неприкосновенность имущества.
4. Свобода промышленности.
5. Свобода печати.
6. Право петицій.

Эти права независимы ни отъ какой политической власти, какъ необходимыя и неотъемлемыя права самого суверенnаго властителя, т.-е. на-

*) Ibid., t. II, p. 225.

Digitized by Google

рода, состоящаго изъ свободныхъ личностей. Совершенно ясно, что другія права, которыхъ требуетъ развитіе прогресса, это право собраній и союзовъ, какъ добавляетъ Ж. Лорисъ.

III.

Бенжаменъ Констанъ самымъ детальныхъ образомъ разсматривалъ всѣ виды свободы, говорилъ о необходимыхъ гарантіяхъ, указывалъ нарушенія этой свободы въ политической практикѣ. Для свободы личности прежде всего нужна *личная неприкосновенность*, т.-е. гарантіи индивидуума отъ всякаго насилія, ареста, незаконнаго заключенія. Гарантіи должны быть одинаковы при всякомъ представительномъ правленіи. При этомъ нужно, чтобы правительство никогда не легализировало примѣненія исключительныхъ мѣръ; полномочія депутатовъ имѣютъ законные предѣлы, которые должны быть точно извѣстны тѣмъ, которые ихъ получаютъ, и тѣмъ, кто ихъ даетъ; невѣжество гражданъ самое большее зло въ странѣ. При этомъ Б. Констанъ указываетъ на то, что тенденція всякаго министра—захватывать побольше власти, тенденціей депутатовъ должна быть оппозиція этимъ захватамъ; точное исполненіе конституціи должно быть строго требуемо общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ конституція, по выраженію Дону, есть «законъ другихъ законовъ».

Очень интересны взгляды Констана на *религіозную свободу*: мы найдемъ въ его произведеніяхъ отвѣты на всѣ важнѣйшіе вопросы, касающіеся свободы религіи: вопросъ объ организаціи клира, о роли государства по отношенію къ различнымъ культамъ и о религіозныхъ ассоціаціяхъ, такъ назыв. конгрегаціяхъ. Нужно помнить при этомъ, что Констанъ былъ протестантъ; онъ изучалъ религіи всѣхъ народовъ, но всегда стоялъ за полную независимость мысли во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ; протестантская доктрина позволяетъ каждому устанавливать свою вѣру по своему личному убѣжденію,—поэтому, сохраняя свободу мнѣній, Бенжаменъ Констанъ можетъ считать себя протестантомъ. Для него христіанство есть только извѣстная религіозная форма: «откровеніе вездѣ, гдѣ есть что-нибудь благородное и хорошее. Внутреннее чувство и есть откровеніе» *). Онъ считаетъ, что для человѣческаго прогресса полезно это чувство, которое придаетъ индивидууму нѣчто высшее, стоящее надъ его личными интересами, но оно должно быть свободно и можетъ примѣняться не только у цѣлаго народа, но даже у отдѣльнаго индивидуума. «Повсюду, — говоритъ онъ, — гдѣ нѣтъ возможности измѣнять формы и вѣрованія, — тамъ можетъ существовать суевѣріе, потому что суевѣріе есть отказъ отъ разума и слѣпая привязанность къ установленной практикѣ; можетъ существовать фанатизмъ, потому что фанатизмъ и есть суевѣріе, доведенное до крайности; но не можетъ быть истинной религіи, потому что религія есть результатъ потребности души и усилій разума, а установленіе догмата

*) De la Réligion, Préface.

Digitized by Google

ставить и то и другое внѣ вопроса» *). Б. Констанъ объясняетъ происхожденіе нетерпимости, репрессивныхъ и даже кровавыхъ мѣръ въ вопросахъ религіи интересами духовенства, часто совершенно противоположными истиннымъ интересамъ религіи. Греки въ древности, — говоритъ онъ,—были народомъ, который возвысился до самыхъ благородныхъ идей, который лучше другихъ служилъ дѣлу цивилизаціи, и они были свободны отъ ига священниковъ. Для современныхъ обществъ Констанъ больше всего боится соединенія свѣтской и духовной власти, которая можетъ повести къ тому, что религія сдѣлается орудіемъ въ рукахъ правительства. Онъ возстаетъ противъ всякаго вмѣшательства власти для установленія извѣстной юрисдикціи терпимости, для установленія всякихъ точныхъ, опредѣленныхъ формъ: все это противно самой природѣ религіи: «Вѣротерпимость,—говоритъ онъ,—есть не что иное, какъ полная свобода всякихъ культовъ въ настоящемъ и будущемъ...» Религіозная терпимость составляетъ существенную и необходимую часть всякой политической свободы. Существуютъ однако условія, когда эти два великіе принципа раздѣляются. Когда народъ, желая быть свободнымъ, видитъ въ какой-нибудь религіи врага своей свободы, онъ готовъ преслѣдовать ее, но онъ неправъ: достаточно помѣшать ей стать господствующей, поставить ее на уровень со всѣми другими культами: теряя свое господство, она перестанетъ быть опасной, тогда какъ преслѣдованіе, возбуждая въ ея пользу всѣ великодушныя побужденія нашей природы, дѣлаетъ ее интересной, а потому и опасной **).

Констанъ возстаетъ также противъ того, чтобы духовенство составляло особую могущественную корпорацію, имѣло крупныя владѣнія. Онъ говоритъ, что государство должно оплачивать духовенство различныхъ вѣроисповѣданій, но ни въ какомъ случаѣ не возлагать содержанія духовенства на гражданъ. «Что же касается до вновь нарождающихся сектъ, то государство не обязано принимать на себя содержаніе ихъ священниковъ. Они находятся въ порѣ наибольшей убѣжденности и одушевленія новыхъ идей. Но какъ только секта соединитъ вокругъ своихъ алтарей достаточное число членовъ, чтобы составить общину, то она сама должна содержать новую секту... Религію въ этомъ смыслѣ можно сравнить съ большими дорогами: я бы желалъ, чтобы государство поддерживало ихъ, лишь бы оно оставляло при этомъ каждому право предпочитать тропинки» ***).

Б. Констанъ былъ противъ конкордата, хотя указалъ на безопасность протестантской церкви при Наполеонѣ, «несмотря на конкордатъ». Онъ протестовалъ также противъ миссіонеровъ, этой «кочующей церкви», какъ онъ говорилъ, противъ тѣхъ, кто, «посѣщая деревни, обманывали легковѣрныхъ, пугали слабыхъ, вносили рознь въ семьи, безпорядки въ хижи-

*) Mélanges de littérature et de politique. Du développement progressif des idées religieuses.

**) *B. C.* „Éloge de Sir Samuel Romilly".

***) Principe de politique. T. XVII.

Digitized by Google

ны, невѣжество въ школы, смуты въ города» *). Б. Констанъ былъ глубоко возмущенъ вмѣшательствомъ правительства въ дѣла культа,—вмѣшательствомъ, сопровождавшимся насиліями, и произнесъ полную негодованія рѣчь: «Могу ли я молчать,—говоритъ онъ,—среди печальныхъ результатовъ слѣпого упорства; когда жандармы поставлены рядомъ со священниками, когда угрозы присоединяются къ молитвамъ, когда отряды кавалеріи прерываютъ пѣніе псалмовъ, когда тюрьмы открываются послѣ проповѣдей, такъ что въ церквахъ мы видимъ профанаціи, а на улицахъ драгонады» **).

Взгляды Б. Констана на религіозную свободу могутъ быть сведены къ слѣдующему: граждане имѣютъ право свободно исповѣдовать свою вѣру и собираться для культа въ спеціальныхъ зданіяхъ, но не публичныхъ мѣстахъ, такъ какъ это вызвало бы протестъ со стороны диссидентовъ и могло бы подать поводъ къ безпорядкамъ, которые слѣдуетъ всегда предупреждать, а не подавлять военной силой. Религія должна быть предоставлена уму и сердцу людей, и никакіе законы или установленія не должны препятствовать свободѣ изслѣдованія или иниціативы. Государство не должно предоставлять никакихъ привилегій никакой формѣ религіи и должно воздерживаться отъ установленія или предписанія какихъ бы то ни было мнѣній. Таковы гарантіи свободы религіи, одной изъ существенныхъ формъ свободы личности. Отъ другихъ правъ личности Б. Констанъ отдѣляетъ *право собственности*.

Нѣкоторые писатели разсматривали это право, какъ «нѣчто таинственное, предшествующее обществу и независимое отъ него» ***). Это значитъ признать захватъ собственности силой и признать существующія привилегіи въ пользованіи собственностью законными.

Естественныя права, необходимыя для физическаго и моральнаго существованія индивидуума, основаны на абсолютной справедливости. Но слѣдуетъ, напротивъ, разсматривать съ точки зрѣнія относительной справедливости тѣ права, которыя зависятъ не отъ свойствъ человѣческой природы, а отъ соціальной организаціи; они изучаются науками политическими, а не моральными. Государство гарантируетъ эти права въ силу договора и можетъ нарушать ихъ, только нанося вредъ общему благоденствію страны: «Собственность есть общественный договоръ, — говоритъ Бенжаменъ Констанъ, — и общество имѣетъ на нее такія права, какихъ не имѣетъ на свободу, жизнь и мнѣнія своихъ членовъ» ****).

Б. Констанъ даетъ намъ возможность рѣшить вопросы: каково будетъ положеніе государства относительно различныхъ формъ собственности и какъ оно осуществитъ права, которыя ему необходимо признать для пользы всѣхъ гражданъ.

*) Discours, t. II, стр. 17.
**) Ibid, стр. 122.
***) *B. C.* „Polit. Const.“, t. I, p. 112.
****) Politique constit. t. I, p. 113 и 114.

Digitized by Google

Особенное вниманіе Бенжамена Констана вызываетъ земельная собственность, какъ самая древняя форма. Крупные собственники были дискредитированы во Франціи, благодаря ихъ приниженной роли у трона съ цѣлью сохраненія привилегій. «Во Франціи было не то, что въ Англіи, гдѣ крупные собственники, соединившись съ народомъ противъ захватовъ короны, съ незапамятныхъ временъ почувствовали необходимость, испытали потребность въ свободѣ», пишетъ Констанъ. «Крупные собственники у насъ всегда стремились скорѣе захватить власть, чѣмъ ограничить ее; они предпочли привилегіи правамъ и милости—гарантіямъ. Поэтому ясно, что въ интересахъ нашей конституціонной монархіи нужно содѣйствовать возможно большему раздробленію земельной собственности» *).

Экономическіе и политическіе интересы обыкновенно совпадаютъ. Никогда нужда не была такъ распространена въ богатой странѣ, какъ во Франціи стараго порядка,—благодаря крайне неправильному распредѣленію собственности. Экономисты признавали, что земля должна принадлежать трудящемуся классу, но что это произойдетъ само собою, благодаря свободному обмѣну. «Если предоставить земельной собственности спокойно слѣдовать направленію, которое предписано ей самой природой, а не дѣлать ее неподвижной и недѣлимой посредствомъ нелѣпыхъ регламентовъ, она часто будетъ мѣнять владѣльцевъ и раздробится сама собою», писалъ Б. Констанъ **). Поэтому задача государства состоитъ въ томъ, чтобы не ставить никакихъ препятствій къ свободному обмѣну и раздробленію собственности.

По вопросу о собственности Б. Констанъ говоритъ о значеніи крупныхъ собственниковъ, о правѣ наслѣдства и объ отношеніи между собственностью и промышленностью.

Опорой соціальнаго порядка, по его мнѣнію, являются средніе собственники, которые больше всего пострадаютъ отъ его нарушенія; опасными же для государства являются тѣ, которымъ нечего терять, или тѣ, для которыхъ потери не составятъ разоренія. «Люди, не имѣющіе собственности, являются орудіями заговоровъ, но вожаками всегда были крупные собственники», замѣчаетъ Констанъ ***). Право наслѣдства лишаетъ возможности владѣльцевъ продавать, а желающихъ покупать землю, что ограничиваетъ свободу передвиженія собственности. Полная свобода ведетъ къ союзу между собственностью и промышленностью; собственность доставляетъ продукты, промышленность обрабатываетъ ихъ; такъ между ними устанавливается кооперація.

Государство должно уважать всѣ виды собственности. И «промышленная собственность стоитъ даже выше земельной, такъ какъ земельная есть цѣнность вещей, а промышленная — цѣнность человѣка», говоритъ Кон-

*) Mélange de litter. et de politique. Rapport de la propriété foncière et de la liberté.

**) Mélange de litt. et de politique. Ibid.

***) Discours, t. III, p. 352.

Digitized by Google

станъ: вѣдь капиталъ, помѣщенный въ промышленное предпріятіе, приноситъ доходъ только благодаря дѣятельности и уму человѣка.

Государство не должно пользоваться захватомъ собственности, такъ какъ при этомъ условіи оно потеряетъ довѣріе со стороны общественнаго мнѣнія, а съ этимъ вмѣстѣ и кредитъ, а пользованіе кредитомъ неизбѣжно въ большихъ государствахъ; однако съ развитіемъ кредита связано много печальнаго: люди, живущіе своими доходами, рантье, бываютъ обыкновенно лишены чувства общественной солидарности. Пользуясь системой кредита, государство должно строго выполнять свои обязательства; нарушеніемъ этого, по мнѣнію Констана, является: банкротство частичное или общее, уменьшеніе общественнаго долга, уплата долга по стоимости меньшей, чѣмъ номинальная, порча монеты и т. п.

Констанъ признаетъ, что государство имѣетъ право устанавливать налоги, но лишь съ согласія подданныхъ. Граждане даютъ свое согласіе на установленіе налоговъ, опредѣляютъ ихъ количество, порядокъ и срокъ взиманія и слѣдятъ за ихъ расходованіемъ. «Бюджетъ есть орудіе народа противъ всякаго превышенія власти, противъ злоупотребленій политическихъ и финансовыхъ. Это орудіе легальное, мирное, конституціонное,— говоритъ Констанъ въ своей рѣчи 28 мая 1819: «вы должны пользоваться имъ для всѣхъ реформъ, которыхъ вы желаете ради общественнаго блага, и, вотируя бюджетъ, вы должны разсмотрѣть всѣ вопросы, касающіеся расходовъ, и не только съ точки зрѣнія финансовъ, но и съ точки зрѣнія свободы».

Всякіе захваты собственности Б. Констанъ считаетъ незаконными дѣйствіями со стороны правительства; впрочемъ, гарантіи противъ конфискаціи зависятъ больше отъ общественнаго мнѣнія, чѣмъ отъ того или другого параграфа конституціи.

Въ связи съ правомъ собственности стоитъ и свобода промышленности. Признавая лучшимъ средствомъ къ прогрессу свободную конкуренцію, Б. Констанъ не желаетъ никакихъ ограниченій со стороны государства въ дѣлѣ свободнаго развитія промышленности: каждому гражданину должно быть предоставлено право свободно распоряжаться своимъ капиталомъ, своимъ умомъ и своими силами. Къ экономическимъ взглядамъ, заимствованнымъ у Неккера, Адама Смита, Сэ, онъ присоединяетъ аргументы политическаго и моральнаго характера. Онъ протестуетъ противъ всякихъ монополій и привилегій, уничтожающихъ равенство и ведущихъ къ уменьшенію прогресса въ промышленности, благодаря нежеланію привилегированныхъ вводить улучшенія. Вниманіе Констана, конечно, направляется и противъ корпорацій, цеховъ, уничтоженныхъ революціей; онъ признаетъ эту систему «столь же несправедливой, какъ и абсурдной: несправедливой, потому что она не даетъ возможности трудиться тѣмъ, кто этого желаетъ и кого бы трудъ предостерегъ отъ преступленій; абсурдной — потому что она ставитъ препятствія свободной конкуренціи, лучшему средству усо-

Digitized by Google

вершенствованія во всѣхъ профессіяхъ» *). Б. Констанъ боялся также, чтобы депутаты не поддержали собственниковъ въ стремленіи нормировать цѣны нѣкоторыхъ продуктовъ и заработной платы. Онъ считаетъ это жертвой большинства меньшинству (подобно Смиту), добавляя, что это жертва трудящагося класса — праздному. По поводу цѣнъ на хлѣбъ Б. Констанъ говорилъ, что повышеніе ихъ можетъ быть выгодно только до извѣстныхъ предѣловъ, потому что и заработная плата будетъ пропорціонально повышаться; но когда это вздорожаніе переходитъ границу, то становится выгоднымъ только для предпринимателей, рабочій же, нуждаясь въ хлѣбѣ, при слишкомъ высокихъ цѣнахъ станетъ работать, чтобы получить хотя бы половину хлѣба, нужнаго для его существованія, а заработная плата относительно понизится; во время голода рабочіе всегда готовы наниматься за очень низкую плату. Констанъ указываетъ и на систему, представляющую меньше неудобствъ, чѣмъ система привилегій, но все же опасную: это покровительственная система. Какъ можетъ развиваться иниціатива и чувство отвѣтственности у людей, привыкшихъ надѣяться на помощь правительства?

Для поощренія развитія какой-нибудь новой вѣтви промышленности Констанъ предпочитаетъ подписку заинтересованныхъ лицъ, чѣмъ вмѣшательство государства. Онъ отвергаетъ также различныя почетныя отличія среди мануфактуристовъ, ремесленниковъ: государство не должно устанавливать заслуги индивидуумовъ, а гарантировать всѣмъ свободу дѣятельности и свободное пользованіе плодами труда.

Легко замѣтить, что въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ Констанъ отдаетъ дань ученію о полномъ невмѣшательствѣ государственной власти въ экономическія отношенія. Однако въ пониманіи Констана это ученіе не получаетъ узко буржуазнаго характера. Если крупныя предпріятія сгруппировываютъ лицъ, связанныхъ общими интересами, солидарностью, то въ противовѣсъ имъ, по мнѣнію Констана, должны возникнуть ассоціаціи рабочихъ, за которыми должны быть признаны всѣ права. Тогда рабочіе могутъ составлять договоры съ предпринимателями и устанавливать гарантіи, необходимыя для свободы людей, единственное средство жизни которыхъ составляетъ трудъ.

Наибольшее вниманіе и самую горячую аргументацію посвящаетъ Констанъ *свободѣ печати*. Онъ защищалъ ее въ нѣсколькихъ брошюрахъ и въ многочисленныхъ рѣчахъ, требуя для человѣческой мысли права заниматься всѣми предметами, которые привлекаютъ вниманіе, и права распространять результаты своихъ изслѣдованій. «Печать,—говоритъ онъ,—есть только дополненіе къ слову: человѣкъ пишетъ потому, что онъ не можетъ говорить со всѣми, кого желаетъ убѣдить; и если въ салонахъ восхищаются тѣмъ, кто легкимъ и изящнымъ краснорѣчіемъ передаетъ свою мысль другимъ и какъ-будто бы приближаетъ къ понятію слушателей предметы,

*) Polit. Const.

Digitized by Google

съ которыми они мало знакомы,—я не вижу, почему возможно пренебрегать тѣмъ, кто посредствомъ печати производитъ тотъ же эффектъ въ болѣе широкой сферѣ» *).

Отъ свободной прессы можно ожидать соціальнаго прогресса и просвѣщеннаго мнѣнія, способнаго поддерживать либеральное правительство; только свободная пресса можетъ просвѣщать и убѣждать гражданъ. Констанъ цитируетъ нѣсколько фразъ Бентама по поводу опасности для человѣческаго разума отъ цензуры: «Если бы все зависѣло только отъ людей, стоящихъ у власти, куда бы мы пришли? Религія, законодательство, физическая и нравственная сторона жизни—все было бы во мракѣ» **). Только посредствомъ свободной прессы значительное число лицъ, неспособныхъ подняться до высокихъ идей, можетъ воспринять эти идеи, ясно формулированныя, и такимъ образомъ можетъ содѣйствовать общему прогрессу.

«Меня, можетъ быть, упрекнутъ, какъ это уже дѣлали»,—пишетъ Констанъ,—въ томъ, что я приписываю небольшимъ произведеніямъ, памфлетамъ, брошюрамъ слишкомъ большое значеніе; съ такимъ же успѣхомъ можно упрекнуть меня въ томъ, что я придаю слишкомъ большое значеніе вѣрности мысли, ясности выраженій, таланту говорить при всякомъ случаѣ то, что надо говорить, и именно такъ, какъ надо. Произведенія Монтескьё, Филангіёри, Блекстона—это источники просвѣщенія; болѣе мелкія произведенія—это средства для его распространенія и примѣненія. Но разрѣшать первыя и стѣснять вторые, значитъ терпѣть теорію при условіи, что практика невозможна ***). Б. Констанъ требуетъ свободы печати и для мелкихъ произведеній; онъ отказывается отъ интеллектуальной аристократіи, которая дѣлаетъ просвѣщеніе исключительнымъ удѣломъ одной части общества. Когда правительство освобождаетъ отъ цензуры только книги, чтеніе которыхъ требуетъ вниманія и свободнаго времени, то между образованнымъ классомъ и всей остальной націей образуется все большее и большее разстояніе, а сохраненіе просвѣщенія требуетъ самаго широкаго его распространенія во всѣхъ кругахъ общества.

«Свобода печати,—по словамъ Констана,—необходима, какъ слово, гражданамъ всѣхъ классовъ. Если они имѣютъ возможность позвать на помощь, когда на нихъ нападаютъ на большой дорогѣ или ночью взламываютъ двери ихъ жилища, то они должны имѣть право посредствомъ печати возставать противъ произвола и насилія» ****).

Свобода печати является средствомъ противъ покушеній на личность и собственность индивидуумовъ; она должна быть разсматриваема, какъ первая гарантія личной свободы; другія конституціонныя гарантіи, какъ независимость судей, законный порядокъ, отвѣтственность министровъ,

*) *B. Const*: „Politique constitutionnelle“, t. I, p. 487.
**) De la liberté des brochures, des pamphlets et des journaux.
***) Polit. Const., t. I, стр. 486
****) Discours, t. II, стр. 541.

Digitized by Google

народное представительство, при отсутствіи свободы печати подвержены измѣненіямъ и нарушеніямъ, т.-е. совершенно призрачны.

По мнѣнію Констана, свобода печати имѣетъ особенное значеніе для лицъ заурядныхъ, лишенныхъ честолюбія и желающихъ только спокойствія. Выдающіеся люди имѣютъ друзей и враговъ и, подвергаясь произволу, вызываютъ симпатію однихъ и злорадство другихъ; нація рѣдко подымается на ихъ защиту. Но если затронутъ человѣкъ толпы и объ этомъ узнаетъ нація, она считаетъ себя въ опасности подвергнуться тому же и вступается для защиты его охотнѣе, чѣмъ государственнаго человѣка, даже самаго популярнаго.

Слѣдуетъ разсмотрѣть еще значеніе свободы печати въ интересахъ самого правительства. «Не формы конституціи сохраняютъ ее: конституція не можетъ сохраниться безъ общественнаго мнѣнія, а общественнаго мнѣнія не можетъ быть безъ свободы печати,—говоритъ Констанъ *).— Государственный порядокъ, особенно при иноземномъ нашествіи, можетъ быть поддержанъ, если сила правительства покоится на довѣріи гражданъ; деспотическое правительство часто именно въ виду непріятеля видитъ, какія чувства по отношенію къ нему прикрывались молчаніемъ подданныхъ». Нужно, чтобы солдаты были увѣрены, что за ними существуетъ общественное мнѣніе, оно вдохновляетъ ихъ незамѣтно для нихъ самихъ, оно походитъ на музыку, подъ звуки которой солдаты идутъ на непріятеля; никто не сосредоточиваетъ на ней вниманія, но всѣ убѣждены, воодушевлены и увлечены ею» **).

Общественное мнѣніе складывается при помощи журналовъ, но не исключительно подъ ихъ вліяніемъ; довѣряютъ только журналамъ независимымъ, въ которыхъ проявляется критическое отношеніе къ дѣйствіямъ правительства. Посредствомъ журналовъ правительство можетъ узнать мнѣніе большинства націи. «Когда законъ предложенъ и разсматривается, могутъ быть очень полезны сочиненія, имѣющія къ нему отношеніе. Памфлеты въ Англіи сопровождаютъ каждый вопросъ, проникая до самыхъ нѣдръ парламента; вся мыслящая часть націи принимаетъ то или другое участіе въ вопросѣ, который ее интересуетъ. Представители народа и правительство видятъ одновременно «всѣ стороны предстоящаго вреда и всѣ мнѣнія за и противъ» ***). Такимъ образомъ, свобода печати содѣйствуетъ порядку и спокойному вліянію общественнаго мнѣнія на ходъ дѣлъ въ странѣ. «Какихъ результатовъ достигали всевозможныя нападенія на свободу печати? Они доводили до отчаянія писателей, обладавшихъ чувствомъ независимости, неразлучной съ талантомъ, заставляли ихъ прибѣгать къ намекамъ, проникнутымъ озлобленіемъ, такъ какъ они могли быть выражены лишь косвеннымъ путемъ; они вызывали существованіе и обращеніе въ публикѣ произведеній тайныхъ и уже по тому самому

*) Pol. Const., t. I, стр. 499.

**) De l'esprit des conquêtes et de l'usurpation.

***) Pol. Const. De la liberté des brochures.

Digitized by Google

опасныхъ, давали пищу анекдотамъ, сплетнямъ, мятежнымъ инстинктамъ; давали возможность клеветѣ окружать себя всегда холоднымъ ореоломъ отваги и въ концѣ-концовъ придавали чрезвычайную важность запрещеннымъ сочиненіямъ» *).

Б. Констанъ подробно останавливался на значеніи свободы печати, онъ указывалъ и на то, какъ эта свобода должна быть организована.

Правительство должно быть по отношенію къ прессѣ и либерально и строго: либерально въ томъ смыслѣ, чтобы не допускать никакого произвола надъ человѣческой мыслью, строго въ томъ отношеніи, чтобы подвергать отвѣтственности авторовъ за преступленія печати. «Авторы должны быть отвѣтственны за свои произведенія, когда они напечатаны, такъ же, какъ за слова, когда они произнесены, и за поступки, когда они совершены. Ораторъ, проповѣдующій воровство, убійство или грабежъ, былъ бы наказанъ за свои рѣчи, поэтому долженъ быть наказанъ и писатель, проповѣдующій убійство, воровство или грабежъ» **).

Б. Констанъ возстаетъ противъ всякихъ исключительныхъ мѣръ по отношенію къ журналамъ. Такъ, онъ возстаетъ противъ залоговой платы, которая разсматривалась какъ гарантія противъ распущенности и ничтожества журнала. Но нельзя же стѣснять просвѣщеніе въ странѣ, устанавливая залоговую плату,—говоритъ Констанъ:—«Просвѣщеніе распредѣляется не такъ, какъ состоянія». Установленіе залога можетъ повести къ партійности, такъ какъ журналъ можетъ издаваться только тогда, когда залогъ уплачивается цѣлой партіей; а «мнѣніе, безпристрастное и стоящее внѣ партіи, осуждено на молчаніе».

Такимъ же насиліемъ со стороны правительства Констанъ считаетъ требованіе, чтобы было два собственника или отвѣтственныхъ издателя журнала; по мнѣнію Констана, совершенно достаточно одного отвѣтственнаго лица.

Само собою ясно, что Констанъ протестовалъ противъ предварительной цензуры, не имѣющей никакого смысла; всякій долженъ нести отвѣтственность за совершонные поступки, а пріостановка выхода въ свѣтъ изданія лишаетъ возможности ознакомиться съ его содержаніемъ и привлечь его къ отвѣтственности за нарушеніе закона.

Но еще недостаточно, чтобы были устранены всѣ предварительныя мѣры по отношенію къ прессѣ: необходимы строгіе законы и гарантіи для отвѣтственности печати. Кодексъ 1817 г. устанавливалъ слѣдующія преступленія прессы: 1) оскорбительный характеръ произведенія и клевета; 2) непристойность произведенія; 3) возбужденіе къ мятежу противъ правительства или гражданъ другъ противъ друга; 4) проповѣди церковныя съ воззваніемъ къ мятежу или безпорядкамъ. Констанъ не нашелъ нужнымъ ничего добавить къ этому.

---

*) Ibid., t. I, стр. 257.

**) Pol. Const. De la liberté des brochures.

Digitized by Google

Типографія, по мнѣнію Б. Констана, не должна быть отвѣтственна за печатаемое, такъ какъ типографщики не имѣютъ ни достаточныхъ знаній, ни времени, чтобы судить о томъ, что они печатаютъ. Установить отвѣтственность типографіи, значило бы создать косвенную цензуру, такъ какъ типографщики не стали бы подвергать свое положеніе риску и отказывались бы многое печатать. Ихъ можно было бы признать виновными лишь въ тѣхъ случаяхъ, если бы они участвовали въ томъ, чтобы скрыть имя автора или мѣсто и названіе типографіи. За совершенно явную, открытую клевету или непристойность типографія не можетъ быть отвѣтственна.

Б. Констанъ доказывалъ, что судъ надъ преступленіемъ печати долженъ быть отданъ въ руки особаго жюри, составленнаго изъ спеціально выбранныхъ лицъ, которыя будутъ безпристрастно разсматривать всѣ конфликты между печатью и правительствомъ и безпристрастно принимать во вниманіе интересы лицъ, подвергшихся клеветѣ или диффамаціи.

Частная жизнь каждаго гражданина представляетъ его неприкосновенную собственность и не можетъ быть обнаружена или обсуждаема иначе, какъ на судѣ и притомъ только по вопросу, связанному съ обвиненіемъ. То же касается и частной жизни должностныхъ лицъ; она не можетъ быть опубликована, если никому не вредитъ.

«Потребуйте,—говоритъ Констанъ,—чтобы всякій человѣкъ, который помѣститъ чье-нибудь имя въ книгѣ, памфлетѣ или статьѣ и разскажетъ о его частныхъ дѣлахъ, будетъ приговоренъ къ штрафу, который возрастетъ въ зависимости отъ вреда, нанесеннаго индивидууму. Пропускъ одной или двухъ буквъ въ собственномъ имени не должны избавить отъ наказанія»*). Такими мѣрами Констанъ надѣялся оградить частное лицо отъ диффамаціи и клеветы.

Обыкновенно преслѣдованіе производилось передъ судьями участка обвиняемаго, но въ случаѣ диффамаціи потерпѣвшій можетъ требовать суда въ своемъ собственномъ участкѣ, такъ какъ эти судьи лучше могутъ судить о моральной сторонѣ дѣла.

Совершенно иначе разбирается вопросъ при обвиненіяхъ противъ должностныхъ лицъ. Улики противъ частныхъ лицъ не имѣютъ никакого значенія для общественнаго блага; это были бы только источники вреда, источники безпорядка. Улики противъ должностныхъ лицъ существенно интересуютъ общество. Какое дѣло обществу знать, что такой-то человѣкъ имѣетъ болѣе или менѣе честные нравы, но всѣмъ нужно знать, если должностное лицо совершаетъ акты, которые посягаютъ на права гражданъ и противны хартіи **). На практикѣ получается слѣдующее: «Чтобы имѣть право пожаловаться на произволъ, нужно ссылаться на судебный приговоръ, но чтобы достичь этого судебнаго приговора, нужно

*) Pol. Const.
**) Ibid.

Digitized by Google

пожаловаться на произволъ. Это заколдованный кругъ, дѣйствительно замѣчательный, и если бы онъ не былъ ошибкой тѣхъ, кто приводитъ такіе аргументы, онъ былъ жестокой насмѣшкой, одинаково оскорбляющей разумъ и правосудіе» *). Всякій оскорбленный долженъ имѣть право жаловаться и добиваться суда, задача судей сопоставить поступки должностнаго лица съ законами и конституціей.

Итакъ, правительство, по мнѣнію Констана, ничѣмъ не должно стѣснять свободнаго выраженія мысли, содѣйствующей общему прогрессу страны; его задача запрещать злоупотребленія этой свободой. Всѣ необходимыя гарантіи свободы печати должны быть включены въ конституцію и строго примѣняться. Свобода печати одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ личности. «Въ Англіи когда Habeas Corpus спитъ,—говорилъ Шатобріанъ,— свобода печати бодрствуетъ; сестра свободы личности, когда силы ея связаны, свобода печати защищаетъ ее и мѣшаетъ ей перейти отъ сна къ смерти».

Съ правомъ свободно думать и свободно выражать свои мысли тѣсно связано *право петицій*. Это право гражданъ непосредственно сноситься съ своими представителями, право призывать ихъ вниманіе на какой-нибудь пунктъ законодательства или поступокъ администраціи. Б. Констанъ придавалъ этому праву большое значеніе, видя въ немъ интересъ индивидуумовъ, занятыхъ защитой своей свободы, интересъ законодателей, на которыхъ возложена трудная обязанность улучшить еще новыя учрежденія и наблюдать за должностными лицами, еще проникнутыми воспоминаніями деспотизма. «Протесты противъ произвольныхъ дѣйствій, противъ злоупотребленій власти освѣтятъ намъ вопросъ о примѣненіи правосудія, о степени гражданской свободы, существующей во Франціи, объ уваженіи уполномоченныхъ власти къ законному порядку, этой благодѣтельной силѣ человѣческаго общества, ради которой они согласились надѣть на себя оковы соціальнаго порядка» **).

Петиціи составляютъ органъ общественнаго мнѣнія, общественное же мнѣніе верховно, но не въ томъ смыслѣ, что оно стоитъ выше всѣхъ нормъ справедливости и не знаетъ границъ въ примѣненіи къ индивидуумамъ, а въ томъ смыслѣ, что въ вопросахъ соціальнаго порядка никто не имѣетъ власти, стоящей надъ нимъ. Общественное мнѣніе—есть воля націи, но нація не управляетъ непосредственно при представительномъ образѣ правленія; она облекаетъ своимъ довѣріемъ людей, которые должны быть разумными уполномоченными, а не простыми орудіями націи.

Петиціи и важны потому, что знакомятъ представителей націи съ общественнымъ мнѣніемъ, т.-е. съ волей націи, облекая своихъ депутатовъ довѣріемъ и властью. И Констанъ долго и упорно боролся въ трибунатѣ за право петицій и за то, чтобы трибунатъ разсматривалъ всѣ петиціи безъ ограниченій.

---

*) Discours., t. I, стр. 53.

**) Рѣчь Б. Констана въ трибунатѣ, Moniteur, 14 плювіоза VIII года.

Digitized by Google

Б. Констанъ дѣлитъ петиціи на нѣсколько видовъ: 1) петиція согласія; но очень часто онѣ показываютъ только глубокій страхъ и деспотизмъ сильныхъ; 2) петиціи о мѣстныхъ интересахъ и нуждахъ, которыя даютъ понятія о желаніяхъ всѣхъ частей государства; 3) прошенія прежнихъ чиновниковъ или пенсіонеровъ; 4) протесты противъ произвольныхъ дѣйствій; 5) проекты улучшеній.

Конечно, петиціи не должны носить характера требованій, повелѣній правительству,—это не активное вмѣшательство въ дѣло страны, а просьба, обращенная къ представителямъ. «Всѣ французы безъ различія пола и возраста имѣютъ право представлять петиціи; петиція есть только просьба, которая не ведетъ ни къ какому поступку, которая ни въ чемъ не связываетъ власть. Поэтому она не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ результатовъ» *). Но Констанъ настаивалъ на томъ, что петиціи могутъ быть подаваемы только въ письменной формѣ. Не слѣдуетъ дѣлать различія между коллективными или индивидуальными петиціями или ограничивать правомъ подачи петицій только тѣхъ лицъ, которыя оскорблены и лично заинтересованы въ данномъ вопросѣ: это было бы стѣсненіемъ права націи выражать свое мнѣніе. Необходима также гласность петицій на трибунѣ или въ прессѣ, полная свобода обсужденія.

При существованіи законодательной инициативы у депутатовъ, петиціи даютъ возможность всѣмъ гражданамъ различныхъ классовъ общества, живущихъ во всѣхъ концахъ государства, принимать участіе въ законодательствѣ, представляя свои мнѣнія и просьбы. И это поведетъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію вопросовъ. «Законы должны быть результатомъ множества идей»,—говоритъ Констанъ **). «Подумайте о томъ удовольствіи, съ которымъ каждый изъ глубины самыхъ темныхъ уголковъ, съ самыхъ отдаленныхъ границъ можетъ надѣяться быть полезнымъ своей странѣ, замѣченнымъ своими магистратами» ***). «Примемъ же всѣ патріотическія побужденія, потому что всѣ они имѣютъ цѣнность; выслушаемъ всѣ заявленія гражданъ, потому что лучше перенести скуку тридцати плохо обоснованныхъ заявленій, чѣмъ оттолкнуть одно единственное вѣрное; соберемъ вокругъ насъ все, что ведетъ къ просвѣщенію, во-первыхъ, для того, чтобы лучше освѣтить наши обсужденія, затѣмъ для того, чтобы передать это правительству, которому принадлежитъ право исполненія ****). Этими словами защищалъ Бенжаменъ Констанъ передъ членами трибуната VIII года право петицій,—одно изъ самыхъ существенныхъ правъ человѣческой личности.

---

*) Discours, t. II, p. 34.
**) Discours, t. II, стр. 34.
***) Pol. Const., t. I, p. 216.
****) Moniteur, 14 плювіоза VIII г.
*****) Ibid.

Digitized by Google

IV.

Познакомившись съ ученіемъ Б. Констана о личныхъ правахъ индивидуумовъ, не зависящихъ ни отъ государства, ни отъ соціальныхъ установленій, интересно разсмотрѣть его взгляды на тѣ конституціонныя гарантіи, которыя могутъ обезпечить индивидуумамъ пользованіе ихъ свободой. Это—*судебныя гарантіи, отвѣтственность министровъ, законный порядокъ и народное представительство.*

Судебная власть, по мнѣнію Б. Констана, составляется изъ судей и присяжныхъ.

Судьи не суть агенты правительства; они получаютъ повелѣнія только отъ буквы закона и отъ своей совѣсти; на нихъ возложена высшая миссія соціальнаго порядка: человѣческое выраженіе правосудія; судьи располагаютъ собственностью и даже личностью гражданъ, поэтому ихъ главной заботой должна быть независимость.

Прежде всего судьи должны быть несмѣняемы: «Всякое временное назначеніе судей правительствомъ или народомъ, всякая возможность отозванія иначе, какъ по судебному приговору, одинаково посягаетъ на независимость судебной власти» *),—говоритъ Б. Констанъ.

Онъ признаетъ, что судьи должны быть назначаемы высшею властью, и такъ какъ онъ писалъ въ эпоху конституціонной монархіи, то такою властью считали короля. Онъ требовалъ для судей значительнаго жалованья; это вопросъ морали и чести, такъ какъ «всякая обязанность, оплачиваемая жалованьемъ, вызываетъ презрѣніе, если это жалованіе слишкомъ мало».

Но ко всему этому долженъ быть присоединенъ судъ присяжныхъ; судьи должны быть освѣдомлены въ вопросахъ права, чтобы примѣнять законъ; присяжные же рѣшаютъ вопросъ о самомъ фактѣ виновности, поэтому могутъ признать невиновнымъ и того, кто уличенъ или самъ сознался въ совершеніи преступленія. Говорили, что благодаря этому судъ присяжныхъ будетъ мѣшать примѣненію закона, подчиняясь велѣніямъ своей совѣсти. Можетъ быть, это и такъ, но только въ случаяхъ очень важныхъ. «Въ исключительныхъ случаяхъ,—говоритъ Констанъ,—т.-е. когда судьи поставлены между чувствомъ гуманности, съ одной стороны, и буквой закона — съ другой, не будетъ никакого вреда, если они отступятъ отъ этой буквы; не должно быть закона, который возмущалъ бы человѣчность большей части людей настолько, чтобы присяжные, выбранные изъ самаго сердца націи, не могли бы рѣшиться примѣнить этотъ законъ» **). Генеральные прокуроры, по мнѣнію Констана, обыкновенно стараются сгустить краски, чтобы добиться обвиненія, видя въ этомъ свое прямое назначеніе, тутъ-то громадную роль и будетъ имѣть судъ присяжныхъ.

---

*) Pol. Const., стр. 154.

**) Pol. Const., t. I, p. 158.

Digitized by Google

Препятствіемъ къ введенію суда присяжныхъ никакъ не должно служить утвержденіе, будто бы нація для этого лишена достаточной степени общественнаго развитія: «Въ странѣ, гдѣ судъ присяжныхъ постоянно бывалъ нарушаемъ и свобода идей угрожаема, а обвиняемые привлекались къ суду спеціальныхъ комиссій,—тамъ-то это общественное развитіе и не могло родиться. Обыкновенно нападаютъ на судъ присяжныхъ, а слѣдовало бы нападать на посягательства, которыя бывали ему нанесены» *).

Судъ присяжныхъ долженъ быть составленъ такъ, чтобы представлять собою всю націю, а не какую-нибудь ея часть. «Присяжные избираются посредствомъ жребія среди гражданъ, пользующихся своими политическими правами» **), такъ какъ назначаемые правительственной властью они не будутъ уже независимы.

Судъ присяжныхъ имѣетъ большое значеніе для развитія демократіи, такъ какъ значительное число гражданъ, исполнявшихъ свои функціи присяжныхъ, лучше узнаютъ законы и послѣдствія ихъ примѣненія. Это, во-1-хъ, гарантія для безпристрастнаго рѣшенія, во-2-хъ, гарантія справедливости и разумности самихъ законовъ.

Къ несмѣняемости судей и суду присяжныхъ необходимо прибавить еще одну гарантію: постоянное и точное соблюденіе законнаго порядка; но Б. Констанъ не анализируетъ его; онъ говоритъ только, что «всякое созданіе экстраординарныхъ судовъ, всякое нарушеніе или измѣненіе законнаго порядка представляетъ дѣйствія неконституціонныя и наказуемыя» ***). Б. Констанъ протестуетъ противъ всякаго примѣненія исключительныхъ судовъ: «Это значитъ,—говоритъ онъ,—предупреждать обвиненіе, разсматривать призваннаго къ суду, какъ обвиненнаго, предполагать виновность прежде разслѣдованія, предупреждать приговоръ наказаніемъ, потому что, повторяю, лишить кого-нибудь благодѣянія его естественныхъ судей значитъ уже подвергнуть его наказанію». Констанъ протестуетъ также противъ примѣненія военныхъ судовъ иначе, какъ по обвиненію въ преступленіи военнаго характера; онъ говоритъ, что военной силой слѣдуетъ пользоваться только для поддержанія внѣшней безопасности. По этому поводу нельзя не привести страницы, полной пламеннаго краснорѣчія въ памфлетѣ, опубликованномъ въ 1813 году «De l'esprit des conquêtes et de l'usurpation». «Эти воины,—говоритъ онъ,—отбросятъ ли они вмѣстѣ съ желѣзомъ, которое ихъ покрываетъ, духъ, привитой имъ съ дѣтства,—постоянной привычки къ опасности? Облекутся ли они вмѣстѣ съ тогой уваженіемъ къ законамъ, стремленіемъ къ сохраненію законнаго порядка, этой высшей благодѣтельной силы человѣческихъ обществъ? Невооруженный классъ кажется имъ недостойной толпой; законы—безполезными тонкостями, законный порядокъ—невыносимыми замедленіями. Они

*) Ibid., 154.
**) Ibid., 235.
***) Esquisse de Constitution, 238.
****) Pol. Const.

Digitized by Google

уважаютъ больше всего въ гражданскомъ дѣлѣ, какъ въ военномъ дѣлѣ, быстроту дѣйствія. Единодушіе во мнѣніяхъ кажется имъ столь же необходимымъ, какъ однообразная форма въ войскахъ. Всякая оппозиція для нихъ—безпорядокъ, разсужденія—мятежи, суды—военные совѣты, судьи—солдаты, получающіе приказы; обвиняемые—непріятели, судебныя разбирательства—сраженія!» *).

Четвертая гарантія, которой требуетъ Констанъ—это гласность суда, которая можетъ быть осуществлена посредствомъ свободной прессы; разсмотрѣніе закона вовсе не уменьшаетъ уваженія къ нему.

Право помилованія Констанъ отдаетъ верховной власти; это и есть послѣдняя защита, предоставляемая обвиненнымъ: «Факты разнообразятся до безконечности, законы не могутъ слѣдить за всѣми нюансами, право помилованія есть соглашеніе общаго закона съ частной справедливостью» **).

Кромѣ судебныхъ гарантій, необходимымъ условіемъ осуществленія личныхъ правъ Констанъ считаетъ *отвѣтственность министровъ*. Какимъ образомъ можетъ быть достигнута дѣйствительная отвѣтственность министровъ? Они должны быть отвѣтственны за всякое покушеніе на свободу, личность и собственность индивидуума въ такой же мѣрѣ, какъ и всѣ граждане. «Несомнѣнно, законная власть министра облегчаетъ ему возможность совершать незаконные поступки, но это употребленіе власти только лишнее преступленіе» ***). Въ такомъ случаѣ министръ отвѣтственъ не какъ министръ, а какъ простой гражданинъ, и долженъ быть подверженъ обыкновенному суду. Конечно, чтобы произнести совершенно справедливый приговоръ, нужно, чтобы судьи были независимы и честны, а это возможно только въ правительствѣ, основанномъ на принципѣ свободы.

Иногда указываютъ на затрудненіе, состоящее въ томъ, что простымъ судамъ будутъ открыты государственныя тайны, но нельзя же во имя этихъ тайнъ предоставлять министрамъ возможность постоянно пользоваться произволомъ. «Я не знаю общественной безопасности безъ личныхъ гарантій,—говорилъ Констанъ: — я думаю, что общественная безопасность постоянно нарушается, когда граждане видятъ со стороны правительства опасность вмѣсто защиты» ****).

Должна существовать отвѣтственность министровъ и передъ представителями народа за нарушеніе конституціонныхъ гарантій. «Нельзя отказать гражданамъ въ правѣ требовать исправленія зла, ими испытываемаго, но надо также чтобы люди, облеченные ихъ довѣріемъ, могли бы сами вступаться за оскорбляемыхъ. Эта двойная гарантія и законна и необходима» *****). Констанъ строго различаетъ два рода отвѣтственности мини-

*) Pol. Const., t. II, p. 152.
**) Ibid., p. 161.
***) Ibid., p. 71.
****) Ibid.
*****) Ibid., p. 72.

Digitized by Google

стровъ: ихъ отвѣтственность, какъ индивидуумовъ,—передъ обыкновенными судами и, какъ министровъ,—передъ представителями.

Съ этимъ связанъ вопросъ объ отвѣтственности низшихъ чиновниковъ; они могутъ быть отвѣтственны какъ чиновники только за болѣе или менѣе точное исполненіе полученныхъ распоряженій, но «когда дѣло идетъ о покушеніяхъ противъ свободы, собственности и безопасности индивидуумовъ, то-есть о преступленіяхъ, то принимавшіе участіе въ совершеніи ихъ, не могутъ быть подъ защитой никакой высшей власти». Здѣсь не можетъ служить оправданіемъ ихъ послушаніе начальству. Пассивное послушаніе имѣетъ предѣлы даже въ военной дисциплинѣ; никто не оправдаетъ капитана, который по приказанію своего полковника отправится со своей послушной командой арестовать военнаго министра. Послушаніе не должно быть слѣпымъ и безпредѣльнымъ. «Не отъ недостатка послушанія въ низшихъ чиновникахъ при различныхъ тиранніяхъ Франція такъ много терпѣла отъ этихъ тираній. Всѣ, наоборотъ, слишкомъ повиновались, и если нѣкоторымъ счастливцамъ удалось ускользнуть, если нѣкоторыя несправедливости были смягчены, то это потому, что иногда отказывались отъ доктрины послушанія» *).

Результатомъ принципа всеобщей отвѣтственности должно быть широкое *распространеніе знанія законовъ*. Б. Констанъ говоритъ, что законы только тогда могутъ быть признаны законами въ истинномъ смыслѣ, когда они исходятъ изъ законныхъ источниковъ и заключены въ опредѣленныя рамки. Законность нарушена: 1) если предписываются закономъ дѣйствія, противныя морали (напр. требованіе доносовъ), 2) если закону приписываютъ обратное дѣйствіе, потому что тогда никто не можетъ быть увѣренъ въ послѣдствіяхъ своихъ поступковъ, 3) если законъ «дѣлитъ гражданъ на классы, наказываетъ ихъ за то, что отъ нихъ не зависитъ, дѣлаетъ ихъ отвѣтственными за поступки, которыхъ они не совершали. Законы противъ аристократіи, противъ священниковъ, противъ отцовъ дезертировъ, родителей эмигрантовъ не были истинными законами» ***).

Чтобы всѣ разобранныя гарантіи были соблюдены, необходимо, по мнѣнію Констана, многочисленное и независимое *представительство*. Краснорѣчиво протестуетъ онъ противъ многостепенныхъ выборовъ, потому что эта система отдаляетъ депутатовъ отъ избирателей; онъ стоитъ за прямое избирательное право; избирательныя права должны быть предоставлены собственникамъ, которые имѣютъ досугъ заниматься государственными дѣлами; но цензъ долженъ быть очень невеликъ. Это отрицаніе всеобщаго избирательнаго права у Констана является конечно, отраженіемъ взглядовъ современнаго ему французскаго буржуазнаго общества.

Констанъ считалъ однако, что при конституціи, основанной на народ-

*) Ibid., p. 404.
**) Ibidem, p. 395.
***) Ibid., p. 354—355.

Digitized by Google

номъ представительствѣ, нація свободна только тогда, когда ея представители въ своей дѣятельности подчинены извѣстной сдержкѣ—распущенію собранія. «Это распущеніе не есть, какъ говорили, угроза правамъ народа; напротивъ, когда выборы свободны, то распущеніе собранія есть призывъ къ правамъ народа во имя его интересовъ» *).

Остается упомянуть еще объ одной очень важной гарантіи, которой добивался Бенжаменъ Констанъ и сумѣлъ добиться, составляя Acte Additionnel: «Осадное положеніе не можетъ быть установлено въ городѣ иначе, какъ при нашествіи враговъ, или при гражданскихъ смутахъ; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимъ вотумъ палаты» **).

V.

Чтобы права личности были обезпечены, необходимо точно опредѣлить ихъ въ конституціи, ея задача — поддерживать всѣ гарантіи, разобранныя выше.

Конституція должна предписывать самое строгое раздѣленіе властей, такимъ образомъ, чтобы «самымъ яснымъ, самымъ продолжительнымъ, самымъ опредѣленнымъ интересомъ всѣхъ обладателей власти было—оставаться всегда въ предѣлахъ своего назначенія» ***), говоритъ Констанъ. Конституція должна опредѣлить границы суверенитета,—границы, которыя будутъ ненарушаемы, если широкая гласность дастъ возможность гражданамъ знать обо всемъ, что совершается въ странѣ, составить опредѣленное общественное мнѣніе и знать силу этого мнѣнія.

Констанъ желалъ единенія правительства съ просвѣщенными людьми; это единеніе повело бы къ широкому прогрессу, къ торжеству идеи свободы. «Онъ благодѣтеленъ, этотъ союзъ между правительствомъ и разумомъ, этотъ договоръ, по которому просвѣщенные люди говорятъ обладателямъ законной власти: вы гарантируете насъ отъ всѣхъ незаконныхъ дѣйствій, а мы предостерегаемъ васъ отъ всѣхъ гибельныхъ предразсудковъ. Вы окружите насъ покровительствомъ закона, а мы оградимъ ваши учрежденія силой общественнаго мнѣнія» ****).

Мы постараемся резюмировать тѣ условія, которыя Б. Констанъ считаетъ необходимыми для этого договора, т.-е. гарантіи, даваемыя правительствомъ съ одной стороны, и вліяніе, какое могутъ оказывать талантливые писатели на своихъ согражданъ — съ другой. Такимъ способомъ и совершится то единеніе правительства съ гражданами, котораго такъ желалъ Б. Констанъ. Тутъ рѣчь идетъ уже не о гарантіяхъ личныхъ правъ, которыя мы разсмотрѣли выше, а о гарантіяхъ противъ нарушенія кон-

*) Ibid., p. 189.
**) Acte additionel.
***) Polit. Const., t. I, p. 16.
****) Ibid., t. II, p. 82.

Digitized by Google

ституціи; это вопросы о томъ, какимъ способомъ возможно установить и сохранить свободу.

Лучшая форма правительства, наиболѣе гарантирующая свободу, есть, по мнѣнію Констана, форма республиканская. «Республики существуютъ,— говоритъ онъ, — благодаря счастью, уму, спокойствію и энергіи, которыя даетъ человѣку пользованіе свободой» *). Поэтому всякое правительство, обезпечивающее свободу, приближается въ своей сущности къ республикѣ; и очень часто, по мнѣнію Констана, фактически республика по духу предшествуетъ республикѣ по имени. Совершенно не нужно поэтому работать надъ ниспроверженіемъ правительства, хотя бы и не республиканскаго, но совмѣстимаго съ свободой. Совершенно достаточно заставить правительство уважать народное представительство и независимость судей, слѣдить за тѣмъ, чтобы не было никогда никакихъ покушеній на личную свободу гражданъ. Слѣдуетъ опасаться революцій, которыя рѣдко обходятся безъ излишествъ; еще опаснѣе то, что испуганные и разочарованные въ своихъ стремленіяхъ граждане попросятъ защиты у деспотической власти.

Теперь понятно, почему Б. Констанъ былъ вполнѣ искреннимъ роялистомъ при реставраціи, нисколько не отрекаясь отъ своихъ прежнихъ взглядовъ на преимущества республики. Республика, по его мнѣнію, есть прежде всего форма, имѣющая наиболѣе національный характеръ, такъ какъ она тѣснѣе всего связана съ интересами самихъ гражданъ. «Монархія имѣетъ два вполнѣ законныхъ и естественныхъ интереса: во-1-хъ, общее благо, во-2-хъ, самосохраненіе. Когда второй интересъ нарушается, она можетъ обратиться къ помощи, къ протекторату иноземныхъ государствъ. Но первый интересъ націи есть именно независимость, а независимость есть, конечно, отсутствіе всякаго иноземнаго ига. Монархъ можетъ быть обязанъ своей короной другому монарху, народъ же можетъ быть обязанъ своею независимостью только себѣ самому» **).

Республики покоятся на принципахъ, которые, конечно, можно подвергнуть на практикѣ искаженіямъ, но которые стремятся быть возстановлены. «Республиканскія формы сохраняютъ нѣчто вродѣ традиціи свободы, — говоритъ Констанъ, — республика не можетъ существовать безъ извѣстнаго рода морали, но такъ какъ все въ природѣ стремится къ самосохраненію,—республика вызываетъ тотъ родъ морали, который необходимъ для ея существованія» ***).

Защищая всякое правительство, дающее свободу, Констанъ горячо возстаетъ противъ абсолютныхъ правительствъ, допускающихъ произволъ: «Свобода,—говоритъ онъ,—благоустройство и счастіе народовъ составляютъ цѣль человѣческихъ обществъ; политическая форма есть только средство.

---

*) Les réactions politiques. Polit. Constit., t. II, p. 198.

**) Mélange de littérature et de politique. p. 275 et suiv.

***) De la force du gouvernement et de la nécessité de s'y rallier, ch. 7.

Digitized by Google

Просвѣщенный республиканецъ сдѣлается гораздо скорѣе конституціоннымъ монархистомъ, чѣмъ защитникомъ самодержавія. Конституціонная монархія и республика отличаются другъ отъ друга только по формѣ; конституціонная же монархія и самодержавіе отличаются по существу» *).

Всѣ послѣдующія разсужденія Констана относятся ко всякому правительству, основанному на народномъ представительствѣ, какова бы ни была его политическая форма. Констанъ обращается къ представителямъ власти съ совѣтами умѣренности и справедливости. При нашествіи враговъ или при сильныхъ внутреннихъ безпорядкахъ надо примѣнять съ твердостью законы и требовать соблюденія законнаго порядка, «нужно поставить между правительствомъ и индивидуумами силу охранительную».

Констанъ понималъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для огражденія свободы народа нужно вывести вопросъ о войнѣ и мирѣ за предѣлы дискреціонной власти правительства. «Во все время, — говоритъ онъ, — война служитъ средствомъ для усиленія правительственной власти. Она будетъ для деспотовъ развлеченіемъ, которое они бросаютъ своимъ рабамъ, чтобы заставить ихъ меньше чувствовать свое рабство. Для фаворитовъ деспота она будетъ средствомъ, къ которому они прибѣгнутъ, чтобы помѣшать своимъ господамъ проникать въ детали ихъ произвольной администраціи. Для демагоговъ она явится средствомъ возбужденія страстей толпы и ея жестокихъ инстинктовъ, благопріятнымъ для ихъ жестокихъ совѣтовъ и корыстныхъ плановъ. Отсюда слѣдуетъ, что если предоставляютъ свободу правительствамъ, — а подъ правительствомъ я разумѣю всѣхъ, облеченныхъ властью, какъ демагоговъ, такъ и министровъ, — если, говорю я, предоставлять правительствамъ свободу объявленія или продолженія войны, то блага, которыя народъ могъ бы получить отъ прогресса цивилизаціи, будутъ для него потеряны, и войны долго еще будутъ продолжаться даже послѣ того, какъ необходимость въ нихъ перестанетъ существовать **).

Констанъ настаиваетъ на томъ, чтобы представительныя собранія имѣли право отказывать въ средствахъ для веденія войны, которую они считаютъ ненужной. Министры при конституціонной монархіи отвѣчаютъ передъ представителями за объявленіе войны, которую они внушили монарху, или даже за то, что не подали въ отставку, а продолжали свою службу.

При назначеніи чиновниковъ, правительство должно дѣйствовать строго и осмотрительно, принимая во вниманіе общественное мнѣніе; оно не должно назначать на высшія должности людей съ сомнительнымъ прошлымъ. Правительство должно признать за гражданами право составлять ассоціаціи и устраивать собранія, но не съ точки зрѣнія индивидуальныхъ правъ личности, а во имя общественнаго прогресса. Что же касается вопросовъ воспитанія и обученія, то Констанъ не желаетъ вмѣшательства государства въ дѣла просвѣщенія, такъ какъ это было бы насиліемъ надъ

*) Pol. Const., t. I, p. 55.

**) Commentaires sur l'ouvrage de Filangieris, p. 11.

Digitized by Google

мыслью; задача правительства — это утвержденіе и охрана умственнаго прогресса человѣчества. «Въ дѣлѣ воспитанія, какъ и во всемъ другомъ, правительство должно наблюдать и охранять, но не сковывать и не направлять; на его обязанности лежитъ устранять препятствія, уравнивать пути; а затѣмъ остается предоставить людямъ самимъ успѣшно слѣдовать по этимъ путямъ» *).

Констанъ возстаетъ также противъ чрезмѣрной централизаціи, при которой можетъ быть много ошибокъ со стороны администраціи, отдаленной и плохо освѣдомленной о мѣстныхъ нуждахъ; мѣстное самоуправленіе должно быть построено на началахъ, подобныхъ федерализму; оно не должно поглощать центральной власти, но и не зависѣть отъ него.

Важную роль въ государствѣ, построенномъ на представительствѣ, Констанъ приписываетъ писателямъ: ихъ задача—искоренять предразсудки и распространять истины, необходимыя для общественнаго прогресса; «существуютъ суевѣрія, идеи, даже чувства»,—говоритъ онъ,—конечно, не совмѣстимыя съ свободой, съ которыми нужно бороться; въ то время, какъ эти враги прогресса при малѣйшей угрозѣ правительства разсѣиваются и укрѣпляются въ тѣни, независимые писатели одни могутъ ихъ извлечь на свѣтъ, чтобы ихъ побѣдить. Они одни также способны внушить гражданамъ, не возбуждая никакого подозрѣнія въ неискренности, идеи и чувства, достойныя свободныхъ людей» **).

По мнѣнію Констана, только благодаря установленію твердыхъ принциповъ можетъ быть избѣгнутъ произволъ, потому что «произволъ, результаты котораго могутъ быть положительны, въ самой своей сущности носитъ характеръ отрицательный: это есть отсутствіе правилъ, границъ, опредѣленій, однимъ словомъ отсутствіе всякой точности» ***).

Б. Констанъ разграничиваетъ дѣйствія, которыя можетъ имѣть просвѣщеніе и увеличеніе благоденствія на распространеніе прогресса и удовлетвореніе свободы. Тогда какъ воздѣйствіе просвѣщенія благотворно и необходимо, нельзя того же сказать объ увеличеніи благоденствія, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ населеніе будетъ заботиться только о своемъ благосостояніи и не захочетъ рисковать имъ ради дѣла свободы.

I. Истины, на которыхъ покоится свободное общество, слишкомъ высоки, чтобы люди могли дойти до нихъ простымъ пониманіемъ своихъ интересовъ.

II. По мнѣнію Констана, личный эгоизмъ приводитъ къ тому, что «каждый индивидуумъ является самъ для себя центромъ; въ такомъ случаѣ всѣ изолированы другъ отъ друга, и получается одна пыль. Когда приходитъ гроза, пыль обращается въ грязь» ****).

III. Назначеніе писателей возбуждать энтузіазмъ гражданъ, необходимый

*) Mélange, p. 269.
**) *G. Lauris*, „B. Constant“, p. 257.
***) Pol. Const., t. II, p. 316.
****) *B. Const.*, „De la religion considérée, Préface“.

Digitized by Google

для прогресса, посредствомъ своего краснорѣчія и горячности своихъ убѣжденій, забывая о личныхъ интересахъ: «свобода требуетъ иногда героевъ».

Мы видѣли, какъ Бенжаменъ Констанъ опредѣлилъ свободу личности и какъ онъ требовалъ точныхъ гарантій отъ правительства. Онъ искалъ въ человѣческой природѣ корень его правъ, «онъ индивидуалистъ въ томъ смыслѣ, что величіе государства, по его мнѣнію, должно быть дѣломъ всѣхъ гражданъ, способности которыхъ должны свободно развиваться,— а не результатомъ мысли нѣсколькихъ людей, которые навязывали ихъ невѣжественному народу» *).

Б. Констанъ защищалъ свободу, обращаясь къ правительству или гражданамъ, то говоря съ ними языкомъ ихъ собственныхъ интересовъ, то вызывая въ нихъ возвышенныя, благородныя побужденія. Онъ не былъ привязанъ ни къ какой опредѣленной формѣ правленія, но уважалъ всякую, при которой возможна была свобода.

Лучшей характеристикой всей дѣятельности Констана можетъ служить одна изъ послѣднихъ написанныхъ имъ страницъ, которую Э. Лабулэ назвалъ его политическимъ завѣщаніемъ:

«Въ теченіе сорока лѣтъ я защищалъ одинъ и тотъ же принципъ: *свободу во всемъ*,—въ религіи, въ философіи, въ литературѣ, въ промышленности, въ политикѣ; а подъ свободою я разумѣю торжество личности какъ надъ властью, которая вздумала бы управлять съ помощью деспотизма, такъ и надъ массами, которыя присвоили бы себѣ право подчинять меньшинство большинству. Деспотизмъ не имѣетъ никакихъ правъ. Большинство имѣетъ право принудить меньшинство уважать порядокъ; но все, что не нарушаетъ этого порядка, все, что относится къ внутреннему міру, какъ, напр., мнѣнія, все, что въ способѣ выраженія этихъ мнѣній не наноситъ вреда другому, не подаетъ повода къ внѣшнему насилію... все, что въ промышленности даетъ возможность развиваться свободной конкурренціи — все это есть дѣло *личное*, и не можетъ быть подчинено законнымъ образомъ власти. Я сказалъ все, что я думаю».

Намъ кажется, что это «политическое завѣщаніе» Бенжамена Констана не пропадетъ даромъ, что оно послужитъ еще на пользу многимъ и многимъ поколѣніямъ.

О. Рудченко.

---

*) *G. Lauris*, „B. Const.“, p. 292.

Digitized by Google

Старая книга объ англійской конституціи.

(Замѣтки современнаго русскаго читателя.)

Нельзя пройти молчаніемъ недавно появившійся русскій переводъ книги В. Беджгота «Государственный строй Англіи» (переводъ Е. Прейсъ, подъ редакціей Н. М. Никольскаго. М., 1905. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 1 р. 60 к.) или обойтись по поводу него библіографической отмѣткой. Надо думать, что книга Беджгота не минуетъ рукъ средняго русскаго читателя, точнѣе, не должна миновать. Для этого средняго читателя она переводилась и предавалась тисненію, ибо спеціалисты и люди широкаго культурнаго размаха давно съ ней знакомы. Главный недостатокъ книги заключается въ томъ, что ея оригиналъ появился въ Англіи сорокъ лѣтъ тому назадъ; этимъ фактомъ объясняется цинизмъ тѣхъ сужденій автора, которыя противны большинству нынѣшнихъ критиковъ книги. Беджготъ выразительный и страстный противникъ всеобщаго избирательнаго права и политической роли рабочаго класса, противникъ не потому только, что воспитанъ на почвѣ своеобразія буржуазной haute culture, но и вслѣдствіе явно выраженныхъ особенностей въ развитіи рабочаго вопроса въ Англіи. Здѣсь авторъ не тенденціозенъ, а глубоко искренненъ—съ душой нараспашку, съ непониманіемъ младенца, съ гримасой женской истеріи... Въ остальномъ размышленіе Беджгота о практикѣ англійской конституціи представляетъ высокую цѣну, полно блеска и остроумія, глубокихъ наблюденій и тонкихъ замѣчаній. Безвредно прочитать книги Беджгота нельзя; она проходитъ полосой въ сознаніи читателя, требуя осторожнаго и внимательнаго къ себѣ отношенія, различенія истинныхъ перловъ отъ нескладицъ узко буржуазной точки зрѣнія автора. Главное достоинство книги вырастаетъ въ нашихъ глазахъ оттого, что ея переводъ появился у насъ удивительно во-время и кстати, какъ разъ въ эпоху горячихъ дебатовъ о направленіи реформы государственнаго строя Россіи. Далеко не безразлично для роста и успѣховъ политической свободы въ Россіи, какъ будемъ мы на практикѣ разрѣшать основныя проблемы конституціоннаго права, которыя давно были разрѣшены въ Англіи. Далеко не безразлично для интересовъ порядка и

Digitized by Google

законности въ странѣ, какъ сумѣемъ мы разобраться въ теоретическихъ посылкахъ конституціоннаго права и въ томъ реальномъ матеріалѣ, который предоставляетъ въ распоряженіе послѣднихъ наше въ конецъ измученное отечество. Беджготъ классически учитъ насъ тому, чтобы не упускать изъ виду реальной почвы и чтобы въ погонѣ за рѣшительной мечтой не оказаться невѣждой азбуки практическихъ отношеній. Не даромъ авторъ утверждаетъ, что «міръ становится все положительнѣе, каждое новое столѣтіе все настойчивѣе стремится къ положительнымъ результатамъ и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всякую дѣятельность» (стр. 315). На разгоряченныя головы отечественныхъ спорщиковъ книга Беджгота выливаетъ цѣлый ушатъ ледяной воды. Результатъ такой ванны долженъ быть несомнѣннымъ, ибо нашъ экспертъ является постороннимъ какъ нашему времени, такъ и нашей странѣ. Его голосъ звучитъ откровеніемъ нелицепріятнаго третейскаго судьи.

Русское общество послѣднихъ дней силою событій призвано интересоваться тонкостями конституціоннаго права. Литература спѣшитъ удовлетворить этому насущному интересу, и читатель носится въ вихрѣ самыхъ разнообразныхъ изданій, теорій и проектовъ. Какъ всегда бываетъ въ революціонные моменты, справки съ дѣйствительностью, съ составомъ наличныхъ силъ и средствъ или вовсе не производятся, или же производятся примѣнительно къ интересамъ и тенденціямъ кружка. Мы очень часто слышимъ выраженія: «такъ сказалъ народъ», «по волѣ русскаго народа» и т. п. Не отрицая красоты, силы, необходимости такихъ выраженій въ резолюціяхъ подходящаго момента, мы всетаки въ глубинѣ нашего сознанія должны трезвѣе смотрѣть на народъ большого и стараго государства, въ которомъ «неподвижный традиціонный обычай» сыгралъ фатальную роль. «Большія государства,—пишетъ Беджготъ (стр. 67),—похожи на большія горы: въ нихъ есть первичныя, вторичныя и третичныя наслоенія человѣческаго прогресса; въ основныхъ своихъ чертахъ жизнь низшихъ наслоеній походитъ скорѣе на жизнь древнихъ временъ, чѣмъ на современную жизнь высшихъ наслоеній. И теорія, которая не напоминаетъ непрестанно объ этой ощутительной разницѣ между различными слоями, не указываетъ на нее постоянно, есть теорія безусловно ошибочная, такъ какъ она не принимаетъ въ разсчетъ главную истину; такая теорія лишь вводитъ въ заблужденіе; вмѣсто того чтобы давать людямъ правильную руководящую нить въ ихъ поискахъ за истиной, она заставляетъ ожидать того, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ». Эта поправка Беджгота цѣнна,—нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что разнообразны по своей культурѣ и слои русскаго народа. Съ крупнѣйшими изъ нихъ надо очень выразительно считаться и только подъ старыми заголовками преподносить имъ совершенно новое содержаніе. Надо, чтобъ представители этихъ слоевъ спали спокойно и сладко, видя, что всѣ старыя названія цѣлы, нетронуты и даже почитаемы. По существу же пусть содержаніе этихъ послѣднихъ будетъ новымъ, или пусть, оставаясь въ цѣлости, они утратятъ реальную

Digitized by Google

силу. Только въ сопоставленіи съ вышеприведенной поправкой не являются ни столь смѣшными, ни сколько-нибудь одіозными замѣчанія Беджгота о «величественномъ элементѣ» въ англійской конституціи, также о необходимости въ теченіе извѣстнаго времени «декоративнаго элемента въ правительственномъ механизмѣ». «Величественный элементъ конституціи даетъ ей силу и сообщаетъ ей способность къ дѣйствію»—положеніе, которое высказывается, конечно, не абсолютно, ибо самъ авторъ на многихъ страницахъ своей книги внушаетъ читателю, что по существу король и палата лордовъ въ Англіи являются учрежденіями архаическими, въ общей системѣ управленія безполезными, а всякое безполезное въ государственномъ строѣ учрежденіе въ концѣ-концовъ можетъ стать вреднымъ. Никто не станетъ отрицать, что «величественное», «декоративное», «мистическое» для передовыхъ слоевъ современнаго русскаго общества равносильно смѣхотворному... но такъ ли это для многихъ другихъ? И развѣ тактическія соображенія не предписываютъ намъ обратить самое серьезное вниманіе на «многихъ другихъ», дабы безумнымъ игнорированіемъ психологіи улицы не повредить успѣхамъ истинной свободы?

Монархіи Беджготъ посвящаетъ цѣлыхъ двѣ главы (стр. 95—150), касаясь этого «священнаго института въ свободномъ государствѣ» (стр. 322) также въ главѣ о «средствахъ сдержки и равновѣсія, скрытыхъ въ англійской конституціи» (стр. 301 и слѣд.). *Бюрократія* мелькомъ, но выразительно выступаетъ у автора въ главѣ «смѣна министерствъ« (стр. 254 и слѣд.). Прочность любого государственнаго строя будетъ покоиться на авторитетѣ конституціи. Этотъ авторитетъ нельзя создать искусственно, путемъ законоположеній или административныхъ распоряженій, зато расшатать ими можно любой авторитетъ. «Мистическое благоговѣніе, религіозная преданность, присущія истинной монархіи—непроизвольныя чувства, и никакое законодательство не можетъ вызвать ихъ въ народѣ искусственно; всякая конституція должна сначала *заработать* авторитетъ, а потомъ уже пользоваться авторитетомъ; она должна сперва пріобрѣсти преданность и довѣріе народа, а потомъ уже примѣнять это уваженіе въ цѣляхъ управленія», пишетъ Беджготъ (стр. 63—64) и затѣмъ предлагаетъ намъ рядъ разсужденій о роли англійской монархіи. Конституціонные монархи Запада не читали съ удовольствіемъ этихъ разсужденій нашего автора; не въ ихъ пользу онъ изложилъ свои мысли о такомъ «величественномъ» плюсѣ англійскаго строя. Осторожный и буржуазный, умѣренный и цѣпкій Беджготъ больше иного радикальнаго писателя сдѣлалъ для распространенія ереси, и всетаки русскій читатель съ большою практическою пользой пробѣжитъ только что названныя страницы труда Беджгота, научаясь серьезно реагировать на психологію народныхъ массъ.

Простимъ автору нѣкоторую утрировку, весьма естественную въ устахъ буржуазнаго англичанина, когда онъ утверждаетъ, что монархія потому есть «правленіе сильное», что «она—понятное правленіе, масса понимаетъ ее, и врядъ ли гдѣ въ мірѣ она понимаетъ другой образъ правленія»

Digitized by Google

(стр. 95). Нельзя, говоритъ Беджготъ (стр. 322), объяснить массамъ «тонкое различіе между *царствуетъ* и *управляетъ*; не существуетъ на ихъ языкѣ словъ, необходимыхъ для истолкованія этого; не существуетъ въ ихъ умахъ идей, необходимыхъ для того, чтобы понять это; отдѣленіе высшей власти отъ высшаго положенія есть такая тонкость, которая даже недоступна ихъ разумѣнію». Отсутствіе пониманія и некультурность массъ—вотъ истинные спутники англійской монархіи по Беджготу. «Пока сердце въ человѣкѣ сильно, а разумъ слабъ,—пишетъ нашъ авторъ (стр. 101), королевское правленіе будетъ могущественно, потому что оно взываетъ къ общераспространеннымъ чувствамъ, а республиканское слабо, потому что оно взываетъ къ пониманію». Логическій выводъ отсюда достаточно ясенъ и не требуетъ жирной точки надъ и. Этотъ выводъ для непредубѣжденныхъ читателей становится еще выразительнѣе, когда они ознакомятся съ блестящей общей характеристикой типа конституціоннаго короля въ размышленіи Беджгота объ англійской конституціи. Королевская власть крѣпка тьмой, сквозь которую не проникаетъ взоръ наблюдателя-простеца. «Ея таинственность—ея жизнь. Мы не должны выносить на дневной свѣтъ волшебство. Существованіе этой таинственной власти является, съ точки зрѣнія абстрактной теоріи, недостаткомъ въ нашемъ конституціонномъ устройствѣ, но этотъ недостатокъ неотдѣлимъ отъ нашей цивилизаціи, гдѣ величественная, а слѣдовательно, невѣдомая власть такъ же необходима, какъ и власть извѣстная, полезная», —говоритъ Беджготъ (стр. 122), впадая въ маленькую словесную ошибку: вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать въ послѣднемъ случаѣ, что необходима не власть, а иллюзія этой «величественной» власти. Выступая апологетомъ королевской власти въ Англіи, авторъ теоретически относится къ ней не иначе, какъ отрицательно (срв. стр. 313), и цѣпляется за нее на практикѣ лишь, какъ за цѣнный пережитокъ прошлаго, какъ за буферъ между народомъ и смутой. Благоразумный практикъ пересиливаетъ въ немъ теоретика, но только потому, что эта власть такъ обезврежена, такъ провѣтрена, что можетъ играть лишь инимую роль. Впрочемъ, и тутъ нужна оговорка. Мнимое и ненужное, будучи безвреднымъ само по себѣ, можетъ быть всетаки вреднымъ въ государствѣ... «Все то, что въ правленіи является ненужнымъ элементомъ—вредно, читаемъ у трусливаго для конечныхъ выводовъ Беджгота (стр. 169),—жизнь человѣческая настолько сложна сама по себѣ, что искусственныя усложненія несомнѣнно должны повредить: нельзя опредѣлить, гдѣ безполезная мелочь механизма зацѣпитъ и остановитъ сотню необходимыхъ колесъ, но все говоритъ за то, что гдѣ-нибудь она да помѣшаетъ имъ: такъ они тонки и деликатны». Предлагая затѣмъ читателю рядъ блестяще злыхъ описаній конституціоннаго короля (срв. стр. 301—302, 133, 146 и друг.), авторъ, несмотря на всю свою буржуазную умѣренность, открыто заявляетъ слѣдующее: «Въ пользу не королевской формы кабинетнаго правленія надо также отмѣтить, что она свободна отъ одного изъ величайшихъ и характернѣйшихъ недостатковъ

Digitized by Google

королевской формы. Гдѣ нѣтъ двора, тамъ не можетъ быть вреднаго вліянія придворной камарильи. Каково это вліяніе, знаетъ всякій, хотя никто, даже самый лучшій и близко стоящій наблюдатель, не можетъ сказать съ увѣренностью и точностью, какъ велики послѣдствія придворныхъ вліяній» (стр. 134). Тѣмъ не менѣе разумная тактика требуетъ оставить старое учрежденіе, ограничившись его серьезнымъ обезвреженіемъ. Отъ придворной камарильи можно сдѣлать пріятный скачокъ къ почтенной бюрократіи. Преклоняясь передъ «*не* королевской формой кабинетнаго правленія», Беджготъ, замѣтимъ умѣренный и строго буржуазный Беджготъ, къ бюрократическому управленію относится съ презрительнымъ сарказмомъ. Посмотрите, сколько презрительнаго яду въ его отзывѣ о прусской бюрократіи! А что если бъ Беджготъ попробовалъ испытать на себѣ могучую лапу русской бюрократіи: послѣдняя не прусской чета! И хотя Беджготъ очень золъ въ оцѣнкѣ бюрократическаго управленія, тѣмъ не менѣе намъ, русскимъ читателямъ, гораздо важнѣе самый фактъ его злости, нежели его краснорѣчіе на эту тему. Весь міръ перещеголяли мы въ началѣ XX вѣка, раздѣлываясь съ заразительными міазмами бюрократическаго произвола. И развѣ насъ можно удивить скромными замѣчаніями, что «неизбѣжный недостатокъ чиновничества—склонность интересоваться больше рутиной, чѣмъ результатами», что «бюрократическое управленіе имѣетъ тенденцію стать плохимъ по качеству, стремясь къ непрерывному расширенію и размноженію», что бюрократія, прежде всего, эксплуатируетъ и часто развращаетъ населеніе, и т. д., и т. п. (срв. стр. 259). Практическое указаніе здѣсь одно: не вѣрь никогда бюрократіи и не надѣйся на нее попустому. Только вширь и вглубь проведенное начало самоуправленія можетъ вывести народъ на столбовую дорогу хозяйственнаго довольства и свободнаго бытія личности.

Но мы чуть не забыли «палаты лордовъ», которой у Беджгота посвящена цѣлая глава (стр. 151 и слѣд.). Она—неизмѣнная спутница королевской власти въ теченіе всей длинной исторіи англійской конституціи; она испытываетъ ту же судьбу: палата лордовъ существуетъ нынѣ только потому, что она когда-то была, и можетъ быть вредной только въ силу своей ненужности. Это архаическій отголосокъ давно минувшаго и невозвратнаго прошлаго. Быть можетъ, русскій читатель пробѣжитъ главу о палатѣ лордовъ безъ особеннаго напряженія и даже со снисходительной улыбкой. Цѣнный практическій урокъ уже извлеченъ имъ ранѣе: не ломайте стараго учрежденія, разъ эта ломка возбуждаетъ противъ себя обширные слои некультурнаго населенія; постарайтесь его совершенно обезвредить и подъ его же флагомъ создать совершенно новый, противоположный порядокъ. Вторично брать тотъ же урокъ не приходится. Но... о чемъ же дальше говорить? Чего-либо похожаго на палату лордовъ у насъ нѣтъ. Ни придворная камарилья, ни группы ветерановъ бюрократическаго деспотизма въ счетъ не идутъ: не имъ побѣдоносно шествовать въ область нарождающейся конституціонной «святыни». Для насъ представляется любопытнымъ отношеніе умѣреннаго автора въ системѣ двухъ

Digitized by Google

палатъ вообще. Беджготъ является, несомнѣнно, цѣннымъ и тонкимъ авторитетомъ по данному вопросу, который намъ приходится не только дебатировать, но и практически разрѣшать, разрѣшать спѣшно и при крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Впасть въ крупную политическую ошибку здѣсь болѣе, чѣмъ опасно. Соглашаясь въ концѣ-концовъ примкнуть къ категорическому требованію всеобщаго избирательнаго права на началахъ прямой, равной и тайной подачи голосовъ, и многія группы и многія лица какъ огня боятся господства въ палатѣ сермяги и дегтя. Боится чего-то и старушка бюрократія, придумывающая создать вторую палату изъ государственнаго совѣта, пополненнаго, изъ видовъ пустого политическаго джентльменства, нѣкоторыми пріятными выборными людьми. Главное—всѣ чего-то боятся, и въ своихъ предположеніяхъ и начинаніяхъ пытаются исходить не изъ практическихъ соображеній разума, а изъ чувствъ страха и недовѣрія. Страхъ и недовѣріе—плохія основы, на нихъ можно строить только глупости, онѣ могутъ направлять только нелѣпости; идти съ ними въ позорный компромиссъ значитъ поставить крестъ надъ всей работой. Во второй ли палатѣ спасеніе, если только есть отъ чего спасаться? Размышляя объ англійской конституціи, Беджготъ (стр. 159) пишетъ, что «вредъ, причиняемый существованіемъ двухъ палатъ, надѣленныхъ равными правами, но различныхъ по своей природѣ, очевиденъ; каждая палата можетъ остановить всякое законодательное мѣропріятіе, а между тѣмъ нѣкоторыя мѣропріятія могутъ оказаться необходимыми». Двѣ палаты—ошибка. «Большинство конституцій,—говоритъ авторъ,—совершило эту ошибку; двѣ замѣчательнѣйшія въ мірѣ конституціи совершаютъ ее. И въ американской, и въ швейцарской конституціяхъ верхняя палата снабжена такой же властью, какъ и вторая; она могла бы развить максимумъ препятствій и застопорить дѣло, если бы хотѣла. По отношенію къ этимъ двумъ конституціямъ это опасное раздѣленіе защищается спеціальной доктриной. Говорятъ, что въ федеральномъ государствѣ должно быть особое учрежденіе, особая власть, особое собраніе, въ которомъ всѣ штаты, составляющіе конфедерацію, пользовались бы равнымъ правомъ veto. Признаюсь, что основательность этой доктрины для меня не очевидна; она принята, но не доказана». Но нельзя ли въ отношеніи болѣе новаго времени, чѣмъ половина XIX столѣтія, когда слагались взгляды Беджгота, мыслителя не только умѣреннаго, но прямо враждебнаго господству демократіи, выставить то соображеніе, что вторая палата нужна для сдержки рѣшительнаго натиска революціоннаго пролетаріата или представителей некультурной черноты? Что бы сказалъ въ такомъ случаѣ нашъ авторъ, который страдальчески цѣпляется за всякую «штучку», лишь бы спастись отъ политической побѣды демократіи? Къ счастію, у него есть тирада, которая можетъ быть разсматриваема, какъ отвѣтъ на только что поставленный выше вопросъ. Будемте имѣть терпѣніе прочитать ее до конца. «Палата лордовъ, какъ таковая,—пишетъ Беджготъ (стр. 167—168),—не есть оплотъ, который сдержитъ революю-

Digitized by Google

цію, а только показатель того, что революція невѣроятна. Обычное мнѣніе, что она служитъ оплотомъ противъ революціи, очевидно, неправильно. Всякая сословная палата, палата меньшинства, такъ сказать, чувствуетъ себя слабой и безпомощной, когда возбужденъ народъ. Во время революціи есть только двѣ силы: мечъ и народъ». Но и въ мирное время она является лишнимъ украшеніемъ конституціоннаго строя. «Распространенной идеей, — читаемъ дальше, — была *странная* идея о томъ, что двѣ палаты, одна контролирующая, а другая—съ правомъ инціативы, необходимы для свободнаго управленія. Первый ударъ этой теоріи, и въ высшей степени мѣткій, былъ нанесенъ человѣкомъ, по всей вѣроятности, мало благосклоннымъ къ демократическому вліянію и не закрывающимъ глазъ на полезность (sic!) аристократіи; это былъ лордъ Грей. Ему пришлось взглянуть на дѣло практически. Онъ былъ въ Англіи первымъ великимъ министромъ колоній, поставившимъ себѣ цѣлью ввести представительное правленіе *во всѣхъ* правоспособныхъ колоніяхъ, и ему бросилось въ глаза затрудненіе, состоящее въ томъ, что въ этихъ колоніяхъ едва набиралось достаточное количество людей для одного собранія, и даже по приблизительному подсчету нехватало людей для двухъ собраній. Оказалось—и это было вполнѣ естественно,—что второе собраніе вредно. Члены его или назначались короной, которая въ такихъ областяхъ привлекаетъ, конечно, самые образованные умы (?), или избирались людьми съ повышеннымъ имущественнымъ цензомъ, людьми особенно здравомыслящими. Эти избиратели выбирали лучшихъ людей въ колоніяхъ и отсылали ихъ во второе собраніе. Но такимъ образомъ народное собраніе оставалось безъ лучшихъ своихъ людей. Народное собраніе было лишено своихъ лучшихъ руководителей и вождей. Эти выдающіеся люди были обособлены для разговоровъ, а, можетъ быть, и споровъ между собой, и служили ярко выраженнымъ примѣромъ большой, но нейтрализованной силы. Они хотѣли творить благо, а между тѣмъ ничего не могли дѣлать. Нижняя палата, у которой отобрали всѣхъ лучшихъ людей колоній, дѣлала, что хотѣла. Демократія была скорѣе усилена, чѣмъ ослаблена тѣмъ, что изоляція обезсилила ея лучшихъ оппонентовъ. Какъ только опытъ болѣе или менѣе обнаружилъ это, теорія необходимости двухъ палатъ для хорошаго и свободнаго правленія исчезла». При переустройствѣ обветшалаго строя на новыхъ основаніяхъ нѣтъ нужды повторять ошибокъ, уже имѣвшихъ мѣсто въ разныхъ уголкахъ стараго и новаго свѣта. Нужно ли вообще вводить вновь ненужныя учрежденія? Какъ ни страненъ подобный вопросъ, а его приходится ставить, приходится требовать, чтобъ его обсудили со всѣхъ сторонъ. А что ежели иныя группы выдвигаютъ вторую палату только по той причинѣ, что онѣ боятся быть обойденными могучей волной всеобщаго избирательнаго права? И что создастъ на практикѣ палата, составленная изъ выборныхъ представителей земствъ, городовъ, университетовъ и академій? Намъ чудится, что борьба двухъ палатъ, демократической и буржуазной (иной наша верх-

Digitized by Google

няя палата быть не можетъ) на россійской почвѣ, тщательно взрыхленной для безпорядковъ и споровъ, создастъ въ странѣ невыносимое положеніе и надолго обезпечитъ господство анархіи. Единая сильная власть для насъ будетъ особенно драгоцѣнной въ ближайшіе годы. Придется потратить массу энергіи, усилій и труда, чтобы дать строгую политическую выправку нашему расшатанному смутой населенію, выправку на началахъ полнаго господства права. У русскаго парламента впереди высокія и колоссальныя задачи, и прежде чѣмъ рискнуть на раздѣленіе силъ путемъ двухъ палатъ, надо много подумать. Вѣдь легче будетъ создать новое необходимое учрежденіе, чѣмъ уничтожить имѣющееся ненужное. Пусть соображенія блестящей книги Беджгота заставятъ русскаго читателя подумать на поставленную тему, если только у насъ еще есть время думать.

По совершенно справедливому замѣчанію «предисловія къ русскому изданію» книги Беджгота объ англійской конституціи, она «принадлежитъ къ числу такихъ рѣдко появляющихся трудовъ, которые вносятъ совершенно новыя точки зрѣнія въ разсматриваемые ими вопросы и разрушаютъ старыя ошибочныя представленія». Не говоря о тѣхъ существенныхъ поправкахъ, которыя въ свое время были внесены авторомъ въ популярную теорію англійской конституціи по вопросамъ о власти короля *) и положеніи палаты лордовъ (см. стр. 159), для русскаго читателя всего важнѣе превосходно доказанное Беджготомъ положеніе о томъ, что суть англійской конституціи не въ раздѣленіи властей, а въ ихъ «особенномъ сліяніи», и что важнѣйшая функція палаты общинъ есть функція избирательная. Мы придаемъ большую цѣну отчетливому пониманію этого положенія. Вѣдь мы на дорогѣ къ созданію кабинетной системы управленія, и представляется весьма важнымъ, чтобы она не превратилась въ фикцію, въ удобное орудіе попирать порядокъ и законность по волѣ темныхъ силъ «стараго порядка». Кабинетная система по своей сущности далеко не такъ проста и понятна, какъ обыкновенно думаютъ у насъ авторы проектовъ русской конституціи. Необходимо отчетливо и ясно представить себѣ тѣ основные принципы, на которыхъ она должна покоиться; необходимо воспользоваться вѣковымъ опытомъ англійской конституціи, и въ организаціи кабинета зайти такъ далеко, какъ только можно себѣ представить. Секретъ плодотворнаго дѣйствія англійской конституціи надо искать «въ тѣсномъ союзѣ исполнительной и законодательной власти, въ почти полномъ сліяніи ихъ» (стр. 62, 71). Связующимъ звеномъ служитъ *кабинетъ*, подъ которымъ понимается «коммиссія законодательнаго учрежденія, избранная въ качествѣ учрежденія исполнительнаго», «дѣйствующее и управляющее народомъ бюро, составленное законодательною властью изъ

*) См. стр. 119—120 русск. пер. Короля нельзя разсматривать, ни какъ „чинъ въ королевствѣ“, какъ отдѣльную власть, стоящую наравнѣ съ палатой лордовъ и палатой общинъ, ни какъ исполнительную власть. У короля—и это драгоцѣнно—нѣтъ права законодательнаго veto; въ британской конституціи „первый министръ есть главная исполнительная власть, а король лишь зубецъ въ механизмѣ“. Ср. стр. 63.

Digitized by Google

лицъ, извѣстныхъ ей и пользующихся ея довѣріемъ» (стр. 73). Беджготъ дважды даетъ опредѣленіе кабинета, которое должно быть не только понято, но и разработано русскою политическою мыслью, разработано такъ, чтобы вполнѣ ясно выступала передъ каждымъ возможность у насъ подобнаго устройства кабинета изъ реальнаго матеріала, имѣющаго быть предоставленнымъ русскою жизнью въ распоряженіе перваго собранія народныхъ представителей въ Россіи. Мы не споримъ о словахъ,—какъ хотите, такъ и называйте его, но первое собраніе, пожалуй, не займется чѣмъ-либо инымъ, помимо выработки органическаго закона, и въ этомъ отношеніи народные представители, пожалуй, не пойдутъ по указкѣ канцелярій или по циркуляру департамента. «Кабинетъ—это коммиссія, соединяющая законодательный органъ государства съ исполнительнымъ, нѣчто вродѣ *соединительнаго знака* между ними, вродѣ *пряжки*, смыкающей эти оба *конца* власти. По своему происхожденію, кабинетъ принадлежитъ къ законодательному органу; по своимъ функціямъ—къ исполнительному». Таково первое опредѣленіе нашего автора (ср. стр. 74—93). Кабинетъ,—поясняетъ Беджготъ въ другомъ мѣстѣ,—или законодательствуетъ и дѣйствуетъ, или распускаетъ. Онъ созданъ, но у него есть власть уничтожать своихъ творцовъ; кабинетъ—это исполнительная власть, которая можетъ уничтожить какъ законодательную власть, такъ и исполнительную, поставленную законодательною властью. Онъ *былъ* созданъ, а *можетъ* уничтожать; производный по своему происхожденію, онъ разрушителенъ по своей дѣятельности». Нашимъ, часто не въ мѣру трусливымъ, политикамъ это второе опредѣленіе кажется особенно страшнымъ. Теоретически оно, конечно, страшновато. Иное дѣло на практикѣ, хотя и тутъ желательно уговориться о «предварительныхъ условіяхъ, необходимыхъ для кабинетнаго правленія», что трактуется въ восьмой главѣ книги Беджгота. Подчеркивая рѣдкость кабинетнаго управленія, авторъ настаиваетъ на его предпочтительности по сравненію съ президентской системой. На русской почвѣ не приходится спорить съ этой мыслью Беджгота, такъ блестяще картинно развитой въ книгѣ. Вѣдь отличительной чертой президентской системы надо признать тотъ фактъ, что избраніе президента народомъ совершается однимъ способомъ, а избраніе палаты представителей—другимъ: «независимость исполнительной и законодательной власти другъ отъ друга есть специфическое свойство президентскаго правленія, тогда какъ сліяніе ихъ и союзъ—основной принципъ кабинетнаго управленія». Интересно по условіямъ настоящаго момента отмѣтить небольшую подробность, которая, вызывая справедливую иронію въ устахъ Беджгота, не должна быть пропущена нами безъ вниманія. Мы знаемъ основное преступленіе Беджгота: онъ противъ всеобщаго избирательнаго права (стр. 208 и др.); онъ не постыдился написать, что «устраненіе рабочихъ классовъ изъ дѣйствительнаго представительства» не было недостаткомъ англійскаго парламентаризма. Но, быть можетъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ и можно было написать такую фразу: «рабочіе классы почти ничего не вносятъ въ наше

Digitized by Google

корпоративное общественное мнѣніе, и поэтому фактъ отсутствія ихъ вліянія въ парламентѣ не вредитъ согласованности парламента съ общественнымъ мнѣніемъ; они не участвуютъ въ представительствѣ, но они не участвуютъ также и въ томъ, что представляется» (стр. 228)? Нынѣ воспитанные люди такъ не говорятъ и не пишутъ, а всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосовъ сдѣлалась азбучною истиной; рѣдко, рѣдко раздастся противъ послѣдней наивный голосокъ и сейчасъ же смолкнетъ, устыдясь самъ себя. Кое-кто ляпнетъ вдругъ о двухстепенныхъ выборахъ въ палату и... но пусть выскакиваютъ иногда такіе грѣховодники, они не опасны—а вотъ если старый, умудренный практикой англійской жизни Беджготъ *) за нихъ, то невольно призадумаешься. Беджготъ, однако, не только противъ, но и презрительно противъ. «Президентская система,—говоритъ онъ—(стр. 84—85), не только создаетъ для исполнительной власти противника въ лицѣ законодательной власти и тѣмъ ослабляетъ ее; она еще обезсиливаетъ ее тѣмъ, что умаляетъ ея дѣйствительныя достоинства. Кабинетъ избирается законодательнымъ учрежденіемъ, и если оно состоитъ изъ подходящихъ лицъ, то этотъ способъ избранія исполнительной власти есть наилучшій; это случай двухстепенныхъ выборовъ при наличности единственныхъ въ своемъ родѣ условій, которыя дѣлаютъ двухстепенные выборы предпочтительнѣе прямыхъ. Говоря вообще, въ странѣ, гдѣ существуетъ выборная агитація, избраніе выборщиковъ есть фарсъ».

Выдающаяся по своей глубинѣ и политическому интересу характеристика англійскаго кабинета стоитъ у Беджгота въ неразрывной связи съ его оригинальнымъ ученіемъ о нижней палатѣ, и въ нашихъ глазахъ пятая глава «*палата общинъ*» отличается обиліемъ такихъ замѣчаній, къ которымъ въ настоящіе дни не мѣшаетъ приглядѣться русскому читателю. Мы очень хорошо знаемъ законодательное значеніе нижней палаты, это представленіе неискоренимо всосалось въ наше сознаніе. Мы уже не говоримъ о возможности совѣщательныхъ органовъ народнаго представительства, ибо намъ некогда заниматься шутками, и мы давно сдали земскій соборъ съ его производными въ редакціи «Будильника» и «Стрекозы». Въ ходячихъ представленіяхъ о нижней палатѣ мало обращаютъ вниманія на то, что «важнѣйшая функція палаты общинъ есть функція избирательная» (стр. 193, 203), что «она главнымъ образомъ и прежде всего есть избирающее собраніе». Выборы премьера и составленіе кабинета это—все, ибо, несмотря на полную зависимость кабинета отъ палаты, ему принадлежитъ несомнѣнное фактическое руководительство поли-

*) Замѣтимъ кстати, что систему Гэра (пропорціональные выборы) нашъ авторъ не ставитъ наравнѣ съ системой ультра-демократовъ; ему „трудно побороть въ себѣ романтическое отношеніе къ системѣ Гэра“ (стр. 210), но онъ всетаки противъ нея для Англіи 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, ибо противъ крайней лѣвой (ср. стр. 217). Доводы Беджгота въ данномъ случаѣ неубѣдительны и намъ еще предстоитъ произвести тщательное изученіе практики этой системы.

Digitized by Google

тикой страны. Умѣйте выбрать премьера, и вы можете быть покойными, можете не волноваться изъ-за вопроса, какъ бы чрезмѣрный численный составъ палаты не повредилъ продуктивности и зрѣлости ея работы. И само собою разумѣется, что это тысячу разъ такъ только при непремѣнномъ условіи изъятія премьера изъ-подъ опеки придворныхъ вліяній. Кабинетъ долженъ быть такъ поставленъ, чтобы онъ былъ убѣжденъ въ исключительной зависимости отъ палаты, чтобы онъ отвѣчалъ только передъ ней. Только контроль снизу можетъ достигать практически разумныхъ цѣлей. Только отвѣтственность передъ палатой является дѣйствительной сдержкой для кабинета, который долженъ быть очень чуткимъ. Эта чуткость—непремѣнное условіе его плодотворной работы. Сущность нижней палаты—ея партійность, ибо «партійная организація есть жизненный принципъ представительнаго правленія» (стр. 204). Для непривычнаго уха нѣсколько странно выслушать такую фразу Беджгота: «Единственный способъ, посредствомъ котораго можно поддерживать въ палатѣ большинство, способное къ объединенію, и прочное министерство—это партійная организація. Въ сущности это есть подчиненіе всей націи правленію какой-нибудь одной ея части, избранной за свои спеціальныя свойства. Парламентарное правленіе въ его чистомъ видѣ есть правленіе партій и возможно только въ томъ случаѣ, если партіи способны къ объединенію». Но да не убоится сердце наше разнообразія и могущества партійныхъ организацій; въ нихъ въ сущности жизнь и смыслъ правового государства; гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ болота да тихіе омута, по русской поговоркѣ, очень опасные. И наши политическія партіи, поскольку онѣ успѣли открыто проявить себя съ 17 октября 1905 года, не сконфузятся въ любомъ изъ европейскихъ собраній. Ихъ попрекаютъ соперничествомъ, но намъ думается, что разными путями онѣ всетаки стремятся къ одной первоначальной задачѣ, за которой скрываются болѣе отдаленныя и, само собою разумѣется, неодинаковыя перспективы. Въ особенности лѣвая проявляетъ массу молодости, энергіи, задора: не безъ тревоги и удивленія приглядывается къ ея политическому дебюту европейскій западъ, выступающій съ какими-то куцыми обвиненіями по адресу русскихъ либераловъ, которые не поспѣшили пойти въ услуженіе къ «дѣловому» кабинету.

Всѣ жизнеспособныя партіи въ Россіи проповѣдуютъ идею народнаго правленія, признанную актомъ 17 октября 1905 г. «При народномъ правленіи,—справедливо замѣчаетъ Беджготъ (стр. 121),—размѣры всякой власти должны быть извѣстны. Вся идея такого правленія сводится къ тому, что народъ, имѣющій политическія права, правящій народъ, правитъ такъ, какъ находитъ нужнымъ. Всѣ дѣйствія всякой правительственной власти должны подвергаться обсужденію народа; онъ долженъ слѣдить за дѣйствіями правительства, если одобряетъ ихъ, а если не одобряетъ, то долженъ вмѣшиваться тѣмъ или другимъ способомъ». Но это и есть свободное правленіе, т.-е. «*самоуправленіе* — управленіе народомъ по-

Digitized by Google

средствомъ народа» и «посредствомъ убѣжденія» (стр. 220, 272). «Лучшее управленіе такого народа,—продолжаетъ Беджготъ,—есть то, которое самъ народъ считаетъ такимъ; а каковъ народъ, который подлежитъ убѣжденію, каковы тѣ, кто убѣждаетъ его, таково и это правленіе». Свободное правленіе и сопряженный съ нимъ правовой покой не даются ни скоро, ни даромъ; переходъ къ нему чреватъ событіями и жертвами, полонъ высокаго драматизма; далеко не всякій представитель рвущагося страстно къ свободѣ и свѣту поколѣнія чувствуетъ себя на розахъ и даже не въ самомъ близкомъ будущемъ чудятся ему эти розы. Нужны годы напряженныхъ усилій и огромной затраты нервной энергіи, чтобы достигнуть хоть нѣкотораго прочнаго обезпеченія политическихъ правъ,—и горе тѣмъ, кто легкомысленно думаетъ, что все мигомъ обойдется и сразу наступитъ царство политической свободы. Будемъ утверждать, что и самое царство этой свободы требуетъ отъ своихъ гражданъ постояннаго высокаго напряженія, а въ первое время особенно. «Всякій, кто думаетъ, что парламентарное правленіе просто, естественно и не требуетъ объясненій, не понимаетъ парламентарнаго правленія. У васъ не будетъ представленія объ основныхъ его элементахъ до тѣхъ поръ, пока вы не поймете, что управленіе посредствомъ *клуба* есть ежедневно совершающееся чудо». Если такъ говоритъ англичанинъ, который уже давно не можетъ жить безъ этого чуда, что скажемъ мы? «Изъ всѣхъ странныхъ формъ управленія, конечно, самая странная—управленіе посредствомъ *публичнаго митинга*» (стр. 199), ибо парламентъ есть «не что иное, какъ большой митингъ болѣе или менѣе праздныхъ людей», иронизируетъ тотъ же англичанинъ съ желудкомъ, не переваривающимъ ни всеобщаго избирательнаго права, ни принциповъ соціаль-демократіи. Въ этихъ послѣднихъ замѣчаніяхъ Беджготъ хватилъ черезъ край, но это нисколько не мѣшаетъ ему быть правымъ въ основѣ и на многихъ страницахъ своей книги показать, чѣмъ не похожи другъ на друга парламентъ и клубъ.

Итакъ, мы полагаемъ, что знакомство съ книгой Беджгота именно въ наши дни цѣнно для русскаго читателя; намъ казалось полезнымъ предложить этому читателю нѣсколько характерныхъ ссылокъ на книгу, которая въ свободной русской критикѣ не можетъ встрѣтить особеннаго сочувствія, но которая поучительна даже своими грѣхами, особенно тяжкими во введеніи ко второму изданію. Старикъ не дорось и не могъ дорасти до апоѳеоза пролетаріата, но практическій урокъ онъ все же намъ можетъ дать. Красиво слаженной и революціонно построенной фразы, конечно, недостаточно для перерожденія государственнаго строя! Молоху свободы мало драгоцѣнныхъ жертвъ молодою жизнью, мало самоотверженія и безумной страсти къ лучшему будущему, мало паденій многихъ «въ борьбѣ роковой». Никакой колоссальный запасъ возвышенныхъ идеаловъ и благородныхъ идей не перевернетъ сразу традиціи низости. И пусть фанатики революціи немного и посердятся, когда попросятъ слова

Digitized by Google

холодный разсчетъ и властно заявитъ, что на развалинахъ стараго порядка надо не слезы лить и страху предаваться, а приниматься скорѣе за созиданіе положительнаго фундамента, не слишкомъ спорить о словахъ, не пугать зря терминами... Открывается величайшая задача, труднѣйшая—*политическое воспитаніе народа* путемъ школы, печати, партій, парламентскихъ преній! Задачу эту надо разрѣшать при тяжкихъ условіяхъ, ибо до сихъ поръ нашъ народъ только игнорировали и обирали, а отнюдь не воспитывали,—заколачивали, а не учили. Теперь наступили дни расплаты, dies illae—dies irae!

В. Сторожевъ.

Digitized by Google

Евгеній Онѣгинъ въ польскомъ переводѣ *).

Передъ нами *первый полный* польскій переводъ Евгенія Онѣгина,—переводъ, исполненный необыкновенно талантливо, передающій очень близко, а во многихъ мѣстахъ дословно текстъ подлинника, съ сохраненіемъ образовъ и красокъ, съ полнымъ соблюденіемъ во всѣхъ 357 строфахъ и 5.233 стихахъ формы оригинала.

Работа эта, конечно, представляетъ замѣчательное явленіе въ переводной литературѣ, такъ какъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ нѣтъ такого прекраснаго перевода Онѣгина. Она свидѣтельствуетъ и о большихъ версификаторскихъ способностяхъ г. Бельмонта, и объ его поэтическомъ талантѣ; самъ же переводчикъ исполненіе этого труда въ теченіе неполныхъ двухъ мѣсяцевъ (кромѣ двухъ первыхъ главъ, переведенныхъ раньше) объясняетъ «великою его любовью къ этой работѣ» и увлеченіемъ «истинною, чарующею поэзіей, вѣющей отъ пушкинскаго произведенія».

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности въ доказательство справедливости только что сказаннаго—кстати коснемся вообще переводовъ Пушкина на польскій языкъ.

I.

Адамъ *Мицкевичъ*, ставившій высоко поэтическій геній Пушкина, особенно восхищался Онѣгинымъ, считая его наиболѣе поэтическимъ и наиболѣе оригинальнымъ изъ всѣхъ твореній русскаго поэта,—на своихъ лекціяхъ о славянскихъ литературахъ предсказывалъ, что Онѣгинъ будетъ всегда читаться съ удовольствіемъ во всѣхъ земляхъ славянскихъ. Однако это предсказаніе Мицкевича по отношенію къ его соотечественникамъ не оправдалось. Прошло 80 лѣтъ со дня появленія въ свѣтъ I главы Онѣгина, и тѣ поляки, которые не учились въ русской школѣ и не знаютъ русскаго языка, до сихъ поръ имѣли крайне смутное понятіе объ этомъ

*) *Aleksander Puszkin.* Eugenius Oniegin, romans wierszem (1822—1831) przełożył Leo *Belmont*. Krakow, 1902.

Digitized by Google

произведеніи Пушкина. Дѣло въ томъ, что единственный, считавшійся до сихъ поръ полнымъ, переводъ Онѣгина, сдѣланный Адамомъ *Сикорскимъ* (Вильна, 1847 г.), самими поляками признается «смѣшною пародіей», а нѣкоторые изъ нихъ называютъ его «постыднымъ».

Не заботясь о близости перевода и нисколько не стѣсняясь формою оригинала, Сикорскій, сокративъ Онѣгина почти на треть, перевелъ остальное уродливымъ стихомъ съ искаженіемъ содержанія. Вѣроятно, «рифмы ради» переводчикъ называетъ Ленскаго Владиславомъ; о наружности Ольги выражается: «толстое лицо злой Мадоны» (?). Сонъ Татьяны, ея письмо къ Онѣгину совершенно испорчены; всѣ наиболѣе поэтическія мѣста оригинала неузнаваемы; въ одномъ изъ примѣчаній къ переводу объясняется, что «мать Пушкина была африканка...» *).

Немногимъ лучше и переводъ *Будзинскаго* одной первой главы: Онѣгинъ входитъ (въ театръ), «наступаетъ на ноги какъ будто былъ одинъ» (!).

Переведенные *Бартошевичемъ* и *Плугомъ* (Петкевичъ) небольшіе отрывки изъ Онѣгина, такъ же какъ и недавно очень хорошій переводъ *Гомулицкаго* главы 6-й (дуэль) не могутъ, конечно, замѣнить полнаго перевода Онѣгина, который такимъ образомъ только теперь, благодаря талантливому переводу г. Бельмонта, усваивается польской литературѣ.

II.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Бельмонтъ подробно знакомитъ своихъ читателей съ общественнымъ и литературнымъ значеніемъ Онѣгина, съ отношеніемъ къ нему критики, а затѣмъ говоритъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣчаютъ переводчика при передачѣ такого совершеннаго и по содержанію, и по формѣ произведенія, какъ Онѣгинъ.

«При передачѣ стихами поэтическаго произведенія,—говоритъ г. Бельмонтъ,—переводчику предстоитъ троякая работа: творческая, критическая и смѣшанная, т.-е. творческо-критическая. Если языкъ перевода, по количеству слоговъ, экономичнѣе языка оригинала, то является необходимость творчества, т.-е. добавленія нѣкоторыхъ подробностей согласно духу оригинала, необходимость для переводчика проникнуться образами, мыслями и чувствами переводимаго имъ поэта; если же, наоборотъ, языкъ оригинала болѣе кратокъ, то вмѣсто прежней задачи—заполненія остающагося мѣста—приходится прибѣгать, для размѣра стиха, къ исключенію нѣкоторыхъ, менѣе важныхъ и менѣе характеристичныхъ подробностей, т.-е. предстоитъ работа критическая. Наконецъ, условія стихотворной рѣчи, стѣсняющія переводчика, заставляютъ его въ громадномъ большинствѣ

*) Желающіе провѣрить наши слова, могутъ просмотрѣть переводъ *Сикорскаго*, между прочимъ, въ библіотекѣ варшавскаго университета, гдѣ мы его видѣли въ 1885 г. *С. И.*

Digitized by Google

случаевъ прибѣгать къ замѣнѣ выраженій оригинала синонимами, и для удачнаго выбора послѣднихъ требуется работа творческо-критическая».

Говоря о совершенствѣ содержанія и языка, которымъ написанъ Онѣгинъ,—языка сжатаго, точнаго, красиваго въ своей простотѣ, о мастерствѣ формы, о томъ, что Пушкинъ ни одного слова не бросаетъ напрасно,—г. Бельмонтъ спрашиваетъ: «какъ же передать этотъ языкъ, не стирая красокъ и не злоупотребляя ими? Какъ сокращать что-либо для размѣра стиха, когда все представляется одинаково необходимымъ? Какъ прибавлять, когда каждое новое слово кажется излишнимъ? Какъ замѣнить иное выраженіе синонимомъ, не искажая простоты оригинала? Словомъ, какъ передать въ точности содержаніе, когда одновременно необходимо сохранять мастерскую форму?»

Особенно трудно при переводѣ Онѣгина сохраненіе формы. Въ каждой строфѣ, состоящей изъ 14 стиховъ, встрѣчаются всѣ возможныя комбинаціи четырехстишія; въ первыхъ четырехъ стихахъ риѳмуется 1-й стихъ съ 3-мъ, а 2-й—съ 4-мъ; въ слѣдующихъ четырехъ: 1-й со 2-мъ, 3-й съ 4-мъ; затѣмъ 1-й риѳмуется съ 4-мъ, а 2-й—съ 3-мъ; на каждые четыре стиха приходится двѣ риѳмы мужскія и двѣ женскія; каждая строфа заканчивается двумя мужскими риѳмами. Стихи съ женской риѳмой состоятъ изъ 9 слоговъ, стихи съ мужской—изъ 8.

Нельзя не согласиться также съ г. Бельмонтомъ, что при переводѣ Онѣгина по-польски соблюденіе стихотворнаго размѣра, которымъ онъ написанъ, еще больше затрудняется существованіемъ въ польскомъ языкѣ *постояннаго ударенія* на *предпослѣднемъ слогѣ*, вслѣдствіе чего въ распоряженіи переводчика не имѣется столько мужскихъ риѳмъ, какъ въ языкѣ русскомъ, и потому приходится пользоваться словами односложными; подборъ же такихъ словъ, конечно, не можетъ быть легкимъ, если обратить вниманіе на то, что большая часть рифмъ въ Онѣгинѣ—мужскія (8 мужскихъ на 6 женскихъ въ каждой строфѣ), а всѣхъ стиховъ въ немъ 5.233...

И изъ всѣхъ этихъ трудностей г. Бельмонтъ, какъ сейчасъ увидимъ, вышелъ побѣдителемъ; но прежде нѣсколько словъ о переводахъ Онѣгина на нѣкоторые иностранные языки.

III.

Указанныя выше трудности хорошо знакомы всѣмъ переводчикамъ Онѣгина, и вотъ почему, конечно, нѣкоторые изъ нихъ переводили его прозой (французъ *Дюпонъ*, 1846 г.), другіе—бѣлыми стихами (нѣмецкій переводчикъ *Блюменталь* (1878 г.), хорватскій *Дмитровичъ* (1860 г.) и нѣкоторые другіе), а изъ тѣхъ, которые перевели *всего* Онѣгина риѳмованными стихами,—*ни одинъ* не справился съ формой оригинала, съ характеромъ риѳмъ и размѣра, и каждый, въ предисловіи къ своему переводу, подробно распространялся о мастерской стихотворной формѣ Онѣгина,

Digitized by Google

о невозможности передать ее въ переводѣ. Даже столь извѣстный *Боденштедтъ* остановился передъ этими трудностями и перевелъ Онѣгина своимъ особымъ размѣромъ.

Первый изъ нѣмецкихъ переводчиковъ, попытавшійся въ своемъ переводѣ Онѣгина сохранить *вполнѣ* форму оригинала, Алексисъ *Лупусъ* (Вольфъ) перевелъ такимъ образомъ только *одну*, первую главу Онѣгина, и трудъ этотъ, вѣроятно, былъ не изъ легкихъ, такъ какъ изданный въ 1860 г. переводъ потребовалъ множества поправокъ, и только во второмъ изданіи (1899 г.) совершенно удовлетворилъ переводчика.

Французскіе переводчики передаютъ Онѣгина размѣромъ, совершенно не похожимъ на размѣръ оригинала; иные — тяжелыми александринскими стихами, и всѣ растягиваютъ или укорачиваютъ строфы (вмѣсто 14 даютъ то 20, то 10 стиховъ въ строфѣ и т. п.).

Г. Бельмонтъ, какъ мы уже сказали, не растянулъ и не укоротилъ ни одной строфы и перевелъ ихъ всѣ,—по 14 стиховъ въ строфѣ, такъ же какъ въ оригиналѣ, строго сохраняя размѣръ пушкинскаго Онѣгина и указанный выше характеръ риемъ.

IV.

Считаемъ необходимымъ сопоставить здѣсь текстъ нѣкоторыхъ строфъ Онѣгина и мастерской переводъ ихъ г. Бельмонтомъ. Скажемъ при этомъ, что русскимъ ямбамъ въ силлабическомъ стихѣ польскомъ совершенно соотвѣтствуетъ хорей съ амфибрахіемъ или замѣняющемъ его дактилемъ въ началѣ.

Гонимы вешними лучами
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года:
Синѣя, блещутъ небеса,
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ,
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой,
Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.
(Глава 7, строфа 1.)

Już śniegi wiosny promieniami
Pognane z gór stojących wkrąg
Mętnymi zbiegły strumieniami
Na zatopione równie łąk.
Ocknąwszy się z uśmiechem w oku
Natura wita ranek roku;
Lśni błękit nieba w ranny czas...
I przezroczysty jeszcze las
W zielony puch się stroi szczytnie,
Pszczoła opuszcza biedny ul,
Leci podatek zbierać z pól;
Dolina schnie i w barwy kwitnie,
Na drogach stada wzbiły kurz
I nocą słowik śpiewał już.

Для читателей, незнакомыхъ съ польскимъ языкомъ, скажемъ, что въ этой строфѣ, переведенной почти слово въ слово, только «кельи восковая» замѣнена словами «бѣдный улей»; «стада шумятъ» переведены: «на дорогахъ стада подняли пыль»; опущено слово «въ безмолвіи».

Digitized by Google

Я думалъ ужъ о формѣ плана	Mam plan już nawet, formę wierszy
И какъ героя назову,	Wiem, jak bohater ma się zwać...
Покамѣстъ моего романа	Tymczasem dość że rozdział pierwszy
Я кончилъ первую главу;	Tego romansu kończę snać...
Пересмотрѣлъ все это строго:	Przejrzałem wszystko to surowo
Противорѣчій очень много,	Sprzeczności mnóstwo... Daje słowo
Но ихъ исправить не хочу.	Poprawiać nie chce, choćbym mógł
Цензурѣ долгъ свой заплачу,	Cenzurze pragnę spłacić dług:
И журналистамъ на съѣденье	I dziennikarzom na rozdarcie
Плоды трудовъ своихъ отдамъ:	Pracownej myśli oddam nić,
Иди же къ Невскимъ берегамъ,	Ku niewskim brzegom zatem idź,
Новорожденное твореньe!	Dziecie mej duszy... Spiesz na starcie
И заслужи мнѣ славы дань,	I sławy dań mi przynieś stąd
Кривые толки, шумъ и брань!	Wymysły, hałas, krzywy sąd!
(Глава 1, строфа 60.)	

И здѣсь стиховъ 8 переданы буквально, остальные—почти слово въ слово; выраженіе «па съѣденіе» замѣнено «на разорванье», «новорожденное творенье»—«дитя моей души», «плоды трудовъ»—«работа мысли».

„Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!..	„Dokąd? Ot, gadaj do poety!“
— Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора.	— Żegnaj, Oniegin; na mnie czas.
„Я не держу тебя; но гдѣ ты	„Nie trzymam cię, lecz powiedz, gdzie ty
Свои проводишь вечера?“	Wieczory spędzasz?.. Powiedz raz...“
— У Лариныхъ. „Вотъ это чудно.	— W Larinych domu. „O, litości!
Помилуй! и тебѣ не трудно	I nie znajdujesz w tem trudności:
Такъ каждый вечеръ убивать?“	Zabijać każdy wieczór tam?!“
— Ни мало. „Не могу понять.	— Ani troszeczkę. „Obraz dam.
Отселѣ вижу, что такое:	Że będzie wierny, przyznaj z góry!
Во-первыхъ, слушай, правъ ли я?	Prosta rodzina, ruski byt,
Простая, русская семья,	Dla gości uprzejmości szczyt,
Къ гостямъ усердіе большое,	Zwyczajem świętym: konfitury!
Варенье, вѣчный разговоръ	Temat do rozmów: len i mak,
Про дождь, про ленъ, про скотный дворъ...	Obora, bydło... Zgadłem wszak?“
(Глава 3, строфа 1.)	

Слова: «ужъ эти мнѣ поэты» замѣнены словами: «вотъ и толкуй съ поэтомъ»; затѣмъ пропущено слово «дождь» и вставлено «макъ»; нѣсколько стиховъ переведены буквально.

Слѣдующая строфа почти вся переведена слово въ слово:

А можетъ быть и то: поэта	A może być i tak: poecie
Обыкновенный жалъ удѣлъ.	Zwyczajny los gotował czas;
Прошли бы юношества лѣта,	Młodości dni-by przeszły przecie,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.	Ogień-by w duszy jego zgasł.
Во многомъ онъ бы измѣнился,	On sam-by mocno się odmienił,
Разстался бъ съ музами, женился;	Z Muzą sie rozstał i ożenił,
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,	Życie zrozumiałby w sam raz
Носилъ бы стеганный халатъ;	I w haftowany szlafrok wlazł;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,	Na wsi szczęśliwy i rogaty

Digitized by Google

Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постелѣ
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.
(Глава 6, строфа 39.)

W podagrze późny żywot wiódł,
Jadł, pił, poziewał, tłuścial, chudł
I w łóżku wreszcie skończył z laty
Pośród lekarzy, dziatwy, sług,
Bab, co się z bekiem tłoczą w próg.

Наконецъ, беремъ строфу 29-ю главы 8-й, гдѣ изъ 14 стиховъ—10 переведены слово въ слово:

Любви всѣ возраста покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ—
И жизнь могучая дастъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и безплодный,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвый слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

Miłość nad każdym wiekiem włada;
Ale na łany młodych dusz
Tak dobroczynnie wiew jej spada,
jak w polu deszcz wiosennych burz.
Bo w burzach pragnień odświeżane
Dojrzeją serca młodociane,
Potężne życie z biegiem lat
Da słodki owoc, pyszny kwiat.
Ale w czas późny i niepłodny,
Na przełomowym punkcie lat,
Namiętność martwy znaczy ślad:
Tak burze w czas jesieni chłodny
Kałuże błotne tworzą z łąk
I obnażają lasy wkrąg.

Прекрасно переведены и письмо Татьяны и отповѣдь ея Онѣгину.

Мы никогда не окончили бы этихъ выписокъ, если бы захотѣли привести всѣ превосходныя мѣста перевода г. Бельмонта. Трудно сказать—какія строфы переданы слабо. Думаемъ, что измѣненія вродѣ того, что Ларинъ умеръ «спустя часъ послѣ обѣда», а не «въ часъ передъ обѣдомъ» или что Татьяна (при первомъ визитѣ Онѣгина) «сидѣла въ углу», а не «у окна»—какъ у Пушкина—не могутъ считаться недостатками перевода.

Музыка пушкинскаго стиха, мастерски переданная г. Бельмонтомъ, чаруетъ читателя, несмотря на своеобразность польскихъ звуковъ.

V.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о польскихъ переводахъ другихъ произведеній Пушкина.

Въ 1899 г., послѣ пушкинскихъ дней, въ русскихъ и польскихъ газетахъ появилось извѣстіе о предположенномъ изданіи на польскомъ языкѣ всѣхъ сочиненій Пушкина; но прошло уже шесть лѣтъ, а этого изданія мы еще не видимъ. Думаемъ, что это предположеніе осуществится не скоро, ибо издать по-польски всего Пушкина, значитъ перевести очень многое. Переводовъ нашего поэта въ польской литературѣ немного, а хорошихъ еще меньше. Къ числу послѣднихъ можно отнести переводы «Бахчисарайскаго фонтана», «Братьевъ разбойниковъ», «Кавказскаго плѣнника»

Digitized by Google

и «Цыганъ». Два перевода «Бориса Годунова»: Э. *Падлевскаго* (Кіевъ, 1842 г.) и З. *Гроховальскаго* (Львовъ, 1842 г.) исполнены съ сокращеніями и оставляютъ желать многаго; но очень хорошо переведены *Бартошевичемъ* отрывки изъ «Бориса». «Полтава» передана А. А. *Юцевичемъ* (1834 г.) съ пропусками и желателенъ новый, болѣе талантливый переводъ ея. «Мѣдный всадникъ» и «Скупой рыцарь» переведены прозою (1843 г.). Вотъ, кажется, и все.

Гораздо удачнѣе переводы мелкихъ стихотвореній Пушкина; но вполнѣ хорошихъ также немного. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ упомянуть прежде всего о двухъ прекрасныхъ переводахъ *Мицкевича:* «Влахъ въ Венеціи» и «Воспоминаніе» («Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день»). Переведена, впрочемъ, только первая половина послѣдняго стихотворенія (изъ «Сѣверныхъ цвѣтовъ» (1829 г.), вторая же половина оригинала появилась, какъ извѣстно, только въ «Матеріалахъ Анненкова», уже по смерти Мицкевича. Затѣмъ слѣдуютъ переводы разнаго достоинства: А. Э. *Одынца*, Е. *Дашковскаго*, И. *Деспотъ-Зеновича*, Б. *Долэнги* («Я помню чудное мгновенье»), В. *Потоцкаго* («Ты рождена воспламенять воображеніе поэтовъ»), А. *Ходзьки*, Б. *Асписа*, М. *Добжанскаго*, *Гомулицкаго*, А. *Ходзинскаго* и нѣкоторыхъ другихъ. Такимъ образомъ, для изданія по-польски полнаго собранія сочиненій Пушкина пришлось бы предпринять трудъ, требующій, независимо отъ таланта, немало времени, хотя, конечно, исполнимый, такъ какъ среди польскихъ поэтовъ имѣются очень талантливые переводчики, благодаря чему польская литература вообще богата хорошими переводами поэтическихъ произведеній съ иностранныхъ языковъ.

С. Никольскій.

Digitized by Google

Грозненское нефтяное дѣло.

Жидкое минеральное топливо, именно *нефть*, было открыто первоначально въ Америкѣ. Тамъ впервые организовалась какъ ея добыча, такъ и переработка не только на топливо, но и на разные другіе матеріалы: освѣтительные, смазочные и т. д.

Въ общемъ оказалось, что нефть есть полезное вещество, могущее служить предметомъ обширной и разнообразной индустріи, иногда съ очень высокимъ процентомъ доходности.

На Кавказѣ выходы нефти были извѣстны еще въ древности: добыча ея въ малыхъ размѣрахъ колодцами производилась тоже съ давнихъ поръ. Серьезная нефтепромышленность начинается лишь съ 1872 г., когда въ одной изъ первыхъ скважинъ около Баку, на участкѣ т-ва Халафи изъ глубины 27 саж. ударилъ нефтяной фонтанъ. Съ тѣхъ поръ добыча нефти въ Баку быстро возрастала, и нефть, безъ которой до этого времени обходились въ Россіи, казалось, совершенно свободно, стала получать сильное распространеніе и въ видѣ разныхъ нефтяныхъ продуктовъ стала находить примѣненіе въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ человѣческой жизни. Словомъ, нефть сдѣлалась ходкимъ товаромъ.

Въ настоящее время нефти добывается въ Баку около 600 мил. пудовъ въ годъ.

Изъ нея приготовляется керосинъ и смазочныя масла, а остатки отъ выдѣлки керосина (мазутъ), служатъ очень удобнымъ топливомъ. Это топливо распространилось по всему бассейну Волги, на немъ работаетъ пароходство, многочисленныя фабрики, заводы, дѣйствуетъ отопленіе многихъ большихъ зданій и т. д.

Болѣе трети вырабатываемыхъ въ Баку продуктовъ вывозится за границу, и этотъ вывозъ ежегодно увеличивается, такъ какъ Америка, до сихъ поръ поставлявшая нефтяные продукты во всѣ другія страны, понижаетъ свою производительность и постепенно уступаетъ мѣсто Россіи.

Въ Россіи также потребленіе нефтяныхъ продуктовъ и въ особенности керосина расширяется.

Итакъ, можно быть вполнѣ убѣжденнымъ, что нефтепромышленность

Digitized by Google

есть дѣло, имѣющее подъ собой твердую почву и благопріятныя условія для развитія.

Нѣкоторыя затрудненія въ ней возможны, какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности, но должны быть разсматриваемы лишь какъ временныя, зависящія или отъ случайныхъ причинъ, или отъ личнаго соглашенія и особенной политики нѣкоторыхъ крупныхъ обществъ и т. п.

Мѣсторожденіе нефти въ *Баку* имѣетъ ограниченный размѣръ; почти вся его площадь уже занята вышками.

Въ общемъ можно предположить, что если весь запасъ извѣстнаго мѣсторожденія нефти въ Баку (Балахано-Сабунчино-Романинская площадь и Биби-Эйбатъ) есть не болѣе 20 милліардовъ пудовъ, а изъ этого количества до 1 января 1905 года уже извлечено болѣе 8 милліардовъ пудовъ, и если добыча будетъ такъ же возрастать, какъ она возрастала до сихъ поръ, то остающагося запаса нефти въ этомъ мѣсторожденіи хватитъ не долѣе, какъ на 15 лѣтъ. Конечно, это не совершится такъ быстро именно потому, что добыча не будетъ возрастать въ прежней пропорціи; отсюда вытекаетъ, что въ ближайшемъ будущемъ Баку не будетъ удовлетворять потребностямъ въ нефти для Россіи и заграницы; и ясно, что сначала въ подмогу, а затѣмъ на смѣну Баку должны выступить новыя мѣсторожденія.

Въ ряду этихъ новыхъ мѣсторожденій первое мѣсто пока занимаетъ Грозный. Это есть единственное мѣсторожденіе, продуктивность котораго вполнѣ опредѣлилась.

Уже теперь можно сказать, что *Грозненское мѣсторожденіе* имѣетъ гораздо меньшіе размѣры, нежели Баку, и меньшіе запасы нефти: но тѣмъ цѣннѣе долженъ быть каждый пудъ нефти, который будетъ изъ него извлекаемъ впослѣдствіи, когда наступитъ недостатокъ нефти.

Грозненское мѣсторожденіе находится въ 12—16 верстахъ отъ станціи Грозный Владикавказской жел. дор. и соединено съ нею колесной дорогой. А отъ промысловъ проведенъ до станціи нефтепроводъ въ видѣ желѣзныхъ трубъ.

Въ Грозномъ буреніе было начато впервые въ 1894 году. Первыя скважины дали большіе фонтаны и затѣмъ число обществъ, занимающихся добычей нефти въ Грозномъ, стало возрастать; въ настоящее время оно дошло до 15-ти.

Приводимъ перечисленіе этихъ фирмъ:

	Добывавшее въ послѣднее время въ среднемъ около
Общество І. А. Ахвердовъ и К°	16 милл. пуд. въ годъ.
Московское нефтепромышл. общество . . .	600 тыс. » »
Англо-русское Максимовское общество . . .	6 милл. » »
С.-петербургское общество	700 тыс. » »
Нефтепромышленное общество Шписъ . . .	6½ милл. » »

Digitized by Google

Общество Н. Русскій Стандартъ	1,300	тыс.	пуд. въ годъ.
Казбекскій синдикатъ	1	мил.	» »
Челекено-дагестанское общество	700	тыс.	» »
Каспійско-черноморское общество	150	»	» »
Сѣверно-кавказское общество	2	мил.	» »
Т-во «Грозненская нефть»	1	»	» »
Джемсъ Макъ-Гарвей.	350	тыс.	» »
Холодовскій	200	»	» »
Владикавказское нефтяное т-во	50	»	» »
Алханъ-юртовское нефтепром. общество . .	100	»	» »

Имѣютъ промыслы, но временно не добываютъ нефти:

Райкинъ, Баскаковъ, Каякентское т-во и Грозненско-Мамакаевское т-во.

Теперь въ Грозномъ добывается около 36 милл. пудовъ въ годъ. Эта *добыча* имѣетъ вполнѣ обезпеченный сбытъ, такъ какъ отъ 15 до 20 мил. пудовъ потребляется на топливо Владикавказской жел. дор., а остальное расходится въ районѣ, составляющемъ рынокъ, спеціально принадлежащій Грозному; сюда входятъ мѣстности: Сѣверный Кавказъ и югъ Россіи. Здѣсь бакинская нефть и нефтяные продукты не могутъ конкурировать съ грозненскими, такъ какъ доставка ихъ въ этотъ районъ стоитъ на 3—4 коп. дороже, нежели грозненскихъ продуктовъ. Изученіе рынковъ сбыта грозненской нефти показываетъ, что эти рынки болѣе значительны, нежели добыча въ Грозномъ, и что эту добычу можно смѣло увеличить.

Владикавказская жел. дор. обыкновенно сама покупаетъ нефть у отдѣльныхъ грозненскихъ фирмъ. Кромѣ того, въ Грозномъ существуетъ нѣсколько конторъ, спеціально занимающихся покупкой нефти отъ грозненскихъ нефтедобывающихъ фирмъ и продажей ея потребителямъ нефти и нефтяныхъ продуктовъ на сѣверномъ Кавказѣ и въ южной Россіи.

Этимъ занятіе нефтепромышленностью сильно упрощается и сводится лишь къ слѣдующему: фирма имѣетъ одинъ или нѣсколько участковъ, буритъ на нихъ скважины до нефтяныхъ пластовъ, добываетъ изъ скважинъ нефть, перекачиваетъ по трубамъ на ст. Грозный въ имѣющіеся резервуары Владикавказской жел. дор. и продаетъ нефть торговымъ конторамъ или желѣзной дорогѣ. Нѣкоторыя фирмы иногда непосредственно продаютъ нефть отдѣльнымъ крупнымъ потребителямъ.

Изъ всѣхъ этихъ операцій, собственно говоря, самой трудной является пріобрѣтеніе на подходящихъ условіяхъ хорошаго участка.

Грозненское мѣсторожденіе имѣетъ видъ длинной и узкой полосы, размѣры площади хорошей части мѣсторожденія по нынѣшнимъ даннымъ не превышаютъ 450 дес. Почти вся эта площадь распредѣлена между предпринимателями: при этомъ *условія*, на которыхъ предприниматель беретъ участокъ, бываютъ разнообразны. Большею частью они очень трудны для предпринимателя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они прямо невозможны. Участковъ же, имѣющихъ легкія условія, въ Грозномъ найдется мало.

Digitized by Google

Обыкновенными условіями служатъ попудная плата, т.-е. плата съ пуда добываемой нефти, небольшая арендная плата за поверхность съ десятины участка за годъ и, кромѣ того, если участокъ переходитъ отъ одного предпринимателя къ другому, то платится большею частью извѣстная денежная сумма при передачѣ. Плата за поверхность обыкновенно бываетъ не высока, а именно отъ 25 до 150 руб. въ годъ съ десятины.

Попудная плата у грозненскихъ фирмъ колеблется отъ $^1/_2$ коп. до 6 коп.; есть даже участки, сданные съ торговъ—по $8^1/_2$ коп. и даже по $16^3/_8$ коп.

При нынѣшнихъ цѣнахъ на нефть въ Грозномъ попудная плата выше 5 коп. должна считаться очень тяжелой, а попудная плата не выше—$1^1/_2$ коп. должна считаться очень легкой. Общество Ахвердовъ и К° платитъ по одному главному участку $3^1/_2$ коп., по остальнымъ разную плату, Максимовское общество—2 коп., московское общ.—$^1/_2$ к., русскій стандартъ—2 коп., Алханъ-юртовское общ.—3,01 коп., Казбекскій синдикатъ—2 к., Баскаковъ—3,47 к., т-во «Грозненская нефть» отъ 2,69 до 5,62 коп., общество Шписъ—$1^1/_2$ к., Чеченено-дагестанское общ. по 10 дес.—$1^1/_2$ коп. и по 10 дес.—$1^5/_6$ коп., Холодовскій—2 к., владикавказское товарищество—2 коп. *).

Единовременныя уплаты деньгами или акціями при пріобрѣтеніи какого-либо участка достигаютъ иногда солидныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, въ 1903 году былъ проданъ 1 участокъ (Шиманчевскаго), имѣющій не болѣе 3 дес. хорошей земли, за 60 тыс. р. и $1^1/_2$ коп. попудной платы. Участокъ Малявкина, имѣющій не болѣе 3 дес. хорошей земли, былъ проданъ за 80 т. р. и $1^1/_2$ коп. попудной платы. Участокъ «Петербургскаго общества» (10 дес.) былъ проданъ за 1.200,000 руб. при попудной платѣ. Участокъ Плюща (около 6 дес.) былъ проданъ за 180 т. р. и $1^1/_2$ коп. попудной платы. 3 участка № 15, 16 и 32 (30 дес.) были проданы въ акціонерное о-во за 3.800,000 р. акціями и съ возвратомъ деньгами расходовъ по произведеннымъ развѣдкамъ и другимъ работамъ. Чеченодагестанское общ. пріобрѣло участки: одинъ въ 10 дес. за 100 тыс. р. и 1 коп. попудной платы и другой въ 10 дес. за 80,000 р. и $1^1/_2$ к. попудной платы. Владикавказское т-во пріобрѣло 1 участокъ въ $2^1/_3$ десят. хорошей земли за 45,000 руб. деньгами, 25 т. р. акціями и $1^1/_2$ к. попудной платы.

Въ настоящее время произведенными въ Грозномъ работами и геологическими изслѣдованіями полоса хорошей (продуктивной) нефтеносной земли вполнѣ опредѣлена и границы ея выяснены довольно точно. Ставить новыя скважины не представляетъ особеннаго риска, можно даже сказать, почти никакого риска при умѣломъ веденіи работъ.

Въ Грозномъ нефть находится въ пластахъ песчаника, залегающихъ

*) Возможно, что не всѣ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія вполнѣ точны, но важны хотя бы приблизительныя или общія свѣдѣнія.

Digitized by Google

между пластами глины, и прикрытыхъ сверху глинами, мергелями и песчаниками. Нефтеносныхъ пластовъ песчаника извѣстно около 8, но не всѣ они считаются достаточно продуктивными. Въ западной половинѣ площади еще не извѣстенъ наиболѣе глубокій фонтанный пластъ.

Первый пластъ залегаетъ на глубинѣ около 50—150 саж.—въ разныхъ частяхъ площади различно, такъ какъ пласты имѣютъ разнообразный уклонъ, а поверхность гориста.

Въ средней части нефтяной полосы 1-й пластъ залегаетъ на глубинѣ около 70—115 саж. и имѣетъ толщину около 2—$2^1/_2$ саж. Затѣмъ идетъ около 25 саж. глинъ, подъ которыми лежитъ 2-й нефтеносный пластъ, имѣющій толщину около $1^1/_2$—$2^1/_2$ саж.; затѣмъ опять идетъ около 14—15 саж. глинъ; потомъ 3-й пластъ, имѣющій толщину различную—отъ 1 до 4 саж.; затѣмъ около 14—15 саж. глинъ, потомъ 4-й пластъ; затѣмъ около 17—18 саж. глинъ и, наконецъ, лежитъ 5-й пластъ, нефтеноснаго песчаника, имѣющаго толщину отъ 1 до 5 саж. Изъ этихъ 5 пластовъ самый продуктивный 1-й, а 2-й и 4-й имѣютъ второстепенное значеніе.

Цифры эти, однако, на разныхъ участкахъ нѣсколько мѣняются.

Ранѣе перваго пласта иногда встрѣчаются еще одинъ или два тонкихъ пласта съ небольшой и недолговременной добычей.

Въ восточной части нефтяной площади, повидимому, пласты не вполнѣ соотвѣтствуютъ пластамъ средней и западной части. Хорошихъ пластовъ тамъ считалось 3, и недавно сталъ извѣстенъ глубже 3-го еще 4-й пластъ, дающій большую добычу. Ниже 4-го въ скважинѣ были открыты еще два-три второстепенныхъ пласта. Вообще точная схема пластовъ Грознаго еще не выяснена.

Чтобы достичь нефтяного пласта и добывать изъ него нефть, употребляется буреніе скважинъ, подобное буренію артезіанскихъ колодцевъ для полученія воды.

Въ Грозномъ скважины обыкновенно начинаются діаметромъ около 24″ и, конечно, для этого примѣняется паровая сила или же нефтяные и бензиновые двигатели. Для буренія и добычи нефти надъ каждой скважиной строится изъ дерева особое зданіе очень простого вида, именно вышка, въ которой помѣщается паровая машина, паровой станокъ и тартальный барабанъ. Паръ, нужный для паровой машины, проводится къ ней по особой трубѣ изъ котла, который находится на разстояніи не менѣе 20 саж. отъ вышки. При буреніи скважины въ нее постепенно опускаются трубы для закрѣпленія стѣнокъ. Трубы эти бываютъ желѣзныя, клепаныя или свинчивающіяся (вродѣ газовыхъ). Большого діаметра трубы бываютъ преимущественно клепаныя. Послѣ нѣсколькихъ десятковъ саженъ, въ особенности, если давитъ порода, рядъ опускаемыхъ трубъ останавливается, и въ него опускается другой рядъ нѣсколько меньшаго діаметра, которымъ и продолжается буреніе. Такихъ рядовъ можетъ быть вставлено нѣсколько и діаметръ скважины постепенно уменьшается. Но бываетъ вполнѣ достаточно дойти до нефти діаметромъ отъ 12 до 18″.

Digitized by Google

Выше нефтеноснаго песчаника въ Грозномъ среди глинъ залегаютъ песчаники, содержащіе воду, которая наполняетъ скважину и затѣмъ по достиженіи нефти можетъ до нѣкоторой степени оттѣснять ее и вредить добычѣ; поэтому воду обыкновенно стараются закрывать, что производится слѣдующимъ образомъ: ниже водоноснаго песчаника опускаются и останавливаютъ два ряда трубъ, промежутокъ между ними заливаютъ цементомъ, затѣмъ опускаютъ еще рядъ трубъ и имъ доходятъ до нефти.

Буреніе въ Грозномъ производится большею частью американскимъ способомъ—на канатѣ; меньшее распространеніе имѣютъ способы: канадійскій—на деревянныхъ штангахъ и бакинскій—на желѣзныхъ штангахъ.

По достиженіи нефтеноснаго песчаника въ скважину проникаетъ изъ песчаника нефть; нижній конецъ скважины сажени на три, на четыре остается незакрытымъ трубами. Если скважина находится въ хорошемъ пунктѣ мѣсторожденія и въ мѣстности цѣльной и неистощенной, то вслѣдствіе большого напора газовъ нефть изъ пласта быстро стремится въ скважину и выбрасывается на поверхность въ видѣ фонтана, который можетъ дѣйствовать или короткое, или долгое время. При продолжительномъ дѣйствіи фонтана оно бываетъ уже не непрерывное, а періодическое, т.-е. съ остановками; затѣмъ давленіе газовъ въ пласту понижается вслѣдствіе большого выхода газовъ и нефти на поверхность, и фонтанъ прекращается. Нефть, однако, въ скважинѣ остается и стоитъ въ ней на нѣкоторомъ уровнѣ; тогда добывается нефть тартаніемъ или насосами. *Тартаніе* состоитъ въ слѣдующемъ: на проволочномъ канатѣ опускается въ скважину желонка, т.-е. длинное, желѣзное ведро съ клапаномъ внизу, вмѣщающее около 20—30 пуд., и этой желонкой вычерпывается изъ скважины нефть. Тартаніе примѣнено почти всюду, а качка насосами имѣетъ очень ограниченное распространеніе. Тартаніе можетъ дать въ сутки самое большее отъ 5 до 15 тыс. пуд.

При добычѣ нефти изъ скважины уровень въ ней постепенно понижается и, наконецъ, скважина начинаетъ оттартываться досуха. Это совершается въ хорошихъ пунктахъ въ теченіе лишь довольно продолжительнаго времени. Затѣмъ устанавливается извѣстный притокъ нефти въ скважинѣ, дающій такое количество нефти, которое извлекается тартаніемъ неполныхъ сутокъ. Этотъ притокъ съ теченіемъ времени также подверженъ нѣкоторому пониженію, но уже очень медленному.

Въ общемъ скважина можетъ давать нефть очень долгое время, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ. Есть въ Грозномъ скважины, эксплоатирующіяся уже 11-й годъ, т.-е. съ самаго начала нефтянаго дѣла въ Грозномъ. Въ среднемъ можно принять продолжительность эксплоатаціи скважины около 5—7 лѣтъ.

На участкѣ, находящемся въ мѣстности, гдѣ дѣйствуетъ уже много скважинъ и поэтому давленіе въ нефтеносныхъ пластахъ понизилось, обыкновенно, по достиженіи новой скважиной пласта, фонтана не возни-

Digitized by Google

каетъ, а скважина прямо начинаетъ давать тартальную добычу и можетъ давать ее тоже долгое время.

На эксплоатируемомъ *нефтяномъ промыслѣ*, кромѣ вышекъ, должны находиться жилыя (помѣщенія) постройки для служащихъ и рабочихъ, складъ для матеріаловъ и инструментовъ, кочегарка съ котлами и резервуары для нефти, которые бываютъ двухъ сортовъ: на случай фонтана выкапывается въ землѣ вмѣстилище въ видѣ пруда, но постоянно въ немъ нефть не хранится; такой резервуаръ на промыслѣ нужно имѣть минимумъ на нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ, а чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Для собиранія и первоначальнаго *храненія нефти* на промыслѣ служатъ желѣзные резервуары, изъ которыхъ самые большіе бываютъ въ Грозномъ на 200 тыс. пуд. Количество и емкость резервуаровъ зависитъ отъ размѣровъ добычи промысла; для небольшого промысла достаточно имѣть желѣзныхъ резервуаровъ на 100—200 т. пуд.

Для *перекачки нефти* на станцію Грозный Владикавказская ж. дор. сама провела съ ближайшихъ промысловъ нефтепроводъ, протяженіемъ около 13 верстъ, и имѣетъ въ восточной части промысловъ нефтекачку съ большимъ количествомъ резервуаровъ. Поэтому каждому промыслу достаточно соединиться нефтепроводомъ съ центральной жел. дор. нефтекачкой, до которой разстояніе отъ разныхъ промысловъ бываетъ отъ $^1/_2$ вер. до 6 верстъ.

Нефть съ промысла перекачивается по нефтепроводу дѣйствіемъ насоса или самотекомъ, если промыселъ стоитъ на горѣ, до желѣзно-дорожной нефтекачки и сдается тамъ по обмѣру въ резервуаръ Владикавказской ж. дор., которая выдаетъ въ полученіи нефти квитанцію. Затѣмъ желѣзная дорога сама перекачиваетъ нефть на станцію Грозный въ резервуары Владикавказской жел. дор., предназначенные для общаго пользованія. За перекачку Владикавказская жел. дор. беретъ $^1/_4$ коп. съ пуда и удерживаетъ 3% нефти на утечку; эта плата должна считаться слишкомъ высокой.

Три изъ грозненскихъ фирмъ, именно—Ахвердовск., Максимовск. и Московское о-ва, имѣютъ свои нефтепроводы до ст. Грозный.

Нефтепроводы на грозненскихъ промыслахъ устраиваются изъ желѣзныхъ, свинчивающихся трубъ діаметромъ отъ 4″ до 8″.

Имѣя достаточную добычу нефти, фирма *продаетъ* нефть какой-либо торговой фирмѣ или Владикавказской жел. дор., или керосиновому заводу, или какому-либо другому крупному потребителю. Въ Грозномъ около станціи желѣзной дороги существуетъ 4 керосиновыхъ завода, принадлежащіе: 1) Владикавказской жел. дор.; 2) о-ву Ахвердовъ и К°; 3) Д. І. Исаковичу, и 4) о-ву «Казбекскій Синдикатъ».

Иногда продается наличная нефть, но часто запродается нефть будущая на срокъ; при этомъ получается небольшой задатокъ (наприм., 2 к. на пудъ) деньгами или векселями. Иногда бываютъ очень крупныя сдѣлки; нефть запродается фирмой въ большомъ количествѣ на довольно продол-

Digitized by Google

жительный срокъ, напримѣръ, на нѣсколько лѣтъ. Были запродажи 30 и 36 мил. пуд.

Стоимость пуда нефти нефтедобывающей фирмѣ на станціи Грозный слагается изъ слѣдующихъ элементовъ: попудная плата казачьему войску (которому принадлежитъ вся площадь нефтяного мѣсторожденія) и заявителямъ или первоначальнымъ владѣльцамъ участка (которые дѣлали заявки на землѣ казачьяго войска и получили участки, а затѣмъ передали ихъ нефтедобывающей фирмѣ). Попудная плата въ совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ на общія нужды нефтепромышленности отъ $^1/_{15}$ до $^1/_{10}$; стоимость добычи пуда нефти съ распредѣленіемъ накладныхъ расходовъ и стоимость перекачки до ст. Грозный.

Для примѣра укажемъ, что у одного изъ грозненскихъ о-въ эти расходы выражаются въ слѣдующемъ:

Попудная плата казачьему войскому	$^1/_2$ коп.
» » заявителямъ въ среднемъ	$1^1/_6$ »
» » въ совѣтъ съѣзда	$^1/_{15}$ »
Перекачка нефти до жел.-дор. нефтекачки	$^1/_5$ »
» » » станціи Грозный	$^1/_4$ »
Стоимость добычи пуда нефти при достаточномъ развитіи промысла отъ $2^1/_2$ до	3 »
Итого до	5,18 коп.

Накладные расходы только тогда падаютъ на пудъ нефти въ небольшомъ количествѣ и добыча пуда будетъ $2^1/_2$ коп., когда число скважинъ доведено не менѣе, какъ до 8, при меньшемъ числѣ скважинъ добыча стоитъ выше $2^1/_2$ коп.

У нѣкоторыхъ фирмъ нефть на ст. Грозный обходится себѣ отъ 8 к. и выше на пудъ.

Изрѣдка появляющіеся фонтаны понижаютъ эту стоимость добычи и иногда даютъ хорошую прибыль даже дорогому промыслу. О-во «Ахвердовъ и К°» за послѣдніе 3 года получило около $1^1/_2$ мил. руб. чистой прибыли. Но и безъ фонтановъ эксплоатація промысла тартаніемъ при хорошемъ участкѣ, малой попудной платѣ и правильной постановкѣ работъ—есть занятіе выгодное и вѣрное.

За послѣдніе 5 лѣтъ цѣна въ Грозномъ поднималась до $15^1/_2$ коп. и не опускалась ниже 7 коп.; сейчасъ цѣна стоитъ около $15^1/_2$ коп. Есть основаніе быть убѣжденнымъ, что въ теченіе ближайшаго времени цѣна должна скорѣе возрастать, а не понижаться. У Грознаго есть свой собственный вполнѣ достаточный рынокъ; чтобы проникнуть въ этотъ рынокъ, бакинская нефть должна платить за провозъ на 3—4 коп. дороже, нежели грозненская.

При стоимости себѣ нефти на ст. Грозный въ 5 к. пудъ и при минимальной цѣнѣ нефти въ 7 коп. получается 2 коп. прибыли. Если промы-

Digitized by Google

селъ имѣетъ девять скважинъ, то можно получать въ среднемъ не менѣе 1 мил. пуд. нефти въ годъ, т.-е. прибыли 20 тыс. руб. При цѣнѣ нефти въ 10 коп., на которую смѣло можно разсчитывать, эта прибыль будетъ достигать 100 тыс. руб., изъ каковой суммы можно выдавать и достаточный дивидендъ и дѣлать затраты на дальнѣйшее развитіе промысла. Но для сего необходимо умѣлое веденіе работъ.

Итакъ, при условіяхъ грозненскаго нефтяного дѣла и при качествѣ нефтяного мѣсторожденія, эксплоатація участковъ въ Грознамъ есть дѣло надежное и доходное.

Но, къ сожалѣнію, до сего времени оно еще не получило вполнѣ нормальной постановки.

Скажу еще нѣсколько словъ *о характерѣ грозненскаго нефтяного мѣсторожденія*. Оно отличается отъ бакинскаго мѣсторожденія не только по размѣрамъ, но и по кореннымъ свойствамъ, которыя начали выясняться лишь недавно. Между тѣмъ эти свойства имѣютъ очень важное значеніе для промышленности.

Если составлять мнѣніе о Грозномъ, разсматривая въ различное время продуктивные участки, то можетъ получиться не одно мнѣніе, а нѣсколько мнѣній и притомъ самыхъ разнорѣчивыхъ.

Поэтому-то, наприм., нѣкоторыя лица говорятъ, что грозненское мѣсторожденіе очень богато, а другія говорятъ, что Грозный есть мѣсторожденіе весьма бѣдное и имѣющее малое промышленное значеніе.

Дѣйствительно, одинъ и тотъ же участокъ въ разное время обнаруживаетъ весьма различную производительность.

Если смотрѣть лишь на абсолютныя цифры добычи нефти, то покажется, что добыча нефти въ Грозномъ вообще возрастаетъ и что Грозный развивается. Внимательное же и болѣе глубокое обозрѣваніе добычи по отдѣльнымъ скважинамъ и участкамъ покажетъ, что это увеличеніе достается очень дорогой цѣной усиленія и расширенія работъ и что добыча отдѣльныхъ участковъ и отдѣльныхъ скважинъ (относительно) не возрастаетъ, а, наоборотъ, понижается.

Теперь выяснилось, что нефтяные пласты въ Грозномъ, а вмѣстѣ съ ними и участки, быстро истощаются.

Иногда бываетъ, что участокъ съ постепенно понижающейся добычей вдругъ испытываетъ возрастаніе добычи. Это обыкновенно не обозначаетъ увеличенія продуктивности пластовъ участка, а объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя углубленныя скважины достигли новыхъ, еще нетронутыхъ, нефтяныхъ пластовъ, которые и дали увеличеніе добычи. Но затѣмъ продуктивность опять начинаетъ падать.

Когда грозненское мѣсторожденіе только что подверглось разработкѣ и первыя скважины дали громадные фонтаны, то казалось, что грозненское мѣсторожденіе очень богато и неистощимо. Тартальная добыча тоже была высока. Прошло немного времени. Старые фонтаны быстро прекращались. Изъ новыхъ же скважинъ, вопреки ожиданіямъ, фонтаны получались все

Digitized by Google

рѣже и рѣже. При этомъ новые фонтаны были по величинѣ гораздо слабѣе старыхъ. Тартальная добыча и въ старыхъ, и въ новыхъ скважинахъ падала. Быстро одинъ за другимъ были выяснены 3 главныхъ нефтяныхъ пласта, залегающихъ до глубины 200 саж., причемъ оказалось, что эти пласты въ общемъ скоро истощаются. Тогда многіе стали думать, что Грозный есть мѣсторожденіе бѣдное.

Въ 1900 году былъ открытъ на глубинѣ около 200 саж. 4-й пластъ и сталъ давать довольно большіе фонтаны. Репутація грозненскаго мѣсторожденія снова немного поднялась. Но и этотъ пластъ, подобно прежнимъ, долженъ подвергнуться истощенію. Другихъ глубже лежащихъ пластовъ еще не обнаружено. Вполнѣ возможно, что подъ 4-мъ пластомъ еще будутъ найдены нефтяные пласты, но глубина ихъ является уже очень значительной и трудно доступной для эксплоатаціи.

Изъ обзора эксплоатирующихся участковъ грозненскаго района можно видѣть, какъ повышалась или понижалась ихъ продуктивность.

Одинъ изъ самыхъ главныхъ участковъ Грознаго—войсковой участокъ «Общества Ахвердовъ и К°», до 1898 года далъ большіе фонтаны (извѣстный фонтанъ изъ скважины № 7) и средняя производительность на скважину была громадная.

Въ слѣдующіе годы средняя производительность на скважину была такая:

Въ 1898 году	. . . . .	1.367,167 пуд.
» 1899 »	. . . . .	1.115,575 »
» 1900 »	. . . . .	743,811 »
» 1901 »	. . . . .	541,970 »
» 1902 »	. . . . .	224,410 »

Такое паденіе производительности очень знаменательно.

Оно обнаруживается не только въ относительной продуктивности скважинъ, но и въ абсолютныхъ цифрахъ добычи съ этого участка. Такъ:

Въ 1899 году участокъ этотъ далъ	. . . .	9.244,600 пуд.
» 1900 » » » »	. . . .	6.694,300 »
» 1901 » » » »	. . . .	5.419,700 »
» 1902 » » » »	. . . .	2.244,100 »
» 1903 » » » »	. . . .	1.054,200 »

Мамакаевскій участокъ № 975 «Общества Ахвердовъ и К°», относившійся прежде къ очень богатымъ участкамъ, имѣлъ слѣдующую добычу:

Въ 1899 г. . .	6.039,600 п.	изъ 5 скв.,	средн. на 1 скв.	1.207,920 п.
» 1900 » . .	4.376,900 »	» 10 »	» » 1 »	437,690 »
» 1901 » . .	2.276,300 »	» 10 »	» » 1 »	227,300 »
» 1902 » . .	1.439,600 »	» 12 »	» » 1 »	119,966 »
» 1903 » . .	790,900 »	» 10 »	» » 1 »	7,909 »

Производительность этого участка падала очень сильно. Въ 1904 году она продолжала понижаться.

Digitized by Google

Участокъ № 16 «Общества Шписъ», относившійся къ числу богатыхъ участковъ, поступилъ въ эксплоатацію въ 1900 г. и далъ:

Въ 1900 г. . .	5.472,000 п.	изъ 4 скв.,	средн. на 1 скв.	1.368,000 п.
» 1901 » . .	4.076,683 »	» 11 »	» » 1 »	370,607 »
» 1902 » . .	2.344,255 »	» 12 »	» » 1 »	195,355 »
» 1903 » . .	1.514,155 »	» 11 »	» » 1 »	137,650 »

Это пониженіе добычи въ высшей степени рѣзкое. Оно продолжалось и въ 1904 году.

Остальные участки также обнаруживаютъ постепенное пониженіе средней производительности скважины.

Вотъ этимъ Грозный сильно отличается отъ Баку, гдѣ продуктивность пластовъ гораздо болѣе постоянна.

Это кажущееся страннымъ явленіе объясняется самой природой грозненскаго мѣсторожденія, отличающейся отъ свойствъ бакинскаго.

Грозненскіе нефтяные пласты представляютъ собой не пески, какъ въ Баку, а песчаники. Пласты эти какъ въ Грозномъ, такъ и въ Баку, относятся къ одной геологической системѣ, но въ Баку они выразились въ видѣ песковъ, а въ Грозномъ въ видѣ песчаниковъ.

Конечно, грозненскіе песчаники прежде были тоже песками, но впослѣдствіи подверглись уплотненію. Вообще всѣ породы, слагающія грозненское мѣсторожденіе, имѣютъ нѣсколько бо́льшую плотность, нежели породы бакинскаго мѣсторожденія. Это обстоятельство объясняется близостью Грознаго къ центральному кавказскому хребту. Грозненскія породы претерпѣли гораздо большія дислокаціи и вообще динамическія воздѣйствія, нежели породы бакинскія. Это явствуетъ уже изъ самаго положенія Грознаго надъ уровнемъ моря: Грозный поднятъ гораздо выше, нежели Баку. (Устья скважинъ въ Грозномъ расположены на высотѣ 100—150 саж. надъ уровнемъ моря, а въ Баку на высотѣ, близкой къ уровню моря или на нѣсколько саженъ выше).

Это явствуетъ также изъ тектонической формы мѣсторожденія, которая въ Баку представляетъ собой антиклинальную складку съ очень слабымъ паденіемъ крыльевъ и съ постепенно закругляющимся сво́домъ, тогда какъ въ Грозномъ мѣсторожденіе имѣетъ форму антиклинальной складки, съ очень крутыми боками и острой вершиной; при этомъ сѣверное крыло складки даже имѣетъ обратное паденіе, и складка получилась опрокинутая, что говоритъ о большомъ боковомъ давленіи, идущемъ на грозненское мѣсторожденіе съ юга, т.-е. отъ центральнаго хребта.

Метаморфизація породъ въ Грозномъ зашла дальше, нежели въ Баку. Нефтяные пласты получили видъ довольно твердыхъ трещиноватыхъ песчаниковъ. Трещины въ песчаникѣ придали ему то свойство легкаго сообщенія по пласту даже на далекомъ разстояніи, котораго нѣтъ въ такой степени у бакинскихъ пластовъ.

Въ свѣжемъ пласту давленіе приблизительно вездѣ одинаково. Послѣ

Digitized by Google

фонтана или большой первоначальной добычи, когда изъ пласта вышло много газовъ, давленіе въ немъ понижается не только около буровой, но и на большомъ пространствѣ кругомъ нея. Словомъ, давленіе быстро нивеллируется на всемъ пространствѣ пласта до плоскостей значительныхъ сбросовъ и сдвиговъ, которые прерываютъ сообщеніе по пласту и служатъ какъ бы перегородками. Но такіе значительные сбросы и сдвиги попадаются довольно рѣдко и далеко одинъ отъ другого.

Все грозненское мѣсторожденіе раздѣляется сбросами и сдвигами на отдѣльныя ячейки, причемъ плоскости сбросовъ и сдвиговъ служатъ какъ бы перегородками между этими ячейками. Если нѣсколько скважинъ причинили истощеніе одной ячейкѣ, то сосѣдняя ячейка, въ которой еще не проведено ни одной скважины, можетъ оставаться нетронутой и сохранять запасы газовъ и нефти, могущіе дать фонтанъ.

Поэтому, при истощеніи цѣлыхъ районовъ грозненскаго мѣсторожденія, отдѣльные участки, лежащіе на антиклинали вдали отъ истощенныхъ районовъ и не имѣющіе скважинъ на значительное пространство кругомъ себя, еще сохраняютъ большую цѣнность, такъ какъ можетъ оказаться, что истощеніе до нихъ не дошло, будучи прегражденно плоскостями сбросовъ и сдвиговъ.

Въ Баку дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Прежде всего, дѣйствительно, бакинское мѣсторожденіе болѣе богато и болѣе насыщено нефтью.

Въ Баку, въ пескѣ, не имѣющемъ скважинъ, нефть не отличается такой подвижностью, и въ фонтаны поступаетъ нефть, находящаяся лишь недалеко отъ скважины. На далекое пространство по пласту фонтанъ оказывать сильнаго дѣйствія не можетъ. Песокъ нефтяныхъ пластовъ въ Баку имѣетъ нѣкоторую пластичность. Освободивъ изъ себя часть нефти, ушедшую въ видѣ фонтана, песокъ ставитъ препятствіе для притока черезъ него новыхъ массъ нефти. Притокъ нефти черезъ него постепенно ослабѣваетъ, и фонтанъ прекращается.

Есть еще одно важное отличіе грозненскаго мѣсторожденія отъ бакинскаго.

Въ Грозномъ извѣстно лишь около 4-хъ солидныхъ нефтяныхъ пластовъ, между тѣмъ какъ въ Баку ихъ гораздо болѣе 10-ти.

Вполнѣ возможно, что ниже этихъ извѣстныхъ грозненскихъ пластовъ найдутся еще богатые пласты, но это будетъ уже очень глубоко.

Въ Баку пласты, слагающіе мѣсторожденіе, лежатъ почти горизонтально или въ слабо наклонномъ положеніи. Очень крутыхъ пластовъ почти нѣтъ. Поэтому скважина въ Баку быстро проходитъ пласты одинъ за другимъ (почти по кратчайшему направленію), и на пространствѣ до 300 саж. встрѣчаетъ много нефтяныхъ пластовъ. Въ Грозномъ большая часть скважинъ проводится на склонахъ антиклинальной складки. Сѣверный склонъ имѣетъ очень крутое или даже вертикальное паденіе. Южный склонъ также довольно крутъ, а именно съ угломъ паденія около 30°.

Digitized by Google

При такомъ паденіи слоевъ скважина идетъ по одному пласту гораздо дольше, нежели при горизонтальномъ или слабо наклонномъ положеніи.

При особой конфигураціи тектонической формы грозненскаго мѣсторожденія, для того, чтобы пересѣчь извѣстную толщу пластовъ опредѣленной мощности, въ Грозномъ нужны болѣе глубокія скважины, нежели въ Баку, а число нефтяныхъ пластовъ, пересѣкаемыхъ въ Грозномъ глубокой скважиной, менѣе значительно, нежели въ Баку. Правда, въ Грозномъ возможная для буренія толща пластовъ еще не пересѣчена.

Вышки въ Грозномъ стоятъ по длинѣ уже почти всей возможной нефтяной площади. Нетронутыхъ широкихъ пространствъ, гдѣ еще можно ожидать фонтаны изъ первыхъ пластовъ, почти не остается. Фонтанъ «казбекск. синдиката» (участокъ № 12) соединилъ мамакаевскую (среднюю) часть площади съ ея западнымъ концомъ, а фонтанъ Д. Макъ-Гарвей отмѣтилъ западную оконечность площади. Періодъ легко получаемыхъ фонтановъ кончается. Остается собирать ту нефть, которая залегаетъ въ пластахъ уже безъ прежняго громаднаго давленія газовъ и не обнаруживаетъ прежней готовности притекать въ скважины. Предстоитъ періодъ трудныхъ, кропотливыхъ и осмотрительныхъ работъ. Вѣроятно, въ будущемъ придется пожалѣть, что такъ много газовъ выпущено на воздухъ.

Грозненское нефтяное дѣло вступило въ средній возрастъ, когда приходится жалѣть объ истраченныхъ силахъ и думать о сохраненіи имѣющихся.

Но въ настоящій моментъ передъ Грознымъ еще много впереди, и правильно поставленныя работы во многихъ мѣстахъ могутъ имѣть хорошій успѣхъ.

Послѣ перваго быстраго паденія добычи въ каждомъ свѣжемъ участкѣ устанавливается извѣстная добыча, которая понижается уже очень медленно, и эта добыча еще представляетъ для эксплоатаціи большую выгодность. Даже на участкахъ, называемыхъ теперь истощенными, при правильномъ веденіи работъ добыча въ теченіе 2—3 лѣтъ окупаетъ скважину и даетъ доходъ. Эту норму пониженной производительности и нужно принимать въ разсчетъ при составленіи смѣтъ нефтяныхъ предпріятій.

Составъ грозненскихъ нефтепромышленниковъ—довольно односторонній. Акціонеры всѣхъ грозненскихъ об-ствъ живутъ далеко отъ Грознаго—большею частью это иностранцы, москвичи, петербуржцы, ростовцы и т. д. Акціонеры не бываютъ въ Грозномъ и совсѣмъ не знаютъ своихъ дѣлъ. Мало знаютъ ихъ члены правленій об-ствъ, которыя находятся также не въ Грозномъ. Это, конечно, плохо отзывается на дѣлѣ.

Об-ствъ, состоящихъ изъ мѣстныхъ людей, въ Грозномъ нѣтъ. Первый небольшой примѣръ такого общества изъ мѣстныхъ силъ представляетъ собой недавно возникшее «Владикавказское нефтяное товарищество», но оно не имѣетъ достаточныхъ денежныхъ средствъ для надлежащаго развитія дѣла.

Грозный развивался не такъ, какъ Баку, гдѣ дѣятельность мѣстныхъ

Digitized by Google

силъ имѣла очень большое значеніе. Слѣдуетъ пожелать и Грозному усиленія мѣстнаго элемента въ нефтяныхъ предпріятіяхъ.

Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что различныя неудобства акціонерной формы предпріятій были очень вредны для Грознаго. Нефти до сего времени (за 1 января 1905 г.) было добыто въ Грозномъ уже много (около 275 м. п.), часто она продавалась по высокимъ цѣнамъ, производительность скважинъ была большая, но дивиденда грозненскія дѣла почти не выдавали. Лишь ахвердовское об-ство дало девидендъ за послѣдніе 3 года. Основные капиталы обществъ уже истрачены, и многія общества находятся въ очень затруднительномъ денежномъ положеніи, между тѣмъ какъ должно было бы быть иначе. Виной этому служатъ: малое знаніе дѣла акціонерами и членами правленій; различныя ошибки въ дѣятельности, чрезмѣрное вздутіе дѣлъ путемъ выпуска слишкомъ большого количества акцій, неоплаченныхъ деньгами (учредительскихъ и т. п.); широкое не экономное веденіе дѣла, сопряженное съ массой чрезмѣрныхъ расходовъ и т. д. Нѣкоторыя дѣла платятъ слишкомъ большую попудную плату или заплатили слишкомъ дорого за участки.

Необходимо оздоровленіе существующихъ дѣлъ, и очень желательно возникновеніе новыхъ дѣлъ съ болѣе правильной постановкой.

Положеніе рабочихъ на грозненскихъ промыслахъ, сравнительно съ другими горнопромышленными районами, недурное. Отчасти это объясняется составомъ управляющихъ промыслами, а отчасти уже упомянутымъ широкимъ веденіемъ дѣлъ. Но, конечно, это положеніе еще далеко отъ полной удовлетворительности. Тѣсноваты помѣщенія для рабочихъ, немного высоки цѣны на съѣстные припасы, чувствуется недостатокъ въ баняхъ, полное отсутствіе библіотекъ и т. д.

Какъ большой недостатокъ Грознаго слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе *больницъ* на промыслахъ. Имѣется лишь небольшая (на 25 кроватей) временная общая больница нефтепромышленниковъ въ городѣ, на разстояніи 12—18 в. отъ промысловъ; это разстояніе слѣдуетъ признать слишкомъ большимъ. Такая «временная» больница, однако, сдѣлалась какъ бы постоянной, существуетъ уже нѣсколько лѣтъ, и объ устройствѣ надлежащей больницы на промыслахъ нефтепромышленники что-то не особенно думаютъ. Это слѣдуетъ поставить имъ въ упрекъ. Постройка такой больницы обошлась бы въ 40,000 руб. и нефтепромышленники въ силахъ ихъ собрать.

Еще одинъ большой недостатокъ Грознаго есть неудовлетворительная постановка школьнаго дѣла на промыслахъ. Примитивныя маленькія школы имѣются на двухъ-трехъ промыслахъ, но онѣ не удовлетворяютъ требованіямъ. Недавно устроена техническимъ обществомъ одноклассная школа въ восточной части промысловъ. Кромѣ нея должны быть устроены нефтепромышленниками еще хотя бы двѣ школы надлежащаго характера: въ средней и западной частяхъ промышл. площади.

На промыслахъ и близко къ нимъ не имѣется источниковъ *пресной*

Digitized by Google

воды. Питьевую воду возятъ бочками изъ р. Сунжи за 12—19 в. Этотъ способъ перевозки бросается въ глаза всякому новому человѣку по своей отсталости и неудовлетворительности. Воды потребляется очень много и давно имѣетъ смыслъ проложить водопроводъ.

Вода, доставляемая изъ Сунжи, неудовлетворительна. Она очень грязна и содержитъ много сѣрно-кислыхъ солей. Но ее можно достаточно очищать отстаиваніемъ и фильтраціей, что и слѣдовало бы установить или же поискать другихъ болѣе удовлетворительныхъ источниковъ водоснабженія.

Сообщеніе между промыслами и городомъ, а также станціей желѣзной дороги совершается гужомъ. Въ виду большого количества движенія людей и грузовъ имѣетъ смыслъ проведеніе если не желѣзнодорожной вѣтви, то хотя бы коннаго трамвая, тѣмъ болѣе, что рельефъ мѣстности этому очень благопріятствуетъ.

Существующія грунтовыя *дороги* находятся въ плохомъ состояніи и почти нигдѣ не исправляются. Зимой, осенью и весной господствуетъ большая грязь, а лѣтомъ пыль. Грязью Грозный прославился далеко за его предѣлами.

Освѣщеніе на промыслахъ почти вездѣ электрическое, такъ какъ нефтяные вышки въ видахъ безопасности должны освѣщаться электричествомъ, а попутно имѣютъ электричество и для освѣщенія жилыхъ домовъ.

Въ Грозномъ на промыслахъ и на дорогахъ не рѣдки случаи *разбоевъ*, которые усиливаются обыкновенно осенью.

Въ Грозномъ существуетъ *организація нефтепромышленниковъ* въ видѣ «съѣздовъ терскихъ нефтепромышленниковъ», собирающихся разъ или два въ годъ. На этихъ съѣздахъ присутствуютъ представители нефтепромышленныхъ фирмъ, терскаго казачьяго войска (или областного правленія), кавказскаго горнаго управленія и мѣстнаго отдѣленія техническаго общества подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго г. министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Такимъ лицомъ до сего времени каждый разъ былъ окружный инженеръ мѣстнаго горнаго округа.

Съѣзды обсуждаютъ разные вопросы общаго для нефтепромышленниковъ характера, возбуждаютъ ходатайства передъ правительствомъ и избираютъ должностныхъ лицъ съѣзда, т.-е. совѣтъ съѣзда и др. Совѣтъ съѣзда есть постоянный органъ грозненскихъ нефтепромышленниковъ, завѣдующій дѣлами по общимъ нуждамъ мѣстной нефтепромышленности.

Нефтепромышленники вносятъ особый сборъ, въ видѣ платы съ пуда добываемой нефти (отъ $^1/_{50}$ до $^1/_{10}$ к. съ пуда), въ общій фондъ терскихъ нефтепромышленниковъ, изъ котораго деньги расходуются на ихъ общія нужды. Совѣтъ съѣзда содержитъ больницу, ведетъ статистику промысловаго дѣла, заботится о дорогахъ, школѣ, охранѣ населенія и т. д., содержитъ полицію и милиціонерную стражу, имѣлъ, но упразднилъ, церковный причтъ, служитъ представительскимъ органомъ грозненскихъ нефтепромышленниковъ передъ правительственными и иными учрежденія-

Digitized by Google

ми, оплачиваетъ расходы технической коммиссіи, которая занимается общими для нефтепромышленниковъ техническими вопросами и т. д.

Совѣтъ съѣзда организовалъ «общество потребителей на промыслахъ», хлопочетъ объ организаціи «общества взаимопомощи служащихъ и рабочихъ, оказывалъ матеріальную поддержку мѣстному отдѣленію техническаго общества, народнымъ чтеніямъ и т. д.

Но въ своей дѣятельности совѣтъ встрѣчалъ постоянныя *затрудненія* со стороны формальной. По несправедливости судьбы расходованіе суммъ изъ общаго фонда было поставлено въ зависимость отъ мѣстнаго областного правленія (органъ, соотвѣтствующій губернскимъ правленіямъ другихъ частей Россіи) и большая часть сношеній и ходатайствъ также должна была производиться черезъ областное правленіе, которое оказывало много затрудненій и измѣняло по своему смѣты расходовъ, составляемыя совѣтомъ съѣзда нефтепромышленниковъ; такъ, напримѣръ, оно увеличивало расходы на милицію, настаивало на производствѣ установившихся большихъ расходовъ на полицію, уменьшало ассигнованія на дороги, вычеркнуло совсѣмъ изъ смѣты школу и т. д. Ходатайства нефтепромышленниковъ, возбуждаемыя по разнымъ вопросамъ, обыкновенно оставлялись безъ удовлетворенія.

Долго старался совѣтъ съѣзда выйти изъ этого положенія и приравнять себя къ положенію бакинскихъ и другихъ съѣздовъ, дѣятельность коихъ самостоятельна, но всѣ попытки грозненскаго совѣта не имѣли успѣха, и тогда на послѣднемъ съѣздѣ было принято почти безпримѣрное въ лѣтописяхъ общественныхъ организаній рѣшеніе: совѣтъ съѣзда кончилъ жизнь самоубійствомъ, т.-е. прекратилъ свое существованіе, оставивъ на произволъ судьбы всѣ общія нужды мѣстной нефтепромышленности и промыслового населенія. При этомъ были поданы двѣ жалобы на областное правленіе въ сенатъ и коллективное ходатайство министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Послѣ отсылки соотвѣтствующей телеграммы о прекращеніи дѣятельности совѣта г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ 7-й съѣздъ грозненскихъ нефтепромышленниковъ былъ закрытъ.

Создавшееся такимъ образомъ невозможное положеніе дѣлъ должно найти выходъ, оно не можетъ продолжаться. Безусловно желательно удовлетвореніе ходатайства грозненскихъ нефтепромышленниковъ и предоставленіе имъ съѣздамъ большей самостоятельности.

И. Н. Стриковъ.

Digitized by Google

Тардъ какъ криминалистъ.

(† 12 мая 1904 г.)

I.

Французская школа криминалистовъ позитивнаго направленія, которую иногда называютъ также ліонской, характеризуется признаніемъ за соціальной средой значенія главнаго фактора преступности. Ея основатель, выдающійся ліонскій профессоръ Lacassagne, сначала одинъ изъ послѣдователей взгляда Ломброзо на преступленіе, какъ на произведеніе прирожденныхъ анатомическихъ и физіологическихъ особенностей преступника, вскорѣ, подмѣтивъ односторонность этого взгляда, противопоставилъ ему положеніе, что преступникъ приходитъ въ столкновеніе съ уголовнымъ закономъ не потому, что онъ предопредѣленъ къ тому отъ природы съ момента своего рожденія, а потому, что на путь, ведущій къ такому столкновенію, его направили соціальныя условія его жизни. Хорошо извѣстенъ афоризмъ Лакассаня, настойчиво повторяемый имъ на всѣхъ конгрессахъ уголовной антропологіи и сдѣлавшійся какъ бы паролемъ для его единомышленниковъ: «каждое общество имѣетъ тѣхъ преступниковъ, которыхъ оно заслуживаетъ». Лакассань пріобрѣлъ не мало ревностныхъ сторонниковъ своего ученія, и среди нихъ первое мѣсто, какъ самому талантливому и самому глубокому истолкователю взглядовъ ліонской школы, неоспоримо принадлежитъ скончавшемуся въ прошломъ 1904 году Габріэлю Тарду.

Послѣдователь Лакассаня, въ теченіе многихъ лѣтъ издававшій вмѣстѣ съ нимъ «Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique», Тардъ, благодаря широтѣ своего кругозора, глубинѣ и богатству мысли и необыкновенному дару увлекательнаго изложенія, уже вскорѣ послѣ появленія своихъ первыхъ работъ по криминологіи занялъ положеніе главы французской соціологической школы уголовнаго права. Нѣтъ никакой возможности отдѣлить матеріалъ, заимствованный Тардомъ у его предшественниковъ и современниковъ, отъ той массы часто парадоксальныхъ, но всегда остроумныхъ замѣчаній, сопоставленій и образовъ, которые неизмѣнно придаютъ его изложенію отпеча-

Digitized by Google

токъ своеобразности. Но есть три вопроса въ области криминальной науки, разработанные Тардомъ съ такою полнотою и самостоятельностью, что сдѣланныя имъ заключенія и положенныя въ основаніе ихъ соображенія представляютъ собою теоріи, тѣсно связанныя съ его именемъ; ихъ изложеніе вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ характеристикой Тарда какъ криминалиста. Это—ученіе о вліяніи законовъ подражанія на преступность, о профессіональномъ типѣ преступника и объ основаніяхъ вмѣняемости *).

II.

Идея огромной роли подражанія въ жизни человѣческихъ обществъ высказывалась и раньше Тарда. Уже Аристотелю принадлежитъ, вмѣстѣ съ сдѣлавшимся трюизмомъ изреченіемъ, что человѣкъ есть животное общественное, другое: человѣкъ есть самое подражательное изъ всѣхъ животныхъ. До Тарда было не мало медиковъ, которые говорили о нервной заразительности (la contagion nerveuse), и соціологовъ, которые предчувствовали значеніе подражанія въ этіологіи преступности. Но только у Тарда то, что у его предшественниковъ было какъ бы интуитивнымъ предвидѣніемъ, получило обстоятельную разработку на почвѣ фактовъ и наблюденій.

Подражаніе, думаетъ Тардъ, это есть именно то, что Лейбницъ называлъ vinculum sociale; подражаніе—это принципъ единства соціальной группы, которую можно опредѣлить, какъ собраніе существъ, подражающихъ другъ другу или похожихъ другъ на друга, какъ копіи съ одного и того же ранѣе существовавшаго образа. Соціальныя трансформаціи, думаетъ Тардъ, объясняются не капризами великихъ людей, но и не тѣми совершенно независимыми отъ отдѣльныхъ личностей процессами, предполагая которые соціологи пытаются придать общественной эволюціи біологическій или даже механическій характеръ. Онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ нарожденію значительнаго количества великихъ или мелкихъ, легко или трудно усваиваемыхъ идей, по большей части незамѣченныхъ при ихъ появленіи, въ общемъ анонимныхъ, но всегда новыхъ и потому заслуживающихъ названія изобрѣтеній или открытій. Эти идеи, внося съ собою въ міръ новыя потребности и новыя средства къ ихъ удовлетворенію, тотчасъ послѣ ихъ возникновенія начинаютъ распространяться подобно свѣтовымъ волнамъ, путемъ подражанія, вынужденнаго или добровольнаго, намѣреннаго или безсознательнаго. Подражаніе для Тарда—одна изъ формъ того универсальнаго повторенія, изслѣдованіе законовъ котораго составляетъ задачу, общую всѣмъ наукамъ; подражаніе въ соціальномъ мірѣ то же, что колебанія волнъ въ мірѣ физическомъ и наслѣдственность въ мірѣ органическомъ. Три закона подражанія Тардъ считаетъ основными: 1) вліяніе примѣра какого-либо человѣка ослабляется вмѣстѣ съ увеличеніемъ

*) Сводъ теорій Тарда въ области науки уголовнаго права представляетъ собою его „La philosophie penale“ (1-е изд. 1900 г., 4-е—1903 г.).

Digitized by Google

разстоянія, отдѣляющаго его отъ другихъ людей, причемъ разстояніе должно быть понимаемо не столько въ геометрическомъ, сколько въ психологическомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ большей или меньшей духовной близости, устанавливаемой непосредственнымъ общеніемъ, перепиской или путемъ печати; 2) примѣръ лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, обладаетъ гораздо большею степенью заразительности для лицъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, чѣмъ поступки послѣднихъ для первыхъ; 3) всякое подражаніе, прежде чѣмъ укрѣпиться въ общественномъ быту въ качествѣ обычая, проходитъ черезъ стадію моды. Второй и третій изъ этихъ законовъ Тардъ подкрѣпляетъ рядомъ интересныхъ доказательствъ изъ области криминологіи. Тардъ утверждаетъ, что тѣ преступленія, которыя, по даннымъ статистики, все болѣе и болѣе локализируются въ низшихъ слояхъ общества, позаимствованы послѣдними отъ аристократіи былого времени. Такъ, отравленіе, практикуемое теперь безграмотными невѣждами, когда-то было настоящей эпидеміею при дворѣ Людовика XIV. Политическими убійствами раньше не гнушались короли и владѣтельные князья; позднѣе они стали прибѣгать къ помощи наемныхъ убійцъ, а теперь цареубійцы и тирапоубійцы выходятъ изъ наиболѣе обездоленной и потому наиболѣе раздраженной общественной среды. Далѣе, поджогъ былъ когда-то прерогативой феодальныхъ сеньеровъ; поддѣлка монеты составляла королевскую монополію, а грабительство имѣло блестящее прошлое, наприм., въ эпоху Генриха III, когда золотая молодежь не стѣснялась пополнять свои рессурсы грабежами. Что касается преступленій противъ нравственности, то ихъ зависимость отъ распущенности, которая царитъ въ высшихъ общественныхъ кругахъ, для Тарда не подлежитъ сомнѣнію. «Мнѣ нѣтъ надобности напоминать,—пишетъ Тардъ,—что дворы монарховъ и аристократическіе салоны во всѣ эпохи ихъ процвѣтанія были школами прелюбодѣянія, разврата и моральнаго растлѣнія». Впрочемъ, распространеніе преступности отъ аристократіи къ черни относится болѣе къ прошлому, чѣмъ къ настоящему. Теперь оно уступило мѣсто аналогичному по природѣ вліянію большихъ городовъ на деревни и столицъ на провинціи. Провинція заимствуетъ у столицы ея преступленія такъ же, какъ ея политическіе и литературные вкусы, акцентъ, покрой платья и т. д. Парижскимъ преступленіямъ подражаютъ такъ же, какъ парижскимъ модамъ. Столь распространенная женская месть посредствомъ обливанія купоросомъ лица возлюбленнаго—чисто парижскаго происхожденія. Честь этого изобрѣтенія принадлежитъ вдовѣ Грасъ, которая примѣнила его въ 1875 году. Другую яркую иллюстрацію, подтверждающую заразительность столичныхъ преступленій, представляетъ собою быстрое распространеніе въ провинціи и за границей (не исключая Америки) ужасной эпидеміи убійствъ съ распарываніемъ живота по примѣру знаменитаго Джека-потрошителя, наводившаго въ 1888 году панику на лондонское населеніе. Такую же роль, какъ и столицы, играютъ большіе города вообще. Кромѣ прямого, они оказываютъ и косвенное вліяніе на распространеніе преступности въ де-

Digitized by Google

ревняхъ, и притомъ въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, служа притягательными центрами для сельскаго населенія, они увеличиваютъ число лицъ, оторванныхъ отъ почвы и родной среды и легко поддающихся нравственной заразѣ, съ другой—вызывая карикатурныя подражанія хорошему тону и образу жизни горожанъ, они насаждаютъ въ деревнѣ такія потребности, для удовлетворенія которыхъ часто честныхъ путей бываетъ недостаточно.

Подтверждая формулированный Тардомъ соціологическій законъ своего рода тяготѣнія, въ силу котораго волны подражанія скатываются съ общественныхъ вершинъ на его низины, криминологія богата доказательствами и той мысли, что каждая отрасль соціальныхъ явленій «развивается благодаря прививкѣ новыхъ отпрысковъ или черенковъ подражанія—моды», которые, прирастая, превращаются въ подражаніе — обычай. Подобно языкамъ, догматамъ, промышленнымъ и артистическимъ способностямъ, нравственныя и безнравственныя по своимъ проявленіямъ чувства, прежде чѣмъ превратиться въ наслѣдственный капиталъ, передаваемый отъ поколѣнія къ поколѣнію, сначала обнаруживаются въ качествѣ моднаго пріобрѣтенія. Африканскіе дикари съ отвращеніемъ морщились, когда впервые пробовали завезенную европейцами водку; теперь среди многихъ африканскихъ племенъ пьянство превратилось въ неисцѣлимую язву. Такимъ же путемъ въ Европѣ распространилась такая дурная привычка, какъ куреніе, занесенное изъ Америки, такой противоестественный порокъ (по нѣкоторымъ законодательствамъ уголовно-наказуемый), какъ педерастія, позаимствованная у арабовъ или грековъ, и такое нелѣпое преступленіе, какъ дуэль.

Для того чтобы въ обществѣ развилась соціальная болѣзнь, называемая преступностью того или иного рода, нужно, чтобы въ него проникъ микробъ преступленія. При этомъ непремѣнно наблюдаются два явленія. Во-первыхъ, чѣмъ болѣе цивилизованъ народъ, тѣмъ болѣе онъ подверженъ вліянію моды,—все равно, идетъ ли дѣло о модномъ фасонѣ, или о модномъ преступленіи,—и во-вторыхъ, чѣмъ отдаленнѣе тѣ «наши предки», на авторитетъ которыхъ опираются бывшіе когда-то модными и сдѣлавшіеся обычными порокъ или преступленіе, тѣмъ болѣе послѣдніе кажутся извинительными. Поэтому, осуждая полигамію магометанъ, мы мало печалимся о проституціи нашихъ большихъ городовъ; ставя въ вину дикарямъ, что они смазываютъ ядомъ свои стрѣлы, мы изощряемся въ изобрѣтеніи новыхъ пушекъ, торпедъ и другихъ средствъ разрушенія. «Прогрессу нашей военной и политической безчеловѣчности,—замѣчаетъ Тардъ,—можетъ быть противопоставлена развѣ только глубина ея безстыдства».

III.

Ученіе о профессіональномъ типѣ преступника для Тарда имѣетъ такое же значеніе, какъ для Ломброзо его попытки объяснить преступленіе атавизмомъ или эпилепсіей. Оба ставятъ себѣ задачею уяснить то общее, что

Digitized by Google

объединяетъ всѣхъ преступниковъ, несмотря на всю индивидуальность ихъ характеровъ, тѣ черты преступности, которыя такъ трудно опредѣлить, но которыя умѣетъ подмѣтить каждый опытный тюремщикъ на лицахъ арестантовъ. Тардъ не соглашается съ гипотезой Ломброзо, что преступникъ—это дикарь, запоздавшій на много вѣковъ своимъ рожденіемъ. Для того чтобы понять, почему у преступниковъ узкій лобъ и развитыя скулы, нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ атавизму и выдумывать чудесное возрожденіе одного изъ нашихъ доисторическихъ предковъ, отдѣленныхъ отъ насъ долгимъ процессомъ наслоенія и скрещиванія расъ. Узость лба объясняется убогостью ума, а развитость скулъ—активностью характера. Очень естественно, что кадры убійцъ формируются изъ лицъ, отмѣченныхъ этими чертами. Распространенный въ мірѣ преступниковъ обычай татуировки также нисколько не сближаетъ ихъ съ дикарями: у дикарей странныя, но выразительныя, всегда открытыя арабески, имѣющія цѣлью внушать страхъ женщинамъ и врагамъ и изображающія или принадлежность вооруженія или предметъ религіознаго почитанія; у преступниковъ же татуировка представляетъ собою обыкновенно грязную порнографію, которую приходится скрывать подъ платьемъ. Но и другая гипотеза Ломброзо, согласно которой каждое преступленіе есть результатъ эпилептическаго припадка, не удовлетворяетъ Тарда: можетъ быть, Ломброзо и правъ, если подъ эпилепсіей разумѣть всякій періодически повторяющійся неврозъ, но въ такомъ случаѣ эпилепсія ничего не объясняетъ, такъ какъ подобные неврозы сопровождаются не только преступными побужденіями, но и благородными порывами; если же имѣть въ виду эпилепсію въ собственномъ смыслѣ, то самъ Ломброзо могъ констатировать ее въ итальянскихъ тюрьмахъ только въ пяти случаяхъ изъ ста.

Между преступниками, думаетъ Тардъ, существуетъ не патологическое и не физіологическое родство, а соціальное, точнѣе профессіональное: ихъ объединяетъ въ одну группу та внутренняя связь, которая наблюдается у людей, посвящающихъ себя одному и тому же ремеслу или ремеслу одного и того же рода. Эта гипотеза объясняетъ не только физіологическія и психологическія, но даже и анатомическія особенности типа преступника. Въ концѣ-концовъ въ каждой профессіи преобладаютъ лица, которыя по своимъ склонностямъ и способностямъ наиболѣе ей соотвѣтствуютъ. Ремесло убійства или воровства такъ же, какъ искусство артиста и трудъ ученаго, предполагаютъ настоящее призваніе, которое опытный глазъ всегда можетъ болѣе или менѣе легко распознать не столько, впрочемъ, по анатомическимъ, сколько по физіологическимъ признакамъ, не столько по чертамъ лица и по фигурѣ, сколько по физіономіи и походкѣ. Не глазъ, а взглядъ, не ротъ, а улыбка дѣлаютъ «mauvaise mine» преступника. Это объясняется тѣмъ, что подъ вліяніемъ воспитанія и условій жизни измѣняются прежде всего выраженіе лица и манеры, и въ свою очередь это указываетъ на преобладаніе въ образованіи типа преступника соціальныхъ факторовъ.

Digitized by Google

Для того чтобы сдѣлаться преступникомъ, такъ же, какъ для того, чтобы научиться ремеслу, нужно пройти подготовительную школу. Какъ у всякаго ремесла, такъ и у ремесла воровъ, поджигателей и т. д. есть свой спеціальный языкъ, argot. Наконецъ, подобно ремесленникамъ, преступники нерѣдко вступаютъ въ ассоціаціи другъ съ другомъ или временныя, какими были Жакеримъ и Якобинскіе клубы во Франціи, или постоянныя, существующія по традиціи, какъ Каморра и Маффія въ Италіи. Это возведеніе преступленія на степень ремесла,—прибавляетъ Тардъ,—вовсе не слишкомъ большая честь для него, если вспомнить, что на-ряду съ мелкой преступнической индустріей существуетъ крупная, скрывающаяся подъ формой милитаризма, деспотизма и финансовыхъ мѣропріятій.

IV.

Что касается ученія Тарда о вмѣняемости, то оно сводится къ слѣдующимъ основаніямъ. Здравому человѣческому смыслу представляется аксіомой, что послѣдствія за совершонныя дѣянія долженъ нести тотъ, кто былъ его причиной, и что одно лицо не должно подвергаться отвѣтственности вмѣсто другого. Эта аксіома, несмотря на свою элементарную простоту, освободилась отъ толстой коры вѣковыхъ предразсудковъ далеко не сразу. Въ эпоху племенной жизни считалось правомѣрнымъ и нравственнымъ наказывать одну семью вмѣсто другой, лишь бы обѣ эти семьи принадлежали къ одному и тому же клану; позднѣе, въ періоды политическихъ смутъ, правительство безъ колебаній карало членовъ одной и той же семьи другъ за друга; наконецъ, постепенно окрѣпло убѣжденіе, что нельзя наказывать одного индивидуума вмѣсто другого, одну душу вмѣсто другой, и слѣдовательно одно *я* не отвѣчаетъ за другое *я* того же человѣка. Отсюда первое и основное условіе вмѣняемости — тождественность того *я*, на счетъ котораго должно быть отнесено преступное дѣяніе, и *я*, которое составляетъ постоянную сущность человѣка, какъ нѣчто длящееся, какъ связная совокупность состояній сознанія и полусознанія. Тождество *я* нарушается какъ въ случаяхъ душевнаго разстройства или искусственно вызваннаго (при гипнотизмѣ) раздвоенія личности, такъ и въ случаяхъ нравственнаго просвѣтлѣнія и обновленія, когда прежній, уже отжившій порочный человѣкъ уступаетъ мѣсто новому, возродившемуся къ новой жизни. Вторымъ условіемъ вмѣняемости Тардъ считаетъ сходство преступника съ тою общественною средою, интересы которой имъ нарушены. Это сходство должно заключаться не въ чертахъ лица, не въ цвѣтѣ кожи, не въ физической организаціи человѣка, а въ тѣхъ общихъ наклонностяхъ, которыя создаются путемъ заразительной подражательности, въ томъ подчиненіи господствующимъ обычаямъ, традиціямъ, религіознымъ вѣрованіямъ, предразсудкамъ, авторитетамъ, которое основывается на однообразномъ вибрированіи людей, сплотившихся въ общество. Подобно тому, какъ первое условіе вмѣняемости—тождество личности—Тардъ выводитъ изъ

Digitized by Google

здраваго смысла, такъ для обоснованія второго, соціальнаго сходства, онъ апеллируетъ къ здоровому нравственному чувству; послѣднее, по его словамъ, возмущается лишь преступленіями лицъ, имѣющихъ достаточное количество общихъ намъ чертъ соціальнаго, т.-е. подражательнаго происхожденія. «Убійство европейца, совершонное дикаремъ вновь открытаго острова,—говоритъ Тардъ,—никогда не заставитъ насъ испытать того чувства моральнаго негодованія и благородной ненависти (vertueuse haine), которое вызываетъ въ насъ такое же злодѣяніе, если оно учинено европейцемъ по отношенію къ другому европейцу». А такъ какъ юридическая отвѣтственность, по Тарду, заслуживаетъ этого имени только тогда, если она въ то же время является моральною отвѣтственностью, которая предполагаетъ извѣстное эмоціональное отношеніе суда и общества къ преступнику, то отсюда и вытекаетъ требованіе similitude sociale, какъ второго conditio sine qua non вмѣняемости.

Такова въ высшей степени оригинальная теорія Тарда. Къ ней примѣнима та же оцѣнка, которою одинъ изъ почитателей Тарда (профессоръ Бертранъ) заканчиваетъ свое обозрѣніе его капитальнаго труда «Les lois de l'imitation»: психологъ подражанія не подражалъ никому. Но въ то же время именно эта теорія болѣе всего нуждается въ тщательной провѣркѣ ея. Если трудно что-либо возразить противъ ученія Тарда о профессіональномъ преступникѣ, если противъ его теоріи подражанія можно замѣтить только, что ею слишкомъ преувеличена роль подражанія въ общественной жизни и что тамъ, гдѣ Тардъ усматриваетъ подражаніе, часто слѣдуетъ видѣть лишь примѣръ приспособленія различныхъ обществъ или индивидуумовъ къ аналогическимъ обстоятельствамъ *), то, напротивъ, его конструкція вмѣняемости можетъ вызвать цѣлый рядъ возраженій.

Прежде всего того тождества личности, котораго требуетъ Тардъ, какъ условія вмѣняемости, вообще не существуетъ. Съ минуты на минуту психическіе элементы человѣка модифицируются, подвергаясь всевозможнымъ вліяніямъ; его сознаніе, отъ рожденія до смерти, описываетъ кривую, сначала развиваясь и дифференцируясь, а потомъ, по мѣрѣ приближенія къ старости, распадаясь и теряя одну за другою свои функціи **). Чтобы найти опору для своей идеи реальнаго тождества личности, Тардъ настаиваетъ, что въ сознаніи человѣка главенство принадлежитъ постоянно одно-

*) См. М. Ковалевскій. „Теорія заимствованія Тарда", докладъ парижскому соціологическому конгрессу въ іюлѣ 1903 г. Неправильно, однако, утверждать, какъ это дѣлаетъ г-жа Вроблевская въ статьѣ „Die gegenwärtige sociologische Bevegung im Frankreich" (Arch. für Gesch. der Philosophie), будто Тардъ не признаетъ, кромѣ подражанія, никакихъ другихъ общественныхъ факторовъ и совершенно игнорируетъ матеріальныя (въ томъ числѣ экономическія) основы общественныхъ явленій. Что касается преступности, то Тардъ посвящаетъ нѣсколько §§ вопросамъ о вліяніи на природу и родъ преступности причинъ физическихъ, физіологическихъ и *экономическихъ*.

**) Гефдингъ. „Очерки психологіи", 1898 г., стр. 73 и сл.

Digitized by Google

му центральному элементу, который, при всѣхъ измѣненіяхъ, остается однимъ и тѣмъ же, и состояніе котораго образуютъ нормальную личность и что этотъ-то центральный элементъ и образуетъ *я* человѣка. Тардъ пишетъ: «*я* играетъ для сознанія такую же роль, какъ правительство для націи; правительство это—дирижеръ, который руководитъ и вноситъ порядокъ; будучи блюстителемъ передаваемаго отъ поколѣнія къ поколѣнію наслѣдія учрежденій и принциповъ, силъ и знаній, накопленныхъ его предшественниками, оно утилизируетъ и умножаетъ этотъ запасъ своими декретами и инструкціями, своими ежедневными сознательными и произвольными актами, которые съ теченіемъ времени превращаются въ постоянно крѣпнущую административную привычку». Спрашивается, можно ли допустить, чтобы *я* имѣло въ индивидуумѣ такое же самостоятельное существованіе, какое имѣетъ по отношенію къ націи правительство въ качествѣ дирижирующаго персонажа. Мы можемъ себѣ представить исчезновеніе всего хора, кромѣ его дирижера, но совершенно нельзя понять такого исчезновенія индивидуума, при которомъ бы его *я* осталось неприкосновеннымъ *). Наше *я* имѣетъ слишкомъ мало устойчивости и единства. Говорить о тождествѣ *я* можно только переходя въ область метафизики и опредѣляя его, вслѣдъ за Кантомъ, какъ «трансцендентальное единство апперцепціи», но, какъ явленіе эмпирическое, съ которымъ только и можетъ оперировать *наука* права, наше *я*, или что то же, наша духовная индивидуальность, представляя собою не что иное, какъ организованный синтезъ всего духовнаго личнаго матеріала, непрерывно развивается и видоизмѣняется вмѣстѣ съ умноженіемъ или растратою духовнаго богатства личности. Въ концѣ-концовъ Тардъ, какъ бы предвидя возможныя возраженія, замѣчаетъ: «identité, après tout, signifie toujours changement, mais changement négligeable». Однако, эта оговорка колеблетъ еще болѣе теорію Тарда. Если даже предположить, что предѣлъ измѣненія личности, допустимаго для признанія подсудимаго вмѣняемымъ, можетъ быть въ точной формулѣ указанъ закономъ, то и тогда остается неразрѣшеннымъ вопросъ, какъ in concreto узнать, насколько преступникъ, нарушивъ требованіе закона, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушилъ требованія своего собственнаго *я*, другими словами, насколько въ преступленіи сказалось нарушеніе тождества личности преступника. За разрѣшеніе такой задачи не взялся бы ни одинъ врачъ и ни одинъ психологъ.

Но оставляя въ сторонѣ несоотвѣтствіе доктрины Тарда состоянію современной психологіи, къ ней можно подойти и съ другой стороны.

Наказаніе, примѣняемое къ преступнику, есть явленіе общественное, а потому и наказаніе и преступникъ, поскольку дѣло идетъ о примѣненіи къ нему наказанія, должны быть обсуждаемы прежде всего съ общественной точки зрѣнія; между тѣмъ съ общественной точки зрѣнія личность каждаго человѣка представляетъ собою то же, что атомъ съ физической

*) Hamon. Déterminisme et responsabilité. Paris, 1898 г., стр. 223.

Digitized by Google

точки зрѣнія: она является недѣлимой единицей, индивидомъ; личность одного и того же человѣка, въ качествѣ соціальной монады, не можетъ быть раздробляема на нормальную и ненормальную, на личность прошлаго и личность настоящаго—все это одна и та же личность съ различными сторонами и въ различныхъ стадіяхъ ея существованія. Если въ области психіатріи и позволительно говорить о раздвоеніи личности, то во всякомъ случаѣ съ соціальной точки зрѣнія личность недѣлима такъ же, какъ и человѣкъ, и аксіома «кійждо за свой грѣхъ да умретъ», какъ аксіома строго соціальная, должна быть понимаема въ томъ именно смыслѣ, что одинъ человѣкъ не отвѣчаетъ за другого человѣка, а не въ томъ, что нормальная сторона личности не отвѣчаетъ за больную, или что личность настоящаго не отвѣчаетъ за личность прошлаго того же человѣка.

Однако нельзя отрицать, что въ теоріи Тарда есть ядро истины, но то, что въ ней есть истиннаго, уже давно нашло себѣ признаніе въ уголовномъ правѣ, въ примѣненіи не къ вопросу о вмѣняемости, а къ вопросу о давности. Въ основѣ института давности именно лежитъ утвержденіе, что нельзя наказывать человѣка за поступки, совершонные имъ въ прошломъ, когда онъ иначе думалъ и иначе чувствовалъ, но въ наукѣ уголовнаго права это утвержденіе мотивируется не нравственной аксіомой, на которую опирается Тардъ, а утилитарнымъ соображеніемъ о совершенной безцѣльности привлеченія къ отвѣтственности участковаго пристава за революціонную пропаганду, которой онъ занимался когда-то, или почтеннаго отца семейства за грѣхи его молодости *). Вмѣстѣ съ тѣмъ уголовное право не заключаетъ въ себѣ требованія, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда со времени совершенія преступленія прошелъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, судомъ было точно констатировано, какого рода и насколько значительная произошла перемѣна въ убѣжденіяхъ и настроеніяхъ подсудимаго; такое требованіе возложило бы на судъ совершенно неразрѣшимую задачу, такъ какъ не существуетъ такихъ мѣръ и вѣсовъ, которыми можно было бы опредѣлить, насколько человѣкъ пересталъ быть тождественнымъ самому себѣ; поэтому уголовный законъ довольствуется грубымъ критеріемъ опредѣленной цифры лѣтъ **).

Посмотримъ теперь, насколько для признанія субъекта вмѣняемымъ является необходимою наличность въ немъ того «соціальнаго сходства», безъ которой, по убѣжденію Тарда, объ отвѣтственности вообще не можетъ быть рѣчи. Человѣкъ, который, рѣзко расходясь съ обществомъ въ пониманіи добра и зла, стремится къ позорнымъ съ общей точки зрѣнія цѣлямъ и для осуществленія ихъ не останавливается передъ столь же позорными средствами, такой человѣкъ — «чудовище, болѣе ненавистное, чѣмъ отвѣтственное, подлежащее скорѣе элиминированію, чѣмъ наказанію» (стр. 110). Только тотъ можетъ подлежать наказанію, кто, вдыхая въ себя

*) *Таганцевъ*: „Русское уголовное право“, 1902 г., стр. 1423.

**) *Закревскій*: „Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы“, 1893 г., стр. 207.

Digitized by Google

съ рожденія насыщенный общими взглядами воздухъ соціальной среды, привыкъ самъ считать достойными осужденія поступки, подобные тому, въ которомъ его обвиняютъ. Такое единодушіе во взглядахъ преступника и общества составляетъ, по наблюденію Тарда, явленіе почти постоянное. Тарду должно было такъ казаться, потому что если бы онъ допустилъ, что общность нравственныхъ понятій у преступника и остальныхъ членовъ общества составляетъ не правило, а исключеніе, то онъ долженъ былъ бы считать исключеніемъ и случаи вмѣняемости. И однако это наблюденіе Тарда противорѣчитъ не менѣе авторитетному наблюденію великаго сердцевѣда и знатока жизни. Замѣтивъ, что, по широко распространенному убѣжденію, воръ, убійца, шпіонъ, проститутка должны признавать свою профессію дурною, стыдиться ея, Л. Н. Толстой («Воскресеніе») утверждаетъ, что на самомъ дѣлѣ бываетъ совершенно обратное: воры хвастаются своею ловкостью, проститутки—своимъ развратомъ, убійцы—своею жестокостью. «Люди,—пишетъ Толстой,—судьбою и своими грѣхами-ошибками поставленные въ извѣстное положеніе, какъ бы оно ни было неправильно, составляютъ себѣ такой взглядъ на жизнь вообще, при которомъ ихъ положеніе представляется имъ хорошимъ и уважительнымъ».

Но опираясь на сомнительныя и непровѣренныя наблюденія, взглядъ Тарда вызываетъ возраженія и по существу. Обращаясь къ его оцѣнкѣ, нельзя прежде всего не замѣтить, что къ нему близко подходитъ ученіе о вмѣняемости корифея современныхъ криминалистовъ — профессора Листа, въ томъ видѣ, въ какомъ это ученіе было формулировано имъ въ его хорошо извѣстной спеціалистамъ мюнхенской рѣчи. Опредѣляя вмѣняемость, какъ способность къ нормальной опредѣляемости мотивами, Листъ полагаетъ, что вмѣняемымъ долженъ быть признаваемъ тотъ, кто въ своемъ поведеніи руководится общими религіозными, нравственными, правовыми представленіями или даже просто доводами житейскаго благоразумія *). Послѣдовательно развивая это ученіе, Листъ нашелъ возможнымъ признать невмѣняемыми всѣхъ неисправимыхъ преступниковъ, такъ какъ послѣдніе оттого и недоступны исправленію, что въ нихъ глубоко укоренились извращенныя нравственныя и правовыя понятія, рѣзко отличныя отъ тѣхъ, которыя господствуютъ въ обществѣ. Къ такому выводу долженъ былъ бы придти и Тардъ. Но соединять въ одну группу подъ именемъ лицъ невмѣняемыхъ и клептомана и душевно-здороваго вора-рецидивиста—это значитъ въ корнѣ подрывать все ученіе о вмѣняемости: не можетъ быть никакого сомнѣнія, что такимъ соединеніемъ дискредитировалась бы самая угроза наказаніемъ, между тѣмъ какъ задача ученія о вмѣняемости заключается именно въ рѣшеніи вопроса, какія группы лицъ могутъ быть изъяты отъ наказанія безъ ущерба для авторитета уголовнаго закона **). Но это не единственное возраженіе, которое вызывается теоріею Тарда. Только тотъ,

*) Родственность своей теоріи съ теоріею Тарда отмѣчаетъ и самъ Листъ, „Lehrbuch des Deutschen Strafrechts", 1900 г., стр. 141.

**) *Мокринскій*: „Наказаніе, его цѣли и предположенія", стр. 105.

Digitized by Google

по ученію Тарда, можетъ быть отвѣтственнымъ, кто связанъ съ обществомъ, интересы котораго онъ нарушаетъ, солидарностью въ сферѣ идей, вѣрованій и убѣжденій.—«Крестьянинъ,—справедливо замѣчаетъ русскій критикъ теоріи Тарда, И. Н. Закревскій,—можетъ не чувствовать никакой связи съ помѣщичьей средой, а помѣщикъ, стремящійся пересѣчь, при содѣйствіи начальства, сосѣднихъ крестьянъ, чтобы понудить ихъ къ даровой въ его пользу повинности, можетъ не чувствовать никакой солидарности съ крестьянскимъ сословіемъ. Что же изъ всего этого выходитъ? Развѣ они по этой причинѣ невмѣняемы?»

Выставляя требованіе similitude sociale, какъ условія вмѣняемости, Тардъ принужденъ былъ сдѣлать натяжку въ рѣшеніи вопроса о вмѣняемости лицъ нравственно-помѣшанныхъ отъ рожденія (la folie morale innée). Такія лица въ теченіе всей своей жизни остаются съ однимъ и тѣмъ же духовнымъ обликомъ; они, какъ выражается Тардъ, sont trop les mêmes toujours; у нихъ несомнѣнно есть налицо первое условіе отвѣтственности: тождественность *я*; однако у нихъ нѣтъ сходства съ общественною средою; они неспособны сострадать печалямъ другихъ, уважать права другихъ, любить красоту нравственныхъ обязанностей и горечь жертвъ, но... Тардъ просто-напросто отказывается вѣрить, чтобы такіе люди существовали; какъ бы то ни было, заявляетъ онъ, они достаточно похожи на насъ, чтобы ихъ нужно было исключить изъ общества съ соблюденіемъ всѣхъ юридическихъ церемоній. Такое заключеніе и неожиданно и, конечно, не убѣдительно.

Какъ мы видѣли, мотивируя свое ученіе о соціальномъ сходствѣ, какъ условіи вмѣняемости, Тардъ ссылается на голосъ здороваго нравственнаго чувства, но едва ли съ достаточнымъ основаніемъ. Для непосредственнаго чувства справедливости «соціальное сходство» представляется скорѣе обстоятельствомъ уменьшающимъ, чѣмъ увеличивающимъ вину. Въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли было бы строго отнестись къ человѣку, который есть плоть отъ плоти общества, кость отъ костей его и который слѣдовательно имѣетъ право сказать осуждающимъ его: «врачу, исцѣлися самъ»? Какое общество съ большею справедливостью могло бы осудить героя «Крейцеровой сонаты», преступленіе котораго (по идеѣ Толстого, по крайней мѣрѣ) было плодомъ отношеній къ женщинѣ, какъ къ среднему члену формулы «Wein, Weib und Gesang»—то ли, въ которомъ живы архаическіе взгляды на женщину, или наоборотъ то, въ которомъ женщина не разсматривается, какъ принадлежность комфорта, но наравнѣ съ мужчиной признана способною откликаться на многогранные интересы жизни? Кажется, на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ, и онъ не за теорію Тарда: только тотъ можетъ произнести надъ преступникомъ суровый нравственный приговоръ (который, по взгляду Тарда, долженъ лежать въ основѣ его юридическаго осужденія), кто неповиненъ въ нравственномъ соучастіи въ его преступленіи.

Digitized by Google

V.

Съ немепьшей оригинальностью, чѣмъ вопросъ о преступникѣ и преступленіи, излагаетъ Тардъ свое ученіе о наказаніи.

Здѣсь особенно интересны тѣ страницы, въ которыхъ Тардъ выясняетъ историческій параллелизмъ въ развитіи представленій о наградѣ, съ одной стороны, и о наказаніи—съ другой. Необходимость извѣстной связи между этими представленіями вытекаетъ уже изъ того, что наказаніе есть не что иное, какъ «награда навыворотъ» («le prix au rebours»): въ то время, какъ награда представляетъ собою воздаяніе благомъ за оказанную услугу, наказаніе является отнятіемъ извѣстнаго блага за совершонное преступленіе. Отсюда понятно, что наиболѣе суровымъ наказаніемъ всегда считается то, которое отнимаетъ у преступника самое цѣнное для него благо. Поэтому въ тѣ эпохи, когда религія составляла ядро народной жизни и когда расположеніе боговъ считалось наибольшимъ благомъ, самымъ жестокимъ наказаніемъ было отторженіе отъ общенія съ божествомъ. Даже Драконъ, самъ Драконъ, не могъ придумать для убійцы болѣе суроваго наказанія, чѣмъ лишеніе права посѣщать храмы и прикасаться къ освященнымъ сосудамъ. Точно также въ тѣ эпохи, когда на первомъ планѣ, какъ summum bonum, ставилась честь,—наиболѣе употребительными наградами были знаки почета и наиболѣе употребительными наказаніями—знаки опозоренія; такъ, наприм., у вестготовъ, у которыхъ длинные волосы составляли символъ благороднаго происхожденія, остриженіе считалось строгимъ наказаніемъ; далѣе, въ тѣ времена, когда заслуга одного лица возвеличивала весь тотъ родъ, къ которому лицо это принадлежало въ качествѣ члена, преступленіе, совершонное членомъ рода, влекло тяжелыя послѣдствія для всего рода; напротивъ, въ настоящее время принципу оцѣнки людей по ихъ личнымъ достоинствамъ (а не по заслугамъ предковъ) соотвѣтствуетъ принципъ индивидуализаціи наказаній. До сихъ поръ соображенія Тарда неоспоримы. Напротивъ, его дальнѣйшія сопоставленія болѣе любопытны, чѣмъ вѣрны.

Въ исторіи эволюціи воззрѣній, опредѣляющихъ масштабъ вознагражденія за услугу и наказанія за преступленіе, по мнѣнію Тарда, слѣдуетъ различать три періода. Въ первый періодъ масштабомъ вознагражденія за услугу считалась высота общественнаго положенія и степень состоятельности того лица, которому услуга оказывалась; соотвѣтственно этому и наказаніе опредѣлялось не по тяжести преступленія, а по достоинству лица потерпѣвшаго. Эту параллель Тардъ поясняетъ примѣрами: благодарность grandseigneur'овъ феодальной эпохи за заслуги ихъ вѣрныхъ вассаловъ проявлялась въ тѣхъ задушевныхъ пріемахъ, которые первые дѣлали вторымъ. Эти пріемы были великолѣпны и пышны, если феодалъ былъ такъ богатъ, какъ бургонскій герцогъ; они были просты и скромны, если феодалъ былъ не болѣе, какъ воюющій gentilhomme. Какъ бы ни были велики услуги, оказанныя вассаломъ его сюзерену, онъ (вассалъ)

Digitized by Google

во всякомъ случаѣ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ пріемомъ, который могъ ему оказать сюзеренъ сообразно степени своей состоятельности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и наказаніе было тѣмъ болѣе жестоко, чѣмъ было выше происхожденіе потерпѣвшаго и почетнѣе его положеніе; на этомъ основаніи различались три рода юстиціи: высшая, средняя и низшая. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ начинаютъ расшатываться устои среднихъ вѣковъ, создается иной масштабъ оцѣнки услугъ; онѣ оплачиваются уже не банкетами, пышными пріемами или празднествами, а деньгами, причемъ самые размѣры вознагражденія за однѣ и тѣ же услуги пріобрѣтаютъ все большее географическое однообразіе; въ параллель съ этимъ явленіемъ все болѣе и болѣе расширяются территоріальные предѣлы однообразнаго примѣненія наказаній.

Характеристичная черта второго періода заключается въ тенденціи на все смотрѣть съ холоднымъ разсчетомъ, безъ благодарности и негодованія, какъ на услугу, такъ и на преступленіе. Какъ услуга, такъ и преступленіе абстрагируются въ этомъ періодѣ отъ ихъ авторовъ, и ученые увлекаются идеей отыскать геометрически точныя условія эквивалентности услугъ и цѣнъ, преступленій и наказаній. Это—золотой вѣкъ политической экономіи въ томъ видѣ, какъ ее создалъ Адамъ Смитъ; это—золотой вѣкъ уголовнаго права à la façon de Beccaria. Подобно тому, какъ классическіе экономисты формулируютъ непоколебимые законы, опредѣляющіе для каждаго момента стоимость (ce que vaut) продуктовъ, ихъ справедливую цѣну,—подобно имъ классическіе криминалисты всячески стараются опредѣлить степень важности (ce que vaut) преступленій, справедливое за нихъ наказаніе. Экономическій прогрессъ, думали тогда, долженъ былъ проявиться въ пониженіи цѣнъ на продукты; уголовный прогрессъ долженъ былъ сказаться въ постепенномъ смягченіи наказаній. Въ уголовномъ правѣ и въ политической экономіи пользовалась признаніемъ одна и та же аксіома: каждому воздастся по дѣламъ его.

Въ настоящее время намѣтилась уже новая, третья фаза. Эта фаза въ уголовномъ правѣ характеризуется тѣмъ, что за преступленіемъ стараются разглядѣть преступника. Прежнее положеніе замѣнилось новымъ: каждому воздастся по степени испорченности его. Судьи прилагаютъ всѣ свои усилія для того, чтобы таксу наказаній сообразовать со степенью развращенности каждаго обвиненнаго. Аналогичныя измѣненія можно отмѣтить и въ области экономическихъ воззрѣній. При оцѣнкѣ предметовъ теперь въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, принимается во вниманіе степень обнаруженнаго мастеромъ или авторомъ таланта. Принципъ: «à chacun selon ses talents» все больше и больше вытѣсняетъ взглядъ на трудъ, какъ на сущность цѣнности вещей (entité des anciens économistes). На-ряду съ этимъ все чаще и чаще высказывается мысль, что основаніемъ для распредѣленія продуктовъ должны служить потребности людей («à chacun selon ses besoins»), т.-е. опять-таки на первый планъ, какъ и въ новыхъ доктринахъ уголовнаго права, ставятся дѣятели, а не дѣянія. Очень мо-

Digitized by Google

жетъ быть, думаетъ Тардъ, что если осуществится когда-нибудь идеалъ коммунистовъ, согласно которому частныя сдѣлки не будутъ заключаться совсѣмъ и вознагражденіе за услуги сдѣлается институтомъ публичнаго права, то найдется не мало теоретиковъ, которые пропорціональность вознагражденія и услуги назовутъ ретроградною и мистическою идеей, подобно тому, какъ теперь сторонники новаго направленія въ уголовномъ правѣ называютъ лишенною смысла идею пропорціональности наказанія и преступленія. Въ принципѣ «каждому по таланту его» и «каждому по его потребностямъ», по мнѣнію Тарда, проглядываетъ та же самая идея цѣлесообразности, которая такъ горячо отстаивается въ области криминальныхъ ученій Листомъ и его школой. Вознаграждать по способностямъ и по потребностямъ, значитъ вознаграждать каждаго члена общества въ той мѣрѣ, въ какой это нужно, чтобы, удовлетворяя свои нужды и широко развивая проявленныя имъ способности, онъ могъ бы приносить возможно больше пользы обществу.

Какъ ни остроумны эти сопоставленія Тарда, ихъ искусственность не трудно подмѣтить. Такъ, ясно, что говоря о первомъ періодѣ, Тардъ употребляетъ слово prix въ смыслѣ «награда»: сюзерены не покупали у вассаловъ ихъ услугъ, но награждали за нихъ; напротивъ, изображая второй и третій періоды, Тардъ придаетъ слову prix значеніе покупной «цѣны». Такой подмѣнъ понятій былъ бы допустимъ, если бы въ исторіи ихъ развитія понятіе цѣны вытѣснило понятіе награды, но на самомъ дѣлѣ эти два понятія и теперь продолжаютъ существовать рядомъ другъ съ другомъ. Награда есть выраженіе чувства благодарности; на ея размѣры, теперь, какъ и всегда, вліяетъ степень состоятельности лица, которому услуга оказана; напротивъ, цѣна есть результатъ простого разсчета и, какъ въ періодъ классической экономіи, такъ и теперь, зависитъ главнымъ образомъ отъ того закона спроса и предложенія, который Тардъ пренебрежительно называетъ простымъ кумиромъ экономистовъ-догматиковъ *). Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не указать, что даваемая Тардомъ характеристика третьей, современной намъ фазы эволюціи представленій о вознагражденіи за услугу совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ нашу эпоху массоваго и притомъ машиннаго производства таланты и способности производителей естественно отступаютъ на задній планъ; вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно игнорируется принципъ индивидуализаціи вознагражденія въ зависимости отъ потребностей производителей: покупатель не заплатитъ за вещь дороже отъ того, что у сдѣлавшаго ее продавца большая семья, точно такъ же, какъ и предприниматель при заключеніи договора о личномъ наймѣ не позаботится узнать, не обремененъ ли нанимаемый имъ рабочій обязанностями, требующими отъ него усиленныхъ расходовъ.

*) Законы подражанія, 1892 года, стр. 327.

Digitized by Google

VI.

Въ заключеніе этого очерка я остановлюсь на тѣхъ страницахъ «Уголовной философіи» Тарда, которыя онъ посвящаетъ вопросу о движущей силѣ, опредѣляющей трансформаціи уголовнаго права. Высказанныя имъ здѣсь соображенія интересны, поскольку ими опредѣляется направленіе Тарда въ области общаго ученія о правѣ. Тардъ, противникъ реалистическаго направленія. «Ошибочно думать,—пишетъ онъ,—будто природа актовъ, почитаемыхъ полезными или вредными, и ихъ градація опредѣляется природой и относительной интенсивностью потребностей каждой эпохи». «Доминирующимъ фактомъ исторіи,—продолжаетъ онъ нѣсколько ниже,—мнѣ представляется подчиненіе человѣческаго поведенія человѣческой мысли». Такимъ образомъ, идея—вотъ основной факторъ правообразованія, по убѣжденію Тарда. Въ примѣненіи къ уголовному праву эта точка зрѣнія приводитъ его къ утвержденію, въ качествѣ общаго начала, что въ каждую фазу общественной эволюціи наиболѣе преступнымъ представляется такое дѣйствіе, которое наиболѣе противорѣчитъ господствующему догмату. Въ подтвержденіе своей мысли Тардъ ссылается между прочимъ на примѣръ отношенія уголовнаго законодательства къ вопросу о коалиціяхъ: въ XV вѣкѣ онѣ считались уголовнымъ преступленіемъ; въ нашъ вѣкъ демократическихъ убѣжденій онѣ сдѣлались правомъ, почти обязанностью. Однако, какъ разъ этотъ примѣръ выбранъ Тардомъ совсѣмъ неудачно. Менѣе всего онъ годится для доказательства господства идей въ исторіи права. Тардъ забылъ (на самомъ дѣлѣ онъ, конечно, не могъ этого забыть), что коалиціи считались во Франціи преступленіемъ не только въ XV вѣкѣ (такъ далеко Тарду не нужно было отсылать своихъ читателей), но и въ теченіе большей части XIX вѣка; отмѣна закона о наказуемости коалицій рабочихъ состоялась только въ 1864 г. Напротивъ, въ 1791 году, т.-е. какъ разъ тогда, когда слова «свобода, равенство и братство» были у всѣхъ на языкѣ, національное собраніе, которому выпала счастливая доля работать подъ созвѣздіемъ этихъ трехъ самыхъ свѣтлыхъ догматовъ изъ всѣхъ, которые когда-либо увлекали человѣчество, наложило руку на свободу частныхъ союзовъ и обществъ и, воспретивъ рабочимъ и ремесленникамъ образовывать коалиціи, надолго закрѣпило то рабство трудящагося класса, о которомъ говорилъ самъ докладчикъ закона противъ коалицій—Шапелье.

Такимъ образомъ, великіе догматы должны были отступить передъ напоромъ могущественныхъ соціальныхъ силъ, которыя въ эпоху великой революціи воплощались буржуазіею. Какъ разъ исторія законодательства о рабочихъ коалиціяхъ, наперекоръ Тарду, могла бы послужить иллюстраціею для развитія взгляда на право, не какъ на систему опредѣленій, постоянно отражающихъ въ себѣ идейные запросы времени, а какъ на результатъ распредѣленія силъ между соперничающими сторонами *). Разу-

*) Merkel, „Recht und Macht“ въ Jahrbuch für Gesetzgeb., Verw. und Volkswirtsch. V Jarg.

Digitized by Google

мѣется, такою концепціею права *не непремѣнно отрицается значеніе для него идейнаго момента* *); ею лишь утверждается, что, какъ показываетъ опытъ исторіи, въ классовомъ обществѣ правовыя идеи, противорѣчащія интересамъ «хозяевъ исторической сцены» и потому для послѣднихъ психологически недоступныя **), тщетно стучатся въ двери правовой дѣйствительности до тѣхъ поръ, пока онѣ не имѣютъ за собою силы, достаточной для воздѣйствія на охранителей установившагося порядка.

Н. Полянскій.

---

*) П. И. Новгородцевъ справедливо отмѣчаетъ, что и Меркель не отвергалъ роли идеальныхъ стремленій въ исторіи права. („Историческая школа юристовъ", стр. 208).

**) О необходимости опредѣленныхъ психологическихъ предпосылокъ, вырабатываемыхъ всѣми условіями жизни, для воспріятія извѣстныхъ соціальныхъ идей, см. прекрасныя страницы (35-я и сл.) въ книгѣ Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи".

Digitized by Google

„Гигіена души“ и бюрократія.

Caveant cives.

Не бойтесь убивающихъ тѣло,
душу же не могущихъ убить.

Чѣмъ болѣе серьезный вопросъ рѣшается въ жизни, тѣмъ обыкновенно больше силъ мобилизуется. Серьезность же переживаемаго въ настоящее время нашей родиной момента достигла, кажется, кульминаціоннаго пункта и требуетъ для своего разрѣшенія напряженія всѣхъ силъ.

На теперешнее положеніе нашей жизни, на рѣшаемые въ наши дни вопросы жизни сынамъ отечества необходимо приходится смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія общегражданской и съ точки зрѣнія профессіонально-гражданской. Хотя эта послѣдняя точка зрѣнія и значительно уже первой, но можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ ней. Поэтому-то и имѣютъ такое значеніе мнѣнія и резолюціи, высказываемыя профессіональными союзами, съѣздами, научными обществами и т. д.

Настоящій очеркъ приводитъ нѣсколько иллюстрацій изъ области психопатологическаго въ современной русской жизни. Весьма возможно, что это обстоятельство вызоветъ у многихъ усмѣшку и даже досаду: развѣ можно разбирать текущія русскія дѣла съ точки зрѣнія психіатріи? Если психіатры и пытаются создать психопатологическій методъ литературной критики, то вѣдь настоящее положеніе не литература, а жизнь! Ни о какомъ разборѣ современнаго нашего устройства съ психіатрической точки зрѣнія, конечно, не можетъ быть и рѣчи; но, съ другой стороны, можно показать, что «*Неустройство*» *) это достигло теперь такихъ предѣловъ, что серьезно грозитъ душевному здоровью русскихъ гражданъ; можно привести много примѣровъ душевныхъ заболѣваній, въ широкомъ смыслѣ слова, происшедшихъ и происходящихъ *благодаря и вслѣдствіе* «бюрократической» политики. А разъ можно показать, что бюрократія не только мѣшаетъ бороться съ душевными болѣзнями,—это очень легко доказать,—но

*) Тамъ, гдѣ не указано, кому принадлежитъ курсивъ, послѣдній принадлежитъ намъ.

Digitized by Google

и способствуетъ ихъ возникновенію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже почти въ полномъ смыслѣ слова производитъ ихъ, то какой же нуженъ еще аргументъ для возможно скорѣйшаго прекращенія ея безсмысленнаго существованія: душевное здоровье есть такое же высшее благо, какъ и жизнь, а бюрократія покушается на это благо и отнимаетъ его.

I.

Свобода совѣсти!.. Вотъ ужъ дѣйствительно «сколько въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось...» Но насъ интересуетъ сейчасъ собственно сторона психіатрическая этой борьбы бюрократіи съ совѣстью русскаго народа. Чтобы познакомиться съ этой стороной борьбы, надо заглянуть только въ «*Инквизицію православной русской церкви*»,—подъ такимъ заглавіемъ былъ сдѣланъ нѣмецкій переводъ книги А. С. Пругавина: «Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ». Монастырскія тюрьмы—это, въ полномъ смыслѣ слова, издѣвательство сильнаго надъ слабымъ.

На стр. 19 и 20 А. С. Пругавинъ говоритъ о содержащихся въ суздальской тюрьмѣ (описаніе касается 1902 г.) послѣдователяхъ сектъ еноховцевъ: «Двое изъ еноховцевъ ведутъ себя очень буйно, называютъ архимандрита монастыря «антихристомъ», не исполняютъ требованій караульныхъ, а потому ихъ держатъ постоянно, и день и ночь, взаперти подъ замкомъ и никуда не выпускаютъ изъ камеры. Судя по всему, эти еноховцы *несомнѣнно психически больные люди*. Нерѣдко по ночамъ они подходятъ къ окнамъ и начинаютъ издавать громкіе, отчаянные крики и вопли, при чемъ можно бываетъ разобрать лишь отдѣльныя слова и фразы, вродѣ: «Христосъ воскресе!», «Антихристъ пришелъ!», «Іерусалимъ спустился на землю!», «Святая Троица» и т. д.»

«Вообще процентъ психическихъ заболѣваній среди монастырскихъ узниковъ огромный. Если бы психіатры получили возможность изслѣдовать душевное состояніе лицъ, просидѣвшихъ въ монастырскихъ тюрьмахъ 10, 15, 20 лѣтъ», а А. С. Пругавинъ приводитъ въ своей книгѣ примѣры «сидѣнія» по 20, 30, 40, 50, 60 и даже 65 лѣтъ», то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что среди этихъ несчастныхъ они нашли бы *очень немного лицъ психически здоровыхъ*».

«При этомъ необходимо имѣть въ виду, что какъ въ прежнее время, такъ отчасти и теперь, въ монастырскія тюрьмы *часто и охотно* ссылаются именно такія лица, психическая дѣятельность которыхъ болѣе или менѣе нарушена и разстроена». «Конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что условія монастырскаго заключенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны благопріятными для такого рода больныхъ».

На стр. 54 упомянутый авторъ говоритъ: «Но особенно тяжело было положеніе въ монастырскихъ тюрьмахъ людей, страдающихъ душевнымъ разстройствомъ. Между тѣмъ больныхъ этого рода, особенно въ прежнія времена, въ нашихъ монастыряхъ было очень много». «Крайне тягостныя

Digitized by Google

условія одиночнаго заключенія въ монастырскихъ тюрьмахъ не могли, конечно, не вызывать разстройства душевной дѣятельности и *у вполнѣ здоровыхъ* лицъ, попадавшихъ въ эти тюрьмы и просидѣвшихъ въ нихъ долгіе годы...» «Извѣстенъ случай, когда заключенному въ монастырской тюрьмѣ воспрещено было на первыхъ порахъ имѣть даже евангеліе и псалтирь», какъ будто нарочно для того, чтобы дѣйствительно человѣкъ, какъ говорится, съ тоски удавился. «И этотъ случай имѣлъ мѣсто не сто и не двѣсти лѣтъ тому назадъ, а всего лишь только *годъ-два тому назадъ*» (стр. 66).

Далѣе А. С. Пругавинъ приводитъ нѣсколько случаевъ, которые ему извѣстны. «Люди, имѣвшіе случай бесѣдовать съ Лаврентьевымъ (одинъ изъ заключенныхъ въ Соловецкой тюрьмѣ), увѣряли насъ, что двадцатилѣтнее тюремное заключеніе оставило глубокіе слѣды въ его душевномъ строѣ, въ конецъ разстроивъ его психику. По увѣренію этихъ лицъ, въ настоящее время Лаврентьевъ представляетъ изъ себя жалкаго полупомѣшаннаго человѣка (стр. 89 и 90).

Священникъ Золотницкій просидѣлъ въ Суздальской крѣпости около 32 лѣтъ (съ 1865 — 1897 г.). «Понятно,—говоритъ авторъ,—что столь долгое одиночное заключеніе не могло не отразиться на немъ самымъ печальнымъ образомъ: онъ заболѣлъ психическимъ разстройствомъ, которое съ годами подъ вліяніемъ тюремной обстановки росло все болѣе и болѣе, и когда, наконецъ, его отпустили изъ тюрьмы, по ходатайству родственниковъ на ихъ поруки, то это былъ уже жалкій, безнадежно больной человѣкъ, не отдающій себѣ отчета въ томъ, что происходитъ съ нимъ и вокругъ него» (стр. 119). Золотницкаго всетаки выпустили, но предварительно довели до душевной болѣзни!

На стр. 122 А. С. Пругавинъ упоминаетъ о еще «сейчасъ (книга издана въ 1905 г.) томящихся въ Суздальской тюрьмѣ четырехъ крестьянахъ Саратовской губерніи, заточенныхъ въ эту тюрьму за распространеніе секты еноховцевъ. «Вотъ уже болѣе 10 лѣтъ сидятъ эти люди въ строгомъ одиночномъ заключеніи. Двое изъ нихъ не вынесли столь продолжительнаго заключенія и сошли съ ума. Однако и это обстоятельство не вызвало улучшенія въ ихъ положеніи, *напротивъ*, оно скорѣе содѣйствовало еще большему отягощенію ихъ и безъ того въ высшей степени печальнаго положенія. Вслѣдствіе припадковъ буйнаго помѣшательства, которымъ они иногда подвергаются, ихъ теперь и день и ночь держатъ взаперти, не выпуская даже въ корридоръ и на крохотный тюремный дворъ для прогулки, чѣмъ обыкновенно пользуются всѣ остальные арестанты монастырской тюрьмы... Неужели,—прибавляетъ авторъ,—наконецъ, хотя сумасшествіе не избавитъ этихъ несчастныхъ отъ дальнѣйшаго тюремнаго заключенія?».. Надо полагать, прибавимъ мы, что администрація ждетъ того момента, когда и другіе два еноховца заболѣютъ душевной болѣзнью.

Ознакомившись съ книгой А. С. Пругавина, приходится прійти невольно къ тому заключенію, что монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектант-

Digitized by Google

ствомъ, благодаря стараніямъ русской бюрократіи, какъ свѣтской, такъ и духовной, превратились въ какія-то казенныя (страшно сказать!) фабрики душевнобольныхъ людей!

* * *

Отъ монастырской тюрьмы перейдемъ къ простой *тюрьмѣ;* посмотримъ, что дѣлается тамъ, какъ она вліяетъ на человѣка, который случайно попалъ въ нее.

Позвольте мнѣ сдѣлать маленькую выписку изъ одной исторіи болѣзни въ статьѣ пр.-доц. С. А. Суханова и д-ра С. П. Петрова во 2-й книгѣ «Журнала Невропатологіи и Психіатріи имени С. С. Корсакова» за 1905 г.

Дѣло идетъ о больномъ, который хотя и имѣлъ нѣкоторую нездоровую наслѣдственность, но до 1897 г. былъ физически и душевно здоровъ и во всякомъ случаѣ ни одинъ психіатръ, хотя бы и самый знаменитый, не могъ бы утверждать, что этотъ человѣкъ по всей вѣроятности заболѣетъ душевно. Переходимъ къ выпискѣ: «Во время студенчества, въ 1897 г., больной былъ арестованъ по обвиненію въ политическомъ преступленіи и въ теченіе 6 недѣль находился въ одиночномъ заключеніи. *Въ тюрьмѣ развилась душевная болѣзнь:* были тогда *слуховыя галлюцинаціи, бредъ преслѣдованія и попытка на самоубійство* *). Освобожденъ вслѣдствіе того, что былъ признанъ душевнобольнымъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (6—8) послѣ этого больной страдалъ безсонницей, былъ очень раздражителенъ, замѣчалась подозрительность къ окружающимъ, нѣкоторыхъ знакомыхъ считалъ за шпіоновъ. Въ 1900 г., окончивъ высшее учебное заведеніе, много работалъ при неблагопріятныхъ условіяхъ; такъ продолжалось до 15 февраля 1903 г. (за этотъ же періодъ, именно въ 1901 г. больной перенесъ малярію, которая съ небольшими перерывами продолжалась долго и сильно ослабила больного). Въ 1903 г. (15 февраля) больной былъ снова арестованъ по обвиненію въ политическомъ преступленіи, *содержался въ одиночномъ заключеніи. Черезъ мѣсяцъ послѣ заключенія появились признаки душевной болѣзни:* больной при свиданіи съ женой *жаловался на сильную тоску и галлюцинаціи* **). Въ концѣ марта больного начали мучить сильныя сердцебіенія, появилась сильная слабость, 9-го апрѣля была попытка на самоубійство. Врачи, признавъ его душевнобольнымъ, считали дальнѣйшее пребываніе его въ тюрьмѣ опаснымъ для здоровья; *но тюремная администрація, соглашаясь съ мнѣніемъ тюремнаго врача, признала больного симулянтомъ, и оставила въ тюрьмѣ.* На слѣдующій день, 12 апрѣля, больной былъ найденъ въ состояніи, близкомъ къ смерти: онъ потерялъ много крови, такъ какъ *перекусилъ себѣ объ лучевыя артеріи* ***). *Только послѣ этого* больной былъ помѣщенъ въ мѣстную психіатрическую больницу». Конечно, утверждать, что въ данномъ случаѣ душевная болѣзнь

*) Курсивъ оригинала.
**) Курсивъ оригинала.
***) Курсивъ оригинала.

Digitized by Google

развилась исключительно вслѣдствіе тюремнаго заключенія, нельзя, но и отрицать этого также нельзя; вліяніе же тюремнаго заключенія на развитіе душевной болѣзни болѣе, чѣмъ очевидно. Характерно въ этомъ случаѣ и дѣйствіе нашей администраціи: она вѣрна себѣ во всемъ, всегда и вездѣ. Цитированный случай настолько характеренъ, что дальнѣйшіе комментаріи къ нему являются излишними.

Въ газетѣ «Право» за 1903 г. Ник—нскій въ статьѣ «Къ вопросу объ *одиночномъ заключеніи*» описываетъ свои наблюденія и впечатлѣнія, вынесенныя изъ знакомства съ петербургской одиночной тюрьмой, такъ назыв. «Крестъ». Это «образцовое учрежденіе» находится въ непосредственномъ завѣдываніи главнаго тюремнаго управленія и, по словамъ автора, «составляетъ гордость нашего тюремнаго міра». Резюмируя же свое знакомство съ этой «гордостью», онъ приходитъ къ тому заключенію, что с.-петербургская одиночная тюрьма, которая «съ удовольствіемъ раскрывается передъ любопытнымъ взоромъ различныхъ знатныхъ иностранцевъ», не приноситъ заключенному «ничего, кромѣ физическаго и *моральнаго вреда*».

* * *

Еще нѣсколько примѣровъ изъ области соотношенія между психіатріей и нашей *судебной практикой*.

Въ 1904 г. началъ выходить «Научный архивъ виленской окружной лѣчебницы» для душевнобольныхъ. Въ этомъ архивѣ помѣщено нѣсколько наблюденій изъ практики лѣчебницы, которыя также показываютъ, что между душевной болѣзнью и общимъ строемъ жизни имѣется связь и, что всего любопытнѣе, возможно, что человѣкъ, считающійся душевнобольнымъ въ одной странѣ, пользовался бы и оффиціальнымъ и, можетъ быть, дѣйствительнымъ здоровьемъ въ другой *).

Д-ръ И. М. Райхеръ въ своей статьѣ: «Къ патологіи религіознаго фанатизма», помѣщенной въ упомянутомъ архивѣ, передаетъ слѣдующій случай.

Въ лѣчебницу былъ помѣщенъ для производства экспертизы преступникъ крестьянинъ А. Р., 29 лѣтъ, оказавшійся вполнѣ здоровымъ человѣкомъ; все «преступленіе» его заключалось въ томъ, что онъ, родившись православнымъ, почувствовалъ влеченіе къ католичеству и, не скрывая этого влеченія ни отъ православнаго священника, ни отъ полиціи, открыто проповѣдывалъ о преимуществахъ католичества. Ну а мы теперь отлично понимаемъ, что значитъ не скрывать своихъ убѣжденій ни отъ православнаго священника, ни отъ полиціи! Какъ и слѣдовало ожидать, за такой легкомысленный поступокъ его постигла очень продолжительная бюрократическая кара съ разнообразными треволненіями до зако-

*) Замѣчаніе г. И. въ его статьѣ „Литературные отголоски". *Русск. Вѣд.* 1904 г.

Digitized by Google

вываніе въ кандалы и помѣщеніе въ «сумасшедшій домъ» включительно. По заключенію эксперта, «религіозныя заблужденія» появились у испытуемаго «въ сферѣ его чувствъ, а не мыслей», преступленію его «*много способствовали преслѣдованія со стороны администраціи*», наконецъ, онъ «совершилъ свое преступленіе безъ яснаго пониманія и разумѣнія соціальнаго значенія послѣдняго». Въ результатѣ же получается то, что А. Р. исчезъ изъ среды полноправныхъ русскихъ гражданъ, или какъ безотвѣтственный больной, или какъ подлежащій отвѣтственности преступникъ, благодаря стараніямъ православнаго священника и полиціи.

Другой случай изъ того же архива. Испытуемый—еврей совершилъ слѣдующее «преступленіе»; ему было чрезвычайно трудно выхлопотать себѣ законный паспортъ вслѣдствіе различныхъ притѣсненій администраціи; поэтому онъ жилъ по чужому паспорту, не переставая въ то же время именоваться своимъ собственнымъ именемъ. Испытуемый не въ состояніи понять, въ чемъ его преступленіе, и по всему вѣроятію, по справедливому замѣчанію г. И., «вмѣстѣ съ нимъ не могли бы понять этого французъ, нѣмецъ, англичанинъ». И преступленіе «этнографическое» и самая болѣзнь «географическая». И такихъ бюрократически-психіатрическихъ примѣровъ въ «Научномъ Архивѣ» приводится нѣсколько.

* * *

Переходимъ къ дальнѣйшей хроникѣ жизни. *Тѣлесныя наказанія*..... О томъ, какъ вліяютъ тѣлесныя наказанія не только на физическое состояніе здоровья наказуемаго, но и на его психику, распространяться не стоитъ. Достаточно упомянуть только о томъ, что часто ради избѣжанія тѣлеснаго наказанія, или съ цѣлью мести послѣ такового, наказуемые совершаютъ другія, иногда очень тяжелыя преступленія, до убійства включительно.

Врачи Д. Н. Жбанковъ и В. И. Яковенко въ своей книгѣ: «Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время» (1899 г.) сообщаютъ о 13 случаяхъ самоубійствъ, которыя имъ удалось собрать, совершонныхъ подъ вліяніемъ тѣлесныхъ наказаній. Тѣ же авторы упоминаютъ объ извѣстныхъ, опять-таки только имъ, 17 случаяхъ психическаго разстройства подъ вліяніемъ страха передъ экзекуціей или вслѣдъ за ней. Здѣсь не безынтересно упомянуть, что въ 8 случаяхъ тѣлесному наказанію были подвергнуты люди душевнобольные. Несомнѣнно также вліяніе тѣлесныхъ наказаній на половую сферу въ смыслѣ извращенія полового чувства у наказуемыхъ. Все это касается вреда, приносимаго психикѣ, замѣтьте: только психикѣ и только наказуемыхъ.

Для того, чтобы представить себѣ вредное вліяніе тѣлесныхъ наказаній на психическое здоровье наказывающихъ, свидѣтелей и всего общества, стоитъ вспомнить описанія Достоевскаго, Чехова, Мамина-Сибиряка, сахалинскаго врача Лобаса и мног. друг. На Стокгольмскомъ международ-

Digitized by Google

номъ конгрессѣ криминалистовъ (авг. 1878 г.) была высказана мысль, что тѣлесныя наказанія унижаютъ и развращаютъ заключенныхъ и *еще болѣе* чиновниковъ, которые примѣняютъ ихъ. Въ 1897 г. въ *Русской Мысли* Семевскій говорилъ: «нужно поспѣшить съ отмѣной розги уже изъ опасенія ея развращающаго вліянія на тѣхъ представителей дворянскаго сословія, которымъ дано право разрѣшать ея примѣненіе».

Ходатайства, петиціи общественныхъ учрежденій, съѣздовъ, ученыхъ обществъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній были, наконецъ, услышаны, и 11-го августа 1904 года Высочайшей властью царство розги въ Россіи было отмѣнено. О томъ, сколько народу выпорывала бюрократія, можно судить по слѣдующимъ офиціальнымъ даннымъ, относящимся къ 1896 году: *въ одномъ только* этомъ году, притомъ *только* въ 19 *губерніяхъ* Европейской Россіи было приведено *въ исполненіе 2.414 приговоровъ* къ тѣлесному наказанію, всѣхъ же приговоровъ было *6.257*. Стало быть, можно сказать, что въ 1896 г. (а чѣмъ этотъ годъ отличался отъ другихъ?!) въ 19 губерніяхъ Европейской Россіи *ежедневно драли не менѣе 6 человѣкъ!* (Губерніи: Вологодская, Новгородская, Пермская, Тверская, Пензенская, Олонецкая, Смоленская, Черниговская, Екатеринославская, Казанская, Нижегородская, Вятская, Саратовская, Костромская, Воронежская, Уфимская, Полтавская, Курская, Таврическая). Если *въ одной земской Россіи* приговариваемые къ тѣлесному наказанію и наказуемые до августа 1904 г. составляютъ тысячи, то число ежедневно производимыхъ тѣлесныхъ наказаній придется измѣрять десятками! Если это дѣйствительно такъ, а это дѣйствительно такъ, то можно представить себѣ, какой патологическій экспериментъ и въ какомъ грандіозномъ масштабѣ производился надъ психикой русскихъ обывателей. Печальнѣе же всего то обстоятельство, что *русская бюрократія послѣ отмѣны Высочайшей властью тѣлесныхъ наказаній не драла не болѣе 10 мѣсяцевъ*, такъ какъ въ засѣданіи особаго присутствія харьковской судебной палаты 30-го іюня 1905 г. въ гор. Сѣвскѣ свидѣтельскими показаніями и показаніями одного изъ потерпѣвшихъ несомнѣнно устанавливается, что *по приказанію высшаго начальства*, пріѣхавшаго въ дер. Клинцы, были выпороты Иванъ Шишковъ и Егоръ Тарасковъ, при чемъ послѣдній получилъ 25 ударовъ розгами, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо за подписью прис. повѣр. Евгенія Раппа, Ѳедора Плевако, помощн. прис. повѣр. Орлова, Э. Дубосарскаго и К. Минятова, которое было помѣщено въ іюлѣ с. г. въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и изъ котораго сдѣлана приведенная только что выписка. Какъ передаетъ *Русь*, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ отъ цѣлаго ряда донесеній крестьянскихъ обществъ, а также отдѣльныхъ лицъ поступаютъ сообщенія о томъ, что въ деревняхъ продолжаетъ примѣняться тѣлесное наказаніе какъ по суду, такъ и въ административномъ порядкѣ, въ противность Всемилостивѣйшему манифесту 11-го августа 1904 г.

* * *

Digitized by Google

Если тѣлесныя наказанія производятъ, какъ мы уже знаемъ, губительное дѣйствіе на психику наказывающихъ, свидѣтелей и всего общества, то какъ великъ долженъ быть вредъ, когда тѣлесное наказаніе доведено до nec plus ultra, какъ вредно должна вліять на психику населенія *смертная казнь*, это отвратительнѣйшее убійство, притомъ совершаемое государствомъ.

За послѣднее время можно отмѣтить систематическое прогрессированіе смертныхъ приговоровъ по дѣламъ о такъ называемомъ «вооруженномъ сопротивленіи властямъ». Невольно является сомнѣніе, неужели дѣйствительно необходимо это систематическое проведеніе въ жизнь извѣстной статьи, кажется ст. 18, Полож. объ усиленной охранѣ, предоставляющей возможность по усмотрѣнію одного лица рѣшать вопросъ о жизни и смерти. Неужели надъ несчастной русской жизнью надо еще повѣсить Дамокловъ мечъ смертной казни?!

О томъ, какъ вліяетъ смертная казнь на человѣка, лучше всего можно видѣть изъ доклада проф. психіатріи И. А. Сикорскаго: «О впечатлѣніяхъ человѣка при видѣ смертной казни», сдѣланнаго на V съѣздѣ русской группы международнаго союза криминалистовъ 4 января 1905 г. въ Кіевѣ и затѣмъ напечатаннаго въ журналѣ *Вопросы нервно-психической медицины* за 1905 г. Изъ этой работы проф. Сикорскаго ясно видно, какое развращающее, губительное вліяніе на психику человѣка производитъ смертная казнь, это культурное переживаніе. Любопытенъ примѣръ, приводимый проф. Сикорскимъ, примѣръ изъ очень недавняго прошлаго, какъ присутствующія по обязанности при совершеніи смертной казни лица тяготились своимъ положеніемъ и стыдились своего позорнаго поступка. Даже палачъ, много разъ казнившій другихъ, на этотъ разъ до того плохо и неудачно исполнялъ свою роль, что вызвалъ даже со стороны одного изъ казненныхъ восклицаніе: «Ну, что-жъ, вы, начальство, человѣка вѣдь вы вѣшаете, а не собаку!»

Позволяемъ себѣ также процитировать слова прис. повѣр. М. С. Моргуліесъ, по отчету о съѣздѣ, напечатанномъ въ газетѣ *Право* № 5 с. г., произнесенныя имъ послѣ доклада проф. Сикорскаго: «О смертной казни, какъ о наказаніи, не можетъ быть двухъ мнѣній. Но у насъ смертная казнь примѣняется къ тѣмъ, кого казнящіе считаютъ тяжкими преступниками, а мы и весь народъ героями и мучениками за правду и благо народное. Мы должны потребовать совершеннаго уничтоженія смертной казни». Интересна и резолюція съѣзда, принятая единогласно: «Смертная казнь, сохранившаяся въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ только за нѣкоторыя, такъ называемыя, политическія преступленія, а на практикѣ примѣняемая и во многихъ другихъ случаяхъ, должна быть безусловно исключена изъ нашихъ уголовныхъ кодексовъ: такъ какъ *нѣтъ такихъ интересовъ или соображеній государственнаго характера*, которыя могли

Digitized by Google

бы оправдать ея примѣненіе» *). Къ этому добавлять намъ больше ничего не остается.

* * *

Если смертная казнь является для человѣческой психики трагедіей, то во всякомъ случаѣ сильную драму, а можетъ быть и трагедію, долженъ пережить человѣкъ, рѣшающій самъ покончить съ собой. За послѣднее время явленіе *самоубійства* окрасилось такими тонами, которые не могутъ быть пройдены молчаніемъ въ настоящемъ очеркѣ.

Въ октябрѣ 1904 г. въ Петербургѣ покончилъ съ собой заключенный въ тюрьму по политическому дѣлу студентъ Малышевъ,—такъ по крайней мѣрѣ, было сообщено въ газетахъ.

На-дняхъ проскользнула въ повседневной прессѣ замѣтка, что во время послѣднихъ безпорядковъ, кажется, въ Одессѣ, одинъ изъ участниковъ послѣднихъ, будучи захваченъ и посаженъ въ тюрьму, удавился тамъ пояснымъ шнуркомъ.

Хотя слѣдующій случай и не можетъ быть отнесенъ къ самоубійству въ собственномъ смыслѣ слова, но мы позволяемъ себѣ помѣстить его потому, что по своимъ мотивамъ, приведшимъ къ печальной развязкѣ, онъ близокъ къ тѣмъ, которые интересуютъ насъ въ данную минуту.

4 января 1905 г. въ петербургскомъ народномъ домѣ, какъ объ этомъ сообщали *Русскія Вѣдомости*, во время вечерняго представленія упалъ внизъ прилично одѣтый молодой человѣкъ. Какъ выяснилось, онъ спасался отъ преслѣдованія полиціи, да, такъ и сказано: «спасаясь отъ преслѣдованія полиціи». Какъ учитъ жизнь, у насъ, въ Россіи полиція пользуется такой репутаціей, что преслѣдуемые ею испытываютъ всѣ средства, лишь бы не попасть ей въ руки; такъ, въ нашемъ случаѣ человѣкъ, видя, что всѣ ходы къ бѣгству у него отрѣзаны, предпочелъ броситься внизъ головой. Репортерская замѣтка, сообщающая объ этомъ случаѣ, кончается лаконической фразой: «его подняли мертвымъ».

Также характеренъ слѣдующій фактъ, сообщаемый газетой *Ognivo*. Въ Сѣдлецѣ 28 октября 1900 г. было похищено изъ аптеки Сковронскаго 72 р. 16 к. Подозрѣніе пало на служащаго Леона Садовскаго. Онъ былъ арестованъ. Во время допроса, какъ установлено свидѣтельскими показаніями, его жестоко били. Били его за то, что онъ не хотѣлъ сознаться въ инкриминируемомъ ему преступленіи. Наконецъ, подъ вліяніемъ, повидимому, непрекращающихся побоевъ, онъ принялъ на себя вину и просилъ его отвести на дворъ дома, гдѣ находится аптека. Тамъ Садовскій бросился въ ретирадную яму съ намѣреніемъ утопиться; его спасли, привели

*) 2-й съѣздъ отечественныхъ психіатровъ, собравшійся въ началѣ сентября с. г. въ томъ же Кіевѣ, принялъ единогласно между прочимъ слѣдующую резолюцію: „Признавая актомъ *величайшаго позора* для человѣчества смертную казнь, 2-й съѣздъ отечественныхъ психіатровъ выражаетъ свое негодованіе и протестъ противъ примѣненія ея въ Россіи".

Digitized by Google

въ участокъ, въ дежурную комнату и... «опять оттуда послышались удары и пронзительные крики». На другой же день вечеромъ Садовскій снова просилъ его отвести въ аптеку для дачи подробныхъ показаній. Будучи приведенъ въ аптеку, онъ вырвался отъ стражниковъ, убѣжалъ въ подвалъ, гдѣ его нашли отравившимся сѣрною кислотой. Передъ смертью Садовскій разсказалъ больнымъ, больничнымъ служителямъ и священнику, что его страшно истязали, что зная, что черезъ минуту ему придется предстать предъ лицомъ Бога, онъ говоритъ правду и совершенно невиновенъ въ приписываемомъ ему преступленіи. Судебно-медицинская экспертиза констатировала на тѣлѣ умершаго слѣды сильныхъ побоевъ.

А сколько экзекуцій и мордобитій производится въ застѣнкахъ, теперь уже ни для кого не секретъ! Достаточно вспомнить экзекуцію д-ра Забусова, произведенную генералъ-майоромъ Ковалевымъ и мног. друг.

* * *

Еще болѣе любопытны многочисленные случаи *самоубійствъ среди дѣтей*.

Позвольте мнѣ сначала привести примѣръ, если можно такъ выразиться, «нормальнаго» самоубійства въ юношескомъ возрастѣ.

По сообщенію *Новаго Времени* 9 мая 1903 г., въ Твери, на Волгѣ, былъ найденъ трупъ воспитанницы женской учительской школы Евгеніи Миротворцевой, бросившейся 27 апрѣля съ желѣзно-дорожнаго моста. Въ послѣднемъ ея письмѣ, посланномъ въ день смерти начальницѣ школы, читаемъ: «Я рѣшилась безповоротно умереть, потерявъ вѣру въ людей и въ себя, не видя цѣли въ жизни и не считая себя способной принести кому-либо существенную пользу»; въ карманѣ ея платья была найдена записка, въ которой она говоритъ, что къ самоубійству прибѣгаютъ не только психическіе больные. Все это ужасно, но все это, что называется, еще въ порядкѣ вещей,—къ сожалѣнію, конечно.

Г. И. Россолимо сдѣлалъ въ 1903 г. докладъ въ засѣданіи Московскаго педагогическаго общества на тему «Къ вопросу о душевныхъ катастрофахъ въ юношескомъ возрастѣ». Въ этомъ докладѣ Г. И. Россолимо развиваетъ ту мысль, что въ періодъ полового созрѣванія юноша переживаетъ рѣзкія колебанія въ настроеніяхъ; въ противоположность дѣтской жизнерадостности юношескій возрастъ носитъ отпечатокъ меланхоліи, которая (чаще у дѣвушекъ) окрашиваетъ иногда все міровоззрѣніе; при этомъ наблюдается утрата вѣры въ себя, склонность къ иллюзіямъ, состояніе тоскливости, подчасъ съ физическими ощущеніями въ груди. При нормальномъ развитіи подростка вышеуказанныя явленія бываютъ временными и спустя года два-три исчезаютъ. Интеллектуальная сторона психической дѣятельности захватываетъ все существо юноши и заглушаетъ въ немъ остроту влеченій. Но иногда слишкомъ бурное развитіе вышеука-

Digitized by Google

занныхъ влеченій при недостаточномъ запасѣ силъ въ организмѣ влечетъ за собою уже болѣзненныя явленія. Такъ тоскливость (особенно у дѣвушекъ) часто достигаетъ до такой степени, что приводитъ къ самоубійству.

Какъ видимъ, въ приведенномъ случаѣ жизнь шла параллельно съ научнымъ наблюденіемъ.

Въ началѣ 1904 г. въ министерство народнаго просвѣщенія, по сообщенію *Русскихъ Вѣдомостей*, было подано прошеніе однимъ изъ гласныхъ казанской думы, въ которомъ говорилось между прочимъ слѣдующее: «Самоубійства учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Казани приняли форму неслыханной по размѣрамъ эпидеміи, навели такую панику на обывателей и родителей, что многіе изъ нихъ въ видахъ спасенія отъ гибели своихъ дѣтей, потрясенныхъ самоубійствомъ ихъ товарищей, даже на ихъ глазахъ стрѣлявшихся, бросали все и уѣзжали съ дѣтьми изъ Казани». Гласнымъ было предложено думѣ «послать депешу министру нар. просв. съ просьбой принять надлежащія мѣры противъ столь печальнаго и сильно тревожащаго родителей явленія, какъ самоубійство учениковъ гимназіи». Любопытнѣе же всего слѣдующія строки прошенія. «Но не только не была послана эта депеша, *а даже и предложеніе о посылкѣ ея не было допущено губернской администраціей къ обсужденію въ думѣ*, какъ «незаконное», хотя вопросъ этотъ и назначался городской управой для внесенія въ нѣсколько засѣданій думы». Между тѣмъ самоубійства по числу продолжали все расти и расти, захвативъ къ тому же еще большій районъ: одна воспитанница мѣстной маріинской женской гимназіи бросилась съ цѣлью самоубійства въ прорубь на рѣкѣ Казанкѣ, но была спасена и должна была для умноженія своихъ душевныхъ мукъ фигурировать предъ судебнымъ слѣдователемъ и давать объясненія въ качествѣ обвиняемой. Далѣе прошеніе упоминаетъ еще о 2-хъ случаяхъ самоубійства воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Несомнѣнно въ этой эпидеміи самоубійствъ школьнаго возраста, разыгравшейся въ Казани въ 1904 г., сыграла большую роль психическая зараза, фактъ такъ называем. патологическаго подражанія, но также несомнѣнно, что были и причины, коренившіяся во внутреннемъ строѣ мѣстныхъ средне-учебныхъ заведеній. О нихъ, къ сожалѣнію, прошеніе не упоминаетъ, но, думается намъ, исключительно вслѣдствіе какихъ-либо цензурныхъ условій или «распоряженія губернской администраціи».

Въ наши дни, когда разрѣшается поднимать краешекъ занавѣски *), тщательно закрывающей темныя стороны нашего приказнаго строя, въ газетныхъ сообщеніяхъ о самоубійствѣ въ школьномъ возрастѣ проскальзываютъ указанія и на причины оныхъ. Въ наши же дни въ короткій проме-

*) Предлагаемый вниманію читателя очеркъ написанъ въ іюлѣ с. г.

Digitized by Google

жутокъ времени намъ пришлось слышать о нѣсколькихъ случаяхъ самоубійствъ въ школьномъ возрастѣ.

Какъ сообщаютъ *Новости*, 11 марта 1905 г. застрѣлился ученикъ 5-го класса петербургской 2-й гимназіи Колышкинъ. Этому событію предшествовали слѣдующія обстоятельства. Колышкинъ навлекъ на себя неудовольствіе и, конечно, преслѣдованіе гимназической полиціи, виноватъ: инспекціи, за совершенно невинныя, свойственныя его возрасту, шалости. За нѣсколько дней до самоубійства юноша не подчинился наложенному на него инспекторомъ наказанію—заключенію въ карцерѣ. Само собой разумѣется, такое поведеніе вызвало со стороны инспектора большія репрессіи и, какъ это обычно бываетъ, заявленіе: «Я во что бы то ни стало добьюсь вашего исключенія изъ гимназіи» *)! Инспекторъ вызвалъ мать Колышкина къ себѣ и грозилъ исключеніемъ ея сына изъ гимназіи. Возвратившись домой послѣ отбытія срока наказанія въ карцерѣ и узнавъ отъ матери о словахъ инспектора, Колышкинъ былъ такъ потрясенъ, что уйдя изъ дому, больше не возвращался. Онъ застрѣлился. Такъ инспекторъ 2-й петербургской гимназіи, можно сказать, довелъ до самоубійства воспитанника V класса той же гимназіи Колышкина!

17 марта 1905 г., по сообщенію *Русскихъ Вѣдомостей*, въ Харьковѣ похоронили покончившую жизнь самоубійствомъ ученицу 8-го класса 1-й женской гимназіи, Гюнтеръ. Объ обстановкѣ самоубійства сообщается только, что Гюнтеръ въ день самоубійства зашла къ знакомому студенту, показывала ему картинку «отчаяніе» и застрѣлилась въ квартирѣ студента.

21 марта 1905 г., какъ сообщаютъ *Русскія Вѣдомости*, въ Ярославлѣ состоялись похороны ученика V класса мѣстной классической гимназіи Панова, застрѣлившагося въ зданіи гимназіи. На красныхъ и бѣлыхъ лентахъ, украшавшихъ вѣнки, были надписи: «Жертвѣ школьнаго режима»... «Жертвѣ бюрократическаго строя»... «Жертвѣ невинной цѣпей и насилія» и др. Пановъ пользовался рѣдкой симпатіей и учился очень хорошо, за исключеніемъ одного предмета. При немъ были найдены прокламаціи и записка слѣдующаго содержанія: «Я убиваю себя. Не пугайте родителей, скажите, что выстрѣлъ произведенъ случайно. Привѣтъ дорогимъ товарищамъ». По словамъ товарищей, преподаватель гимназіи, гдѣ учился Пановъ, г. Климко, по причинѣ и мотивамъ, извѣстнымъ лишь ему, всю зиму глумился надъ Пановымъ.

23 мая, если не ошибаемся, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* сообщалось, что и, съ позволенія сказать, министерство народнаго просвѣщенія признало фактъ учащенія случаевъ самоубійствъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и ради борьбы съ этимъ «рѣшило организовать по воскреснымъ днямъ религіозно-нравственныя собесѣдованія, веденіе которыхъ возложено будетъ на законоучителей».

---

*) Фраза, чуть не сдѣлавшаяся за послѣднее время стереотипной.

Digitized by Google

Интересно то, что всѣ эти случаи самоубійствъ, о которыхъ намъ удалось прочесть въ ежедневной прессѣ, приходятся на время избіеній учащихся средне-учебныхъ заведеній въ Курскѣ, Псковѣ, Саратовѣ. О томъ, какъ эти избіенія вліяютъ на психику избиваемыхъ и всего населенія, упоминать положительно излишне. Кстати, почему то избіеніямъ учащихся среднеучебныхъ заведеній въ повседневной прессѣ присвоенъ эпитетъ *Иродовыхъ избіеній младенцевъ*...

* * *

Для ближайшей характеристики преподавательскаго персонала нашей *средней школы* здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о фактѣ, который сообщаетъ *Царицынскій Вѣстникъ*. Переведенный не болѣе мѣсяца назадъ изъ Саратова въ царицынскую гимназію учитель саратовской мужской гимназіи г. Арбатскій получилъ новое назначеніе чиновникомъ департамента министерства народнаго просвѣщенія. Г. Арбатскаго въ Саратовѣ не пожелали имѣть въ своей средѣ его же товарищи по той причинѣ, что онъ далъ «рубль серебромъ казаку на покупку новой нагайки во время избіенія цѣтей въ Саратовѣ». Чрезвычайно характерный для нашего учебнаго вѣдомства фактъ: человѣкъ, чуть не лично принимавшій участіе въ избіеніи дѣтей, человѣкъ, котораго товарищи выгнали изъ своей среды, является желаннымъ сотрудникомъ департамента министерства народнаго просвѣщенія!

По сообщенію *Сына Отечества*, приблизительно въ февралѣ 1905 г. въ казанскую лѣчебницу для душевно-больныхъ былъ помѣщенъ ученикъ VII класса 2-й гимназіи П., въ картинѣ болѣзни котораго доминировала бредовая идея, что онъ въ числѣ многихъ другихъ будетъ повѣшенъ на Державинской площади за политическое преступленіе. «Основной причиной болѣзни П. была наслѣдственная предрасположенность къ душевнымъ заболѣваніямъ, но ближайшимъ толчкомъ, опредѣлившимъ» то содержаніе бреда, которымъ, главнымъ образомъ, выражалась болѣзнь, было слѣдующее обстоятельство. Директоръ гимназіи г. Спасскій, узнавъ, что П. прошелъ по Воскресенской улицѣ, вскорѣ послѣ того, какъ по той же улицѣ прошли демонстранты, и что П. былъ знакомъ со студентомъ, преданнымъ въ настоящее время суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи, призвалъ П. для объясненій. Категорически заявивъ П., что тотъ «въ студенческой формѣ» былъ въ толпѣ демонстрантовъ вмѣстѣ съ другими гимназистами, директоръ требовалъ назвать фамиліи послѣднихъ. Встрѣтивъ «упорное запирательство», директоръ прочелъ П. статьи уг. улож., карающія государственныя преступленія и, настаивая на своемъ требованіи, угрожалъ П. передать его въ руки жандармской полиціи». Sic! Однако, къ огорченію г. директора, П. попалъ не туда, куда его превосходительству хотѣлось, а въ психіатрическую больницу.

До какой степени изощряется нашъ «педагогическій» умъ въ изобрѣтеніи терзаній для души школьниковъ, показываетъ слѣдующій случай изъ

Digitized by Google

преступной области политики въ педагогикѣ. Разсказываетъ о немъ самъ кн. Мещерскій въ № 79 «Гражданина». «Оказывается, что въ каждомъ учебномъ заведеніи Привислинскаго края подъ предлогомъ если не обрусенія, то все же успокоенія умовъ, создано было нѣчто, получившее назначеніе во всякое время служить поводомъ и искрой къ зажиганію безпорядка на почвѣ національной и религіозной. И въ это «нѣчто» превращена была молитва передъ ученіемъ». «Эти молитвы передъ ученіемъ и послѣ ученія были напечатаны въ четырехъ текстахъ на одномъ листѣ для школъ Привислинскаго края: два текста были безъ измѣненія напечатаны для русскихъ и для протестантовъ, одинъ текстъ для реформаторовъ, съ маленькимъ измѣненіемъ, и, наконецъ, четвертый былъ для поляковъ-католиковъ съ серьезнымъ измѣненіемъ». Въ трехъ текстахъ одна изъ молитвъ оканчивается словами: «*на утѣшеніе церкви и родителямъ и отечеству на пользу*». Въ четвертомъ же, вмѣсто этихъ словъ, стояло слѣдующее: «*въ утѣшеніе Монарху и родителямъ и всему краю на пользу*» (курсивъ въ томъ и другомъ случаѣ кн. Мещерскаго). Стало быть, если ученикъ полякъ-католикъ читалъ текстъ безъ «Монарха», то онъ тѣмъ самымъ становился политическимъ преступникомъ. Въ одной изъ гимназій Привислинскаго края возникшія на этой почвѣ между учениками и «педагогами» сначала мелкія столкновенія разыгрались въ одно прекрасное время въ крупную «исторію», въ результатѣ которой «болѣе 100 учениковъ было выброшено на улицу изъ гимназіи».

Мы не можемъ не присоединиться къ заключительнымъ словамъ кн. Мещерскаго: «Неужели такіе директора гимназій могутъ оставаться воспитателями юношества?» Жизнь же говоритъ иное: не только такіе, но пожалуй и еще болѣе удивительные представители этого подвида homo sapiens могутъ оставаться воспитателями юношества. Навѣрно еще ни у кого не изгладилось изъ памяти обошедшее всѣ газеты извѣстіе о томъ, какъ *сѣкутъ въ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества* въ Петербургѣ. Директоръ гимназіи Груздевъ пытался опровергнуть этотъ фактъ, какъ «чистѣйшій вымыселъ», но мало успѣлъ въ этомъ: фактъ и послѣ провѣрки оказался фактомъ, а между тѣмъ нигдѣ не было упомянуто, что г. Груздевъ не остается воспитателемъ юношества.

Сказаннаго, кажется, вполнѣ довольно для того, чтобы составить себѣ вполнѣ ясное понятіе о томъ, какъ можетъ вліять и какъ въ дѣйствительности вліяетъ наша злосчастная средняя школа на психику своихъ питомцевъ.

II.

До сихъ поръ мы говорили, главнымъ образомъ, о томъ, въ какой степени, благодаря «политикѣ» нашей бюрократіи, калѣчится душевное здоровье отдѣльныхъ индивидуумовъ; теперь посмотримъ, какъ и въ какой степени та же «политика» угрожаетъ душевному здоровью массъ.

Digitized by Google

Психопатическія эпидеміи за исключеніемъ школьныхъ психопатическихъ эпидемій, имѣющихъ во многомъ рѣзкія отличія, въ полномъ смыслѣ слова культурныя переживанія для странъ съ европейской культурой, и только у насъ, въ Россіи, онѣ и до сихъ поръ не переводятся.

Прежде чѣмъ перейти къ психопатическимъ эпидеміямъ русскаго народа, скажемъ нѣсколько словъ о психической эпидеміи вообще. «Психической эпидеміей,—какъ говоритъ покойный А. А. Токарскій въ своей рѣчи, посвященной этому вопросу,—называется одновременное возникновеніе у извѣстнаго числа людей одной идеи, обусловливающей съ ихъ стороны одинаковыя дѣйствія». Сюда относятся народныя волненія, религіозныя движенія, явленія, вызванныя паникой и продолжающіяся всего нѣсколько минутъ, а равнымъ образомъ, и психопатическія эпидеміи въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. Причины, обусловливающія появленіе психическихъ эпидемій, сводятся къ причинамъ предрасполагающимъ и производящимъ. Къ первымъ относятся: бѣдность психическаго содержанія, ограниченность интересовъ, отсутствіе критики, ко вторымъ: господствующія идеи и внѣшнія событія, подражаніе, психическая заразительность, внушеніе, возбуждающее вліяніе массъ и другіе законы толпы. Въ каждой психической эпидеміи есть руководящая идея. «Главнѣйшій вопросъ заключается въ томъ, каковы будутъ эти идеи и соотвѣтствующія имъ дѣйствія. Это всецѣло опредѣляется психическимъ содержаніемъ людей, слѣдовательно, характеромъ и количествомъ идей, господствующихъ въ данное время въ обществѣ. При этомъ, чѣмъ больше отношенія имѣютъ онѣ къ преобладающимъ интересамъ даннаго народа, тѣмъ болѣе всякаго рода соображеній, задерживающихъ проявленіе той или другой отдѣльной идеи въ дѣйствіи, будутъ находиться налицо, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, препятствій встрѣтится для безотчетнаго подражанія и для распространенія заразительности. Изъ этого слѣдуетъ неизбѣжный выводъ, что основная причина нелѣпости и дикости всякаго рода массовыхъ движеній заключается единственно въ невѣжествѣ массъ, и предупредить возникновеніе такого рода явленій возможно только заблаговременнымъ распространеніемъ возможно большаго количества знаній и здоровыхъ понятій среди народа. Тогда та же самая толпа, подчиняясь тѣмъ же законамъ, которымъ она подчиняется и въ настоящее время, обнаружитъ совершенно другія свойства». Въ настоящее время наша многострадальная родина переживаетъ, если можно такъ выразиться, нормальную психическую эпидемію, но это эпидемія стремленія къ свѣту, къ знанію, къ оправданію человѣческаго существованія. Психическая зараза захватила всѣхъ. Пусть это стремленіе будетъ заразой, пусть это эпидемія, намъ нечего бояться этого слова! Всемірная исторія не мало знаетъ такихъ эпидемій, благихъ по своимъ цѣлямъ и результатамъ. Только путемъ такой психической эпидеміи мы можемъ добиться мало-мальски удовлетворительнаго способа существованія. Въ томъ, что это стремленіе обладаетъ характеромъ свирѣпствую-

Digitized by Google

щей эпидеміи, т.-е. захватываетъ всѣхъ и вся, и заключается будущій успѣхъ его!

Но вернемся къ патологіи психическихъ эпидемій. Посмотримъ на психопатическія эпидеміи русскаго народа въ описаніяхъ врачей (мы нарочно останавливаемся только на принадлежащихъ имъ описаніяхъ), посмотримъ въ хронологическомъ порядкѣ, какія указываютъ они причины происхожденія этихъ явленій, пережитыхъ уже, къ счастью, для многихъ странъ, но къ нашему несчастью все еще время отъ времени нами переживаемыхъ.

* * *

Въ Россіи существуетъ и даже процвѣтаетъ до сихъ поръ патолого-бытовое явленіе *кликушества,* специфическая русская бытовая истерія, русская демономанія. Кликушами называются припадочныя женщины — почти исключительно это бываютъ женщины,—которыя, считая себя «испорченными», «выкликаютъ» во время припадковъ, появляющихся большей частью въ церкви или при «святыняхъ»; содержаніе выкликаній обыкновенно сводится къ тому, что въ нихъ сидитъ бѣсъ, который ихъ мучаетъ; иногда кликуши прямо говорятъ отъ лица бѣса; кромѣ того обыкновенно онѣ выкликаютъ и имя того человѣка, кто ихъ испортилъ; большей частью это бываетъ кто-либо изъ односельчанъ. Первое извѣстіе о кликушахъ относится къ 1606 г., о бѣсноватыхъ же вообще—къ XI вѣку.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности психопатологіи кликушества, хотя она и очень интересна, мы же обратимъ свое вниманіе на то, что иногда, и притомъ нерѣдко, вспыхиваютъ обычнымъ путемъ цѣлыя эпидеміи кликушества въ данномъ округѣ.

Чтобы составить себѣ представленіе о размѣрахъ и распространеніи кликушества, достаточно указать на то, что число кликушъ въ одномъ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губ. въ 1898—1899 гг. было опредѣлено д-ромъ Краинскимъ въ 200—300 человѣкъ, тогда какъ число кликушъ во всей Россіи опредѣляется многими тысячами, если не десятками тысячъ. Особенно много кликушъ въ Московской, Смоленской, Орловской, Калужской, Тульской, Новгородской и Вологодской губерніяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ д-ръ Т. Поповъ въ своей книгѣ «Русская народно-бытовая медицина» (стр. 378) изд. 1903 г.

Любопытно, что ст. 937 дѣйствующаго пока у насъ Уложенія о наказаніяхъ 1885 г. (Новое уголовное уложеніе еще не введено) къ стыду нашему гласитъ: «такъ называемыя кликуши, которыя дѣлаютъ на кого-либо извѣты, утверждая, что онъ причинилъ имъ зло будто бы посредствомъ чародѣйства, подвергаются за сей злостный обманъ: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ». Надо ли говорить, что кликуши неоднократно и подвергались заключенію, если только не спасало ихъ отъ этого компетентное заключеніе врача-эксперта. Въ новомъ уголовномъ уложеніи такой статьи уже не имѣется.

Въ настоящее время насъ больше всего интересуютъ причины этого патолого-соціальнаго явленія.

Digitized by Google

Первое описаніе кликушества, сдѣланное врачомъ, относится къ 1870 г. (Д-ръ С. Штейнбергъ «Кликушество и его судебно-медицинское значеніе» Архивъ судебной медицины и общественной гигіены 1870, 2). Какъ на причины кликушества д-ръ Штейнбергъ указываетъ:

1) Бѣдность: ненормальныя гигіеническія условія, плохое жилище, недостаточное количество свѣта, неудовлетворительное питаніе, рѣзкія колебанія температуры, нечистота, плохой воздухъ, чрезмѣрная работа, не вознаграждаемая достаточнымъ питаніемъ. Все это предрасполагаетъ къ нервнымъ страданіямъ, къ которымъ относится, по мнѣнію д-ра Штейнберга, и непритворное кликушество.

2) Болѣзни: нервной системы и особенно истерія, мочевыхъ и половыхъ органовъ, кровеобращенія, общія: сифилисъ, золотуха, анемія и др.

3) Невѣжество.

4) Обособленное положеніе отдѣльнаго лица и даже цѣлой группы людей, благодаря чему «извѣстныя понятія міросозерцанія, изъ которыхъ развивается болѣзнь, какъ бы они ни были нелѣпы, крѣпко и неизмѣнно держатся, сохраняются и свято передаются безъ всякой критики, изъ устъ въ уста, отъ предковъ потомкамъ».

5) Суевѣрія, причиной которыхъ опять-таки невѣжество.

Въ 1889 г. д-ръ К. П. Сулима описалъ эпидемію икоты (однородное съ кликушествомъ явленіе) въ селеніи Кетросы Ялопольскаго уѣзда Подольской губ. (Вѣстникъ общественной гигіены, судебной и практической медицины, 1889 г., т. IV); но къ сожалѣнію въ своемъ описаніи онъ останавливается исключительно на психопатологической сторонѣ явленія.

* * *

Въ 1892 г. въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи крестьянское населеніе нѣкоторыхъ деревень было охвачено своеобразнымъ *психопатическимъ движеніемъ съ религіозной окраской;* это движеніе было названо *Малеванщиной,* по имени Кондратія Малеваннаго, которымъ былъ данъ первый толчокъ къ развитію этой психопатической эпидеміи. Мы не останавливаемся на подробностяхъ этой эпидеміи и отсылаемъ интересующихся къ статьѣ проф. И. А. Сикорскаго «Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губерніи», напечатанной въ его «Сборникѣ научно-литературныхъ статей» кн. V. Насъ сейчасъ интересуютъ тѣ причины, которыми объясняетъ возникновеніе этой эпидеміи почтенный профессоръ.

Эти причины раздѣляются изслѣдователемъ на двѣ большія группы: причины нравственныя и причины физическія. Мы изложимъ ихъ въ возможно сжатомъ видѣ.

Къ первымъ относятся:

1) «Возникновеніе и развитіе штундизма въ юго-западномъ краѣ и южныхъ губерніяхъ. Появленіе штундистскихъ сектантовъ и ихъ проповѣдь вызвала во всемъ населеніи тяжелыя религіозныя сомнѣнія и нравственную борьбу, которая усиливалась неопредѣленнымъ и нерѣдко двусмысленнымъ положеніемъ властей въ отношеніи новой секты».

Digitized by Google

2) «Крайне одностороннее направленіе грамотности, состоящее въ томъ, что народная школа и народная литература сообщаютъ простому народу мало свѣдѣній, касающихся близкихъ сельскому жителю предметовъ». «Вслѣдствіе этого возбуждаемое успѣхами времени вниманіе и любознательность народныхъ массъ сосредоточилась исключительно на трудныхъ религіозныхъ вопросахъ, и вся пытливость народнаго ума сконцентрировалась на религіи — послѣдствіемъ чего явилась односторонность, всегда опасная для человѣческаго духа».

3) «Отсутствіе руководительства народной жизнью со стороны культурныхъ классовъ общества, выразившееся въ отсутствіи народной литературы (дѣло идетъ о 1892 г., съ тѣхъ поръ спеціально народная литература очень разрослась, но доступъ къ ней народа, какъ извѣстно, очень ограниченъ, если не совсѣмъ замурованъ, стараніями нашей бюрократіи), въ слабомъ развитіи такихъ учрежденій, которыми объединяется народная жизнь и поддерживаются ея лучшія стороны». (Но опять-таки кто же мѣшаетъ русской народной жизни объединяться и поддерживаться, кто мѣшаетъ всякому проявленію иниціативы въ этомъ направленіи, какъ не все та же русская бюрократія.)

И только въ 4) «Присутствіе и дѣятельность среди народныхъ массъ субъектовъ, страдающихъ помѣшательствомъ, особенно параноиковъ» съ религіознымъ бредомъ.

Къ причинамъ физическимъ, содѣйствовавшимъ развитію Малеванщины, по мнѣнію проф. Сикорскаго, надо отнести Крымскую войну 1853—1856 гг. и усиливающееся злоупотребленіе спиртными напитками.

«Войны, сами по себѣ и благодаря вызываемому ими вздорожанію жизненныхъ продуктовъ, отражаются неблагопріятнымъ образомъ на плодовитости населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ къ рожденію болѣе слабосильнаго поколѣнія въ физическомъ и нервномъ отношеніи, что обнаруживается обыкновенно увеличеніемъ числа забракованныхъ по болѣзнямъ и недостаточному развитію при призывѣ на военную службу. Описываемое (1892 г.) поколѣніе, т.-е. люди, имѣющіе возрастъ отъ 30 до 40 лѣтъ, являются именно субъектами, родившимися въ первое десятилѣтіе послѣ Крымской войны, а потому носятъ на себѣ нѣкоторый отпечатокъ неполнаго здоровья»- (Не особенно пріятная перспектива въ смыслѣ «нѣкотораго отпечатка неполнаго здоровья» должна ожидать и поколѣніе, «родившееся въ первое десятилѣтіе» послѣ русско-японской войны, возникшей и такъ несчастливо идущей благодаря преступной небрежности, халатности и хищеніямъ нашей «всесильной» бюрократіи).

О другой причинѣ Малеванщины, распространеніи алкоголизма и о мѣрахъ борьбы съ нимъ мы будемъ имѣть случай говорить въ дальнѣйшемъ.

Слѣдующими словами оканчиваетъ проф. Сикорскій свою статью о Малеванщинѣ: «мы не можемъ не указать на одну психологическую особенность въ настроеніи народныхъ массъ, — особенность, которую можно охарактеризовать — какъ живое сознаніе нравственныхъ золъ и чаяніе

Digitized by Google

избавленія отъ нихъ. Народныя массы ждутъ и жаждутъ духовнаго обновленія. Онѣ ищутъ Спасителя и... находятъ его въ помѣшанномъ Кондратіи Малеванномъ.

Нельзя не сказать, что Малеванщина есть вопль заболѣвшаго населенія и мольба объ освобожденіи отъ вина, мольба объ улучшеніи его образованія и санитарныхъ условій».

* * *

«Въ 1894 г. д-ръ В. И. Яковенко сдѣлалъ докладъ въ Московскомъ Обществѣ Невропатологовъ и Психіатровъ объ *«эпидеміи истерическихъ судорогъ* въ Подольскомъ уѣздѣ, Московской губ. (напечатано: Вѣстникъ обществ. гигіены, судебной и практ. медиц. 1895, январь—мартъ). В. И. Яковенко здѣсь между прочимъ говоритъ: «слѣдуетъ a priori ожидать, что нервно-психическія эпидеміи должны часто случаться въ средѣ русскихъ крестьянъ, такъ какъ къ этому предрасполагаетъ ихъ низкій уровень культуры, невѣжество, масса предразсудковъ и суевѣрій, вѣра въ чертей, колдуновъ и проч.». Предупредительными мѣрами противъ развитія подобныхъ психопатическихъ эпидемій авторъ признаетъ распространеніе образованія среди народа вообще и естественныхъ наукъ въ частности и искорененіе грубыхъ, средневѣковыхъ предразсудковъ. При возникновеніи же такого рода эпидемій должны быть увѣдомлены ближайшіе психіатры и невропатологи».

Въ 1898 г. д-ръ Геника описалъ «Вторую эпидемію истерическихъ судорогъ въ Подольскомъ уѣздѣ, Московской губ. («Неврологическій вѣстникъ», 1898 г., т. VI, в. 4). Какое громадное значеніе въ такихъ эпидеміяхъ играетъ невѣжество, можно судить изъ слѣдующаго факта, который былъ отмѣченъ въ данной эпидеміи: сельскій староста не задумался было взять на себя иниціативу истребленія колдуна. И д-ръ Яковенко и д-ръ Геника отмѣчаютъ, что однимъ изъ способствующихъ развитію эпидеміи факторовъ былъ алкоголизмъ. Особенно часто кликушество, по мнѣнію д-ра Геника, проявляется, по даннымъ Покровской психіатрической больницы, во время свадебныхъ торжествъ. Объясняется это той атмосферой предразсудковъ и суевѣрій, которая окружаетъ празднества въ честь новобрачныхъ: напримѣръ, молодая, отправляясь къ вѣнцу, безостановочно крестится, особенно на перекресткахъ, въ день свадьбы ничего не беретъ изъ рукъ постороннихъ и проч.; все это дѣлается съ профилактическою цѣлью противъ «насыла порчи отъ лихого человѣка». По наблюденію д-ра Геника психопатическія эпидеміи, подобно описываемой имъ, вовсе не такая рѣдкость, какъ объ этомъ можно думать по, какъ казалось бы, скудной литературѣ; среди народа циркулируетъ масса разсказовъ о подобныхъ случаяхъ.

Во время всеобщей переписи въ 1896—1897 г. въ Терновскихъ хуторахъ близъ Тирасполя возникло среди населенія мѣстныхъ раскольничьихъ скитовъ, изъ страха передъ близкимъ пришествіемъ Антихриста, своеобразное патолого-религіозное движеніе, окончившееся *самоистребле-*

Digitized by Google

ніемъ участниковъ. Проф. Сикорскій въ своей работѣ: «О двадцати пяти заживо погребенныхъ» разсматриваетъ это событіе, главнымъ образомъ, какъ высшую степень проявленія религіознаго фанатизма, непосредственнымъ ближайшимъ поводомъ къ чему послужили два событія: всеобщая народная перепись и открытіе мощей св. Ѳеодосія Черниговскаго. Въ упомянутой статьѣ авторъ между прочимъ говоритъ: «Никогда печальное состояніе раскола не обнаруживалось въ болѣе мрачныхъ краскахъ, какъ въ Терновской драмѣ» (авторъ по всему вѣроятію въ 1897 г. не зналъ еще о прелестяхъ монастырскихъ тюремъ). «Поэтому не должно быть въ отношеніи несчастныхъ сектантовъ иного чувства, кромѣ безграничной жалости, и иного отношенія, кромѣ самыхъ искреннихъ братскихъ усилій къ примиренію и объединенію съ ними». «Въ виду этого истинная забота о нихъ (а не одни догматическія словопренія съ ними) являются самымъ настоятельнымъ и самымъ неотложнымъ дѣломъ церкви и государства». Къ сожалѣнію, и наша «церковь», и наше «государство» дѣйствуютъ и, кажется, мыслятъ совсѣмъ иначе.

* * *

Въ 1900 г. появилось изслѣдованіе д-ра Н. В. Краинскаго: «Порча, кликуши и бѣсноватые, какъ явленія русской народной жизни», базисомъ для чего послужили двѣ большія *эпидеміи кликушества*, которыя удалось наблюдать автору: Ащепковская, имѣвшая мѣсто въ Гжатскомъ у., Смоленской губерніи, начавшаяся въ 1895 г. и продолжавшаяся еще въ 1899 г., и Тихвинская, разыгравшаяся особенно бурно въ Тихвинскомъ уѣздѣ, Новгородской губ. въ 1900 г., начало же которой восходитъ въ 1891 г.

Сравнивая ту и другую эпидемію, д-ръ Краинскій говоритъ, что въ томъ и другомъ случаѣ «вся внѣшняя картина ея (эпидеміи) чисто бытовая. Всѣ проявленія кликушества—плодъ народной фантазіи, исполненной суевѣрій, и, отчасти, поэтическаго творчества. Наоборотъ, практическія послѣдствія эпидеміи тяжки. Страдаетъ все населеніе подъ гнетомъ постигшаго бѣдствія, и реальныя послѣдствія эпидеміи уже далеко лишены той поэзіи, которая звучитъ въ наивныхъ народныхъ суевѣріяхъ. Общая скорбь, страданія и безжалостное озлобленіе, не повинующееся логикѣ, не знающее сдержанности и не боящееся возмездія,—вотъ основныя черты нравственнаго состоянія населенія. Но этихъ чисто бытовыхъ условій недостаточно для развитія эпидеміи. Заболѣваютъ лишь женщины, подготовленныя особымъ къ тому предрасположеніемъ, и таковымъ является сомнамбулизмъ». «Сомнамбулизмъ—есть медико-психологическая основа болѣзни, а бытовыя условія и народныя суевѣрія составляютъ внѣшнюю картину ея». Въ другомъ мѣстѣ д-ръ Краинскій говоритъ: «Я скажу, что нравственное состояніе населенія, даже во время холерныхъ бунтовъ, свидѣтелемъ и активнымъ лицомъ которыхъ мнѣ пришлось быть, далеко не такъ тяжко, какъ во время развитія эпидеміи кликушества въ деревнѣ». «Кликушество свойственно *исключительно крестьянскому населенію* и тѣсно связано съ его міровоззрѣніемъ, съ суевѣріями, повѣрьями и даже

Digitized by Google

творчествомъ его. Поэтому кликушество нельзя разсматривать какъ болѣзнь въ тѣсномъ смыслѣ слова,—это скорѣе просто бытовое, соціальное явленіе жизни русскаго народа, и основывается оно на глубоко укоренившемся въ народномъ убѣжденіи суевѣріи и вѣрѣ въ «порчу».

Причины, почему кликушество не исчезаетъ изъ русской жизни, кроются еще и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народа. Ученіе о бѣсноватости, признаваемое Евангеліемъ и Ветхимъ завѣтомъ, даетъ основаніе народу глубоко вѣрить въ возможность вселенія нечистаго духа въ человѣка». «Большую, если не первенствующую роль въ развитіи кликушества въ Россіи, играютъ монастыри, особенно московскіе и окрестныхъ губерній». Въ предисловіи къ книгѣ д-ра Краинскаго акад. Бехтеревъ, говоря о профилактическихъ по отношенію къ кликушеству мѣропріятіяхъ, указываетъ на «устраненіе изъ народнаго обращенія грубыхъ суевѣрій и распространеніе среди народа здоровыхъ религіозныхъ понятій, въ каковомъ отношеніи могло бы оказать, говоритъ акад. Бехтеревъ, большую пользу наше духовенство. Къ сожалѣнію, изложенные въ книгѣ факты наводятъ на иныя размышленія». Да и чего же другого можно было ожидать отъ нашего православнаго духовенства, пропитаннаго насквозь полицейско-бюрократическимъ духомъ; его заботой, какъ и всей бюрократіи, можетъ быть только скорѣй поддержаніе суевѣрій и ужъ несомнѣнно старательное и систематическое консервированіе русскаго народа во тьмѣ невѣжества. Не къ украшенію нашего православнаго духовенства и слѣдующее заключеніе д-ра Краинскаго: «Кликушество рѣдко среди раскольниковъ и никакой связи съ сектантствомъ не имѣетъ».

Очень печально, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень интересно другое заключеніе д-ра Краинскаго о томъ, что «грамотность не оказываетъ никакого вліянія на кликушество». «Грамотность, даже достаточное образованіе, по мнѣнію д-ра Краинскаго, недостаточны для того, чтобы искоренить суевѣріе, а умѣніе читать священныя книги вело къ тому, что мѣстные крестьяне съ текстомъ священнаго писанія («Четьи-Миней») въ рукахъ опровергали мои увѣренія о томъ, что бѣсноватыхъ не существуетъ». Интересъ этого наблюденія заключется въ томъ, что оно подтверждаетъ выше цитированное мнѣніе А. А. Токарскаго по тому поводу, что дикость и вредоносность психической эпидеміи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ узости круга идей, бѣдности психическаго содержанія и ограниченности интересовъ той группы лицъ, которая послужила матеріаломъ для эпидеміи. Интересъ этого наблюденія заключается также и въ томъ, что, принимая во вниманіе только что сказанное, необходимо искать еще другихъ путей въ борьбѣ съ невѣжествомъ и безысходнымъ топтаньемъ въ узкомъ кругу своихъ интересовъ нашего крестьянства, другихъ путей, кромѣ развитія интеллекта, т.-е. грамотности, еще въ расширеніи сферы дѣйствія ихъ воли, путемъ привлеченія ихъ къ обще-гражданской дѣятельности. И на этомъ примѣрѣ мы опять видимъ, что развитіе людей должно быть гармоничнымъ и захватывать и чувство, и умъ, и волю.

Digitized by Google

Надо ли еще говорить о томъ, какъ мало обо всемъ этомъ заботилась русская бюрократія.

* * *

Наконецъ, случай уже изъ совсѣмъ почти недавняго прошлаго. Въ октябрѣ 1901 г. въ с. Павловкахъ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ., имѣло мѣсто извѣстное *павловское побоище*. Вдохновитель побоища Моисей Тодосіенко былъ несомнѣнно душевно-больной, а другіе участники несомнѣнно раздѣляли бредъ вожака и слѣдовательно страдали такъ называемымъ индуцированнымъ помѣшательствомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ д-ръ П. Якобій въ своей статьѣ, помѣщенной въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 2-го іюля 1905 г. и д-ръ Ѳ. Е. Рыбаковъ въ статьѣ «Психическая зараза и ея роль въ общественной жизни». Любопытно то, что судебное слѣдствіе по этому дѣлу, по словамъ д-ра Якобія, является «можетъ быть, позорнѣйшей и преступнѣйшей страницей русской исторіи»,—допустимъ даже, что д-ръ Якобій увлекается въ своей характеристикѣ «слѣдствія», какъ лицо до извѣстной степени заинтересованное, но вѣдь даже и анекдоты характеризуютъ свое время. Печальнѣе же всего то, что въ результатѣ этого «слѣдствія», «благодаря негодованію» духовенства, добровольцамъ обвинителямъ, отсутствію психіатрической экспертизы и... присутствію экспертизы духовной», *душевнобольные люди отбываютъ свой срокъ катори* *). И это вовсе не единичный случай въ русскомъ государствѣ. Все это случается благодаря возникающему иногда конкубинату одного министерства съ другимъ.

III.

Намъ остается теперь упомянуть объ *общихъ причинахъ душевныхъ болѣзней,* борьба съ которыми происходитъ, главнымъ образомъ, на чисто соціальной почвѣ, а стало быть должна встрѣчать всяческія препятствія и препоны со стороны бюрократіи, какъ это можно тоже a priori утверждать.

Огромную роль въ происхожденіи душевныхъ и нервныхъ болѣзней играютъ сифилисъ и алкоголизмъ и, въ несравненно слабѣйшей степени, туберкулезъ; послѣдній имѣетъ бо́льшее значеніе въ патологіи нервныхъ болѣзней. Благодаря только сифилису и только алкоголизму возникаетъ громадный процентъ душевныхъ болѣзней, а какое вліяніе и тотъ, и другой, и третій имѣютъ на вырожденіе въ широкомъ смыслѣ слова—не поддается описанію. Вся такъ называемая патологическая наслѣдственность сводится въ сущности къ психозу, сифилису, алкоголизму и туберкулезу.

Начнемъ съ *алкоголизма*. Отравленіе алкоголемъ бываетъ какъ острое, такъ и хроническое. «Значеніе алкоголя,—говоритъ проф. С. С. Корсаковъ,—въ этіологіи душевныхъ болѣзней такъ велико, психозы, вызываемые имъ, такъ своеобразны, что они описываются совершенно отдѣльно,

*) Курсивъ оригинала.

Digitized by Google

составляя особую группу алкогольныхъ психозовъ». Знаменитая корсаковская болѣзнь есть не что иное, какъ одинъ изъ алкогольныхъ психозовъ. По отчетамъ нѣкоторыхъ больницъ алкоголизмъ отмѣчается чаще, чѣмъ патологическая наслѣдственность. Въ московской психіатрической клиникѣ за 5 лѣтъ 20% больныхъ мужчинъ страдали алкогольными психозами. Подъ явленіями алкоголизма разумѣются очень многочисленныя разнообразныя бѣдствія: возрастаніе нервныхъ и психическихъ болѣзней, увеличеніе числа преступленій, возрастаніе смертности, усиленіе заболѣваемости населенія, увеличеніе числа внезапныхъ смертей, сокращеніе средней продолжительности жизни, пониженіе нравственности, увеличеніе въ населеніи числа людей съ неправильными характерами, разстройство привычекъ и способности къ правильному труду. По отчетнымъ даннымъ психіатрическихъ больницъ пьянство является причиннымъ моментомъ въ развитіи психоза у мужчинъ въ 21,6% и у женщинъ—6,3%.

По Бурневилю 8% общаго числа идіотовъ зачаты въ состояніи опьяненія. У эпилептиковъ, какъ это хорошо извѣстно каждому невропатологу и психіатру, алкогольная наслѣдственность отмѣчается почти всегда. Изъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Россіи» (изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета) мы имѣемъ слѣдующія цифры: въ теченіе 18 лѣтъ въ среднемъ на 1 годъ приходилось отравившихся 1.000 человѣкъ, самоубійцъ 2.000, убитыхъ 2.840, умершихъ «отъ опоя водкой»—4.678 и только утонувшихъ было больше—6.900.

Большое распространеніе пьянства среди женщинъ въ Россіи, фактъ большей частоты передачи наслѣдственности со стороны матери и при томъ въ женскую линію, даетъ право проф. Сикорскому воскликнуть: «Въ алкоголизмѣ русской женщины болѣзненная наслѣдственность найдетъ себѣ торный путь къ вырожденію русскаго народа»! Сказаннаго, кажется, достаточно, для того чтобы себѣ ясно представить весь вредъ упущенія въ борьбѣ съ этимъ страшнымъ зломъ.

* * *

Бросимъ теперь общій взглядъ на то, какое зло приноситъ психикѣ и нервной системѣ *сифилисъ*.

Громадное большинство такъ называемыхъ органическихъ заболѣваній нервной системы приходится на сифилисъ. Сифилисъ можетъ вести къ развитію специфическаго психоза, какъ и алкоголизмъ. Но особенно зловредное, можно сказать, специфическое вліяніе сифилисъ оказываетъ на развитіе прогрессивнаго паралича и спинной сухотки. По частотѣ распространенія прогрессивный параличъ фигурируетъ всегда на первомъ мѣстѣ всѣхъ отчетовъ всѣхъ большихъ психіатрическихъ больницъ, вторая далеко оставляетъ за собой всѣ другія, такъ называемыя органическія заболѣванія нервной системы, на пріемахъ невропатологовъ *). О тяжести симптомовъ той и другой болѣзни я предпочитаю не говорить.

*) Спеціальныхъ больницъ для нервно-больныхъ у насъ почти нѣтъ.

Digitized by Google

Какъ распространенъ сифилисъ въ Россіи—можно судить изъ слѣдующихъ словъ извѣстнаго проф. В. Н. Тарновскаго при открытіи 1-го русскаго сифилидологическаго съѣзда въ Петербургѣ въ 1897 г.: «Страшенъ намъ можетъ быть врагъ тайный, внутренній, незамѣтно разрушающій физическое и нравственное благосостояніе народа, подрывающій его организмъ и ведущій къ вырожденію и вымиранію массы. Такимъ могучимъ внутреннимъ врагомъ Россіи является въ настоящее время сифилисъ, къ борьбѣ съ которымъ мы, къ несчастью, не готовы. А между тѣмъ врагъ множится и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ, борьба съ нимъ неминуема и неотложна». По даннымъ проф. Тарновскаго въ 1888 г. въ 29 земскихъ губерніяхъ на все населеніе зарегестрировано было свыше 1% сифилитиковъ въ 93 уѣздахъ, а въ 1891 г., т.-е. только черезъ 3 года, такой же процентъ сифилитиковъ зарегистрированъ уже въ 117 уѣздахъ (за 3 года прибавилось 24 уѣзда). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ процентъ сифилитиковъ былъ равенъ 7*). Эти данныя, дѣйствительно, заставляютъ смотрѣть на сифилисъ, какъ «на народное бѣдствіе, какъ на нарушителя правильной біологической эволюціи славянской расы», по словамъ проф. Тарновскаго.

* * *

Знаменитый парижскій сифилидологъ проф. Фурнье въ своемъ послѣднемъ руководствѣ о сифилисѣ говоритъ, что послѣдній долженъ интересовать почти въ равной мѣрѣ врачей, гигіенистовъ и общественныя власти, такъ какъ сифилисъ, какъ бугорчатка и алкоголизмъ составляютъ три главныхъ бича современнаго общества. Успѣшная борьба съ сифилисомъ въ широкихъ размѣрахъ въ Россіи требуетъ наличности точной регистраціи, достаточнаго количества врачебнаго персонала, соотвѣтствующихъ для каждой мѣстности мѣропріятій, аккуратнаго и систематическаго лѣченія, а все это вмѣстѣ взятое можетъ быть осуществимо, по справедливому замѣчанію д-ра А. И. Розенквиста («Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи». Москва, 1903 г.), только «тогда, когда само населеніе будетъ ознакомлено съ сущностью болѣзни (сифилисомъ), будетъ сознавать всю опасность зараженія имъ, предохраняя себя отъ заболѣванія,—словомъ, *когда степень культуры нашего народа въ нравственномъ, умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ будетъ повышена*».

Здѣсь интересно привести соотвѣтствующія постановленія послѣдняго IX Пироговскаго съѣзда врачей, имѣвшаго мѣсто въ Петербургѣ, въ январѣ 1904 г. Это тѣмъ болѣе интересно, что постановленія эти являются

---

*) По даннымъ пр.-доц. Н. С. Сперанскаго, касающимся распространенія сифилиса въ Московской губ. (его диссертація) получаются такія цифры: Сифилитики обнаружены въ 97,66% селеній. Minimum 0,42% сифилитиковъ по отношенію ко всему населенію (Волоколамскій уѣздъ), maximum 0,62%—(Дмитровскій уѣздъ). Въ 12 селеніяхъ сифилитиковъ обнаружено отъ 21—25%, т.-е. 1/4 всего населенія, а въ 10 селеніяхъ % этотъ былъ еще выше.

Digitized by Google

первымъ массовымъ требованіемъ русскаго общества, въ лицѣ его врачей, предъявленнымъ къ полицейско-бюрократическому режиму, въ лицѣ Плеве.

По предложенію отдѣла душевныхъ и нервныхъ болѣзней:

Постановленіе 30. Главная забота по организаціи лѣченія и призрѣнія душевнобольныхъ въ Россіи должна лежать на земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ.

Постановленіе 33. 2. Казенная винная монополія, являясь источникомъ пополненія государственнаго бюджета, не только не препятствуетъ, но, напротивъ, содѣйствуетъ развитію алкоголизма въ Россіи.

Въ соединенномъ засѣданіи отдѣловъ общественной медицины, гигіены, внутреннихъ болѣзней и бактеріологіи:

Постановленіе 60. 1. Правильная и цѣлесообразная борьба съ дѣтской смертностью, алкоголизмомъ, туберкулезомъ, сифилисомъ и другими народными болѣзнями, представляющими собой въ Россіи общественное бѣдствіе огромной важности, возможна только при условіяхъ, обезпечивающихъ широкое распространеніе свѣдѣній объ истинныхъ причинахъ ихъ развитія и способахъ борьбы съ ними, для чего необходимы: полная свобода личности, слова, печати и собраній.

2. Пироговскій съѣздъ обращаетъ вниманіе на опасность, происходящую отъ искусственной концентраціи еврейскаго населенія въ чертѣ еврейской осѣдлости въ городахъ и мѣстечкахъ западной и южной Россіи—въ отношеніи развитія туберкулеза и запрещенія больнымъ евреямъ пользоваться санаторіями, проживать на курортахъ и имѣть свободу передвиженія.

64. По вопросу о распространеніи гигіеническихъ знаній въ народѣ между прочимъ было постановлено:

Признавая, что распространеніе въ народѣ всѣхъ вообще знаній, въ томъ числѣ и медико-гигіеническихъ, является однимъ изъ краеугольныхъ камней народнаго просвѣщенія и здравоохраненія, отдѣлъ (общественной медицины) полагаетъ, что дальнѣйшее развитіе этого дѣла рѣшительно невозможно при существующихъ для него условіяхъ. Настоятельно необходимо, чтобы ограничительныя постановленія, стѣсняющія свободу распространенія въ народѣ какъ печатнаго, такъ и устнаго слова, были отмѣнены и чтобы всѣ просвѣтительныя начинанія мѣстныхъ союзовъ осуществлялись явочнымъ порядкомъ, а право административнаго вмѣшательства въ ихъ жизнь было бы ограничено лишь привлеченіемъ къ суду въ случаяхъ какихъ-нибудь явныхъ правонарушеній.

* * *

Если теперь мы перейдемъ къ предрасполагающимъ къ душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ причинамъ, то мы, главнымъ образомъ, должны будемъ обратить вниманіе на бѣдность, недостаточное удовлетвореніе потребностей, истощеніе вслѣдствіе недоѣданія и обремененія работой. «*Пауперизмъ*,—говоритъ проф. С. С. Корсаковъ, имѣетъ вообще чрезвычайное

Digitized by Google

значеніе въ произведеніи душевныхъ болѣзней». «У дѣтей лицъ, живущихъ въ крайне тяжелыхъ условіяхъ нищеты, признаковъ вырожденія какъ физическихъ, такъ и психическихъ, гораздо больше, чѣмъ у другихъ дѣтей». Пауперизмъ обыкновенно идетъ рука объ руку съ алкоголизмомъ. Германскій проф. психіатръ Крамеръ въ своей рѣчи «Профилактика въ психіатріи» *) говоритъ: «Если мы пожелаемъ изучить причины возникновенія душевныхъ болѣзней, то мы почти всегда натолкнемся на-ряду съ прочими причинами на истощающія и изнуряющія послѣдствія тяжелой борьбы за существованіе». «Не мало душевныхъ болѣзней обязаны своимъ происхожденіемъ медленному изнуренію организма въ борьбѣ за кусокъ хлѣба», говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же проф. Крамеръ. Самый знаменитый изъ современныхъ психіатровъ, проф. мюнхенскаго университета Эмиль Крепелинъ **) говоритъ: «Мы не можемъ, по моему мнѣнію, болѣе сомнѣваться, что мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ ростомъ сумасшествія. За это говоритъ, кромѣ пугающихъ ужасъ, по своей быстротѣ нарастанія, относящихся сюда цыфръ, современное учащеніе самоубійствъ, а также характерная противоположность условій, въ какихъ находится городское и сельское населеніе. Большіе города съ ихъ повышенными требованіями по отношенію къ интеллектуальнымъ и моральнымъ силамъ индивидуума, съ ихъ тяжестью жизненныхъ условій, съ ихъ разнообразными соблазнами и всякаго рода излишествами служатъ огромными пособниками въ дѣлѣ быстраго роста числа душевныхъ болѣзней и самоубійствъ. Здѣсь (въ большихъ городахъ) всего сильнѣе выражены перевороты, которые въ наше время проникли во всѣ жизненныя отношенія. Полное преобразованіе способовъ производства благодаря пару и электричеству, уничтоженіе ремесленничества, развитіе фабричныхъ центровъ, до неожиданности возросшій экономическій и интеллектуальный переворотъ предъявляютъ теперь индивидуальной производительности такія требованія, которыя идутъ далеко за обычныя раньше нормы. Всѣ эти преобразованія появились съ такой неслыханной быстротой, что только обладающіе наибольшей приспособляемостью индивидуумы могли вполнѣ слѣдовать за ними. Мы живемъ въ переходное время, въ которое борьба за существованіе, естественнымъ образомъ, сдѣлалась особенно ожесточенной и изнурительной. Вотъ что, по моему мнѣнію, является главной причиной того, почему такъ открыто растетъ число тѣхъ, которые являются недостаточно подготовленными къ такъ повсюду и при томъ такъ быстро возросшимъ требованіямъ современной жизни и которые неспособны такимъ образомъ къ борьбѣ въ мирныхъ областяхъ. Новое подрастающее поколѣніе вступитъ въ эту борьбу со свѣжими силами и въ лучшемъ вооруженіи, чтобы имѣть возможность приспособиться къ измѣнившимся условіямъ жизни». Такъ талантливо и такъ вѣрно нарисованная картина угрожающаго крахомъ современнаго по-

*) *A. Cramer*: „Die Prophylaxe in der Psychiatrie“ Psychiatrisch-Neurologische Wochenschrift“. Jahrg. V. 38.

**) *Psychiatrie*: „Lehrbuch“. 1903 г., 7-е изданіе, 1 томъ, стр. 109.

Digitized by Google

ложенія душевной жизни людей не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что и въ нашей странѣ, гдѣ жизнь еще не бьетъ такимъ сильнымъ ключомъ, какъ въ другихъ странахъ, но гдѣ зато четыре бича современнаго общества: чахотка, сифилисъ, пьянство и бѣдность царствуютъ, какъ нигдѣ, успѣшная борьба за душевное здоровье населенія можетъ быть ведена исключительно на широкихъ основаніяхъ соціальной гигіены.

И русскіе врачи неоднократно высказывались за эту борьбу на широкихъ основаніяхъ соціальной гигіены, но, къ сожалѣнію, все «широкое» чуждо бюрократической душѣ. На томъ же IX Пироговскомъ съѣздѣ по вопросу о мѣропріятіяхъ для охраны и развитія здоровья трудящагося населенія были сдѣланы слѣдующія постановленія.

1. Вопросъ объ охраненіи и развитіи трудовыхъ силъ трудящагося населенія помощью увеличенія благосостоянія послѣдняго является однимъ изъ важнѣйшихъ общественно-государственныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ на первый планъ всѣми современными условіями международныхъ улучшеній хозяйства.

2. Для достаточно успѣшнаго разрѣшенія этого вопроса необходима совмѣстная комбинированная дѣятельность государства, общественныхъ управленій и частной иниціативы, организованной на началахъ само-и взаимопомощи и кооперації.

3. Помимо возможнаго участія государственныхъ учрежденій въ самыхъ предпріятіяхъ организованной частной иниціативы, содѣйствіе ей государства должно выражаться въ устройствѣ достаточно широкаго доступнаго кредита, въ соотвѣтствующей налоговой политикѣ и законодательствѣ.

4. Желательное и необходимое содѣйствіе организованной частной иниціативѣ со стороны общественныхъ управленій можетъ проявляться различно: вкладами и участіемъ въ лицѣ своихъ представителей въ направленіи дѣла, гарантіями и проч.

Далѣе: Постановленіе 75. Вопросъ объ обезпеченіи рабочихъ врачебною помощью можетъ быть правильно разрѣшенъ въ Россіи только путемъ передачи фабричной и горнозаводской медицины земскимъ и городскимъ общественнымъ учрежденіямъ, при условіи переложенія натуральной повинности владѣльцевъ промышленныхъ заведеній на денежную и съ возложеніемъ выполненія этой повинности на органы земскихъ и городскихъ самоуправленій. Установленіе нормы передачи должно быть возложено на земскія и городскія общественныя учрежденія, но успѣшное выполненіе этой задачи возможно только при широкомъ самоуправленіи.

Постановленіе 76. Высшей формой обезпеченія трудящихся на случай болѣзней, старости и инвалидности служитъ государственное, обязательное для всѣхъ, страхованіе рабочихъ, при томъ условіи, чтобы въ выработкѣ устава и нормъ этого страхованія принимали участіе представители общественныхъ учрежденій, рабочихъ, врачей и предпринимателей и чтобы выработанный при такихъ условіяхъ уставъ былъ переданъ на предварительное обсужденіе общественныхъ учрежденій.

Digitized by Google

Постановленіе 77. Успѣшная борьба съ заболѣваемостью и охрана здоровья рабочихъ вообще возможны только при условіяхъ широкаго общественнаго контроля надъ условіями производства, въ которомъ рабочіе участвовали бы полноправными членами, а также путемъ упорядоченія фабричнаго законодательства при участіи въ выработкѣ законопроектовъ представителей отъ рабочихъ, нормированіе рабочаго дня до 8 ч. и допущенія рабочихъ организацій и союзовъ.

Такъ думали съѣхавшіеся со всей Россіи врачи, а компетентность ихъ въ этомъ дѣлѣ врядъ ли подлежитъ сомнѣнію.

Надо ли говорить здѣсь еще о томъ вредѣ, который причиняется душѣ всѣхъ русскихъ гражданъ погромами, еврейскими, армянскими и прочими, массовыми избіеніями полиціей, казаками и черной сотней; всѣ эти ужасы не могутъ еще перейти въ область нашихъ воспоминаній, вредъ же, причиняемый всѣмъ этимъ нашей психикѣ, хорошо намъ извѣстенъ благодаря горькому опыту, въ полномъ смыслѣ слова, всѣхъ насъ.

Та картина ужасныхъ условій, въ которыхъ находится душа русскаго народа, и та опасность, которой она подвергается благодаря нерадѣнію и часто прямому попустительству нашей бюрократіи, даетъ намъ право назвать всѣ эти, изъ самой нашей жизни взятые, факты *сплошнымъ мартирологомъ русской души*, сплошнымъ калѣченьемъ душъ. Вотъ дѣйствительно—ужасъ и безуміе! Мы видимъ, что о «гигіенѣ души» въ нашемъ отечествѣ можно говорить, только развѣ поставивъ это понятіе въ ковычки.

Мы видѣли, какъ широки должны быть дѣйствительныя мѣры борьбы, захватывающія и сферу правъ личности, и область соотношеній церкви и государства, и умственное, нравственное и матеріальное благосостояніе массы населенія. Мы видѣли и знаемъ хорошо теперь, какъ далеки мысли и дѣйствія нашей бюрократіи отъ того, чтобы дѣйствительно заботиться о нервно-психической гигіенѣ русскаго народа. Мы видѣли, что, какъ очень часто бываетъ, благодаря непосредственнымъ стараніямъ нашей бюрократіи, одинъ русскій гражданинъ получаетъ неврастенію, другой—психозъ, а третій кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

Все это заставляетъ насъ признать, что отдать борьбу за душевное здоровье русскаго народа въ руки той же бюрократіи—значитъ поставить надъ всѣмъ этимъ дѣломъ крестъ. Мы счастливы констатировать, что наша профессіонально-гражданская точка зрѣнія въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ нашей обще-гражданской и подсказываетъ намъ вмѣстѣ съ ней одну мысль, одно желаніе, и одно, къ сожалѣнію, пока мечтаніе: скорѣйшій созывъ полномочныхъ представителей отъ всего народа. *Caveant cives!*

В. К. Хорошко.

Digitized by Google

Postscriptum. Въ заключеніе я позволю себѣ привести здѣсь резолюціи и постановленія, принятыя за послѣднее время русскими спеціальными организаціями по интересующему насъ вопросу.

Резолюція 2-го съѣзда отечественныхъ психіатровъ, принятая единогласно въ засѣданіи 10-го сентября:

I. 2-й съѣздъ отечественныхъ психіатровъ пришелъ къ заключенію: 1) что алкоголики какъ больные должны подлежать индивидуальному лѣченію всѣми признанными современной медициной наиболѣе пригодными для этого мѣрами, каковы суть: а) временныя убѣжища для лицъ, находящихся въ состояніи остраго опьянѣнія, б) амбулаторіи для алкоголиковъ, могущихъ пользоваться на ходу гипнозомъ и другими физіотерапевтическими и фармацевтическими средствами, в) лѣчебницы для стаціонарныхъ больныхъ; 2) что этимъ отнюдь не разрѣшается общій и основной вопросъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ, какъ народнымъ зломъ, и что для послѣднихъ цѣлей главнѣйшей правильной мѣрой является отказъ правительства отъ пользованія виномъ для фискальныхъ цѣлей, а съ другой,—проведеніе въ жизнь самыхъ широкихъ соціальныхъ реформъ и поднятіе благосостоянія массъ путемъ пріобщенія ихъ ко всѣмъ плодамъ современной европейской культуры. Послѣднее же возможно въ нашемъ отечествѣ при коренномъ измѣненіи настоящаго государственнаго строя путемъ фактическаго предоставленія всѣмъ безъ исключенія гражданамъ Россіи всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, на стражѣ которыхъ должно стоять избранное отъ всего населенія полномочное законодательное собраніе.

II. 2-й съѣздъ отечественныхъ психіатровъ полагаетъ своимъ научнымъ и общественнымъ долгомъ заявить, что въ этіологіи нервно-психическихъ заболѣваній значительное мѣсто занимаютъ соціально-политическіе факторы, дѣйствующіе угнетающимъ образомъ на условія личнаго и общественнаго существованія. Попраніе правъ человѣческой личности всегда отражается тягостнымъ образомъ на нервно-психическомъ состояніи человѣка, но когда это попраніе достигаетъ такой степени, что личность не гарантирована отъ внезапнаго обыска и ареста по одному лишь подозрѣнію въ политической неблагонадежности; когда человѣкъ изъ-за своихъ убѣжденій можетъ быть направляемъ въ ссылку или ввергаемъ въ тюрьму съ одиночнымъ заключеніемъ, въ которыхъ калѣчатся его духовныя силы; когда возможны даже тѣлесныя наказанія вопреки августовскому манифесту 1904 г.; когда происходятъ на глазахъ у всѣхъ массовыя убійства на улицѣ со многими неповинными жертвами,—то нервно-психическое здоровье населенія подвергается тяжелому испытанію, приводящему къ увеличенію числа нервныхъ и душевныхъ заболѣваній въ населеніи страны. Признавая такой порядокъ вещей глубоко ненормальнымъ и въ то же время вытекающимъ непосредственно изъ условій общегосударственнаго режима, съѣздъ высказывается: 1) въ пользу безотлагательнаго устраненія административно-полицейскаго произвола и предоставленія населенію основныхъ

Digitized by Google

правъ человѣка и гражданина въ видѣ обезпеченія свободы личности, печати и слова, собраній и союзовъ и 2) за немедленное освобожденіе борцовъ за идею въ лицѣ такъ называемыхъ политически обвиненныхъ изъ мѣстъ ихъ заключенія. Съѣздъ выражаетъ въ то же время увѣренность, что съ установленіемъ прочнаго правопорядка на началахъ истиннаго представительства явленія, подобныя вышеуказаннымъ, не могутъ происходить нигдѣ въ Россіи, не исключая и наиболѣе удаленныхъ ея окраинъ.

Принятый единогласно отвѣтъ общества психіатровъ въ Петербургѣ на запросъ Пироговскаго общества врачей о вліяніи государственныхъ условій на психическое здоровье народа:

I. Самой главной причиной душевныхъ заболѣваній среди заключенныхъ по политическимъ и религіознымъ дѣламъ является продолжительное пребываніе въ одиночномъ заключеніи и тѣ особенныя условія, которыми обставлена жизнь этихъ лицъ въ русскихъ тюрьмахъ. Полная неизвѣстность, въ которой остаются эти заключенные цѣлыми мѣсяцами, а часто и годами; недопустимые пріемы жандармскаго допроса, усиливающіе и безъ того повышенную нервную возбудимость: понятное недовѣріе къ тѣмъ лицамъ, которыя тайно и безконтрольно ведутъ слѣдствія по политическимъ дѣламъ,—вотъ тѣ моральныя причины, которыя гибельно вліяютъ на душевное состояніе заключенныхъ и способствуютъ развитію среди нихъ душевныхъ заболѣваній. Само собою разумѣется, что и вся общественная дѣятельность такъ называемыхъ государственныхъ преступниковъ, протекающая при современныхъ русскихъ условіяхъ подъ непрерывной угрозой обыска, ареста и ссылки, въ достаточной мѣрѣ расшатываютъ нервную систему. Эти ненормальныя условія общественной и политической дѣятельности въ Россіи вліяютъ разрушительнымъ образомъ не только на психику лицъ, непосредственно причастныхъ къ такъ называемымъ политическимъ дѣламъ, но и на душевное состояніе близкихъ и окружающихъ, создавая такимъ образомъ въ широкихъ кругахъ населенія крайне вредное состояніе нервной напряженности, неувѣренности и душевнаго безпокойства. Кромѣ того, широко примѣняемая система сыска и выслѣживанія, опутывающая каждый шагъ русскаго гражданина цѣлой сѣтью неуловимыхъ агентовъ, порождаетъ въ обществѣ подозрительность, боязливость и крайнее недовѣріе даже къ близкимъ людямъ. Поддерживаемая за дорогую плату самыми худшими элементами населенія, эта правительственная система создаетъ и развиваетъ шпіонство, съ одной стороны, и шпіонофобію—съ другой, и вноситъ деморализацію въ общественныя и даже семейныя отношенія. Такимъ образомъ, отсутствіе гарантіи неприкосновенности личности и жилища и постоянныя преслѣдованія за политическія и религіозныя убѣжденія крайне вредно отражаются на психическомъ состояніи русскихъ гражданъ. Поэтому, въ интересахъ охраненія народнаго здравія, общество психіатровъ считаетъ необходимымъ: 1) отмѣнить положеніе объ усиленной охранѣ и 2) утвердить во всей Россіи неприкосновенность личности и жилища, и полную свободу совѣсти, слова, печати, со-

Digitized by Google

браній и союзовъ. И прежде всего общество считаетъ неотложной необходимостью освободить всѣхъ, кто пострадалъ за религіозныя и политическія убѣжденія, а производство по всѣмъ этимъ дѣламъ прекратить.

II. Признавая громадное значеніе соціальныхъ условій въ распространеніи душевныхъ заболѣваній среди рабочаго населенія Россіи, общество психіатровъ полагаетъ, что для предупрежденія и раціональнаго лѣченія душевныхъ болѣзней рабочаго класса необходимы коренныя реформы, направленныя къ подъему экономическаго и культурнаго состоянія рабочихъ, поэтому общество высказывается за необходимость: 1) введенія 8-часового рабочаго дня; 2) воспрещенія ночного и воскреснаго труда; 3) охраны женскаго и дѣтскаго труда; 4) промышленной гигіены общей и нервно-психической; 5) охраны рабочихъ отъ злоупотребленій со стороны работодателей; 6) организаціи надзора за исполненіемъ фабричныхъ законовъ; 7) охраны труда въ мелкихъ предпріятіяхъ, домашнемъ и кустарномъ производствѣ; 8) обезпеченія рабочихъ отъ нищеты на случай безработицы, увѣчья, болѣзни и престарѣлости. Признавая всю важность указанныхъ соціальныхъ реформъ, общество психіатровъ находитъ, что эти реформы и законодательная охрана труда не въ состояніи оградить рабочій классъ отъ вредныхъ вліяній на его нервно-психическое здоровье, пока рабочіе не могутъ сами собственной самодѣятельностью добиваться лучшихъ условій труда и существованія и этимъ охранять свое здоровье. Поэтому, кромѣ общихъ условій широкой политической свободы, рабочіе должны пользоваться свободой стачекъ и всякаго рода организацій.

III. Обсудивъ вопросъ о вліяніи государственныхъ условій на нервно-психическое здоровье русскихъ гражданъ, общество психіатровъ пришло къ заключенію, что въ религіозной, умственной и соціальной жизни русскаго населенія наблюдается громадное количество психо-патологическихъ явленій, нерѣдко принимающихъ характеръ психическихъ эпидемій, и масса нелѣпыхъ бредовыхъ идей. Выясняя условія развитія и распространенія отмѣченныхъ патологическихъ явленій, общество психіатровъ находитъ, что главная причина этого народнаго бѣдствія заключается въ соціально-экономическомъ рабствѣ русскаго народа, въ его духовной приниженности, въ полномъ отсутствіи самодѣятельности и самостоятельности. Современный государственный строй, регламентирующій всѣ стороны народной жизни и до крайнихъ предѣловъ стѣсняющій свободу личности, ставитъ непреодолимыя препятствія нормальному развитію духовной жизни. Оздоровленіе русскаго населенія въ нервно-психическомъ отношеніи общество психіатровъ считаетъ невозможнымъ безъ общаго соціально-экономическаго подъема народнаго благосостоянія и потому общество признаетъ необходимыми, кромѣ общихъ условій политической свободы, слѣдующія мѣры: 1) отдѣленіе церкви отъ государства; 2) всеобщее обязательное безплатное обученіе при полной свободѣ преподаванія; 3) обезпеченіе трудящихся землею; 4) коренная реформа налоговой системы; 5) равенство всѣхъ на-

Digitized by Google

ціональностей передъ закономъ; 6) гарантія свободы культурно-національнаго развитія каждаго народа, входящаго въ составъ Россіи.

IV. Всѣ указанныя соціально-экономическія и политическія реформы, безъ которыхъ немыслима успѣшная борьба съ психопатологическими явленіями въ русской жизни, несовмѣстимы съ современнымъ государственнымъ строемъ Россіи, поэтому и съ точки зрѣнія общественной психіатріи, призванной охранять душевное здоровье населенія, введеніе представительнаго правленія на широкихъ демократическихъ началахъ является въ настоящій моментъ важнѣйшей и неотложной задачей русскаго государства. Въ виду тревожнаго настроенія Россіи, которая вся охвачена одной неотступной мыслью о скорѣйшемъ устроеніи русской жизни, общество психіатровъ считаетъ необходимымъ немедленный созывъ народныхъ представителей, избранныхъ всѣмъ населеніемъ безъ различія пола, націи или вѣроисповѣданія, на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія».

Digitized by Google

А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи.

(Изданіе четвертое, значительно дополненное. С.-Петербургъ. 1905 г.

Выпускъ въ свѣтъ Анатоліемъ Ѳедоровичемъ Кони четвертаго изданія его «Судебныхъ рѣчей» совпалъ съ наступившимъ 30-го сентября сего года сорокалѣтіемъ его общественной—на судебномъ поприщѣ, научной и литературной дѣятельности. Новое изданіе «Судебныхъ рѣчей» отражаетъ въ себѣ всѣ разнообразные отдѣлы непосредственнаго служенія правосудію, чрезъ которые проходилъ глубокоуважаемый авторъ. При чтеніи книги А. Ѳ. передъ нами выясняется въ преемственномъ порядкѣ личность автора въ качествѣ публичнаго обвинителя, затѣмъ предсѣдательствующаго судьи, блюстителя закона—оберъ-прокурора и наконецъ толкователя смысла закона—кассаціоннаго сенатора. Всѣ эти фазы проникнуты однимъ и тѣмъ же свѣтомъ: гуманности, законности, философскаго мышленія и знанія; проповѣдь автора, съ какой бы каѳедры она ни произносилась, все та же; она неизмѣнно вѣрна высокимъ принципамъ, положеннымъ въ основу суда авторами судебныхъ уставовъ 1864 г. и указываетъ стоящимъ на разныхъ ступеняхъ храма юстиціи служителямъ его правильный путь къ достиженію судебнаго идеала—отвлеченной справедливости въ примѣненіи ея къ дѣйствительной жизни.

Въ рѣчахъ Кони-обвинителя, отличающихся логическою убѣдительностью и послѣдовательностью выводовъ, дѣйствительнымъ краснорѣчіемъ, чуждымъ громкихъ словъ и искусственныхъ эффектовъ, мы не найдемъ задора, горячности, раздраженія и хотя бы тѣни преувеличенія. Предъ нами дѣйствительно *судебный ораторъ*, твердый представитель государственной власти и общественнаго строя, недопускающій въ своей дѣятельности увлеченія, не забывающій ради личнаго тщеславія, что въ уголовномъ процессѣ дѣло идетъ о судьбѣ человѣка. То же спокойствіе, совершенная объективность и еще бо̀льшая авторитетность отличаютъ напутственное слово Кони-предсѣдателя, обращенное къ народнымъ судьямъ-присяжнымъ. Этимъ заключительнымъ словомъ возстановляется передъ слушателями, благодаря вѣрной дѣйствительности и талантливой группи-

Digitized by Google

ровкѣ фактовъ, вся картина изслѣдуемаго дѣянія; при помощи тонкаго психологическаго анализа выясняются облики участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, все дѣйствительно доказанное собирается и оцѣнивается, а сомнительныя улики устраняются и дается юридически неоспоримая квалификація, съ точки зрѣнія закона, дѣянія подсудимаго. Въ заключеніяхъ оберъ-прокурора и докладахъ сенатора Кони, при тѣхъ же качествахъ, мы встрѣчаемся съ покойной и строгой рѣчью ученаго криминалиста и тонкаго знатока уголовнаго процесса, умѣющаго безошибочно найти и указать дѣйствительное значеніе того или иного постановленія закона, разъяснить духъ его, отмѣтить допущенную ошибку и способъ устраненія ея.

Завершивъ разсматриваемой нами книгой сорокалѣтіе неустанной работы на судебномъ поприщѣ, А. Ѳ. смѣло можетъ сказать: faeci quod potui, faciant meliora potentes; а мы прибавимъ къ этому изреченію совѣтъ каждому начинающему судебному дѣятелю, искренно преданному избранной имъ профессіи, стремящемуся достигнуть «meliora», взять себѣ за образецъ дѣятельность Кони, раскрывающуюся въ его «судебныхъ рѣчахъ». Онѣ свидѣтельствуютъ не только о талантливости, нравственномъ и умственномъ богатствѣ автора, но объ его усидчивомъ трудѣ, о пріобрѣтенныхъ имъ спеціальныхъ познаніяхъ и общемъ научномъ развитіи,— столь важномъ въ судебномъ дѣлѣ.

Новое изданіе «Судебныхъ рѣчей», составляя необходимую, по нашему мнѣнію, принадлежность библіотеки каждаго юриста практика или теоретика, доступно въ то же время и для неспеціалистовъ; рѣчи А. Ѳ., блестящія стилемъ и красотой слова, какъ и все выходящее изъ-подъ его пера, полны живого интереса не только фактической стороной ихъ предмета, но еще больше психологической оцѣнкой событій и лицъ, которыхъ они касаются; замѣтки и очерки, посвященные памяти Б. Н. Чичерина, судебной этикѣ, оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, и другіе затрогиваютъ наиболѣе важные вопросы общественной морали и практической философіи.

Именно въ настоящее время, въ данную минуту, литературно-научный трудъ Кони получаетъ особую цѣнность какъ съ отвлеченной, такъ и съ непосредственно практической точекъ зрѣнія. Принципы судебной этики, основывающіеся на положеніяхъ общечеловѣческой морали, о которыхъ говоритъ авторъ, въ наше революціонное время, умышленно отворачивающееся отъ этическихъ началъ и морали, не желающее признавать законность ихъ существованія, особенно дороги и, въ освѣщеніи, даваемомъ имъ А. Ѳ., сами говорятъ за себя. Съ другой стороны близится,— несмотря на вольныя и невольныя помѣхи, ей чинимыя въ какомъ-то ослѣпленіи и взаимной враждѣ съ самыхъ противоположныхъ сторонъ,— вторая «эпоха великихъ реформъ», еще болѣе радикальныхъ, столь необходимыхъ нашей родинѣ, а въ томъ числѣ, конечно, и реформа суда. Въ этой области компетентное слово Кони должно цѣниться на вѣсъ золота и не можетъ не имѣть выдающагося значенія и интереса, а разбору

Digitized by Google

многихъ спорныхъ вопросовъ уголовнаго процесса и посвящена часть книги А. Ѳ. Къ ознакомленію съ нѣкоторыми изъ высказанныхъ А. Ѳ. мнѣній мы теперь и перейдемъ.

Указъ 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости устранилъ изъ сферы суда цѣлый рядъ дѣяній, имѣвшихъ всѣ формальные признаки преступленій, т.-е. запрещенныхъ закономъ подъ страхомъ наказанія, но по сознанію лучшей части нашего общества безразличныхъ въ уголовномъ отношеніи, не вызывающихъ надобности въ репрессіи. Дѣйствительной вѣротерпимости, хотя не разъ провозглашавшейся официально, у насъ до указа 17-го апрѣля не существовало, и часто даже на окраинахъ нашихъ (Царство Польское, Западныя и Южныя губерніи, Остзейскій край) правительственная политика стремилась (иногда не безъ успѣха) навязать судамъ несоотвѣтствующую имъ роль охранителей, путемъ судебнаго преслѣдованія, православія и искоренитѐлей сектантства и раскола. Въ главѣ, названной авторомъ «Вмѣсто предисловія», А. Ѳ., ссылаясь на доклады свои сенату по дѣламъ о сектантствѣ и религіозныхъ преступленіяхъ, выступаетъ противъ подобнаго образа дѣйствій суда и допускавшагося подъ вліяніемъ тенденціозныхъ заключеній духовныхъ экспертовъ невѣрнаго и распространительнаго толкованія закона, благодаря которому, напримѣръ, собраніе нѣсколькихъ родственниковъ въ домѣ штундиста для церемоніи погребенія его дочери, чтеніе вслухъ священнаго писанія и пѣніе псалмовъ въ присутствіи трехъ гостей признавалось воспрещеннымъ «общественнымъ богомоленіемъ», а синодальное изданіе новаго завѣта, брошюры, издаваемыя Свято-Троицкой лаврой, и «книга, именуемая Евангеліе», считались «вещественными доказательствами» принадлежности къ «штундо-баптизму». Или допускалась экспертиза, гласившая, что *по внѣшнему виду* задержанныхъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ «мормоновъ» можно опредѣлить, что у нихъ существуетъ свальный грѣхъ. Законъ 17-го апрѣля внесъ новую струю въ наше законодательство по вопросамъ религіознымъ и церковнымъ, но оно еще далеко не завершилось, и новое Уголовное Уложеніе по отношенію именно къ преступленіямъ религіознымъ требуетъ значительныхъ измѣненій, въ видахъ каковыхъ высказанныя А. Ѳ. справедливыя и вѣрныя мысли, строго осуждающія церковную политику принужденія, имѣютъ значеніе не только справки изъ прошлаго, но и указанія для ближайшаго будущаго.

Коснувшись вопроса о профессіональной тайнѣ вообще и спеціально о врачебной тайнѣ на судѣ, Кони указываетъ на возникшее въ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ теченіе за отмѣну признанной нашимъ дѣйствующимъ закономъ тайны (на судѣ) исповѣди и на противоположную тенденцію расширенія компетенціи профессіональной тайны. Кони, стоя за допущеніе законодателемъ профессіональной тайны, особенно врачебной, находитъ однако, что при коллизіи такой обязанности молчанія съ требованіемъ уголовнаго суда отъ свидѣтеля откровеннаго разсказа о всемъ ему извѣстномъ, относящемся къ обстоятельствамъ какого-либо преступ-

Digitized by Google

ленія,—предпочтеніе должно быть дано обязанности передать суду все извѣстное данному лицу, не подлежащее при нормальныхъ условіяхъ раскрытію, ибо имѣющія общественное значеніе задачи уголовнаго суда выше частныхъ интересовъ одного или нѣсколькихъ лицъ и отъ согласнаго съ истиной разрѣшенія ихъ зависитъ нерѣдко честь, свобода и даже жизнь отдѣльныхъ лицъ. Завѣса профессіональной тайны должна пасть предъ требованіемъ правосудія. Но есть положенія, которыя и изъ этого правила допускаютъ исключенія, и къ нимъ авторъ относитъ сознаніе преступника, учиненное на духу священнику, и такое же сознаніе подсудимаго, сдѣланное защитнику его. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора о томъ, что духовный asilium, открываемый преступнику откровеннымъ сознаніемъ въ своемъ грѣхѣ предъ служителемъ алтаря, не долженъ быть, въ виду высшаго нравственнаго закона, нарушаемъ ни въ какомъ случаѣ, также какъ право подсудимаго безбоязненно передать защитнику истинную картину совершеннаго имъ преступленія.

Переходя къ институту присяжныхъ засѣдателей, убѣжденнымъ защитникомъ котораго Кони выступалъ въ теченіе всей своей 40-лѣтней судебной дѣятельности, А. Ѳ. высказывается попутно за возстановленіе принципа гласности и публичности судебныхъ засѣданій, ограниченнаго закономъ 1887 года, «который», по словамъ автора, «внесъ въ это дѣло значительный просторъ для усмотрѣнія, могущаго руководиться и неумѣстными опасеніями, и услужливой заботливостью, и, наконецъ, просьбами участвующихъ лицъ или ихъ вліятельныхъ покровителей». Авторъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что гласность и публичность составляютъ одно изъ *основныхъ началъ* судопроизводства, а не просто *условія* отправленія правосудія, приводитъ сказанное о гласности еще въ 1857 году К. П. Побѣдоносцевымъ: «Если цѣль его (правосудія) дѣйствительно состоитъ въ охраненіи правды, въ исправленіи и обличеніи неправды, въ соблюденіи закона, то оно не можетъ, не должно опасаться свѣта и всѣ дѣйствія его должны совершаться открыто, потому что обличеніе неправды въ тьмѣ не есть обличеніе, объявленіе правды въ тайнѣ не есть объявленіе...»

Отмѣтивъ, что институтъ присяжныхъ засѣдателей вынесъ за послѣднее время не мало нападеній во Франціи, гдѣ такіе писатели-мыслители, какъ Крюппи и Тардъ, выступили противъ него, въ Италіи подъ вліяніемъ антропологической школы Ломброзо и его послѣдователей и особенно въ Германіи, Кони вспоминаетъ о возникновеніи и первыхъ шагахъ у насъ явившагося на смѣну дореформеннаго уродливаго процесса, суда присяжныхъ, въ то время «таинственнаго незнакомца», причемъ говоритъ: «Безпристрастная исторія нашего суда присяжныхъ покажетъ современемъ, въ какія тяжкія, неблагопріятныя условія былъ онъ у насъ поставленъ, какъ долгіе годы онъ оставался безъ призора и ухода, какъ его недостатки не исправлялись любовно и рачительно, а предоставлялись злорадно или бливоруко дальнѣйшему саморазвитію. Будущій историкъ этого суда долженъ

Digitized by Google

будетъ признать, что по отношенію къ этому суду у насъ велась своеобразная бухгалтерія, причемъ на страницѣ кредита умышленно ничего не писалось, а на страницѣ дебета вписывался каждый промахъ крупнымъ, каллиграфическимъ почеркомъ...» Предпринимавшіяся у насъ даже въ недавнее время попытки уничтожить или исказить институтъ присяжныхъ засѣдателей, потерпѣли неудачу, и Кони говоритъ въ концѣ своей замѣтки: «Будемъ надѣяться, что это было для него (суда присяжныхъ) послѣднимъ испытаніемъ, и что по мѣрѣ водворенія въ отечествѣ нашемъ правового порядка, любовно улучшаемый и цѣнимый, онъ будетъ расширять область своего вѣдѣнія и нравственнаго вліянія». Мы не сомнѣваемся, что къ высказаннымъ А. Ѳ. положеніямъ присоединятся всѣ безпристрастные судебные дѣятели, близко знающіе судъ присяжныхъ.

По поводу особыхъ мнѣній своихъ, поданныхъ въ комиссію по пересмотру законоположеній по судебной части, завершившую уже труды свои составленіемъ новаго проекта судебныхъ уставовъ, къ каковой работѣ А. Ѳ. относится во многихъ случаяхъ безусловно отрицательно, онъ говоритъ между прочимъ: «Уставы 1864 г. давно нуждались не въ поспѣшныхъ пристройкахъ, надстройкахъ и перестройкахъ, а въ рачительномъ и вдумчивомъ трудѣ законодателя. Послѣднему предстояло, какъ хорошему хозяину, предпринять осторожный и прочный ремонтъ зданія, для того чтобы возстановить его въ той чистотѣ и согласованности частей, въ которыхъ его задумалъ и возвелъ любящей рукою первоначальный строитель... Ремонтъ этотъ долженъ былъ не измѣнять общихъ устоевъ, заложенныхъ въ фундаментъ, и совершиться съ соблюденіемъ величайшаго уваженія и вниманія къ трудамъ и завѣтамъ предшественниковъ, направленнымъ къ осуществленію началъ истиннаго правосудія и возвышающей ихъ человѣчности». Время, протекшее съ изданія судебныхъ уставовъ, обнаружило нѣкоторые недостатки ихъ и недосмотры, неизбѣжные при выполненіи такого громаднаго и сложнаго дѣла, и комиссіи надлежало исправить эти недостатки, въ большинствѣ формальнаго, техническаго характера; но комиссія... «къ сожалѣнію, вопреки утвержденію своего предсѣдателя (бывшаго министра юстиціи Н. В. Муравьева) не ограничилась устремленіемъ своихъ творческихъ силъ *на всѣ слабыя мѣста, куда надлежитъ направить ремонтныя работы* (изъ рѣчи предсѣдателя), а предприняла коренную перестройку уставовъ и, постепенно увлекаясь этой неблагодарной задачей, едва ли достигла ставимой ей въ заслугу цѣли *соединить въ устройствѣ правосудія незыблемость великихъ основныхъ началъ съ практической гибкостью ихъ дѣйствія* (ibidem). Можно даже опасаться, что скептически настроенные умы, ознакомившись съ проектомъ уставовъ въ окончательной его редакціи, выработанной комиссіей, найдутъ, что въ новомъ судоустройствѣ, вдвинутомъ какъ клинъ въ многострадальныя страницы судебныхъ уставовъ, этой практической гибкости отведено далеко не одинаковое мѣсто съ великими основными началами и что самое брачное ихъ сопряженіе грозитъ на практикѣ скорымъ и неми-

Digitized by Google

нуемымъ разводомъ... Истинная задача пересмотра судебныхъ уставовъ должна быть непремѣнно связана съ возвращеніемъ къ старому, лишь укрѣпленному и освѣженному, такъ чтобы немногимъ изъ оставшихся судебныхъ дѣятелей перваго призыва *въ новизнѣ его—старина ихъ слышалась*».

Мы въ полной мѣрѣ присоединяемся къ отрицательному отношенію А. Ѳ. къ новому проекту уставовъ и всему высказанному имъ по сему поводу, а «отдѣльнымъ мнѣніямъ» его, какъ члена комиссіи, придаемъ большое практическое значеніе, такъ какъ не сомнѣваемся, что въ ближайшемъ будущемъ мы вступимъ, наконецъ, дѣйствительно въ государственную атмосферу правового порядка, въ которой только и могутъ правильно и безпрепятственно развиваться «великія основныя начала» судоустройства 1864 года, а потому неизбѣжно потребуется пересмотръ проекта въ духѣ и направленіи, указанномъ А. Ѳ.

Глубокій интересъ представляетъ очеркъ, озаглавленный: «Нравственныя начала въ уголовномъ процессѣ». Авторъ, доказывая необходимость научнаго освѣщенія разнородныхъ вопросовъ, возникающихъ въ каждой стадіи процесса, подлежащихъ разрѣшенію согласно требованіямъ нравственнаго закона, «этого non scripta, sed nata lex», предлагаетъ расширить академическое преподаваніе уголовнаго процесса въ сторону установленія и изученія нравственныхъ началъ, долженствующихъ имѣть выдающееся вліяніе на отправленіе уголовнаго правосудія. Авторъ полагаетъ, что систематическое изученіе этики наравнѣ съ исторіей и догмой процесса, пока не осуществлявшееся, должно имѣть въ будущемъ первенствующее значеніе, ибо нравственныя начала въ дѣлѣ отправленія правосудія должны получать все большее и большее распространеніе.

Развивъ идею этическаго отношенія судьи къ разрѣшаемому имъ уголовному дѣлу, пріемамъ изслѣдованія, юридической квалификаціи дѣянія и избранію рода и вида наказанія, а главнымъ образомъ къ самому подсудимому, Кони говоритъ, что отсюда вытекаетъ необходимость «при изученіи уголовнаго процесса обращать вниманіе на то, какъ и въ чемъ выражается въ немъ, указанная Гегелемъ, объективная нравственность,—Sittlichkeit, и должна проявляться нравственность субъективная—Moralität. Такимъ путемъ можно выяснить, какъ надлежитъ поступать, чтобы шаги *судебнаго дѣятеля* по пути къ цѣлямъ правосудія не противорѣчили нравственному долгу *человѣка*». Введеніемъ въ науку о процессѣ судебной этики, какъ ученія «о приложеніи общихъ понятій о нравственности къ той или другой отрасли спеціальной судебной дѣятельности», Кони стремится разрѣшить отмѣченную имъ проблему, нарождающуюся при возможной въ дѣятельности судьи коллизіи требованій формальнаго закона и общечеловѣческой морали и, по нашему мнѣнію, указываетъ единственный вѣрный путь къ разрѣшенію ея.

Мы не сомнѣваемся въ правильности приведеннаго взгляда автора и горячо привѣтствуемъ инициативу введенія въ академическое преподаваніе

Digitized by Google

уголовнаго процесса—судебной этики какъ самостоятельной дисциплины, или по крайней мѣрѣ особаго отдѣла науки процесса, инициативу особенно вѣскую, такъ какъ она исходитъ отъ профессора уголовнаго процесса, доктора уголовнаго права и въ то же время опытнѣйшаго судебнаго дѣятеля. Поднятіе вопроса объ измѣненіи академическаго преподаванія уголовнаго процесса своевременно именно теперь, когда предстоитъ реформа судопроизводства и судоустройства и освободившимися отъ министерской опеки автономными университетами пересматриваются планы и программы высшаго научнаго преподаванія.

Въ очеркѣ «Свидѣтели на судѣ» А. Ѳ. говоритъ о предпринятой въ недавнее время «переоцѣнкѣ» свидѣтельскихъ показаній какъ судебнаго доказательства, на основаніи выводовъ «экспериментальной психологіи». Предостерегая отъ поспѣшнаго принятія въ качествѣ неопровержимыхъ догматовъ выводовъ молодой еще науки и рекомендуя способъ оцѣнки свидѣтельскихъ показаній, основанный на *судейскомъ опытѣ*, А. Ѳ. въ то же время признаетъ значеніе этой науки и считаетъ правильнымъ введеніе «психологіи» и «психопатологіи» въ кругъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ. «Пусть,—говоритъ Кони,—вооруженный этими знаніями и руководящими указаніями науки входитъ молодой юристъ въ жизнь и обращается, въ свое время, къ судебной дѣятельности. Если онъ любитъ свое дѣло, если онъ приступаетъ къ исполненію обязанностей судьи съ сознаніемъ ихъ возвышеннаго значенія и своей нравственной отвѣтственности—sursum corda—онъ усилитъ свои теоретическія познанія вдумчивою наблюдательностью и выработаетъ въ себѣ навыкъ въ распознаваніи свойствъ свидѣтелей и умѣнье дѣлиться своимъ опытомъ въ словѣ и на дѣлѣ съ присяжными засѣдателями».

Этими словами автора мы заканчиваемъ изложеніе отзыва нашего о книгѣ А. Ѳ., въ надеждѣ, что побудимъ пробѣжавшихъ нашу замѣтку лицъ, интересующихся дѣломъ суда, ознакомиться съ содержаніемъ ея въ подлинникѣ.

Н. Давыдовъ.

Digitized by Google

Съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей и вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ.

(Письмо въ редакцію.)

Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ появляется на земскомъ съѣздѣ не впервые. У него уже есть своя краткая исторія. Главныя ея черты мы и намѣрены возстановить въ виду недавно состоявшагося въ Москвѣ (6—14 ноября) съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Впервые поставленъ былъ вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ на земскомъ съѣздѣ въ апрѣлѣ текущаго года. Бюро Союза равноправности женщинъ представило въ съѣздъ петицію о включеніи женщинъ въ число полноправныхъ гражданъ. Съѣздъ принялъ заявленіе «къ свѣдѣнію», но обсужденіе его отложилъ. Таковъ былъ офиціальный отвѣтъ; а по частнымъ отзывамъ присутствовавшихъ, отношеніе большинства земствъ къ вновь возникшему вопросу было или враждебное, или юмористическое...

Слѣдующій земскій съѣздъ былъ созванъ въ іюлѣ. Къ этому времени, по иниціативѣ центральнаго бюро «Союза равноправности женщинъ»—16 отдѣленій союза подали въ съѣздъ заявленіе съ требованіемъ для женщинъ равныхъ политическихъ правъ съ мужчинами. 17-е заявленіе,—отъ польскихъ, еврейскихъ и литовскихъ женщинъ, было представлено присланной изъ Вильны делегаткой, просившей разрѣшенія прочесть его на съѣздѣ лично. Разрѣшеніе ей дано не было; и ни это, и ни одно изъ остальныхъ 16-ти заявленій прочитаны не были.

Въ отвѣтъ на всѣ эти заявленія, бюро общеземскаго и городского съѣзда составило слѣдующій проектъ резолюціи по вопросу о равноправности женщинъ. «Вполнѣ признавая съ точки зрѣнія справедливости и находя съ практической стороны политическое равноправіе женщинъ желательнымъ при будущемъ правовомъ строѣ Россіи, съѣздъ, тѣмъ не менѣе, стремясь къ наискорѣйшему осуществленію этого строя, находитъ, при данныхъ условіяхъ, непрактичнымъ затруднять моментъ учредительства слишкомъ сложными требованіями полнаго достиженія улучшенія всѣхъ сторонъ жизни. Для примѣра можно указать хотя бы на общепризнан-

Digitized by Google

ную необходимость усовершенствовать мѣстное самоуправленіе и распространить его на всю Россію, на необходимость предоставленія большей самостоятельности областному устройству окраинъ; но, тѣмъ не менѣе, разработку и приведеніе этихъ и многихъ другихъ насущнѣйшихъ реформъ практичнѣе отложить до того времени, когда принимать участіе въ законодательной работѣ могутъ свободно выбранные народные представители и при прочно установленныхъ необходимыхъ свободахъ. Поэтому съѣздъ полагаетъ цѣлесообразнымъ вопросъ о предоставленіи политической равноправности женщинамъ не ставить при данныхъ условіяхъ русской чѣйствтиельности одновременно съ вопросомъ о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, а оставить открытымъ или до измѣненія условій учредительства, или до того времени, когди народные представители будутъ уже собраны».

Отвѣтъ былъ, такимъ образомъ, отрицательный. Но при этомъ нельзя не отмѣтить уже нѣкотораго прогресса въ отношеніи представителей земства къ вопросу о политическихъ правахъ женщинъ: теперь права эти, по существу, уже не отрицаются; на первый планъ выдвигаются возраженія не принципіальныя, а тактическія.

Ознакомившись съ отвѣтомъ бюро общеземскаго и городского съѣзда, центральное бюро «Союза равноправности женщинъ» послало слѣдующее заявленіе: «Въ бюро съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей. По поводу проекта резолюціи по вопросу о равноправности женщинъ, вносимаго во всероссійскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, бюро «Союза равноправности женщинъ» считаетъ нужнымъ представить свои соображенія, которыя и проситъ доложить съѣзду. Постановленія и резолюціи, принимаемыя на съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, еще не имѣютъ законодательной силы. Это формулы соглашеній прогрессивныхъ элементовъ русскихъ земствъ и городовъ,—принципы, которые должны стать основными началами будущаго государственнаго строя Россіи. Если, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, равноправность женщинъ не будетъ признана однимъ изъ такихъ основныхъ началъ, то какая же можетъ быть гарантія для насъ, женщинъ, что въ будущемъ представительномъ собраніи безъ участія женщинъ равноправность будетъ признана большинствомъ? Разница между политически и граждански безправными женщинами и полноправными тогда въ политическомъ отношеніи мужчинами будетъ еще больше той, которая существуетъ теперь между одинаково политически безправными мужчинами и женщинами. Не будетъ ли тогда собраніе народныхъ представителей имѣть болѣе основаній признать равноправность женщинъ несвоевременной? Несвоевременность—это обычный мотивъ монарховъ, отказывающихъ народамъ въ свободѣ, мотивъ рабовладѣльцевъ, не желающихъ отпустить на волю своихъ крѣпостныхъ, господствующихъ классовъ, отказывающихъ въ правахъ классамъ угнетеннымъ. Онъ всегда кажется одинаково несправедливымъ угнетеннымъ и безправнымъ и оди-

Digitized by Google

наково убѣдительнымъ для господъ. Вопросъ о дарованіи женщинамъ равныхъ съ мужчинами правъ не можетъ быть признанъ «слишкомъ сложнымъ требованіемъ, затрудняющимъ моментъ учредительства». Съ этой точки зрѣнія не меньшимъ затрудненіемъ должны считаться допущеніе къ голосованію неграмотныхъ, некультурныхъ инородцевъ и др. Проектъ г. Булыгина имѣетъ одною изъ своихъ задачъ устраненіе этихъ и подобныхъ имъ затрудненій; онъ только пошелъ немного далѣе и устранилъ всѣхъ, кромѣ имущихъ классовъ. Техническія затрудненія допущенія женщинъ къ голосованію ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть значительными, и существуетъ проектъ положенія о созывѣ учредительнаго собранія (проф. Фальборга), разрѣшающій это затрудненіе и разсмотрѣнный въ союзѣ союзовъ. Да если бы и было такое затрудненіе, нельзя отступать передъ нимъ, не сдѣлавъ попытки къ его разрѣшенію. Вопросъ о политической равноправности женщинъ не можетъ быть вопросомъ второй очереди. Представители всѣхъ классовъ и слоевъ общества, которыхъ касаются эти вопросы, при условіи всеобщаго для нихъ избирательнаго права, получатъ возможность отстаивать свои интересы въ будущемъ собраніи народныхъ представителей; одни женщины будутъ лишены этого права, а между тѣмъ цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ измѣненіемъ гражданскаго, семейнаго, экономическаго положенія женщины не можетъ быть разрѣшенъ правильно безъ участія женщинъ, которымъ приходится жить въ этихъ условіяхъ. Женщины сознали уже всю тяжесть своего безправнаго положенія и не могутъ болѣе мириться съ нимъ. Если законъ о созывѣ народныхъ представителей оставитъ ихъ въ томъ же безправномъ положеніи, имъ останется только одно—примкнуть къ тѣмъ партіямъ и группамъ, которыя, подобно имъ, не удовлетворятся этимъ закономъ и вступятъ въ активную борьбу съ созданными имъ учрежденіями. Таково неизбѣжно должно быть отношеніе къ собранію представителей, если оно будетъ созвано по проекту Булыгина. Неужели таково же должно быть отношеніе русскихъ женщинъ съ собранію народныхъ представителей, созванному по проекту, разработанному представителями земствъ и городовъ? Неужели среди оппозиціонныхъ элементовъ современной Россіи одни представители прогрессивныхъ элементовъ среди земства останутся нашими врагами, потому что наши требованія равныхъ съ мужчинами политическихъ правъ признаны всѣми крайними партіями, организованными рабочими, союзами интеллигентныхъ профессій, съѣздомъ городскихъ дѣятелей. Настало время опредѣлить, съ кѣмъ и противъ кого намъ идти, и мы просимъ у васъ отвѣта,—друзья вы намъ или враги?»

Кромѣ того, бюро Союза равноправности женщинъ, желая выяснить отношеніе къ политическимъ правамъ женщинъ земскихъ дѣятелей, обратилось къ нимъ съ просьбой отвѣтить *да* или *нѣтъ* на вопросъ: считаетъ ли данное лицо нужнымъ предоставить женщинамъ политическія права? И если *да*, то считаетъ ли оно желательнымъ предоставить имъ эти права на первое учредительное собраніе?

Digitized by Google

Всего разослано было 169 запросовъ; получено 63 отвѣта. Любопытно отмѣтить, что сторонники равноправности женщинъ по большей части отвѣчали односложно *да*; противники же посылали длинныя разсужденія, а одинъ корреспондентъ прислалъ чуть ли не цѣлую диссертацію... Въ возраженіяхъ противниковъ встрѣчаются обычные шаблонные аргументы. Такъ, между прочимъ, указывается, что вопросъ о правахъ женщинъ еще не выяснился для общества; что онъ вездѣ вызоветъ противодѣйствіе, особенно въ крестьянской средѣ, гдѣ мысль эта покажется «барской затѣей»; указывалось на консерватизмъ женщинъ и ихъ политическую неподготовленность; выражалось опасеніе, что «политика испортитъ нервы женщины, помѣшаетъ ей выполнять свои семейныя обязанности»... Высказывалось также опасеніе, что женскій вопросъ «осложнитъ и безъ того сложный моментъ»; «запросивши многаго—не остаться бы безъ ничего», а потому женскими правами можно бы и поступиться... Одинъ изъ противниковъ-корреспондентовъ писалъ, между прочимъ: «Я предпочелъ бы видѣть мою мать, сестру, жену, любовницу—не забрызганной всѣми «éclaboussures», которыя неизбѣжны въ политической жизни и борьбѣ». Другой выражалъ желаніе предоставить женщинамъ лишь право «поддерживать мужчину въ политической борьбѣ», отнюдь не вступая въ нее, ибо борьба вліяетъ на психику, а это «можетъ вредно отозваться на семьѣ» и пр., и пр.

Такимъ образомъ анкета выяснила, что въ земской средѣ есть не мало противниковъ равноправности женщинъ, но много есть и горячихъ защитниковъ. Въ то же время, жизнь—факты рѣшительно высказывались за женщинъ. Сторонниками ихъ объявили себя обѣ крайнія радикальныя партіи; съѣздъ городскихъ дѣятелей; многочисленные профессіональные и политическіе союзы, въ томъ числѣ крестьянскій; наконецъ, цѣлый рядъ отдѣльныхъ земствъ. Можно было ожидать, что назначенный въ сентябрѣ земскій съѣздъ внемлетъ голосу страны и обратитъ серьезное вниманіе на вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ.

Къ сожалѣнію, надежды эти и ожиданія не оправдались: сентябрьскій общеземскій съѣздъ постановилъ (72-мя голосами противъ 63-хъ) не разсматривать вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Въ то же время съѣздъ поручилъ своему бюро пересмотрѣть прочитанный уже на собраніи проектъ «Основного государственнаго закона» и внести въ него нѣкоторыя дополненія; въ числѣ послѣднихъ бюро, большинствомъ 18 голосовъ противъ 11, рѣшило внести въ проектъ избирательныя права женщинъ, а, именно, въ «Положеніи объ учредительномъ собраніи народныхъ представителей Россійской имперіи», читаемъ: § 2. «Учредительное собраніе избирается населеніемъ посредствомъ всеобщаго, равнаго, прямого и закрытаго голосованія. § 3. Право участія въ выборахъ народныхъ представителей принадлежитъ россійскимъ гражданамъ обоего пола».—А дальше читаемъ параграфъ, предоставляющій женщинамъ пассивныя права, а именно: § 5. Въ народные представители могутъ быть избираемы тѣ же лица, коимъ принадлежитъ право участія въ выборахъ...

Digitized by Google

Одновременно съ этой внесенной въ избирательный законъ важной поправкой однимъ изъ членовъ бюро былъ составленъ къ слѣдующему общеземскому съѣзду весьма дѣльный обстоятельный докладъ о политическихъ правахъ женщинъ. Приводимъ его in extenso.

«14 сентября с. г. съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей постановилъ: не обсуждать вопросъ о равноправности женщинъ. Такъ какъ 8 іюля съѣздомъ было постановлено вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ разсмотрѣть при обсужденіи во второмъ чтеніи проекта избирательнаго закона, принятаго съѣздомъ въ первомъ чтеніи 7 іюля с. г., то постановленіе съѣзда, отъ 14 сентября с. г., бюро разсматривало, какъ подтвержденіе постановленія отъ 8 іюля с. г., почему и вноситъ этотъ вопросъ на обсужденіе съѣзда одновременно съ окончательнымъ проектомъ избирательнаго закона и представляетъ по этому вопросу нижеслѣдующее:

Бюро не считаетъ даже возможнымъ останавливать вниманіе съѣзда на вопросѣ о томъ, способна ли женщина пользоваться политическими правами. Бюро увѣрено, что въ настоящее время никто не поставитъ вопроса на такую почву. Бюро полагаетъ, что вопросъ о признаніи за женщиной политическихъ правъ подлежитъ разсмотрѣнію только съ точки зрѣнія справедливости и логичности такого акта и съ точки зрѣнія его практическихъ послѣдствій. Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей неоднократно признавалъ, что выборы на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и закрытаго голосованія представляютъ единственную форму, способную дать истинное народное представительство. Этимъ постановленіемъ съѣздъ уже предрѣшилъ вопросъ и о политическихъ правахъ женщинъ, ибо рѣшеніе его въ отрицательномъ смыслѣ находилось бы въ полномъ противорѣчіи съ постановленіемъ о всеобщемъ голосованіи. Въ сущности, при такомъ положеніи, лишеніе женщинъ политическихъ правъ было бы актомъ несправедливости, въ основѣ котораго лежалъ бы вѣковой предразсудокъ и грубое стремленіе къ господству надъ женщиной. Въ данный моментъ, когда малѣйшее нарушеніе права, когда всякая несправедливость болѣзненно отзываются въ душѣ гражданъ, когда для истерзанной родины необходимы всеобщее примиреніе и общая дружная созидательная работа, не должно и не можетъ быть обездоленныхъ и несправедливо обиженныхъ. Если въ іюлѣ с. г. требованіе о предоставленіи женщинамъ политическихъ правъ признавалось многими способнымъ осложнить моментъ учредительства, то въ данное время, наоборотъ, лишеніе женщинъ этихъ правъ можетъ внести въ дѣло значительное осложненіе.

Что касается до практическихъ послѣдствій предоставленія женщинамъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права, то тутъ едва ли представятся какія-либо затрудненія и осложненія. Бюро прежде всего полагаетъ, что положительное рѣшеніе этого вопроса будетъ имѣть скорѣе моральное и успокоительное, чѣмъ практическое значеніе, особенно для сельскихъ избирательныхъ округовъ, гдѣ женщины почти не воспользуются своимъ

Digitized by Google

правомъ. Тѣ изъ женщинъ, которыя тамъ въ небольшомъ числѣ пожелаютъ осуществить свое право, какъ показываетъ опытъ странъ, гдѣ женщины уже пользуются политическими правами,—будутъ подавать голоса съ своими семьями, такъ что соотношеніе голосовъ между партіями не измѣнится. Въ большихъ городахъ, гдѣ женское населеніе будетъ относиться къ дѣлу активнѣе и сознательнѣе, женскіе голоса несомнѣнно окажутъ вліяніе на выборы. Но предсказать результатъ этого вліянія совершенно невозможно. На основаніи опыта другихъ странъ, можно сказать только, что нигдѣ допущеніе женщинъ къ избирательнымъ урнамъ не ухудшило результатовъ выборовъ и не оправдало ожиданій ни пессимистовъ, ни оптимистовъ. Съ предоставленіемъ избирательныхъ правъ женщинамъ связано удвоеніе числа избирателей, подлежащихъ внесенію въ избирательные списки, но это не составитъ особаго практическаго затрудненія и потребуетъ лишь добавочныхъ рабочихъ рукъ; зато облегчится составленіе избирательныхъ комиссій, такъ какъ контингентъ пригодныхъ для участія въ нихъ лицъ увеличится, что особенно важно для участковыхъ комиссій. Число дѣйствительныхъ избирателей при этомъ увеличится, конечно, но не настолько, чтобы потребовалось увеличить число избирательныхъ участковъ, такъ какъ процентъ женщинъ, воспользовавшихся своимъ правомъ, будетъ незначителенъ. Предоставленіе женщинамъ избирательныхъ правъ, какъ можно думать, въ общемъ, улучшитъ составъ избирателей, воспользовавшихся своимъ правомъ. Составъ этотъ признается тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе въ немъ лицъ, сознательно относящихся къ дѣлу, а такъ какъ изъ женщинъ голосовать пойдутъ почти исключительно тѣ, которыя относятся къ выборамъ вполнѣ сознательно, то, въ общемъ, уровень контингента избирателей и долженъ будетъ повыситься, и это, несмотря на то, что, въ общемъ, процентъ женщинъ грамотныхъ и получившихъ законченное среднее и высшее образованіе меньше, чѣмъ у мужчинъ. Правда, что и это обстоятельство ослабляется тѣмъ, что значительное число женщинъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ средахъ, получаетъ хорошее домашнее образованіе. Бюро не останавливается на послѣдствіяхъ предоставленія женщинамъ пассивнаго избирательнаго права, такъ какъ думаетъ, что осуществленіе этого права будетъ представлять на первое время только исключеніе. Въ заключеніе, бюро считаетъ долгомъ привести на справку, что съѣздомъ городскихъ дѣятелей вопросъ о предоставленіи женщинамъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и что на имя бюро съѣзда поступило до сего времени 51 представленіе отъ разныхъ городовъ имперіи отъ отдѣловъ Союза равноправія женщинъ, отъ различныхъ организованныхъ собраній, отъ отдѣльныхъ группъ женщинъ и отъ совѣта русскаго женскаго общества въ Петербургѣ—о постановкѣ вопроса о политическихъ правахъ женщинъ на обсужденіе съѣзда.

На основаніи изложеннаго, бюро предлагаетъ съѣзду въ соотвѣтству-

Digitized by Google

ющей статьѣ проекта избирательнаго закона включить слова: «безъ различія пола».

Съ своей стороны, бюро С. Р. Ж. озаботилось представить въ ноябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей заявленіе, въ коемъ указывалось, что принятая съѣздомъ формула всеобщаго, равнаго избирательнаго права логически обязываетъ его включить женщинъ—половину всего населенія, въ число полноправныхъ гражданъ. Приводимъ текстъ упомянутаго заявленія:

«Въ цѣломъ рядѣ рѣчей и резолюцій на съѣздѣ былъ провозглашенъ лозунгъ *всеобщаго равнаго* избирательнаго права. Въ виду того, что до настоящей минуты представителями земства не включена въ политическую программу вся женская половина Россіи, бюро союза высказываетъ свой горячій протестъ противъ неправильнаго присвоенія вышеупомянутаго политическаго опредѣленія. Ставить на своемъ знамени *всеобщее, равное* избирательное право можетъ лишь та партія или общественная группа, которая, подобно съѣзду городскихъ дѣятелей, крестьянскому союзу и громадному большинству всѣхъ прочихъ союзовъ и организацій, — признала полное уравненіе въ политическихъ правахъ женщинъ съ мужчинами. Поэтому бюро Союза равноправности женщинъ считаетъ, что формула *всеобщаго, равнаго* избирательнаго права логически обязываетъ земскій и городской съѣздъ вставить политическія права женщинъ въ проектъ избирательнаго закона и дополнить резолюцію объ учредительномъ собраніи словами «безъ различія пола».

Теперь предстояло сдѣлать лишь еще одинъ послѣдній шагъ: прочесть на общеземскомъ съѣздѣ докладъ бюро и утвердить проектъ избирательнаго закона со внесенной въ него поправкой. Но тутъ, одно за другимъ, предстали всевозможнаго рода препятствія. Бюро собравшагося въ ноябрѣ общеземскаго съѣзда день за днемъ откладывало чтеніе проекта избирательнаго закона, отговариваясь якобы предстоящими болѣе важными дѣлами. Такъ, м. пр., вопросъ объ отношеніи съѣзда къ правительству занялъ четыре дня; вопросъ объ автономіи Польши—два дня, и т. д. Наконецъ, 14 ноября съѣздъ закрылся, не удѣливъ ни единаго часа разсмотрѣнію проекта избирательнаго закона. Но при этомъ, по собраннымъ нами частнымъ свѣдѣніямъ, съѣздъ, передъ закрытіемъ, постановилъ: поручить своему бюро, совмѣстно съ тѣми членами съѣзда, которые пожелаютъ принять участіе въ работѣ, окончательно разсмотрѣть всѣ законопроекты. Порученіе это и было исполнено на вечернемъ засѣданіи 14 ноября.

Намъ сообщаютъ, что собраніе 14 ноября (бюро совмѣстно съ членами съѣзда) не представило никакихъ возраженій противъ включенія женщинъ въ число полноправныхъ гражданъ и приняло проектъ избирательнаго закона во второй редакціи, т.-е. со вставкой, предоставляющей женщинамъ активныя и пассивныя избирательныя права.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, въ сферѣ земскаго представительства принципіальная побѣда оказалась на сторонѣ защитниковъ политическихъ правъ женщинъ. Теперь остается спросить: насколько эта принципіальная побѣда отразится на практическомъ разрѣшеніи вопроса? Приметъ ли во вниманіе правительство такъ ясно и опредѣленно высказавшійся голосъ страны? Поддержитъ ли земство, вмѣстѣ съ другими общественными силами, требованія большинства населенія и проведетъ ли въ жизнь принципъ политическаго равноправія женщинъ съ мужчинами? На эти вопросы отвѣтитъ будущее. Съ разрѣшеніемъ ихъ неразрывно связаны всѣ другіе наши интересы, вопросы духовнаго, экономическаго и политическаго возрожденія Россіи.

Н. Мировичъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Общее положеніе дѣлъ за послѣдній мѣсяцъ. — Подавленное настроеніе общества. — Ст. кн. Е. Н. Трубецкаго „Двѣ диктатуры“.—Общественныя попытки содѣйствовать разрѣшенію кризиса.—Земско-городской съѣздъ и его депутація къ графу Витте.— Съѣздъ крестьянскаго союза. — Учительскій областной съѣздъ. — Законодательная дѣятельность правительства.—Новыя правила о печати.

Ноябрь, какъ и конецъ октября, прошелъ въ тщетныхъ ожиданіяхъ со стороны общества выполненія на дѣлѣ правительствомъ торжественныхъ обѣщаній, данныхъ въ манифестѣ 17 октября, и въ попыткахъ различныхъ общественныхъ группъ тѣмъ или инымъ способомъ ускорить это выполненіе и тѣмъ приблизиться къ правильному и мирному разрѣшенію поставленныхъ жизнію государственныхъ задачъ. Со своей стороны правительство продолжало очень медленно, канцелярскимъ путемъ, вырабатывать проекты различныхъ реформъ, и очень быстро и, какъ кажется, иногда неожиданно для самого себя, принимать на дѣлѣ все тѣ же старыя привычныя мѣры, какія были въ ходу и при прежнемъ бюрократически-самодержавномъ режимѣ, казалось бы отмѣненномъ манифестомъ 17 октября: усиленная охрана, военное положеніе, посылка генералъ-адъютантовъ, аресты, казацкія усмиренія. Общая жизнь въ странѣ продолжала идти все тѣмъ же неправильнымъ ходомъ, съ такими же болѣзненными судорожными порывами: усиливались забастовки, распространялось аграрное движеніе и волненія среди войскъ. Въ связи съ этимъ, проявившееся ненадолго послѣ 17 октября бодрое и радостное настроеніе общества становилось все болѣе и болѣе подавленнымъ. Черносотенные погромы навели панику на городскую интеллигенцію, аграрные безпорядки на помѣщичью среду, остановка промышленной дѣятельности на биржу. Биржевая паника выразилась въ такомъ паденіи курса бумагъ, какого ни разу не было и во время японской войны. А что хуже всего, такъ это растерянность умѣренныхъ элементовъ общества и преувеличенные страхи ихъ передъ революціей, которая будто бы должна уничтожить всякую культурную жизнь въ странѣ. Страхъ вообще плохой совѣтникъ и вліяніе его можетъ легко выразиться въ поворотѣ

Digitized by Google

вправо умѣренныхъ партій, бывшихъ до сихъ поръ на сторонѣ освободительнаго движенія, причемъ онѣ неминуемо еще больше оторвутся и удалятся отъ прогрессивной части народной массы и тѣмъ самымъ потеряютъ всякую реальную силу, источникомъ которой можетъ быть только народъ. Въ то же время, не давая никакой серьезной поддержки правительству, онѣ могутъ дать ему поводъ упрямо держаться своей политики недомолвокъ и полумѣръ. Однимъ изъ наиболѣе рельефныхъ примѣровъ такого настроенія можетъ служить помѣщенная въ 302 № *Русскихъ Вѣдомостей* статья князя Е. Н. Трубецкого «Двѣ диктатуры». Въ ней авторъ почему-то особенно настаиваетъ на тѣхъ ужасныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ поведетъ установленіе въ Россіи путемъ вооруженнаго возстанія временнаго правительства. Такими послѣдствіями будутъ уничтоженіе дисциплины въ арміи, государственное банкротство, нищета и голодъ и, наконецъ, всеобщая анархія, которая «очень скоро смететъ и всякое революціонное правительство, озлобленіе массы обратится тогда противъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ виновниковъ всеобщаго обнищанія: подвергнется разгрому *вся интеллигенція,* народныя массы начнутъ безъ разбора избивать всѣхъ, кто только носитъ нѣмецкое платье,—консерваторовъ, либераловъ, революціонеровъ. Нестройныя полчища нищихъ будутъ бродить по всей Россіи, грабя и сжигая все по пути. Какъ бы классическая четырехчленная формула, иронизируетъ далѣе авторъ, не осуществилась для русской интеллигенціи въ совершенно оригинальной и доселѣ непредвидѣнной формѣ; когда народъ все сравняетъ съ землею, на развалинахъ Россіи останется только кладбище—*всеобщій, прямой, тайный и равный жребій каждаго изъ насъ* (курсивъ автора).

Если, рисуя эти апокалипсическія картины, авторъ имѣлъ въ виду что-нибудь реальное, то для подобныхъ пророчествъ въ настоящее время едва ли имѣются достаточныя основанія. Есть, конечно, очень много отдѣльныхъ фактовъ, выражающихъ собою всеобщее недовольство, есть и попытки насильственнаго осуществленія своихъ требованій, но ни аграрныя движенія, ни военные бунты, сколько извѣстно, не ставили своею цѣлію провозглашеніе въ Россіи «временнаго правительства». Если же понимать слова автора лишь какъ академическое разсужденіе о революціонномъ правительствѣ вообще, въ идеѣ, то оно исторически невѣрно: далеко не всѣ революціонныя правительства вели къ тѣмъ послѣдствіямъ, о которыхъ говоритъ князь Трубецкой. Правительства Кромвеля, Вашингтона, первой французской республики и многія другія вовсе не сопровождались ни отсутствіемъ дисциплины въ арміи, ни общей анархіей. Напротивъ, мы на собственномъ опытѣ видимъ, что къ такимъ результатамъ можетъ привести самое законное правительство, если оно становится на ложный путь отрицанія дѣйствительныхъ потребностей народа. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ у насъ теперь? Развѣ существующее положеніе вещей не напоминаетъ намъ картину, нарисованную княземъ Трубецкимъ? Развѣ теперь уже нѣтъ у насъ и нищеты, и голода, и отсутствія кредита и паденія военной

Digitized by Google

дисциплины? И даже само правительство, развѣ оно не болѣе «временное» въ смыслѣ недовѣрія къ его прочности, чѣмъ многія изъ извѣстныхъ въ исторіи «временныхъ» правительствъ? Многіе факты даже указываютъ на то, что у насъ сверхъ явнаго правительства существуетъ еще негласное, противодѣйствующее первому; что же это, какъ не анархія внутри самого правительства? Какой же выходъ изъ этого положенія указываетъ князь Трубецкой? Въ сущности никакого. «Передъ русскимъ обществомъ,—говоритъ онъ,—въ настоящее время ставится такая альтернатива: или идти тѣмъ насильственнымъ путемъ, коего неизбѣжный логическій конецъ—анархія, т.-е. всеобщее уничтоженіе, или же пытаться *мирнымъ* путемъ возсоздать, улучшить и тѣмъ самымъ укрѣпить нынѣшнее слабое, непослѣдовательное и постольку, разумѣется, плохое правительство». Но какъ же это сдѣлать? Авторъ настойчиво отвергаетъ предложеніе, будто онъ рекомендуетъ «очертя голову броситься въ объятія правительства». Защищать и поддерживать нужно лишь тѣ мѣропріятія, которыя не будутъ противорѣчить началамъ манифеста 17 октября... «Строгая, но объективная критика правительственныхъ мѣропріятій должна войти въ программу всѣхъ людей порядка... Но рядомъ съ этимъ не слѣдуетъ дѣлать изъ всякой ошибки casus belli». Но какъ же быть, если правительство, какъ это было до сихъ поръ, ничего не будетъ дѣлать для выполненія манифеста 17 октября, а напротивъ, все вопреки ему? Не ставить въ грѣхъ ошибки? Но если вся реальная политика правительства (или его агентовъ?) за послѣднее время: его отношеніе къ черносотенному движенію, введеніе военнаго положенія въ Польшѣ, усмиреніе аграрныхъ безпорядковъ черезъ генералъ-адъютантовъ, дѣйствующихъ внѣ закона и даже, по нашему мнѣнію, изданіе манифеста, сводящаго всю аграрную политику правительства къ нѣкоторымъ реформамъ въ крестьянскомъ банкѣ,—если все это есть сплошная ошибка? И если авторъ полагаетъ, что, несмотря на все это, надо помогать правительству, то не идетъ ли это требованіе вразрѣзъ съ его же заявленіемъ о томъ, что помогать надо лишь въ развитіе началъ манифеста 17 октября? Такимъ образомъ получается, что, не указывая никакого реальнаго выхода, авторъ только запугиваетъ общество. Такое запугиваніе можетъ имѣть именно только тотъ результатъ, отъ котораго такъ отрекается авторъ, что общество «очертя голову броситься въ объятія правительства» въ паническомъ страхѣ передъ «краснымъ призракомъ», какъ это было во Франціи передъ 2 декабря 1851 г.

Это настроеніе не осталось безъ вліянія и на дѣятельность земско-городского съѣзда, бывшаго въ Москвѣ 6 ноября. Въ программу этого съѣзда были включены вопросы: объ отношеніи съѣзда къ правительству, т.-е. главнымъ образомъ къ существующему въ настоящее время правительству графа Витте, затѣмъ о польской автономіи и равноправіи евреевъ; предполагалось также, что съѣздъ разсмотритъ и утвердитъ составленные бюро законопроекты о неприкосновенности личности, свободы слова и печати, свободы совѣсти, свободы союзовъ и собраній; наконецъ, имѣ-

Digitized by Google

лось въ виду обращеніе отъ съѣзда къ народу съ разъясненіемъ задачъ и требованій съѣзда. На дѣлѣ однако почти все вниманіе съѣзда сосредоточилось на обсужденіи перваго вопроса объ установленіи отношеній къ правительству. Только польскій вопросъ подвергся болѣе детальному обсужденію, чему, конечно, способствовало присутствіе на съѣздѣ значительнаго числа поляковъ. Признаніе съѣздомъ равноправности евреевъ рѣшено было очень скоро, такъ какъ по этому вопросу не было разногласія. Законодательные проекты не были разсмотрѣны съѣздомъ, который, ознакомившись съ ними, поручилъ ихъ редакцію бюро; ему же поручено и составленіе воззванія къ народу. Что касается до отношенія къ правительству, то съѣздъ послѣ долгихъ преній выработалъ резолюцію, въ которой высказалъ свой взглядъ на значеніе манифеста 17 октября и народнаго представительства и перечислилъ тѣ мѣры, которыя, по его мнѣнію, должны быть приняты правительствомъ немедленно до созыва представительнаго собранія. Въ окончательной редакціи эта резолюція такова: съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, обсудивъ политическое положеніе, созданное манифестомъ 17 октября и послѣдующими событіями, постановилъ: уже въ самыхъ первыхъ своихъ постановленіяхъ, состоявшихся на съѣздѣ 6—9 ноября минувшаго года, съѣздъ выставилъ тѣ самыя народныя требованія, удовлетвореніе которыхъ нынѣ возвѣщено народу манифестомъ 17 октября. Привѣтствуя появленіе этого основного государственнаго акта, съѣздъ считаетъ необходимымъ, особенно въ виду трудности положенія и серьезности переживаемаго Россіей момента, опредѣлить свое отношеніе къ манифесту 17 октября и къ лицамъ, призваннымъ его исполнять. Признавая манифестъ 17 октября драгоцѣннымъ завоеваніемъ русскаго народа, съѣздъ высказываетъ свою полную солидарность съ положенными въ основаніе его конституціонными началами и считаетъ ихъ немедленное осуществленіе и полное развитіе необходимымъ условіемъ истиннаго умиротворенія страны. Содѣйствіе этому умиротворенію со стороны общества могло бы быть болѣе дѣйствительнымъ, если бы само правительство обнаружило надлежащую рѣшимость и послѣдовательность при проведеніи въ жизнь началъ манифеста. При настоящихъ условіяхъ проведеніе манифеста остается на отвѣтственности министерства, съѣздъ же, съ своей стороны, выражаетъ увѣренность, что это министерство можетъ разсчитывать на содѣйствіе и поддержку широкихъ слоевъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, поскольку оно будетъ проводить конституціонныя начала манифеста правильно и послѣдовательно. Всякое же отступленіе отъ этихъ началъ встрѣтитъ въ земскихъ и городскихъ сферахъ рѣшительное противодѣйствіе. Исходя изъ этихъ соображеній, съѣздъ считаетъ, что единственнымъ способомъ обезпечить авторитетъ народнаго представительства и опирающейся на него власти и вмѣстѣ съ тѣмъ одной изъ дѣйствительныхъ мѣръ водворенія порядка въ странѣ съѣздъ считаетъ немедленное изданіе акта о возможно скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей всеобщей, прямой, равной и закрытой подачей голосовъ и о формальной передачѣ первому

Digitized by Google

собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи Россійской имперіи, «и автономнаго устройства Царства Польскаго при условіи сохраненія государственнаго единства Имперіи», для переустройства на демократическихъ началахъ земскаго и городского самоуправленія и для проведенія иныхъ мѣръ, необходимыхъ при установленіи новаго правопорядка. Кромѣ того, на первое собраніе должно быть возложено установленіе основныхъ началъ земельной реформы и принятіе необходимыхъ мѣръ въ области рабочаго законодательства.

«Въ цѣляхъ успокоенія страны должны быть приняты немедленно, не дожидаясь созыва народныхъ представителей, слѣдующія необходимыя мѣры: 1) Осуществленіе въ законодательныхъ нормахъ тѣхъ основныхъ началъ политической свободы, которыя провозглашены манифестомъ 17 октября, и отмѣна всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ временныхъ правилъ и исключительныхъ законовъ, которые противорѣчатъ этимъ началамъ,—въ томъ числѣ прежде всего положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Отмѣна военнаго положенія какъ въ Польшѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. 2) Производство, при участіи общественныхъ элементовъ, спеціальнаго разслѣдованія дѣлъ о погромахъ и насиліяхъ, потрясшихъ ужасомъ всю Россію, въ ближайшіе дни до и по опубликованіи манифеста; устраненіе отъ должности и привлеченіе къ законной отвѣтственности представителей администраціи и полиціи въ мѣстностяхъ, гдѣ произошли погромы и насилія. 3) Принятіе мѣръ, чтобы начала манифеста неуклонно проводились въ практикѣ текущаго управленія страной всѣми органами администраціи отъ высшихъ до низшихъ, чтобы всѣ министры, кромѣ министра двора, подчинены были совѣту министровъ и чтобы личный составъ администраціи подвергался необходимому обновленію. 4) Установленіе возможности привлеченія должностныхъ лицъ за совершонныя ими при отправленіи ихъ обязанностей нарушенія закона къ уголовной и гражданской отвѣтственности въ общемъ порядкѣ судопроизводства наравнѣ со всѣми прочими гражданами. 5) Изданіе временныхъ правилъ, расширяющихъ права земства и городовъ по охранѣ общественной безопасности. 6) Полная амнистія по политическимъ и религіознымъ преступленіямъ. 7) Отмѣна смертной казни». Резолюція эта была принята 156 голосами противъ 12 при двухъ воздержавшихся. Такимъ образомъ число принципіальныхъ противниковъ ея было очень незначительно, притомъ въ числѣ ихъ могли быть такіе, которые были не столько противъ общаго характера ея, сколько противъ включенія въ нее пункта объ автономіи Польши, такъ какъ противъ частной резолюціи по польскому вопросу, высказавшейся въ этомъ смыслѣ, было подано даже 16 голосовъ. Тѣмъ не менѣе въ средѣ съѣзда обрисовались довольно явственно различные оттѣнки мнѣній. Возбудившій когда-то ожесточенные споры вопросъ о прямой или двухстепенной системѣ выборовъ, повидимому, совершенно потерялъ уже свою остроту и включеніе въ резолюцію четырехчленной формулы прошло почти безъ возраженій, причемъ

Digitized by Google

къ ней явно примкнули и нѣкоторые изъ бывшихъ самыхъ горячихъ ея противниковъ. Гораздо большее разногласіе возбудилъ вопросъ объ «учредительномъ» собраніи, хотя въ сущности споръ шелъ о словахъ: сказать ли прямо, что должно быть созвано учредительное собраніе для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи Россійской имперіи, или выразиться такъ, какъ въ проектѣ бюро о «формальной передачѣ первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки и т. д. Противники названія перваго собранія учредительнымъ говорили, что съ этимъ названіемъ въ обществѣ соединено понятіе о такомъ собраніи, которое можетъ измѣнить самую форму правленія, т.-е. установить хотя бы и республику. И хотя имъ указывали на то, что въ самой резолюціи говорится объ утвержденіи Государя, слѣдовательно, не можетъ быть никакой рѣчи о республикѣ, однако они продолжали настаивать на томъ, что слово «учредительное» способно ввести смуту въ умахъ. Нѣкоторые видѣли эту смуту даже и въ упоминаніи объ «учредительныхъ» функціяхъ перваго собранія. Въ результатѣ баллотировки по этому поводу предложеніе о созывѣ «учредительнаго собранія» было отвергнуто 137 голосами противъ 80, а формула бюро объ «учредительныхъ функціяхъ» перваго собранія принята 204 голосами противъ 23. По вопросу собственно объ отношеніяхъ земско-городской среды къ настоящему правительству, большинство съѣзда сходилось на томъ, что правительству слѣдуетъ оказывать содѣйствіе на почвѣ проведенія въ жизнь началъ, высказанныхъ въ манифестѣ 17 октября; но въ чемъ именно должно заключаться это содѣйствіе—никто опредѣленно не объяснялъ. Изъ рѣчей многочисленныхъ ораторовъ, говорившихъ на эту тему, выяснилось существованіе на съѣздѣ двухъ главныхъ теченій: одни главнымъ образомъ подчеркивали необходимость содѣйствія, не особенно настаивая на условіяхъ, другіе центръ тяжести вопроса видѣли именно въ этихъ условіяхъ, т.-е. въ строгомъ и искреннемъ выполненіи правительствомъ началъ 17 октября. Первое теченіе было мало замѣтно въ началѣ съѣзда. Во вступительной рѣчи при открытіи съѣзда Ѳ. А. Головинъ, припоминая исторію земскихъ съѣздовъ, при общемъ сочувствіи, высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: правительство неудачно пыталось полицейскими мѣрами тормозить работу земствъ. Оно, повидимому, предполагало, что за земцами нѣтъ реальныхъ силъ, которыя поддержали бы выставляемыя земскими съѣздами требованія. Но великія октябрьскія событія показали иное. Могучее забастовочное движеніе охватило всю Россію. Вся жизнь въ государствѣ замерла, нанося неисчислимый ущербъ культурѣ, промышленности и финансамъ Россіи. Правительство убѣдилось, что выставленныя забастовщиками политическія требованія вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя были формулированы ноябрьскимъ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей. И вотъ манифестъ 17 октября намѣтилъ осуществленіе этихъ требованій. Но и тутъ правительство сдѣлало старую ошибку: дало странѣ не все, чего страна требуетъ. Естественно, что вмѣсто успокоенія наступила анархія. Старые законы во многомъ не соотвѣтству-

Digitized by Google

ютъ началамъ, провозглашеннымъ въ манифестѣ и захваченнымъ революціоннымъ путемъ самого общества. Старыя привычки нашихъ администраторовъ тормозятъ осуществленіе объявленныхъ манифестомъ свободъ; враждебное отношеніе нашихъ мѣстныхъ бюрократовъ къ возвѣщеннымъ реформамъ часто является причиной кровавыхъ событій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Все это въ концѣ нарушило государственный порядокъ и создало анархію. «Намъ необходимо,—такъ закончилъ ораторъ,—полное самообладаніе, необходимо отрѣшеніе отъ впечатлѣній отдѣльныхъ тяжелыхъ событій, очевидцами, иногда и жертвами которыхъ мы были, чтобы сумѣть правильно учесть современное состояніе Россіи и намѣтить мѣры къ возстановленію порядка и къ мирному развитію новаго государственнаго строя. Но, окинувъ бѣглымъ взглядомъ все пережитое нашимъ отечествомъ за послѣдній годъ, за время отъ петербургскаго ноябрьскаго совѣщанія до настоящаго московскаго, мы должны признать, что побѣда народа надъ старымъ порядкомъ теперь внѣ сомнѣній». Такимъ образомъ въ этой рѣчи отвѣтственность за анархическое состояніе страны возлагается на правительство, констатируется солидарность забастовочнаго движенія съ требованіями земскихъ съѣздовъ и высказывается призывъ къ самообладанію. Однако въ концѣ съѣзда это самообладаніе, повидимому, не вполнѣ сохранилось у нѣкоторыхъ изъ его членовъ, чему способствовали, какъ кажется, въ особенности тревожныя извѣстія о военномъ бунтѣ въ Севастополѣ, подъ вліяніемъ которыхъ усилилось въ средѣ съѣзда склонность къ безусловному союзу съ правительствомъ противъ крайнихъ партій. Впрочемъ, нѣкоторые ораторы съ самаго начала съѣзда высказывались въ этомъ направленіи. Наиболѣе крайнимъ представителемъ этого взгляда явился А. И. Гучковъ, говорившій за сохраненіе военнаго положенія въ Польшѣ и противъ амнистіи. «Что подразумѣвается въ резолюціи,—спрашиваетъ онъ,—подъ словами объ огражденіи отъ насилій? Вѣдь насилія начались со стороны революціонеровъ. Если говорить объ огражденіи, то надо ограждать съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ одну сторону предлагаютъ наказывать, другую—амнистировать. Отношеніе наше къ революціоннымъ партіямъ должно быть одно. Въ ученіи ихъ много разумнаго и цѣлесообразнаго, но намъ чужды ихъ пріемы и конечныя цѣли. Эти пріемы такъ нетерпимы, можетъ быть, и отъ того, что вынесены изъ подполья, гдѣ долго приходилось ютиться революціонерамъ. Но, такъ или иначе, мы къ нимъ не прибѣгнемъ и руки крайнимъ партіямъ, конечно, не протянемъ! Да и все равно она осталась бы висѣть въ воздухѣ, ибо ее не примутъ! Наиболѣе опредѣленно взгляды этой фракціи были высказаны М. А. Стаховичемъ, который настаивалъ, чтобы по главному вопросу объ отношеніи съѣзда къ правительству въ резолюціи данъ былъ категорическій отвѣтъ, можно или нельзя разсчитывать правительству на поддержку съѣзда. Бюро предлагаетъ сказать правительству: исполните наши условія, и мы поддержимъ васъ. Это равносильно предложенію, чтобы правительство присоединилось къ съѣзду и поддерживало его, а не съѣздъ поддерживалъ бы

Digitized by Google

правительство. Въ нашемъ отвѣтѣ о довѣріи правительству должно быть прямо сказано, довѣряемъ или не довѣряемъ мы правительству, и странно выражать какое-то условное довѣріе. Высказавшись затѣмъ противъ прямой подачи голосовъ при выборахъ въ первое собраніе народныхъ представителей, ораторъ предложилъ съѣзду принять резолюцію, вносимую имъ отъ себя, кн. Голицына, Н. И. Гучкова, А. И. Гучкова, кн. Волконскаго и еще двухъ-трехъ лицъ. Въ резолюціи этой, въ виду того, что революціонное движеніе при отсутствіи крѣпкой правительственной власти можетъ довести Россію до анархіи, предлагается съѣзду высказаться противъ учредительнаго собранія и за созывъ Государственной Думы, которая издастъ рядъ законоположеній въ развитіе манифеста 17 октября, а до того времени земскіе и городскіе дѣятели должны оказывать правительству содѣйствіе въ поддержаніи порядка.

Представителемъ противоположнаго крайняго мнѣнія явился Я. В. Абрамовъ, который заявилъ, что его удивляютъ предложенія вести переговоры съ графомъ Витте. Не нужно забывать тѣхъ противорѣчій, которыя существуютъ между манифестомъ 17 октября съ различными обѣщаніями, и тѣмъ, что правительство дѣйствительно дѣлаетъ. Если 17 октября дана конституція, то она уже отмѣнена; иначе нельзя объяснить, что вслѣдъ за ней начались сразу по всей Россіи черносотенные погромы, которымъ власти оказывали полное содѣйствіе; это могло сдѣлаться только по указаніямъ изъ Петербурга. Затѣмъ объявлено военное положеніе въ Польшѣ, учреждены три сатрапіи, изданъ циркуляръ, лишающій гражданскихъ правъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ. Можетъ ли послѣ всего этого гр. Витте взывать о довѣріи и можно ли вѣрить правительству, что оно имѣетъ искреннія намѣренія провести въ жизнь начала гражданственности, объявленныя въ манифестѣ 17 октября? Въ другой разъ, возражая противъ примирительнаго характера резолюціи, тотъ же ораторъ высказался такъ: Среди насъ два теченія: одни относятся къ правительству отрицательно, другіе ему сочувствуютъ. И вотъ бюро, желая сдѣлать невозможное, удовлетворить тѣхъ и другихъ, дало въ своей резолюціи рядъ безцвѣтныхъ постановленій. Тамъ, напримѣръ, сказано, что всякое отступленіе правительства отъ началъ манифеста 17-го октября встрѣтитъ въ земскихъ и городскихъ дѣятеляхъ рѣшительное противодѣйствіе. А развѣ мало уже сдѣлано такихъ отступленій. Сколько же надо перестрѣлять и перебить людей, чтобы мы, наконецъ, оказали «рѣшительное противодѣйствіе?» Крайніе взгляды той и другой стороны не нашли однако себѣ поддержки въ большинствѣ съѣзда, принявшемъ, какъ мы видѣли, резолюцію бюро. Послѣ ея принятія съѣздъ перешелъ къ обсужденію практическихъ мѣръ къ ея выполненію. Въ этомъ случаѣ различіе мнѣній выразилось уже въ гораздо большей степени. Нѣкоторыми членами съѣзда было предложено образовать совѣщательную коммиссію изъ депутатовъ отъ общественныхъ учрежденій, которая бы, состоя при министерствѣ, содѣйствовала бы ему въ умиротвореніи страны. Другіе, какъ И. И. Петрункевичъ, настаивали

Digitized by Google

на необходимости немедленной перемѣны личнаго состава администраціи. Бюро внесло предложеніе, съ которымъ, впрочемъ, были согласны далеко не всѣ его члены, о посылкѣ отъ съѣзда депутаціи къ графу Витте, которая передала бы ему резолюцію съѣзда, дала бы по ней необходимыя объясненія и настаивала бы на ея исполненіи. Нѣкоторые члены съѣзда возражали противъ посылки такой депутаціи, не видя въ ней никакой практической мѣры. Задача съѣзда, по ихъ мнѣнію, заключалась не въ переговорахъ съ правительствомъ, а въ обращеніи къ странѣ: если народъ согласится съ взглядами съѣзда и дастъ имъ свою поддержку, то практическія мѣры опредѣлятся сами собою. Противъ посылки депутаціи говорилъ также П. Н. Милюковъ. Онъ не видѣлъ для нея основаній. Повидимому на это рѣшеніе повліяли севастопольскія событія, но въ нихъ нѣтъ ничего такого, что бы измѣняло общее положеніе дѣлъ. Если бы гр. Витте хотѣлъ вступить въ сношенія со съѣздомъ, то онъ прямо бы и обратился къ нему. При настоящихъ же условіяхъ, являясь безъ приглашенія, депутація рискуетъ выслушать въ любезной формѣ репримандъ по поводу нѣкоторыхъ постановленій съѣзда, которыя могутъ не понравиться гр. Витте, напр. объ автономіи Польши,—и тѣмъ дѣло окончится. Между тѣми, кто защищалъ мысль о посылкѣ депутаціи, тоже существовало разногласіе въ пониманіи ея цѣли и значенія: одни видѣли въ ней средство сближенія съ правительствомъ, другіе смотрѣли на нее какъ на ультиматумъ, предъявляемый обществомъ правительству, за непринятіемъ котораго долженъ послѣдовать разрывъ. Весьма возможно, что многіе преувеличивали значеніе съѣзда въ глазахъ правительства и въ частности графа Витте. Поводъ къ этому могли дать сношенія послѣдняго съ бюро съѣзда, ранѣе его созыва, продолжавшіяся также и послѣ открытія съѣзда. Ранѣе съѣзда предсѣдатель организаціоннаго бюро Ѳ. А. Головинъ получилъ отъ графа Витте телеграмму, въ которой выражено было желаніе, чтобы нѣсколько членовъ съѣзда прибыли къ нему въ Петербургъ для взаимнаго обмѣна мыслей. Вслѣдствіе этого бюро избрало изъ своей среды трехъ лицъ: Ѳ. А. Головина, Ѳ. Ѳ. Кокошкина и князя Г. Е. Львова, бесѣда которыхъ съ гр. Витте состоялась 21 октября. Сущность ея состояла въ томъ, что графъ Витте, не давая опредѣленныхъ обѣщаній, высказалъ, что изъ всѣхъ общественныхъ группъ и партій онъ считаетъ наиболѣе близкою къ себѣ по взглядамъ группу, представляемую съѣздами городскихъ и земскихъ дѣятелей. Поэтому, признавая, что правительство при осуществленіи манифеста 17-го октября должно опираться на общество, онъ надѣется встрѣтить сочувствіе своимъ намѣреніямъ въ земской средѣ. Представители земскаго бюро съ своей стороны высказали, что единственный выходъ изъ настоящаго положенія — созывъ учредительнаго собранія для выработки основного закона. Собраніе это должно быть избрано путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и закрытаго голосованія. Возвѣщенныя въ манифестѣ свободы должны быть немедленно осуществлены на тѣхъ же началахъ, какъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Необходима полная полити-

Digitized by Google

ческая амнистія. Это — основныя и наиболѣе настоятельныя потребности страны въ данный моментъ, изъ признанія и удовлетворенія которыхъ сами собою вытекаютъ и другія необходимыя частныя мѣропріятія правительства. Графъ Витте по поводу этихъ требованій находилъ, что какъ практическій политикъ онъ не можетъ забывать препятствій, стоящихъ на пути проведенія въ жизнь принципіальныхъ требованій, въ частности, что вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ долженъ быть рѣшенъ будущей думой; равно и въ отношеніи возвѣщенныхъ манифестомъ свободъ, до собранія думы придется ограничиться палліативами въ видѣ временныхъ правилъ. Въ то же время онъ настаивалъ на важности довѣрія широкихъ слоевъ общества къ искренности намѣреній правительства и возможности для послѣдняго пользоваться содѣйствіемъ отдѣльныхъ лицъ изъ общества. Вскорѣ послѣ того сдѣлалось извѣстно, что графомъ Витте было сдѣлано предложеніе князю Е. Н. Трубецкому занять мѣсто министра народнаго просвѣщенія, а Д. Н. Шипову—мѣсто государственнаго контролера во вновь образуемомъ министерствѣ. Тотъ и другой однако отказались. Но сношенія графа Витте съ земско-городскимъ съѣздомъ или отдѣльными его членами продолжались. Такъ, когда сдѣлалось извѣстно, что нѣкоторые изъ польскихъ делегатовъ съѣзда не могутъ участвовать въ немъ, такъ какъ они на основаніи военнаго положенія высланы были изъ Польши въ Архангельскую губернію и по пути были арестованы въ Москвѣ, то бюро съѣзда обратилось къ графу Витте съ заявленіемъ, въ которомъ высказывало ту мысль, что дѣйствіе военнаго положенія въ Польшѣ не можетъ распространяться на людей, уже не находящихся въ Польшѣ. Отвѣтомъ на это заявленіе было распоряженіе объ освобожденіи находившихся въ Москвѣ поляковъ, отмѣна ихъ высылки въ Архангельскую губернію и вызовъ ихъ въ Петербургъ «для объясненій». Всѣ эти обстоятельства могли дать поводъ предполагать, что земско-городской съѣздъ пользуется нѣкоторымъ авторитетомъ въ глазахъ правительства и что переговоры посланной отъ съѣзда депутаціи съ графомъ Витте могутъ имѣть нѣкоторое практическое значеніе. Какъ бы то ни было, бюро рѣшило послать къ графу Витте депутацію изъ трехъ лицъ: И. И. Петрункевича, С. А. Муромцева и Ѳ. Ѳ. Кокошкина. 22 ноября эта депутація передала графу Витте резолюцію съѣзда съ объяснительной къ ней запиской. Графъ Витте сказалъ, что познакомится съ запиской и свой отвѣтъ сообщитъ имъ на-дняхъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ на вопросъ, остаются ли делегаты въ Петербургѣ, графъ Витте заявилъ, что пригласитъ ихъ къ себѣ вторично и сообщитъ свой отвѣтъ на резолюцію. Въ объяснительной запискѣ уполномоченные бюро земско-городского съѣзда, указывая на общее разстройство страны, говорятъ, что при такомъ положеніи дѣлъ правительство должно безъ всякихъ колебаній и не теряя ни минуты порвать съ традиціями стараго режима и открыть странѣ дорогу къ глубокимъ органическимъ реформамъ во всѣхъ областяхъ государственной жизни. Къ этому именно съѣздъ призываетъ правительство въ своихъ резолюціяхъ. Съѣздъ не есть партія и говорить

Digitized by Google

не отъ имени какой-либо партіи или класса. Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія національной и государственной необходимости. Тѣ условія умиротворенія страны, которыя онъ указываетъ, — не партійныя домогательства, не «уступки», которыхъ земскіе и городскіе дѣятели требуютъ для себя. Это — тщательно взвѣшенныя, по существу необходимыя условія установленія въ странѣ свободы, права и общественнаго мира. Внѣ выполненія этихъ условій всякая поддержка правительству со стороны составляющихъ съѣздъ общественныхъ элементовъ оказалась бы призрачной. Съѣздъ потерялъ бы свою единственную силу—силу моральнаго авторитета, ничуть не увеличивъ авторитета правительства. Предостерегая затѣмъ правительство отъ попытокъ опереться на реакціонные круги, старающіеся воздѣйствовать на правительство заявленіями о связи стараго порядка съ вѣрностью монархическому принципу, записка высказываетъ тотъ взглядъ, что время, когда въ заявленіяхъ вѣрности самодержавному строю выражалась одна только патріархальная преданность монарху, прошло безвозвратно. Въ настоящее время къ монархической власти взываютъ классовые и сословные интересы, стремясь вовлечь ее въ свою борьбу. Съѣздъ полагаетъ, что власть монарха, давшаго странѣ манифестъ 17-го октября, можетъ непосредственно имѣть дѣло съ однимъ только выраженіемъ воли страны,— съ волей свободно избранныхъ всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и закрытымъ голосованіемъ народныхъ представителей. Для того чтобы правительственная власть могла дѣйствительно управлять страной въ настоящій критическій моментъ, чтобы она была въ состояніи справиться съ непосредственными задачами текущаго времени и осуществить созывъ народныхъ представителей, эта власть должна имѣть соотвѣтствующую программу, вполнѣ ясную не только для самого правительства, но и для всего народа, и проводить эту программу твердо и послѣдовательно, опираясь на поддержку сознательныхъ и активныхъ общественныхъ силъ. Прождавши до 28 ноября отвѣта отъ графа Витте, депутація постановила: признать переговоры прерванными и миссію депутаціи законченной; созвать съѣздъ въ Петербургѣ.

Въ одинъ день съ земско-городскимъ съѣздомъ открылось первое собраніе всероссійскаго крестьянскаго съѣзда. На немъ присутствовало около 170 делегатовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи и, кромѣ того, члены комитета крестьянскаго союза. Было много и публики. Выслушаны были сообщенія делегатовъ о положеніи дѣлъ на мѣстахъ. Много было сообщеній изъ бѣлорусскаго края. Положеніе крестьянъ тамъ очень тяжело, но до сихъ поръ вліяніе многочисленныхъ кружковъ, объединяющихъ сознательное крестьянство, проявляется пока въ мирной формѣ. Наиболѣе широкая организація крестьянства существуетъ въ Донской области. Требованія ея сводятся къ передачѣ всей земли въ общую собственность и къ установленію представительнаго правленія. Вообще отношеніе крестьянъ къ освободительно-политическому и къ аграрному движенію весьма различно въ различныхъ мѣстностяхъ. Часть крестьянства, представителями

Digitized by Google

которой были, напр., делегаты отъ Воронежской губерніи Медвѣдевъ и Перелешинъ (офицеръ), отрицательно относятся къ насильственному захвату земли, особенно сопровождающемуся пожарами и грабежами. «Заводите союзы, объясняйтесь, и мы правовымъ путемъ установимъ волю,— говорилъ первый изъ нихъ. «Не призывайте къ крови,—говорилъ второй,— если не хотите, чтобы народъ отшатнулся отъ насъ». Крестьянскій союзъ долженъ заявить, что онъ ищетъ свободы, не сходя съ почвы манифеста 17 октября, и что пожары и грабежи—не его желаніе. Высказывая свое сочувствіе кронштадскимъ морякамъ, съѣздъ въ то же время высказалъ сожалѣніе о томъ, что ихъ возстаніе сопровождалось погромами и грабежами. Делегатъ Аткарскаго уѣзда сообщилъ о приговорѣ Кравчинскаго общества бороться до тѣхъ поръ, пока не будетъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщей подачи голосовъ и пока вся земля не будетъ передана безъ выкупа въ пользованіе крестьянъ. Въ силу этого приговора крестьяне тотчасъ приступили къ дѣлежу земли. Такъ дѣлается и въ Балашовскомъ и другихъ уѣздахъ. Разгромы и поджоги дѣлаются лишь тамъ, гдѣ крестьяне не надѣются на свои силы, и дѣлаются для того, чтобы запугать владѣльцевъ и заставить ихъ уйти изъ своихъ имѣній. Въ Московской губерніи хотя цѣли у крестьянъ тѣ же, но средства болѣе мирныя. Составляются массовые приговоры, отказъ отъ повиновенія земскимъ начальникамъ и урядникамъ, но насилій и погромовъ нѣтъ. Въ Рыбинскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи движеніе имѣетъ больше политическій, чѣмъ аграрный характеръ, такъ какъ населеніе занимается преимущественно отхожими промыслами и малоземелье для него не столь чувствительно. Напротивъ, въ земледѣльческихъ губерніяхъ: Курской, Полтавской, Орловской и др., движеніе происходитъ прямо на почвѣ малоземелья и бѣдственнаго экономическаго положенія крестьянъ. Основная идея, подъ знаменемъ которой они соединяются,—это принадлежность земли только обрабатывающему классу земледѣльцевъ, хотя къ ней присоединяются и требованія учредительнаго собранія на основѣ всеобщей подачи голосовъ, и безплатное обученіе, отмѣна косвенныхъ налоговъ и т. п. Своими врагами крестьяне признаютъ не только помѣщиковъ, но и администрацію и духовенство. Многіе делегаты указывали на особенное нерасположеніе крестьянъ къ духовенству. По выслушаніи сообщеній съѣздъ перешелъ къ вопросу о томъ, что слѣдуетъ предпринять въ видахъ скорѣйшей передачи земли въ общую собственность народа. А. С. Бѣлевскій прочиталъ объ этомъ докладъ, въ которомъ говорится, что земельный вопросъ очень труденъ и рѣшеніе его должно быть общенароднымъ. Для этого нужно, чтобы въ самомъ скоромъ времени было созвано учредительное собраніе съ всеобщей, равной подачей голосовъ. Всѣ сторонники мирнаго рѣшенія вопроса должны требовать этого, въ противномъ случаѣ вопросъ будетъ рѣшенъ иначе. Намъ необходимо однако, чтобы и учредительное собраніе знало, что народъ, объединившись, требуетъ разрѣшенія земельнаго вопроса, чтобы собраніе прислушалось къ волѣ народа. Намъ нужно прежде

Digitized by Google

всего сорганизоваться; въ каждой волости пусть будетъ свой комитетъ, посылающій представителя въ уѣздный комитетъ, а этотъ въ свою очередь пошлетъ уполномоченнаго въ губернскій. Такая организація—сила. Нѣкоторые владѣльцы пошли уже на уступки благодаря организаціи. Для земельнаго вопроса нужно рѣшеніе не одной мѣстности или деревни, а общее рѣшеніе народа. По этому поводу въ средѣ съѣзда высказаны были самыя разнообразныя мнѣнія. Одинъ изъ делегатовъ доказывалъ, что все сдѣлается не иначе какъ борьбой. Поэтому если желать получить землю, то надо ее захватить. Земельный вопросъ рѣшится правильно только тогда, когда земля будетъ въ рукахъ крестьянства. Говорилось и о вооруженномъ возстаніи съ цѣлью захвата земли. Другіе возражали, что народъ къ этому совершенно неподготовленъ. Нѣкоторые изъ ораторовъ указывали на всеобщую забастовку и бойкотъ, какъ на лучшее средство борьбы съ правительствомъ, чтобы заставить его созвать учредительное собраніе. Забастовать предлагалось единовременно всѣмъ, и рабочимъ, и крестьянамъ, такъ, чтобы правительство, опиравшееся на буржуазію, должно было уступить. Если же упорство правительства будетъ продолжаться, осуществить самимъ учредительное собраніе и охранять его вооруженной дружиной. Предлагались также какъ способъ борьбы отказъ отъ уплаты податей, отъ покупки земли, отъ арендъ, непризнаніе власти земскихъ начальниковъ и урядниковъ. Не передавая всѣхъ преній, мы приведемъ лишь главные пункты принятыхъ съѣздомъ резолюцій. Рѣшено потребовать немедленной отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ, судовъ и полномочій, отозванія изъ губерній, гдѣ происходятъ крестьянскія волненія, посланныхъ туда для усмиренія ихъ генералъ-адъютантовъ, и вывода оттуда войскъ; немедленной амнистіи всѣмъ наказаннымъ за аграрные безпорядки, освобожденія арестованныхъ за нихъ и прекращеніе преслѣдованій ихъ по суду и въ административномъ порядкѣ. Въ общей программной и тактической резолюціи съѣздъ высказалъ слѣдующее: прекратить бѣдствія народа, проистекающія изъ недостатка земли, передачей ея въ общую собственность всего народа, съ тѣмъ, чтобы пользовались ею только тѣ, кто трудится на землѣ самъ своей семьей или въ товариществѣ. Установить законодательнымъ путемъ прочное, справедливое и согласное съ волей народа земельное устройство должно учредительное собраніе, созванное для составленія основныхъ законовъ государства. Учредительное собраніе должно быть избрано всеобщимъ, равнымъ и закрытымъ голосованіемъ безъ различія пола, народности и вѣроисповѣданія. Крестьянскій союзъ войдетъ въ соглашеніе съ братьями-рабочими, городскими, фабричными, заводскими, желѣзнодорожными и другими союзами, а также организаціями, защищающими интересы трудящагося класса. Въ настоящее время совѣщаніе, обсудивъ мѣры для скорѣйшей передачи земли народу, постановило: а) не покупать совсѣмъ земли у владѣльцевъ, не брать ее въ аренду, не входить ни въ какіе другіе земельные договоры съ владѣльцами; б) въ случаѣ, если требованія народа не будутъ исполнены, крестьянскій союзъ прибѣгнетъ ко

Digitized by Google

всеобщей земледѣльческой забастовкѣ, именно: откажетъ владѣльцамъ хозяйствъ всѣхъ наименованій въ рабочей силѣ и тѣмъ закроетъ ихъ. Для организаціи же всеобщей забастовки войдетъ въ соглашеніе съ рабочимъ классомъ. Совѣщаніе постановляетъ, что на преслѣдованіе крестьянскаго союза, имѣющаго цѣлью осуществить народныя требованія съ наименьшими жертвами, союзъ отвѣтитъ отказомъ въ уплатѣ податей и поставкѣ рекрутовъ и запасныхъ, потребуетъ изъ сберегательныхъ кассъ и банковъ всѣ свои вклады и крестьянскіе капиталы и закроетъ всѣ винныя лавки. Въ знакъ того, что совѣщаніе делегатовъ крестьянскаго союза смотритъ на начатое дѣло, какъ на святое дѣло всего трудового крестьянства, оно постановляетъ: прекратить употребленіе вина. Пусть крестьянство, борющееся за землю и право, будетъ всегда трезво. Сверхъ того съѣздъ постановилъ: не выбирать ни въ выборщики, ни въ уполномоченные въ государственную думу (т.-е. составленную по закону 6 августа), и считать врагами народа всѣхъ, кто будетъ участвовать въ выборахъ въ ней; немедленно начать широкую предвыборную агитацію для выборовъ въ учредительное собраніе на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Съѣздъ высказалъ также горячій протестъ противъ преслѣдованія евреевъ. Любопытный эпизодъ произошелъ на крестьянскомъ съѣздѣ по поводу заявленія делегатовъ отъ соціалъ-демократической партіи, которая желала, чтобы ея представители были допущены на съѣздъ. Съѣздъ постановилъ, что они могутъ присутствовать, но говорить могутъ лишь по просьбѣ членовъ съѣзда. Въ отвѣтъ на это конференція соціалъ-демократовъ постановила, что если съѣздъ не измѣнитъ своего рѣшенія и представители партіи не получатъ права говорить на немъ свободно, то депутатовъ вовсе не посылать. Предполагая, что постановленіе съѣзда состоялось подъ вліяніемъ либеральныхъ руководителей, участвующихъ въ бюро съѣзда, соціалъ-демократы старались внушить крестьянамъ, состоящимъ членами союза, чтобы они не довѣрялись такъ легко своимъ либеральнымъ вождямъ, которые желаютъ отколоть крестьянское движеніе отъ рабочаго и посѣять вражду между организованными рабочими и крестьянами. Конференція приглашала крестьянъ съ большимъ довѣріемъ относиться къ рабочимъ. Только путемъ организованной совмѣстной борьбы крестьяне и рабочіе могутъ добиться широкой свободы и коренного улучшенія своего положенія. Долой угнетателей рабочихъ и крестьянъ, долой и ложныхъ друзей! Это заявленіе возбудило шумные протесты. Отвѣта на него не послѣдовало; постановленіе съѣзда осталось въ своей силѣ, и соціалъ-демократы покинули съѣздъ.

Былъ еще третій съѣздъ, открытый въ Москвѣ въ тотъ же день, 6 ноября,—областной съѣздъ делегатовъ учительскаго союза; въ немъ участвовало до 130 человѣкъ. Какъ всѣ, происходившіе за послѣднее время съѣзды, учительскій съѣздъ тоже имѣлъ замѣтную политическую окраску. Сообщенія делегатовъ касались главнымъ образомъ выясненія способовъ пропаганды освободительныхъ идей, отношенія къ нимъ деревни и вообще

Digitized by Google

настроенія крестьянъ въ данный моментъ. Большинство ораторовъ констатировало, какъ несомнѣнный фактъ, сочувствіе крестьянъ этимъ идеямъ и объясняло черносотенныя неистовства надъ деревенской интеллигенціей провокаторской дѣятельностью мѣстныхъ властей, духовенства и торговцевъ. Не меньшему гоненію, по словамъ многихъ делегатовъ, учителя подвергаются со стороны училищной администраціи и даже отъ земцевъ за малѣйшую попытку подойти къ народу и разъяснить ему современное положеніе вещей. Сообщенія делегатовъ выдвинули вопросъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя могъ бы принять учительскій союзъ съ цѣлью оказать защиту страдающимъ отъ этого членамъ союза. Изъ сообщенія В. П. Вахтерова объ организаціи областного съѣзда видно, что сущность этой организаціи такова: московскій областной отдѣлъ созываетъ областные съѣзды и въ своемъ округѣ принимаетъ мѣры къ достиженію задачъ учительскаго союза, къ которымъ относятся напр. распространеніе литературы, изданіе собственнаго органа, устройство лекцій для учителей и для народа, содѣйствіе объединенію учащихъ на мѣстахъ. Отдѣлъ входитъ въ соглашеніе съ сельскими и волостными сходами, земствами и думами для совмѣстныхъ дѣйствій въ цѣляхъ союза, вырабатываетъ и проводитъ въ жизнь нормальный коллективный договоръ учащихъ съ земствами и городскимъ самоуправленіемъ, — договоръ, выговаривающій для учащихъ извѣстныя права и прежде всего условія, обезпечивающія свободу преподаванія въ духѣ принциповъ союза, беретъ на себя посредничество и разбирательство столкновеній между учащими и содержателями школъ при участіи делегатовъ послѣднихъ. Въ случаѣ какихъ-либо явныхъ злоупотребленій со стороны администраціи городскихъ и земскихъ дѣятелей, а также и самихъ учащихъ, областной отдѣлъ составляетъ черные списки съ изложеніями позорныхъ фактовъ и даетъ имъ широкое распространеніе. Предполагается изданіе сборника, въ который войдутъ исторія возникновенія учительскаго союза, а также труды союзовъ. П. М. Шестаковъ, обращая вниманіе на то, что изъ 200 тысячъ учителей въ союзъ вошло пока только десять тысячъ, считаетъ, что сборникъ явится прекраснымъ средствомъ для пропаганды идеи союза. По поводу борьбы противъ черносотенцевъ, много говорилось о бойкотѣ и о дѣйствіи общественнаго мнѣнія вообще. Мѣрой, имѣющей непосредственное отношеніе къ охранѣ личности народнаго учителя, И. Н. Сахаровъ считалъ требованіе отъ администраціи и земства, чтобы учитель былъ поставленъ въ такую обстановку, которая гарантировала бы ему дѣйствительную безопасность; въ случаѣ отказа, объявить такому земству бойкотъ, въ случаѣ отказа администраціи—соединиться всѣмъ земскимъ работникамъ и отказаться отъ работы въ такой губерніи до тѣхъ поръ, пока не будетъ гарантирована безопасность. Г. Сахаровъ выразилъ также надежды, что чрезъ соединеніе съ крестьянскимъ союзомъ можно и въ деревняхъ имѣть свыше 100 тыс. человѣкъ, которые станутъ на защиту освободительнаго движенія. Делегатъ отъ Покровскаго уѣзда, Владим. г., остановившись на организаціи общественнаго мнѣнія и совмѣстныхъ дѣй-

Digitized by Google

ствій, заявилъ, что, къ сожалѣнію, съ цѣлымъ рядомъ земствъ такая дѣятельность невозможна. Для иллюстраціи делегатъ сообщилъ, какъ отнеслись уѣздныя земства Владимірской губ. къ извѣстному воззванію центральнаго бюро всероссійскаго учительскаго союза (въ воззваніи сообщалось объ организаціи союза и предлагалось земствамъ принять въ немъ участіе): вязниковское земское собраніе не допустило обсужденія этого воззванія, гороховецкое не представило его собранію, а меленковское земство прочло и... заявило, что въ 24 часа уволитъ учителей, если тѣ осмѣлятся присоединиться къ союзу. Делегатъ рекомендовалъ обращаться непосредственно къ крестьянамъ. В. Г. Танъ познакомилъ съѣздъ съ организаціей крестьянскаго союза. Группа учителей предложила резолюцію, чтобы съѣздъ постановилъ «вести борьбу подъ знаменемъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ», но предложеніе это было отвергнуто, такъ какъ съѣздъ призналъ нежелательнымъ превращать учительскій союзъ въ партійный. Въ принятой по поводу черносотенныхъ погромовъ резолюціи съѣздъ между прочимъ высказалъ, что политическое воспитаніе темныхъ массъ, изъ которыхъ набирались участники послѣднихъ погромовъ, должно стать главною задачей просвѣтительной дѣятельности народныхъ учителей. Съѣздъ требуетъ отъ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій не только предоставленія учителямъ въ этомъ отношеніи полной свободы дѣйствій, но всяческаго содѣйствія и защиты отъ произвола учебныхъ и административныхъ властей и охраны ихъ личной неприкосновенности. Съѣздъ выражаетъ увѣренность, что народные учителя не могутъ оставаться на службѣ у тѣхъ земствъ и городовъ, которые будутъ уклоняться отъ выполненія важнѣйшей въ данную минуту задачи, политическаго воспитанія народа, или откажутъ въ своемъ содѣйствіи дѣятельности учителей въ этомъ направленіи. Между съѣздомъ учительскаго союза и съѣздомъ крестьянскаго союза скоро возникли самыя близкія отношенія взаимнаго сочувствія, такъ что было устроено соединенное засѣданіе обоихъ съѣздовъ. Во взаимныхъ привѣтствіяхъ съ обѣихъ сторонъ делегатами отъ того и другого союза высказывалась главнымъ образомъ мысль объ общности интересовъ крестьянъ и учителей. Болѣе подробно развивалъ ее Н. В. Чеховъ, говорившій о помощи, которую учительскій союзъ можетъ оказать крестьянскому. Онъ можетъ предоставить ему для этой помощи всѣ свои 158 областныхъ группъ, участники которыхъ, учителя, могутъ взять на себя распространеніе литературы крестьянскаго союза, сношенія съ его бюро, вербовку новыхъ членовъ и отдѣльныя порученія бюро крестьянскаго союза; кромѣ того, учителя могутъ помогать словомъ и личнымъ участіемъ на тѣхъ сходахъ, на которыхъ будутъ подниматься вопросы, возбуждаемые крестьянскимъ союзомъ. Н. А. Скворцовъ высказалъ, что учителя теперь убѣдились въ томъ, что лучшею для нихъ защитою будетъ союзъ съ крестьянствомъ. И крестьяне теперь считаютъ учителя своимъ братомъ, такимъ же обездоленнымъ, какъ и они сами. Недаромъ одинъ изъ делегатовъ крестьянскаго союза сказалъ: «пусть учи-

Digitized by Google

теля не боятся: ежели правительство и прогонитъ учителя, у мужика найдется картошка, чтобы прокормить его». Делегатъ грузинской группы познакомилъ собраніе съ крестьянскимъ движеніемъ въ Гуріи: гурійцамъ удалось первымъ учредить народное правительство и подѣлить землю между трудящимися. Соединенное совѣщаніе выразило протестъ противъ всякихъ исключительныхъ законовъ, направленныхъ противъ различныхъ народностей, и постановило выразить привѣтъ свой рабочимъ въ лицѣ петербургскаго рабочаго комитета. Къ сожалѣнію, такихъ близкихъ отношеній не установилось у обоихъ съѣздовъ съ земско-городскимъ съѣздомъ. Учительскій и земскій съѣздъ повидимому просто игнорировали другъ друга. Что касается до земскаго и крестьянскаго съѣздовъ, то между ними заходила рѣчь о сближеніи. Со стороны бюро земскаго съѣзда высказана была мысль о выборѣ двухъ членовъ отъ бюро каждаго съѣзда для присутствія въ засѣданіяхъ бюро другого съѣзда, въ видахъ взаимнаго ознакомленія съ дѣятельностью того и другого. На крестьянскомъ съѣздѣ вопросъ о союзѣ съ земцами возбудилъ разногласія и въ концѣ-концовъ съѣздъ уклонился отъ всякаго соглашенія. При этомъ раздавались голоса, что земцы это тотъ классъ, съ которымъ крестьянству придется воевать. «Я не вѣрю,—говорилъ одинъ крестьянскій делегатъ,—что земцы искренно желаютъ всеобщаго и равнаго голосованія. Я тогда назову ихъ друзьями,—врагами я и сейчасъ ихъ не называю,—когда они придутъ сюда и скажутъ: вотъ вамъ наша земля».

Интересно сравнить характеръ этихъ трехъ съѣздовъ. Всѣ они, конечно, такъ или иначе отзывались на злобы дня, но отношеніе ихъ къ современнымъ жизненнымъ вопросамъ было различно, какъ по существу главнѣйшихъ задачъ, поставленныхъ себѣ съѣздами, такъ и по способамъ ихъ постановки и разрѣшенія. Земско-городской съѣздъ главной задачей своей поставилъ, особенно въ этотъ разъ, разрѣшеніе вопросовъ чисто политическихъ, т.-е. касающихся народнаго представительства, его основъ и формы и тѣхъ условій и гарантій, которыя необходимы для проведенія въ жизнь конституціоннаго порядка. Высказавшись ясно и опредѣленно по этимъ вопросамъ, подвергавшимся преимущественной разработкѣ также и на предыдущихъ собраніяхъ земско-городского съѣзда, послѣдній поставилъ нѣсколько на второй планъ детальную разработку и точную формулировку своихъ взглядовъ на вопросы экономическіе. Признавая важность и насущность разрѣшенія аграрнаго и рабочаго вопросовъ, съѣздъ полагалъ, что практическое ихъ рѣшеніе и проведеніе въ жизнь должно принадлежать только будущему народному представительству. Что касается до тактическихъ пріемовъ и мѣръ, то съѣздъ въ теченіе всего времени своей дѣятельности держался на той позиціи, что, оставаясь вполнѣ свободнымъ и самостоятельнымъ въ своихъ сужденіяхъ и подвергая иногда суровой критикѣ дѣйствія правительства, онъ въ то же время относился къ нему вполнѣ корректно, не только не порывая съ нимъ, но напротивъ именно къ нему и обращая большею частью свои заявленія. Это дѣлалось и тогда,

Digitized by Google

когда правительство признавало съѣздъ незаконнымъ сборищемъ и преслѣдовало его полицейскими мѣрами, продолжалось и въ послѣднее время, когда оно стало относиться къ съѣзду съ терпимостью и даже какъ будто съ нѣкоторымъ благосклоннымъ вниманіемъ. Напротивъ съѣздъ весьма мало обращался къ обществу и еще менѣе къ народной массѣ. Общимъ правиломъ, строго соблюдавшимся, было недопущеніе на съѣздъ никакихъ депутацій даже отъ организованныхъ союзовъ. Резолюціи съѣзда, обращенныя въ сторону народа, очень мало распространялись и не производили никакого дѣйствія; отчасти это, можетъ быть, объясняется ихъ недостаточно популярнымъ изложеніемъ. Такимъ же характеромъ отличалась и большая часть произносившихся на съѣздѣ рѣчей и резолюцій. Вообще можно сказать, что какъ резолюціи съѣзда, такъ и большая часть его работъ отличались не только серьезностью и обдуманностью, но и, если можно такъ выразиться, научностью. Однако эти же качества придавали имъ иногда нѣсколько абстрактный и холодный тонъ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ рѣчи и резолюціи крестьянскаго съѣзда. Въ нихъ очень часто замѣчается непродуманность, недостаточное пониманіе и невѣрная оцѣнка дѣйствительнаго положенія вещей. Самыя трудныя политическія задачи кажутся участникамъ съѣзда легко разрѣшимыми и рѣшаются ими въ двухъ словахъ. Но именно эта кажущаяся простота рѣшеній и это отсутствіе перспективы, при которомъ намѣченныя цѣли, часто очень отдаленныя, кажутся такими близкими, что стоитъ лишь протянуть руку, чтобы достать до нихъ,—все это создаетъ ту атмосферу искренней вѣры, юношеской свѣжести и непосредственности чувства, которая даетъ людямъ рѣшительность и энергію. Несомнѣнно, что такого рода порывы могутъ гораздо легче повліять на народъ и быть имъ восприняты, чѣмъ иныя болѣе основательныя и логичныя сужденія, при которыхъ основная цѣль часто заслоняется массой посредствующихъ условій и подробностей. Изъ исторіи извѣстно, что лозунгами народныхъ движеній были не профессорскія разсужденія, вродѣ тѣхъ, какія происходили во франкфуртскомъ парламентѣ 1848 года, съ которымъ иногда сравнивали нашъ земскій съѣздъ, но немногія короткія формулы, бездоказательныя, но совпадавшія съ народными стремленіями. Въ этомъ отношеніи наивныя иногда резолюціи крестьянскаго съѣзда представляютъ тотъ интересъ, что они непосредственно отражаютъ въ себѣ инстинктивныя стремленія крестьянскихъ массъ. Во всякомъ случаѣ онѣ къ нимъ гораздо ближе, чѣмъ сужденія земскаго съѣзда. По содержанію своему онѣ отличаются прежде всего тѣмъ, что въ нихъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о землѣ, который и разрѣшается самымъ радикальнымъ и простымъ, хотя практически едва ли выполнимымъ, способомъ отобранія частновладѣльческихъ земель безъ вознагражденія за нихъ. Какимъ порядкомъ должно совершиться это отобраніе, какія имѣются средства для достиженія этой цѣли, какъ и на какихъ основаніяхъ должна быть распредѣлена отобранная земля, на все это съѣздъ не далъ опредѣленныхъ детально-разработанныхъ отвѣтовъ,

Digitized by Google

ограничившись лишь общими формулами о томъ, что земля должна принадлежать трудящимся на ней. Выяснилось лишь то, что въ средѣ съѣзда, какъ и въ средѣ крестьянства вообще, существуютъ два теченія, или скорѣе настроенія, не столько сознательныя, сколько обусловленныя большимъ или меньшимъ подъемомъ чувства: одно мирное, разсчитывающее на будущее учредительное собраніе, которое должно декретировать даровую передачу земли, другое воинственное, проповѣдующее насильственный захватъ. Но характерной особенностью и мирной и воинственной фракцій съѣзда является то, что ни та, ни другая, въ противоположность земско-городскому съѣзду, не обращается къ правительству и не возлагаетъ на него никакихъ даже временныхъ надеждъ, а разсчитываетъ исключительно на силу самого народа. Это сознаніе своей солидарности съ народной массой представляетъ уже само по себѣ очень большую моральную силу, хотя съѣздъ едва ли не переоцѣнилъ реальную силу не только свою, но даже и всего крестьянства въ его теперешнемъ неорганизованномъ и мало-культурномъ состояніи. Говоря о крестьянскомъ съѣздѣ, необходимо, конечно, сдѣлать оговорку. Мы, конечно, не думаемъ, что крестьянскій съѣздъ является не только формально правильнымъ представителемъ всего русскаго крестьянства, но даже и точнымъ выразителемъ его стремленій и настроеній. Крестьянскій съѣздъ является лишь представителемъ болѣе развитого и болѣе самостоятельнаго крестьянскаго меньшинства, ознакомившагося съ политическими и экономическими воззрѣніями, распространенными въ культурной средѣ, и отчасти получившаго отъ нея окраску соціалистическаго характера. Но это меньшинство все же сохранило свою связь съ общекрестьянской средой, къ которой оно и сейчасъ ближе, чѣмъ къ другимъ общественнымъ классамъ, не столько даже по своему экономическому положенію, сколько по своей, такъ сказать, психологіи. Эта классовая психологія играетъ едва ли даже меньшую роль въ томъ отчужденіи другъ отъ друга, которое проявили крестьянскій и земскій съѣзды, чѣмъ различіе ихъ реальныхъ интересовъ.

Различное отношеніе къ обоимъ съѣздамъ выказало и правительство: мы видѣли, что къ земско-городскому съѣду оно относилось въ послѣднее время очень терпимо, и графъ Витте даже нашелъ возможнымъ войти съ нимъ въ прямыя сношенія. Противъ крестьянскаго съѣзда, пока онъ продолжался, тоже не было со стороны администраціи никакихъ аггрессивныхъ дѣйствій. Но черезъ нѣсколько дней послѣ закрытія съѣзда, 14 ноября, по распоряженію департамента полиціи были арестованы члены бюро съѣзда: А. В. Тесленко, А. С. Бѣлевскій, С. М. Блекловъ, А. Ф. Стааль и А. П. Левицкій и одновременно съ ними не принадлежавшіе къ составу бюро Д. И. Соловьевъ и двое извѣстныхъ писателей В. Г. Богоразъ (Танъ) и Е. Н. Чириковъ. При обыскѣ не было найдено ничего, кромѣ незначущей переписки и замѣтокъ о засѣданіяхъ съѣзда, а у гг. Чирикова и Соловьева и никакихъ документовъ, касающихся съѣзда, не оказалось. Судебный слѣдователь Головня, найдя, что въ дѣлѣ не имѣется никакихъ

Digitized by Google

данныхъ къ привлеченію вышеназванныхъ лицъ къ отвѣтственности по ст. 129-й Уг. Улож., отдалъ приказъ объ освобожденіи ихъ изъ-подъ стражи. Но когда арестованные собрались уходить, то прибылъ жандармскій офицеръ и объявилъ постановленіе московскаго градоначальника о заключеніи ихъ, согласно ст. 21-й Пол. объ охранѣ, подъ стражу, какъ лицъ общественно-вредныхъ, впредь до выясненія обстоятельствъ дѣла. Затѣмъ черезъ нѣсколько дней въ судьбѣ арестованныхъ произошла новая перемѣна. Пятеро изъ нихъ, т.-е. всѣ члены бюро союза, привлечены къ суду, и мѣрою пресѣченія по отношенію къ нимъ уже отъ судебнаго вѣдомства назначенъ опять-таки арестъ. Такимъ образомъ во взглядѣ суда на эти дѣла вдругъ безъ всякаго измѣненія фактическихъ обстоятельствъ совершилась рѣзкая перемѣна, другими словами, судебная власть подчинилась требованіямъ власти административной. Послѣ такого установленія «законности» трое остальныхъ арестованныхъ продолжали содержаться въ тюрьмѣ административнымъ порядковъ, и только черезъ нѣсколько дней Соловьевъ и Чириковъ были освобождены, а Танъ продолжалъ оставаться и дольше, несмотря даже на удостовѣренную его болѣзнь. Таковы были нѣкоторыя изъ попытокъ различныхъ общественныхъ круговъ тѣмъ или инымъ способомъ содѣйствовать выходу изъ настоящаго невыносимаго положенія и таково было отношеніе къ нимъ правительства. Мы разсмотрѣли детально лишь немногія изъ этихъ попытокъ, но въ сущности можно сказать, что вся общественная дѣятельность послѣдняго времени сводилась къ организаціи и объединенію общественныхъ силъ въ видахъ подготовки ихъ къ борьбѣ за свои политическіе и экономическіе права и интересы. Къ этому была направлена и дѣятельность какъ уже возникшихъ и распространявшихся, такъ и вновь возникавшихъ за послѣднее время профессіональныхъ и партійныхъ союзовъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже выступили активно, проявляя себя цѣлымъ рядомъ забастовокъ; другіе направляли преимущественно свою дѣятельность на пропаганду своихъ политическихъ и экономическихъ ученій и на пріобрѣтеніе возможно бо́льшаго числа сторонниковъ. Изъ дѣйствующихъ въ настоящее время партійныхъ организацій наибольшее значеніе имѣютъ повидимому соціалистическія партіи: соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Та и другая партія образовались и организовались уже нѣсколько лѣтъ, но онѣ дѣйствовали до послѣдняго времени исключительно конспиративно, теперь же выступили явно. Къ нимъ въ качествѣ прогрессивной партіи можно присоединить еще образовавшуюся недавно партію конституціоналистовъ-демократовъ, ядро которой составилось отчасти изъ кружка, органомъ котораго была издававшаяся за границей газета *Освобожденіе*, отчасти изъ лѣваго крыла земско-городского съѣзда. Другія партіи стоятъ болѣе вправо. Въ январской книжкѣ *Русской Мысли* мы надѣемся болѣе подробно разсмотрѣть ученіе и дѣятельность сорганизовавшихся русскихъ партій, ихъ взаимныя отношенія и отношенія ихъ къ обществу и народу. Теперь же мы можемъ отмѣтить лишь тотъ несомнѣнный фактъ,

Digitized by Google

что несмотря на энергію нѣкоторыхъ изъ этихъ партій, имъ удалось соединить въ организованныя, сознательно направленныя группы, лишь сравнительно незначительную часть русскаго населенія; громадное большинство его стоитъ еще внѣ этихъ группъ и дѣйствуетъ или совершенно вразбродъ, или въ силу безсознательной, стихійной группировки. Результатомъ такого положенія вещей является слабость какъ партійныхъ организацій, имѣющихъ еще сравнительно мало поддержки въ народныхъ массахъ, такъ и самихъ этихъ массъ, у которыхъ отсутствуютъ сознательность и организація. Эта слабость не позволяетъ надѣяться на то, чтобы въ борьбѣ за свои права народъ какъ въ той, такъ и въ другой своей части могъ бы явиться такой непреодолимой силой, которая въ борьбѣ съ правительствомъ, поддерживающимъ старый порядокъ, сразу одержала бы побѣду. Съ другой стороны, и правительство оказывается дезорганизованнымъ и безсильнымъ. Оно не можетъ ни понять народнаго движенія и пойти ему навстрѣчу, ни подавить или устранить его. Это безсиліе, можетъ быть, никогда еще не выступало такъ ясно, какъ во время, послѣдовавшее за изданіемъ манифеста 17 октября. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлало правительство въ это время? Оно издавало законодательные акты или нерѣшительные, не дававшіе удовлетворенія тѣмъ требованіямъ, въ сторону которыхъ они были направлены, или не искренніе, отнимавшіе одной рукою то, что давалось другою. Какъ примѣръ перваго, можно привести аграрный манифестъ 3 ноября, въ которомъ, вмѣсто ожидаемаго всѣмъ крестьянствомъ и всей Россіей радикальнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, дается лишь обѣщаніе увеличить средства крестьянскаго банка и установить болѣе льготныя правила для выдачи имъ ссудъ. Повидимому и само правительство сознаетъ, что такое лѣченіе серьезнѣйшей болѣзни ромашкой не приведетъ ни къ чему и, по слухамъ, подготовляетъ по аграрному вопросу нѣчто большее, но до сихъ поръ не можетъ рѣшиться на этотъ шагъ. Какъ на примѣръ неискренности, нельзя не указать на изданный на дняхъ указъ о временныхъ правилахъ о повременныхъ изданіяхъ. Во введеніи къ этимъ правиламъ говорится, что они издаются во исполненіе манифеста 17 октября о дарованіи населенію незыблемыхъ основъ гражданской свободы, однимъ изъ условій которыхъ является свобода слова. Далѣе сказано, что правилами этими устраняется примѣненіе въ области періодической печати административнаго воздѣйствія и возстановляется порядокъ разрѣшенія судомъ дѣлъ о преступленіяхъ, совершонныхъ путемъ печатнаго слова. Первыми параграфами отмѣняется предварительная цензура, административныя взысканія, залогъ и пресловутая 140 ст. Уст. о цензурѣ, предоставлявшая министру внутреннихъ дѣлъ запрещать обсужденіе вопросовъ государственной важности. Все это очевидно имѣетъ характеръ освобожденія періодической печати отъ тяготѣвшаго надъ ней административнаго гнета. Но переходя въ область конкретнаго примѣненія, мы уже встрѣчаемся съ положеніями обратнаго свойства. Заявляя о новомъ изданіи, не нужно получать разрѣшенія на него, но нужно получить отъ

Digitized by Google

губернатора или градоначальника «свидѣтельство», безъ котораго «ни одна типографія не въ правѣ приступать къ набору и печати повременнаго изданія». А это свидѣтельство не выдается, кромѣ формальныхъ поводовъ, также и въ томъ случаѣ, если программы изданія заключаютъ въ себѣ что-либо противное нравственности или уголовному закону». «На распоряженіе губернатора о невыдачѣ свидѣтельства можетъ быть принесена жалоба правительствующему сенату на общемъ основаніи», а до тѣхъ поръ, пока эта жалоба будетъ разрѣшена, въ теченіе мѣсяцевъ, а можетъ быть и лѣтъ, изданіе не выходитъ. Далѣе «на отдѣльные нумера повременныхъ изданій можетъ быть наложенъ арестъ по распоряженію установленія или должностного лица по дѣламъ печати». Вмѣстѣ съ этимъ должно быть возбуждено судебное преслѣдованіе, и судъ можетъ отмѣнить арестъ, но конечно спустя такое время, что не только газетный, но и журнальный номеръ потеряетъ весь свой интересъ. Такъ какъ подобнымъ образомъ можетъ быть арестованъ всякій нумеръ, то ясно, что «установленіе или должностное лицо по дѣламъ печати» можетъ такимъ путемъ сдѣлать невозможнымъ изданіе всякой газеты или журнала. Затѣмъ взамѣнъ 140 ст. создается цѣлый рядъ спеціальныхъ преступленій печати, состоящихъ въ «возбужденіи» всякаго рода стачекъ и забастовокъ желѣзно-дорожныхъ, почтово-телеграфныхъ, учебныхъ и другихъ, въ распространеніи «завѣдомо (?) ложныхъ, возбуждающихъ общественную тревогу слуховъ о правительственныхъ распоряженіяхъ, общественномъ бѣдствіи или иномъ событіи», наконецъ, «въ оскорбленіи въ печати войскъ или военной части». А такъ какъ съ возбужденіемъ преслѣдованія за всѣ эти преступленія можетъ быть соединенъ и арестъ изданія, то ясно, что всѣ эти новыя уголовныя статьи съ избыткомъ замѣняютъ собою 140 ст. цензурнаго устава. Такимъ образомъ очевидно, что теоретическая свобода печати оказывается сама по себѣ, а практическія стѣсненія сами по себѣ. Неудивительно, что союзъ дѣятелей печати рѣшилъ не примѣнять эти правила, продолжая руководиться своимъ пониманіемъ свободъ печати.

Такова законодательная дѣятельность правительства. Въ области административной продолжаются старыя мѣры, внѣ которыхъ правительство очевидно не находитъ ничего, что бы оно могло примѣнить въ видахъ хотя бы даже просто «успокоенія» страны. Съ легкимъ сердцемъ вводится военное положеніе въ Польшѣ, затѣмъ черезъ три недѣли отмѣняется, при чемъ, поправляя свою явную ошибку, правительство въ особомъ сообщеніи спѣшитъ объяснить отмѣну военнаго положенія тѣмъ, что оно сразу подѣйствовало, въ смыслѣ успокоенія страны. Затѣмъ это же универсальное и такъ быстро дѣйствующее средство примѣняется къ Лифляндіи, къ Кіеву и къ другимъ мѣстностямъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Кушкѣ его примѣняютъ даже мѣстныя власти по своему усмотрѣнію, и все это дѣлается такъ просто, какъ будто введеніе военнаго положенія, т.-е. въ сущности отмѣны всякихъ постоянныхъ, мирныхъ законовъ, есть дѣло самое обыкновенное. Вообще понятіе о твердости за

Digitized by Google

кона потеряло всякое значеніе. Такъ, напримѣръ, примѣненіе давно отмѣненнаго тѣлеснаго наказанія при усмиреніи аграрныхъ безпорядковъ, производится безъ всякаго стѣсненія. Правительство прямо становится въ положеніе партіи, дѣйствующей революціонными средствами, и такъ какъ въ то же время усиливается дѣятельность партій, формально признаваемыхъ революціонными, то получается полное паденіе законнаго порядка и наступленіе безпощадной борьбы революціонныхъ силъ. При томъ обѣ эти силы, дѣйствующія какъ сверху, такъ и снизу, не на столько могущественны, чтобы сразу преодолѣть противника, поэтому, какъ это ни ужасно, но приходится признать, что такое анархическое состояніе Россіи можетъ продолжиться еще очень долго.

В. Л.

II.

Почтово-телеграфная забастовка.—Осуществленіе правительствомъ дѣйствительной гражданской свободы, обѣщанной манифестомъ 17 октября.—Волненія въ арміи.—Аграрныя волненія.

Минувшій мѣсяцъ принесъ намъ рядъ жестокихъ испытаній. 18 октября, въ день столь торжественно возвѣщенной русской свободы, большая часть русскаго общества предавалась ликованіямъ, въ твердой увѣренности, что дѣло свободы обезпечено, и что отнынѣ намъ предстоитъ путь мирнаго легальнаго развитія и упроченія достигнутыхъ завоеваній. Даже наиболѣе пессимистически настроенные люди никакъ не ожидали, что торжественныя обѣщанія съ такимъ усиліями завоеваннаго народомъ манифеста окажутся лишенными реальнаго значенія.

Въ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, прошло только полтора мѣсяца со дня обнародованія манифеста, и ни для одного безпристрастнаго человѣка не подлежитъ больше сомнѣнію, что дѣйствительность не оправдала ожиданій.

Уже первые дни «свободы» были омрачены позорными ужасами черносотенныхъ погромовъ. За ними послѣдовало введеніе военнаго положенія въ Польшѣ. И въ томъ и другомъ случаѣ правительство гр. Витте всячески старалось себя выгородить и оправдать предъ общественнымъ мнѣніемъ. Вслѣдъ за тѣмъ у правительства возникло столкновеніе съ почтово-телеграфными служащими, и здѣсь оно приняло такой образъ дѣйствій и такой тонъ, которые окончательно разсѣяли всякія сомнѣнія относительно курса, котораго оно намѣрено держаться.

Началось столкновеніе съ того, что служащіе почтово-телеграфнаго вѣдомства, находящіеся въ чрезвычайно тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, пожелали составить союзъ для защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ, для чего устроили въ Москвѣ съѣздъ. Это желаніе, опиравшееся на манифестъ 17 октября, встрѣтило противодѣйствіе въ начальникѣ почтово-телеграфнаго вѣдомства, Севастьяновѣ, который объявилъ союзъ

Digitized by Google

незаконнымъ, а участникамъ его грозилъ увольненіемъ. Приказъ г. Севастьянова былъ въ энергичной формѣ поддержанъ министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Дурново, распорядившимся увочить безъ прошенія нѣсколькихъ делегатовъ съѣзда. На увольненіе товарищей съѣздъ немедленно отвѣтилъ забастовкой. Правительство пыталось оправдать свой образъ дѣйствій ссылкой на Западную Европу, гдѣ будто бы также запрещены союзы лицъ на государственной службѣ. Рѣшеніе съѣзда поддержано было сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ отовсюду стали получаться извѣстія о распространяющейся почтово-телеграфной забастовкѣ. Въ воззваніи, обращенномъ къ обществу, съѣздъ заявилъ, что онъ сознаетъ всю тяжесть послѣдствій, которыя будетъ имѣть забастовка для государственной и общественной жизни страны, но всю отвѣтственность за эти послѣдствія возлагаетъ на г. Дурново. «Мы бастуемъ, говоритъ съѣздъ, бастуемъ не потому, что намъ это пріятно или выгодно, а потому, что не можемъ поступить иначе и не можемъ дольше выносить того, что выше нашихъ силъ. Мы доведены до крайнихъ степеней изнуренія нашей почти безпрерывной и напряженной работой. Мы принуждены продавать всѣ силы за грошевое жалованье, находясь весь нашъ вѣкъ на положеніи бозотвѣтныхъ рабовъ, которые обязаны безпрекословно исполнять всякія приказанія всесильнаго и безконтрольнаго начальства вплоть до перехватыванія чужихъ писемъ и другихъ явныхъ нарушеній закона. Мы обязаны молча взирать на то, какъ главное управленіе почтъ и телеграфовъ всевластно и безъ нашего согласія распоряжается милліонами нашихъ трудовыхъ денегъ (эмеритальная касса). Мы уже много лѣтъ тщетно добиваемся возврата намъ нѣсколькихъ милліоновъ процентовъ, успѣвшихъ нарасти до настоящаго времени на эти наши деньги. Неся на себѣ тяжелую и непосильную работу, часто связанную съ опасностью для нашей жизни, мы принуждены со страхомъ ожидать наступленія старости, которая почти для всѣхъ насъ сопряжена съ нищетой. Мы живемъ, не видя никакихъ просвѣтовъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ и постоянно встрѣчая всякія препятствія со стороны начальства въ нашихъ стремленіяхъ къ улучшенію не только нашего существованія, но и самаго дѣла. Бываетъ же предѣлъ всякому терпѣнію. Мы терпѣли, мы просили, мы «ходатайствовали», мы доказывали, но всѣ наши голоса глохли гдѣ-то въ министерскихъ канцеляріяхъ. Съ своей стороны наше начальство сдѣлало все, чтобы наглядно доказать намъ, что всѣ избранные нами способы при нынѣ существующихъ политическихъ условіяхъ совершенно не могутъ привести къ намѣченной нами цѣли. Только тогда, послѣ долгихъ размышленій и колебаній, мы, какъ и весь трудовой народъ, вынуждены были прибѣгнуть къ забастовкѣ. Мы, какъ и другіе, не могли не понять, что никакія улучшенія нашего положенія совершенно невозможны безъ коренныхъ преобразованій Россіи. Мы, какъ и другіе, не могли не присоединиться къ общенароднымъ политическимъ требованіямъ, отчасти нашедшимъ свое отраженіе въ манифестѣ 17 октября. Мы, какъ и другіе, на своемъ собственномъ горькомъ опытѣ очень быстро убѣди-

Digitized by Google

лись, что толкованіе манифеста находится въ рукахъ того же министра внутреннихъ дѣлъ, бывшаго сотрудника Плеве, и что собственною властью и произволомъ этого министра манифестъ для насъ вовсе отмѣненъ. Такимъ образомъ работники почтово-телеграфнаго дѣла произволомъ министра лишены права быть русскими гражданами. Мы лишены теперь г. министромъ права соединяться въ союзы; засѣданія нашего съѣзда ежедневно пытается разогнать полиція, а нашихъ представителей увольняютъ безъ прошенія отъ службы. Кто же истинный виновникъ почтово-телеграфной забастовки, отъ которой въ настоящее время страдаетъ вся страна? Неужели въ ней виноваты тѣ самые работники, которые всю ея тяжесть несутъ прежде всего на своихъ же плечахъ? Пусть насъ обвиняетъ правительство, но насъ оправдаетъ трудящійся народъ. Мы смѣло выставляемъ на нашемъ знамени тѣ самыя экономическія и политическія требованія, которыя уже выставлены на его знаменахъ. И мы вѣримъ, что они будутъ выполнены, потому что это требованія не только наши, но всего трудящагося народа». Воззваніе это не осталось безуспѣшнымъ. Почтово-телеграфная забастовка, хотя и вызвала тяжелыя послѣдствія, встрѣчена была сочувствіемъ. Казалось бы, что единственно цѣлесообразный путь, на какой должно стать правительство, чтобъ избѣжать обостренія положенія и избавить страну отъ огромныхъ милліонныхъ убытковъ, которые она должна понести отъ почтово-телеграфной забастовки, былъ путь уступокъ. Вмѣсто этого каждый день газеты приносили грозные приказы г. Дурново и извѣстія объ арестахъ членовъ бюро союза. На мѣсто арестовываемыхъ выбирались новые, но г. Дурново продолжалъ свое. На почту и телеграфъ онъ вздумалъ поставить добровольцевъ—нашлись такіе,—но скоро затѣмъ обнаружившаяся пропажа денежныхъ пакетовъ заставила отказаться отъ этой затѣи. 26 ноября г. Дурново напечаталъ новый приказъ. Называя забастовщиковъ мятежниками, онъ заявляетъ, что теперь приметъ всѣ «мѣры», необходимыя къ возстановленію дисциплины и порядка въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ. «Мѣры» состоятъ въ томъ, что всѣ мятежники увольняются со службы безъ прошеній, причемъ послѣ увольненія начальство можетъ обратно принять тѣхъ, кто участвовалъ въ стачкѣ по малодушію, засимъ главные мятежники и подстрекатели должны быть преданы суду. Небастовавшимъ и тѣмъ изъ вернувшихся малодушныхъ, которые раньше отличались усердной службой, выдаются пособія изъ ассигнованныхъ въ распоряженіе министра 500.000 руб. Начальники, входившіе въ соглашеніе съ мятежниками и даже выдававшіе имъ жалованье, должны оставить службу, а тѣмъ, которые въ мятежѣ не участвовали, г. Дурново выражаетъ свое благоволеніе и обѣщаетъ ихъ не забыть, пока онъ будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Таковы «мѣры» г. Дурново. Онѣ никого не удивили, никого не удивило и то, что никакого непосредственнаго результата мѣры эти не дали. Въ

Digitized by Google

настоящее время уволены сотни и тысячи служащихъ, но почта и телеграфъ до сихъ поръ не функціонируютъ правильно.

Преслѣдованіемъ почтово-телеграфнаго союза не ограничилась дѣятельность правительства гр. Витте. Такому же преслѣдованію правительство подвергло и всѣ другія попытки общества воспользоваться предоставленными свободами. Во этомъ отношеніи оно дѣйствовало вполнѣ послѣдовательно, рѣшительно и быстро, точно торопясь поскорѣе разрушить всѣ иллюзіи, которыя еще продолжали питать легковѣрные относительно значенія «дарованныхъ» благъ.

Не успѣло правительство освободить послѣ октябрьской революціи изъ тюремъ нѣкоторыя категоріи, такъ называемыхъ, политическихъ преступниковъ, какъ оно снова наполняетъ тюремныя помѣщенія новыми заключенными. Въ теченіе истекшаго мѣсяца газеты ежедневно приносили извѣстія о новыхъ арестахъ, единичныхъ и массовыхъ, все болѣе и болѣе учащающихся. Одной изъ первыхъ мѣръ этого рода — былъ арестъ въ Москвѣ членовъ бюро крестьянскаго союза. Крестьянскій съѣздъ засѣдалъ открыто и публично, отчеты объ его засѣданіяхъ печатались во всѣхъ газетахъ, и правительство все время не предпринимало никакихъ мѣръ къ тому, чтобы воспрепятствовать засѣданіямъ съѣзда. Но не успѣлъ съѣздъ закрыться, какъ правительство усмотрѣло въ немъ опасность для общественнаго порядка и арестовало бюро союза. За симъ произошелъ слѣдующій инцидентъ. Слѣдственная власть въ представленныхъ ей администраціей данныхъ не нашла состава преступленія и постановила освободить заключенныхъ; однако, освобожденіе не состоялось и обвиняемыхъ оставили дольше подъ стражей уже по распоряженію охраннаго отдѣленія. Вслѣдъ за этимъ слѣдственная власть нашла и признаки преступленія, котораго она до вмѣшательства охраннаго отдѣленія не находила.

За этими арестами послѣдовали многочисленные аресты членовъ почтово-телеграфнаго союза, а затѣмъ членовъ совѣтовъ рабочихъ делегатовъ. 26-го ноября арестованы были предсѣдатель петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ Хрусталевъ и нѣсколько членовъ бюро союза рабочихъ печатнаго дѣла. Какъ сообщаетъ *Наша Жизнь*, по поводу ареста Хрусталева въ высшихъ сферахъ нѣсколько дней происходилъ оживленный обмѣнъ мнѣній. 29 ноября происходило по этому поводу засѣданіе въ Царскомъ Селѣ. Эти засѣданія, оказывается, происходятъ ежедневно, причемъ дѣятельное участіе въ нихъ принимаютъ гг. Стишинскій, Треповъ, Булыгинъ, Путятинъ, Игнатьевъ. Изъ представителей кабинета дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ принимаетъ г. Дурново. Хотя большинство участниковъ не расположено было къ Хрусталеву, тѣмъ не менѣе вопросъ о репрессіяхъ, какъ по отношенію къ нему, такъ и ко всему рабочему совѣту въ засѣданіи 29 ноября остался открытымъ. Большое смущеніе среди этого второго правительства внесло конфиденціальное сообщеніе, составленное министромъ юстиціи по дѣлу Хрусталева. Сообще-

Digitized by Google

ніе это, какъ говорятъ, составлено г. Манухинымъ и представляетъ любопытный документъ, поставившій втупикъ всѣхъ собравшихся въ Царскомъ Селѣ. Сообщеніе, разбирая подробно дѣло Хрусталева, приходитъ къ выводу, что настоящее положеніе дѣлъ таково, что ни къ аресту Хрусталева, ни къ дальнѣйшему его задержанію нѣтъ достаточныхъ основаній. Записка основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: привлечь Хрусталева къ отвѣтственности за участіе въ тайномъ сообществѣ не представляется возможнымъ въ виду того, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ, предсѣдателемъ котораго состоялъ Хрусталевъ, отнюдь не можетъ быть отнесенъ къ числу тайныхъ сообществъ, такъ какъ онъ дѣйствовалъ вполнѣ открыто, печаталъ въ газетахъ свои отчеты, анонсировалъ свои засѣданія и даже имѣлъ дѣло съ административными лицами по поводу своихъ засѣданій. Хрусталевъ, какъ предсѣдатель, имѣлъ объясненіе съ градоначальникомъ. Что касается дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ и въ частности его предсѣдателя, направленной къ ниспроверженію существующаго строя, то записка, признавая наличность такого факта, приводитъ слѣдующія соображенія: дѣятельность этого съ самаго начала функціонированія совѣта рабочихъ депутатовъ обнаружилась во всемъ своемъ дѣйствительномъ видѣ. Правительство и администрація [были прекрасно освѣдомлены объ этой дѣятельности не только по собственнымъ свѣдѣніямъ, но и изъ повременной печати. То обстоятельство, что ни правительство, ни администрація не принимали никакихъ мѣръ къ пресѣченію дѣятельности, направленной къ ниспроверженію существующаго строя, а даже часто командировали къ мѣсту засѣданія рабочихъ депутатовъ патрули для охраненія порядка, что даже петербургскій градоначальникъ принималъ Хрусталева, зная кто онъ, и въ качествѣ кого онъ является — все это даетъ полное основаніе всѣмъ участникамъ совѣта рабочихъ депутатовъ, въ томъ числѣ и Хрусталеву, считать свою дѣятельность отнюдь не противорѣчащей тому курсу, который господствуетъ въ правительственныхъ сферахъ, и, стало быть, не противорѣчащей существующимъ узаконеніямъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ значеніе, что ни въ самый моментъ ареста Хрусталева, ни въ предшествовавшіе моменты дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ нельзя усмотрѣть никакихъ данныхъ къ тому, чтобы совѣтъ сдѣлалъ крутой поворотъ въ смыслѣ усугубленія своей дѣятельности въ противозаконную сторону. Направленіе дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ все время носитъ вполнѣ опредѣленный и послѣдовательный характеръ. Если же, говорится въ запискѣ, Хрусталевъ и совѣтъ рабочихъ депутатовъ не могутъ оправдываться незнаніемъ закона, то тѣмъ менѣе къ этой отговоркѣ могутъ прибѣгнуть правительство и администрація, а въ частности градоначальникъ, принимавшій лично или черезъ своихъ подчиненныхъ предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ Хрусталева (Носаря). Нѣтъ также возможности усмотрѣть преступнаго дѣянія въ томъ, что Носарь называлъ себя Хрусталевымъ, ибо, во-1-хъ, нѣтъ официальныхъ документовъ—обязательствъ, на которыхъ онъ подписывался бы вымышлен-

Digitized by Google

ной фамиліей. И, во-2-хъ, потому, что еще до ареста онъ огласилъ въ печати свою фамилію. Записка эта, строго конфиденціальная, говорятъ, произвела большое смущеніе въ Царскомъ Селѣ. Однако, г. Дурново настаиваетъ на самыхъ рѣзкихъ мѣрахъ, опираясь на офиціально составленный обвинительный актъ, который ведется совсѣмъ въ иномъ духѣ. Колебанія, очевидно, разрѣшились въ духѣ благопріятномъ для г. Дурново, такъ какъ 3 декабря арестовано было во время засѣданія въ вольно-экономическомъ обществѣ 150 человѣкъ членовъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Арестъ произведенъ былъ днемъ. Къ зданію вольно-экономическаго общества подошли три роты семеновскаго полка, казаки, конная полиція, городовые. Все зданіе было окружено, а внутрь введены были двѣ роты солдатъ, полиція и пр.

Кромѣ того Юго-восточный комитетъ всероссійскаго желѣзно-дорожнаго союза сообщилъ въ газетахъ, что на основаніи тайнаго циркуляра г. Дурново губернаторамъ разсылается приблизительно слѣдующій циркуляръ: «Совершенно секретно. Гг. начальникамъ полиціи. Препровождая копію предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаю выяснить немедленно всѣхъ главарей, подстрекателей, руководителей политическаго и аграрнаго противоправительственнаго движенія и другихъ лицъ въ видѣ делегатовъ; затѣмъ арестовывать ихъ для заключенія въ мѣстную тюрьму для поступленія съ тѣмъ согласно указаній г. министра внутреннихъ дѣлъ».

Не лучше дѣло обстоитъ съ *дѣйствительной* свободой слова. Послѣ манифеста 17 октября русская печать осуществила свободу слова революціоннымъ способомъ. Редакторы, издатели и владѣльцы типографій устроили союзъ въ защиту свободы печати, рѣшившій игнорировать цензурныя учрежденія и фактически осуществлять свободу печати. Правительство, однако, не спѣшило съ обнародованіемъ обѣщаннаго закона о свободѣ печати. Лишь 24 ноября вышелъ Высочайшій указъ о временныхъ правилахъ для печати. Почти полтора мѣсяца сочинялся временный законъ, который долженъ дѣйствовать до Государственной Думы, предполагавшейся къ созыву въ январѣ, т.-е. въ теченіе тоже полутора или двухъ мѣсяцевъ. Однако, когда онъ былъ сочиненъ и обнародованъ, то стало ясно, почему правительство не торопилось его издавать. Законъ, долженствовавшій укрѣпить свободу печати, оказался ограждающимъ печать отъ свободы. Очевидно, правительство не хотѣло его обнародовать, пока не приняло твердаго рѣшенія взять новый курсъ. Затѣмъ 2-го декабря въ 12 часовъ ночи прокуроръ запечаталъ въ Петербургѣ наборныя газеты *Русь*, *Сынъ Отечества*, *Новая Жизнь*, *Свободный Народъ*, *Наша Жизнь* и *Начало*. Засимъ всѣ эти газеты, а также *Русская Газета* и *Свободное Слово* были по распоряженію слѣдственной власти арестованы и пріостановлены. Редакторы этихъ восьми газетъ вызваны были къ судебному слѣдователю. Имъ предъявлено обвиненіе по 129 ст. Улож., а въ видѣ мѣры пресѣченія принятъ арестъ съ замѣной денежнаго залога въ 15 тысячъ руб. съ каждаго. Преслѣдованіе это вызвано напечатаніемъ въ этихъ газетахъ мани-

Digitized by Google

феста отъ революціонныхъ партій: совѣта рабочихъ депутатовъ, главнаго комитета крестьянскаго союза, центральнаго комитета россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ и центральнаго комитета польской соціалистической партіи. Манифестъ, указывая на близкое банкротство правительства, приглашаетъ населеніе отказываться отъ взноса выкупныхъ и всѣхъ другихъ казенныхъ платежей, требовать при всѣхъ сдѣлкахъ, выдачи заработной платы и жалованья золотомъ и брать вклады изъ сберегательныхъ кассъ.

Одновременный арестъ восьми газетъ составляетъ безпримѣрный фактъ въ исторіи русской печати. Ничего подобнаго не было въ прежнія времена, когда еще не существовало въ Россіи дѣйствительной свободы печати. Тогда періодическое изданіе закрывалось совѣщаніемъ четырехъ министровъ. Теперь по новому закону, изданному, по увѣренію правительства, «для укрѣпленія свободы повременныхъ изданій» это дѣлается проще: достаточно простого распоряженія судебной палаты.

Въ объясненіе закрытія газетъ, правительство напечатало короткое сообщеніе, въ которомъ излагаетъ, что со времени манифеста 17 октября редакторы-издатели столичныхъ газетъ, образовавъ союзъ для защиты свободы печатнаго слова, «рѣшили не исполнять никакихъ законовъ (?)». Нѣкоторые изъ органовъ печати превзошли въ этомъ отношеніи всякія границы, послѣдовательно допуская печатаніе статей, заключающихъ въ себѣ тяжкія преступленія, предусмотрѣнныя уголовнымъ уложеніемъ. Вслѣдствіе сего съ 22 октября по 2 декабря въ обоихъ столицахъ возбуждено уголовное преслѣдованіе въ 92 случаяхъ нарушенія газетами и журналами уголовныхъ законовъ».

По 129 ст. привлеченъ также редакторъ московской газеты *Борьба* г. Скирмунтъ, подвергнутый аресту, и редакторъ газеты *Новости* г. Нотовичъ. Запечатана типографія журнала *Сигналъ* и арестованы редакторы гг. Жуковъ и Чуховскій. Арестованы первый нумеръ журнала *Пламя* и сатирическій журналъ *Жупелъ*, издающійся въ Петербургѣ, и *Жало*, издающееся въ Москвѣ, а также еженедѣльная газета *Голосъ труда*.

Такимъ образомъ въ близкомъ будущемъ предстоитъ рядъ судебныхъ процессовъ о преступленіяхъ по дѣламъ печати. Одинъ уже состоялся надъ редакторомъ-издателемъ сатирическаго журнала *Пулеметъ* г. Шебуевымъ. Г. Шебуевъ въ издаваемомъ имъ журналѣ напечаталъ текстъ манифеста 17 октября съ отпечаткомъ на немъ окровавленной руки и съ надписью внизу: «Къ сему листу свиты его величества генералъ-майоръ Треповъ руку приложилъ». За это онъ былъ арестованъ, но сейчасъ выпущенъ, такъ какъ слѣдователь не нашелъ вначалѣ признаковъ преступленія. Но затѣмъ слѣдователь ихъ нашелъ (совершенно какъ въ исторіи съ членами крестьянскаго союза), и г. Шебуевъ снова былъ арестованъ. 3 декабря его судили въ петербургской судебной палатѣ съ сословными представителями. Судъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ, присутствовала одна

Digitized by Google

жена подсудимаго. Г. Шебуевъ былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

Обозрѣвая далѣе дѣятельность правительства, приходится отмѣтить введеніе военнаго положенія въ Кіевѣ и Кіевскомъ уѣздѣ указомъ 20 ноября, введеніе военнаго положенія въ Лифляндской губ. указомъ 22 ноября и учрежденіе прибалтійскаго генералъ-губернаторства изъ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губ. указомъ 28 ноября.

Очевидно, вѣра въ спасительность военныхъ положеній и генералъ-губернаторовъ еще не потеряна, хотя въ комиссіи, образованной по указу 12 декабря 1904 г. для разсмотрѣнія исключительныхъ законовъ, большинство членовъ, и въ томъ числѣ нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, высказались противъ нихъ.

Особенно усиленную дѣятельность проявило правительство въ послѣднихъ числахъ ноября и первыхъ числахъ декабря. Указы и распоряженія слѣдовали другъ за другомъ съ большой поспѣшностью. 29 ноября состоялся указъ, устанавливающій временныя правила «о наказуемости наиболѣе опасныхъ проявленій въ забастовкахъ». Правила эти устанавливаютъ наказанія отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ для лицъ, виновныхъ «въ возбужденіи служащихъ или рабочихъ на желѣзной дорогѣ, казенной или частной, или телефонѣ общаго пользованія, кромѣ правительственнаго, или вообще въ такомъ предпріятіи, прекращеніе или пріостановленіе дѣятельности котораго угрожаетъ безопасности государства или создаетъ возможность общественнаго бѣдствія, къ самовольному по соглашенію между собою прекращенію, пріостановленію или невозобновленію работъ, если такое прекращеніе, пріостановленіе или невозобновленіе послѣдовало». Служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ наказываются и за простое участіе въ забастовкѣ арестомъ до 3 мѣсяцевъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ до 3 мѣсяцевъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ до 1 года 4 мѣсяцевъ. Служащіе, прекратившіе самовольно работу и принуждавшіе къ этому другихъ, наказываются тюремнымъ заключеніемъ до 1 г. 4 м. Виновные же въ принадлежности къ сообществу, направившему свою дѣятельность къ возбужденію служащихъ и рабочихъ къ забастовкамъ, караются заключеніемъ въ крѣпости отъ 1 года 4 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ съ лишеніемъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Карая забастовщиковъ, правила устанавливаютъ вознагражденіе для лицъ, пострадавшихъ отъ насилій за противодѣйствіе забастовкѣ или отказъ въ ней участвовать.

За правилами о забастовкахъ послѣдовалъ указъ, предоставляющій генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, въ случаяхъ прекращенія желѣзнодорожнаго или почтово-телеграфнаго сообщенія, право собственной властью вводить положеніе объ усиленной или чрезвычайной охранѣ, а въ мѣстахъ, гдѣ есть военные начальники не ниже бригадныхъ генераловъ—военное положеніе.

Этимъ указомъ, въ сущности, учреждаются повсюду въ Россіи мѣстныя

Digitized by Google

диктатуры. Большая часть Россіи и теперь находится на положеніи усиленной охраны, а дальше въ этомъ направленіи можно идти только къ общей военной диктатурѣ.

Въ одинъ день съ этимъ указомъ въ газетахъ появилось слѣдующее правительственное сообщеніе.

«Правительство получаетъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія, что во многихъ мѣстностяхъ населеніе, разоренное происходившими желѣзнодорожными забастовками, находится въ такомъ возбужденномъ состояніи, что при новой забастовкѣ можетъ случиться, что оно само начнетъ расправляться со служащими дороги, нанося имъ тѣлесныя поврежденія, причемъ, конечно, въ такомъ случаѣ можетъ пострадать масса невинныхъ въ виду безпорядковъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Если при забастовкахъ на желѣзныхъ дорогахъ населеніе начнетъ громить желѣзнодорожныхъ служащихъ, правительству будетъ весьма трудно оказать своевременное содѣйствіе къ водворенію порядка».

Такимъ образомъ правительство даже не предоставляетъ утѣшенія мирному и жаждущему порядка обывателю, что порядокъ будетъ своевременно водворенъ.

Приведенными мѣрами, правилами, узаконеніями и распоряженіями, повидимому, не ограничится дѣятельность правительства. Г. Дурново, какъ сообщаютъ газеты, сочиняетъ еще какіе то проекты: а именно, правила о полицейскомъ надзорѣ и проектъ о мѣрахъ сохраненія государственнаго порядка, который долженъ предоставить широкія полномочія министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

Затѣмъ уже 6 декабря появилось новое пространное правительственное сообщеніе, въ которомъ говорится о предстоящемъ усиленіи дѣятельности судебныхъ учрежденій, для возможности «*дѣйствительнаго* примѣненія вновь издаваемыхъ правилъ и наложенія наказаній».

Сообщеніе свое правительство заканчиваетъ заявленіемъ, что если всѣ мѣры окажутся недѣйствительными, то будутъ приняты еще другія *совершенно исключительныя*.

Таковы *пока* всѣ мѣры, принятыя правительствомъ гр. Витте для умиротворенія Россіи и осуществленія въ ней дѣйствительной гражданской свободы.

Пока правительство принимаетъ исключительныя мѣры и проектируетъ мѣры *совершенно исключительныя*, въ странѣ попрежнему продолжается революція. Захвативъ въ свой круговоротъ самые разнообразные классы населенія, она теперь подошла вплотную къ тому пласту, который казался наиболѣе неподвижнымъ. Мы говоримъ объ арміи. Намъ приходилось уже отмѣчать военные бунты среди морскихъ экипажей на Черномъ морѣ, въ Либавѣ, Кронштадтѣ. 10 ноября снова вспыхнулъ въ черноморскомъ флотѣ мятежъ, въ которомъ на этотъ разъ принимали участіе пѣхотныя войска. Дѣло началось съ митинговъ, устроенныхъ матросами совмѣстно

Digitized by Google

съ пѣхотными войсками и рабочими въ Севастополѣ. 11 ноября адмиралъ Писаревскій вызвалъ боевую команду и приказалъ ей стрѣлять въ участниковъ многотысячнаго военнаго митинга. Въ отвѣтъ на приказаніе изъ команды раздалось нѣсколько выстрѣловъ, отъ которыхъ палъ самъ адмиралъ и офицеръ бѣлостокскаго полка. Эти выстрѣлы послужили сигналомъ къ открытому возстанію. 12-го къ матросамъ и солдатамъ присоединились рабочіе. Толпа въ 10 тыс. человѣкъ съ красными и георгіевскими флагами, съ музыкой прошла по городу. Въ казармахъ задержаны были командиръ крѣпости и офицеры. Вслѣдъ затѣмъ къ движенію примкнули броненосцы «Потемкинъ» и «Очаковъ» и миноносецъ «Свирѣпый» и нѣсколько другихъ судовъ. Возставшимъ флотомъ командовалъ отставной лейтенантъ Шмидтъ. 16 ноября между возставшими и правительственными войсками произошло правильное сраженіе. Перевѣсъ оказался на сторонѣ правительства, которое и побѣдило. Возставшія суда, дѣйствовавшія подъ красными флагами, сдались, въ то же время и на берегу запяты были казармы съ возставшими войсками. Всего взято было въ плѣнъ 2.000 чел. Севастополь за это время пережилъ всѣ ужасы настоящаго морского и сухопутнаго сраженія.

18 ноября произошелъ военный бунтъ въ Кіевѣ, вызвавшій введеніе военнаго положенія. Саперный батальонъ, которому приказано было замѣнить забастовавшихъ почтово-телеграфныхъ служащихъ, отказался отъ этого и вмѣстѣ съ офицерами вышелъ на улицы. За батальономъ, шедшимъ съ музыкой и краснымъ флагомъ, шелъ посланный для его усмиренія пѣхотный полкъ, а сзади—казаки. По дорогѣ къ шествію присоединились рабочіе. Въ концѣ-концовъ произошло столкновеніе между манифестантами и миргородскимъ полкомъ; въ результатѣ много убитыхъ и раненыхъ. Послѣ этого Кіевъ еще дня два находился въ возбужденномъ состояніи.

Начиная съ середины ноября волненія въ войскахъ до того усилились, что газеты открыли для нихъ особую ежедневную рубрику. Такъ, въ *Рус. Вѣд.* отъ 23 ноября сообщалось о волненіяхъ въ Литовскомъ полку въ Варшавѣ и въ артиллерійскомъ лагерѣ близъ Варшавы; въ Волковышкахъ взбунтовался драгунскій полкъ, въ Остроленкѣ, Ломжинской губ.— саперы и драгунскій полкъ. Въ № отъ 24-го ноября сообщалось, что Новороссійскъ и Екатеринодаръ въ рукахъ возставшихъ войскъ, къ которымъ присоединились рабочіе. Крупныя волненія произошли въ харьковскомъ гарнизонѣ, гдѣ взбунтовалось четыре полка: богодуховскій, лебединскій, луцкій и старобѣльскій. Солдаты отказались исполнять требованія начальства и нѣсколько дней устраивали демонстраціи. При этомъ получился тотъ курьезъ, что въ Харьковѣ существовало военное положеніе, а войскъ для поддержанія его не было. Изъ возставшихъ полковъ пришлось отпустить запасныхъ всѣхъ годовъ. Большіе безпорядки произошли во Владивостокѣ, Харбинѣ и Иркутскѣ. Подробности того, что было въ Харбинѣ, еще неизвѣстны, но передаютъ, что возстаніе охватило

Digitized by Google

нѣсколько полковъ. Возсталъ и иркутскій гарнизонъ съ требованіемъ учредительнаго собранія, всеобщаго избирательнаго собранія, амнистіи политическимъ, отмѣны смертной казни, увольненія всѣхъ въ запасъ и т. д. Вообще, какъ передаютъ какъ наши, такъ и иностранныя газеты, въ манчжурской арміи очень неблагополучно.

Такія же извѣстія приходятъ изъ Петербурга. 25 ноября подъ сильнымъ конвоемъ войскъ отправлены были въ Кронштадтъ взбунтовавшіеся 14 и 8 флотскіе экипажи; взбунтовалась электротехническая рота, волненія происходятъ въ шлиссельбургскомъ гарнизонѣ, охтенской командѣ и т. д. Волненія происходили и въ Москвѣ въ ростовскомъ полку.

Кромѣ Кіева и Харькова, большія волненія произошли въ Ригѣ и Ковно. Въ виду отсутствія правильнаго телефоннаго сообщенія и частичной желѣзнодорожной забастовки точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходитъ въ Ригѣ и Ковенской губ. нѣтъ, но извѣстно, что вся Ковенская губ. и г. Ковно охвачены революціоннымъ возстаніемъ латышей. Ковенскій губернаторъ по телеграфу просилъ, чтобы его отозвали, такъ какъ онъ находитъ лишнимъ присутствіе свое и властей. Въ Ригѣ также началось революціонное возстаніе послѣ объявленія въ Лифляндіи военнаго положенія.

Прибывшіе въ Ригу въ огромномъ числѣ лифляндцы вмѣстѣ съ городскимъ населеніемъ произвели рядъ манифестацій противоправительственнаго характера, не взирая на сильныя воинскія части и разставленные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пулеметы. Эти манифестаціи, по слухамъ, привели къ кровавому столкновенію съ войсками, къ пожарамъ правительственныхъ зданій, къ массовому выѣзду населенія изъ города и т. д. Рабочимъ будто бы удалось весьма дорогою цѣною изолировать городъ отъ внѣшнихъ сношеній, овладѣть или испортить телеграфъ, желѣзную дорогу и отрѣзать всѣ пути для скораго прибытія подкрѣпленій. Изъ Либавы въ Ригу посланы военныя суда.

По послѣднимъ извѣстіямъ въ Прибалтійскій край отправляются войска петербургскаго округа.

Продолжаются также аграрныя волненія. Затихая въ однихъ мѣстахъ, они начинаются въ другихъ и снова возвращаются иногда въ старыя мѣста. По послѣднимъ извѣстіямъ безпорядки возникли въ 15 новыхъ уѣздахъ въ Воронежской, Орловской, Нижегородской, Гродненской, Рязанской, Смоленской и Новгородской губ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они продолжаются и въ старыхъ мѣстахъ, особенно въ Саратовской губ. Вотъ что, напр., по словамъ «Приволж. Края», происходитъ въ Балашовскомъ уѣздѣ.

«Уѣздъ горитъ,—какъ говорятъ въ городѣ. Крестьянское движеніе приняло грозные размѣры и съ особенной силой разыгрывается въ сѣверной части уѣзда. По подсчету, болѣе или менѣе достовѣрному, разгромлено до сихъ поръ до 34-хъ имѣній, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ сожже-

Digitized by Google

ны и разрушены до основанія. Такъ какъ погромы совершаются вездѣ почти совершенно одинаково, то для характеристики приведу разсказъ, описывающій погромъ имѣнія Веселовскаго. Къ отцу Веселовскаго, который собственно и ведетъ хозяйство, явились «делегаты» и просили его самого уѣхать, а имъ отдать ключи. Не получивъ ключей, «делегаты» заявили, что въ такомъ случаѣ замки будутъ сломаны, на что имъ былъ отвѣтъ, что пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Вскорѣ послѣ этого явилась толпа съ подводами, сбила прежде всего замки у амбаровъ, и часовъ черезъ 20 не осталось ни единаго пуда изъ 19-ти тысячъ пудовъ, несмотря на то, что возкой было занято не болѣе 60-ти подводъ. Затѣмъ увозили и уносили все, что можно было увезти или унести, послѣ чего приступили къ поджогу. Такъ какъ большинство построекъ были каменныя и крыты желѣзомъ, то съ нихъ снимали желѣзо (которое тоже увозили), складывали въ зданіи что-либо быстро загорающееся и зажигали.

Достойно вниманія, «что все это, по словамъ мѣстной газеты, дѣлалось совершенно спокойно, въ полной увѣренности своей правоты».

Когда, напримѣръ, самъ К. Б. Веселовскій явился туда и, встрѣтивъ старосту, сказалъ ему, что онъ будетъ отвѣчать не только какъ громила, но и какъ староста, то послѣдній ему отвѣтилъ, какъ бы спрашивая: «А придется ли отвѣчать-то?» и, помолчавъ немного, продолжалъ: «Да что ужъ, все одно—отвѣчать, такъ отвѣчать,—всѣ будемъ за одно и одинаково отвѣчать».

По предложенію г. Веселовскаго крестьяне согласились взять скотину какъ бы на сохраненіе, обязавшись ее кормить и составить протоколъ въ случаѣ падежа.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о безпорядкахъ отовсюду доносятся вѣсти о жестокой расправѣ, къ которой прибѣгаютъ власти для ихъ подавленія. Такъ гласный тамбовскаго земства г. Колобовъ сообщалъ въ *Рус. Вѣд.*

«Населеніе совершенно терроризировано тою жестокою расправой, которой оно подверглось со стороны мѣстныхъ властей за совершонные разгромы. Я не слыхалъ, чтобы гдѣ-либо разгромы были предупреждены своевременнымъ появленіемъ вооруженной силы. Въ этомъ отношеніи мѣстныя власти могутъ, кажется, съ полнымъ правомъ, пародируя извѣстныхъ опереточныхъ драгунъ, сказать: «Nous arrivons toujours trop tard». Но зато сколько энергіи проявляется при появленіи властей и войска въ деревняхъ послѣ разгромовъ! Отъ крестьянъ требуютъ указанія виновныхъ въ погромахъ и возврата разграбленнаго имущества. При отказѣ въ исполненіи этихъ требованій по толпѣ крестьянъ даютъ залпы боевыми патронами,—бываютъ жертвы убитыми и ранеными,—и если послѣ этого крестьяне выдаютъ виновныхъ въ погромахъ, то начальство приказываетъ сжигать дворы послѣднихъ. Говорятъ, были случаи, когда посылались властями люди зажигать деревню съ четырехъ концовъ. Въ южной части уѣзда экзекуцію производилъ извѣстный своею реакціонной дѣятельностью совѣтникъ губернскаго правленія Луженовскій, о которомъ разсказыва-

Digitized by Google

ютъ,—и притомъ будто бы даже съ его словъ,— что онъ пробовалъ вынуждать сознаніе у крестьянъ, приставляя револьверъ ко лбу допрашиваемаго и объявляя, что будетъ считать до трехъ, а затѣмъ спуститъ курокъ. Буду радъ, если г. Луженовскій опровергнетъ этотъ слухъ. О нагаечной расправѣ уже и говорить нечего. Мнѣ передавали о случаѣ, бывшемъ въ Степановской волости, когда учитель сельской школы г. С. былъ избитъ по приказанію полиціи нагайками за отказъ стать передъ нею на колѣни. На мой вопросъ, на какомъ же основаніи примѣняется тѣлесное наказаніе вопреки двумъ манифестамъ, отъ 11-го августа 1904 г. и 17-го октября 1905 г., мнѣ было объяснено, что мѣстная власть считаетъ, что если она можетъ примѣнять большее наказаніе—разстрѣлъ,—то тѣмъ болѣе она можетъ примѣнять меньшее—порку.

Но и такая расправа не всѣхъ еще, повидимому, удовлетворяетъ въ губерніи. На келейномъ совѣщаніи нѣсколькихъ десятковъ землевладѣльцевъ, происходившемъ 10-го ноября въ зданіи дворянскаго собранія, было заявлено требованіе о примѣненіи *военно-полевого суда* надъ участниками крестьянскихъ погромовъ, а предсѣдателемъ губернской управы г. Стерлиговымъ была, говорятъ, даже послана телеграмма гр. Витте съ просьбой *о введеніи военнаго положенія во всей губерніи.*

Такой же характеръ носитъ расправа съ крестьянами и въ Саратовской губ.

А. С.

III.

Декабрьскіе дни.

Повсюду кровь, погромы, разстрѣлы, разореніе... Забастовки останавливаютъ культурную и торгово-промышленную жизнь, переходятъ въ вооруженное возстаніе. Москва пережила въ декабрѣ страшные дни. На улицахъ отъ пулеметовъ и пушекъ погибали и возставшіе противъ правительства, и ни въ чемъ неповинные люди. Жутко было ходить по улицамъ. Непрерывно, въ разныхъ мѣстахъ, свистали пули, разрывалась шрапнель, гулко раскатывалась пушечная пальба. А по ночамъ колыхалось зарево зажженныхъ гранатами домовъ на несчастной Прѣснѣ...

Скорбною ироніею звучитъ въ нынѣшнемъ году надъ нашею родиною величавая христіанская пѣснь: Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе.

Благоволеніе!

Когда же наступитъ успокоеніе для измученной страны—если не праздникъ,—то хоть нормальный день? Конечно, лишь тогда, когда произволъ и насиліе смѣнятся правомъ и тѣми свободами, которыя обѣщаны намъ манифестомъ 17 октября. Когда же придетъ этотъ страстно желанный день? Въ катехизисѣ Филарета на аналогичный вопросъ есть вполнѣ опредѣлен-

Digitized by Google

ный отвѣтъ: сіе неизвѣстно. А знать это необходимо, необходимо всѣми силами души приближать конецъ анархіи и террора.

Но какъ практически осуществлять это рѣшеніе, когда газеты закрываются, собранія запрещаются? Вѣдь сидя у себя по домамъ мы никого не умиротворимъ и сами не успокоимся. Естественно, что первымъ условіемъ для выхода Россіи изъ ужасающаго положенія является отмѣна всякихъ исключительныхъ постановленій и указовъ, возвращеніе къ правосудію, созданіе общественной свободы, созывъ Государственной Думы. Не бѣда, что сочиненная въ канцеляріяхъ система выборовъ имѣетъ значительные недостатки: въ Думѣ все-таки прозвучитъ твердое мнѣніе страны. Быть можетъ, оно окажется одностороннимъ, но его поправитъ и проконтролируетъ независимая печать.

Молчаніе—далеко не всегда признакъ согласія. Вогнать внутрь пушками и шашками всѣ проявленія недовольства значитъ не излѣчить государственный организмъ, а подготовить въ немъ зараженіе крови. Довольно ужасовъ, довольно насилія. Они зародили злобу и ненависть, противъ которыхъ должно идти *благоволеніе въ человѣцѣхъ*.

В. Гольцевъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Грозный водоворотъ событій, охватившій Россію, лишаетъ возможности съ обычною внимательностью слѣдить за жизнью другихъ государствъ. Вслѣдствіе забастовки почтово-телеграфныхъ служащихъ и свѣдѣній получается гораздо менѣе обыкновеннаго.

Въ Англіи произошла, наконецъ, смѣна кабинета. Консервативное министерство находилось у власти много лѣтъ. Внѣшняя его политика ознаменовалась насильственнымъ присоединеніемъ Трансваальской и Оранжевой республикъ, военною экспедиціею въ Тибетъ, тѣснымъ союзомъ съ Японіею. Во внутреннихъ дѣлахъ кабинетъ Салюсбюри и потомъ Бальфура не отличались большимъ починомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ преслѣдовали реакціонныя цѣли, стремясь, напримѣръ, подчинить англиканской церкви народное образованіе. Зато удовлетвореніе,—довольно широкое,—земельныхъ нуждъ ирландскаго народа должно быть поставлено въ большую заслугу сошедшему со сцены правительству.

Преобладающую роль въ немъ долго игралъ поддерживающій яркій имперіализмъ Чемберленъ. Теперь его вліяніе въ странѣ повидимому уменьшается, протекціонистская торговая политика встрѣчаетъ сильный отпоръ.

Новый кабинетъ включаетъ въ себѣ много высокодаровитыхъ государственныхъ людей. Министръ-президентъ, Кембель-Банерманъ, вождь либеральной партіи въ нижней палатѣ, конечно, не Гладстонъ; но онъ испытанный политическій дѣятель, съ безукоризненнымъ прошлымъ, съ достаточною энергіею.

Въ кабинетъ вошли знаменитые, но уже престарѣлые либеральные вожди, какъ Брайсъ (министръ по дѣламъ Ирландіи) и Морлей (министръ по дѣламъ Индіи) и нѣсколько изъ крупнѣйшихъ англійскихъ землевладѣльцевъ,—маркизъ Рипонъ, лордъ Твидмаусъ и др. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Гербертъ Гладстонъ, министромъ финансовъ—очень даровитый Асквитъ.

Если не ошибаемся, въ первый разъ вступилъ въ великобританскій кабинетъ бывшій рабочій-механикъ Джонъ Борнсъ. Онъ занялъ мѣсто предсѣдателя мѣстнаго управленія *[Local Governement Boord]*, которое вѣдаетъ дѣлами благоустройства, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Это назначеніе въ особенности должно привѣтствовать.

Digitized by Google

Въ виду важности для насъ англійской міровой политики интересна личность новаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Грея. При существованіи солидарно отвѣтственнаго передъ парламентомъ кабинета ни одинъ министръ не можетъ, разумѣется, вести самостоятельную политику, но выборъ министромъ-президентомъ опредѣленнаго лица указываетъ уже на направленіе, въ которомъ будетъ вестись эта политика.

Лордъ Эдвардъ Грей родился въ 1862 году, кончилъ курсъ въ оксфордскомъ университетѣ. Въ молодости онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ имперіалистической политики Дизраэли,—впослѣдствіи лорда Биконсфильда, который овладѣлъ фактически Египтомъ и суэцкимъ каналомъ и провозгласилъ королеву Викторію императрицею Индіи. Въ кабинетѣ Гладстона Грей, въ 1892—1895 гг., завѣдывалъ парламентскимъ секретаріатомъ иностранныхъ дѣлъ.

Грей—имперіалистъ, но далеко не столь рѣшительный, какъ отдѣлившійся отъ либеральной партіи лордъ Розберри. Въ своей октябрьской рѣчи новый министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что смѣна консервативнаго кабинета либеральнымъ не поведетъ къ измѣненію внѣшней политики Великобританіи. Въ ней три главныхъ пункта: 1) дружба съ Соединенными Штатами, 2) союзъ съ Японіей и 3) согласіе съ Франціей. И ни одинъ изъ этихъ пунктовъ либеральная партія не намѣрена измѣнять. Лордъ Грей поспѣшилъ прибавить: «Необходимо, чтобы Россія возстановила свое значеніе въ общемъ европейскомъ совѣтѣ. А такъ какъ, говоря о Россіи, нельзя не думать о Германіи, то я скажу, что улучшеніе отношеній между Англіей и Германіей стоитъ въ прямой зависимости отъ того, каковы отношенія между Германіей и Франціей. Уравновѣшенность въ отношеніяхъ этихъ двухъ державъ дастъ наилучшую гарантію тому, что и взаимныя отношенія Англіи и Германіи также станутъ добрыми». Итакъ, послѣ трехъ главныхъ пунктовъ, которые являются основою современной англійской политики, выступаетъ и возможность добраго согласія съ Германіей и съ нашимъ отечествомъ.

Съ того момента, когда, послѣ несчастной войны, русское правительство отказалось отъ завоевательныхъ плановъ и захватовъ на Дальнемъ Востокѣ, соглашеніе съ Англіей становится возможнымъ, персидскій и тибетскій вопросы не представляютъ непреодолимыхъ трудностей для ихъ полюбовнаго разрѣшенія.

Чемберленъ началъ свою оппозиціонную дѣятельность противъ нынѣшняго кабинета рѣчью въ Оксфордѣ, передъ студентами. Онъ отнесся съ похвалою къ министерству Бальфура и заявилъ, что будетъ *миссіонеромъ великой имперіи* и не дастъ правительству и сторонникамъ *малой Англіи* ослабить связь между отдѣльными частями имперіи. Въ особенности эта политика выразилась въ стремленіи (Гладстона) дать Ирландіи парламентское самоуправленіе (*Home rule*); противъ нея всѣми силами будетъ бороться Чемберленъ.

За нимъ выступилъ бывшій министръ-президентъ Бальфуръ въ Манче-

Digitized by Google

стерѣ. Онъ заявилъ, что сложилъ съ себя власть вѣ-время, въ тотъ моментъ, когда распри уніонистовъ широко разгласились и могли повредить интересамъ страны и авторитету правительства. Далѣе принудивъ своихъ противниковъ принять власть до выборовъ, онъ, Бальфуръ, принудилъ ихъ представить на судъ страны свои поступки, не ограничиваясь критикой дѣятельности своихъ противниковъ и посулами химерически прекраснаго будущаго.

Теперь Англія имѣетъ полную возможность выбирать между двумя сторонами, уніонисты же не только переносить удары, но и наносить ихъ.

Бальфуръ утверждалъ, что либеральная партія и теперь на первый планъ выдвигаетъ гомруль, и выражалъ надежду, что въ области политики иностранной либералы будутъ идти по стопамъ уніонистскаго правительства. Послѣднее, именно, потому и дѣйствовало такъ успѣшно въ этой области, что исходило изъ одной и той же точки зрѣнія и было объединено однимъ и тѣмъ же великимъ идеаломъ. Онъ сомнѣвается, можетъ ли быть устойчивой и успѣшной иностранная политика такого разношерстнаго кабинета, какъ новое министерство Кемпбэлль-Баннермана.

Въ заключеніе Бальфуръ сообщилъ, что онъ сохраняетъ за собой руководительство консервативной партіей, превратившейся теперь въ оппозиціонную.

---

6 (19) января 1906 г. исполняется окончаніе срока президентства Эмиля Лубэ. По слухамъ, онъ отказывается баллотироваться во второй разъ (срокъ президентства Французской республики семилѣтній). Возникаетъ вопросъ о кандидатахъ на этотъ высокій постъ. Умѣренные республиканцы называютъ Думера, нынѣ президента палаты депутатовъ, другіе президента сената Фальера, болѣе радикальнаго. Выдвигается также серьезная кандидатура Леона Буржуа и нѣкоторыхъ другихъ политическихъ дѣятелей.

Почетный постъ президента республики увѣнчиваетъ государственную карьеру; но глава республики во Франціи особенно большихъ полномочій, такихъ, какими обладаетъ президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, не имѣетъ. Къ тому же и выбирается онъ не всеобщею подачею голосовъ, какъ въ Америкѣ, а конгрессомъ, то-есть соединеннымъ засѣданіемъ палаты депутатовъ и сената. Тѣмъ не мѣнѣе вліяніе президента на политическую жизнь страны можетъ быть значительно, особенно въ военномъ и дипломатическомъ отношеніяхъ. Республика вынуждена неустанно развивать армію и флотъ, улучшать самооборону страны, въ особенности въ виду агрессивной политики Германіи, выразившейся напримѣръ, какъ мы своевременно указывали, въ мароканскомъ вопросѣ. Поэтому требованія соціалистовъ сократить военные расходы и даже уничтожить постоянную армію, замѣнивъ ее милиціей, не встрѣчаютъ сочувствія въ большинствѣ французскаго народа. Пораженіе, которое наша военная и гражданская бюрократія потерпѣла отъ Японіи, и тяжелый внутренній кризисъ, переживаемый Россіею, заставляютъ Францію полагаться только на соб-

Digitized by Google

ственныя силы. А ей приходится бороться и съ внутреннимъ врагомъ, съ клерикализмомъ.

Въ концѣ ноября въ сенатѣ республики происходили пренія о законопроектѣ отдѣленія церкви отъ государства, уже принятомъ, какъ извѣстно, палатою депутатовъ. Повторялись старыя доказательства за и противъ свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Интереснѣе другихъ была рѣчь бывшаго министра-президента Комба, благодаря настойчивости котораго законопроектъ былъ внесенъ въ палату депутатовъ. Комбъ полагаетъ, что правительство не допуститъ, чтобы на-ряду съ законно разрѣшенными религіозными ассоціаціями, возникли другіе, тайные и секретные фонды для поддержки борьбы съ нимъ. Для пользы самой католической церкви она должна отказаться отъ политики борьбы. Такъ какъ съ 1 января культъ будетъ лишенъ финансовой поддержки государства, то ему нужно будетъ разсчитывать лишь на общественную помощь. Когда необходимость обращаться къ массѣ населенія станетъ очевидной для огромнаго большинства ассоціацій, во всѣхъ общинахъ восторжествуетъ система, основанная на убѣжденіи въ духѣ мира. Только при этой тактикѣ ассоціаціи могутъ разсчитывать на существованіе и развитіе. Тогда лишь руководители ассоціацій поймутъ, что возбужденіемъ духа ненависти и угрозами нельзя повліять на сложное нравственное чувство населенія, среди котораго имъ придется дѣйствовать. Католическая церковь, столь долго убаюкивавшая себя мечтой о всемірномъ господствѣ, научится, наконецъ, понимать гражданскую и политическую свободу и пользоваться ею. Она оцѣнитъ ея дѣйствительное значеніе, когда пойметъ, что свобода стала ея единственнымъ спасеніемъ. Быть можетъ, даже столько разъ осудивъ ее, какъ самое опасное изъ человѣческихъ заблужденій, она окончитъ тѣмъ, что искренно примирится съ нею путемъ моральной эволюціи, которая предохранитъ ее отъ многихъ разочарованій и потерь. Какъ бы то ни было, свобода проникаетъ въ религіозныя ассоціаціи въ процессѣ ихъ образованія. Существующій абсолютизмъ верховной воли не можетъ долго держаться противъ демократическихъ чувствъ религіозныхъ ассоціацій, сознающихъ свое значеніе и свои права. Католической церкви необходимо будетъ считаться съ этими чувствами и болѣе или менѣе отказаться отъ своихъ автократическихъ претензій, если она хочетъ избѣжать двухъ угрожающихъ ей опасностей: возникновенія многочисленныхъ схизмъ или простого отпаденія членовъ, которое повлечетъ за собою исчезновеніе самыхъ ассоціацій. [1])

Въ германскомъ парламентѣ происходили бюджетныя пренія. Обширную рѣчь при этомъ произнесъ имперскій канцлеръ. Князь Бюловъ заявилъ, что внѣшнее положеніе далеко не удовлетворительно и можно опасаться новыхъ осложненій. Канцлеръ особенно настаивалъ на сохраненіи и укрѣпленіи тройственнаго союза.

---

[1]) Привожу изъ *Сына Отечества* 30 ноября.

Digitized by Google

Перейдя къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ, Бюловъ превозноситъ Японію. Онъ полагаетъ, что ея союзъ съ Англіей не вредитъ германскимъ интересамъ. По отношенію къ нашему отечеству, въ виду происходящихъ теперь событій, имперскій канцлеръ сказалъ, что Германія, какъ ближайшая сосѣдка Россіи, заинтересована въ томъ, чтобы развитіе ея совершалось благополучно, мирнымъ путемъ, но германское правительство не должно ни давать совѣтовъ и ни какимъ-либо инымъ способомъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи. «Это,—продолжалъ Бюловъ—въ особенности *касается нашего отношенія къ событіямъ въ Привислинскомъ краѣ.* Намъ приписываютъ самые нелѣпые планы—одни, будто Россія вынуждена была дать автономію русской Польшѣ по нашему требованію,—другіе, будто вмѣсто автономіи въ Польшѣ было объявлено военное положеніе потому, что мы на этомъ настаивали, боясь автономныхъ стремленій нашихъ польскихъ подданныхъ. (Смѣхъ.) То и другое одинаково нелѣпый вымыселъ. Какъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе русской жизни, *что будетъ происходить въ Россіи, это дѣло исключительно самихъ русскихъ.* Само собой разумѣется, *мы не потерпимъ перенесенія безпорядковъ въ наши владѣнія.* (На скамьяхъ правой: «Браво!») *У себя дома мы сумѣемъ поддержать порядокъ*—насчетъ этого будьте спокойны! (Тамъ же: «Браво»).

Въ мароканскомъ вопросѣ Германское правительство дѣйствовало вполнѣ миролюбиво, безъ всякой непріязни по отношенію къ Франціи, и Бюловъ протестуетъ противъ подозрѣній, встревожившихъ общественное мнѣніе во Франціи и въ Англіи. Имперскій канцлеръ поддерживаетъ однако необходимость для Германіи быть на-сторожѣ и предлагаетъ поэтому большое увеличеніе косвенныхъ налоговъ.

Канцлеру возражаетъ Фритценъ (центръ); онъ доказывалъ, что займы, дошедшіе теперь до $3^1/_2$ милліардовъ марокъ, шли на производительныя цѣли, что государственныя желѣзныя дороги и банки даютъ ежегодно 100 милліоновъ, то-есть четыре пятыхъ процентовъ по имперскимъ долгамъ. Ораторъ требовалъ сокращенія непроизводительныхъ расходовъ, напримѣръ 200.000 марокъ на возстановленіе стараго королевскаго замка.

Сильную рѣчь произнесъ вождь соціалъ-демократической партіи, Бебель. Онъ указалъ на печальные результаты *міровой* колоніальной политики германскаго правительства, втянувшей народъ въ экспедиціи въ Китай и Африку. Стоитъ эта политика дорогого и создаетъ для Германіи поводы для столкновеній съ другими державами, въ особенности съ Англіей. Въ этомъ отношеніи Бебель совершенно правъ. Справедливо и то, что вызывающій образъ дѣйствій имперскаго правительства въ мароканскомъ вопросѣ повелъ къ болѣе тѣсному сближенію Франціи съ Великобританіей. Бебель говорилъ и о будущемъ положеніи Германіи въ Европѣ. По его мнѣнію, когда Россія переживетъ современный кризисъ, ея благосостояніе сильно подымется, и это невыгодно отразится на торговлѣ Германіи. Любопытно, что вождь нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ возлагаетъ на нѣмецкое правительство отвѣтственность за русско-японскую войну: оно желало и подгото-

Digitized by Google

вияло эту войну[1]). Народныя массы, все болѣе и болѣе сознательно организуясь, рѣшительно возстаютъ противъ военныхъ приключеній и колоніальныхъ захватовъ, и лишь благодаря давленію этихъ массъ Германія не начала войны въ истекающемъ году. Таково же отношеніе къ войнѣ соціалистовъ и въ другихъ странахъ.

Бебель правъ, указывая на ростъ солидарности пролетаріата во всѣхъ странахъ. Мы думаемъ, что усиленіе, напримѣръ, борьбы за всеобщее избирательное право въ Австро-Венгріи объясняется отчасти сознательнымъ выступленіемъ на историческую сцену русскаго пролетаріата. Австрійскій министръ-президентъ высказывается за всеобщую подачу голосовъ. Проектъ ея выработало внѣпарламентское венгерское правительство. Демократическая волна высоко подымается.

В. Г.

---

[1]) Ср. статью Юлэра, о которой я говорилъ въ иностранномъ обозрѣніи октябрьской книги *Русской Мысли*.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(„Буря“ Шекспира. (*Малый театръ*).—„Отецъ“ Стринберга. (*Новый театръ*).—„Дѣти солнца“ М. Горькаго. (*Художественный театръ*).

Россія переживаетъ глубокое, длительное землетрясеніе; но тѣ, до кого не докатилась еще эта страшная волна, по инерціи продолжаютъ свою обыденную жизнь. И какъ прежде въ урочный часъ поднимается для нихъ театральный занавѣсъ, и какъ прежде вечеръ свой отдаютъ они вымыслу, который во всякомъ случаѣ блѣднѣетъ передъ кровавымъ кошмаромъ реальнаго дня. Поэтому и обозрѣватель сцены, невольный участникъ пира во время чумы, не можетъ уклониться отъ своей какъ будто несвоевременной обязанности, и онъ долженъ, хотя бы въ самой бѣглой формѣ, отмѣтить сценическія новинки.

Одна изъ нихъ, впрочемъ,—давнишняя знакомая образованнаго человѣчества, и лишь гостепріимство оказалъ ей впервые нашъ Малый театръ: это—«Буря» Шекспира. О ней, какъ и обо всемъ, что вышло изъ-подъ этого благословеннаго пера, много писали; всѣ комментаторы великаго текста чувствовали ея философскую глубину, прикрытую цвѣтами волшебной сказки, обвѣянную эѳирными чарами Аріэля. И дѣйствительно, когда борется со стихіей «корабль, нагруженный душами», можно ли отрѣшиться отъ мысли, что это символъ человѣческой жизни, брошенной въ пучину мірового океана? Грохочетъ громъ и сверкаютъ молніи; подъ натискомъ разъяренныхъ валовъ изнемогаютъ люди,—но даже среди проклятій и стенаній, въ трепетѣ смертнаго страха, когда ихъ утлая ладья черезъ нѣсколько мгновеній готова пойти ко дну, они всетаки думаютъ не только о себѣ: они помнятъ, что на кораблѣ есть нѣчто высшее, — утопающіе заботятся о своемъ вождѣ Алонзо, который погруженъ въ благоговѣйную молитву. Въ этой побѣдѣ надъ жестоко потрясеннымъ инстинктомъ самосохраненія, въ этой религіозной приверженности къ идеалу кроется то спеціально-человѣческое начало, которое придаетъ нашей жизни и нашей борьбѣ за нее характеръ нравственнаго подвига. И не потому ли, не за этотъ ли «скорбный трудъ и думъ высокое стремленье» шекспировскіе пловцы не погибли, а достигли зачарованнаго острова, на которомъ они

Digitized by Google

нашли такое неожиданное, такое яркое счастье? Тѣмъ знаменательнѣе ихъ спасеніе, что земля, на которую они были выброшены участливой волною, когда-то пріютила уже двѣ другія жертвы мірского кораблекрушенія—Просперо и его маленькую дочь. Радость Алонзо и его спутниковъ выросла на почвѣ, въ которую первыя сѣмена заронила скорбь: это характерно для міра, что первыми обитателями необитаемаго острова были несчастные. И первый разсказъ, который выслушиваетъ Миранда отъ своего отца, это—разсказъ о горѣ. Знаменитое повѣствованіе Просперо глубоко тѣмъ, что раздвигаются его частныя рамки, и вы слышите не эпопею какого-нибудь отдѣльнаго событія или отдѣльной невзгоды, а исторію жизни вообще. Мудрыми устами изгнаннаго властелина какъ бы говоритъ все человѣчество, и поколѣніе старое, уходящее, передаетъ своему молодому преемнику свой горькій житейскій опытъ. Сокровенный смыслъ таится въ этихъ частыхъ вопросахъ, съ которыми старость обращается къ молодости, съ которыми Просперо обращается къ дочери: «ты слышишь ли, Миранда?» «но слушай же, Миранда!». О, да, она слушаетъ, трепетно слушаетъ, дивное и удивленное дитя; она говоритъ отцу, что и глухой внялъ бы его потрясающему разсказу. Вся юная, вся новая, она въ этотъ роковой и торжественный моментъ постигаетъ науку жизни и навсегда пріобщается къ ней. Старое уже раскрыло ей свои безотрадныя тайны, и для изумленной, содрогнувшейся Миранды кончилось невѣдѣніе. Теперь она уже все узнала: теперь она знаетъ, Миранда, какая буря пронеслась надъ ученой и умной головой ея отца; теперь разверзлась передъ нею вся глубина человѣческой зависти и коварства. Отецъ сталъ для нея еще ближе и роднѣе, — онъ, этотъ новый Гамлетъ, у котораго, пока онъ читалъ, пока онъ думалъ, отняли престолъ и родину.

Но хотя Миранда и услышала повѣсть и правду жизни, это не заглушило въ ней тоски по счастью, — и развѣ вообще чужой опытъ можетъ быть для кого бы то ни было убѣдителенъ, развѣ онъ можетъ удержать человѣка отъ самостоятельныхъ начинаній и попытокъ и заглушить его личныя грезы? Миранда хотѣла счастья, и она получила его изъ рукъ своего отца. Воздушныя услуги покорнаго Аріэля склонили къ ея ногамъ упоеннаго музыкой принца, и она пережила съ нимъ чарующую идиллію, когда царевичу, обращенному въ послушнаго дровосѣка, предлагала она въ помощь свои нѣжныя руки и когда, склоненные надъ шахматной доскою, они играли и побѣждали сердце другъ друга.

Для того чтобы Просперо могъ пріуготовить для своей дочери счастье, онъ долженъ былъ сперва сломить упорнаго Калибана—образъ, поражающій даже на шекспировскихъ страницахъ. Калибанъ, это—сама стихія, матерія, само естество въ его изначальной дикости и животности. Наши человѣческія дѣла и постройки заслонили отъ насъ исконное лицо природы, и вотъ Шекспиръ, которому и первозданное доступно, открылъ, отрылъ намъ эти полузабытыя страшныя очертанія. Онъ оглянулся такъ далеко назадъ и воскресилъ насъ самихъ, потому что Калибанъ, вѣдь это—наше прошлое,

Digitized by Google

вѣдь это существо той предразсвѣтной эпохи, когда мы еще сливались въ одно темное цѣлое съ землею и ползали во прахѣ. Когда первымъ глухимъ рычаніемъ заговорила эта человѣческая глыба, она имѣла чудовищный обликъ Калибана. И по вѣщему свидѣтельству Шекспира, первое, что она сказала, было проклятіе. Ибо Калибанъ, это—природа проклинающая, природа ненавидящая. Она мятется въ безсильной злобѣ и ропщетъ на своего побѣдителя и просвѣтителя, на этого чародѣя культуры, который отнялъ ея дикія владѣнія и населилъ ея ненаселенные острова. Но тщетенъ гнѣвъ природы: всемогущій Просперо одолѣетъ и научитъ ее,—Калибанъ будетъ не только побѣжденъ, но и просвѣтленъ. Уже на протяженіи шекспировской пьесы онъ показываетъ свою способность къ возрожденію. Онъ начинаетъ понимать свѣтлую силу Просперо, и дѣйствуютъ на него музыкальные звуки, наполняющіе пѣвучій островъ, — эти безкорыстныя мелодіи красоты, которыя «только слухъ собою восхищаютъ, но никому не причиняютъ зла»; и даже Миранда, которая раньше вызывала въ немъ одно только грубое вожделѣніе, будетъ понятна ему въ своей чистой прелести; наконецъ, и та свобода, которую теперь въ его устахъ оскверняютъ возгласы упившагося дикаря, современемъ предстанетъ ему крылатой волей Аріэля. Тѣмъ не менѣе, на вѣчное и полное укрощеніе Калибана мы разсчитывать не должны. Онъ не только наше прошлое, и не только въ качествѣ прошлаго понадобился онъ Шекспиру. Калибанъ живетъ въ насъ и теперь; совершенно избыть его мы не можемъ никогда. Великій писатель вызвалъ его изъ тьмы и для того поставилъ его уродливую фигуру около Миранды и Фердинанда, на-ряду съ этой прекрасной и тонкой человѣчностью, чтобы мы помнили, какое внутреннее безобразіе и матеріальность заложены въ глубокихъ нѣдрахъ нашей природы. И когда восхищенная Миранда славитъ Божій міръ и восклицаетъ:

О, чудеса! Какое здѣсь собранье
Прекраснѣйшихъ, божественныхъ существъ!
Какъ міръ хорошъ съ такими существами!
О, Боже мой, какъ люди хороши!—

то насъ чаруетъ эта довѣрчивая хвала юнаго сердца, но мы вспоминаемъ, что недалеко отсюда, отъ этого «собранія прекраснѣйшихъ существъ», находится и живучій родоначальникъ ихъ, безобразный Калибанъ. И мы знаемъ еще, что въ людяхъ, которые такъ хороши, нерѣдко погасаетъ съ трудомъ возженный свѣточъ культуры, свѣточъ Просперо, и тогда умолкаетъ звучный строй человѣческой рѣчи и слышится неистовый ропотъ проснувшейся матеріи, и звѣрски рычитъ и проклинаетъ все тотъ же Калибанъ...

Во всякомъ случаѣ, въ «Бурѣ» Просперо одолѣваетъ Калибана и, сильный чудесами своего знанія, созидаетъ вокругъ себя счастье. Оно является здѣсь не только правомъ сказки, но и получаетъ возвышенный смыслъ: вѣдь оно — результатъ нравственнаго просвѣтлѣнія и прощенія. Изъ глубины океана родилась Немезида, и она привела Антоніо, похити-

Digitized by Google

теля миланскаго престола, и его спутниковъ, на невѣдомую землю, гдѣ ихъ ожидала кара за совершонныя преступленія. Мстящій океанъ взыгралъ бурею,—но человѣкъ отказался отъ мести и далъ радость своимъ раскаявшимся врагамъ. И говоритъ Просперо:

...я мой гнѣвъ разсудку покорилъ.
Прощеніе всегда отрадней мщенья.
Раскаялись они—и я достигъ
Въ стремленіи моемъ желанной цѣли.
Я болѣе на нихъ ужъ не сердитъ.

Пловцы жизненнаго моря считали другъ друга погибшими, и казалось для нихъ страннымъ надѣяться на спасеніе и встрѣчу:

Надъ нами море синее смѣется,
Что на землѣ мы ищемъ мертвецовъ.

По мертвецы оказались живыми, и море смѣялось попапрасну. Что же, поставимъ ли мы Шекспиру въ вину это необычайное, неправдоподобное счастье, эту благополучную развязку, совершившуюся вопреки стихійнымъ законамъ синяго моря и неумолимому ходу людскихъ судебъ? Конечно, нѣтъ. Не только потому онъ правъ, правдивый геній, что, какъ мы сейчасъ сказали, счастье въ его пьесѣ вырастаетъ на основѣ моральнаго возрожденія, но и потому, что есть нѣчто человѣчески-естественное и трогательное въ этой грезѣ о радости, въ этой плѣнительной картинѣ блаженства, котораго не даетъ жизнь и которое возмѣщаетъ поэтъ въ своей волшебной и вольной сказкѣ. Такъ хочется иной разъ потѣшить воображеніе игрою счастья, такъ хочется вздохнуть легко и отрадно усталой отъ жизненныхъ волненій грудью. И особенно на этотъ художественный и моральный отдыхъ имѣетъ передъ человѣчествомъ выстраданное право Шекспиръ. Не только въ его личной судьбѣ было ему отмѣрено мѣрою полною, утрясенною обыкновенное людское несчастье,—но вѣдь онъ болѣлъ еще и нравственной болью своихъ героевъ, вѣдь онъ самъ пережилъ свои написанныя трагедіи, и въ собственной его сочувственной душѣ зародились и страдали всѣ эти великіе несчастливцы: и бурный въ своемъ безуміи Лиръ, и нѣжная въ своемъ безуміи Офелія, и Гамлетъ, и Отелло, и молчаливый Брутъ. Какъ Атласъ, онъ держалъ на себѣ чужую ношу, цѣлый міръ духовнаго страданія, — такъ неужели мы откажемъ ему въ нѣсколькихъ мгновеніяхъ счастливой мечты? Все равно, сейчасъ исчезнутъ эти красивые человѣческіе узоры, погаснутъ огни на пиру чудесъ, люди уйдутъ въ свои пещеры, въ свои дома, и Шекспиръ-Просперо останется одинъ. Онъ упоилъ человѣчество дивной музыкой (такъ много было ея на необитаемомъ островѣ), онъ обрадовалъ его прекраснымъ вымысломъ своего волшебства, своего искусства,— и теперь онъ остался одинъ, безъ Миранды, безъ чаръ, одинъ со своей печальной мудростью и сознаніемъ мірской тщеты. Пусть другіе въ своемъ обольщеніи думаютъ, что кругомъ нихъ простирается реальная жизнь,—Шекспиръ-Просперо, упреждая печальную тему Кальдерона и Шопенгауэра, не видитъ разницы между дѣйствительностью и сновидѣніемъ, и онъ произноситъ эти знаменитые стихи:

Digitized by Google

Когда-нибудь, повѣрь, настанетъ день,
Когда всѣ эти чудныя видѣнья,
И храмы, и роскошные дворцы,
И тучами увѣнчанныя башни,
И самый нашъ великій шаръ земной
Со всѣмъ, что въ немъ находится поднынѣ,—
Исчезнетъ все, слѣда не оставляя.
Изъ вещества того же, какъ и сонъ,
Мы созданы. И жизнь на сонъ похожа,
И наша жизнь лишь сномъ окружена.

Зато чудный сонъ, который приснился Шекспиру въ «Бурѣ» и который онъ, къ великому счастью человѣчества, запомнилъ и запечатлѣлъ въ живыхъ образахъ, для того чтобы повѣдать его міру,—этотъ сонъ никогда не исчезнетъ, какъ не исчезнутъ и другія видѣнія его безсмертнаго духа.

На сценѣ Малаго театра, благодаря искусной техникѣ и декораціямъ, «Буря» воплощена была въ красивое зрѣлище, и спектакль представлялъ собою праздникъ, утѣху для глазъ. Но слухъ страдалъ. Второстепенные исполнители, которымъ поручили Шекспира, были для него слишкомъ малы, играли слабо (кромѣ Парамонова-Калибана), такъ что Шекспиръ остался въ тѣни.

Глубокая драма Стриндберга «Отецъ» посвящена старой темѣ любви, но любовь изображаетъ она какъ вѣчную борьбу между женщиной и мужчиной, какъ «расовую ненависть». Въ этомъ—замѣчательное своеобразіе пьесы. Если всѣ пламенные гимны и восторги, какіе только пѣлъ и расточалъ влюбленный рыцарь своей прекрасной дамѣ, если тѣ романы, которые вошли живыми страницами въ книгу реальнаго міра, и тѣ, которые навѣки запечатлѣлись въ творческой выдумкѣ искусства,—если всю эту силу любви, составляющую дыханіе жизни, показать въ ея психологическомъ родствѣ съ враждою, понять какъ тонкую и затаенную ненависть, то въ этомъ и будетъ заключаться оригинальный замыселъ Стриндберга. Ева покорила Адама, и шведскій писатель словно хочетъ сказать намъ, что съ тѣхъ поръ Адамъ ее любитъ и съ тѣхъ поръ Адамъ ее ненавидитъ. Онъ ее любитъ и онъ ее ненавидитъ за то, что она прекрасна, за то, что она обаятельна, за то, что она имѣетъ надъ нимъ сладкія и страшныя чары. Онъ—ея рабъ, изъ рода бѣдныхъ Азра, и онъ боготворитъ свою могущественную госпожу, но въ то же время не можетъ простить ей своего рабства, своего униженія. Это не та холодная вражда, которая бываетъ въ результатѣ угаснувшей любви, не тотъ «злой духъ какой-то борьбы», который, въ знаменитомъ романѣ Толстого, установился между Вронскимъ и Карениной и который заставилъ ее положить на рельсы свою красивую голову. Нѣтъ, Стриндбергъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ любовь еще горящую, а не усталость и не охлажденіе. Тотъ «поединокъ роковой», о которомъ говорилъ нашъ Тютчевъ, для Стриндберга отъ вѣка происходитъ между четою любящей; не надо при-

Digitized by Google

давать особаго значенія тому, что герои данной пьесы уже пережили свою молодость и свое молодое чувство: духъ разлада и ненависти витаетъ надъ ними съ самаго начала ихъ любви, ихъ борьбы. И кончается это неравное единоборство пораженіемъ мужчины. Здѣсь не стонутъ, какъ у Чехова, сиротливыя чайки, которыхъ убили, одинокія женщины, которыхъ разлюбили... У Стриндберга женщина торжествуетъ. Ея мужъ въ ящикѣ своего письменнаго стола хранитъ ея куклу, ея крестильный чепчикъ, ея письма и медальонъ, и еще погремушку своей дочери. О, какъ любитъ онъ свою жену! И когда доведенный ею до безумія, въ ознобѣ, можетъ быть—предсмертномъ, онъ проситъ, чтобы она чѣмъ-нибудь его прикрыла, и она набрасываетъ на него свою шаль, тогда побѣжденный Геркулесъ, обманно связанный смирительною курткой, говоритъ своей Омфалѣ слова ласковыя и обвѣянныя весеннимъ ароматомъ первой влюбленности: «Я чувствую у своего лица твою мягкую шаль. Она тепла, мягка, какъ твоя рука, душиста, какъ твои волосы, когда ты была молода. Лаура, помнишь, когда ты была молода и мы гуляли весною въ березовомъ лѣсу... Цвѣли анемоны, пѣли дрозды. Какъ было хорошо... какъ жизнь была тогда прекрасна!..» Но черезъ мгновеніе любовь исчезаетъ для ненависти, и онъ сбрасываетъ съ себя душистую, мягкую шаль, нѣжное покрывало женщины,—«прочь эту кошку съ меня! прочь!», и онъ велитъ накинуть на себя свою военную шинель· «вотъ она, мои жесткая львиная шкура, которую ты хотѣла отнять у меня». Львиная шкура была и въ самомъ дѣлѣ отнята. Эта побѣда тѣмъ легче могла быть одержана Лаурою, что, въ борьбѣ противъ мужчины, съ женщиной-женою соединилась женщина-мать. И въ этомъ—средоточіе всей драмы. Мужчина и женщина любятъ и ненавидятъ другъ друга; отъ этой любви и отъ этой ненависти рождаются дѣти: чьи они? Герой Стриндберга сошелъ съ ума потому, что жена зародила въ немъ сомнѣніе, дѣйствительно ли онъ—отецъ ихъ дочери Берты; Лаура по каплѣ вливала ему въ уши этотъ ядъ, какъ другая женщина-убійца, Гертруда, влила ядъ въ уши короля Гамлета. И несчастный ротмистръ Адольфъ на муку себѣ вспоминалъ наивный стихъ Телемака изъ Одиссеи: «Мать увѣряетъ, что сынъ я ему, но самъ я не знаю. Вѣдать о томъ, кто отецъ нашъ, навѣрное намъ невозможно». Только женщина знаетъ навѣрное, кто отецъ ея ребенка; только она имѣетъ несомнѣнное, очевидное, неоспоримое право на свое дитя. Ужъ это одно дѣлаетъ женщину какъ бы значительнѣе въ мірѣ, дѣлаетъ ее сильнѣе мужчины и въ роковомъ поединкѣ любви склоняетъ къ ея ногамъ ея соперника, ея мужа; этимъ объясняется и то, что она пріобрѣтаетъ новую власть надъ мужчиной,—терзающую власть ревности. Онъ лелѣетъ и воспитываетъ дѣтей, но, можетъ быть, это дѣти не его, и онъ, отецъ проблематическій, въ своей заботѣ о чужомъ, какъ о родномъ, играетъ роль смѣшную и печальную. Дамокловъ мечъ возможной и, по Стриндбергу, характерной для женскаго сердца измѣны виситъ надъ его головой, и если мечъ опустится, жизнь потеряетъ свой смыслъ и радость, потому что «мужчина не можетъ

Digitized by Google

жить безъ чести». Но этого мало, и мужчина для Стриндберга не можетъ жить и безъ дѣтей. Здѣсь опять — одинъ изъ свѣжихъ и сильныхъ штриховъ, которыми такъ богато разбираемое произведеніе. Въ тяжбѣ, какую ведутъ родители за ребенка, авторъ беретъ сторону мужа и показываетъ отцовство съ такой стороны, которой до сихъ поръ никто не замѣчалъ и которая можетъ потягаться съ признанной силой материнства. Герой «Отца» не вѣритъ въ потустороннюю жизнь, и для него она заключается въ продолженіи его рода, въ его ребенкѣ. Дѣти — наше живое безсмертіе, и смерть, безнадежная, безпросвѣтная смерть ожидаетъ того, у кого отнимаютъ дитя. Онъ уже никогда не вернется въ міръ, умолкнутъ навѣки его завѣтныя рѣчи, потому что онѣ не перейдутъ въ родныя дѣтскія уста, и нѣтъ наслѣдника, которому онъ могъ бы передать свою внутреннюю жизнь. Для женщины остается религія, но отъ нея далекъ свободомыслящій мужчина, и въ драмѣ нашего автора трагическій споръ и разладъ половъ одной изъ своихъ конкретныхъ причинъ имѣетъ какъ разъ это столкновеніе самоувѣреннаго мужского атеизма съ женской слѣпой приверженностью къ традиціи. И вотъ, реальная или возможная измѣна жены лишаетъ мужчину ребенка, въ котораго онъ хотѣлъ вдохнуть свою собственную душу,—ребенокъ оказывается чужимъ. И потрясающе жалуется обманутый или мнящій себя обманутымъ мужъ: «На что мнѣ все это, если у меня отняли надежду на безсмертіе; на что мнѣ наука и философія, если мнѣ не для чего жить; на что мнѣ жизнь, если у меня нѣтъ чести? Я привилъ свою правую руку, половину своего мозга, половину своей жизненной силы къ чужому стволу; я думалъ, что буду расти вмѣстѣ съ нимъ, сольюсь съ нимъ въ одно, болѣе совершенное дерево, и вдругъ это дерево отрубаютъ отъ меня, и я остаюсь жалкой половиной; оно продолжаетъ расти съ моей рукой, съ половиной моего мозга, я же вяну и умираю,—отъ меня взято лучшее моего «я». Я хочу умереть! Дѣлайте со мной, что хотите! Меня больше нѣтъ». Его больше нѣтъ, потому что онъ безуспѣшно тягался съ женщиной изъ-за исключительнаго господства надъ ребенкомъ; онъ не хотѣлъ дѣлиться, и онъ говорилъ своей дочери: «у тебя должна быть только одна мысль, дитя моей мысли, одна воля—моя!» Но хотя эта дочь, истомленная душной атмосферой женскаго піэтизма, нѣжно любила отца и каждый приходъ его сравнивала съ тѣмъ, какъ распахнется окно и повѣетъ весною,—все-таки женщина, несомнѣнная въ своемъ материнствѣ, побѣдила сомнительнаго отца. Въ конечномъ выводѣ у Стриндберга женщина именно потому оказывается сильнѣе мужчины, что она осуществляетъ величіе и красоту материнства. Послѣднія разумныя слова, которыя произноситъ близкій къ безумію Адольфъ, звучатъ тоскою ребенка, трогательно взывающаго къ матери: онъ сажаетъ подлѣ одра своей болѣзни свою старую кормилицу Маргариту и говоритъ ей: «Я положу голову къ тебѣ на колѣни. Вотъ. Теперь хорошо, тепло. Нагнись ко мнѣ, ближе, ближе грудью... какъ сладко заснуть у груди женщины, матери или возлюбленной, —все рав-

Digitized by Google

но... но слаще всетаки у груди матери». А когда жена спрашиваетъ его: «хочешь видѣть свою дочь, Адольфъ? Скажи...», онъ отвѣчаетъ: «Мою дочь? У мужчинъ не бываетъ дѣтей. Только женщины имѣютъ дѣтей, и оттого будущее принадлежитъ имъ,—мы умираемъ бездѣтными. О, Спаситель, возлюбившій дѣтей»!...

Мы умираемъ бездѣтными, дѣти принадлежатъ женщинѣ, и женщина потому господствуетъ надъ нами, что, какъ замѣчаетъ кормилица Маргарита, «всѣ вы, мужчины, и большіе и малые—дѣти женщинъ». «А ни одна женщина не рождена мужчиной»—добавляетъ ротмистръ Адольфъ. И оттого онъ слагаетъ къ ногамъ жены знаки своей власти и плачетъ. Ей странно и ей лестно видѣть плачущаго мужчину, и онъ, перефразируя слова Шейлока, защищаетъ передъ ней свои тяжелыя мужскія слезы: «Да, плачу, хоть и мужчина. Но развѣ у мужчинъ нѣтъ глазъ? Нѣтъ рукъ, ногъ, чувствъ, ощущеній, страстей? Развѣ они не питаются тою же пищей, не поражаются тѣмъ же оружіемъ, не зябнутъ зимою, не страдаютъ отъ жары лѣтомъ, какъ женщины? Развѣ мы не истекаемъ кровью, если вы раните насъ? Развѣ мы не смѣемся, если вы щекочете насъ? Развѣ мы не умираемъ, если вы отравляете насъ? Отчего же мужчина не можетъ жаловаться, отчего солдатъ не смѣетъ плакать?»

Онъ смѣетъ, конечно,—но кто плачетъ, тотъ не имѣетъ власти, и надъ тѣмъ не можетъ не властвовать женщина. Ибо никому такъ не пристало отирать слезы, какъ именно ей, какъ именно матери. Въ этомъ—сила женщины. И съ точки зрѣнія Стриндберга, влюбленнаго въ женщину и ненавидящаго ее, мать человѣчества была бы желанной, боготворимой царицей міра, если бы мужчина былъ увѣренъ, что дѣти его жены—это его собственныя дѣти. Но такой увѣренности быть не можетъ: природа скрыла правду, а женщина правды не скажетъ. Счастье любви и величіе материнства отравлено для шведскаго скептика роковой, прирожденной нечестностью женщины, и свою героиню онъ рисуетъ лукавой, ничтожной, лживой; онъ написалъ ея образъ блѣднымъ, она вышла гораздо тусклѣе своего мужа,—но быть можетъ, авторъ сдѣлалъ такъ намѣренно, для того чтобы показать эту силу мелкаго, эту личную слабость, оттѣненную могуществомъ пола. Когда мужъ-солдатъ, великодушный рыцарь, доведенъ до того, что бросаетъ въ жену горящей лампой, то въ этомъ сказывается апоѳеозъ женской власти, побѣда Омфалы надъ Геркулесомъ. Любовная вражда мужчины и женщины фатально не превратится въ гармоничную любовь, и борьба за ребенка и власть будетъ длиться вѣчно, потому что мужчина не увѣренъ въ своемъ правѣ на него, а женщина, мать несомнѣнная, не дастъ отвѣта на роковой вопросъ: кто отецъ?—женщина правды не скажетъ.

Для того чтобы эту пьесу-парадоксъ воплотить на сценѣ ярко и убѣдительно, нужны были бы силы недюжинныя,—ихъ не нашлось на подмосткахъ Новаго театра. Былъ удаченъ внѣшній обликъ Левшиной-Лауры, были хороши отдѣльные моменты у Горева-Адольфа (особенно въ

Digitized by Google

III актѣ), но въ общемъ трагедія мужа, который не увѣренъ въ любимой и ненавидимой женѣ, трагедія отца, который тщетно борется за ребенка, не нашла себѣ сколько-нибудь значительнаго выраженія.

«Дѣти солнца» не совсѣмъ похожи на другія пьесы г. Горькаго: въ нихъ гораздо больше мягкости, проблесковъ юмора, и замѣтно увлеченіе чеховскими штрихами, которые, впрочемъ, оказались далеко не столь убѣдительными, какъ у своего неподражаемаго творца. Отъ прежней манеры авторъ сохранилъ свое излюбленное резонерство, краснорѣчіе афоризмовъ, и только мастера Художественнаго театра, въ особенности г. Качаловъ, сумѣли пышную реторику текста претворить въ нѣчто жизненное и человѣчески-теплое.

По содержанію и структурѣ, въ драмѣ г. Горькаго видны неодинаковыя, разнородныя нити, которыя не сплетаются въ одну общую ткань; концы съ концами долженъ не безъ труда сводить самъ читатель. Нѣсколько романическихъ исторій разыгрываются параллельно одна другой, но всѣ онѣ къ основному замыслу пьесы присоединены чисто-механически, если не считать того момента, что утонченная, изящная и благородная любовь главныхъ персонажей должна еще больше оттѣнять глубокую бездну, какая отдѣляетъ «дѣтей солнца» отъ ихъ темной и дикой братіи. А это противоположеніе какъ разъ и является центральной идеей драмы. Необузданная, пьяная, животно-грубая толпа врывается въ мирное жилище культурныхъ работниковъ, поклоняющихся человѣку и человѣческому достоинству, и чернь въ своемъ жестокомъ натискѣ едва не убиваетъ кроткаго и чистаго сердцемъ ученаго, который отбивается отъ нея своимъ носовымъ платкомъ. Какъ ни эффектна, особенно при сценическомъ воплощеніи, эта антитеза солнца и мрака, культуры и невѣжества, добра и насилія, все-таки ясно, что она очень не глубока. Отдать всѣ яркіе лучи, всю моральную красоту людямъ интеллигентнаго круга, назвать ихъ по преимуществу дѣтьми солнца, а на долю простого люда оставить душевную тупость и тьму, это—дѣлежъ совершенно несправедливый и особенно неожиданный въ устахъ Максима Горькаго. Вчерашняя идеализація босячества перешла въ осужденіе, и на сцену явились заклейменными тѣ самые пловцы дна, которыхъ недавно показывали намъ въ такомъ симпатичномъ освѣщеніи. Вотъ, напримѣръ, приходитъ одинъ изъ «бывшихъ людей», Яковъ Трошинъ (его эпизодическую роль прекрасно выполняетъ г. Грибунинъ); онъ пьянъ, оборванъ, циниченъ,—но выглядываетъ изъ него такое щемящее горе, такая жалкая судьба, что слово презрѣнія замолкнетъ у каждаго. И что же? Тотъ самый чуткій и человѣчный химикъ Протасовъ, чей милый образъ г. Горькій написалъ такъ удачно, не находитъ для Трошина другого опредѣленія, какъ «комикъ»,—трагедію онъ принялъ за водевиль; и жестко говоритъ онъ, что подобные люди—«мертвыя клѣтки въ организмѣ», которыя задерживаютъ корабль мірового прогресса. Правда, сестра Протасова Лиза, истолковывающая мысли автора, упрека-

Digitized by Google

етъ собесѣдниковъ въ слѣпотѣ и жестокости; но это съ самого писателя не снимаетъ упрека въ томъ, что все же дикіе порывы страстей, черную ненависть, зловѣщіе инстинкты убійства онъ удѣлилъ одной только обездоленной массѣ. Если повѣрить его прямолинейной классификаціи и квалификаціи, то окажется, что люди, стоящіе на высотѣ культуры, всѣ эти химики, врачи и художники, всѣ эти свѣтлыя дѣти Прометея совершенно чужды темному и темное подстерегаетъ ихъ только со стороны, на улицѣ, на площади, охваченной какимъ-нибудь холернымъ бунтомъ. Въ гордели-вомъ самомнѣніи, въ смѣшной переоцѣнкѣ своего превосходства, они въ самихъ себѣ не чуютъ звѣря, не видятъ ночи, и упоенно произносятъ красивыя фразы о своей свѣтлости. Но вѣдь это не такъ, и слишкомъ очевидно, что и подъ самой утонченной оболочкой «хаосъ шевелится», преступленіе живетъ, какъ съ другой стороны, человѣкъ первобытный и умственно-темный можетъ быть лучезарнымъ сыномъ солнца и своей нравственной красотою, своей необразованной личностью распространять вокругъ себя свѣтъ и тепло. Гордыня, проявляемая героями новой пьесы, тѣмъ комичнѣе, что, несмотря на всѣ усилія автора, они далеки отъ настоящаго образованія, весьма поверхностны и, право же, на каждомъ шагу говорятъ пошлости. Такъ, художникъ Вагинъ думаетъ, что современный химикъ Протасовъ «все возится со своей нелѣпой идеей создать гомункула», и какъ будто и Протасовъ, и самъ драматургъ развѣляютъ наивное мнѣніе живописца. Далѣе, послѣдній напыщенно и плоско разсуждаетъ объ искусствѣ и хочетъ создать картину, на которой былъ бы изображенъ корабль, идущій къ солнцу, съ крѣпкими, мощными людьми на носу и у бортовъ,—а химикъ предлагаетъ среди этихъ людей, среди этихъ вождей, помѣстить Лавуазье и Дарвина: можно сильно сомнѣваться въ художественной цѣнности той внутренней олеографіи, которая оказалась бы тенденціознымъ порожденіемъ такого книжнаго вдохновенія и такой приверженности къ общимъ мѣстамъ. Не трогаетъ читателя и меланхолія, которой проникнуты культурные персонажи драмы и которая, напримѣръ, заставляетъ Лизу испытывать міровую скорбь по поводу непопятливости ея старой няни: «съ той поры, какъ я помню себя, у насъ въ домѣ всегда звучала музыка и сверкали лучшія мысли міра,—а вотъ она не стала добрѣе или умнѣе отъ этого». Въ силу той же меланхоліи ветеринаръ Чепурной на самый обыкновенный вопросъ хозяйки: «налить чаю?» отвѣчаетъ: «давайте, что жъ еще дѣлать?», т.-е. что жъ еще дѣлать ему на свѣтѣ... Наконецъ, не плѣняетъ насъ и весьма относительное остроуміе дѣтей солнца, когда Чепурной говоритъ, что молекула гипотезѣ приходится внучкой, или когда Протасовъ замѣчаетъ про ту же несчастную старуху-няню: «безсмертна какъ глупость». Ото всего этого вѣетъ какою-то необразованностью, и, повторяемъ, тѣмъ болѣе странно звучатъ самодовольныя рѣчи подобныхъ людей, мнящихъ себя носителями высшей культуры, свободными отъ всякой животности.

Такимъ образомъ, солнце и ночь, живущія въ одной и той же чело-

Digitized by Google

вѣческой душѣ, г. Горькій по упрощенному способу распредѣлилъ между разными соціальными классами, и это лишило его пьесу серьезнаго психологическаго смысла, это не дало ему случая рѣшить интересную и трудную задачу: написать человѣка въ борьбѣ и сочетаніи разнородныхъ элементовъ—Калибана и Просперо. Всѣ мы—дѣти солнца: и свѣтлые, и темные изъ насъ; и темные съ такой благодарностью отнеслись бы къ писателю, который понялъ и нарисовалъ бы внутреннюю солнечность ихъ природы,—но Максимъ Горькій этого не сдѣлалъ.

Зато въ границахъ бытовыхъ, въ опредѣленной сферѣ общественности, авторъ правильно и живо указалъ на очень серьезное явленіе,—на ту глубокую аномалію, что мы, образованные, терпимъ около себя темныхъ и грубыхъ, что мы не идемъ въ ихъ несчастную среду съ тѣми свѣточами, которые дала въ наши руки благосклонная къ намъ судьба. То, что въ мірѣ есть невѣжество, то, что знающіе не дѣлятся съ незнающими,—это составляетъ величайшее преступленіе человѣчества. Подъ кровлей одного и того же дома живутъ зрячій и слѣпой, культурный и невѣжественный,—подъ каждой кровлей разверзается пропасть. Одни люди познали свѣтъ, другіе словно кроты блуждаютъ во тьмѣ.

Отсюда и возникаютъ отчужденіе и ненависть, о которыхъ говоритъ Кассандра пьесы, больная дѣвушка Лиза. Ея образъ написанъ не тонко, ея красивому безумію приданъ характеръ сочиненный и театральный, и ужъ слишкомъ часто заставляютъ ее бредить краснымъ пескомъ пустыни, краснымъ цвѣтомъ, зарево котораго она видитъ въ современной жизни,—но какъ разъ на фонѣ кровавой современности ея фигура и появилась такъ зловѣще кстати, и первыя представленія «Дѣтей солнца» въ Москвѣ совпали съ мрачными днями октября. Оттого и получили особое значеніе ея рѣчи, въ которыхъ она предостерегаетъ нашу интеллигенцію, что кругомъ накопилась ненависть, что противъ свѣтлыхъ дѣятелей культуры угрожающе надвигаются черныя, невѣжественныя толпы. Она говоритъ, что на землѣ растетъ жестокость, что среди милліоновъ поднимается вражда, которая обрушится на кучку людей, «оньяненныхъ красивыми словами и мыслями». «Ненависть слѣпа, но вы ярки, — васъ она замѣтитъ». Лизѣ грустно, что такъ много хорошихъ мыслей, расточаемыхъ въ бесѣдѣ, «вспыхнувъ, исчезаютъ, какъ искры въ ночной тьмѣ, не освѣщая людямъ дороги», и она упрекаетъ культурныхъ собесѣдниковъ, что они оставили людей далеко позади себя и не замѣчаютъ, какъ повсюду толпятся звѣри, враги. Протасовъ боготворитъ человѣчество и говоритъ о немъ въ звучныхъ тирадахъ: «Когда-то подъ лучомъ солнца вспыхнулъ къ жизни ничтожный и безформенный кусокъ бѣлка, размножился, сложился въ орла и льва, и человѣка. Наступитъ время — изъ насъ, людей, изъ всѣхъ людей, возникнетъ къ жизни величественный, стройный организмъ—человѣчество... Мы, люди, дѣти солнца, свѣтлаго источника жизни, рожденнаго солнцемъ, мы побѣдимъ темный страхъ смерти. Мы — дѣти солнца! Это оно играетъ въ нашей крови, это оно рождаетъ гордыя,

Digitized by Google

огненныя мысли, освѣщая мракъ нашихъ недоумѣній; оно—океанъ энергіи, красоты и опьяняющей душу радости». Но для того чтобы выросъ единый организмъ человѣчества, люди знанія и свѣта должны придти къ людямъ простымъ, и въ этомъ отношеніи Лиза, несомнѣнно, права.

Ея правда въ «Дѣтяхъ солнца» особенно подчеркивается тѣмъ, что больной носительницѣ общечеловѣческихъ идеаловъ, не признающей права личной жизни за тѣмъ, «кто не имѣетъ силы всю жизнь земли сдѣлать личной, своей»,—г. Горькій противопоставилъ, хотя и топорно сработаннаго, индивидуалиста, художника Вагина, который и въ прозѣ, и въ стихахъ говоритъ о своемъ одиночествѣ и гордится имъ:

Какъ искры въ тучѣ дыма черной,
Средь этой жизни мы—одни;
Но мы въ ней будущаго зерна!
Мы въ ней грядущаго огни!
Мы дружно служимъ въ свѣтломъ храмѣ
Свободы, правды, красоты,—
Затѣмъ, чтобъ гордыми орлами
Слѣпые выросли кроты.

Въ конечномъ результатѣ, удовлетворенія и счастья не получаетъ никто: ни общительная Лиза, ни одинокій Вагинъ. Первая, уже въ безуміи, произноситъ грустные стихи:

Милый мой идетъ среди пустыни
Въ знойномъ морѣ краснаго песка.
Знаю я—въ дали, туманно-синей,
Ждетъ его пустыня и тоска.
Солнце, точно чье-то злое око,
Молча смотритъ съ неба жгучимъ взглядомъ.
Я приду и встану съ милымъ рядомъ,
Трудно тамъ ему и одиноко.
Мой милый строенъ и высокъ,
А я красива и легка,
И оба мы, какъ два цвѣтка,
На красный брошены песокъ.
И вдвоемъ, объяты жгучимъ зноемъ,
Мы пойдемъ далеко по песку,
И въ пустынѣ мертвой мы зароемъ
Онъ—свои мечты, а я—тоску.

И Вагинъ, когда въ послѣдній разъ опускается занавѣсъ, съ тоскою повторяетъ безотрадныя слова:

Одинъ... среди пустыни
Въ знойномъ морѣ краснаго песка.

Одиночество и тоска поражаютъ героевъ пьесы оттого, что они испытали нравственныя потрясенія въ своей личной жизни. Къ сожалѣнію, въ новомъ произведеніи г. Горькаго эти индивидуальныя катастрофы не приведены въ органическую и необходимую связь съ основной идеей драмы: разладъ, существующій между отдѣльными классами общества, тьма,

Digitized by Google

объявшая многихъ изъ дѣтей солнца, только въ очень слабой, едва замѣтной степени отражается на сердечныхъ переживаніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Между тѣмъ, эти переживанія интересны сами по себѣ и, можетъ быть, пьеса значительно выиграла бы, если бы авторъ больше разработалъ и углубилъ ихъ. Теперь же драма г. Горькаго не даетъ читателямъ удовлетворенія; напримѣръ, въ тѣни остается, только отмѣчена душевная обида жены Протасова, измѣнившаго ей для науки, для своей химіи. Зато фигура самого Протасова, какъ мы уже замѣтили, выписана авторомъ необыкновенно выразительно и ласково, а въ художественномъ истолкованіи г. Качалова она производила еще болѣе яркое и какое-то умиляющее впечатлѣніе. Этотъ благородный чудакъ не отъ міра сего, милый и смѣшной въ своей прекрасной наивности, никогда не сотрется изъ памяти тѣхъ, кто слѣдилъ за его вѣчно-торопливыми движеніями на сценѣ Художественнаго театра. Точно также трогателенъ образъ Меланіи Николаевны, искусно воплощаемый г-жей Книпперъ: это — необразованная женщина, которая послѣ бурно и нечисто проведенной молодости безнадежно полюбила чистаго Протасова, молитвенно полюбила самый звукъ его непонятныхъ для нея, возвышенныхъ и восторженныхъ рѣчей.

Вообще, какъ мы и сказали уже въ началѣ нашей замѣтки, г. Горькій въ своей новой пьесѣ задѣлъ такія нѣжныя струны, которыхъ онъ до сихъ поръ не касался, и это придастъ его драмѣ, технически нестройной, по замыслу неглубокой, во многихъ отношеніяхъ разсудочной, — особый привлекательный колоритъ.

О пьесахъ Бара «Мастеръ» и Найденова «Авдотьина жизнь» мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Ю. А.

Digitized by Google

ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ

о пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ.

Въ редакцію журнала «Русская Мысль» поступило пожертвованій съ 16 ноября по 15 декабря включительно на безплатныя столовыя въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ *деньгами* отъ слѣдующихъ лицъ: черезъ Лысцову, С. В.—226 руб. (въ томъ числѣ *ежемѣсячн. взносы* за декабрь отъ Трапезниковыхъ, А. К. и М. М.—50 руб.; Положченко, А. А.—40 руб.; Е. Л. Т.—10 руб.; Ю. Л. З.—10 руб.; И. Р. Б.—10 руб.; Клочковской—20 руб.; Боровикъ, А. Д.—20 руб.; Останиныхъ—15 руб. 30 коп.; и за ноябрь отъ служащихъ Хлудовской больницы—20 руб.; *единовр. взносы*: «Въ память Антона» отъ А. А. С.—10 руб.; Боровикъ, А. Д.—5 руб., Нероновой, А. И.—6 руб. 50 коп. Итого съ прежде поступившими 784 руб.); черезъ Сторожеву—34 руб. 25 коп.; черезъ «Русскія Вѣдомости»—700 руб. (изъ коихъ 112 руб. Левицкой, М. М., и 7 руб. Мильковской, А. В.); черезъ Александрову—11 руб.; черезъ Корелину, Н. П.—30 руб.; отъ М. В.—5 руб.; Рожкова—3 руб.; черезъ проф. Алексѣева—18 руб. 85 коп.; NN—2 руб. *Мильковской, А. В.* получено по почтѣ отъ Гарина, О. В.—5 руб.; Франциманъ—75 руб.; М. К.—3 руб.; Ермаковой, Е. А.—25 руб.; Удалова, С. И.—26 руб. Маркова, П. М.—50 руб.; Абрамсонъ, И. Г.—5 руб.; Юрасова, П. И.—5 руб.; служащихъ М. И. Корякина—12 руб.; Горчицыной—3 руб.; Акукиреровой, Э. Ф.—3 руб.; Масталыгина, А. Д.—5 руб.; Ефимовича; Н. Н.—3 руб.; Воронова, А. П.—10 руб.; Копосова, А.—5 руб.; Ивановой, А. Е.—5 руб.; Камезаска, М. К.—25 руб.; дѣтей Лахтиныхъ—6 руб., Мудрецова, А. В.—5 руб.; Пичугина, Н. А.—100 руб., Романова—1 руб.; Гончаровой, М. П.—17 руб.; Лори, А. И.—10 руб.; Совкова, А. А.—25 руб.; московск. мѣщанск. женск. училища—28 руб. 20 коп.; Соро-

Digitized by Google

кина, В. Н.—10 руб. Итого 1,497 руб. 30 коп., съ прежде поступившими 5,022 руб. 91 коп.

Вещами: отъ Е. Ш. «въ память Оли» ножи и вилки съ ручками изъ слоновой кости.

Расходъ: лѣкарство и почтовые расходы — 3 руб. 94 коп.; передано Мильковской, А. В. 22 декабря—1,650 руб. и Левицкой, М. М.—150 руб.; раньше передано Мильковской—467 руб. 20 коп. Итого 2,271 руб. 14 коп.; съ прежними 3,805 руб. 80 коп.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь 1905 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы.—Политическая экономія, статистика.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Книги для народа.—Книги для дѣтей, учебники, пособія.—II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го ноября по 1-е декабря 1905 г.** III. **Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1905 годъ.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

С. Лагерлефъ. Сѣверныя легенды и разсказы.—*Е. Войничъ.* Оводъ. Романъ.

С. Лагерлефъ. Сѣверныя легенды и разсказы. Переводъ А. Герцыкъ и С. Лоріе. Изданіе Ефимова. М., 1905 г. Ц. 1 р. Читателямъ *Русской Мысли* имя Сельмы Лагерлефъ извѣстно по ея автобіографіи „Сказка о сказкѣ“ и большому роману „Іеста Берлингъ“. На родинѣ своей эта писательница пользуется большой извѣстностью; заслуженными симпатіями пользуется она и у насъ въ Россіи. Передъ нами изящно изданный сборникъ ея разсказовъ и легендъ. Написаны они съ той милой свѣжестью, которой теперь ярко выдѣляются шведскіе и норвежскіе писатели. Въ этихъ легендахъ безусловно сильно сказывается романтизмъ, но онъ вполнѣ умѣстенъ въ „легендахъ“ и даже необходимъ тамъ, гдѣ народная фантазія, разработанная авторомъ, звучитъ какъ основаніе разсказа, какъ вѣрованіе, созданное и переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнію. Фантастическое разсказывается Сельмой Лагерлефъ такъ, какъ будто оно существуетъ или существовало въ прежнія времена на самомъ дѣлѣ, чувство мѣры никогда не увлекаетъ ее черезъ границу. Ея вѣра невольно сообщается читателю. Описанія такъ ярки, колоритны и красивы, что ихъ прелесть очаровываетъ, детали всегда отдѣланы съ необычайной тщательностью,—эта разработка производитъ впечатлѣніе полной иллюзіи. Соединеніе правдивости и вѣрности въ деталяхъ съ широкимъ полетомъ фантазіи заставляетъ читателя откинуть сомнѣнія и слѣдовать за авторомъ туда, куда онъ его поведетъ.

Отличительная черта дѣйствующихъ лицъ въ легендахъ (такъ какъ и разсказы Лагерлефъ не отходятъ отъ содержанія легендъ) заключается въ грандіозности характеровъ. Прежде всего это цѣльныя натуры съ сильною волей (таково особенно хорошее „Преданіе о Реорѣ“). Чувство, иногда даже инстинктъ, всегда ярко выдвигается на первый планъ во всѣхъ поступкахъ ихъ. Эти чувства часто всеобъемлющи, иногда они приводятъ человѣка къ трагической гибели (какъ въ легендѣ „Бѣглые“), иногда выводятъ его къ счастію (какъ въ разсказѣ „Астридъ“), но никогда не обманываютъ его и какъ бы играютъ роль предопредѣленія. Искрен-

Digitized by Google

ность художественнаго чувства писательницы сказывается въ чистой искренности ея героевъ.

Необходимо отмѣтить у С. Лагерлефъ отношеніе къ человѣку, кѣмъ бы онъ ни былъ, и вытекающую отсюда своеобразную манеру группировки людей. У нея не существуетъ соціальнаго неравенства,—короли и крестьяне всюду вмѣстѣ, всѣ люди у нея всегда вѣрятъ другъ другу и злыхъ очень мало,—они получаютъ у нея либо видъ человѣка, знающагося съ невѣдомыми злыми силами, либо зло овладѣваетъ человѣкомъ только временно, какъ роковое недоразумѣніе (какъ въ легендѣ „Гнѣздо"), исчезающее съ появленіемъ свѣта истины. Поэтому легенды ея дѣйствуютъ на читателя облагораживающимъ образомъ, возвышаютъ духъ, уничтожаютъ сомнѣнія. Мы закончимъ указаніемъ на то, что Сельма Лагерлефъ является горячей защитницей свободы. Свободный духъ можетъ быть только у свободнаго человѣка и свобода духа сейчасъ же принижается тамъ, гдѣ человѣкъ внѣшнимъ образомъ такъ или иначе попадаетъ въ зависимость. Такой человѣкъ въ ея легендахъ объявляетъ войну всѣмъ и за свою свободу всегда готовъ заплатить своей жизнью, что и случилось въ легендѣ „Бѣглые".

Е. Войничъ. Оводъ. Романъ изъ революціонной жизни Италіи XIX в. Перев. съ англійск. З. А. Венгеровой. 3-е изд. Н. Глаголева. Спб., 1905 г. Ц. 60 к. Помѣщавшійся первоначально въ журналѣ *Міръ Божій*, „Оводъ" съ 1900 г. выдерживаетъ уже третье изданіе. Одно это показываетъ, какъ велика популярность названнаго романа въ Россіи. Несмотря на сравнительно высокую цѣну (1 р. 25 к. въ первомъ изданіи), онъ быстро проникъ въ широкіе круги читающей публики и сдѣлался любимой книгой рабочаго. Въ настоящее время „Оводъ" не рѣдкость даже въ домашнихъ библіотекахъ крестьянъ. Можно надѣяться, что въ послѣднемъ изданіи, когда цѣна романа понижена болѣе, чѣмъ вдвое и доведена до крайней степени дешевизны, книга пріобрѣтетъ новые кадры читателей какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. И этого она вполнѣ заслуживаетъ и по идеѣ, и по своимъ художественнымъ достоинствамъ.

Романъ изображаетъ нѣкоторыхъ дѣятелей итальянскаго освободительнаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX вѣка.

Основанное Мадзини въ 1831 г., тайное общество „Молодая Италія" къ 1833 г. охватило уже всѣ области, гдѣ послѣ 1815 г. было возстановлено австрійское господство. И самыхъ дѣятельныхъ членовъ оно нашло среди учащейся молодежи. Лозунгомъ новаго движенія было: освобожденіе отъ церковнаго господства, конституціонный режимъ, изгнаніе австрійцевъ и національное объединеніе. Герой романа, 18-лѣтній студентъ одного изъ тосканскихъ университетовъ, Артуръ Бертонъ со всей страстностью своей натуры отдался партіи. И то, что для другихъ было дѣломъ политики, для юнаго энтузіаста стало религіей. Но эта новая религія не ослабила въ немъ той церковной религіозности, въ какой юноша былъ воспитанъ. Долго не замѣчалъ Артуръ противорѣчія между христіанскими идеалами равенства и братства, проповѣдуемыхъ дѣятелями „Молодой Италіи", и полнымъ порабощеніемъ совѣсти и жизни католика созданными духовенствомъ церковными установленіями. Онъ продолжалъ считать себя правовѣрнымъ сыномъ католической церкви и послѣ того, какъ примкнулъ къ тайному обществу. Первая же исповѣдь у духовника іезуита показала всю глубину его заблужденія. Святой отецъ путемъ самаго гнуснаго провокаторства вывѣдалъ у исповѣдника нѣкоторыя тайны общества и тотчасъ же донесъ обо всемъ

Digitized by Google

жандармамъ. Юноша геройски велъ себя въ заключеніи, какъ ни мучили его слѣдователи жандармы. Только выходя изъ тюрьмы узналъ онъ, что самъ былъ виновникомъ своего заключенія, а главное, — узналъ, что своей исповѣдью погубилъ всю организацію, членомъ которой состоялъ, всѣхъ ея лучшихъ дѣятелей. Пощечина любимой дѣвушки переполняетъ чашу страданій невольнаго виновника предательства, и онъ рѣшаетъ покончить съ собой. Но когда Артуръ узнаетъ, что онъ сынъ монаха, того самаго монаха — своего воспитателя, котораго любилъ больше всего на свѣтѣ, въ „котораго вѣрилъ, какъ вѣрилъ въ Бога", что и этотъ послѣдній оплотъ его вѣры оказался миражемъ,—онъ въ неистовствѣ схватилъ молотокъ и вдребезги разбилъ распятіе, передъ которымъ было пролито юношей такъ много молитвенныхъ слезъ, произнесено столько завѣтныхъ обѣтовъ. И когда Артуръ взглянулъ на валявшіеся у его ногъ куски распятія:

„...Какъ это просто!—сказалъ онъ и отвернулся. И какъ я былъ глупъ!

„Это изъ-за такихъ пустяковъ, изъ-за лживыхъ людей и рабовъ, изъ-за нѣмыхъ и бездушныхъ идоловъ онъ выстрадалъ такія муки позора и отчаянія!.-. Нужно отбросить всю эту нечисть и начать новую жизнь!..."

Онъ эмигрировалъ въ Америку, оставивши на столѣ записку: „ищите мой трупъ въ Дарсенѣ".

Больной, искалѣченный, возвращается Артуръ черезъ 10 лѣтъ снова въ Италію подъ именемъ Феличе Риварреса и становится вожакомъ самыхъ крайнихъ революціонныхъ бандъ, а въ то же время издаетъ рядъ жгучихъ памфлетовъ противъ духовенства, за которые получаетъ прозвище „Овода". Снова встрѣтившись съ любимой женщиной, онъ борется съ своимъ чувствомъ, подавляетъ по крайней мѣрѣ его проявленія и привлекаетъ любимаго и любящаго его человѣка лишь къ дѣлу революціонной борьбы. Но есть одно чувство, котораго не можетъ заглушить въ себѣ этотъ необыкновенно сильной воли человѣкъ, этотъ кипящій ненавистью врагъ духовенства и церкви, этотъ пламенный революціонеръ, это—чувство любви къ своему отцу, ставшему теперь кардиналомъ, правой рукой папы Пія IX, старавшагося нѣкоторыми реформами задобрить либераловъ. И чѣмъ страстнѣе нападаетъ Оводъ-памфлетистъ на кардинала—благочестиваго въ глазахъ народа миротворца, тѣмъ болѣе разгорается въ тайникахъ любящей души Артура влеченіе къ отцу. Не одно рискованное дѣло бралъ онъ на себя почти безъ надобности, только изъ непреодолимой потребности лишній разъ увидѣть своего padre. Въ значительной степени изъ-за этой любви попадаетъ онъ въ руки полиціи. На этотъ разъ ненавистнаго правительству Риварреса жестоко истязуютъ и намѣрены немедленно казнить. Только кардиналъ долго не соглашается на казнь безъ надлежащаго суда. Но когда его убѣждаютъ, что промедленіе грозитъ возстаніемъ народа, готовящагося освободить своего любимца, а слѣдовательно, большимъ кровопролитіемъ, онъ даетъ свое согласіе. Передъ казнью кардиналъ узнаетъ въ приговоренномъ къ смерти революціонерѣ своего сына. Происходитъ потрясающая сцена послѣдняго свиданія отца съ сыномъ. Артуръ, начавшій ѣдкимъ обличеніемъ кардинала въ жестокости, какъ отца, кончаетъ признаніемъ въ безграничной любви къ нему. На готовность кардинала помочь Артуру бѣжать изъ тюрьмы сынъ отвѣчаетъ отцу мольбой не покидать его хоть на этотъ разъ, отказаться отъ церкви и уйти вмѣстѣ. Но какъ ни велика любовь кардинала къ сыну, онъ не въ силахъ ради

Digitized by Google

нея оставить церковь. И казнь совершилась. Отецъ, однако, не переноситъ смерти сына. Во время празднества „Тѣла и крови" кардиналъ обращается къ народу съ грознымъ словомъ обличенія его въ вѣчной кровожадности ради своекорыстнаго спасенія, указываетъ на страданія отца, приносящаго въ жертву народу сына. Съ крикомъ изступленія бросаетъ онъ передъ народомъ дароносицу и кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

Романъ изображаетъ не столько революціонную дѣятельность героя, сколько ту великую драму его жизни, которая разбила нѣжную любвеобильную душу юноши и изъ человѣка, созданнаго для подвиговъ мира и любви, сдѣлала подвижника мести и борьбы—революціонера. Съ другой стороны въ лицѣ епископа—отца героя—онъ изображаетъ жертву римско-католическихъ церковныхъ установленій, вся противоестественность, нечеловѣчность и общественный вредъ которыхъ неотразимо разоблачены романомъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. Г. Мижуевъ. Крестьянское царство.—*В. И. Фармаковскій.* Охрана здоровья учащихся.—*Ѳ. Зѣлинскій.* Изъ жизни идей. Т. II.—*Д. И. Тихомировъ.* Наканунѣ свободы просвѣщенной.—Отчетъ дѣятельности комиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „Столбы" въ Н.-Новгородѣ за 1904 г.—*Ф. Крыштофовичъ.* Американскія письма.

П. Г. Мижуевъ. Крестьянское царство. Очеркъ исторіи современнаго состоянія Канады. Спб. 1905. (Изданіе Львовича). Эта книга хотя и компилятивнаго характера, но безусловно полезна. Авторъ знакомитъ насъ съ исторіей Канады, съ земельной политикой канадскихъ властей по привлеченію иммигрантовъ, даетъ свѣдѣнія о переѣздѣ въ Канаду, о пріобрѣтеніи тамъ земли: можно пріобрѣсти землю отъ 1 до 3 рублей за десятину съ разсрочкой на 4 года, но съ обязательствомъ фактически поселиться на ней. Авторъ рисуетъ экономическій прогрессъ Канады за 2-ю половину XIX вѣка, роль въ этомъ тихоокеанской желѣзной дороги, покрывшей Канаду сѣтью элеваторовъ и имѣвшей громадное культурное значеніе для Канады. Авторъ приводитъ свѣдѣнія о заработной платѣ въ Канадѣ и о стоимости жизненныхъ припасовъ: послѣдніе дешевле, чѣмъ въ Англіи, заработная же плата значительно выше, описываетъ жизнь канадскаго фермера и т. д. Все это представляетъ несомнѣнный интересъ для средняго читателя и можно пожелать распространенія книжки.

В. И. Фармаковскій. Охрана здоровья учащихся. Одесса, 1905. Цѣна 1 р. 50 коп. Книга г. Фармаковскаго является, по нашему мнѣнію, очень полезнымъ руководствомъ для лицъ, завѣдующихъ воспитаніемъ дѣтей въ періодѣ школьнаго обученія. Въ ней собрано рѣшительно все, что должно быть предусмотрѣно, когда рѣчь идетъ объ охранѣ здоровья учащихся. Авторъ приводитъ подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ должны устраиваться школьныя зданія, какъ распредѣлить классныя комнаты; онъ обстоятельно говоритъ и о вентиляціи и отопленіи классовъ, и объ освѣщеніи, и о школьныхъ столахъ, и о всей вообще внѣшней обстановкѣ обученія. Г. Фармаковскій не оставилъ безъ вниманія умственной и моральной стороны обученія. Экзамены, школьная дисциплина, внутренній распорядокъ учебныхъ заведеній, наказанія,—все это остается не безъ вліянія на здоровье учащихся и все это должно войти въ кругъ вѣдѣнія гигіениста.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что правила гигіены, о которыхъ говоритъ такъ хорошо и такъ научно г. Фармаковскій, находятся въ полномъ пренебреженіи въ нашей школѣ. Куда ни взглянешь, всюду въ области санитаріи царитъ въ нашей школѣ буквально мерзость запустѣнія. Обратите, напримѣръ, вниманіе на классныя комнаты. И проф. Эрисманъ удостовѣряетъ, что изъ 19 среднихъ учебныхъ заведеній г. Москвы только въ четырехъ учащіеся пользуются нормальнымъ кубомъ воздуха. Посмотрите, далѣе, каково освѣщеніе въ нашихъ школахъ, и оказывается, что оно поставлено въ этомъ отношеніи въ весьма неблагопріятное положеніе. И внутренній распорядокъ учебныхъ заведеній, система экзаменовъ и наказаній, система суровой школьной дисциплины не представляетъ ничего отраднаго и какъ бы разсчитана на то, чтобы расшатать нервную систему учащихся.

Насъ гораздо больше интересуетъ система преподаванія, какъ вытекающая изъ общаго строя нашей жизни и оказывающая несомнѣнно тлетворное вліяніе на организмъ подрастающихъ поколѣній. Постоянные грозные указы и циркуляры, запрещеніе уклоняться въ сторону отъ установленныхъ программъ, предподнесеніе учащимся всякой завали и тщательное скрываніе отъ нихъ всего новаго, всего, что будитъ умъ и чувство, превращеніе этого дѣла обученія въ какое то мертвящее занятіе,— всѣ эти прелести школьной жизни должны отразиться самымъ плачевнымъ образомъ на учащихся. „Человѣческій языкъ, говоритъ проф. Сикорскій, давно знакомъ съ неодинаковымъ вліяніемъ чувствъ и называетъ одни чувства оживляющими и ободряющими, другія—леденящими, мертвящими, убійственными. Отражаясь неблагопріятно на здоровьѣ человѣка, непріятныя чувства вмѣстѣ съ тѣмъ понижаютъ умственную работоспособность человѣка на 15—25% и при томъ на срокъ отъ нѣсколькихъ часовъ до нѣсколькихъ дней.“ А сколько такихъ леденящихъ, мертвящихъ, убійственныхъ чувствъ испытываетъ учащійся нашъ въ школѣ!

Итакъ, для оздоровленія нашей школы нельзя ограничиться одной перестройкой зданій. Нужно измѣнить всю систему преподаванія, разрушить до основанія все старое и на развалинахъ его воздвигнуть новое грандіозное зданіе обученія, основанное на уваженіи въ учащихся личности и на возбужденіи въ нихъ живого интереса къ окружающей дѣйствительности. Таковъ, по нашему мнѣнію, конечный выводъ изъ книги г. Фармаковскаго.

Ѳ. Зѣлинскій. Изъ жизни идей. Т. II. С.-Пб., 1905. Книга г. Зѣлинскаго состоитъ изъ двухъ частей далеко не одинаковаго характера и значенія.

Въ первую вошло второе изданіе лекцій, прочитанныхъ въ 1903 г. ученикамъ выпускныхъ классовъ С.-Петербургскихъ гимназій и реальныхъ училищъ: „Древній міръ и мы“. Это — мѣстами красивая, мѣстами растянутая и натянутая защита античности и убѣжденная пропаганда возрожденія классицизма во всей чистотѣ его основъ, безъ Катковско-Толстовскихъ примѣсей. Въ этомъ отношеніи съ мнѣніями г. Зѣлинскаго можно не соглашаться, но считаться съ ними приходится во всякомъ случаѣ. Авторъ—умѣлый и ловкій адвокатъ дѣла, по существу безнадежнаго; его соображенія, если они даже и не приведутъ къ оправдательному вердикту, представляютъ интересъ сами по себѣ, вызываютъ новый пересмотръ вопроса, казалось бы, уже сданнаго въ архивъ. Въ возможность возрожденія классицизма мы лично не вѣримъ, но къ выясненію духа античности и ея отношеній къ современности, мѣстами свѣжему и своеобразному, нельзя не прислушаться со внима-

Digitized by Google

піемъ. Вторая часть состоитъ почти сплошь изъ полемическихъ экскурсовъ, направленныхъ противъ „правыхъ“ и „лѣвыхъ“ оппонентовъ г. Зѣлинскаго. На насъ она произвела не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Авторъ не вездѣ удачно, но всегда черезчуръ много, съ слишкомъ большими усиліями, остритъ и балагуритъ, очень откровенно щеголяетъ своею литературною начитанностью; тонъ у него слишкомъ побѣдоносный; претензіи на оригинальность мысли и яркость выраженія не всегда оправдываются результатами. Въ большомъ количествѣ (около 200 стр.) это утомляетъ.

Д. И. Тихомировъ. Наканунѣ свободы просвѣщенной. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. М., 1906 г. Ц. 3 к. Авторъ, извѣстный педагогъ и знатокъ низшаго образованія, считаетъ безотлагательнымъ реформировать какъ можно скорѣе положеніе образованія въ Россіи. Онъ ставитъ рядъ требованій, которыя сводятся къ слѣдующему:

1) низшее образованіе должно быть поголовнымъ и обязательнымъ; 2) образованіе во всѣхъ его видахъ и на всѣхъ ступеняхъ должно быть свободно. Образовательныя учрежденія должны быть автономны; 3) образованіе на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ видахъ должно быть даровымъ—въ школахъ и на курсахъ, въ библіотекахъ и музеяхъ, и т. п.; 4) двери каждой школы должны быть одинаково открыты для учащихся обоего пола; 5) основою и фундаментомъ образованія должны служить для всѣхъ *общеобразовательныя школы* разныхъ ступеней. Народная школа не должна быть „мужицкой“, какой она часто теперь бываетъ; 6) религіозное обученіе въ школахъ, доступныхъ для всѣхъ гражданъ безъ различія племени и вѣры, лишь по волѣ родителей; 7) попеченіе о низшемъ образованіи и полное завѣдываніе имъ во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ городамъ и земствамъ, на помощь которымъ въ матеріальномъ отношеніи приходитъ, въ случаѣ надобности, и государственная казна, не стѣсняя и не ограничивая, однако, за свою помощь земскаго и городского самоуправленія въ просвѣтительной области; 8) долженъ быть обновленъ весь жизненный строй школы и школьныя программы на основѣ интересовъ всенародныхъ, а не исключительно государственныхъ.

Отчетъ дѣятельности комиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „Столбы“ въ Нижнемъ-Новгородѣ за 1904 годъ. Н.-Новгородъ, 1905 г. Въ настоящее время, когда народу приходится расплачиваться своимъ достояніемъ, своей кровью и даже жизнью за приказный строй, державшій страну цѣлые вѣка въ оковахъ и темнотѣ, должны подвергнуться всестороннему освѣщенію тѣ тормозы, которые современная бюрократія создаетъ каждому живому дѣлу, каждому полезному начинанію, направленному къ внѣдренію въ наши „низы“ свѣта и мира. Вотъ передъ нами отчетъ устроенной въ центральномъ мѣстѣ скопленія босяковъ чайной и организованныхъ при ней чтеній и развлеченій. Собственно говоря, дѣло это само по себѣ очень и очень маленькое, хотя и безспорно полезное. Но, благодаря царящему у насъ бюрократическому произволу, это маленькое дѣло превращается чуть ли не въ подвигъ. Чайная „Столбы“ находится „на днѣ“ Нижняго, около пристаней, гдѣ ютится бездомный рабочій людъ. Организовавшаяся при чайной комиссія, во главѣ которой стоитъ гласный мѣстной думы извѣстный общественный дѣятель В. М. Волковъ, дѣлала энергичныя попытки дать кліентамъ чайной элементарныя свѣдѣнія по самымъ необходимымъ для этого люда отраслямъ—законовѣдѣнію, естествовѣдѣнію, исторіи и другимъ общеоб-

Digitized by Google

разовательнымъ предметамъ. Кромѣ того, рѣшено было организовать чтенія по прикладнымъ знаніямъ, знакомить публику съ новѣйшими открытіями и изобрѣтеніями, устройствомъ паровыхъ машинъ, электрическаго освѣщенія и проч. Хлопотали, хлопотали, начали чтенія ... и были вынуждены прекратить ихъ: „камнемъ преткновенія—заявляютъ составители отчета — явился все тотъ же фатальный каталогъ министерства народнаго просвѣщенія, о который разбиваются обыкновенно всякія попытки распространить въ народѣ знаніе и просвѣщеніе. Находя совершенно невозможнымъ читать взрослымъ людямъ сказки о рыбакѣ и рыбкѣ, пчелкѣ-мохнаткѣ и т. п., комиссія начала возбуждать всепокорнѣйшія и всенижайшія ходатайства предъ господиномъ директоромъ народныхъ училищъ (г. Демковымъ) разрѣшить читать цензурованныя книги и допущенныя тѣмъ же министерствомъ народнаго просвѣщенія. Господинъ директоръ оказался давнишнимъ служакой, вполнѣ усвоившимъ взгляды своего вѣдомства относительно вреда и опасности распространять просвѣщеніе, и, конечно, всепокорнѣйшія ходатайства не были удовлетворены, хотя комиссія и указывала на неотложную и настоятельную необходимость занять громадную толпу, стекавшуюся на заработки, и дать ей разумныя развлеченія въ цѣляхъ общественной безопасности, указывала, между прочимъ, также на то, что въ дни чтеній здѣсь наблюдается значительно меньше скандаловъ и пьяныхъ и что вообще разумныя развлеченія, по даннымъ большинства городовъ, являются лучшимъ профилактическимъ средствомъ противъ пьянства, разгула и преступленій. Пришлось ограничиться устройствомъ по воскреснымъ днямъ такъ называемыхъ литературно-музыкальныхъ утръ, воспрепятствовать которымъ министерство народнаго просвѣщенія и господинъ директоръ народныхъ училищъ не могли уже по одному тому, что разрѣшеніе на эти утра нужно брать не отъ дирекціи народныхъ училищъ, а отъ полиціи. Программа утръ утверждалась полиціей. Всѣхъ такихъ чтеній было въ отчетномъ году 24 (съ января по апрѣль и съ сентября по декабрь включительно). Поведеніе босяковъ было образцовое: „за время чтеній царила всегда полнѣйшая тишина—читаемъ въ отчетѣ:—сами посѣтители зорко слѣдили за порядкомъ. За годъ перебывало болѣе 12 тысячъ слушателей, и за все время чтеній, при отсутствіи полицейскихъ нарядовъ, не было никакихъ недоразумѣній съ публикой“... Босяки поднесли нѣсколько благодарственныхъ адресовъ членамъ комиссіи.

Ф. Крыштофовичъ. Американскія письма. 1905 г. Авторъ описываетъ военную службу въ Соед. Штатахъ, гимназическій строй, знакомитъ съ американской прессой и конституціей. Авторъ освѣщаетъ любопытный вопросъ, какъ великая держава можетъ поддерживать свое могущество при наличности только 80 тыс. войскъ, тогда какъ другимъ державамъ для поддержанія своего престижа требуется войска въ 10 разъ больше, и авторъ ведетъ насъ въ американскую школу и мы видимъ, какъ вырабатывается здѣсь уваженіе къ закону и какъ люди сами пріучаются поддерживать дисциплину. Авторъ знакомитъ насъ съ американской арміей и вскрываетъ намъ секретъ, какъ и при демократическомъ строѣ поддерживается здѣсь дисциплина и армія умѣетъ себя, когда нужно, показать.

Ярко рисуетъ авторъ американскую школу въ отличіе отъ европейской и въ особенности нашей, гдѣ самымъ подборомъ преподаваемыхъ предметовъ какъ бы желаютъ сказать подрастающему поколѣнію: „смотрите на то, что дѣлается на небѣ и въ землѣ, а не на землѣ“ (стр. 30).

Мы видимъ, какъ въ американской школѣ учащійся пріучается къ

Digitized by Google

самостоятельности въ работѣ, дѣловитости, умѣнію кратко формулировать свои мысли (стр. 39), пріучается излагать тотъ или другой вопросъ въ извѣстное количество минутъ.

Авторъ не скрываетъ и темныхъ сторонъ: такъ, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ американской прессѣ, онъ отмѣчаетъ ея крайнюю партійность, вслѣдствіе которой дѣйствія и мнѣнія партій противниковъ, каковы бы они ни были, неизмѣнно выставляются къ позорному столбу другой стороной. Такъ, наприм., предводитель демократической партіи Брайянъ, человѣкъ, несомнѣнно, порядочный и талантливый, изображается и въ статьяхъ, и на каррикатурахъ республиканскихъ газетъ не иначе, какъ въ видѣ осла или ѣдущимъ на ослѣ и непремѣнно задомъ напередъ (стр. 65). Но авторъ подчеркиваетъ строгую законность и возможность добиться этой законности при попыткахъ нарушенія: такъ, товарищъ министра, завѣдующій почтой, будучи республиканцемъ, сдѣлалъ попытку объявить походъ соціалистическимъ газетамъ; какъ извѣстно, въ Соед. Штатахъ газеты и журналы при пересылкѣ почтой оплачиваются однимъ центомъ съ каждаго фунта, а книги, объявленія и т. д.—однимъ центомъ *за 2 унціи;* кромѣ того, тѣ періодическія изданія, которыя подъ видомъ газетъ и журналовъ являются въ сущности объявленіями торговыхъ фирмъ, не пользуются привилегіей, предоставленной газетамъ, и при пересылкѣ должны оплачиваться по тарифу книгъ и объявленій, и вотъ товарищъ министра предъявилъ требованіе, чтобы нѣкоторыя соціалистическія газеты оплачивались повышеннымъ тарифомъ. Когда эти издатели спрашивали администратора, чѣмъ же они торгуютъ, тотъ отвѣчалъ: „идеями, а въ томъ, что вы разсылаете свои изданія безплатно, я усматриваю признакъ принадлежности ихъ къ разряду объявленій". Очевидно, онъ имѣлъ здѣсь въ виду пробные номера, которые разсылаются періодическими изданіями безплатно. У насъ на этомъ дѣло бы и кончилось, но редакторъ одной газеты обратился къ подписчикамъ съ просьбой удостовѣрить, что они получаютъ газету за плату, и въ теченіе одной недѣли редакція получила 260 тысячъ открытыхъ писемъ, и въ каждомъ изъ нихъ говорилось, что подписчикъ уплатилъ подписную сумму въ 25 центовъ въ годъ; тогда редакторъ съ этими данными обратился въ высшій судъ, и послѣдній высказался въ его пользу. Это не только возстановило право газеты, но и дало ей, по словамъ автора, 340 тыс. новыхъ подписчиковъ.

Книжка не велика по объему, написана живо и съ интересомъ прочтется всякимъ.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Дж. Грантъ. Греція въ вѣкъ Перикла.—*А. С. Парамоновъ.* О законодательствѣ Анны Іоанновны.—Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова.—*П. Гидулановъ.* Изъ исторіи церковно-правительственной власти въ восточно-римской имперіи. Митрополиты въ первые три вѣка христіанства.—Иллюстрированная всеобщая исторія литературы І. Шерра.—*П. Е. Щеголевъ.* Первый декабристъ Владиміръ Раевскій.—Сочиненія и письма А. С. Пушкина. Редакція П. О. Морозова. Т. VII.

А. Дж. Грантъ. Греція въ вѣкъ Перикла. Переводъ подъ редакціей Н. Н. Шамонина. Библіотека для самообразованія. XXIII. Москва, 1905 г. Ц. 1 р. 60 к. Въ предисловіи авторъ называетъ свою книгу „Первоначальнымъ учебникомъ", имѣющимъ цѣлью „служить только введеніемъ въ греческую исторію". Книга дѣйствительно разсчитана на очень широкую публику, и чтеніе ея не требуетъ почти никакихъ

Digitized by Google

предварительныхъ знаній по исторіи Греціи. Въ виду вышеприведеннаго заявленія автора къ ней нельзя предъявлять требованій, которыя надо ставить ученымъ сочиненіямъ; но и при такой оговоркѣ критика имѣетъ право требовать, чтобы популярность книги не причиняла ущерба ея научности. Между тѣмъ авторъ со слишкомъ большимъ довѣріемъ относится къ греческой традиціи и во многихъ главахъ безъ всякаго критицизма просто пересказываетъ содержаніе своихъ главныхъ источниковъ—Геродота, Θукидида и Плутарха. Въ немъ не возбуждаетъ сомнѣній вполнѣ основательно заподозрѣнный нѣмецкой критикой громадный численный перевѣсъ персовъ надъ греками въ эпоху греко-персидскихъ войнъ. Восторженное отношеніе къ личности Солона мѣшаетъ Гранту отнестись къ его реформѣ съ должной степенью научности: его мнѣніе, что солоновская реформа „не преслѣдовала интересовъ отдѣльнаго класса“ и „носитъ отпечатокъ чистѣйшаго патріотизма“ (стр. 78), едва ли можетъ быть признано вѣрнымъ. Если даже заподозрить достовѣрность политическихъ реформъ Солона, то его сейсахθія, ликвидировавшая зависимыя отношенія крестьянства къ богатымъ землевладѣльцамъ, носитъ ярко выраженный демократическій отпечатокъ и характеризуетъ Солона, какъ защитника партійныхъ интересовъ демоса.

Затѣмъ, крупнымъ недостаткомъ книги надо признать оставленіе авторомъ въ тѣни соціально-экономической стороны греческой исторіи. Соціальный результатъ греко-персидскихъ войнъ (возвышеніе портоваго населенія), экономическія причины пелопоннесской войны (желаніе Аθинъ захватить въ свои руки монополію въ торговлѣ), связь аθинскаго имперіализма съ экономическими интересами городского населенія и многое другое—остается невыясненнымъ въ книгѣ Гранта. Поэтому, обѣщаніе автора „не оставить безъ вниманія ни одной изъ главныхъ силъ“, содѣйствовавшихъ выработкѣ греческой цивилизаціи (предисловіе XVII), надо разсматривать, какъ не исполненное.

При всемъ этомъ книга написана живо и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже увлекательно. Характеристикамъ греческихъ политическихъ дѣятелей (особ. Перикла), а также выясненію сущности аθинской демократіи нельзя отказать въ яркости и выпуклости. Наиболѣе удачны главы VII (Аθинская демократія) и IX (Общество въ Греціи). Очень остроумнымъ является сравненіе аθинянъ V вѣка съ пайщиками крупной компаніи, дѣлящими между собой доходы государства, но не участвующими въ работѣ, приносящей эти доходы (стр. 234).

Книга снабжена удачно составленными примѣчаніями, указывающими тѣ пособія и источники, посредствомъ которыхъ читатели могли бы „расширить и углубить свѣдѣнія, почерпнутыя ими изъ настоящей книги“ (стр. 353).

А. С. Парамоновъ. О законодательствѣ Анны Іоанновны. Опыты систематическаго изложенія. Спб., 1904 г. Названіе сочиненія можетъ ввести въ заблужденіе, заставляя думать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ подробнымъ изслѣдованіемъ законодательной дѣятельности въ царствованіе Анны Іоанновны. Въ дѣйствительности же авторъ сочиненія взялъ только тотъ матеріалъ, какой находится въ четырехъ томахъ I полнаго собранія законовъ, совершенно забывая (или не зная), что матеріалъ этотъ совсѣмъ не достаточенъ для сужденія о предметѣ и что въ настоящее время изданы „Бумаги кабинета министровъ“ (въ сборникахъ И. русскаго истор. общества),—гдѣ собрано множество *законодательныхъ* актовъ, не вошедшихъ въ полное собраніе законовъ,—не говорю уже о томъ, что въ спеціальныхъ историческихъ журналахъ

Digitized by Google

найдется не мало данныхъ, пополняющихъ свѣдѣнія полнаго собранія законовъ. Но и помимо этого, сочиненіе г. Парамонова мало соотвѣтствуетъ тому представленію объ историко-юридическомъ изслѣдованіи, какое составилось въ литературѣ нашей, на основаніи лучшихъ трудовъ историковъ русскаго права. Авторъ разбираемой книги просто пересказываетъ *содержаніе* указовъ Анненскаго царствованія въ извѣстной системѣ, снабжая этотъ пересказъ громкими заглавіями вродѣ, напр., нижеслѣдующихъ: „основные государственные законы", „государственное управленіе" и пр., хотя нерѣдко содержаніе это не даетъ почти никакого матеріала для отвѣта на подобные вопросы. Затѣмъ авторъ наивно полагаетъ, что все, что написано въ указахъ, примѣнялось буквально въ жизни. Держась такого мнѣнія, онъ думаетъ по нимъ возстановить картину времени и нигдѣ не пытается указать, въ какомъ соотвѣтствіи было законодательство и нравы эпохи или, иначе говоря, не пытается опредѣлить, что въ законахъ этого времени было живо и что мертво, а равно, какъ общество тогда реагировало на издаваемыя властью, правила, и т. д. Авторъ вообще незнакомъ съ литературою предмета; иначе, напр., въ книгѣ В. А. Гольцева „Законодательство и нравы" и другихъ сочиненіяхъ онъ нашелъ бы указанія, какъ надо изучать законодательство той или иной эпохи. Книга его написана такъ, какъ писали историки права лѣтъ 40—50 тому назадъ и какъ совсѣмъ не пишутъ теперь. Въ цѣломъ разбираемое сочиненіе является не чѣмъ инымъ, какъ систематическимъ указателемъ къ законодательнымъ актамъ Анненскаго царствованія, напечатаннымъ въ полномъ собраніи законовъ, причемъ всѣ сентенціи автора по поводу этихъ актовъ не имѣютъ никакой цѣны и отзываются давно забытою стариною, уже сданною давно въ архивъ; къ сожалѣнію, этихъ сентенцій весьма много въ книгѣ и онѣ весьма затемняютъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ законодательныхъ актовъ и распредѣленныя авторомъ въ извѣстномъ порядкѣ.

Описаніе актовъ собранія графа А. С. Уварова. Акты историческіе, описанные И. М. Катаевымъ и А. К. Кабановымъ, подъ редакціею проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. М., 1905 г. Только что появившееся описаніе актовъ знаменитаго собранія графа А. С. Уварова должно порадовать всѣхъ занимающихся русскою исторіею, такъ какъ даетъ возможность познакомиться въ печати хотя съ частью громадныхъ богатствъ рукописныхъ хранилищъ гр. А. С. Уварова. Надѣемся, что слѣдующіе томы изданія вскорѣ познакомятъ насъ и съ остальными актами этихъ хранилищъ. Въ изданномъ же теперь томѣ мы находимъ весьма важные документы, распредѣленные на 3 отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ изданы, съ точнымъ сохраненіемъ орѳографіи, акты, начиная со времени Василія Темнаго и заканчивая грамотами смутнаго времени (1438—1612 гг.). Большинство актовъ этого отдѣла,—какъ, впрочемъ, и вообще актовъ разбираемаго изданія—монастырскіе акты (жалованныя, несудимыя, льготныя, вкладныя и другія грамоты), а равно и грамоты, воспроизводящія судебный процессъ XV—XVII вѣковъ. Второй и третій отдѣлы изданія заключаютъ описаніе документовъ XVII—XVIII вѣковъ; здѣсь обращаютъ на себя вниманіе акты, относящіеся къ помѣстному и вотчинному хозяйству и владѣнію и др. Въ цѣломъ, изданіе сдѣлано съ большою тщательностью и нельзя не отдать справедливости его авторамъ, особенно за то, что древнѣйшіе акты помѣщены ими въ вышедшемъ томѣ полностью, такъ какъ именно акты этого рода всего цѣннѣе для науки, въ виду того, что они сохранились до нашего времени въ значительно-меньшемъ количествѣ, чѣмъ акты

Digitized by Google

позднѣйшаго времени. Въ частности, акты XVIII вѣка, помѣщенные въ указанномъ собраніи, довольно случайны и въ общемъ не представляютъ ничего важнаго. Было бы затѣмъ правильнѣе, кстати замѣтимъ, назвать напечатанное собраніе актовъ собраніемъ *историко-юридическихъ*, а не историческихъ, такъ какъ содержаніе большей части актовъ болѣе отвѣчаетъ первому наименованію, чѣмъ второму. Во всякомъ случаѣ, нельзя не привѣтствовать появленія указаннаго „описанія актовъ", а равно и не пожелать, чтобы оно двигалось быстро впередъ, въ виду несомнѣнной научной важности собранія рукописей гр. А. С. Уварова.

П. Гидуляновъ. Изъ исторіи развитія церковно-правительственной власти въ восточно-римской имперіи. Митрополиты въ первые три вѣка христіанства. М. 1905 г. Весьма обстоятельное научное изслѣдованіе г. Гидулянова касается важнаго вопроса о постепенномъ выдѣленія изъ *равныхъ*, по силѣ и значенію своему въ древней христіанской общинѣ, *епископовъ* такихъ, которые съ теченіемъ времени стали считаться выше другихъ и образовали изъ себя іерархію епископовъ. Если первоначально въ идеѣ между епископами не было „ни старшихъ, ни младшихъ", „власть каждаго конкурировала со властью другихъ", то на практикѣ очень скоро стало развиваться между ними неравенство. Книга молодого ученаго и занята уясненіемъ вопроса о тѣхъ факторахъ, которые способствовали установленію этого неравенства, чреватаго весьма важными въ партіи послѣдствіями. По автору, прежде всего положеніе епископа покоилось на положеніи его общины, но такъ какъ сами общины не были одинаковы по своему значенію, то создалась іерархія общинъ и, какъ ея результатъ, іерархія епископовъ, стоящихъ во главѣ этихъ общинъ. Вслѣдствіе апостольскаго происхожденія однѣхъ общинъ, т.-е. непосредственнаго основанія ихъ „отъ апостоловъ или учениковъ ихъ", вслѣдствіе различія между городами, во главѣ коихъ стоялъ тотъ или другой епископъ, возможности для одной общины, въ силу ея богатства и пр., оказывать матеріальную и всякую иную помощь другой общинѣ и такимъ образомъ возвышаться надъ нею, значенія „церковной рецепціи" и другихъ причинъ,—образовались церковные округа, въ предѣлахъ которыхъ выступила іерархія общинъ, перешедшая затѣмъ въ іерархію епископовъ. Весьма важнымъ также положеніемъ автора является то положеніе, что округа эти въ періодъ до Діоклетіана соотвѣтствовали *этнографическому дѣленію* римской имперіи. Если таковы были первоначальные факторы, способствовавшіе установленію іерархіи епископовъ и ихъ епархій, то окончательное сложеніе церковно-окружнаго устройства было дѣломъ церковныхъ соборовъ, собиравшихся въ первые три вѣка христіанства. Глава II сочиненія автора *о соборахъ* не только съ научной точки зрѣнія, но и по обстоятельствамъ переживаемаго нами теперь историческаго момента, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ здѣсь подробно и живо разсматриваются виды соборовъ, устройство, дѣлопроизводство и другіе вопросы по исторіи соборовъ, связанные съ исторіею развитія епископской должности. Вопросъ о соборахъ нынѣ весьма важенъ, конечно, въ виду предстоящихъ реформъ по устройству нашего церковнаго управленія, а потому указанная глава читается съ большимъ интересомъ. Послѣднія главы посвящены главной темѣ автора—вопросу о развитіи власти митрополитовъ въ первые три вѣка христіанства. Въ цѣломъ книга г. Гидулянова представляетъ собою трудъ весьма почтенный и написанный съ большимъ знаніемъ дѣла.

Digitized by Google

Иллюстрированная всеобщая исторія литературы І. Шерра. Переводъ подъ редакціей П. Вейнберга. Изданіе С. Скирмунта М. 1905 г. Книга Шерра столько разъ переводилась и такъ хорошо извѣстна русскому читателю, что, конечно, не нуждается въ новыхъ характеристикахъ и рекомендаціяхъ. Несомнѣнно, теперь она уже устарѣла, но пока все же замѣнить ее нечѣмъ, такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ другого такого сжатаго, цѣлостнаго, строго научнаго и въ то же самое время столь доступнаго для большой публики общаго обзора въ исторіи литературъ всѣхъ культурныхъ народовъ древняго и новаго міра.

По примѣру прежнихъ изданій въ новомъ изданіи отдѣлы славянскихъ и русской литературъ замѣнены статьями, составленіе которыхъ взяли на себя русскіе спеціалисты: славянскихъ—г. Арабажинъ, русской—гг. Вейнбергъ и Морозовъ. Г. Арабажинъ далъ очень неровное и не совсѣмъ складное переложеніе извѣстной книги Пыпина и Спасовича „Исторія славянскихъ литературъ". Очеркъ исторіи русской литературы еще менѣе удовлетворителенъ: въ немъ очень много всевозможныхъ неточностей, даже ошибокъ; характеристики нѣкоторыхъ писателей слишкомъ коротки и не даютъ о нихъ рѣшительно никакого представленія. Г. Вейнбергъ, напримѣръ, утверждаетъ, будто бы записываніе русскихъ пѣсенъ и сказокъ началось очень поздно и что первый сборникъ Кирши Данилова появился только въ 1804 году. Если бы онъ прочелъ хотя бы одну главу изъ „Исторіи русской этнографіи" Пыпина, онъ, конечно, отказался бы отъ такого категорическаго утвержденія. Въ отдѣлѣ о былинахъ и сказкахъ повторяются bona fide наивныя измышленія миѳологической школы, давно уже отвергнутыя наукой. „Поученіе Мономаха" на основаніи старой, давно уже обнаруженной ошибки пріурочивается къ 1099 году и т. д. Видимо, очеркъ составлялся очень спѣшно по популярнымъ руководствамъ безъ всякаго самостоятельнаго изученія матеріала. Отъ цѣлаго ряда поэтовъ г. Морозовъ отдѣлывается только такими характеристиками: „Къ группѣ поэтовъ-художниковъ примыкаютъ также: графъ А. К. Толстой, Л. А. Мей, въ новѣйшее время А. Л. Апухтинъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Д. С. Мережковскій и др.; къ группѣ поэтовъ общественныхъ—А. М. Жемчужниковъ, А. Н. Плещеевъ, а изъ поэтовъ младшаго поколѣнія—С. Я. Надсонъ, Н. М. Минскій, въ настоящее время, впрочемъ, сошедшій съ этой дороги на путь поэтическаго символизма и др.". О Чеховѣ сказано только, что онъ „далъ рядъ небольшихъ этюдовъ, отличающихся художественностью формы и разнообразіемъ содержанія, въ которомъ, впрочемъ, грустное настроеніе всегда преобладаетъ надъ жизнерадостнымъ", и что онъ написалъ „также нѣсколько драматическихъ пьесъ, выражающихъ то же безотрадное міросозерцаніе". О Гаршинѣ сказано только, что онъ „авторъ замѣчательныхъ по таланту и по своему скорбно-пессимистическому настроенію разсказовъ". Гг. Скиталецъ, Л. Андреевъ, „отчасти" Тимковскій и Бунинъ характеризуются такъ: они идутъ, „съ небольшими уклоненіями, по тому же пути", какъ и Горькій; „общественное значеніе произведеній этой новой школы представляется, однако, очень спорнымъ, и, во всякомъ случаѣ, названные писатели не отличаются ни широтою своего міросозерцанія, ни глубиною своихъ задачъ" и т. п.

Лучше было бы совсѣмъ не давать очерка новѣйшей литературы...

Первая половина XIX вѣка изложена нѣсколько лучше.

Во всякомъ случаѣ добавочныя главы къ новому изданію книги Шерра—небольшое пріобрѣтеніе для нея.

Digitized by Google

П. Е. Щеголевъ. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій Спб. 1905 г. Брошюра г. Щеголева представляетъ первую попытку собранія свѣдѣній о жизни и дѣятельности „перваго декабриста" В. Ѳ. Раевскаго, арестованнаго въ 1822 году главнымъ образомъ за свое участіе въ тайномъ обществѣ и сосланнаго въ Сибирь въ 1827 году вслѣдствіе связи его дѣла съ дѣломъ декабристовъ. Умѣлою рукою, на основаніи тщательнаго и всесторонняго изученія матеріала, авторъ рисуетъ общую картину движенія и даетъ затѣмъ обстоятельную біографію Раевскаго и краткую характеристику его поэтическихъ произведеній. Много мѣста отведено отношеніямъ Раевскаго къ Пушкину. Выясненіе ихъ—несомнѣнная заслуга г. Щеголева; прежніе біографы великаго поэта упоминали о нихъ только мелькомъ, хотя вліяніе Раевскаго на своего геніальнаго друга въ Кишиневѣ было очень сильно.

Въ послѣднее время появился рядъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ малоизвѣстныхъ декабристахъ, отрывочныя свѣдѣнія о которыхъ были разбросаны до сихъ поръ по разнымъ историческимъ трудамъ и журналамъ. Современемъ они дадутъ прочный базисъ для всесторонняго научнаго освѣщенія самаго движенія. Г. Щеголевъ далъ прекрасный образчикъ подобной работы, и можно только пожелать, чтобы онъ на немъ не остановился.

Сочиненія и письма А. С. Пушкина. Редакція П. О. Морозова. Томъ VII. Спб. 1905. Въ седьмой томъ изданія Товарищества „Просвѣщеніе" вошли сочиненія и замѣтки историческаго содержанія. Онъ открывается очень обстоятельнымъ этюдомъ редактора объ историческихъ трудахъ и взглядахъ Пушкина. Текстъ вездѣ провѣренъ по оригиналамъ. Примѣчаній на этотъ разъ дано очень мало. Къ этому тому приложено четыре иллюстраціи: снимокъ съ гипсовой маски Пушкина, Пугачевъ Перова, виньетка къ „Новоселью", на которой, между прочимъ, изображенъ и Пушкинъ, и лицейскій рисунокъ поэта. Жаль, что г. Морозовъ не воспроизвелъ портрета Пугачева, который былъ приложенъ къ изданію „Исторіи Пугачевскаго бунта" самого Пушкина и затѣмъ повторялся почти при всѣхъ послѣдующихъ ея изданіяхъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

М. Туганъ-Барановскій. 1) Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. 2) Теоретическія основы марксизма.—*Н. Зворыкинъ.* Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа въ Россіи.—*Петръ Лохтинъ.* Безземельный пролетаріатъ въ Россіи.—*Владиславъ Максимовъ.* Очерки по исторіи общественныхъ работъ въ Россіи.—*Олонецъ.* Сибирь и ея экономическая будущность.—Матеріалы о пожарности селеній въ Саратовской губ. по даннымъ за 1897—1901 гг.

М. Туганъ-Барановскій. 1) Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. Изд. ред. журнала „Міръ Божій" Спб. 1905. Цѣна 1 руб. 2) Теоретическія основы марксизма. Изд. ред. журн. „Міръ Божій". Спб. 1905. Цѣна 1 р. Г. Туганъ-Барановскій, выпуская двѣ свои книги, рѣшилъ прежде всего обратиться со словами укора къ русской читающей публикѣ. Самодовольный г. Туганъ, безконечно увѣренный въ своихъ силахъ, находитъ, что критика удѣлила ему слишкомъ мало вниманія, мало останавливалась на его научныхъ заслугахъ и теоретическихъ построеніяхъ. Западноевропейскіе ученые, предупредительно сообщаетъ авторъ своимъ читателямъ—иначе относились къ его книгамъ. Стоило только появиться на нѣмецкомъ языкѣ его теоріи кризисовъ, какъ тотчасъ же Вернеръ Зом-

Digitized by Google

бартъ привѣтствовалъ этотъ трудъ, какъ новый цѣнный вкладъ въ сокровищницу знаній, и самого г. Тугана возвелъ въ свѣтило, назвавъ его „отцомъ новѣйшей теоріи кризисовъ". „А въ Россіи, жалуется авторъ, этотъ „шагъ науки впередъ" никѣмъ и не былъ замѣченъ. Столь различную судьбу моихъ теоретическихъ построеній въ Россіи и на Западѣ я не могу объяснить иначе, какъ отсутствіемъ у насъ интереса въ теоретической наукѣ".

Такъ говоритъ... г. Туганъ-Барановскій. Но книги, лежащія передъ нами, невольно заставляютъ думать, что самодовольство ихъ автора ужъ слишкомъ велико, что теоретическія построенія его вовсе уже не такъ значительны, чтобы причислить его къ первокласснымъ ученымъ въ области теоретической экономіи.

Было время, когда г. Туганъ-Барановскій былъ правовѣрнымъ марксистомъ. Съ высоты своего величія, съ своего марксистскаго трона онъ громилъ всѣхъ несогласно мыслящихъ и гордо провозглашалъ, что одинъ только экономическій факторъ опредѣляетъ направленіе общественной и научной мысли. Въ то время г. Туганъ-Барановскій силился доказать, что Дарвинъ создалъ свою теорію происхожденія видовъ и полового подбора только подъ вліяніемъ опредѣленнаго соотношенія экономическихъ силъ.

Затѣмъ открылась другая полоса въ творчествѣ г. Туганъ-Барановскаго. Онъ почувствовалъ влеченіе, родъ недуга, къ буржуазной экономіи и къ идеалистическимъ стремленіямъ современности. Въ этомъ, конечно, нѣтъ и не можетъ быть ничего страннаго. Вѣрилъ человѣкъ долгое время въ одно, а потомъ сталъ вѣрить въ другое. Но въ томъ-то и бѣда вся, что г. Туганъ-Барановскій никакъ не можетъ отрѣшиться отъ старыхъ привычекъ, отъ прежнихъ пріемовъ научнаго мышленія. Отсюда вытекаетъ какое то двойственное отношеніе г. Тугана къ научнымъ и общественнымъ категоріямъ. Въ немъ точно два человѣка сидятъ: одинъ тянетъ его назадъ, къ Фихте и Канту, другой хочетъ удержаться на позиціяхъ позитивизма, какъ это ни тяжело и какъ это ни противорѣчитъ идеаламъ буржуазной экономіи.

Понятно, что при такой двойственности г. Туганъ-Барановскій не могъ выработать опредѣленной теоріи, проникнутой одной руководящей идеей. Въ его книгахъ мы то и дѣло встрѣчаемся съ цѣлой кучей противорѣчій, которыя буквально ставятъ втупикъ читателя.

Отдавая дань идеалистическимъ тенденціямъ современности, г. Туганъ-Барановскій воспѣваетъ утопію въ такихъ выраженіяхъ, которыя сдѣлали бы честь любому поэту-декаденту. „Утопія,—съ паѳосомъ восклицаетъ г. Туганъ-Барановскій (очерки стр. 71), не есть вздоръ или нелѣпость. Утопія—это идеалъ. Идеалъ недостижимъ, ибо въ противномъ случаѣ это не былъ бы идеалъ, а простое эмпирическое понятіе. Идеалъ принадлежитъ къ числу такихъ идей нашего разума, какъ идеи безконечности, свободы, долга, которыя выходятъ за предѣлы опытнаго познанія или ближайшей пользы, и назначеніе которыхъ заключается въ указаніи направленія, пути, слѣдуя которымъ нашъ разумъ достигаетъ своихъ высшихъ цѣлей—приведенія къ верховному единству нашего опытнаго познанія и практическаго дѣла. Идеалъ играетъ роль звѣзды, по которой въ ночную пору заблудившійся путникъ выбираетъ дорогу; сколько бы ни шелъ путникъ, онъ никогда не приблизится къ едва мерцающему, удаленному на неизмѣримыя разстоянія свѣтилу. Но далекая, прекрасная звѣзда вѣрно указываетъ путь, и ея не можетъ замѣнить прозаическій и вполнѣ доступный фонарь подъ руками".

Digitized by Google

Итакъ, утописты, по словамъ нашего автора, тѣмъ и велики, что они создали идеалъ. Но неужели г. Туганъ-Барановскій думаетъ, что научный соціализмъ не создалъ идеала? Разница между утопіей и наукой велика, и человѣческая мысль должна была сдѣлать большой шагъ впередъ, для того чтобы „отъ далекой, прекрасной звѣзды“ дойти до „вполнѣ доступнаго фонаря подъ руками“. Но этотъ шагъ впередъ г. Туганъ-Барановскій рѣшилъ въ своемъ увлеченіи красивой фразой совершенно игнорировать.

Далѣе, мы попадаемъ въ цѣлую сѣть противорѣчій, которыя въ предѣлахъ небольшой рецензіи трудно было бы даже перечислить.

Г. Туганъ-Барановскій въ своихъ „очеркахъ“ является противникомъ трудовой теоріи цѣнности. Ему кажется, что теорія предѣльной полезности гораздо лучше выясняетъ сущность цѣнности. „Теорія предѣльной полезности, говоритъ онъ („Очерки“ стр. 178), впервые дала исчерпывающее объясненіе механизму оцѣнки, выяснила психическіе процессы, результатомъ которыхъ является цѣна. Предшествовавшія теоріи цѣнности почти не занимались субъективнымъ моментомъ, лежащимъ въ основаніи цѣны“. Но въ книгѣ своей „Теоретическія основы марксизма“ г. Туганъ-Барановскій забылъ ужъ объ „исчерпывающемъ характерѣ“ теоріи предѣльной полезности и недоволенъ тѣми чертами ея, которыя еще недавно вызывали его восторгъ. „Слабыя стороны теоріи предѣльной полезности, говоритъ онъ (стр. 110),—суть, слѣдовательно, слабыя стороны индавидуалистической и раціоналистической политической экономіи вообще, вѣнцомъ которой является эта теорія“. Оказывается, г. Туганъ-Барановскій вновь хочетъ вернуться на недавно осужденный имъ путь трудовой теоріи цѣнности. На стр. 100 своей книги „Теоретическія основы марксизма“ онъ снова восхваляетъ „марксову догму“ цѣнности, которая какъ разъ свободна отъ недостатковъ теоріи австрійской школы.

Такое же противорѣчивое отношеніе мы видимъ у г. Туганъ-Барановскаго къ теоріи экономическаго матеріализма. Вначалѣ онъ съ яростью набрасывается на эту теорію, доказываетъ, насколько нелѣпо признавать одинъ лишь экономическій факторъ опредѣляющимъ моментомъ общественной и научной мысли, говоритъ, что, несомнѣнно, въ научномъ творчествѣ рѣшающую роль нерѣдко игралъ одинъ лишь теоретическій интересъ. Но вдругъ нашъ авторъ дѣлаетъ какое то непонятное сальто-мортале и самъ пресерьезно начинаетъ говорить о томъ, что и наука, и религія имѣютъ хозяйственную основу и что вообще „экономика“ служитъ „всеобщей основой человѣческой дѣятельности“.

Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ дольше останавливаться на книгахъ г. Туганъ-Барановскаго. Мы вынуждены обойти молчаніемъ и крайне несостоятельную критику теоріи классовой борьбы, и безконечныя схемы, которыми г. Туганъ пытается разбить Карла Маркса. Одно только можно сказать: плохо, когда человѣкъ, точно маятникъ, качается изъ стороны въ сторону, не зная, куда пристать, вѣчно спотыкаясь на пути къ созданію новыхъ глубокомысленныхъ теоретическихъ построеній.

Н. Зворыкинъ. Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа въ Россіи. 1905 г. Авторъ признаетъ неотложность аграрной реформы въ Россіи и упрекаетъ составителей реформы 1861 г. въ томъ, что „они постѣснились отобрать въ достаточномъ количествѣ землю для надѣленія крестьянъ, и что жалость въ дѣлахъ вообще, а тѣмъ болѣе при рѣшеніи вопросовъ міровыхъ, неумѣстна и вмѣсто пользы причиняетъ огромный вредъ“; но сознавая необходимость

Digitized by Google

расширенія крестьянскаго землепользованія, авторъ цѣпко держится за институтъ частной собственности, и предлагаемыя имъ мѣропріятія сводятся къ установленію вѣчно-наслѣдственной аренды въ пользу крестьянъ на земляхъ, принадлежащихъ казнѣ, удѣламъ и крупной земельной аристократіи. Долженъ быть учрежденъ общеимперскій банкъ, который скупаетъ земли, приводитъ въ порядокъ, разбиваетъ на участки и послѣ устройства дорогъ, осушенія болотъ, сооруженія плотинъ и такъ далѣе распродаетъ ихъ крестьянамъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ авторъ признаетъ экспропріацію земельной собственности, а именно, когда крестьяне оказываются совершенно отрѣзанными, напр., отъ водопоевъ, или же если они не могутъ выгнать своего стада на свою же землю, иначе какъ съ дозволенія сосѣда землевладѣльца, словомъ, если они явно стѣснены въ томъ или другомъ отношеніи и поставлены въ полную зависимость отъ него, въ такомъ случаѣ придется прибѣгать къ экспропріаціи или установленію необходимыхъ сервитутовъ (стр. 198).

Какъ видимъ, авторъ для разрѣшенія аграрнаго вопроса предлагаетъ слабые палліативы: требованія жизни ушли далеко впередъ, и думается, что вопросъ будетъ разрѣшенъ скорѣе въ духѣ авторовъ „Аграрнаго сборника“, чѣмъ автора разбираемой нами книги.

Петръ Лохтинъ. Безземельный пролетаріатъ въ Россіи. Опытъ опредѣленія количества безземельнаго пролетаріата, созданнаго существующими способами крестьянскаго землевладѣнія. Москва, 1905 г. Авторъ опредѣляетъ количество обезземеленныхъ крестьянъ двоякимъ способомъ: по офиціальнымъ даннымъ и по даннымъ земской статистики. По первымъ даннымъ изъ наличнаго крестьянскаго населенія оказывается обезземеленныхъ около одной пятой (19,4%), но это количество минимальное, и при принятіи во вниманіе нѣкоторыхъ поправокъ оно, вѣроятно, поднялось бы до одной четверти.

При опредѣленіи количества безземельныхъ по даннымъ земства можно было воспользоваться данными только для 84 уѣздовъ 17 губерній, и, слѣдовательно, сдѣлать общій цифровой итогъ по этимъ неполнымъ, разнороднымъ даннымъ невозможно, но въ общемъ, несмотря на свою разнородность и неполноту, эти данныя подтверждаютъ уже отмѣченный ранѣе выводъ, т.-е. что у насъ обезземелено около четверти крестьянъ. Но еще ужаснѣе положеніе въ промышленныхъ губерніяхъ: такъ, для Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, оказывается, что 1) болѣе пятой части наличныхъ дворовъ обезземелено, 2) двѣ трети крестьянскаго населенія обращены въ безземельныхъ пролетаріевъ, и 3) третья часть населенія или половина образовавшагося безземельнаго пролетаріата уже покинула родной уѣздъ; но Вязниковскій уѣздъ не представляетъ исключенія. По словамъ автора такъ же обстоитъ дѣло и въ другихъ уѣздахъ Владимірской губерніи и въ другихъ промышленныхъ губерніяхъ.

Конечно, въ извѣстной степени выводы автора гадательны, что объясняется свойствомъ матеріала, но и при всемъ томъ книга представляетъ значительный интересъ. Нельзя не пожалѣть, что дороговизна изданія (3 рубля за 188 страницъ) не можетъ содѣйствовать распространенію ея.

Владиславъ Максимовъ. Очерки по исторіи общественныхъ работъ въ Россіи. Петербургъ, 1905 г. Работа составлена на основаніи архивныхъ данныхъ и даетъ попытку освѣтить развитіе общественныхъ работъ съ XVII вѣка. Еще при Борисѣ Годуновѣ были попытки организовать общественныя работы во время знаменитаго голода, когда

Digitized by Google

люди, по словамъ очевидцевъ, „отъ голода валялись на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотинѣ, а зимой ѣли сѣно: тогда у мертвыхъ находили вмѣстѣ съ навозомъ человѣческій калъ. Отцы и матери варили, душили и рѣзали своихъ дѣтей, дѣти—своихъ родителей, хозяева—гостей: мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ въ пирогахъ, путники страшились останавливаться въ гостиницахъ“ (стр. 27). Особенно авторъ останавливается на общественныхъ работахъ послѣдняго времени, производимыхъ подъ руководствомъ генерала Анненкова, вскрываетъ массу злоупотребленій, совершонныхъ при производствѣ ихъ. Циничность губернской администраціи во время голодовокъ ярко выступаетъ: такъ, одинъ губернаторъ во время голода въ 73 году не хочетъ признать его и распоряжается продажей рабочаго скота и на требованія представителя отъ другого вѣдомства умѣрить свой пылъ, что это разоритъ въ конецъ населеніе, отвѣчаетъ: „не все ли намъ равно, было бы болото, а черти будутъ“ (стр. 95—96). Эпопея Анненкова только и возможна была при нашихъ условіяхъ (страница 128—132).

Попутно авторъ вскрываетъ любопытную картину темноты нашихъ массъ, недовѣрія со стороны послѣднихъ ко всякимъ начинаніямъ, идущимъ отъ правительства съ цѣлью облегчить положеніе населенія во время голодовки, и это понятно: населеніе не избаловано тѣмъ, чтобы правительственная власть заботилась о немъ, оно всегда было только машиной для выработки податей, объектомъ воздѣйствія, и на этой почвѣ родилось глубокое недовѣріе къ общественнымъ работамъ. Такъ, при организаціи общественныхъ работъ въ Тамбовской губерніи крестьяне были увѣрены, что пруды строятся для того, чтобы отравить ихъ и скотину, и иногда это ставило въ опасность самую жизнь производителей работъ (стр. 145).

При устройствѣ яслей въ губерніяхъ крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вѣрили, что самыя ясли—дѣло рукъ антихриста, и что дѣтей берутъ туда для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ слугъ антихристовыхъ (стр. 175). Уполномоченный попечительства въ домахъ трудолюбія въ 1901 г. въ одномъ мѣстѣ былъ принятъ за антихриста только потому, что крестьяне видѣли на рукахъ у него темныя перчатки и отказывались отъ денегъ, предложенныхъ имъ за работу, говоря: „и деньги отъ антихриста. Души погубимъ, если примемъ ихъ, печать антихристову на себя наложимъ“ (стр. 182).

Во время холеры въ одну деревню, гдѣ еще не было ея, въ Сибири, забрелъ нѣмецъ-ремесленникъ; онъ плохо говорилъ по-русски и носилъ съ собой книжку, гдѣ были названы селенія, черезъ которыя лежалъ его дальнѣйшій путь. Встрѣтивъ въ деревнѣ двоихъ крестьянъ, онъ вынимаетъ книжку и разспрашиваетъ, читая по ней, какъ пройти въ слѣдующія деревни. Въ умахъ крестьянъ составилось представленіе, что этотъ странный человѣкъ и есть самая проклятая холера, которая пробирается за новыми жертвами. Нѣмца уговариваютъ переночевать; ночью же собирается сходъ и рѣшаютъ спасать себя и сосѣдей, убить холеру, и дѣйствительно, убили и похоронили въ болотѣ (стр. 180—181).

Авторъ даетъ много любопытнаго по производству общественныхъ работъ и приходитъ къ опредѣленнымъ выводамъ, которые и формулируетъ въ концѣ книги.

Несомнѣнно, желающіе и интересующіеся этимъ вопросомъ найдутъ здѣсь много интереснаго и поучительнаго и намъ хотѣлось бы обратить вниманіе на эту книгу.

Digitized by Google

Оланьонъ. Сибирь и ея экономическая будущность. Съ предисловіемъ Фр. Пасси. Пет., 1905 г. Оланьонъ пишетъ въ своей книгѣ: рядомъ съ умершей Сибирью есть и живая, исторія которой только что начинается. И при помощи чудесныхъ орудій превращенія, называемыхъ желѣзными дорогами, пробужденіе этой живой Сибири, особенно при содѣйствіи иностранныхъ капиталовъ, наступитъ гораздо скорѣе, нежели предполагаютъ это даже самые ярые оптимисты. Предсказанія французскаго автора должны сбыться въ настоящее время скорѣе: война пробудила огромный интересъ къ Сибири, война же, привлекши массу денегъ въ Сибирь, должна воздѣйствовать тамъ въ смыслѣ развитія денежнаго хозяйства. Авторъ сравниваетъ Сибирь по богатству съ Канадой, но населеніе Сибири до сихъ поръ извлекаетъ мало пользы изъ своихъ богатствъ. Одной изъ причинъ этого явленія можно считать географическія особенности этихъ странъ.

„Канада обладаетъ удивительной системой естественныхъ внутреннихъ водныхъ путей, именно озеръ и рѣкъ, притомъ такихъ рѣкъ, которыя впадаютъ въ океаны, одинъ изъ которыхъ омываетъ Европу; кромѣ того Канада на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ на своемъ самомъ производительномъ пространствѣ находится въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ другой богатою страной, гдѣ живетъ свободный, сильный и предпріимчивый народъ. Сибирь, напротивъ, была изолирована. Ея самые богатые округи отдѣляются отъ Китая громадными горными хребтами и пустынями, а отъ Европы Уральскими горами и безпредѣльными степями, потому и пробудилась она лишь тогда, когда маленькій русскій локомотивъ проникъ въ ея громадныя пространства и нарушилъ ея вѣковой сонъ.

Однако сибирскій крестьянинъ и прежде стоялъ выше своего русскаго собрата, такъ какъ онъ терпѣлъ менѣе нужды, пользовался большимъ благосостояніемъ и свободою. Сибирская желѣзная дорога вторглась въ его жизнь и окончательно его преобразовала: онъ сталъ другимъ человѣкомъ, сталъ больше трудиться и больше производить: въ немъ проявились такая энергія и дѣятельность, какихъ раньше не подозрѣвали. Недаромъ телеграфы и желѣзныя дороги бороздятъ теперь страны: круговоротъ идей и преобразованія идутъ живѣе въ такой странѣ. Вотъ почему Сибирская желѣзно-дорожная линія, хотя очень еще несовершенная, вызвала удивительныя проявленія прогресса въ этой части Азіи“ (стр. 251).

Мы замѣтимъ, что въ русскомъ переводѣ сдѣланы нѣкоторыя опущенія. Но въ общемъ книга полезна и интересна.

Матеріалы о пожарности селеній въ Саратовской губерніи по даннымъ за 1897—1901 гг. (Изданіе страхового отдѣленія Саратовской губернской земской управы). Саратовъ, 1905. Это—детальная работа по спеціальному вопросу, снабженная картограммами. Любопытенъ, между прочимъ, анализъ причинъ пожаровъ. Оказывается, что наибольшій процентъ—38,9—выпадаетъ на неосторожное обращеніе съ огнемъ, 27,8% — на неисправность трубъ и печей, 10,4% — на поджогъ и т. д. Такимъ образомъ, главной причиной—неосторожность обращенія съ огнемъ. Въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ поднимался вопросъ о пожарахъ въ Россіи и совершенно правильно ставился въ связи съ нашими общественными условіями. „У мало развитого народа нѣтъ достаточно развитого чувства общественности и недостаетъ заботы о томъ, чтобы не нанести своими дѣйствіями ущерба ближнимъ. Слабая культурность—главная причина всякаго неуряда въ деревнѣ, и здѣсь,

Digitized by Google

какъ во многомъ другомъ, только просвѣщеніе, связанное съ развитіемъ нравственныхъ началъ человѣческаго духа, принесетъ желанные плоды".

Франція, говорили нѣкоторые докладчики въ упомянутыхъ комитетахъ, горитъ въ 11 разъ меньше, а Германія еще меньше нашего, и объясняется это главнымъ образомъ культурой. Не тѣ нравы, не тѣ взгляды, не то отношеніе къ интересамъ собственнаго дома и къ интересамъ общественнымъ, такъ что школа развитія общественности—вотъ коренныя мѣры противъ развитія пожаровъ...

Да и какъ не горѣть, когда сами крестьяне говорятъ: „чего уже тутъ, вѣстимо на порохѣ сидимъ". А въ одномъ докладѣ мы читаемъ: „сгорѣть или не сгорѣть любой русской деревнѣ—вопросъ времени. Не сегодня, завтра—все равно сгоритъ". Труба нерѣдко деревянная и даже не обмазанная глиной, вровень съ соломой, точно нарочно для того, чтобы заронилась въ солому искра, въ избѣ поломанная лампа, кругомъ дѣти безъ призора, слѣпые старики, иногда тутъ же домашнія животныя, малѣйшее неосторожное движеніе кого-либо, и пожаръ отъ лампы готовъ. Устроить иначе—нѣтъ денегъ...

Итакъ, развитіе общественности и улучшеніе экономическаго положенія—вотъ мѣры борьбы съ пожарами, и саратовское изслѣдованіе приводитъ къ тому же выводу,—и въ этомъ его общественное значеніе.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

А. М. Никольскій. Пресмыкающіяся и земноводныя Россійской имперіи.—*F. Auerbach*: Царица міра и ея тѣнь.—Учебникъ зоологіи для студентовъ университета и высшихъ учебныхъ заведеній. *Н. Бобрецкаго.*

А. М. Никольскій. Пресмыкающіяся и земноводныя Россійской имперіи. (Herpetologia Rossica). Спб. 1905. Ц. 7 р. Это капитальный научный трудъ, напечатанный въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ" (XVII), появленіе котораго должно быть отмѣчено потому, что здѣсь не только подведены итоги современному состоянію нашихъ знаній относительно цѣлыхъ двухъ классовъ животнаго міра Россіи, но и даны таблицы для опредѣленія и подробныя описанія всѣхъ видовъ, такъ что отнынѣ всякій желающій можетъ заняться опредѣленіемъ русскихъ амфибій и рептилій. Было бы весьма желательно, чтобы у насъ на окраинахъ, въ Туркестанѣ и на Кавказѣ нашлись любители природы, которые заинтересовались изслѣдованіями нашей герпетологической фауны, такъ какъ именно изъ работы А. М. Никольскаго ясно видно, какъ много еще остается сдѣлать въ этомъ направленіи. Достаточно сказать, что шесть видовъ пресмыкающихся, принадлежащихъ къ русской фаунѣ, не имѣются вовсе ни въ одномъ русскомъ музеѣ, а хранятся только въ британскомъ и нѣкоторыхъ иныхъ заграничныхъ музеяхъ. Пятнадцать русскихъ видовъ извѣстны только въ одномъ экземплярѣ. А кромѣ того несомнѣнно въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ можно найти виды и совершенно новые для науки. Жаль, что объемъ книги безъ надобности великъ, что отражается и на ея цѣнѣ; авторъ не позаботился о сжатости текста, которой легко можно было достигнуть безъ ущерба для ясности.

F. Auerbach, проф. Іенскаго университета. Царица міра и ея тѣнь. Общедоступное изложеніе основаній ученія объ энергіи и энтропіи. Перев. съ нѣм. съ предисл. Ш. Э. Гильома. Изданіе Mathesis. Одесса, 1905 г. Ц. 50 к. Ученіе объ энергіи представляетъ

Digitized by Google

собою одинъ изъ базисовъ физики. Рѣдкій отдѣлъ этой науки разработанъ въ такой степени, какъ ученіе объ энергіи; въ то же время этотъ отдѣлъ является однимъ изъ наиболѣе трудныхъ. Нужно много знаній, много опыта, чтобы популярно изложить это ученіе и притомъ такъ, какъ оно изложено въ книгѣ Auerbach'a. Лежащая передъ нами книга, скорѣе статья по своему размѣру, даетъ намъ блестящее изложеніе современнаго состоянія ученія объ энергіи, изложеніе научное и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ доступное. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно сочетать строгую научность изложенія съ общедоступностью; между тѣмъ проф. Auerbach сочетаетъ оба эти качества въ самой высокой степени. Издательство „Mathesis", выбравъ эту книгу, лишній разъ показало, что оно стоитъ на высотѣ поставленной имъ задачи; правильность выбора этой статьи была доказана одновременнымъ появленіемъ ея перевода на французскій языкъ съ предисловіемъ Ch. Guillaume'a, помощника директора международнаго бюро мѣръ и вѣсовъ въ Парижѣ.

Основаніемъ настоящей статьи послужила публичная лекція, прочитанная авторомъ въ „Іенѣ и Веймарѣ передъ интеллигентной аудиторіей дамъ и мужчинъ... Текстъ не предъявляетъ никакихъ требованій къ читателю въ отношеніи подготовки: почти также элементарны и примѣчанія". Таково предисловіе автора. Ch. Guillaume въ своемъ предисловіи обрисовываетъ намъ способъ изложенія и взгляды Auerbach'a, причемъ указываетъ на знаменательное обстоятельство: „скорость распространенія научныхъ идей въ наше время такъ велика, что открытіе, поразительное въ одномъ поколѣніи даже для мыслителей, въ слѣдующемъ поколѣніи становится обыденнымъ уже для массъ" (стр. 5). Такое положеніе особенно ясно сказывается въ открытіи новыхъ физическихъ законовъ, чудесныхъ для современниковъ и обыденныхъ для послѣдующихъ поколѣній; то же случилось и съ началомъ сохраненія энергіи, гласящимъ, что „энергія никогда не пропадаетъ, но и никогда не возраждается вновь". Такое положеніе является для насъ вполнѣ признаннымъ, а между тѣмъ для его установленія потребовались десятки лѣтъ неутомимой работы изслѣдователей. Разъясненію этого начала и посвящаетъ Auerbach свою превосходную статью.

Всѣми процессами природы управляетъ одинъ великій законъ,—законъ сохраненія энергіи. „Надо всѣмъ, что совершается въ безпредѣльномъ пространствѣ, въ потокѣ преходящаго времени, властвуетъ энергія, какъ богиня, какъ царица—здѣсь даря, тамъ отнимая, а въ общемъ не даря и не отнимая. Она властвуетъ со строгой справедливостью, безпристрастно, озаряя своимъ спокойнымъ, вѣчно ровнымъ свѣтомъ одинаково былинку и геніальнаго человѣка. Но гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣнь; и тѣнь, которую бросаетъ властительница міра, энергія, глубока и темна, многообразна и подвижна; она—злой демонъ, стремящійся умалить, если не совсѣмъ уничтожить все то великое, прекрасное, доброе, что создаетъ свѣтлый демонъ. Этому злому демону мы даемъ названіе энтропіи" (стр. 1).

Прежде всего былъ установленъ законъ сохраненія вещества: „сумма всего вещества вселенной остается всегда неизмѣнной", или „матерію нельзя ни создать, ни уничтожить". Этотъ законъ является не только основнымъ закономъ химіи, но даже „путеводной звѣздой" для химиковъ. Дѣйствительно, установивъ положеніе, что „анализъ долженъ сходиться", мы можемъ всегда провѣрить ходъ нашего изслѣдованія. Если сумма составныхъ веществъ послѣ опыта даетъ въ результатѣ первоначальную величину, опытъ успѣшенъ; если нѣтъ, то въ наши наблюденія вкралась ошибка. Но вещество не составляетъ еще единственное,

Digitized by Google

реальное, имѣющееся въ природѣ; кромѣ него существуетъ такое же реальное—работа. Наука разсматриваетъ это второе реальное, но не все, а только часть его: количество затраченной работы. Для того чтобы имѣть возможность разсматривать часть работы, нужно принять во вниманіе ея источникъ, иначе говоря, міровой запасъ работы. Вотъ этотъ-то міровой запасъ работы носитъ названіе „энергіи міра", а небольшой запасъ ея въ какомъ-либо тѣлѣ—„энергіи этого тѣла". Далѣе Auerbach переходитъ къ вопросу, что такое теплота? Десятки лѣтъ тому назадъ теплота считалась веществомъ, теперь же доказано, что теплота есть одинъ изъ видовъ энергіи, переходъ одной энергіи въ другую, превращеніе работы въ тепло. Точно также убѣдились, что не только теплота, но и звукъ, свѣтъ, магнетизмъ, электричество и т. д. суть виды энергіи, этой властительницы природы. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ величайшему закону естествознанія,—закону сохраненія энергіи: сумма энергіи во вселенной неизмѣнна. Но вмѣстѣ съ установленіемъ этого закона мы приходимъ къ другому выводу, далеко неутѣшительному. Вѣдь затрачивая работу, приводя машину въ дѣйствіе, мы концентрируемъ энергію, которая въ результатѣ разсѣивается; значитъ, количество энергіи постоянно, разсѣиваніе же ея увеличивается. Степень разсѣянія энергіи мы и называемъ энтропіей. Мы устанавливаемъ чрезвычайно важное положеніе: „энтропія въ общемъ непрерывно возрастаетъ", или „энтропія стремится къ максимуму" (стр. 36). Иначе говоря: энергія постоянна, энтропія увеличивается; „солнце свѣтитъ, но тѣни становятся все длиннѣе". Осматриваясь кругомъ, мы замѣчаемъ справедливость этого утвержденія: „уголь сгораетъ въ золу, изъ которой никогда не создается уголь; горы обваливаются и не выростаютъ вновь" (стр. 39) и т. д. Мы не можемъ не опасаться за будущее,—вѣдь и вода, падающая на камень, въ концѣ-концовъ проточитъ его. Предъ нами перспектива, правда, далекая, уничтоженія жизни на землѣ. Къ счастію, наши опасенія напрасны, вслѣдствіе одного важнаго положенія: міровой процессъ происходитъ теперь несравненно медленнѣе, чѣмъ въ началѣ существованія земли, и такое замедленіе постоянно увеличивается; предѣлъ его въ безконечности. „И безконечное время мы можемъ еще пользоваться благословеніями царицы міра, не смущаясь ея постоянно удлиняющейся тѣнью" (стр. 40). Такъ заканчиваетъ проф. Auerbach свою превосходную статью.

Учебникъ зоологіи для студентовъ университета и высшихъ учебныхъ заведеній. Н. Бобрецкаго, профессора университета Св. Владиміра. 1904. Ц. 5 р. Это второе изданіе краткаго иллюстрированнаго учебника того же автора. Хотя оно „дополненное, но все-таки главный недостатокъ этого учебника—его чрезмѣрная краткость. Авторъ не находитъ мѣста сказать даже о цѣлыхъ системахъ органовъ столь обычныхъ животныхъ, какъ насѣкомыя: не упоминаетъ ничего о такъ называемомъ „жировомъ тѣлѣ" и о выдѣлительныхъ органахъ, открытыхъ покойнымъ А. О. Ковалевскимъ. И въ изложеніи другихъ группъ можно отмѣтить чрезмѣрную краткость. Вѣроятно, авторъ стремился дать руководство, спеціально приспособленное для экзаменаціонныхъ цѣлей, но вѣдь надо помнить, что при изученіи самаго краткаго учебника запоминается только часть матеріала и не удерживается въ головѣ не менѣе 25%, въ самомъ лучшемъ случаѣ. Это всегда надо имѣть въ виду, сокращая учебникъ. Не можемъ не указать, что въ столь краткомъ учебникѣ можно было бы не перечислять трехъ видовъ сусликовъ, трехъ видовъ тушканчиковъ, особенно разъ, кромѣ видовыхъ

Digitized by Google

названій, про этихъ животныхъ ровно ничего не говорится. Простое перечисленіе видовъ, безъ видовыхъ признаковъ, безъ указанія какихъ-либо біологическихъ особенностей, или географическаго распространенія, положительно не имѣетъ смысла. Изъ немногихъ вкравшихся въ книгу неточностей надлежитъ отмѣтить неправильное описаніе процесса роенія у пчелъ. Казалось бы, что это общеизвѣстное насѣкомое, а между тѣмъ въ учебникахъ постоянно видишь неточности въ описаніи его жизни; такъ и здѣсь говорится, что первый рой выходитъ послѣ вывода молодой матки, а между тѣмъ въ дѣйствительности это происходитъ при нормальныхъ условіяхъ дней за шесть или за семь до вывода молодой матки и сигналомъ къ выходу первака является запечатаніе маточниковъ.

Рисунковъ въ учебникѣ много, но нѣкоторые изъ нихъ весьма грубы и съ плохихъ оригиналовъ, напримѣръ, минога, *Protopterus, Chelifer, Solpuga, Apus* и др. Вообще о выборѣ интересныхъ оригиналовъ авторъ не позаботился, а бралъ, что поближе, что было подъ рукою. Для экзаменаціонныхъ цѣлей этотъ учебникъ можетъ имѣть значеніе, но не болѣе.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

С. А. Меликъ-Саркисянъ. Хлопковое дѣло въ Ферганской области и мѣры къ его упорядоченію.—Сѣрнистый углеродъ въ борьбѣ съ вредными животными. *І. Порчинскаго.*

С. А. Меликъ-Саркисянъ. Хлопковое дѣло въ Ферганской области и мѣры къ его упорядоченію. (Нижегородское ярмарочное отдѣленіе общества для содѣйствія русской промышленности и торговли.) М. 1904 г. Общее потребленіе хлопчатника у насъ колеблется около 16—17 милліоновъ пудовъ, и иностраннаго хлопка ввозится до 11 мил. пудовъ, а Средняя Азія и Кавказъ дали въ 1900 г. 6,6 мил. пудовъ, а въ 1902 г.—4,9 мил. пуд. Такимъ образомъ наша хлопчатая промышленность находится въ большой зависимости отъ за-границы, и мы тратимъ сотни милліоновъ рублей на пріобрѣтеніе хлопка. Кромѣ того, въ Америкѣ раздаются угрозы—оставить въ будущемъ Европу безъ хлопка: Америка сама быстро развиваетъ свою хлопчато-бумажную промышленность, и Англія, Германія, Франція серьезно озабочены обезпеченіемъ себя хлопкомъ помимо Америки и принимаютъ мѣры къ разведенію хлопка въ Америкѣ. Намъ, конечно, также нужно позаботиться объ этомъ и Средняя Азія вполнѣ пригодна для этого; слѣдуетъ только безотлагательно и въ большомъ масштабѣ приняться за это дѣло. Для поднятія нашего хлопководства, совершенно правильно говоритъ авторъ, недостаточно покровительственной пошлины, а необходимъ рядъ строго обдуманныхъ раціональныхъ мѣръ, а именно: орошеніе новыхъ земель, соединеніе Туркестана съ Сибирью рельсовымъ путемъ черезъ Семирѣченскую область, организація мелкаго кредита и т. д.

Это дѣло настолько важно, что, мы полагаемъ, возможно было бы сдѣлать спеціальный заемъ для производства оросительныхъ работъ въ большомъ масштабѣ; такой заемъ имѣлъ бы производительное значеніе и затраты съ лихвой бы окупились. Только серьезно взявшись за дѣло, мы перестали бы быть данниками Америки въ этомъ важномъ вопросѣ и вывели бы нашу промышленность изъ-подъ гнета страха за будущее. Разбираемая книга написана вполнѣ объективно и заслуживаетъ полнаго

Digitized by Google

вниманія какъ правительства, такъ и заинтересованныхъ сферъ: вѣдь въ Англіи, Германіи образуются спеціальныя общества изъ представителей хлопчатобумажной промышленности и на свои средства они производятъ опыты съ культурой хлопка въ колоніяхъ. Отчего бы и у насъ заинтересованнымъ сферамъ не вступить на этотъ же путь самопомощи, но, конечно, и правительство могло бы со своей стороны сдѣлать многое.

Сѣрнистый углеродъ въ борьбѣ съ вредными животными. Сельскохозяйственная монографія І. Порчинскаго. Часть І. Спб., 1905. Ц. 25 к. Этотъ выпускъ „Трудовъ Бюро по Энтомологіи" Ученаго Комитета Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ является послѣднимъ выпускомъ, появившимся передъ неожиданнымъ „упраздненіемъ" названнаго Министерства. Отмѣтимъ по этому поводу, что издательская дѣятельность энтомологическаго Бюро была особенно энергична въ послѣдніе годы. За послѣднее десятилѣтіе издано 59 трудовъ по прикладной энтомологіи, принадлежащихъ перу 17 спеціалистовъ. Принимая во вниманіе высокія научныя достоинства печатаемыхъ работъ, мы смѣло можемъ назвать издательскую дѣятельность энтомологическаго бюро выдающейся. Настоящій выпускъ посвященъ описанію того способа борьбы съ вредными животными, который впервые получилъ примѣненіе въ Россіи и изобрѣтенъ помѣщикомъ Изюмскаго уѣзда Александромъ Александровичемъ Щербачевымъ въ 1867 году. Авторъ сперва касается вкратцѣ вопроса объ истребленіи сусликовъ, а потомъ излагаетъ біологію 14 видовъ насѣкомыхъ и клеща, живущихъ въ запасахъ зерна и муки.

Далеко не всѣ эти насѣкомыя достаточно обстоятельно изучены и не только спеціалистъ энтомологъ, но и наблюдательный сельскій хозяинъ увидятъ изъ книжки Порчинскаго, какіе пробѣлы по біологіи описанныхъ насѣкомыхъ можно пополнить новыми наблюденіями.

Кромѣ вредителей муки и зерна въ книжкѣ говорится еще о четырехъ видахъ насѣкомыхъ, съ которыми можно бороться съ помощью сѣрнистаго углерода. Шесть таблицъ хорошо исполненныхъ рисунковъ богато иллюстрируютъ работу и дѣлаютъ цѣну ея баснословно дешевой, принимая во вниманіе, что текста 6 листовъ. Трудъ Порчинскаго является положительно необходимымъ для всякаго сельскаго хозяина и торговца мучными и зерновыми товарами.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Поволжье. Сборникъ. Подъ ред. *Лопуховскаго*. № 1. — Изданія Щетинина. № 1.— *В. І. Дмитріева*. Черезъ стѣну. — № 2. Предатель. Проклятый утесъ. — № 3. *Авг. Стриндбергъ*. Терзанія совѣсти. — № 4. *Леонъ Кладель*. Гражданка Изидоръ. — *Гл. Успенскій*. 1) Прогулка. 2) Чуткое сердце.—*Л. Толстой*. Сказка о пустомъ барабанѣ.—*С. Русова*. Божа искра.— *М. Сабинина*. Изъ жизни земли.— *С. Д. Протопоповъ*. Изъ поѣздки въ Соловецкій монастырь.

Поволжье. Сборникъ. Подъ редакціей А. Я. Лопуховскаго. № 1. Саратовъ, 1905 г. Настоящій сборникъ производитъ прекрасное впечатлѣніе. Въ него вошли какъ стихотворенія, такъ и произведенія, преимущественно беллетристическаго характера. Все это коротенькіе, иногда очень коротенькіе очерки и разсказы авторовъ, имена которыхъ намъ не приходилось встрѣчать на страницахъ повременныхъ изданій. И, кажется, мы не ошибемся, если отнесемъ авторовъ къ числу молодыхъ, начинающихъ писателей. Но если даже мы ошибаемся въ такомъ своемъ предположеніи, то эта ошибка послужитъ не въ укоръ авторамъ. Ничего не

Digitized by Google

можетъ быть лучше молодости и, конечно, не къ недостаткамъ книжки слѣдуетъ отнести то, что отъ каждаго ея разсказа, отъ каждаго стихотворенія вѣетъ молодымъ, хорошимъ чувствомъ, горячей любовью къ меньшому брату и вѣрою въ начинающееся лучшее будущее нашей родины. Мы не безъ цѣли не останавливаемся ни на одномъ авторѣ и не выдѣляемъ ни одного разсказа. Во-первыхъ, среди всего матеріала, имѣющагося въ сборникѣ, нѣтъ ничего такого, что бы рѣзко выдѣляло автора и ставило бы его слишкомъ высоко или слишкомъ низко среди прочихъ сотрудниковъ, а во-вторыхъ, сборникъ именно хорошъ своей цѣлостностью, своимъ настроеніемъ, которое составляетъ не одна изъ входящихъ въ него маленькихъ статеекъ, а всѣ въ своей совокупности.

Въ сборникѣ имѣются только двѣ статьи не беллетристическаго характера, и обѣ какъ нельзя лучше гармонируютъ съ остальнымъ матеріаломъ и являются вполнѣ отвѣчающими переживаемому состоянію общества. Одна изъ нихъ, подъ заглавіемъ „Деревенскія впечатлѣнія въ холеру 1904 года“ (изъ записной книжки врача) содержитъ рядъ небезъинтересныхъ наблюденій, дающихъ автору право придти къ тому заключенію, что „для успѣха борьбы съ холерой всего важнѣе борьба передъ холерой, борьба съ общимъ зломъ крестьянской и народной жизни на Руси“ (стр. 108). Вторая статья, озаглавленная „Всеобщее избирательное право“, также вполнѣ умѣстна, такъ какъ для непосвященнаго и мало свѣдущаго читателя дастъ нѣкоторую, хотя, конечно, и субъективную схему желательной формы народнаго представительства.

Изданія Н. С. Щетинина. № 1. В. І. Дмитріева. Черезъ стѣну. Разсказъ. Ц. 5 коп. № 2. Предатель (съ итальянск.). Проклятый утесъ (сицилійское сказаніе). Ц. 3 к. № 3. Августъ Стриндбергъ. Терзанія совѣсти (пер. съ шведск.). Ц. 4 коп. № 4. Леонъ Кладель. Гражданка Изидоръ (съ франц.). Ц 3 коп. Рвущаяся всѣми фибрами изъ оковъ на волю русская жизнь сказалась и въ книжномъ дѣлѣ. Одно за другимъ возникаютъ въ послѣднее время десятки новыхъ издательствъ дешевыхъ книгъ для широкихъ круговъ грамотнаго населенія, главнымъ образомъ рабочаго. Книжный рынокъ преображается. Приближается то время, о которомъ мечталъ, которое звалъ поэтъ; идетъ оно стремительно, разрывая всѣ оковы, ниспровергая заставы. Оно еще не пришло, но уже читатель рабочій и даже читатель крестьянинъ понесъ съ базара „не Блюхера и не Милорда глупаго“, а книжки по животрепещущимъ вопросамъ современной общественности. Эта новѣйшая брошюрная литература, кромѣ доступности изложенія и дешевой цѣны, не имѣетъ ничего общаго не только съ лубочной литературой, но и съ тою, которую принято было до сего времени называть „народной литературой“. Въ отличіе отъ послѣдней ее можно назвать *общедоступною*. Къ литературѣ послѣдняго типа принадлежатъ и четыре лежащія передъ нами книжки беллетристическаго содержанія, изданныя Н. С. Щетининымъ.

№ 1. Въ двухъ смежныхъ комнатахъ, раздѣленныхъ тонкой стѣнкой съ щелевыми дверями, жили двѣ дѣвушки: одна—бѣдная слушательница врачебныхъ курсовъ, другая—„гулящая“. Съ напускнымъ презрѣніемъ и безсознательной ненавистью относилась расфранченная „барышня“ къ захудалой студенткѣ и къ ея трудовой жизни. Ревниво слѣдила она за своей сосѣдкой, стараясь отыскать въ ея жизни хоть одно темное пятнышко. И когда у „тихони“ появился студентъ, Дуня торжествовала. Но вмѣсто любовныхъ рѣчей и поцѣлуевъ, которыхъ она тщетно ждала не одинъ часъ, жадно прильнувши къ дверной щели,

Digitized by Google

дѣвушка услышала то, что освѣтило ей всю прошлую и настоящую жизнь ея самой, а вмѣстѣ заставило измѣнить отношеніе и къ студенткѣ. А когда послѣ одного печальнаго приключенія, Дуня еще лучше узнала свою сосѣдку, она прониклась къ ней любовью и уваженіемъ. Тѣмъ не менѣе и послѣ того, какъ упала одна изъ перегородокъ, раздѣлявшихъ двухъ дѣвушекъ, соціальная стѣна между ними попрежнему осталась высокой и глухой. Разсказъ и по колоритности и со стороны психологическаго анализа не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній г-жи Дмитріевой. Къ брошюрѣ приложенъ указатель 25 книгъ по женскому вопросу и по вопросу о проституціи.

№ 2. Оба маленькихъ разсказа изъ временъ борьбы итальянцевъ за свое освобожденіе съ яркостью и силой изображаютъ „іудинъ грѣхъ“ измѣнниковъ и предателей великаго дѣла отчизны. Одного изъ предателей казнитъ народъ, преступленіе другого заклеймено проклятіемъ гражданъ, проклятіемъ любящей жены. Оно сопровождаетъ преступника и за гробомъ, когда онъ, извергнутый изъ общества, кончаетъ свою жизнь подобно Каину. Оно навѣки легло даже надъ мѣстомъ издыханія предателя. Въ книжкѣ приложенъ указатель рекомендуемыхъ книгъ по исторіи освободительнаго движенія въ Италіи.

№ 3. Участіе въ войнѣ—этомъ преступнѣйшемъ изъ дѣяній, какія продолжаютъ совершать подданные всѣхъ правительствъ міра, истерзало совѣсть не успѣвшаго еще утратить человѣчности лейтенанта нѣмца. Чаша нравственныхъ страданій молодого человѣка переполнилась, когда ему было предписано разстрѣлять трехъ плѣнныхъ французовъ только потому, что они защищали свое отечество не въ войскахъ правительства, а въ вольныхъ отрядахъ поднявшагося для охраны своихъ семействъ, домовъ и полей народа. Совершивши казнь, лейтенантъ сходитъ съ ума. Разсказъ производитъ сильное впечатлѣніе. На обложкѣ помѣщенъ указатель 15 книгъ, изображающихъ войну и военный бытъ.

№ 4. Лучшая книжка серіи. Въ пламенной обличительной рѣчи сестры къ брату, несмотря на ея краткость, во всей своей омерзительности встаетъ передъ читателемъ обликъ излюбленнаго слуги деспотизма.

Маркъ Ферменъ Лоизъ, сынъ рабочаго-борца за народныя права въ первую революцію, любимаго оратора якобинцевъ, казненнаго Наполеономъ I, братъ гражданки, воспитавшей въ республиканскихъ завѣтахъ дѣда и отца двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ палъ въ революцію 1830 г., другой—при переворотѣ 1851 г., начинаетъ свой жизненный путь съ того, что еще юношей выдаетъ правительству двухъ друзей народа, доноситъ на пріютившую и воспитавшую его, послѣ смерти отца, семью якобинцевъ и дѣлается шпіономъ того самаго императора, который казнилъ его отца. Продолжая эту дѣятельность и при Карлѣ X, онъ достигаетъ извѣстныхъ степеней; ускользаетъ отъ народнаго суда въ революціи 1830 г. за-границу, а съ возстановленіемъ королевской власти снова возвращается на родину. Людовикъ-Филиппъ возводитъ его въ пэры Франціи. Въ 1848 г., когда закованный въ кандалы народъ сталъ снова пробуждаться, Лоизъ даетъ совѣтъ королю „разстрѣливать этихъ каналій“ и берется „съ линейнымъ батальономъ и нѣсколькими эскадронами навсегда уничтожить палату депутатовъ и національную гвардію“. Но когда послѣ нѣсколькихъ часовъ борьбы народъ восторжествовалъ, этотъ Іуда предатель громче всѣхъ кричалъ: „да здравствуетъ республика!... и никто не умѣлъ съ такимъ глубокимъ умиленіемъ, возведя глаза къ небу и положа руку на сердце, произносить три слова, снова вошедшія въ моду: свобода, равенство и братство“, какъ бывшій пэръ, а теперь

Digitized by Google

просто гражданинъ Франціи. Это не помѣшало ему послѣ 1851 г. сдѣлаться барономъ и сенаторомъ Наполеона III, ругать республику и прославлять задушившаго ее. И вотъ теперь, когда въ лицѣ забытой сестры предстала предъ сенаторомъ Лоизомъ сама Истина и произнесла свой страшный судъ, когда этотъ Іуда предатель почувствовалъ, что проклятіе, которое бросила ему уходя сестра, есть проклятіе всего народа, что это приговоръ исторіи,—онъ въ первый разъ за свою долгую жизнь увидѣлъ, какой онъ негодяй — и затрепеталъ. Къ разсказу приложенъ указатель книгъ по исторіи Франціи, начиная съ первой революціи и кончая Наполеономъ III.

Книжки заслуживаютъ широкаго распространенія, но думается, что онѣ представляли бы еще большій интересъ и значеніе, особенно для деревенскаго читателя, если бы такимъ произведеніямъ, какъ въ брошюрахъ №№ 2 и 4 были предпосланы введенія, уясняющія изображаемые въ нихъ историческіе факты. Остается пожелать, чтобы издательство поскорѣе выпустило другія свои книжки изъ обѣщанной серіи и чтобы эти книжки были по изложенію доступны каждому деревенскому читателю.

Гл. Успенскій. Прогулка. Ц. 5 к. Его же. Чуткое сердце. Ц. 5 коп. Л. Толстой. Сказка о пустомъ барабанѣ. Ц. 3 коп. Книгоиздат. „Жизнь“ подъ ред. В. П. Вахтерова и И. Н. Сахарова. М. Крупнѣйшему изъ писателей-народниковъ Гл. Ив. Успенскому не посчастливилось въ народной литературѣ. За исключеніемъ двухъ-трехъ разсказовъ, до послѣдняго времени изъ него для дешевыхъ изданій брались все сухія, отрывочныя, наиболѣе тусклыя, мало доступныя деревенскому читателю произведенія. Только что выпущенные новымъ издательствомъ два разсказа и по идейной, и по художественной силѣ и яркости оставляютъ позади себя все, до сихъ поръ изданное для народа изъ Гл. Успенскаго.

Въ разсказѣ „Прогулка“ изображается россійскій чиновникъ, человѣкъ „утонченнаго“ образованія. Онъ восхищается поэзіей, музыкой, красотами природы; толкуетъ о преимуществахъ западно-государственнаго строя, о французской революціи. И въ то же время этотъ „передовой“ чиновникъ путемъ мерзкаго провокаторства, подлаго сыска разоряетъ народъ. Неспособный ни чувствовать людское горе, ни вдуматься въ свою служебную дѣятельность, онъ сѣетъ кругомъ себя лишь нравственное растлѣніе. Разсказъ прекрасно показываетъ, чѣмъ и какъ русская бюрократія воспитала въ народѣ великую ненависть къ себѣ и подготовила свое крушеніе.

Въ разсказѣ „Чуткое сердце“ передъ читателемъ встаетъ во всемъ своемъ духовномъ величіи обаятельно чудный образъ беззавѣтнаго друга трудового крестьянства, какихъ даетъ ему нечиновный интеллигентный пролетаріатъ. Больная, чахоточная курсистка, случайно узнавшая по дорогѣ на отдыхъ о предательскомъ замыслѣ мѣстныхъ кулаковъ, поднимаетъ на ноги всю служилую интеллигенцію уѣзда и спасаетъ крестьянъ отъ обезземеленія.

„Сказка о пустомъ барабанѣ“ въ аллегорической формѣ показываетъ, чѣмъ власть сковываетъ и разрушаетъ созидательную дѣятельность трудового народа и чѣмъ держится всякое насиліе.

Каждый деревенскій грамотей, до дѣтей школьнаго возраста включительно, пойметъ и съ большимъ интересомъ прочитаетъ названные разсказы. Если бы такія книжки безпрепятственно распространялись среди крестьянства въ теченіе предшествовавшей четверти вѣка, не было бы многихъ и многихъ фактовъ звѣрскихъ черносотенныхъ подвиговъ

Digitized by Google

послѣдняго времени. Но теперь всего нужнѣе деревенскому населенію книжки и газеты, уясняющія совершающуюся великую освободительную борьбу и выдвигаемые ею жизненной важности вопросы. Нужно спѣшить усѣять страну такой литературой. А этого-то, къ сожалѣнію, и не дѣлается для деревни.

С. Русова. Божа искра. Оповидання про Рафаэля. № 28. (Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ). Спб., 1904 г. Ц. 5 к. Книжка г-жи Русовой написана въ беллетристической формѣ въ видѣ разсказа молодому талантливому паробку, будущему художнику, о жизни и творчествѣ Рафаэля. Съ обычнымъ популяризаторскимъ талантомъ, живо и вполнѣ доступно разсказываетъ г-жа Русова о природѣ Италіи, ея исторіи, объ эпохѣ Возрожденія, и, наконецъ, о великомъ художникѣ и его творчествѣ, въ которомъ съ такою силой и геніальностью сочетались всѣ лучшіе идеалы гуманизма. „Божа искра“ написана на малорусскомъ языкѣ и представляетъ одинъ изъ выпусковъ благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. Въ книжкѣ помѣщено нѣсколько недурныхъ снимковъ съ произведеній Рафаэля, его портретъ и многочисленные рисунки въ текстѣ.

Очеркъ г-жи Русовой написанъ вполнѣ литературнымъ, живымъ и образнымъ языкомъ и можетъ представить большой интересъ для учащихся въ низшихъ школахъ и для украинскаго населенія. Мы можемъ только искренно привѣтствовать книжку г-жи Русовой и все книгоиздательство, поставившее своей цѣлью нести свѣтъ и знаніе въ среду украинскаго народа на близкомъ и понятномъ ему родномъ языкѣ.

М. Сабинина. Изъ жизни земли. Съ 64 рисунками. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1905 г. Цѣна 25 коп. Это небольшая брошюрка изъ серіи, очень удачно названной „Изъ жизни природы и человѣка“. Авторъ ея въ довольно живомъ изложеніи знакомитъ малообразованнаго читателя и подростка съ начатками геологіи—съ измѣненіями земной поверхности, съ геологическимъ прошлымъ земли, съ геологическими эрами, причемъ даетъ необходимыя понятія о флорѣ и фаунѣ каждой эры. Текстъ обильно иллюстрированъ рисунками. Издана брошюрка изящно и дешево.

С. Д. Протопоповъ. Изъ поѣздки въ Соловецкій монастырь. Съ рис. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Москва 1905 г., Ц. 50 к. Авторъ задался цѣлью познакомить читателей не со святынями, а главнымъ образомъ съ хозяйствомъ Соловецкаго монастыря и съ нѣкоторыми бытовыми особенностями его обитателей. Осуществить это цѣль г-ну Протопопову въ значительной степени облегчили его наблюдательность и живое, литературное изложеніе. Особенно интересны данныя о безплатномъ трудѣ монастырскихъ батраковъ-добровольцевъ.

Digitized by Google

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ, УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ.

Библіотека „Всходовъ": 1) Наши самоучки. 2) Маленькій Джорджъ. 3) Похожденія Тима. 4) Потѣшные люди. 5) Скрипачъ. 6) Черная смерть.—*К. А. Литвиненко.* Систематическій сводъ правилъ русскаго правописанія.—*С. Г. Прядкинъ.* Изъ методики русской грамматики.—*П. И. Дьяконова.* Краткая русская грамматика.—*В. Сливицкій.* Грамматика древняго церковно-славянскаго языка.—*Ярославъ Квапилъ.* Сказка про принцессу Одуванчикъ.—*П. Дубницкій.* Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга.—*Н. Рихтеръ.* Вулканы.—Ф. *Индриксонъ.* Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы.

Библіотека „Всходовъ". Изданіе редакціи „Всходы". 1) К. Д. Носковъ, Наши самоучки. В. А. Кольцовъ. Съ 12 рисунк. Ц. 20 к.; 2) Миссисъ Мэкъ-Энри-Стюартъ. Маленькій Джорджъ. Рождественскій разсказъ, съ англ. З. Р. Ц. 20 к.; 3) Похожденія Тима. Повѣсть Кэтъ Уигинъ, переводъ съ англійскаго Е. Бэръ. Изд. 2-е. Ц. 20 к.; 4) Потѣшные люди. Повѣсть А. Зарина. Изд. 2-е. Ц. 30 к.; 5) Скрипачъ. Повѣсть изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. А. Зарина. Изд. 2-е. Ц. 50 к.; 6) Черная смерть. Повѣсть изъ флорентійской жизни XV вѣка. А. Алтаева. Ц. 40 к. С.-Петербургъ. Настоящіе выпуски библіотеки „Всходовъ" отличаются тѣми же достоинствами, которыя свойственны вообще этому изданію. Всѣ они интересны, во всѣхъ чувствуется опытность редактора, умѣющаго выбирать матеріалъ для дѣтскаго чтенія, почему не только переводныя, но и оригинальныя произведенія, входящія въ составъ библіотеки, отличаются большею или меньшею художественностью,—качествомъ, которымъ не слишкомъ часто блещутъ наши дѣтскіе писатели.

Очеркъ г. Носкова „А. В. Кольцовъ" написанъ въ полубеллетристической формѣ. Въ немъ довольно живо рисуется фигура нашего знаменитаго самоучки-поэта, а также постепенное развитіе его таланта въ связи съ условіями его жизни. Книжка снабжена нѣсколькими довольно отчетливо исполненными портретами и иллюстраціями. Рождественскій разсказъ Миссисъ Макъ-Энри-Стюартъ „Маленькій Джорджъ" написанъ въ духѣ типичныхъ англійскихъ разсказовъ. Въ немъ кое-что ненатурально, кое-что подтасовано и сверхъестественно, но въ общемъ разсказъ написанъ тепло и читается съ интересомъ. Почти тѣми же чертами отличается и повѣсть Кэтъ Уигинъ „Похожденія Тима", гдѣ разсказываются приключенія бѣднаго мальчика Тима, одареннаго живымъ и добрымъ сердцемъ и задавшагося идеальной цѣлью найти мать для другой такой же маленькой сиротки-дѣвочки, какъ онъ самъ, но болѣе безпомощной, чѣмъ онъ. Въ концѣ-концовъ старанія Тима увѣнчиваются успѣхомъ, и въ образѣ одной доброй женщины онъ находитъ мать не только для своей протеже, но и для самого себя.

Что касается до повѣстей г. Зарина „Скрипачъ" и „Потѣшные люди", то обѣ эти повѣсти очень хороши. Въ первой разсказывается подневольная жизнь молодого скрипача Петра, высоко даровитой артистической натуры, но въ то же время крѣпостного раба, который, благодаря исключительности своей натуры, особенно сильно чувствуетъ цѣпи рабства. Но на счастіе Петра его жизнь совпала съ освободительной эпохой, и онъ еще молодымъ получаетъ свободу, которой такъ жаждала его свободная душа. Такимъ образомъ, талантъ его не пропадаетъ задаромъ, а развертывается, и Петръ становится знаменитостью. Вообще повѣсть читается съ живымъ, не ослабѣвающимъ интересомъ. Не менѣе удачна и другая повѣсть г. Зарина „Потѣшные люди". Здѣсь изобра-

Digitized by Google

жается закулисная жизнь артистовъ-акробатовъ со всѣми ея радостями и горестями. Героями ея являются дѣти-акробаты, братъ и сестра, оставшіеся послѣ смерти отца на попеченіи матери, довольно хорошей артистки-шпагоглотательницы, но слабой, болѣзненной женщины, которой ея трудное ремесло скоро оказывается непосильнымъ. Тяжелая участь ждала бы семью, если бы въ ней не принялъ участіе добрякъ—цирковой атлетъ и силачъ, который помогъ матери воспитать дѣтей и провести ихъ сквозь трудную школу циркового воспитанія. Но все же и самимъ дѣтямъ нелегко далась эта школа. Собственнымъ трудомъ и энергіей они достигли совершенства въ своемъ искусствѣ, пока сдѣлались извѣстными артистами. На-ряду съ трудной, но все же счастливой жизнью героевъ повѣсти, взлелѣянныхъ нѣжной материнской рукой, облегчавшей имъ школу жизни, рисуется жизнь и другихъ цирковыхъ дѣтей-сиротъ, взятыхъ на обученіе или украденныхъ, причемъ вся неприглядность жизни этихъ несчастныхъ мучениковъ искусства становится еще очевиднѣе. Повѣсть проникнута теплымъ гуманнымъ настроеніемъ, которое передается читателю.

Что касается до разсказа „Черная смерть“ г. Алтаева, то онъ намъ особенно понравился. Намъ уже приходилось прочитывать не одно произведеніе этого автора для дѣтскаго и для юношескаго чтенія. Не говоря уже о хорошемъ языкѣ и умѣніи интересно разсказывать, г. Алтаевъ отличается оригинальностью. Онъ беретъ сюжеты, особенно подходящіе для молодого живого ума читателя. Сюжеты эти у него обыкновенно нѣсколько выше обыденной жизни, и героями его разсказовъ являются иногда личности съ идеальными, возвышенными стремленіями, причемъ авторъ умѣетъ сохранить чувство мѣры, и описываемыя лица у него выходятъ не ходульными, а вполнѣ живыми и не противорѣчащими дѣйствительности. Въ разсказѣ „Черная смерть“ такой героиней является молоденькая дѣвушка-еврейка, рисковавшая жизнью для любимаго человѣка-христіанина и потомъ послѣ его смерти отдавшая всю себя на служеніе бѣдному и несчастному люду. Фигура этой дѣвушки вполнѣ удалась автору, и въ душѣ читателя, по прочтеніи повѣсти, остается живое и яркое впечатлѣніе объ этомъ прекрасномъ существѣ.

К. А. Литвиненко. Систематическій сводъ правилъ русскаго правописанія. Теоретическое учебное пособіе къ полному и всестороннему изученію буквъ и пунктуаціи. Москва, 1904 г. Ц. 60 к. Сколько ни тверди извѣстнымъ любителямъ орѳографіи и ея законовъ, сколько ни вразумляй этихъ въ своемъ родѣ „подвижниковъ“ относительно того, что никакое усвоеніе законовъ правописанія немыслимо безъ чтенія и живыхъ примѣровъ живой рѣчи, и что всякая теорія въ этомъ случаѣ только зло и вредъ, потому что поселяетъ скуку и муку въ учащихся,—они знать ничего не хотятъ и, разъ увѣровавши въ силу „теоретическаго“ руководства, перекраиваютъ на разные лады подобныя руководства въ видахъ яко бы пользы учениковъ и ученицъ. Г. Литвиненко принадлежитъ къ числу именно только что охарактеризованныхъ любителей орѳографіи, а его „Систематическій сводъ правилъ русскаго правописанія“—одно изъ типичнѣйшихъ учебныхъ пособій теоретическаго характера. Болѣе 100 страницъ изводитъ авторъ на большія, малыя и среднія правила орѳографіи, присоединяя къ нимъ всяческія исключенія, а вторую часть своей книги наполняетъ всякими приложеніями, таблицами и словарями, и тѣмъ не менѣе цѣнность всего этого равняется цѣнности скуки и муки для учащихся, скуки и муки для тѣхъ изъ учащихъ, которые не успѣли еще превратиться въ неисправимыхъ пе-

Digitized by Google

дантовъ. Такимъ образомъ, наша задача представляется вполнѣ ясной: мы должны предостеречь всѣхъ и каждаго отъ пользованія „Систематическимъ сводомъ“ и выразить сердечное сожалѣніе тѣмъ, кто по недостатку опыта взялся за эту книгу въ ожиданіи какихъ-нибудь успѣховъ отъ нея.

С. Н. Прядкинъ. Изъ методики русской грамматики: 1) Правила употребленія знаковъ препинанія; 2) буквы ѣ; 3) переноса частей словъ изъ одной строки въ другую. Воронежъ, 1905 г. Ц. 1 р. Во „вступительныхъ строкахъ“, какъ озаглавливаетъ свое предисловіе г. Прядкинъ, онъ обѣщаетъ очень много: критически относясь и къ „Исторической грамматикѣ“ Буслаева и къ „Русскому правописанію“ Грота, авторъ такъ краснорѣчиво распространяется о томъ, въ какомъ отношеніи эти труды не могутъ считаться удовлетворительными, какъ неудовлетворительны и всѣ пособія, основанныя на нихъ, что отъ его методики ожидаешь цѣлаго откровенія. Но вотъ принимаешься за методику г. Прядкина; что же выносишь изъ нея? Да то прежде всего, что Америка, которую, какъ полагаетъ г. Прядкинъ, онъ открываетъ впервые, на самомъ дѣлѣ открыта давнымъ давно. Во всякомъ случаѣ, сколько бы ни старался читатель вычитать отсюда что-нибудь новенькое, это рѣшительно не удается ему. Только въ нѣкоторыхъ и очень немногихъ мѣстахъ (напр., въ изложеніи правилъ о *точкѣ съ запятой*) здѣсь попадаются кой-какія ухищренія въ объясненіяхъ, которыя, конечно, отличаются малою цѣнностью, во всемъ остальномъ методика г. Прядкина полна переповтореніемъ всего общеизвѣстнаго въ методикахъ, въ которыхъ, право же, у насъ недостатка нѣтъ. Необходимо прибавить еще, что самая форма изложенія избрана г. Прядкинымъ весьма неудачно: онъ все время ласково бесѣдуетъ съ предполагаемыми учениками, и эти послѣдніе отвѣчаютъ ему безукоризненно, не дѣлая нигдѣ никогда и ни одной ошибки. Оставляя въ сторонѣ неправдоподобіе подобнаго пріема, нельзя не признать, что отъ этого пріема книга непомѣрно растетъ въ своемъ объемѣ и цѣнѣ, а между тѣмъ читать ее временами не просто томительно, но и утомительно.

Краткая русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составила П. И. Дьяконова. Издан. 2-е, вновь пересмотрѣнное. Спб., 1904 г. Ц. 50 к. Въ краткой русской грамматикѣ г-жи Дьяконовой, въ которой помѣщены и этимологія, и синтаксисъ, читатель не долженъ искать ни оригинальности, ни практичности, ни удобопонятности, ни какихъ бы то ни было достоинствъ. Вообще подобныя книжки пишутся въ концѣ-концовъ для того, чтобы загромождать книжный рынокъ ненужными руководствами, или чтобы число учебниковъ извѣстнаго предмета было больше. Даже и краткой разбираемая грамматика не можетъ быть названа, потому что въ ней чрезвычайно много лишняго. Таковы, напримѣръ, всевозможные образцы спряженій глаголовъ, таковъ же хотя бы параграфъ о „логическомъ составѣ предложеній“. Сказавъ, что „грамматическій составъ—всѣ пять членовъ предложенія, а логическій только два: подлежащее и сказуемое“, авторъ прибавляетъ: „въ нераспространенномъ предложеніи и грамматическіе, и логическіе члены—одни и тѣ же“. Неужели выводъ этого прибавленія учащіеся, по мнѣнію г-жи Дьяконовой, не въ состояніи сдѣлать сами? Кажется, больше не стоитъ распространяться о „Краткой русской грамматикѣ“: ея ординарность и ненужность станетъ ясна для всѣхъ, кто дастъ себѣ трудъ просто перелистать ее.

Digitized by Google

Грамматика древняго церковно-славянскаго языка. Составилъ В. Сливицкій. Москва, 1904 г. Ц. 50 к. Въ составителѣ учебника, заглавіе котораго только что выписано, видны опытная рука и просвѣщенный взглядъ на преподаваніе. Только тотъ, кто преподаетъ уже достаточное количество времени и кто хорошо понимаетъ ходъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ отводить скромное мѣсто въ нихъ славянскому языку и усвоеніе его приводить постоянно въ связь съ рѣчью славянскаго текста. Именно обоими сейчасъ указанными свойствами и отличается грамматика г. Сливицкаго, причемъ примѣры въ ней подобраны весьма удачно и свѣдѣнія даются научныя. Надо прибавить, что и объясненія г. Сливицкаго удобопонятны и вразумительны, такъ что „практичность" разсматриваемаго учебника не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Вотъ почему ему слѣдуетъ пожелать широкаго распространенія.

Ярославъ Квапилъ. Сказка про принцессу Одуванчикъ. Перевелъ съ чешскаго Н. Новичъ. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ для дѣтей и юношества съ 10 рисунками и мелодіями 4 пѣсенъ. Ц. 30 коп. Сказка про принцессу Одуванчикъ очень мила и поэтична, какъ литературное произведеніе, но врядъ ли годится, какъ пьеса для дѣтей и для юношества. Въ ней много символизма, фабула же сама по себѣ недостаточно интересна и обстановочна, хотя пьеса требуетъ многаго въ смыслѣ постановки и декорацій. Кромѣ того, самый символизмъ ея слишкомъ расплывчатъ, а идея трудно уловима и почти недоступна для дѣтскаго пониманія. Вообще для дѣтскаго театра желательны пьесы болѣе простыя, быть можетъ, болѣе грубыя по формѣ, но болѣе здоровыя и удобопонятныя.

Н. Дубницкій. Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга. М. Ц. 6 к. Эта небольшая брошюрка принадлежитъ къ серіи популярныхъ брошюръ, которую начала издавать „Коммиссія по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ", состоящая при учебномъ отдѣлѣ московскаго музея прикладныхъ знаній (Политехническаго). Она заключаетъ въ себѣ описаніе главнѣйшихъ физическихъ свойствъ тѣлъ природы. Изложеніе простое, безхитростное, но нельзя сказать, чтобы авторъ обладалъ популяризаторскимъ талантомъ. А популяризація законовъ физики дѣло вовсе не легкое.

Н. Рихтеръ. Вулканы. М. 1904. Ц. 6 к. Эта брошюра относится къ той же серіи, какъ и предыдущая. Авторъ даетъ сначала описаніе Везувія и наиболѣе знаменитыхъ его изверженій, затѣмъ вкратцѣ описываетъ гавайскій вулканъ Килауэа и изверженіе 1883 года на островѣ Кракатау. При этомъ дается краткое схематическое объясненіе теоріи изверженій. Намъ кажется, что авторъ мѣстами слишкомъ старался быть краткимъ и его изложеніе похоже на конспектъ чтенія для народа, который предоставляется расширить тому, кто будетъ читать. Такое изложеніе врядъ ли практично. Въ народной аудиторіи часто приходится читать людямъ, не обладающимъ спеціальными познаніями, и надо составлять брошюры съ болѣе обстоятельнымъ текстомъ.

Ф. Индриксонъ. Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. Спб., 1905 г. Ц. 70 к. Среди учебниковъ физики, написанныхъ для учениковъ средней школы, отсутствуютъ руководства къ практическимъ занятіямъ, имѣющимъ такое важное значеніе при прохожденіи курса этой науки. Физика является наукой опыта, наукой наблюденія, и требуетъ прежде всего знакомства съ опытомъ и наблюденіемъ. Программа нашей средней школы такова, что прохожденіе курса

Digitized by Google

этой науки является чисто-теоретическимъ; преподаватель едва-едва имѣетъ возможность толково объяснить задаваемое и съ грѣхомъ пополамъ урываетъ часть времени для ознакомленія учениковъ съ опытами. Но къ несчастію, опыты эти производитъ самъ преподаватель, рѣдкіе ученики получаютъ возможность помогать ему въ устройствѣ опытовъ, всѣ же остальные являются только пассивными зрителями. Нужно надѣяться, что въ реформированной школѣ будетъ отдано должное значеніе практическимъ занятіямъ по физикѣ; тогда только станетъ вполнѣ полезнымъ изученіе этого предмета. Появленіе на русскомъ языкѣ руководства, правда, небольшого, придаетъ намъ надежду на скорое измѣненіе существующаго порядка преподаванія физики. „Настоящая книжка составлена по тѣмъ объясненіямъ, которыя мнѣ приходится давать на практическихъ занятіяхъ по физикѣ ученикамъ гимназіи К. Мая". (Пред.). Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Петербургѣ уже начинаетъ осуществляться то преподаваніе физики, которое является единственно цѣлесообразнымъ и необходимымъ.

Въ книжкѣ помѣщены 50 задачъ по различнымъ отдѣламъ физики, въ концѣ приложены таблицы необходимыхъ измѣреній.

Digitized by Google

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1905 г.

Акимовъ, В. Очеркъ развитія соціалъ-демократіи въ Россіи. Спб., 1905 г.

Бахъ, Максъ. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Вып. I. Изданіе Скирмунта. Ц. 1 р.

Богдановъ, А. Новый міръ (статьи 1904—1905 гг.). Изд. С. Дороватовскаго и Чарушникова. М., 1905 года. Ц. 40 к.

Боржо, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституцій. Пер. П. Высоцкой. Вып. I. М., 1905 г. Ц. 70 к.

Государство и народы Европы. *Сно, Е.* Италія. Этнограф. очеркъ. Ц. 10 коп. *Его же.* Франція. Ц. 10 коп. *Его же.* Голландія. Ц. 6 коп. *Его же.* Бельгія. Ц. 7 к. Спб., 1906 г.

Грановскій, Т. Н. Избранныя сочиненія. М., 1905 г. Ц. 75 к.

Извѣстія С.-Петербургскаго политехническаго института 1905 года. Т. IV. Вып. 1—2. Спб., 1905 г.

Коваленко, Гр. Якъ мы боронылыся одъ холеры. У Кыиви, 1905 г.

Львовъ, В. Всеобщее избирательное право. Спб., 1905 г. Ц. 8 к.

Люблинскій, П. Преступленіе противъ избирательнаго права. Спб., 1906 г. Ц. 75 к.

Махцевичъ, В. Хорошо жить на свѣтѣ. Изъ воспоминаній счастливой дѣвочки. Спб. Ц. 1 р.

Малининъ, Ф. Роль общества въ борьбѣ съ преступностью. Вып. I. Ц. 40 к.

Мырный, П. Книжка друга творивъ. У Кыиви, 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нечаевъ, А. Между огнемъ и льдомъ (о вулканахъ и ледникахъ). Спб. Ц. 1 р. 30 к.

Общее дѣло. Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослаго населенія. Вып. I. М., 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Онкенъ, Германъ. Фердинандъ Лассаль, какъ политическій дѣятель. Перев. съ нѣмецк. Ивашкевичъ. Спб., 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1904 г. Спб., 1905 г.

Поспѣловъ, С. Золото. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Подпаловъ, В. Экономическіе пути и проблемы государства. Иркутскъ, 1905 г.

Поповъ, И. Самоуправленіе и земскія учрежденія. М., 1906 г. Ц. 10 к.

Сабинина, М. Доисторическій человѣкъ. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.

Сборникъ по философіи естествознанія. М., 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1904 годъ. Спб., 1905 г.

Сентъ-Оганъ Лефевръ. Старость Донъ-Жуана. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Спб., 1905 г. Ц. 1 р.

Строевъ, Н. Историческій моментъ. I Московскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Спб., 1906 г. Ц. 30 к.

Тихоновъ, А. Укрѣпленіе овраговъ при помощи простѣйшихъ сооруженій. Спб., 1905 г. Ц. 50 к.

Толстой, Левъ. Великій грѣхъ. Изд. Балашова. Спб., 1905 г. Ц. 10 к.

Толстой, Л. Л., гр. Слѣпунюшка и др. разсказы. Спб. Ц. 1 р.

— На Упѣ и др. разсказы. Спб. Ц. 1 р.

Тотоміанцъ, В. Формы рабочаго движенія. Спб., 1906 г. Ц. 80 к.

— Сводъ свѣдѣній о дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи за 1906 г. Спб., 1905 г. Ц. 50 к.

Чайка-Днѣпрова. Чудный. Оповиданія. У Кыиви, 1905 г.

Digitized by Google

Чернышевскій, Н. Г. Полное собраніе сочиненій. Т. VII. Современникъ 1860—1861 гг. Основанія политической экономіи Д. С. Милля. Спб., 1905 г.

Чернышевъ, В. Нѣсколько свѣдѣній о бытѣ и говорѣ „шуваликовъ" Всрейскаго уѣзда. Спб., 1905 г.

Шаландъ, Л. Вопросы избирательнаго права. Вып. II. Прямое и равное голосованіе. Спб., 1906 г.

Шевченко, Т. Думкы та писни Кобзаря. У Кыиви.

— Назаръ Стодоля. У Кыиви, 1905 г.

Шингаревъ, А. Санитарное значеніе неурожая минувшаго лѣта 1905 г. для населенія Воронежской губ.

Штуцеръ, проф. Практическое наставленіе къ составленію кормовыхъ дачъ. Спб., 1906 г. Ц. 30 к.

Юринъ, Н. Что такое кредитное товарищество и какъ его организовать въ деревнѣ. Вып. II. Саратовъ, 1905 г.

Яновська, Л. Оповидання. У Кыиви 1905 г. Ц. 75 к.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *С. Лагерлефъ.* Сѣверныя легенды и разсказы.—*Е. Войничъ.* Оводъ. Романъ 427

Публицистика: *П. Г. Мижуевъ.* Крестьянское царство.—*В. И. Фармаковскій.* Охрана здоровья учащихся.—*Ѳ. Зѣлинскій.* Изъ жизни идей. Т. II.—*Д. И. Тихомировъ.* Наканунѣ свободы просвѣщенной.—Отчетъ дѣятельности комиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „Столбы" въ Н.-Новгородѣ за 1904 г.—*Ф. Крыштофовичъ.* Американскія письма. 430

Исторія, исторія литературы: *А. Дж. Грантъ.* Греція въ вѣкъ Перикла.—*А. С. Парамоновъ.* О законодательствѣ Анны Іоанновны.—Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова.—*П. Гидуляновъ.* Изъ исторіи церковно-правительственной власти въ восточно-римской имперіи. Митрополиты въ первые три вѣка христіанства.—Иллюстрированная всеобщая исторія литературы І. Шерра.—*П. Е. Щеголевъ.* Первый декабристъ Владиміръ Раевскій.—Сочиненія и письма А. С. Пушкина. Редакція П. О. Морозова. Т. VII. 434

Политическая экономія, статистика: *М. Туганъ-Барановскій.* 1) Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. 2) Теоретическія основы марксизма.—*Н. Зворыкинъ.* Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа въ Россіи.—*Петръ Лохтинъ.* Безземельный пролетаріатъ въ Россіи.—*Владиславъ Максимовъ.* Очерки по исторіи общественныхъ работъ въ Россіи.—*Оланьонъ.* Сибирь и ея экономическая будущность.—Матеріалы о пожарности селеній въ Саратовской губ. по даннымъ за 1897—1901 гг. 439

Естествознаніе: *А. М. Никольскій.* Пресмыкающіяся и земноводныя Россійской имперіи.—*F. Auerbach.* Царица міра и ея тѣнь.—Учебникъ зоологіи для студентовъ университета и высшихъ учебныхъ заведеній. *Н. Бобрецкаго.* . 445

Сельское хозяйство: *С. А. Мелик-Саркисянъ.* Хлопковое дѣло въ Ферганской области и мѣры къ его упорядоченію.—Сѣрнистый углеродъ въ борьбѣ съ вредными животными. *І. Порчинскаго.* 448

Книги для народа: Поволжье. Сборникъ. Подъ редак. *Лопуховскаго.* № 1.—Изданія Щетинина. № 1. *В. І. Дмитріева.* Черезъ стѣну.—№ 2. Преда-

Digitized by Google

датель. Проклятый утесъ.—№ 3. *Авг. Стриндбергъ.* Терзанія совѣсти.—№ 4. *Леонъ Кладель.* Гражданка Изидоръ.—*Гл. Успенскій.* 1) Прогулка. 2) Чуткое сердце.—*Л. Толстой.* Сказка о пустомъ барабанѣ.—*С. Русова.* Божа искра.—*М. Сабинина.* Изъ жизни земли.—*С. Д. Протопоповъ.* Изъ поѣздки въ Соловецкій монастырь. 449

Книги для дѣтей, учебники, пособія: Библіотека „Всходовъ": 1) Наши самоучки. 2) Маленькій Джорджъ. 3) Похожденіе Тома. 4) Потѣшные люди. 5) Скрипачъ. 6) Черная смерть.—*К. А. Литвиненко.* Систематическій сводъ правилъ русскаго правописанія.—*С. Г. Грядкинъ.* Изъ методики русской грамматики.—*П. И. Дьяконова.* Краткая русская грамматика.—*В. Сливицкій.* Грамматика древняго церковно-славянскаго языка.—*Ярославъ Квапилъ.* Сказка про принцессу Одуванчикъ.—*П. Дубницкій.* Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга.—*Н. Рихтеръ.* Вулканы.—*Ф. Индриксонъ.* Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. 454

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1905 г.

III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1905 годъ.

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1905 годъ.

РЕЛИГІЯ.— ФИЛОСОФІЯ.— ПСИХОЛОГІЯ.—ПЕДАГОГИКА.

Библіотека „Новаго Воспитанія“, подъ редакц. И. Горбунова-Посадова. Современное воспитаніе и новые пути. По Эльсландеру состав. М. М. Клечковскій. Кн. X, стр. 378.

Бѣлозерскій, Н. Записки учителя. Кн. V, стр. 166.

Виндельбандъ. Прелюдіи. Кн. III, стр. 103.

Внѣшкольное образованіе. Состав. Фальборкъ и Чарнолусскій. Кн. VI, стр. 192.

Избранныя мысли Джона Рескина. Пер. Никифорова. Вып. III. Кн. III, стр. 104.

Капустинъ. М. Я., проф. Образованіе и здоровье. Кн. VI, стр. 191.

Корнеліусъ, Гансъ. Введеніе въ философію. Перев. Котляра. Кн. III, стр. 101.

Липпсъ, Т. Основные вопросы этики. Перев. Лихарева. Кн. V, стр. 163.

Народный университетъ въ г. Томскѣ. Кн. IX, стр. 246.

Павловъ, А. П., проф. Реформа средняго образованія. Кн. VI, стр. 189.

Селенкинъ, В. Средняя школа въ борьбѣ съ проступками учениковъ. Кн. X, стр. 380.

Соколовъ, П. А. Чтенія по педагогической психологіи. Кн. III, стр. 104.

Суперанскій, М. Ѳ. Бытъ учащихъ въ начальныхъ школахъ Симбирской губ. Кн. V, стр. 165.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Для народнаго учителя. 1) Идеалы народной школы. Состав. *Кайданова.* 2) Учительскія библіотеки, ихъ значеніе, организація и списокъ книгъ. Состав. *Звягинцевъ.* 3) Къ вопросу объ устройствѣ всероссійскаго учительскаго союза. 4) Германскій учительскій союзъ. Кн. VIII, стр. 228.

Чебышева-Дмитріева, Е. А. Вопросы начальной школы и педагогическіе очерки. Кн. V, стр. 164.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Анучинъ, В. Сказанія. Кн. XI, стр. 401.

Амфитеатровъ, А. Сибирскіе этюды. Кн. II, стр. 54.

Ачкасовъ, А. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Изд. 2-е. Кн. I, стр. 1.

„Багаття“. Украинскій альманахъ. Кн. XI, стр. 404.

Башкинъ, В. Стихотворенія. Кн. XI, стр. 399.

Баулина, А. Отрывки. Кн. XI, стр. 403.

Брюнелли, Павелъ. Легенды и настроенія. Кн. II, стр. 56.

Войничъ Е. Оводъ. Романъ изъ революціонной жизни Италіи XIX в. Кн. XII, стр. 428.

Гавриловъ, Ѳ. На зарѣ. Изъ пѣсенъ о труженикахъ. Кн. IX, стр. 245.

Гауптманнъ, Гергартъ. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Бальмонта. Кн. VII, стр. 207.

Герцль, Теодоръ. Обновленная земля. Ром. Пер. Доманской. Изд. журн. „Образованіе“. Кн. I, стр. 2.

Глибивъ, Л. Твори. Кн. XI, стр. 404.

Гривскій, И. Записки рабочаго. Кн. IV, стр. 120.

Денисова, Лидія. Дневникъ молодой дѣвушки „Лѣто“ и разсказы. Кн. XI, стр. 402.

Дрожжинъ, С. Д. Родная деревня. Стихотворенія. Кн. III, стр. 93.

Дьяконовъ, Конст. Разсказы. Кн. VI, стр. 175.

Заринъ, А. Е. Семья. Сборникъ разсказовъ. Кн. VI, стр. 175.

Ибсенъ, Генрикъ. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ганзена. Т. IV. Кн. VII, стр. 206.

Казаковъ, Т. Отецъ и сынъ и другіе разсказы. Кн. XI, стр. 402.

Кобзарь Тараса Шевченка въ переводѣ русскихъ поэтовъ, подъ ред. Гербеля. Изд. Клюкина. Кн. V, стр. 153.

Крыловъ, И. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Каллаша. Т. II. Кн. III, стр. 92.

Digitized by Google

Лагерлефъ, С. Сѣверныя легенды и разсказы. Кн. XII, стр. 427.
Ломэнъ. Наброски. Кн. XI, стр. 400.
Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Т. I и II. Подъ ред. А. И. Введенскаго. Кн. VII, стр. 205.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Вкругъ ракитова куста и другіе разсказы. Кн. X, стр. 373.
Нижегородскій сборникъ. Изд. товарищества „Знаніе". Кн. V, стр. 154.
Огаревъ, Н. П. Стихотворенія. Подъ ред. Гершензона. Т. II. Кн. III, стр. 91.
Озаровскій, Ю. Э. Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Вып. II. Кн. III, стр. 92.
Оптимистъ. Въ ожиданіи. Кн. X, стр. 375.
Островскій, А. Н. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакц. Писарева. Т. I—X. Кн. VIII, стр. 224.
Пушкинъ, А. С. Сочиненія и письма. Изд. „Просвѣщенія". Ред. П. О. Морозова. Т. V. Кн. I, стр. 1.
— Сочиненія. Подъ редакц. Морозова. Т. VI. Кн. III, стр. 91.
— Сочиненія. Подъ редакц. Ефремова. Т. VIII. Кн. IV, стр. 119.
Робертъ Бэрнсъ и его произведенія въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Кн. II, стр. 53.
Сборникъ стихотвореній и отрывковъ прозы изъ всемірной литературы „Человѣческая трагикомедія". Часть I. Состав. М. С. Ломшаковъ. Кн. I, стр. 2.
Сборникъ молодыхъ писателей. Кн. VII, стр. 208.
Сологубъ, Ѳедоръ. Книга сказокъ. Кн. II, стр. 55.
Стражевъ, Викторъ. Opuscula. Стихотворенія. Кн. IX, стр. 246.
Худекова, Н. А. Разсказы. Кн. II, стр. 55.
Чернышевскій, Н. Г. Что дѣлать? Романъ. Кн. VIII, стр. 223.
Чулковъ, М. Д. Пригожая повариха. Кн. VIII, стр. 223.

ИСТОРІЯ. — ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.—АРХЕОЛОГІЯ.—БІОГРАФІИ.—МЕМУАРЫ.

Ахшарумовъ, Д. Д. Изъ моихъ воспоминаній (1849—1851 гг.). Кн. XI, стр. 406.
Барсуковъ, Н. Жизнь и труды Погодина. Кн. XIX. Кн. V, стр. 159.
Башкирцева, Марія. Неизданный дневникъ и переписка съ Гюи-де-Мопассаномъ. Перев. подъ ред. Гельрота. Кн. IV, стр. 130.
Бергъ, Лео. Сверхчеловѣкъ въ современной литературѣ. Перев. Горбуновой. Кн. III, стр. 104.
Битовтъ, Ю. Рѣдкія русскія книги и летучія изданія XVIII в. Кн. V, стр. 161.
Богдановичъ, Т. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Кн. VI, стр. 182.
Богословскій, М. М. Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Кн. XI, стр. 406.
Бороздинъ, А. К. Литературныя характеристики. Т. II, вып. I. Кн. II, стр. 63.
Бузескулъ, В., проф. Введеніе въ исторію Греціи. Изд. 2-е. Кн. I, стр. 7.
— Женскій вопросъ въ древней Греціи. Кн. VIII, стр. 230.
Бутми, Е. Развитіе государственнаго и общественнаго строя въ Англіи. Пер. подъ ред. Покровскаго. Кн. II, стр. 57.
Быкова, А. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII в. Кн. I, стр. 12.
Виленскій Временникъ. Кн. I. Кн. IX, стр. 252.
Вѣтринскій, Ч. Т. Н. Грановскій и его время. Изд. 2-е. Кн. II, стр. 63.
Фонъ-Герихъ, П. Завоеваніе Финляндіи. Вып. I и II. Кн. VIII, стр. 231.
Герро. Марія Башкирцева. Критико-біограф. очеркъ. Кн. IV, стр. 130.
Гидулановъ, П. Изъ исторіи развитія церковно-правительственной власти въ восточно-римской имперіи. Митрополиты въ первые три вѣка христіанства. Кн. XII, стр. 437.
Гнѣвушевъ, А. М. Политико-экономическіе взгляды гр. Н. С. Мордвинова. Кн. IV, стр. 127.
Грантъ А. Дж., Греція въ вѣкъ Перикла. Кн. XII, стр. 434.
Григорьевъ, А. Д. Архангельскія былины и историческія пѣсни. Т. I. Кн. II, стр. 64.
Грушевскій, М. С., проф. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Кн. II, стр. 57.
Денисюкъ, Н. Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. I. Кн. VII, стр. 214.
Дневникъ Елизаветы Дьяконовой на высшихъ женскихъ курсахъ 1895—99 гг. *Е. А. Дьяконова*: Дневникъ русской женщины. Кн. II, стр. 66.
Довнаръ-Запольскій, М. В. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. Кн. VI, стр. 182.
Дризенъ, Н. В., баронъ. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. Кн. II, стр. 62.
Забѣлинъ, И. Е. Исторія города Москвы. Ч. I. Кн. IV, стр. 126.
Записки И. Д. Якушкина. Кн. VI, стр. 181.
Зѣлинскій, Ѳ., проф. Изъ жизни идей. Кн. II, стр. 63.
Ивановичъ, И. Д. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Кн. II, стр. 65.
Изъ боевой и походной жизни 1877—78 гг. Воспоминанія полковника С. И. Кисова. Кн. I, стр. 13.
Извѣстія отдѣленія русскаго языка и сло-

Digitized by Google

вѣсности Имп. Ак. Н. 1904 г. Т. II. Кн. I, стр. 6.
Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Вып. IV. Кн. V, стр. 162.
Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ. Кн. I, 1905 г. Кн. IX, стр. 252.
Изборникъ кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кн. VII, стр. 213.
Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. *I. Шерра.* Кн. XII, стр. 438.
Инсаровъ, Х. Г. Князь Меттернихъ, его жизнь и политическая дѣятельность. Біографическій очеркъ. Кн. VIII, стр. 230.
Историческія письма. Изд. „Русскаго Богатства"—С. С. Арнольди. Историческія письма. Изд. 2-е, Артюшина. Кн. X, стр. 380.
Карѣевъ, Н. Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Кн. VIII, стр. 228.
Клочковъ, М. Земскіе соборы въ старину. Кн. V, стр. 159.
Клоссовскій, А. Каѳедра географіи и ея представители въ русскихъ университетахъ. I. Новороссійскій университетъ. Кн. IX, стр. 256.
Корниловъ, А. А. 1) Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. 2) Крестьянская реформа. Кн. IX, стр. 254.
Кудринскій, Ѳ. А. Императрица Екатерина II и раздѣлы Польши. Кн. VI, стр. 181.
Лемке, Мих. Н. М. Ядринцевъ. Кн. II, стр. 66.
Либровичъ, Сигизмундъ. Петръ Великій и женщины. Кн. V, стр. 160.
Маркевичъ, Арс. Ив. Таврическая губернія во время крымской войны. Кн. IV, стр. 128.
Милюковъ, П. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго. Изд. 2-е. Кн. I, стр. 7.
Нестеровскій. Бессарабскіе руссины. Историко-этнографич. очеркъ. Кн. X, стр. 382.
Новгородцевъ, А. В. Германія и ея политическая жизнь. Кн. I, стр. 10.
Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова. Акты историческіе, описанные Катаевымъ и Кабановымъ, подъ ред. проф. Довнаръ-Запольскаго. Кн. XII, стр. 436.
Острогорскій, В. Этюды о русскихъ писателяхъ. Н. Г. Помяловскій. Изд. 2-е. Кн. IX, стр. 253.
Отъ рабства къ славѣ. Автобіографія Букера Т. Вашингтона. Переводъ Журавской. Кн. III, стр. 106.
Очерки по исторіи Германіи въ XIX ст. Т. I. Происхожденіе современной Германіи. Кн. V, стр. 157.
Парамоновъ, А. С. О законодательствѣ Анны Іоанновны. Кн. XII, стр. 435.
Паульсенъ, Фр. Германскіе университеты. Пер. Гроссмана. Кн. I, стр. 9.
Пименова, Э. К. Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Кн. I, стр. 12.
Покровскій, Н. 1) А. С. Пушкинъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. 2) И. С. Тургеневъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Кн. VII, стр. 214.
Пругавинъ, А. С. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. Кн. II, стр. 59.
Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. II. Кн. IV, стр. 130.
Пушкинъ, А. С. Сочиненія и письма. Редакція Морозова. Т. VII. Кн. XII, стр. 439.
Рожковъ, Н. Историческіе и соціологическіе очерки. Сборникъ статей. Ч. I. Кн. X, стр. 381.
Русско-японская война и ея герои. Иллюстрирован. хроника войны. Вып. I. Кн. I, стр. 13.
Русскія былины. Вып. I, II. Изд. Жиркова. Кн. II, стр. 64.
Старина и новизна. Кн. IX,—X, стр. 383.
Файфъ, Ч. Исторія Европы XIX в. Пер. Лучицкой. Кн. III, стр. 105.
Ѳедоровъ, К. М. Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. Кн. IV, стр. 131.
Хитрово, Н. П. Законодательные памятники XVI и XVII стол., собранные Вас. Ник. Татищевымъ. Кн. IX, стр. 255.
Шустеръ, Георгъ. Тайные общества, союзы и ордена. Пер. Волькенштейнъ. Кн. X, стр. 385.
Щеголевъ, П. Е. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій. Кн. XII, стр. 439.
Щепкина, Е. Н. Чтенія по исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ. Вып. I. Кн. II, стр. 61.
Эндрузъ, Веніаминъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—62 гг. и до нашихъ дней. Пер. Гурвичъ. Кн. XI, стр. 405.
Якушкинъ, В. Сперанскій и Аракчеевъ. Кн. V, стр. 161.

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

Алибеговъ, И. Г. Народное образованіе на Кавказѣ. Кн. I, стр. 3.
Берлинъ, П. А. Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. Будущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерство европейцевъ. Кн. X, стр. 377.
Бобылевъ, Д. М. Волостные писаря Пермской губ. Кн. VII, стр. 211.

Digitized by Google

Бѣлозерскій, Н. Ав. П. Щаповъ какъ педагогъ. Кн. VI, стр. 178.
Второй съѣздъ дѣятелей по обученію, воспитанію и призрѣнію глухонѣмыхъ 27—29 дек. 1903 г. Кн. IV, стр. 125.
Гессенъ, В. М. Вопросы мѣстнаго управленія. Кн. II, стр. 69.
Гудванъ, А. Приказчичій вопросъ. Кн. VII, стр. 210.
Дорофеевъ, Г. К. Къ вопросу о реформѣ средней школы. Кн. III, стр. 101.
Дружининъ, Н. П. Очерки крестьянской общественной жизни. Кн. IX, стр. 250.
Дюковъ, Е., д-ръ. О необходимости измѣненія принятой системы воспитанія и образованія медиковъ. Кн. III, стр. 98.
Ефименко, А. Южная Русь. Кн. III, стр. 94.
Зѣлинскій, Ѳ. Изъ жизни идей. Т. II, Кн. XII, стр. 431.
Іорданъ, К. К. Борьба съ пожарами. Кн. III, стр. 97.
Карѣевъ, Н. Бесѣды о выработкѣ мірогозерцанія. Изд. 5-е. Кн. III, стр. 95.
— Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ. Кн. VI, стр. 180.
Кенигъ, Бруно Эмиль. Черные кабинеты въ Западной Европѣ. Кн. II, стр. 68.
Крецмеръ, М. Б., д-ръ. (Сост.). Отличительныя черты еврейской націи. Кн. III, стр. 96.
Крыштофовичъ, Ф. Американскія письма. Кн. XII, стр. 433.
Максимовъ, Е. Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи бѣднымъ. Кн. II, стр. 69.
Мигулинъ, П. П., проф. Война и наши финансы. Кн. VI, стр. 179.
Мижуевъ, П. Г. Крестьянское царство. Очерки исторіи современнаго состоянія Канады. Кн. XII, стр. 430.
Московская гимназія имени И. и А. Медвѣдниковыхъ. Основы учебно-воспитат. организаціи и первые годы жизни. Состав. директоръ Недачинъ. Кн. IX, стр. 248.
На сибирскія темы. Сборникъ въ пользу томскихъ воскресныхъ школъ и Гоголевскаго народнаго дома. Кн. VI, стр. 177.
Никитинъ, А. Задачи Петербурга. Кн. VI, стр. 177.
Николаевъ, С. Современная бурса. Кн. IV, стр. 120.
Ольховскій, В. Назарены въ Венгріи и Сербіи. Кн. VI, стр. 176.
Отчетъ кишиневской городской общественной библіотеки за 1900—1902 гг. Тоже за 1903 г. Кн. IV, стр. 123.
Отчетъ дѣятельности комиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „столбы“ въ Н.-Новгородѣ за 1904 г. Кн. XII, стр. 432.
Пановъ, А. А. Сахалинъ какъ колонія. Кн. III, стр. 100.
Подъячевъ, С. 1) Мытарства. 2) Среди рабочихъ. Кн. X, стр. 375.
Приложенія къ докладу по народному образованію вологодскому губ. зем. собранію первой очередной сессіи XII трехлѣтія 1904 г.: 1) Сборникъ постановленій по народному образованію уѣздныхъ земск. собраній Вологод. губ. за 1901 г. 2) Текущая школьная статистика вологод. губ. земства за 1902—3 г. 3) Безплатныя народныя библіотеки Вологодской губ. по свѣдѣніямъ 1902—3 г. Кн. IV, стр. 122.
Сикорскій, И. А., проф. Характеристика черной, желтой и бѣлой расъ въ связи съ вопросами русско-японской войны. Кн. VIII, стр. 224.
Скальковскій, К. За годъ. Кн. V, стр. 154.
Табурно, І. Правда о войнѣ. Кн. VII, стр. 208.
Уорнеръ, І. Неотложное дѣло. Кн. III, стр. 98.
Тихомировъ, Д. И. Наканунѣ свободы просвѣщенной. Кн. XII, стр. 432.
Фармаковскій, В. И. Охрана здоровья учащихся. Кн. XII, стр. 430.
Филевскій. Религіозно-философскія воззрѣнія Ѳ. И. Тютчева. Кн. V, стр. 156.
Энгельгардтъ, Н. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати. Кн. I, стр. 4.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. —СТАТИСТИКА.

Балабановъ. М. Фабричные законы. Кн. X, стр. 389.
Герценштейнъ, М. Я. Новѣйшія теченія въ ученіи о поземельномъ кредитѣ въ Германіи. Кн. II, стр. 71.
Дмитріевъ, В. К. Экономическіе очерки. Кн. III, стр. 108.
Зворыкинъ, Н. Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа въ Россіи. Кн. XII, стр. 441.
Зомбартъ, В. Идеалы соціальной политики. Пер. Теплова. Кн. I, стр. 18.
Карповъ, Ф. И. Инспекція труда и охрана рабочихъ на Западѣ. Ч. I. Фактическая. Кн. X, стр. 389.
Колычевъ, Ал. Приказчики и ихъ нужды. Кн. VI, стр. 188.
Крестьянскій строй. Т. I. Сборникъ статей гг. Корнилова, Лаппо-Данилевскаго, Семевскаго и Страховскаго. Кн. VI, стр. 184.
Кустарные промыслы. Статистич. сборникъ по Ярослав. губ. Кн. II, стр. 72.
Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьянъ Олонецкой губерніи. Кн. VI, стр. 188.
Лассаль, Фердинандъ. Капиталъ и трудъ. Кн. XI, стр. 408.

Digitized by Google

Лафаргъ, П. Американскіе тресты. Кн. IV, стр. 134.

Лохтинъ, Петръ. Безземельный пролетаріатъ въ Россіи. Кн. XII, стр. 442.

Максимовъ, Владиславъ. Очерки по исторіи общественныхъ работъ въ Россіи. Кн. XII, стр. 442.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VIII. Библіогр. указатель литературы по статистикѣ землевладѣнія. Кн. II, стр. 72.

Матеріалы по статистикѣ землевладѣнія въ Россіи. Вып. XI. Куплія-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1897 г. Обзоръ мобилизаціи за пятилѣтіе 1892—1897 гг. Кн. IV, стр. 137.

Матеріалы о пожарности селеній въ Саратовской губ. по даннымъ за 1899—1901 гг. Кн. XII, стр. 444.

Миклашевскій, А. Н., проф. Стачки и соціальный вопросъ. Право стачекъ. Кн. XI, стр. 409.

Обзоръ податного состоянія Курской губ. за 1901—1902 гг. Кн. II, стр. 72.

Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1903 г. Кн. IX, стр. 259.

Озеровъ, И. Х. Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада. Изд. Горшкова. Кн. I, стр. 19.

— Большіе города, ихъ задачи и средства управленія. Кн. X, стр. 388.

Оланьонъ. Сибирь и ея экономическая будущность. Кн. XII, стр. 444.

Отчетъ постоянной комиссіи по дѣламъ потребительныхъ обществъ за 1903 г. Сводъ статистическихъ свѣдѣній о дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи въ 1902 г. Состав. И. Ф. Жеребятьевъ. Кн. I, стр. 22.

Отчетъ государственнаго земельнаго банка за 1902 г. и отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за тотъ же годъ. Кн. VI, стр. 189.

Пермскій научно-промышленный музей. Вып. I. Матеріалы по изученію Пермск. края.—200-лѣтіе русской горной промышленности. Докладъ П. А. Голубева. Кн. IV, стр. 135.

Письма Фердинанда Лассаля къ Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣч. Мерингa. Пер. Шанина. Кн. X, стр. 387.

Райхесбергъ, Н. Международное фабричное законодательство. Кн. VI, стр. 186.

Составъ служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ въ отношеніи подданства, языка и образовательнаго ценза. Кн. VI, стр. 186.

Списокъ сельско-хозяйствен. обществъ. Кн. II, стр. 73.

Статистическій Ежегодникъ Московской губ. за 1904 г. Кн. V, стр. 168.

Статистическій Ежегодникъ полтавскаго губ. земства на 1904 г. Кн. V, стр. 169.

Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ, за 1902 г. Кн. IV, стр. 137.

Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. Кн. IX, стр. 260.

Туганъ-Барановскій, М. 1) Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. 2) Теоретическія основы марксизма. Кн. XII, стр. 439.

Указатель дѣйствующихъ въ Имперіи акціонерныхъ предпріятій и торговыхъ домовъ. Состав. подъ ред. В. А. Дмитріева-Мамонова. Кн. IX, стр. 259.

Федяевскій, К. Крестьянскія семьи Воронежскаго уѣзда по переписи 1897 г. Кн. IV, стр. 137.

Ширардъ, Р. Бѣлые рабы Англіи. Пер. Коншина. Кн. I, стр. 21.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Болквадзе, М. Г. Исповѣдь адвоката. Кн. II, стр. 73.

Гогель, С. К. Судебные уставы 1864 г. Кн. II, стр. 73.

Конституціонное государство. Сборникъ статей. Изд. І. В. Гессена и А. И. Калмыка. Кн. IX, стр. 263.

Лучинскій, Н. Ф. Основы тюремнаго дѣла. Кн. IV, стр. 138.

Пиффернъ, Оскаръ, профес. Европейскія избирательныя системы: Пер. Стеклова. Кн. IX, стр. 264.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Живая старина. Вып. III и IV. Кн. XI, стр. 407.

Леруа-Болье, П. Японія. Обновленіе Азіи. Кн. I, стр. 17.

Неклепаевъ, И. Я. Повѣрья и обычаи Сургутскаго края. Кн. V, стр. 168.

Носиловъ, К. Д. У вогуловъ. Кн. III, стр. 107.

Реклю, Элизе. Земля и люди. Вып. VII. Кн. I, стр. 14.

ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ. — МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Бобрецкій, Н. Учебникъ зоологіи для студентовъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Кн. XII, стр. 447.

Борисякъ, А. Курсъ палеонтологіи. Ч. I. Кн. V, стр. 166.

Бремъ, А. Тундра, ея растительный и животный міръ. Кн. VIII, стр. 233.

Бутлеровъ, А. М. Какъ водить пчелъ. Кн. I, стр. 26.

Воейковъ, А. И. Метеорологія въ четырехъ частяхъ. Кн. IX, стр. 265.

Грецъ, Л. Краткій курсъ электричества. Пер. Филиппова. Кн. II, стр. 74.

Даммеръ, О. Доступные опыты по химіи. Перев. Нечаева. Кн. IV, стр. 140.

Digitized by Google

Елачичъ, Евгеній. 1) На чемъ основано раздѣленіе животнаго міра на отдѣлы. 2) Какъ животныя защищаются отъ своихъ враговъ. Кн. VIII, стр. 233.

Золотницкій, Н. О. Акваріумъ любителя. Изд. 3-е. Кн. V, стр. 167.

Климонтовичъ, А. А. Переселеніе животныхъ. Кн. VIII, стр. 234.

Клоссовскій, А. Символы элементарной математики. Кн. II, стр. 77.

Корнишъ, Чарльзъ Д. (состав.). Жизнь животныхъ въ фотографіяхъ съ натуры. Общедоступная зоологія. Подъ ред. Мензбира. Кн. III, стр. 110.

Лоренцъ, Г. А. Видимыя и невидимыя движенія. Перев. Шпенцеръ. Кн. IV, стр. 139.

Лункевичъ, В. Чудеса общежитія. Кн. VIII, стр. 234.

Мартинъ, Ф. Три царства природы. Популярно-научное руководство по естествовѣдѣнію. Перев. Эйзена. Кн. I, стр. 25.

Мейеръ, Вильгельмъ, д-ръ. Жизнь природы. Картины физическихъ и химическихъ явленій. Кн. IX, стр. 265.

Никольскій, А. М. Пресмыкающіяся и земноводныя Россійской Имперіи. Кн. XII, стр. 445.

Ньюкомъ, С., проф. Астрономія для всѣхъ. Перев. съ пред. Орбинскаго. Кн. IX, стр. 266.

Пуанкаре, Анри. Наука и гипотеза. Кн. I, стр. 26.

Рихарцъ, Ф. Новѣйшіе успѣхи въ области электричества въ общедоступно-научномъ изложеніи. Кн. VI, стр. 195.

Содди, Ф., проф. Радіоактивность. Элементарное изложеніе съ точки зрѣнія теоріи распадаатомовъ. Перев. Индриксона. Кн. XI, стр. 410.

Томпсонъ, Сильванусъ, проф. Проектированіе динамо-электрическихъ машинъ. Перев. Голова. Кн. XI, стр. 411.

Труды студенческаго кружка для изслѣдованія русской природы, состоящ. при москов. Импер. университ. Кн. II, кн. VIII, стр. 234.

Уоллесъ, Альфр. Мѣсто человѣка во вселенной. Перев. Лакіера. Кн. II, стр. 74.

Шарпъ, Давидъ. Насѣкомыя. Пер. Н. Я. Кузнецова. Кн. I, стр. 25.

Шимкевичъ, В. Курсъ сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ. Кн. VIII, стр. 232.

Яковлевъ, Н. Н. Геологическая исторія животнаго царства. Кн. III, стр. 111.

Abraham, H. Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Кн. IV, стр. 140.

Arrhenius, S. A. Физика неба. Кн. VI. стр. 193.

Auerbach, F. Царица міра и ея тѣнь. Общедоступное изложеніе основаній ученія объ энергіи и энтропіи. Кн. XII, стр. 445.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Гинрихсонъ, А. К. Культура всѣхъ огородныхъ растеній, произрастающихъ въ Россіи до 62° с. ш. и ихъ примѣненіе въ поваренномъ искусствѣ. Кн. V, стр. 169.

Долгихъ, І. Мнимый единорогъ, ргаму и реэмъ востока, уръ и туръ Европы, Bos primigenius палеонтологіи. Кн. XI, стр. 413.

Ермоловъ, А. Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Т. II, III и IV. Кн. VI, стр. 197.

Кучинъ, И. В. Разведеніе раковъ въ рѣкахъ и озерахъ. Кн. XI, стр. 411.

Къ 50-лѣтнему юбилею И. А. Стебута. Современные вопросы русскаго сельск. хозяйства. Кн. VI, стр. 196.

де-Лайансъ, Жоржъ. Уходъ за пчелами по новѣйшимъ способамъ. Пер. Изергина. Кн. XI, стр. 413.

Меликъ-Саркисянъ, С. А. Хлопковое дѣло въ Ферганской области и мѣры къ его упорядоченію. Кн. XII, стр. 448.

Ниппа, А. Руководство къ учету доходности сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Кн. VIII, стр. 235.

Отчетъ по лѣсному управленію за 1902 г. Кн. I, стр. 32.

Педашенко, А. Д. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1901 г. Кн. IX, стр. 267.

Полная энциклопедія русскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Т. IX, вып. I. Кн. V, стр. 170.

Поповъ, Е. И. Хлѣбный огородъ или ручное земледѣліе. Кн. VIII, стр. 236.

Порчинскій, І. Сѣрнистыя углероды въ борьбѣ съ вредными животными. Ч. I. Кн. XII, стр. 449.

Радошновъ, Н. Н. Огородъ. Ч. I. Общее огородничество. Кн. VIII, стр. 236.

Романовскій-Романько, А. С. Южное русское садоводство. Кн. VIII, стр. 236.

Сидорскій, И. В. Воздѣлываніе кормовой свекловицы и выращиваніе сѣмянъ ея въ своемъ хозяйствѣ. Кн. XI, стр. 411.

Скалозубовъ, Н. Л., агрономъ (состав.). О кобылкѣ. Какой она приноситъ вредъ земледѣлію и какъ бороться съ нею. Два чтенія для крестьянъ. Кн. XI, стр. 411.

Слезкинъ, П. Зерновые злаки, ихъ жизнь и пріемы воздѣлыванія. Кн. I, стр. 34.

Digitized by Google

Шалабановъ, Д. П. Организація общественнаго промышленнаго питомника плодовыхъ деревьевъ въ Россіи. Кн. IX, стр. 267.

Шиндлеръ, К. Г. Ученіе о земледѣльческихъ машинахъ и орудіяхъ. Вып. I. Кн. V, стр. 170.

Шнейдеръ, В. Искусственные туки и ихъ примѣненіе въ главныхъ государствахъ Европы и Соед. Штат. Сѣвер. Америки. Кн. V, стр. 170.

Шульце, В. Практическое руководство по сѣменоводству огородныхъ растеній. Кн. VIII, стр. 237.

Яриловъ, А. А. Педологія какъ самостоятельная естественно-историческая дисциплина о землѣ. Ч. I и II. Кн. VI, стр. 198.

ИСКУССТВО.

Долгова, Е. (состав.). Флоренція. Картинныя галлереи. I. Уффици. Кн. IX, стр. 258.

Картинныя галлереи Европы. Текстъ проф. Филиппи. Изд. Вольфа. Кн. IV, стр. 132.

Липаевъ, Ив. Оркестровые музыканты. Кн. IV, стр. 132.

МЕДИЦИНА.

Габеркорнъ, Ѳ., д-ръ. Малярія. Кн. I, стр. 32.

Лекціи по азіатской холерѣ, читанныя для врачей и студентовъ при Харьковскомъ университетѣ.—Очерки эпидеміи холеры 1892—93 гг. въ Воронежской губ. Мѣропріятія въ будущемъ. Кн. X, стр. 390.

Порчинскій, І. Малярійный комаръ въ связи съ болотной лихорадкой, его жизнь, свойство и способы борьбы. Кн. VIII, стр. 235.

Сводка ходатайствъ Пироговскаго общества врачей предъ правительственными учрежденіями за 20 лѣтъ. Состав. К. И. Шидловскій. Кн. I, стр. 30.

Черевкова, А. А. и Черевковъ, В. Д. Курсъ гигіены для среднихъ учебныхъ заведеній. Кн. IV, стр. 141.

Шмейль, О. Человѣкъ. Основы ученія о человѣкѣ и его здоровьѣ. Кн. I, стр. 31.

УЧЕБНИКИ. — ПОСОБІЯ. — КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Авенаріусъ, В. П. Лепестки и листья. Разсказы, очерки, афоризмы и загадки для юношества. Кн. XI, стр. 414.

Гр. де-ла-Бартъ, Ф. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. Ч. I. Кн. II, стр. 80.

Берло, А. Учебникъ русской грамматики. Кн. I, стр. 39.

„Библіотека Горбунова-Посадова". Чужой и другіе разсказы. Кн. I, стр. 36.

„Библіотека Всходовъ". 1) *Миссъ Брэдонъ*: Дѣти напрокатъ. 2) *К. Станюковичъ*: Антошка. 3) *А. Алтаевъ*: Ассанъ-Хызъ. Кн. II, стр. 77.

Библіотека Всходовъ: 1) *К. Носковъ*: Наши самоучки. В. А. Кольцовъ; 2) *Миссисъ Стюартъ*: Маленькій Джорджъ; 3) *Кэтъ Уильямъ*: Похожденія Тима; 4) *А. Зорина*: Потѣшные люди. Скрипачъ; *А. Алтаевъ*: Черная смерть. Кн. XII, стр. 454.

Божеряновъ, И. Н. Русскимъ людямъ о войнѣ. Кн. III, стр. 14.

Васильевъ, Петръ (состав.). Этимологія русскаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. Кн. III, стр. 113.

Вахтеровы, В. и Ѳ. Міръ въ разсказахъ для дѣтей. Первая послѣ букваря книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Кн. IX, стр. 268.

Вахтеровъ, В. П. Небесныя свѣтила. Изд. 2-е. (Библіотека „Юнаго читателя".) Кн. X, стр. 391.

Гадмеръ, Е. 1) Около желѣза и золота. 2) Птицы небесныя. (Библіотека нашихъ дѣтей.) Кн. I, стр. 37.

Дубницкій, Н. Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга. Кн. XII, стр. 457.

Дьяконова, П. И. (состав.) Краткая русская грамматика. Изд. 2-ое. Кн. XII. стр. 456.

Еврейская школа. Вып. I, II и III. Кн. III, стр. 113.

Желиховская, В. П. На весенней зарѣ. Кн. V, стр. 171.

Индриксонъ, Ф. Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. Кн. XII, стр. 457.

Кандезъ, Ѳ. Милочка.—Удивительныя приключенія пяти воробьевъ. Кн. I, стр. 38.

Квапилъ, Ярославъ. Сказка про принцессу Одуванчикъ. Пер. съ чешск. Новичъ. Кн. XII, стр. 457.

Конопницкая, Марія. Исторія о гномахъ и о сироткѣ Марисѣ. Перев. В. М. Лаврова, Кн. IX, стр. 269.

Кругловъ, А. В. Чудесная свѣча. Сказъ. Кн. I, стр. 38.

Крачковскій, Дм. Я. И. Ростовцевъ. Кн. XI, стр. 413.

Литвиненко, К. А. Систематическій сводъ правилъ русскаго правописанія. Кн. XII, стр. 455.

Львовъ, Влад. Какъ живутъ пчелы. Очеркъ. Кн. XI. стр. 416.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Сударь Пантелей-Свѣтъ Ивановичъ. Кн. IV, стр. 143.

Digitized by Google

Мельгуновъ, П. П. Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII вв. Посмертное изданіе. Кн. X, стр. 393.

Минцловъ, С. Р. Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ. Кн. III, стр. 112.

Наборъ, Феликсъ. Крестовый походъ дѣтей. Разсказъ изъ временъ XIII в. Кн. IX, стр. 268.

Нелидова, Л. Радость. Разсказъ. Кн. II, стр. 77.

Нелидовъ, Ѳ. Ѳ. Вольный крестьянскій врачъ С. И. Сычуговъ. Кн. X, стр. 392.

Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. III. Кн. XI, стр. 416.

Пименова, Э. Англичане и ихъ страна. Кн. IX, стр. 268.

— Море и его обитатели Кн. XI, стр. 414.

Поспѣловъ, С. Разсказы о дикихъ животныхъ Россіи. Книжка вторая и третья. (Библ. нашихъ дѣтей.) Кн. I, стр. 37.

Прядкинъ, С. Н. Изъ методики русской грамматики. Кн. XII, стр. 456.

Рихтеръ, Н. Вулканы. Кн. XII, стр. 457.

Ройтманъ, Дм. (состав.). Начала геомегріи. Отдѣлъ первый: Чѣмъ занимается геометрія? Отдѣлъ второй: Практическая геометрія.—Измѣреніе длинъ, площадей и объемовъ. Кн. XI, стр. 416.

Русова, С. В. В. Верещагинъ. Біографическій очеркъ. Кн. IV, стр. 142.

Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ школѣ и дома. Кн. I, стр. 34.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Пер. В. Лаврова. Изд. „Дѣтское Чтеніе“. Кн. X, стр. 391.

Сказки Леандера. Перев. Прозоровской. Кн. I, стр. 36.

Сливицкій, В. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка. Кн. XII, стр. 457.

Сомова, Е. К. Басни въ лицахъ. Кн. III, стр. 112.

Сэтонъ-Томсонъ, Э. Тито. Исторія луговой волчицы. Кн. V, стр. 172.

Тихомировъ, Д. И. Державный вождь земли русской императоръ Петръ Великій. Кн. II, стр. 78.

Чеглокъ, А. Разсказы. Кн. I, стр. 38.

„Школьная библіотека“, подъ редакціей Вл. Львова. 1) Въ нефтяномъ царствѣ. Очеркъ Вл. Львова. 2) Куница и соболь. Вл. Львова. 3) Въ неволѣ у туркменовъ и хивинцевъ. Разсказъ съ малоросс. Кн. V, стр. 171.

Шмейль, О. Животныя. Основы ученія о жизни и строеніи животныхъ. Кн. XI, стр. 415.

Ѳедоровъ, А. М. На Востокъ. Очеркъ. Кн. II, стр. 79.

ТЕХНОЛОГІЯ.

Лоренцъ, Г. Современныя холодильныя машины. Пер. Мурашка. Кн. VI, стр. 196.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Дружининъ, Н. П. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Ч. I и II. Кн. III, стр. 114.

Изданія Н. С. Щетинина: № 1) *В. І. Дмитріева.* Черезъ стѣну; № 2) Предатель. Проклятый утесъ; № 3) *Августъ Стриндбергъ.* Терзанія совѣсти; № 4). *Леонъ Кладель.* Гражданка Изидоръ. Кн. XII, стр. 450.

Поволжье. Сборникъ. Подъ ред. Лопуховскаго. № 1. Кн. XII, стр. 449.

Протопоповъ, С. Д. Изъ поѣздки въ Соловецкій монастырь. Кн. XII, стр. 453.

Русова, С. Божа искра. Оповидання про Рафаэля. Кн. XII, стр. 453.

Сабинина, М. Изъ жизни земли. Кн. XII, стр. 453.

Толстой, Л. Сказка о пустомъ барабанѣ. Кн. XII, стр. 452.

Успенскій, Гл. 1) Прогулка. 2) Чуткое сердце. Кн. XII, стр. 452.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Настольный энциклопедическій словарь. Т. I. Изд. Гранатъ. Кн. IV, стр. 143.

О нуждахъ русскаго библіотечнаго дѣла. Кн. VII, стр. 215.

О безплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ. Правила 15 мая 1890 г. Указы правител. сената. Циркулярныя распоряженія министра народнаго просвѣщенія. Кн. VI, стр. 192.

Отчетъ общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1903 годъ. Кн. IV, стр. 145.

Отчетъ костромской читальни имени А. Н. Островскаго за 1902—1903 и 1903—1904 академич. годы. Кн. XI, стр. 418.

Сопиковъ, В. С. Опытъ россійской библіографіи. Редакція Рогожина. Ч. I—IV. Кн. VII, стр. 214.

Справочно-педагогическое бюро херсонскаго губ. земства. Краткій обзоръ начальнаго народнаго образованія въ Херсонской губ. за 1901—1902 гг. Кн. XI, стр. 417.

ЖУРНАЛЫ.

„Вѣстникъ Воспитанія“ сентябрь 1904 г.—апрѣль 1905 г. Кн. XI, стр. 418.

Digitized by Google

„Дѣтскій Отдыхъ“ за 1904 годъ. Кн. I, стр. 46.
„Дѣтское Чтеніе“ за 1904 годъ. Кн. I, стр. 43.
„Женскій Вѣстникъ“ сентябрь — ноябрь 1904 г. Кн. I, стр. 46.
Журналъ министерства народнаго просвѣщенія (апрѣль 1904 г.—апрѣль 1905 г.). Кн. VI, стр. 199.
„Историческій Вѣстникъ“ 1904 г. № 5—12. Кн. II, стр. 81.
„Кіевская Старина“ 1904 г., № 10—12. Кн. II, стр. 81.
„Кіевская Старина“ 1905 г., январь—іюнь Кн. VIII, стр. 237.
„Педагогическій Листокъ“ за 1904 годъ. Кн. I, стр. 42.
„Русская Школа“ за 1904 годъ. Кн. I, стр. 39.
„Русскій Архивъ“ 1904 г. Кн. 1—12. Кн. IV, стр. 146.
„Русская Старина“ 1904 г. Кн. 1—12. Кн. VII, стр. 216.
„Семья и Школа“ 1905 г., № 1. Кн. II, стр. 81.
„Старина и Новизна“. Историч. сборн. Кн. 7 и 8. Кн. IV, стр. 148.
„Этнографическое Обозрѣніе“ 1904 г. № 3—4; 1905 г. № 1. Кн. VIII, стр. 241.

Digitized by Google

Русская Мысль.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Кареѣва	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго и Проф. В. Т. Шевякова	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые два мѣсяца.

Вышелъ 81-й полутомъ.

Цѣна каждаго полутома 3 р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Цѣна каждаго 1 р. 50 к. безъ пересылки. Всѣхъ выпусковъ двѣнадцать.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1).

Типо-лит. Товар. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., с. д.

Digitized by Google

Открыта подписка на 1906 годъ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

XXXVIII г. **ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.** XXXVIII г.

Въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки, 5 р. съ пересылкой.

Особымъ отдѣломъ ученаго комитета мин. народн. просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 32542, отъ 21 ноября 1902 г.)

Каждая эпоха въ исторической жизни народа, разрѣшая назрѣвшія жизненныя задачи, тѣмъ самымъ открываетъ народу путь къ высшимъ ступенямъ духовнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что истинное просвѣщеніе и школьное образованіе въ частности могутъ послужить сильнымъ рычагомъ къ скорѣйшему подъему духовнаго развитія всего народа, особенно же подрастающаго поколѣнія. Школа и книга могутъ внести въ жизненный обиходъ соотвѣтствующія данной эпохѣ новыя жизненныя понятія, мысли, чувства, стремленія, идеалы. Общественный подъемъ и начатыя правительствомъ реформы нашихъ дней настойчиво требуютъ отъ книги и школы насажденія и культивированія въ народѣ и юношествѣ—гражданственности, соотвѣтственно *правовой жизни* народа. Журналы „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“, служа вѣковѣчнымъ задачамъ воспитанія и обученія, всегда откликались—въ мѣру возможности—и на текущія злобы дня и выдающіяся событія въ жизни русской и всемірной. Въ настоящее же время „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“ съ особенною настойчивостью будутъ развивать въ своихъ читателяхъ тѣ разумныя и добрыя мысли и чувства, которыя наиболѣе способны воспитать въ человѣкѣ—свободнаго гражданина-дѣятеля на благо родной страны.

Въ 1906 г. журналъ „Дѣтское Чтеніе“ дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ и проч.

Безплатныя приложенія: I. Меньшіе братья въ семьѣ народовъ.—Очерки быта и нравовъ дикарей. Я. А. Берлина. Со многими рисунками.

1. Дивовища или люди? 2. Дѣти природы. 3. Братская жизнь. 4. Мірскія дѣла. 5. Вожди и начальники. 6. Дѣлу—часъ, потѣхѣ—время. (Первобытный трудъ; общественныя удовольствія и увеселенія). 7. Тяжелая доля. (Положеніе женщины). 8. Дикіе ребятишки. 9. Голь на выдумки хитра. (Первобытная техника). 10. Классъ приготовительный. (Языкъ; начатки точнаго знанія; письмо; искусство). 11. Волшебное царство. (Вѣрованія). 12. Сказочные люди. (Колдуны). 13. Какъ и изъ-за чего воюютъ дикари. 14. Опять сказочные люди. (Людоѣды). 15. Мирныя сношенія. 16. Неравная борьба. (Изъ отношеній культурныхъ народовъ и дикарей). *Заключеніе.* II. Слава Севастополя, сборникъ къ пятидесятилѣтію севастопольской войны, съ рисунками: 1. Война—Бѣдствіе народное. Д. Т. 2. Полвѣка спустя. Величественный городъ. Графская пристань. Братское кладбище. Старый инвалидъ. Въ храмѣ.—II. Россіева. 3. Впечатлѣнія Севастополя. Севастополь. Херсонесъ. Малаховъ курганъ. Братское кладбище. На прощанье.—Стихотворенія Е. Буланиной. 4. Севастопольцы. Е. Владиміровой. 5. Дѣти-герои. Г. Т. Сѣверцова-Полилова. III. Три сказки Андерсена, переводъ Е. Владиміровой. IV. Смертный жребій, разсказъ Марка-Твена, переводъ съ англійскаго. V. Темные люди, разсказъ Джека Лондона, переводъ съ англійскаго. Р. Рубиновой. VI. Орсо, разсказъ Генрика Сенкевича, переводъ съ польскаго Вукола Лаврова.

Digitized by Google

Подписная цѣна: на „Дѣтское Чтеніе".
Безъ доставки на годъ . . . 4 р. 50 к.
Съ доставк. и перес. на годъ 5 „ — „

Подписная цѣна: на „Дѣтское Чтеніе" съ „Педагогическимъ Листкомъ" (8 кн.).
Безъ доставки на годъ . . . . . 5 р.
Съ доставк. и перес. на годъ . . 6 „

За границу „Дѣтское Чтеніе" съ „Педагогическимъ Листкомъ"—8 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи: Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Д. И. Тихомирова, и у книгопродавцевъ. Книгопродавцамъ уступка 5%.

Плата за объявленія въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе" за цѣлую страницу 40 р., за полстраницы 20 р.

За помѣщеніе объявленій передъ текстомъ—плата вдвое. Отдѣльн. прилож. съ тысячи экземп.

вѣсомъ въ 1 лотъ . . . . . 8 руб. | вѣсомъ въ 3 лота . . . . . 15 руб.
„ „ 2 „ . . . . . 12 „ | „ „ 4 „ . . . . . 18 „

Оставшіеся комплекты журнала „Дѣтское Чтеніе" за прежніе годы съ 1897—1904 гг. по 4 р. 50 к. безъ пересылки.

Постановленіемъ международной экспертной комиссіи при всемірной выставкѣ 1905 г. въ Люттихѣ (Льежѣ) присуждена редактору журналовъ „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ" Д. И. Тихомирову за названные журналы и другія педагогическія изданія золотая медаль. Кромѣ того, при выставкѣ „Дѣтскій Міръ" въ Петербургѣ 1904 г. присуждена Д. И. Тихомирову „за изданіе журнала „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ", за изданіе цѣлаго ряда прекрасныхъ книгъ и за составленіе многочисленныхъ весьма полезныхъ руководствъ для низшихъ училищъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній",—золотая медаль. Литературно-педагогическіе труды Д. И. Тихомирова удостоены слѣдующихъ наградъ: золотыхъ медалей отъ петербургскаго и московскаго комитетовъ грамотности; почетнаго отзыва отъ съѣзда дѣятелей по технич. и профессіональному образованію; золотой медали отъ всемірной выставки въ Парижѣ 1900 г.; почетнаго диплома отъ международной выставки въ Парижѣ 1904 г.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ

Вышла ноябрьская книжка журн. „Дѣтское Чтеніе" за 1905 годъ.

---

1 р. 75 к. безъ перес. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ 2 р. съ пересылкой.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Тридцать восьмой годъ изданія.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Постановленіемъ международной экспертной комиссіи при всемірной выставкѣ 1905 г. въ Люттихѣ (Льежѣ) присуждена редактору журналовъ „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ" Д. И. Тихомирову за названные журналы и другія педагогическія изданія золотая медаль. Кромѣ того, при выставкѣ „Дѣтскій Міръ" въ Петербургѣ 1904 года присуждена Д. И. Тихомирову „за изданіе журнала „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ", за изданіе цѣлаго ряда прекрасныхъ книгъ и за составленіе многочисленныхъ весьма полезныхъ руководствъ для низшихъ училищъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній",—золотая медаль. Литературно-педагогическіе труды Д. И. Тихомирова удостоены слѣдующихъ наградъ: золотыхъ медалей отъ Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности; почетнаго отзыва отъ съѣзда дѣятелей по технич. и профессіональному образованію; золотой медали отъ всемірной выставки въ Парижѣ 1900 г.; почетнаго диплома отъ международной выставки въ Парижѣ 1904 г.

Digitized by Google

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками около 5 листовъ.

Программа журнала на 1906 годъ:

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ печатаются статьи по вопросамъ домашняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школѣ и дома, статьи по психологіи, физіологіи, педагогикѣ, исторіи педагогическихъ ученій, по дидактикѣ и методикѣ обученія, по исторіи школьнаго образованія, по гигіенѣ домашней и школьной, образцовые уроки по предметамъ школьнаго курса, дѣтскія игры и полезныя занятія, статьи о народномъ образованіи, біографіи педагоговъ, общественныхъ дѣятелей по народному образованію и другихъ лицъ, могущихъ послужить по своему характеру, силѣ воли и жизнедѣятельности поучительнымъ примѣромъ для воспитателя и учителя, статьи по законовѣдѣнію, обществовѣдѣнію, философіи, математикѣ, стихотвореніе, очерки по литературѣ, по искусству, общей географіи и другія общенаучныя статьи. *Періодическій указатель* дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое изложеніе и разборъ *вновь выходящихъ книгъ* для дѣтей, учебныхъ руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей. Въ журналѣ ведется постоянный отдѣлъ хроники школьной жизни подъ общимъ заглавіемъ „Наша Школа“.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе:

Гг. Анофріевъ, В. И.—Абрамовичъ.—Вагнеръ, В. А.—Волковскій Д. Л.—Гольцевъ, В. А.—Галанинъ, Д. Д.—Ельницкій, К. В.—Ермиловъ, В. Е.——Ивановъ, И. И.—Каллашъ, В. В.—Коганъ, П. С.—Кречетовъ, М. В.—Канель, В. Я.—Левитскій, А. А.—Оболенскій, Л. Е.—Позняковъ, Н.—Скабичевскій А. М.—Скворцовъ, Н. А.—Силаковъ, А. С.—Тулуповъ, Н. В.—Тихомировъ, Д. И.—Флитъ, Б.—Фалѣевъ, В. А.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки на годъ . . . . . 1 р. 75 к.
Съ доставкой и пересылкой въ годъ. . . . . 2 „ — „
Съ доставкой и пересылкой на ½ года. . . . . 1 „ — „
„Педагогическій Листокъ“ вмѣстѣ съ „Дѣтскимъ Чтеніемъ“ на г. 6 „ — „

Адресъ редакціи:

Москва, Большая Молчановка, домъ № 24, Дм. Ив. Тихомирова.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ УСТУПКА 5%.

Въ конторѣ имѣются въ продажѣ оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“ за прежніе года: 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1905 гг. Цѣна „Дѣтскаго Чтенія“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ по 5 руб. за годъ безъ пересылки. „Дѣтское Чтеніе“ безъ „Педагогическаго Листка“ 4 р. 50 к. „Педагогическій Листокъ“ безъ „Дѣтскаго Чтенія“ 1 р. 50 к. безъ пересылки.

За 1904 г. „Педагогическій Листокъ“ разошелся безъ остатка.

Плата за объявленія въ журналѣ „Педагогическій Листокъ“.

За ¹/₁ страницу 40 р. За ½ страницы 20 р.

За помѣщеніе объявленій передъ текстомъ—плата вдвое. Отдѣльн. прилож. съ тыс. экземпл.

вѣсомъ въ 1 лотъ . . . . . 8 руб. ● вѣсомъ въ 3 лота . . . . . 15 руб.
„ „ 2 „ . . . . . 12 „ ● „ „ 4 „ . . . . . 18 „

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека.

Каталогъ высылается безплатно по первому требованію.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

НОВОСТИ.

(Подъ редакціей О. К. НОТОВИЧА).

Вмѣстѣ съ **еженедѣльнымъ** иллюстрированнымъ, художественнымъ и литературнымъ журналомъ:

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ,

заключающимъ въ себѣ, кромѣ литературно-художественныхъ отдѣловъ:

МЕДИКО-ГИГІЕНИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(Эскулапъ).

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Новѣйшія открытія и изобрѣтенія, успѣхи промышл. и торг. въ связи съ успѣхами наукъ, просвѣщенія и техники).

НОВѢЙШІЯ МОДЫ И СПОРТЪ

и Естественно-научное обозрѣніе.

(„Природа и хозяйство“: естеств. науки, сельское хозяйство, садоводство и т. п.).

Обширный матеріалъ по гигіенѣ и медицинѣ, домоводству, сельскому хозяйству, техникѣ и, вообще, для цѣлей самообразованія.

Въ газетѣ и журналѣ принимали и принимаютъ участіе:

Агафоновъ, В. К.—Анненкова-Бернаръ, Н. П.—Антроповъ, Р. Л.—Арепьевъ, Н. Ф.—Ассъ, М. М.—(Левъ Максимъ),—Баранцевичъ, К. С.—Кн. Барятинскій, В. В.—Бентовинъ, Б. И.—Берсъ, А. А.—Билибинъ, В. Б.—Бирюковичъ, В. В.—Блохъ, Г. А.—Бородинъ, Д. Н.—Быстровъ, Н. И.—Бѣловъ, В. Д.—Варенцовъ, А. Н. (Таежный).—Василевскій, И. Ф.—(Буква).—Ватсонъ, М. В.—Вейнбергъ, П. И.—Вейнбергъ, А. А.—Венгеровъ, С. А.—Венгерова, З. А.—Веселовская, А. А.—Веселовскій, А. Н.—Веселовскій, Ю. А.—Гликманъ, Д. О.—Городецкій, М. Б.—Гольденблюмъ, А. И.—Гольдгаммеръ, Д.—Грейденбергъ, Б. С.—Далматовъ, В. П.—Дембо, Г. И.—Елпатьевскій, С. Я.—Исаевъ, А. А.—Катловкеръ, Б. А.—Карабчевскій, Н. П.—Кирпичниковъ, С. Д.—Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—Кулишеръ, М. И.—Красновъ, Пл. Н.—Кюи, Ц. А.—Лединъ, И. П.—Лесманъ, А. М.—Ломброзо, Чезаре, Лондонъ, Е. В.—Мантогацца, Паоло.—Матюшенскій, А. И.—Мельницкая, А. В.—Модестовъ, В. И.—Морозовъ, П. О.—Мунштейнъ (Lolo).—Недзвѣцкій, В. Н.—Немировичъ-Данченко, В. И.—Никитинъ, В. Н.—Никольскій, Д. П.—Новиковъ, А. И.—Оршанскій, И. Г.—Плющикъ-Плющевскій, Я. А.—Покровская, М. И.—Полонскій, Л. А.—Пругавинъ, А. С.—Пэкъ, В. А.—Раппопортъ, С. И.—Рославлевъ, І. І.—(Псевд.).—Свирскій, А. И.—Сильчевскій, Д. П.—Скабичевскій, А. М.—Слобожанинъ, Е. Д.—Соллогубъ, Ѳедоръ.—Спасовичъ, В. Д.—Старцевъ, Г. Е.—Стасовъ, В. В.—Субботичъ, А. П.—Сумбатовъ, кн. А. И.—Танъ.—Толстой, гр. Л. Л.—Трачевскій, А. С.—Трозинеръ, Ѳ. Ѳ. (Мечтатель).—Фальковскій, Ф. Н.—Фирсовъ, Н. Н. (Рускинъ).—Фламмаріонъ, Камиллъ.—Хирьяковъ, А. М.—Чюмина, О. Н.—Шапировъ, Б. М.—Шапиръ, О. А.—Шумковъ, В. В.—Эрастовъ, Г. М.—Эфросъ, Н. Е.

Съ цѣлью сдѣлать 1-е (большое) изданіе „НОВОСТЕЙ“ доступнымъ для болѣе широкихъ круговъ читателей

цѣна этого изданія

ПОНИЖЕНА на 5 руб.—съ 17 руб. до 12 руб.

для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

I (большого) изданія для городскихъ и иногородныхъ:

12 мѣс.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
12 —	11 25	10 75	10 —	9 —	8 —	7 —	6 —	5 —	4 —	2 70	1 40

За границу:

20 —	19 —	18 —	17 —	15 —	13 —	11 —	10 —	8 —	6 —	4 —	2 —

Digitized by Google

II (малаго) изданія для городскихъ подписчиковъ:

На годъ	6	руб.	— коп.
6 мѣсяцевъ	3	„	— „
3 мѣсяца	1	„	50 „
1 мѣсяцъ	—	„	60 „

Для иногородныхъ подписчиковъ:

На годъ	7	руб.	— коп.
6 мѣсяцевъ	3	„	50 „
3 мѣсяца	1	„	75 „
1 мѣсяцъ	—	„	60 „

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца. Подписка на 1 годъ считается только съ 1 января по 1 января. Разсрочка допускается только на 1 изданіе съ 1 января на годъ; при подпискѣ—4 руб., въ мартѣ—4 р. и въ іюлѣ—4 р. При подпискѣ на время менѣе года разсрочка не допускается.

Отдѣльная подписная цѣна журнала „Петербургская Жизнь“: безъ доставки и пересылки: на 1 годъ—5 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 75 к. Съ доставкою и пересылкою: на 1 годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р., на 2 мѣс.—1 р.

Подписныя деньги присылаются, по возможности, почтовыми переводами, по адресу: **Главной конторы газ. „Новости“, Спб., Кирочная, 24.**

Городская контора газ. „Новости“, Спб., Невскій пр., 30. Телефонъ 787.

Редакторъ **О. К. Нотовичъ.** Издатель **Ю. Б. Бакъ.**

„Въ своїй хаті своя сила,
своя правда, своя воля“.

І

Открыта подписка на 1906 годъ

на ПЕРВУЮ въ Россіи газету на украинскомъ языкѣ

УКРАЇНА

и еженедѣльный и ежемѣсячный журналы на томъ же языкѣ

„ЗОРЯ“ И „ХАТА“.

I. Газета для народа **„Украіна“**, 150 №№, 2 р. 50 к. въ годъ.

Газета предназначена и стилизована на пониманіе широкихъ народныхъ массъ.

Программа конституціонно-демократическая.

Свободное украинское слово.—Проовѣщеніе народа на родномъ языкѣ.—Добытая кровью и политая трудовымъ потомъ земля должна принадлежать украинскому люду.—Автономность (но не сепаратизмъ) Украины.—Выборная украинская краевая рада.—Выборные судъ, администрація и духовенство.—Всесословная волость.—Подоходный налогъ.

Главное вниманіе редакціи будетъ посвящено интересамъ трудового земледѣльческаго класса.

II. Еженедѣльный богато иллюстрированный журналъ **„Зоря“**, 50 №№ 2 р. 50 к. въ годъ.

III. Ежемѣсячный журналъ **„Хата“**, 12 книжекъ 1 р. 50 к. въ годъ.

Держась тѣхъ же принциповъ, что и газета, журналы будутъ мѣстить въ себѣ отдѣлы украинской беллетристики, политики, критики, исторіи, библіографіи, сельскохозяйствен. отдѣлъ и пр. „Хата“ также будетъ иллюстриров. по мѣрѣ надобности.

Подписная цѣна на газету и оба журнала 6 руб. въ годъ. Разсрочка по соглашенію съ редакціей.

Участіе будутъ принимать лучшіе украинскіе и галицкіе писатели, публицисты, ученые и художники (полный списокъ будетъ опубликованъ въ концѣ декабря 1905 г.). Первые №№ выйдутъ 1 января 1906 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція проситъ украинскихъ писателей, ученыхъ, художниковъ, переводчиковъ съ русскаго и иностранныхъ языковъ на украинскій и лицъ, располагающихъ чужими произведеніями и матеріалами, относящимися къ родному краю и ранѣе не напечатанными, и вообще лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ журн. и газетой, прислать свои произведенія и въ той или иной формѣ поддержать это начинаніе.

Редакція и контора—Москва, Тверская, Чернышовскій пер., 16.

Редакторъ-издатель пр. повѣр. Иванъ Оппоковъ.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

17-й годъ изданія,

ежемѣсячный журналъ новостей, открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ свѣдѣній практическаго характера. Имѣя въ виду многообразныя нужды русской промышленности и торговли, а также различные вопросы и явленія современной жизни въ этой обширной области труда, редакція отводитъ на страницахъ журнала надлежащее вниманіе и мѣсто статьямъ соотвѣтствующаго характера. Задавшись цѣлью служить практическимъ интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзнодорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и библіографія; смѣсь: замѣтки о новостяхъ техники, промышленности, разныя мелкія извѣстія и т. д.; справочный отдѣлъ: торговыя и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственныя распоряженія.

Приложенія: сочиненія по разнымъ отраслямъ техники, чертежи и пр.

За истекшія шестнадцать лѣтъ въ составъ сотрудниковъ журнала вошли слѣдующія лица:

Профессоры и адъюнкты-профессоры Технологическихъ институтовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго, Императорскаго Московскаго Техническаго училища, Рижскаго и Кіевскаго Политехническихъ институтовъ и др.—В. И. Альбицкій, М. Н. Берловъ, К. А. Владиміровъ, П. В. Войнаровскій, А. П. Гавриленко, В. А. Гемиліанъ, А. Д. Гатцукъ, А. В. Гречаниновъ, М. Н. Демьяновъ, К. Г. Дементьевъ, П. Ф. Ерченко, Г. Ф. Деппъ, В. Г. Залѣсскій, К. А. Зворыкинъ, И. А. Каблуковъ, В. Л. Кирпичевъ, П. В. Котурницкій, Н. П. Ланговой, С. П. Ланговой, А. П. Лидовъ, П. М. Мухачевъ, Я. Я. Никитинскій, П. Н. Петровъ, А. И. Предтеченскій, Б. Н. Писаревъ, А. И. Сидоровъ, П. С. Страховъ, Н. И. Тавилдаровъ, С. Л. Франкфуртъ, М. М. Черепашинскій, В. В. Шкателовъ и др.

Преподаватели, ассистенты, лаборанты—И. П. Александровъ, А. М. Бочваръ, А. П. Величковскій, Н. Л. Громъ, И. В. Егоровъ, В. П. Залѣсскій, Д. В. Зубаревъ, В. Д. Мѣшаевъ, Е. И. Орловъ, Л. К. Лейхманъ, Н. А. Пановъ, В. П. Пантелѣевъ, К. М. Плѣшковъ, А. Русановъ, В. М. Серебровскій, А. М. Соколовъ, Б. А. Солонина, А. Н. Шустовъ и др.

Представители фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. промышленныхъ предпріятій, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій—М. И. Алтуховъ, И. К. Андрюковъ, Н. Н. Аляичниковъ, Л. Я. Аркинъ, А. Г. Бадюкъ, Г. М. Барановъ, В. Я. Бенинъ, Н. Е. Березовскій, Н. Н. Ботвинкинъ, И. П. Боклевскій, С. И. Бокастовъ, Л. А. Боровичъ, А. И. Бѣловъ, Е. Я. Вайнъ, Ф. И. Варакосинъ, М. К. Васильевъ, И. Видавскій, П. П. Викторовъ, Ю. Ф. Вишневскій, Г. В. Вдовишевскій, С. В. Ганшинъ, П. Гарберъ, К. Ф. Гессель, Л. Н. Глазовъ, Н. П. Глухаревъ, Д. А. Головъ, І. П. Горенцель, А. Ф. Грязновъ, А. В. Грушке, С. И. Гулишамбаровъ, И. Гурвичъ, А. Н. Державинъ, И. А. Добряковъ, К. Дьяконовъ, В. Ефременковъ, Л. П. Жеребовъ, А. А. Завадскій, А. Завалишинъ, И. Залкиндъ, Н. Н. Зворыкинъ, А. А. Зябловъ, П. Касаткинъ, Д. Кирпичниковъ, Н. А. Кирпичниковъ, С. А. Козьминъ, А. И. Коренблитъ, П. Н. Коротковъ, М. Г. Котельниковъ, М. И. Кузнецовъ, К. В. Курченинновъ, А. Г. Лаписовъ, Л. М. Лялинъ, П. А. Малыхъ, И. Г. Манохинъ, А. Н. Машкинъ, А. Мейро, А. П. Милинскій, Н. В. Мыльниковъ, А. М. Настюковъ, Ф. Ф. Надлеръ, И. М. Нелюбинъ, Н. Я. Нелькинъ, М. А. Нетыкса, К. Ф. Неймайеръ, С. Ф. Николаевскій, Л. В. Николаевъ, С. Я. Никитинскій, М. И. Носачъ, Н. П. Овсянниковъ, В. Н. Оглоблинъ, А. И. Онуфровичъ, П. А. Персіяни-

Digitized by Google

новъ, Н. А. Песоцкій, П. Т. Плаксицкій, В. Е. Полуэктовъ, Л. О. Плущевскій, А. А. Прессъ, А. Г. Разуваевъ, К. Рейнеръ, А. С. Рейсеръ, Х. Х. Рейманъ, Н. Родимцевъ, А. И. Романовъ, М. А. Рыловъ, А. Э. Сабекъ, А. Семеновъ, С. Сербиновичъ, П. И. Скитицъ, А. А. Соломка, О. Старикъ, Н. Д. Степановъ, И. Тауберъ, М. Н. Триполитовъ, А. Н. Угаровъ, А. Г. Фадѣевъ, И. А. Федоровъ, Н. А. Филипповъ, И. М. Фуксъ, Г. Г. Хелимскій, М. Я. Цолкеръ, В. Черневъ, О. В. Шаньгинъ, А. Ѳ. Шварабовичъ, д-ръ Юркевичъ, Ю. А. Эльтерманъ, П. К. Энгельмейеръ, М. Е. Эфросъ и др.

Журналъ одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народн. просвѣщенія.

Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905 гг. высылаются по 16 р.—Выписывающіе за всѣ шестнадцать лѣтъ сразу платятъ 110 р.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№.

Пробные №№ высылаются по первому требованію по 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка. 16 руб. въ годъ съ доставкой, за $^1/_2$ года—9 руб. Учащимся—скидка въ 25%.

Подписка принимается: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Редакторъ-изд. учен. инж.-мех. **К. А. Казначеевъ.**

Новая, большая политическая, общественная и литературная газета

ЖИЗНЬ

начала выходить съ двадцатаго числа ноября.

Въ газетѣ будутъ принимать участіе: Н. Н. Баженовъ, А. М. Бернгейнъ, А. С. Бѣлевскій, В. Я. Богучарскій, М. М. Винаверъ, І. В. Гессенъ, О. Б. Гольдовскій, А. К. Дживелеговъ, Н. М. Жадановъ, М. И. Ипполитовъ-Ганфманъ, С. Е. Кальмановичъ, Б. А. Кистяковскій, М. М. Ковалевскій, А. А. Корниловъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, С. А. Котляревскій, А. Р. Кугель (Homo Novus), Е. Д. Кускова, А. Р. Лединцкій, С. Б. Любошицъ, С. В. Лурье, А. Н. Максимовъ, М. Л. Мандельштамъ, В. А. Маклаковъ, П. Н. Милюковъ, Л. Г. Мунштейнъ, В. Д. Набоковъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, П. И. Новгородцевъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, И. А. Петровскій, И. И. Петрункевичъ, Д. Д. Плетневъ, И. И. Поповъ, В. П. Преображенскій, С. Н. Прокоповичъ, Е. В. де-Роберти, Ѳ. И. Родичевъ, В. М. Саблинъ, Ю. А. Спасскій, П. Б. Струве, кн. А. И. Сумбатовъ, Танъ (В. Г. Богоразъ), Н. В. Тесленко, В. Ю. Уманскій, Р. М. Хянъ, кн. Д. И. Шаховской, кн. С. И. Шаховской, Н. Е. Эфросъ и др.

Смѣло и рѣшительно порвавъ со старымъ порядкомъ, выступаетъ на историческую арену демократическая Россія. Близка ея величественная побѣда.

Посильно содѣйствовать скорѣйшему и полному торжеству въ русской жизни всѣхъ началъ истинной демократіи—такова задача и программа нашей газеты.

Примыкая къ лѣвому крылу конституціонно-демократической партіи, мы будемъ отстаивать радикальныя политическія и экономическія реформы въ интересахъ трудящихся массъ.

Демократическая конституція, гарантированныя свободы, интересы труда,—напряженной, неотступной борьбѣ за эти лозунги отдаетъ „Жизнь“ свои силы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой и доставкой:

на годъ—8 р., на $^1/_2$ года—4 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—75 к.

Съ выхода газеты по 1-е января 1906 г.—75 к., подписавшіеся на годъ до 1-го января 1906 г. получаютъ газету безплатно.

За границу: на годъ—12 р., на $^1/_2$ г.—6 р., на 3 мѣс.—3 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ главной конторѣ редакціи—уг. Кузнецкаго моста и Неглинnаго пр., д. Купеческаго об-ства, въ отдѣленіи конторы—Леонтьевскій пер., д. № 5 и во всѣхъ крупныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и провинціальныхъ городовъ.

Редакція—Поварская, Борисоглѣбскій пер., д. Родіонова.

Редакторъ-издатель **В. М. Саблинъ.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 г.

НА

Еженедѣльный общественно-литературный иллюстрированный

ЖУРНАЛЪ

НОВОЕ СЛОВО.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ „НОВАГО СЛОВА": Москва, Тверская, Мамонтовскій пер., д. Карякиной. Телефонъ № 81—32.

Для пріема подписки и объявленій контора открыта: Въ будни отъ 9 ч. утра до 6 ч. в. Въ праздникъ—отъ 11 ч. утра до 4 ч. дня.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

50 №№ въ годъ, съ пересылкой и доставкой.

На годъ . . . . . 3 руб.
„ 1/2 года . . . . . 2 „
„ 1/4 „ . . . . . 1 „

„Новое Слово" будетъ прежде всего отстаивать матеріальные и духовные интересы трудящейся массы, будетъ стоять за то, чтобы жизнь трудящагося человѣка не была нищенски—бѣдной и темной, какъ это сплошь и рядомъ существуетъ теперь.

Журналъ нашъ зародился въ такое время, когда вся жизнь Россіи, сверху донизу, должна переустроиться на новыхъ основаніяхъ: свободы и справедливости. Надо бороться противъ старыхъ, несправедливыхъ порядковъ, которые не сразу уступятъ свое мѣсто новымъ. Всѣми силами надо стараться, чтобы новое дѣйствительно установилось въ жизни, чтобы въ самомъ дѣлѣ была гражданская свобода, неприкосновенность личности, равенство всѣхъ передъ закономъ и справедливая оцѣнка труда,

„Новое Слово" разъяснитъ массѣ населенія, въ чемъ заключаются новые порядки, почему они такъ необходимы и такъ желанны для благосостоянія народа.

Прежде не позволяли писать для массы населенія, для рабочихъ и крестьянъ ясно и вразумительно обо всемъ, что особенно близко, нужно и дорого русскому народу. Теперь, когда печать стала свободной, можно не скрываясь, говорить о насущныхъ нуждахъ народа и всего государства.

Мы хотимъ, чтобы по цѣнѣ нашъ журналъ былъ доступенъ для массы небогатаго населенія; по языку—былъ понятенъ для всякаго грамотнаго человѣка, а по содержанію былъ интересенъ не только для простого человѣка, но и вообще для широкихъ слоевъ русскаго общества.

ВЪ „НОВОМЪ СЛОВѢ" ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Леонидъ Андреевъ, М. П. Арцыбашевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, М. М. Богословскій, И. А. Бунинъ, Ю. А. Бунинъ, М. В. Веселовская, Ю. А. Веселовскій, О. Волжанинъ, Н. Голантъ, Е. П. Гославскій, В. А. Готвальтъ, А. М. Гущина, А. К. Дживелеговъ, Д. Н. Егоровъ, И. Н. Игнатовъ, А. А. Кизеветтеръ, М. Н. Ковалевскій, П. А. Кожевниковъ, Н. А. Крашенинниковъ, Максъ-Ли, С. П. Мельгуновъ, Н. К. Муравьевъ, С. А. Найденовъ, Н. Н. Оглоблинъ, П. Н. Сакулинъ, В. Ю. Скалонъ, Н. А. Скворцовъ, В. Н. Сторожевъ, Танъ, Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковскій, М. И. Фридманъ, А. С. Хахановъ, В. М. Хвостовъ, Е. Н. Чириковъ, С. А. Шумаковъ, Г. Я. Шустерманъ, П. М. Ярцевъ и др.

„НОВОЕ СЛОВО" будетъ выходить въ свѣтъ съ 1-го января 1906 г., но для ознакомленія публики первый № журнала выйдетъ въ свѣтъ 1-го декабря 1905 г. и будетъ немедленно разосланъ всѣмъ подписчикамъ.

Первый же номеръ „НОВАГО СЛОВА" будетъ высылаться всѣмъ желающимъ за 3 семикоп. марки.

Редакторъ-Издатель Н. А. Крашенинниковъ.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г. на

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

21-й годъ изданія.

Еженедѣльное общеполезное изданіе съ рисунками и чертежами въ текстѣ образцовъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

„Ремесленная Газета" необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т.-е. во всякомъ семействѣ.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ „Ремесл. Газетѣ" будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ еженедѣльныхъ сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ, редакція будетъ давать безплатно отвѣты и совѣты на запросы гг подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогого (многимъ недоступнаго) матеріала за крайне дешевую цѣну.

Каждый подписчикъ получитъ въ теченіе года:

а) 50 №№ „Рем. Газ.", содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ въ текстѣ и приложеніяхъ, б) иллюстрированный настѣнный календарь и в) двѣнадцать слѣдующихъ премій-сборниковъ, составленныхъ изъ новѣйшихъ лучшихъ образцовъ, представляющихъ собою точные снимки съ натуры, сдѣланные въ Россіи и за границей, и т. п. изданій.—Сборники рисунковъ мебели, столярныхъ и пр. издѣлій. Сборникъ рисунковъ мягкой мебели. Сборникъ рисунковъ драпировокъ для оконъ, дверей и пр. Сборники рисунковъ желѣзныхъ воротъ, оградъ и пр. Сборникъ плотничныхъ и т. п. работъ—дверей, воротъ, оградъ и пр.

Примѣчаніе: I. Эти новые сборники вмѣстѣ съ изданными въ предшествующіе годы могутъ составить рѣдкія и богатыя собранія рисунковъ и чертежей образцовыхъ издѣлій по разнымъ ремесламъ. II. Эти сборники въ отдѣльной продажѣ будутъ стоить каждый по 1 руб. и болѣе (съ перес.). III. Къ сборникамъ будутъ приложены соотвѣтствующія описанія входящихъ въ составъ ихъ рисунковъ и чертежей.

Каждый подписчикъ всегда можетъ сборникъ, не соотвѣтствующій его нуждамъ, продать лично, или при посредствѣ мѣстнаго книжнаго магазина, спеціалисту по соотвѣтствующему ремеслу.

Кромѣ того, будутъ помѣщаемы въ „Рем. Газ." образцы новѣйшихъ мужскихъ модъ всѣхъ сезоновъ, а также образцы модной обуви мужской и женской.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№ съ преміями.

Подписная цѣна: 6 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой, за полгода 4 руб.

Полные экземпляры „Ремесленной Газеты" со всѣми приложеніями за 1886 г. по 10 р., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892 (безъ книгъ), 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905 гг. (безъ сборниковъ) высылаются по 5 р.; а за 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905 гг. съ преміями-сборниками рисунковъ по разнымъ ремесламъ—по 12 руб.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. всѣ разошлись.

„Ремесленная Газета" рекомендована г. министромъ народ. просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальныхъ училищъ.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская улица, домъ № 71.

Редакторъ-издатель ученый инженеръ-механикъ К. А. Казначеевъ.

Digitized by Google

Открыта подписка на 1906 г.

на двухнедѣльный журналъ для чтенія въ семьѣ и школѣ:

ДРУГЪ ДѢТЕЙ.

Программа журнала: 1) Разсказы. Повѣсти, сказки, пьесы и стихотворенія. 2) Изъ прошлаго. Историческіе разсказы, воспоминанія, біографіи и т. п. 3) Кругомъ свѣта. Путешествія по морю и сушѣ и т. п. 4) Изъ природы. 5) Очерки изъ современной жизни, знакомящіе дѣтей съ выдающимися современными событіями русской и иностранной жизни. 6) Въ часы досуга. Шутки, шарады, загадки, игры, музыка, пѣніе. 7) Смѣсь.

Подписчики въ 1906 году получатъ:

24 книжки журнала, каждая въ объемѣ отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ, со множествомъ рисунковъ.

12 картинъ-снимковъ съ произведеній знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ (на альбомной бумагѣ).

12 портретовъ на альбомной бумагѣ „Замѣчательные дѣятели родины".

Для 1906 года въ портфелѣ редакціи имѣются новыя произведенія слѣдующихъ современныхъ беллетристовъ: **Вал. Іов. Дмитріевой, П. В. Засодимскаго, А. И. Куприна, Е. Н. Чирикова и др.**

Кромѣ того, подписчики „Друга Дѣтей" въ 1906 г. получатъ:

12 интересныхъ и полезныхъ въ семьѣ и школѣ премій-подарковъ: 1) Стѣнной отрывной календарь на 1906 г. съ разсказами, стихотвор. шарадами, загадками, шутками, забавами и полезными свѣдѣніями на каждый день. 2) Записная книжка, съ новыми справочными свѣдѣніями (по исторіи, математикѣ и т. д.), необходимыми для учащихся. 3) Домашній театръ, руководство къ постановкѣ домашнихъ спектаклей, устройству декорацій, сцены и т. д. 4) Юный декламаторъ, сборникъ для чтенія на литературныхъ вечерахъ и утрахъ. 5) Юный физикъ, простѣйшіе опыты. 6) Юный геологъ, руководство для геологическихъ экскурсій. 7) Фотографъ-любитель, руководство къ занятіямъ фотографіей. 8) Спутникъ самообразованія, бесѣды о выборѣ и чтеніи книгъ. 9) Спутникъ читателя, словарь наиболѣе употребительныхъ иностранныхъ словъ. 10) Другъ животныхъ, какъ ухаживать и воспитывать домашнихъ животныхъ и птицъ. 11) Между дѣломъ, сборникъ новыхъ забавъ, развлеченій, фокусовъ и т. д. 12) Панорама тропическаго лѣса для раскрашиванія, вырѣзыванія, склеиванія и разстановки.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ:

Ѳ. К. Арнольдъ, К. С. Баранцевичъ, Я. В. Боринъ, А. Л. Бострожъ, И. А. Бѣлоусовъ, Е. В. Выставкина, Ч. Вѣтринскій, В. І. Джитріева, Н. П. Дружининъ, Н. В. Желиховская, проф. И. И. Ивановъ, Д. Н. Крачковскій, А. И. Купринъ, Л. А. Лиданова, К. В. Лукашевичъ, Д. Н. Маминъ - Сибирякъ, С. П. Мельгуновъ, И. И. Митропольскій, В. И. Немировичъ-Данченко, проф. А. М. Никольскій, Н. М. Никольскій, Н. И. Позняковъ, С. Д. Протопоповъ, свящ. Г. С. Петровъ, Вл. А. Поповъ, А. В. Потожева, А. В. Скалонъ, Н. А. Скворцовъ, В. А. Смирновъ, Г. Т. Съверцовъ (Полиловъ), В. А. Тихоновъ, Н. В. Тулуповъ, П. В. Филоновъ (Дружбинъ), Н. Фольбаумъ, А. Н. Ульяновъ, Л. И. Уманецъ, Л. Б. Хавкина, А. Чеглокъ (А. А. Усовъ), Н. В. Чеховъ, Е. Н. Чириковъ, О. Н. Чюмина и мн. друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой и доставкой на годъ 5 р., съ пересылкой и доставкой на полгода 3 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля 1 р.

Объявленія принимаются съ платой 30 коп. за строку петита позади текста.

Адресъ редакціи: Москва, Пятницкая ул., д. т-ва Д. И. Сытина.

Издатель И. Д. Сытинъ. **Редакторъ Н. В. Тулуповъ.**

Digitized by Google

Контора журнала „Русская Мысль“

(Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

въ 1906 году.

Измѣняющіяся условія печатнаго слова въ Россіи откроютъ, конечно, въ ближайшемъ будущемъ возможность для нашей Украйны имѣть вполнѣ самостоятельные свои украинскіе органы въ формѣ еженедѣльныхъ газетъ, а также и ежемѣсячныхъ журналовъ. Все это давало бы редакціи нашего журнала право или прекратить свое существованіе, или измѣнить совершенно прежній характеръ; но мы, ведя изданіе 24 года, рѣшаемъ вступить и въ 25-й годъ издательства, сохраняя то же названіе журнала, тѣмъ болѣе, что въ такіе переходные моменты, какъ переживаемый теперь, находимъ вполнѣ цѣлесообразнымъ попытаться сдѣлать постепенный переходъ къ иной формѣ нашего изданія. Въ 1906 году „Кіевская Старина“ будетъ главнымъ образомъ посвящена научной разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей, этнографіей и литературой Украины, понимая всѣ эти области въ самомъ широкомъ значеніи и по возможности освѣщая каждую изъ нихъ съ точки зрѣнія современныхъ интересовъ нашей жизни. Дорожа вполнѣ нормальнымъ развитіемъ и правильной разработкой дорогой намъ украинской рѣчи, мы, при первой возможности, употребимъ всѣ силы на то, чтобы среди научныхъ статей въ нашемъ журналѣ нашли себѣ достойное мѣсто и работы, написанныя на украинскомъ языкѣ, не говоря уже о художественныхъ произведеніяхъ, которыя будутъ помѣщаться нами исключительно на этомъ языкѣ.

Чтобы доставить возможность читателямъ имѣть нашъ журналъ по болѣе доступной цѣнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не обременить редакцію большими матеріальными затратами, мы будемъ ежемѣсячно выпускать книжки въ 10 печатныхъ листовъ, дѣлая подписчикамъ скидку 30% съ подписной цѣны въ 10 рублей въ годъ, т.-е. за годовое изданіе съ пересылкой и доставкой—7 руб., безъ доставки—6 руб.

Редакція будетъ помѣщаться тамъ же: Кіевъ, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакторъ-издатель В. Науменко.

Digitized by Google

Годъ изданія XIV.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ТЮРЕМНЫЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ГЛАВНЫМЪ ТЮРЕМНЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ,

въ 1906 году.

Журналъ „Тюремный Вѣстникъ" выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книжками отъ 3 до 5 листовъ, и имѣетъ цѣлью: а) ознакомленіе тюремныхъ дѣятелей съ новѣйшими мѣропріятіями, какъ отечественными, такъ и иностранными, по тюремному дѣлу вообще, а также съ послѣдними данными, разработанными наукой тюрьмовѣдѣнія; б) обобщеніе практической дѣятельности тюремныхъ учрежденій, исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ и учрежденій тюремно-благотворительныхъ и попечительныхъ какъ о заключенныхъ, такъ и объ освобождаемыхъ изъ-подъ стражи; в) представленіе практическимъ тюремнымъ дѣятелямъ обмѣна мнѣній по вопросамъ, относящимся къ устройству тюремъ, организаціи арестантскаго труда, тюремныхъ чтеній и обученія, содержанія заключенныхъ, призрѣнія больныхъ и дряхлыхъ арестантовъ и ихъ дѣтей, организаціи патроната, воспитанія порочныхъ дѣтей и проч., и г) распространеніе свѣдѣній объ арестантскихъ работахъ и издѣліяхъ.

Въ журналѣ „Тюремный Вѣстникъ" принимали и принимаютъ участіе: А. П. Аксаковъ, Г. Ф. фонъ-Беттихеръ, К. А. Вальтеръ, М. И. Гундеггеръ, Л. И. Дашкевичъ, Д. А. Дриль, Э. Н. фонъ-Кубе, Н. Н. Лебедевъ, Н. Ф. Лучинскій, А. С. Лыкошинъ, Ф. Н. Малининъ, Н. Н. Малышевъ, сенаторъ И. В. Мѣщаниновъ, А. К. Моняковъ, М. А. Соколовскій, А. М. Стремоуховъ, Н. И. Фалѣевъ, К. Феннеръ, Г. К. фонъ-Шульцъ и мног. друг.

Подписная плата 5 руб. за годъ и **3** руб. за полгода съ доставкой и пересылкой. За границу—**7** руб. за годъ и **4** руб. за полгода. Отдѣльныя книжки продаются по **50** к. съ платою за пересылку по разстоянію. Перемѣна адреса **60** к.

Объявленія за строку—**35** к., за страницу—**10** р. и за полстраницы—**6** р.—за одинъ разъ. Объявленія на внѣшней задней сторонѣ обложки—**20** руб. за полную страницу и **12** руб. за полстраницы. Объявленія на весь годъ или на полгода, при условіи уплаты за все время впередъ, оплачиваются со скидкою по соглашенію. Отдѣльныя объявленія разсылаются на условіяхъ, опредѣляемыхъ соглашеніемъ съ редакторомъ.

Редакторъ **Д. Ф. Огневъ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (въ присутственные часы). Иногородніе подписчики благоволятъ съ подписными требованіями обращаться **непосредственно** въ редакцію журнала „Тюремный Вѣстникъ" (Спб., Греческій пр., 23).

Коммиссія по организаціи домашняго чтенія.

Москва, Б. Никитская, д. Рихтеръ, кв. 6.

Коммиссія выпустила въ свѣтъ „Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя". Цѣна **50** коп., съ пересылкой по почтѣ **68** коп., наложеннымъ платежомъ **85** коп.

Содержаніе „Сборника": Ч. I. Программа по всеобщей и русской исторіи. Ч. II. А) Программы по вопросамъ государственнаго строя: 1) Общее ученіе о правѣ; 2) исторія философіи права; 3) государственное право: а) общее государственное право; б) государственное право западныхъ державъ; 3) русское государственное право. Б) Отдѣльныя программы: 1) Общее ученіе о государствѣ; 2) государственныя формы; 3) правовое государство; 4) раздѣленіе властей; 5) судъ въ правовомъ государствѣ; 6) земское самоуправленіе; 7) политика Аристотеля; 8) средневѣковая исторія Англіи; 9) старый порядокъ и революція; 10) земскіе соборы; 11) планъ государственнаго преобразованія Сперанскаго.

Коммиссія выпустила въ свѣтъ 4-хгодичныя систематическія программы I, II, III и IV гг. и эпизодическія I и II серія.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

на 1906 годъ.

Тридцать шестой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, насколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—официальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго официальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ Русская Старина, имѣя цѣлью знакомить читателя съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ попрежнему помѣщать на своихъ страницахъ:

1. Историческія изслѣдованія.
2. Записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ.
3. Очерки и разсказы.
4. Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.
5. Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ.
6. Историческіе разсказы и преданія.
7. Документы, рѣшающіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ.
8. Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины.
9. Народную словесность.
10. Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ журналъ издается въ теченіе 35 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

Digitized by Google

1906 годъ. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ Годъ XVII.

„Вопросы Философіи и Психологіи".

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

Журналъ издается на прежнихъ основаніяхъ подъ редакціей Л. М. Лопатина.

№ 1 за 1906 г. будетъ посвященъ памяти кн. С. Н. Трубецкого. При книжкѣ будетъ приложено нѣсколько портретовъ покойнаго.

Вышла IV книга № 79 (сентябрь—октябрь) 1905 года.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ: Памяти князя С. Н. Трубецкого. Л. М. Лопатина.—Изъ письма Владиміра Сергѣевича Соловьева къ графу Льву Николаевичу Толстому.—Обоснованіе мистическаго эмпиризма. Н. Лосскаго (окончаніе).—Чеховъ, какъ реалистъ-новаторъ (опытъ научно-психологической критики). Н. Шапиръ.—Философія „Московской философско-математической школы" и ея отношеніе къ интеллектуализму философовъ XVIII вѣка и экономическому матеріализму К. Маркса. Е. А. Гоніуса.—Критика и библіографія.—Психологическое общество.

Журналъ выходитъ ПЯТЬ разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15-ти печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1906 г. по 1 января 1907 г.) безъ доставки 6 руб., съ доставкой въ Москвѣ — 6 руб. 50 коп., съ пересылкой въ другіе города—7 руб., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкою въ 2 руб.

ПОДПИСКА на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Б. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5, и книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", Карбасникова, Вольфа, Оглоблина, Башмакова и др.

Редакторъ Л. М. Лопатинъ.

Журналъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова,

издаваемый правленіемъ Общества,

въ 1906 году (XII-й годъ изданія) будетъ выходить книжками—отъ 5-ти до 8-ми листовъ каждая—восемь разъ въ годъ, а именно въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

Въ „Журналѣ", согласно программѣ его, помѣщаются, кромѣ протоколовъ засѣданій исполнительныхъ органовъ Общества и съѣздовъ и состоящихъ при Обществѣ коммиссій, статьи и замѣтки по всѣмъ медицинскимъ вопросамъ—научнымъ, общественно-санитарнымъ и врачебно-бытовымъ.

„Хронику" предполагается дополнить включеніемъ въ нее библіографическихъ замѣтокъ (съ характеромъ рецензій) о вновь выходящихъ работахъ преимущественно по вопросамъ общественной медицины, гигіены и санитаріи.

Болѣе объемистые „Труды" коммиссій и совѣщаній, „Обзоры", „Своды" и проч., по примѣру прежнихъ лѣтъ, составятъ приложенія къ „Журналу".

Члены Общества и, въ качествѣ таковыхъ, члены X съѣзда получаютъ „Журналъ" съ приложеніями безплатно.

За перемѣну адреса просятъ высылать 20 к. почтовыми марками.

Подписная цѣна на „Журналъ" вмѣстѣ съ приложеніями (для не-членовъ общества) пять рублей.

Гонораръ за оригинальныя статьи 30 р. съ печатнаго листа. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Авторы имѣютъ право на 25 оттисковъ.

Объявленія принимаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1 стр. 20 р., за $^1/_2$ стр. и менѣе 10 руб. за одинъ разъ.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатъ, Денежный пер., д. № 28 (Киселевой), кв. № 5.

Digitized by Google

Отъ бюро Всероссійск. Союза учителей и дѣятелей по народн. образов.

Центральное Бюро обращается ко всѣмъ учителямъ и другимъ дѣятелямъ въ области народнаго просвѣщенія съ предложеніемъ вступить въ ряды Союза.

Переживаемый моментъ открываетъ передъ учителями широкое поле для общественной и профессіональной работы. На насъ ложится большая, чѣмъ когда-либо, отвѣтственность, какъ на гражданъ, обязанныхъ приложить всѣ усилія, чтобы добиться проведенія въ жизнь началъ свободы и народовластія, и какъ на учителей: только при участіи сплоченнаго и организованнаго учительства возможно созданіе въ странѣ свободной демократической школы.

Нашъ союзъ, и теперь уже широко распространенный, долженъ охватить въ ближайшемъ будущемъ все сознательное, прогрессивное учительство. Бюро рекомендуетъ использовать въ этихъ цѣляхъ свободу собраній и союзовъ, установленную актомъ 17 окт.

Второй всероссійскій съѣздъ делегатовъ отъ всѣхъ группъ и отдѣленій Союза будетъ на Рождествѣ. Очень важно, чтобы къ этому времени союзъ объединилъ учителей во всѣхъ уѣздахъ и городахъ Россіи. Ноябрь долженъ быть посвященъ организаціи новыхъ группъ и расширенію уже существующихъ.

Бюро проситъ всѣ новыя группы, желающія принять участіе въ съѣздѣ, прислать къ 1 дек. свѣдѣнія о своемъ составѣ. На каждыя 25 лицъ долженъ быть выбранъ 1 делегатъ.

Правила для вступленія въ Союзъ.

1) Каждый членъ союза долженъ принимать уставъ Союза. 2) Членами Союза могутъ быть бывшіе и настоящіе учителя и учительницы какъ низшихъ, такъ и среднихъ школъ и дѣятели по народному образованію (завѣдующіе народнымъ образованіемъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, работники по внѣшкольному образованію, лекторы и т. п.). 3) Новыя группы и отдѣленія принимаются въ Союзъ или мѣстными его отдѣленіями или центральнымъ бюро. Отдѣльныя лица принимаются мѣстными группами. 4) Центральное бюро рекомендуетъ сельскимъ учителямъ и учителямъ небольшихъ городовъ образовывать обще-уѣздныя отдѣленія, а учителямъ низшихъ и среднихъ школъ въ крупныхъ городахъ—обще-городскія отдѣленія. 5) Каждая новая группа посылаетъ въ центральное бюро (Петербургъ, Чернышевъ пер., д. 16, кв. 34): а) Списокъ своихъ членовъ съ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи каждаго, а также типа школы, въ которой онъ работаетъ и мѣста нахожденія ея (уѣздъ, волость, село) или рода просвѣтительной его дѣятельности. б) Адресъ для сношеній бюро съ группой. в) Членскіе взносы (не менѣе одного рубля ежегодно съ каждаго члена).

LA REVUE

(ancienne „REVUE DES REVUES“)

la plus répandue et la plus importante parmi les grandes revues françaises et étrangères, nouvelle série agrandie sur papier de luxe, articles rigoureusement inédits de premier ordre, collaborateurs les plus illustres, analyse des revues les plus importantes du monde entier, etc., etc., paraît *le 1er et le 15 de chaque mois.*

PRIMES GRATUITES

Les nouveaux Abonnés pour 1906 *qui nous enverront le montant de leur Abonnement* avant la fin de cette année, *recevront* gratuitement, *outre les 4 numéros de novembre et décembre 1905, une des trois primes suivantes à leur choix*: a) *Le Japon*, du célèbre peintre F. Regamey, le plus joli ouvrage qui ait paru sur le Japon. Avec illustrations de toute beauté, faites sur place. (Son prix est de 20 francs.). Ou: b) 3 gravures (chefs-d'œuvre du Musée du Louvre) à choisir dans un catalogue contenant environ 150 œuvres magistrales de tous les temps et de tous les pays, d'une *valeur réelle de 20 francs.* Ou: c) *Le beau pays de France*: Ouvrage luxueusement édité, avec le texte de L. Claretie, A. Silvestre, Céard, Périer, de l'Institut, etc., etc., et de nombreuses illustrations et aquarelles en couleur des artistes parisiens les plus réputés. L'ouvrage contient en outre 20 gravures hors texte avec une couverture en couleur et peut être mis entre toutes les mains. (Son prix est de 20 francs).

ABONNEMENT à „LA REVUE“

Un an . . . . . 11 roubles (28 francs)
Six mois . . . . . 6 „ (16 „)

Frais de poste compris.

Les Bureaux de Poste du monde entier reçoivent les abonnements à *LA REVUE.*

Numéro spécimen sur demande.

Paris, 6, Avenue de l'Opéra.

Directeur **Jean Finot.**

Digitized by Google

XII годъ. Въ 1906 году XII годъ.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ.

Подписной годъ начинается съ января 1906 года.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю. 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго. 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній гражд. и Уголовн. Касс. д—товъ и общаго собранія правительствующаго сената. 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной. 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ. 6) Письма изъ Англіи и Парижа.

Въ „Журналѣ“ за 1894—1905 годъ были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. М. Гуляева, П. Н. Гуссаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовского, М. А. Дьяконова, К. П. Змирлова, В. В. Ивановскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, В. Н. Латкина, Ѳ. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, Д. А. Носенко, П. Н. Обнинскаго, А. А. Піонтковскаго, І. А. Покровскаго, А. К. фонъ-Резона, Н. М. Рейнке, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, В. Д. Спасовича, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвингмана, Г. Ф. Шершеневича, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго юридическаго лицея, воспитанники Императорскихъ: училища правовѣдѣнія и Александровскаго лицея и слушатели военно-юридической академіи платятъ, при подпискѣ въ главной конторѣ—по 5 руб. въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки объявленій уступкою 10%.

Главная контора: книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ главной конторѣ съ платою по разсчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи министерства юстиціи.

Редакторъ В. Ѳ. Дерюжинскій.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на ежемѣсячный общественный, литературный, политическій и историческій журналъ

ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

(Четвертый годъ изданія).

Въ наступающемъ году журналъ будетъ выходить по расширенной программѣ со включеніемъ въ нее обзора текущей политической жизни и другихъ вопросовъ, которыхъ мы не могли касаться исключительно благодаря предварительной цензурѣ.

Въ 1906 году „Всемірный Вѣстникъ“ поставитъ задачей ознакомить читателей съ такъ называемой **„нелегальной литературой“**. На страницахъ журнала будетъ помѣщено: 1) Собраніе сочиненій, изданныхъ за границей, графа Льва Николаевича Толстого. 2) Библіотека писателей декабристовъ (въ приложеніи). Записки декабриста князя Сергѣя Петровича Трубецкого. 3) М. А. Бакунинъ, А. И. Герценъ и Н. П. Огаревъ и ихъ отношенія, съ біографіей Бакунина. 4) Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1833 гг.). 5) Русская политическая тюрьма: Петропавловская крѣпость, д. Кенана. 6) Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія конца прошлаго столѣтія. 7) Изъ недавняго прошлаго. Очерки и воспоминанія бывшаго товарища прокурора. 8) Пѣсни русскихъ масоновъ. Подъ редак. и съ примѣч. члена С.-Петерб. археологическаго общества Т. О. Соколовской. 9) Шесть лѣтъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Воспоминанія 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. 10) Главнѣйшія статьи изъ журнала *Полярная Звѣзда*, издававшагося въ Лондонѣ А. И. Герценомъ. 11) Государство солнца. Политическій романъ-утопія Компанелла (будетъ помѣщенъ въ приложеніяхъ). 12) Женщина и соціализмъ (женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго). Августа Бебеля (переводъ этотъ запрещенъ цензурой). 13) Общественное движеніе въ царствованіе императора Александра II. 14) Самодержавіе и печать (положеніе русской печати въ періодъ „усмотрѣнія“). 15) Хранящееся въ архивѣ департамента полиціи дѣло III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи о графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, 1862 г. 16) О половомъ вопросѣ, мысли гр. Льва Николаевича Толстого, собранныя Владиміромъ Чертковымъ. 17) Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву, А. Радищева. 18) Гражданская война во Франціи (1870—1871 гг.). Карла Маркса. 19) Сибирь и ссылка, Кенана. 20) Хранящееся въ архивѣ департамента полиціи дѣло III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи объ Александрѣ Ивановичѣ Герценѣ.

Подписка на 1906 годъ принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна въ годъ **6** руб., съ доставк. и перес.; на $^1/_2$ года **4** руб., отдѣльный нумеръ **1** руб., допускается разсрочка по **1** руб. въ мѣсяцъ.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Екатерининскій каналъ, д. № 17.

Редакторъ-издатель С. С. Сухонинъ.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ 2 ИЗДАНІЕМЪ

СБОРНИКЪ

НА СЛАВНОМЪ ПОСТУ.

Сборникъ этотъ былъ составленъ и изданъ въ ознаменованіе сорокалѣтія литературной дѣятельности покойнаго Н. К. Михайловскаго.

Цѣна 3 руб.

Digitized by Google

Открыта подписка на 1906 годъ

на журналъ

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

XVII годъ изданія.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ воззрѣній на воспитаніе и образованіе.

Кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства:

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Виппперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, женщина-врачъ Е. С. Дрентельнъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. А. А. Ивановскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, проф. М. М. Ковалевскій, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, прив.-доц. Т. В. Локоть, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, В. М. Михеевъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, проф. А. П. Павловъ, В. В. Петровъ, прив.-доц. Н. А. Рожковъ, Г. Роковъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, Д. Сатуринъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, А. А. Стаховичъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолусскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе др.

Журналъ допущенъ ученымъ комитетомъ мин. нар. просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р.; въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Digitized by Google

Сенкевичъ, Генр. Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобр. для безплатныхъ народн. библіотекъ и читаленъ.

Его же. Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

Его же. На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ В. М. Лаврова. Первая серія въ шести томахъ (около 180 печатныхъ листовъ). По подпискѣ 5 р. Отдѣльно:

I томъ. Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій ром. изъ временъ Нерона. Ц. 1 р.

II томъ. Безъ догмата. Романъ. Ц. 1 р.

III томъ. Огнемъ и мечомъ. Ц. 1 р.

IV и V томъ. Потопъ. Ц. 1 р. 75 к.

VI томъ. Панъ Володіевскій. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (Изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Изданія РУССКОЙ МЫСЛИ:

I. **Олстонъ:** Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Переводъ съ англійскаго проф. К. А. Тимирязева. Ц. 30 к. Изданіе второе.

II. **Планъ государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго.** Ц. 1 р.

III. **Эдуардъ Лабулэ:** Политическія идеи Бенжамена Констана. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей В. А. Гольцева. Ц. 40 к.

Вышло новое изданіе редакціи „Русской Мысли“

РАЗВИТІЕ АНГЛІЙСКОЙ КОНСТИТУЦІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Эдуарда Фримена. Перев. съ англійскаго **С. Г. Займовскаго.**

Цѣна 50 к.

При этой книгѣ для всѣхъ подписчиковъ прилагаются: каталогъ книгоиздательства Брокгаузъ-Ефронъ; объявленія о подпискѣ на журналъ „Вопросы Философіи и Психологіи, на журналъ „Нива“ и на „Иллюстрированную Библіотеку Нивы“ 1906 г.—Всеобщую Исторію проф. О. Іегеръ.

Digitized by Google

Открыта подписка на 1906 г.

(ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ **50** коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается **30** коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается **55** коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе **10** числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи неотвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Всѣ изданія редакціи „Русской Мысли“ находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ типографіяхъ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ, коему переданъ главный складъ изданій журнала *Русская Мысль*, и въ магазинѣ **т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°** на Никольской ул., въ д. Чижовыхъ.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ П. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Редакторъ В. М. ЛАВРОВЪ.

Редакторъ-Издатель В. А. ГОЛЬЦЕВЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library

or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling (510) 642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing books to NRLF
- Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

OCT [illegible] 2005

Digitized by Google

C00847936?

Digitized by Google

Digitized by Google